

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

ПРОЕКТЪ ОБЩАГО УСТАВА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ

РОССІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1862.

Печатано по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

ПРОЕКТЪ ОБЩАГО УСТАВА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ РОССІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

I.

Ординарнаго профессора университета Св. Владиміра Вальтера.

Къ составленію этой записки побудили меня слѣдующія причины: 1) дозволеніе начальства выражать мнѣнія о новомъ уставѣ совершенно свободно; 2) желаніе высказать мое мнѣніе только объ абсолютномъ достоинствѣ новаго устава, сравнительно съ уставами университетовъ образованнѣйшихъ народовъ и съ примѣненіемъ къ особенностямъ нашего отечества; стало быть при составленіи этой записки я не берусь рѣшить: возможно ли было, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, написать лучшій уставъ?; 3) меня руководила мысль примѣнить новый уставъ къ потребностямъ медицинскаго факультета и Русской медицинѣ и изслѣдовать вопросъ: можно ли надѣяться, что при новомъ уставѣ возвысится уровень преподаванія медицины въ Россіи? Главные недостатки проекта, по моему мнѣнію, суть слѣдующіе:

1) Намъ представлена только одна часть проекта, именно проекты законоположеній, но безъ штатовъ содержанія лицъ и ученыхъ пособій. Но эти два отдѣла будущаго устава такъ тѣсно между собою связаны, что судить объ одномъ, не зная другаго, рѣшительно невозможно. Смотря по содержанію профессоровъ и ученымъ пособіямъ, уровень свѣдѣній, просвѣщенія и стремленій

совѣта университа и факультетовъ будетъ совершенно различный, что должно условливать различіе въ правахъ и кругѣ дѣйствія, которыя могутъ быть ввѣряемы совѣту и факультетамъ. Чѣмъ выше будетъ этотъ уровень, тѣмъ болѣе автономіи слѣдуетъ университету предоставить. Въ уставѣ эта автономія коегдѣ какъ будто увеличена (отношеніе къ попечителю см. ниже), въ другихъ уменьшена (требованіе $^2/_3$ голосовъ при оставленіи на службѣ профессоровъ). Вообще говоря, потребности нынѣшнихъ университетовъ перенесены на университеты, которые имѣютъ быть лучше и выше нынѣшнихъ. Такимъ образомъ весь уставъ основанъ на неизвѣстныхъ и неисчислимыхъ величинахъ. Университеты вездѣ въ свѣтѣ, по меньшей мѣрѣ, наполнены такими профессорами-мучениками, которые безъ науки жить не могутъ, хотя бы они при этомъ терпѣли бѣдность и нужду; по большей части это бываютъ способные специалисты, привлекаемые хорошимъ содержаніемъ.

Россіи, безъ сомнѣнія, нужны таковые, хотя бы для разработки тѣхъ тысячей научныхъ вопросовъ, которые относятся только къ ней и которые иностранными учеными для насъ не будутъ разрѣшены. Въ Кіевѣ содержаніе такихъ профессоровъ должно доходить, хотя постепенно, до 3500—4000 р. сер. и бо́льшая часть такого содержанія должна перейти въ пансіонъ, если по прежнему сроки профессорской службы должны быть искусственно опредѣленные. Доценты только въ такомъ случаѣ рѣшатся пройти чрезъ всѣ невыгоды малаго содержанія, повторенныхъ баллотированій и проч., если они могутъ надѣяться найти современемъ также профессорское содержаніе, которое вознаградитъ ихъ за всѣ убытки и долги, вынесенные изъ состоянія доцентовъ. Обо всемъ этомъ въ уставѣ ничего не говорится и поэтому легко можетъ быть, что доцентовъ по прежнему не будетъ, тѣмъ болѣе, что за ними особаго преимущества для полученія вакантныхъ каѳедръ не обезпечено, а все зависитъ отъ случая и произвола.

2) Не опредѣлено отношеніе университета къ попечителю округа: ибо хотя сказано, что университету предоставляется распоряженіе по части наукъ, но попечителю дано право употреблять всѣ средства для приведенія университета въ цвѣтущее состояніе и онъ наблюдаетъ за исправными дѣйствіями лицъ и мѣстъ. Этимъ попечителю дается власть хотя не надъ всѣми опредѣленіями совѣта, но надъ всѣми лицами, его составляющими, а эту власть онъ очень легко, по прежнему, можетъ употреблять для парализированія уче-

ной самостоятельности университета. Сверхъ того, при неизбѣжной отчасти смѣнѣ попечителей, университетъ не можетъ развиваться въ извѣстномъ направленіи, утвердить законность и правильность своего движенія, примѣняться къ мѣстности и къ обществу.

3) Недостаточность содержанія принуждаетъ теперь всѣхъ преподавателей искать средствъ къ жизни внѣ ихъ ученой и учебной дѣятельности — къ великому вреду образованія и науки. Но сверхъ того малое количество времени, которое мы можемъ удѣлять наукѣ, уменьшается еще безчисленнымъ множествомъ засѣданій, комитетовъ и другихъ не ученыхъ занятій, какъ напр. нескончаемыхъ экзаменовъ на медицинскомъ факультетѣ. Для облегченія этихъ тяжестей новый уставъ не предлагаетъ никакихъ мѣръ. Между тѣмъ медицинскій факультетъ предложилъ уже прежде, по примѣру другихъ Европейскихъ государствъ, завести плату экзаменаторамъ за испытанія, со стороны испытывающихся. Эту мѣру совѣтъ университета призналъ полезною для медицинскаго факультета, ибо она увеличила бы содержаніе профессоровъ и уменьшила бы число кандидатовъ, являющихся на экзаменъ безъ надлежащаго приготовленія и отнимающихъ у профессоровъ время совершенно напрасно. Проектъ такой платы два раза былъ представленъ на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія. Еслибъ онъ былъ осуществленъ, то возможно было бы составить особыя испытательныя коммиссіи изъ членовъ факультета и доцентовъ, вслѣдствіе чего экзамены не тяготѣли бы каждый годъ надъ всѣми членами факультета. Сверхъ того, я считаю возможнымъ сократить число засѣданій совѣта и проч.

Всѣ мѣры, предлагаемыя проектомъ устава (*) для побужденія профессоровъ и доцентовъ къ дѣятельности, суть мѣры карательныя, а карательная власть лежитъ въ самомъ университетѣ. Сюда принадлежатъ безпрерывныя баллотированія, исключеніе изъ университета (небывалымъ) остракизмомъ $^2/_3$ голосовъ при новомъ избраніи послѣ 25 лѣтъ и проч. Но опытъ всѣхъ странъ и опытъ нашихъ же университетовъ долженъ былъ убѣдить авторовъ проекта, что намъ нужны не карательныя, а подстрекательныя мѣры. Лучшее средство для этого есть гонораръ отдѣльнымъ профессорамъ и доцентамъ, т. е. отмѣна гуртовой платы студентами за лекціи, и установленіе платы за каждую лекцію и семестръ на подобіе Германскихъ университетовъ. Нынѣшняя система платы за право

(*) Совершенно неопредѣленныя при неизвѣстности штатовъ.

слушанія есть: 1) противорѣчіе основнымъ экономическимъ законамъ; 2) относительно мало полезная трата денегъ; 3) препятствіе къ эманципаціи науки отъ лицъ. Это явствуетъ изъ слѣдующаго разсужденія. Новый уставъ обращаетъ преподаваніе въ покупаемый товаръ, но плата за него не предоставляется тому, кто его дѣлаетъ. Бѣднымъ людямъ онъ дается совершенно даромъ. Какое въ этомъ ручательство за годность товара? Не значитъ ли это заставлять студентовъ покупать свое ученіе за установленную цѣну и тамъ, гдѣ они его, можетъ быть, покупать не желаютъ, и съ исключеніемъ конкуренціи, ибо доценты по проекту устава будутъ неопасные конкуренты.

Недавно въ университетѣ св. Владиміра засѣдала коммиссія, которая привела въ извѣстность, что въ продолженіе 5 лѣтъ университетъ израсходовалъ свыше 120,000 руб. на предметы гораздо менѣе нужные, нежели увеличеніе содержанія профессоровъ и доцентовъ пропорціонально къ ихъ трудамъ и талантамъ. Сумма, собираемая за ученіе, не собиралась съ нужною строгостью, расходовалась безъ бюджета, въ добавокъ 4-мя распорядителями. Эти неудобства не устранены проектомъ новаго устава. Если же полагаютъ, что науки и преподаваніе слишкомъ высоки для того, чтобы быть продаваемы, то 1) они у насъ все-таки продаются; 2) они, по роду продажи, должны быть также неудовлетворительны, какъ всякая постоянно даруемая вещь. По этому мѣра о недопущеніи индивидуальныхъ гонораровъ есть мѣра въ высшей степени не гуманная, ибо она понижаетъ, а не возвышаетъ уровень науки въ университетахъ. Еслибы эта истина была сознана всѣми, то не существовала бы пустая журнальная полемика противъ введенія гонораровъ. Главная же польза гонораровъ состоитъ въ томъ, что послѣдніе дадутъ осязательную мѣру для оцѣнки преподавательскихъ достоинствъ профессоровъ, доцентовъ и проч., въ особенности если будутъ устроены экзаменаціонныя коммиссіи и эманципируютъ науку отъ лицъ. Сужденія о доцентахъ безъ гонораровъ будутъ часто невѣрны, равно какъ сужденія о профессорахъ по истеченіи 25 лѣтъ. Тотъ преподаватель, который будетъ имѣть большее число платящихъ слушателей, безъ сомнѣнія, не дуренъ и стоитъ новаго выбора. Съ другой стороны, профессоръ можетъ слабѣть и раньше 25 лѣтъ, и тогда при гонорарахъ найдется доцентъ, который сдѣлаетъ его дѣло и возьметъ на себя науку и преподаваніе, что безъ гонораровъ трудно исполнимо, не лишая профессора плодовъ прежней трудовой и исполненной заслугъ жизни. Только при

гонорарахъ можно безъ насильственныхъ мѣръ примирять права прежнихъ ученыхъ заслугъ съ потребностями науки въ данный моментъ. Только при гонорарахъ университетъ можетъ знать дѣйствительныя потребности учащейся молодежи; съ уничтоженіемъ же ихъ университетъ отказывается отъ единственнаго и чувствительнѣйшаго барометра своего собственнаго внутренняго состоянія, который тѣмъ безвреднѣе, что при гонорарахъ бѣдные и прилежные люди все-таки могутъ получать даровое образованіе. Для успѣшнѣйшаго дѣйствія гонораровъ, однако, лучше всего отмѣнить производство экзаменовъ на низшія ученыя степени цѣлымъ факультетомъ, съ предоставленіемъ ихъ особымъ коммиссіямъ, составленнымъ изъ профессоровъ и доцентовъ на каждый годъ особо. Но и безъ этихъ коммиссій, при нынѣшнемъ порядкѣ экзаменовъ, система гонораровъ будетъ несравненно лучше системы общей платы.

Всѣ исчисленныя обстоятельства должны особенно невыгодно отзываться на медицинскомъ факультетѣ и чрезъ это на всей Русской медицинѣ.

1) При маломъ содержаніи профессоровъ, доцентовъ и проч., при легкости полученія и выгодности медицинской практики, часто домагаются медицинскихъ каѳедръ не люди, желающіе посвятить себя наукѣ, но такіе, которые желаютъ пользоваться профессурою для пріобрѣтенія практики и богатствъ, при полномъ пренебреженіи наукою и каѳедрою.

2) Тѣ, которые сначала преданы своему дѣлу, впослѣдствіи, волею не волею, увлекаются тоже промышлеными стремленіями, такъ что въ медицинскихъ факультетахъ рѣдко встрѣчаются лица, занимающіяся наукою для науки; отъ этого страдаетъ и клиническое преподаваніе и еще болѣе основное, научное, которое у насъ почти не существуетъ.

3) Всѣ учебныя пособія, клиники, музеи, лабораторіи бѣдны, и если штатныя суммы ихъ не расходуются, то это происходитъ только отъ того, что завѣдывающимъ некогда заниматься своимъ дѣломъ.

4) Преподаваніе медицинскихъ наукъ должно быть демонстративное, и по этому требуетъ большаго числа преподавателей, не только по числу наукъ, но и по числу студентовъ, такъ какъ демонстрацію возможно производить только предъ ограниченнымъ числомъ слушателей.

Легко понять, что по всему этому современное преподаванiе медицины у насъ невозможно. Мы не только не можемъ двигать этихъ наукъ, но и за успѣхами ихъ не можемъ слѣдить, и уровень нашей медицины чрезъ все это понизился до печальной степени. Наука не можетъ быть дѣломъ случайныхъ занятiй уставшаго на практикѣ и изнуреннаго испытанiями и засѣданiями практическаго врача.

Очевидно, что удовлетворенiе всѣмъ исчисленнымъ желанiямъ потребовало бы значительныхъ и едва исполнимыхъ издержекъ. Но заведенiе гонораровъ могло бы многое поправить, тѣмъ болѣе, что желательно привлечь въ медицинскiе факультеты студентовъ съ нѣкоторыми средствами, при которыхъ демонстративныя, практическiя науки всегда лучше и легче изучаются. Гонорары, вмѣстѣ съ увеличеннымъ содержанiемъ, могли бы истиннымъ служителямъ науки дать возможность отказаться отъ всѣхъ постороннихъ занятiй и практики или дали бы правительству право къ подобнымъ законоположенiямъ. Сверхъ того, возможно было бы имѣть надлежащее количество приватъ-доцентовъ и конкурентовъ въ дѣлѣ преподаванiя.

О всѣхъ этихъ потребностяхъ и средствахъ къ ихъ удовлетворенiю новый уставъ ничего не содержитъ, въ немъ и не тронутъ вопросъ объ ученыхъ пособiяхъ; объ отношенiяхъ же факультетовъ къ такимъ ученымъ пособiямъ, которыя могли бы доставаться совершенно даромъ, и помину нѣтъ. Я разумѣю судебно-медицинскiй, медико-полицейскiй, статистико-гигiеническiй, госпитальный матерiалъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ медицинскiе факультеты. Эти учрежденiя должны быть вполнѣ доступны факультету, мало того, должны быть до извѣстной степени въ его распоряженiи; врачи госпиталей, полицiи и прочiе не должны быть опредѣляемы безъ согласiя факультета и проч. и проч.

По всему этому, я не думаю, чтобы новый уставъ обезпечилъ какой-нибудь рѣшительный успѣхъ медицинскаго преподаванiя въ Россiи.

По моему мнѣнiю, было бы полезно поручить небольшой коммиссiи, составленной изъ медицинскихъ профессоровъ разныхъ университетовъ и изъ врачей министерства внутреннихъ дѣлъ и военнаго (съ перевѣсомъ числа профессоровъ), приготовленiе прибавочнаго къ уставу Русскихъ университетовъ положенiя о медицинскихъ факультетахъ.

II.

Совѣта лицея князя Безбородко.

1. Совѣтъ лицея князя Безбородко вполнѣ раздѣляетъ взглядъ коммиссіи, занимавшейся составленіемъ «Проекта общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ», относительно удержанія за университетами той цѣли и назначенія, которыя они имѣли у насъ по настоящее время, то есть, что университеты должны быть высшими учебными учрежденіями для образованія молодыхъ людей, уже пріобрѣтшихъ и доказавшихъ свои познанія, необходимыя для пониманія и отчетливаго усвоенія университетскаго преподаванія и наставленія въ самостоятельномъ пріобрѣтеніи высшихъ ученыхъ познаній и истинъ. Совѣтъ лицея согласенъ также съ мнѣніемъ коммиссіи, что полному достиженію означенныхъ выше цѣли и значенія препятствовали нашимъ университетамъ, съ одной стороны, недостатокъ самодѣятельности ученаго университетскаго сословія, стѣсняемаго отчасти безполезною формалистикою административныхъ правилъ, программъ и инструкцій и вытекающими отсюда безжизненностію ученой дѣятельности и недостаткомъ нравственнаго вліянія преподавателей на студентовъ; съ другой стороны, преуспѣянію нашихъ университетовъ еще болѣе препятствуетъ существующій между большинствомъ нашихъ студентовъ недостатокъ серьёзнаго научнаго направленія вообще и въ частности недостатокъ стремленія внимательно слѣдить за лекціями преподавателей и собственною умственною самодѣятельностію пріобрѣтать систематическія, точныя и полныя свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ въ одной какой-либо отрасли факультетскихъ наукъ. Въ проектѣ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ развиты довольно полно тѣ начала, которыя, устраняя означенные выше двоякаго рода недостатки, могутъ споспѣшествовать, съ одной стороны, усиленію самодѣятельности ученаго университетскаго сословія и вліянія его на студентовъ, съ другой стороны—образованію въ университетахъ состава студентовъ съ серьёзнымъ научнымъ направленіемъ.

2. Возбужденіе въ нашихъ Русскихъ студентахъ умственной самостоятельной дѣятельности и образованіе чрезъ то въ нашихъ университетахъ состава учащихся съ серьёзнымъ научнымъ направленіемъ, по мнѣнію совѣта лицея, есть дѣло величайшей важности и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло, такъ сказать, первой необходимо-

сти: ибо чрезъ это только могутъ быть устранены на будущее время всѣ существенныя недостатки нашего университетскаго образованія, именно: 1) недостатокъ въ способныхъ университетскихъ и даже гимназическихъ преподавателяхъ, 2) недостатокъ въ ученыхъ спеціалистахъ, какъ-то: законовѣдахъ, медикахъ, фармацевтахъ, ветеринарахъ, астрономахъ, механикахъ, физикахъ, химикахъ, естествоиспытателяхъ и т. п. Кромѣ того 3) сами собою устранятся многіе безпорядки, возникающіе между студентами большею частію вслѣдствіе стеченія въ университеты огромнаго числа молодыхъ людей не съ цѣлію получить здѣсь высшее серьёзное научное образованіе, а въ надеждѣ пріобрѣсть какимъ бы то ни было образомъ только права университетскихъ студентовъ, или же, по крайней мѣрѣ, убить нѣсколько лѣтъ своей жизни праздно въ кругу веселыхъ товарищей и сказать потомъ: «и я получилъ университетское образованіе». Но по природѣ человѣческой люди вообще, тѣмъ болѣе молодые люди, не могутъ оставаться въ бездѣйствіи, а при недостаткѣ полезнаго серьёзнаго дѣла (къ которому многіе и не подготовлены и неспособны), начинаютъ дѣлать безпорядки и, не имѣя въ виду опредѣленнаго будущаго и средствъ къ обезпеченію жизни, или присоединяются къ существующимъ партіямъ недовольныхъ законнымъ порядкомъ, или же изъ самихъ себя составляютъ такія партіи, и тикимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ стремятся къ нарушенію и уничтоженію законнаго порядка. Для образованія въ университетахъ состава учащихся съ серьёзнымъ научнымъ направленіемъ приняты въ «проектѣ» слѣдующія начала: 1) принятіе въ студенты не моложе 17-лѣтняго возраста; 2) требованіе отъ поступающаго въ студенты аттестата или свидѣтельства, удостовѣряющаго объ удовлетворительномъ усвоеніи имъ наукъ гимназическаго курса; 3) написаніе въ университетѣ одного или нѣсколькихъ сочиненій по предметамъ гимназическаго курса прежде принятія въ студенты (ст. 99); 4) допущеніе льготъ во взносѣ платы за ученіе или и совершенное освобожденіе отъ оной для тѣхъ студентовъ, которые не только по бѣдности, но и по занятіямъ своимъ признаны будутъ сего достойными, а потому и могутъ имѣть хорошее вліяніе на своихъ товарищей (ст. 108). Совѣтъ лицея, признавая исчисленныя начала соотвѣтствующими своей цѣли, считаетъ однакожь необходимымъ усилить ихъ, присовокупивъ къ нимъ еще одно начало, хотя дѣйствующее и внѣ университетской сферы, но могущее сообщить студентамъ болѣе дѣйствительный толчекъ къ серьёзнымъ заня-

тіямъ наукою въ университетѣ. Это—установленіе, независимо отъ университетскихъ испытаній на званіе дѣйствительнаго студента, особенныхъ специальныхъ испытаній на занятіе той или другой должности по всѣмъ родамъ государственной службы въ тѣхъ познаніяхъ, которыя необходимы для успѣшнаго отправленія той должности. Испытанія эти должны имѣть болѣе практическій характеръ и должны быть специальны для занятія каждой, отличающейся отъ другихъ должности. Напримѣръ для преподавателя испытаніе должно состоять въ составленіи подробной программы предмета и въ прочтеніи нѣсколькихъ пробныхъ лекцій; для занятія должности судьи или адвоката—въ составленіи подробной программы судебнаго процеса по дѣйствующему законодательству и въ производствѣ и разрѣшеніи нѣсколькихъ судебныхъ дѣлъ, хотя бы и рѣшенныхъ уже прежде, съ сокрытіемъ отъ испытуемаго прежнихъ рѣшеній ихъ; для каждаго другаго лица, ищущаго оной должности—въ устномъ или письменномъ изложеніи порядка отправленія этой должности, правъ и обязанностей ея и въ практическомъ примѣненіи ихъ къ дѣйствительному отправленію сей должности. Испытанія эти могутъ быть производимы или въ самыхъ учрежденіяхъ, къ которымъ принадлежитъ искомая должность, или особо назначаемыми для сего коммиссіями. При дѣйствіи этого начала (специальныхъ испытаній), а) поступать будутъ въ университетъ только молодые люди, желающіе серьёзно заняться наукою; для нежелающихъ же заниматься не будетъ никакой цѣли поступать въ университетъ; b) каждый студентъ, находясь еще въ университетѣ и имѣя это начало въ виду, будетъ стараться пріобрѣсть точныя, основательныя и полныя свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ въ одной отрасли факультетскихъ наукъ, къ которой онъ болѣе склоненъ, съ цѣлію воспользоваться этими свѣдѣніями на поприщѣ жизни или службы.

3. Постановленіе 75 статьи «проекта,» по которому званія доцента и приватъ-доцента даются на три года, по истеченіи которыхъ лица, носящія эти званія, оставляются на службѣ не иначе, какъ по новому избранію и утвержденію попечителя, не приведетъ, по мнѣнію совѣта лицея, къ желаемой цѣли. Очевидно, цѣлію установленія доцентовъ и приватъ-доцентовъ есть подготовленіе способныхъ профессоровъ для университета. Но при условіи: послѣ трехлѣтняго чтенія лекцій въ университетѣ — въ качествѣ теперешняго адъюнкта — подвергаться новому избранію совѣтомъ и утвержденію попечителемъ, или, говоря другими словами, подвер-

гнуться новой оцѣнкѣ своихъ способностей, не много найдется желающихъ принять на себя званіе доцента или приватъ-доцента. Для многихъ молодыхъ и способныхъ людей покажется такая оцѣнка весьма щекотливою, тѣмъ болѣе, что, при предшествовавшемъ ей трехгодичномъ чтеніи предмета, доцентъ можетъ, по причинамъ совершенно постороннимъ, не касающимся ни его способностей, ни его служебныхъ обязанностей, поставить себя въ неблагопріятныя отношенія къ избирателямъ. Во всякомъ случаѣ, неизбраніе доцента по истеченіи трехлѣтней его ученой дѣятельности совершенно уничтожитъ добрую его репутацію, уронитъ его въ общественномъ мнѣніи такъ, что ему не будетъ уже возможности занять съ честію какую-либо другую должность, даже внѣ круга учебной дѣятельности. Это-то самое у каждаго отниметъ охоту поступать въ доценты. Подготовленія способныхъ профессоровъ для университета можно достигнуть другимъ способомъ. Можно причислять къ университету молодыхъ способныхъ кандидатовъ, по желанію ихъ, безъ назначенія имъ точно опредѣленной цѣли, то поручая имъ временно чтеніе лекцій или въ состоящемъ при университетѣ учительскомъ институтѣ, или въ самомъ университетѣ, то поручая имъ также временно другія занятія по университету, какъ-то: составленіе разнаго рода ученыхъ сочиненій, занятія по библіотекѣ, обсерваторіи, лабораторіи, университетской клиникѣ и т. п. Кто изъ этихъ молодыхъ кандидатовъ обнаружитъ явныя, неоспоримыя профессорскія достоинства, тотъ, по выполненіи условій, положенныхъ въ §§ 71 и 72 устава университетовъ, можетъ быть избранъ совѣтомъ въ постоянные доценты, безъ условія подвергаться новому избранію чрезъ три года, и съ правомъ быть избраннымъ впослѣдствіи, по выдержаніи экзамена на ученыя степени, въ экстраординарные и ординарные профессоры. Прочіе университетскіе кандидаты, неизбранные въ доценты, могутъ занимать разныя должности при университетѣ или въ округѣ, быть учителями гимназій, перемѣщаться по желанію своему въ другія вѣдомства на службу или выходить въ отставку. Во всякомъ случаѣ, служба и старшинство для производства въ чины считается имъ со времени причисленія ихъ къ университету. Неизбраніе ихъ въ доценты не будетъ имъ нисколько предосудительно: они не были еще настоящими университетскими преподавателями, не подвергались даже баллотировкѣ въ доценты, а считались при университетѣ на службѣ въ качествѣ кандидатовъ для занятія разныхъ должностей по университету или учебному округу.

4. (§ 87). Едва ли будетъ полезно въ какомъ бы то ни было университетѣ имѣть инспектора вмѣсто проректора: ибо опытъ доказалъ, что качества, которыми до сихъ поръ отличались инспектора университетовъ, и которыхъ они, по своему особенному положенію, оставить не могутъ, были только причиною озлобленія студентовъ и дерзкихъ выходокъ,—чего, конечно, никогда не было бы, еслибы право инспектора передать проректору, выбираемому изъ почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ профессоровъ, понимающихъ не всегда умѣренную, но благородную натуру студентовъ, и умѣющихъ ограничить ее разумнымъ вліяніемъ.

5. (§ 112). Въ этой статьѣ, при удостоеніи денежныхъ стипендій, проектъ устава принимаетъ мѣриломъ лишь отличныя способности и успѣхи недостаточныхъ студентовъ, опуская изъ виду ихъ нравственность, выражающуюся поведеніемъ и служащую ручательствомъ будущей гражданской дѣятельности молодыхъ людей. Между тѣмъ одно умственное развитіе безъ нравственнаго не только не полезно, но даже вредно и въ индивидуальномъ, и въ общественномъ отношеніяхъ. А если такъ, то со стороны правительства было бы крайне неразсчетливо воспитывать на свой счетъ такія лица, отъ которыхъ польза въ будущемъ болѣе чѣмъ сомнительная. Правда, слѣдующая ст. 113 говоритъ, что замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи стипендіатъ лишается права на *дальнѣйшее* полученіе стипендіи; но все же, сличивъ обѣ эти статьи, получимъ въ результатѣ, что отличный по способностямъ и успѣхамъ студентъ, не безукоризненной нравственности, не получивъ еще стипендіи, имѣетъ на нее право.

6. (§ 115). Обязывая студентовъ выслушать полный университетскій курсъ, проектъ устава не говоритъ положительно, обязательно ли для студентовъ посѣщеніе лекцій, или только ad libitum.

7. (§ 120). Студентамъ, выходящимъ изъ университета до окончанія курса, по проекту устава, выдаются свидѣтельства съ прописаніемъ въ нихъ успѣховъ въ выслушанныхъ ими предметахъ. Успѣхи студентовъ въ наукахъ, до экзаменовъ, узнаются, какъ доселѣ существовало, на репетиціяхъ; но объ этихъ послѣднихъ въ проектѣ устава нигдѣ не упоминается. Очевидно, нѣтъ возможностивы давать студентамъ, выбывающимъ изъ университета до окончанія курса или, по крайней мѣрѣ, раньше полукурсоваго экзамена, такія свидѣтельства, въ которыхъ обозначались бы ихъ успѣхи въ наукахъ. Такимъ образомъ, чтобы эта статья сохранила силу

закона, необходимо — или отмѣнить прописку успѣховъ въ свидѣтельствахъ, или же узаконить, на прежнихъ основаніяхъ, репетиціи для университетскихъ студентовъ, что̀ невозможно безъ обязательнаго посѣщенія ими лекцій.

8. (§ 121). Студенты, по проекту, обязаны полнымъ повиновеніемъ университетскому начальству, а между тѣмъ, какія именно лица составляютъ это начальство въ проектѣ нигдѣ съ надлежащею точностію и опредѣлительностію не обозначено, — такъ что студентъ, имѣя въ рукахъ настоящій проектъ, съ чистою совѣстію можетъ не исполнить законныхъ распоряженій какого-нибудь доцента или даже профессора.

9. (§ 123). Окончательное рѣшеніе объ удаленіи, увольненіи или исключеніи студента изъ университета прямѣе было бы предоставить совѣту университета, чѣмъ попечителю, потому что совѣтъ лучше и ближе знаетъ, за что онъ удаляетъ или увольняетъ студента, и опредѣленія его попечитель не долженъ и не можетъ перемѣнять по-своему, какъ лице, далеко стоящее отъ подсудимаго. Подозрѣвать же совѣтъ университета въ какой-то личности къ удаляемому студенту рѣшительно нѣтъ основанія: университету всегда непріятно лишиться порядочнаго студента, и онъ, во чтобы то ни стало, даже иногда вопреки правдѣ, будетъ отстаивать его. Такимъ образомъ узаконять, чтобы рѣшеніе о подобныхъ случаяхъ приводилось въ исполненіе съ утвержденія попечителя, отзываясь недовѣріемъ къ добросовѣстности университетскаго начальства, влечетъ за собою излишнюю переписку и парализуетъ въ глазахъ студентовъ значеніе университетскаго совѣта.

10. (§ 129). Чтобы предстать на испытаніе, необходимо напередъ знать степень и количество познаній, какія будутъ требоваться. Между тѣмъ, при настоящемъ развитіи наукъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ изученіе жизни и природы собственно Русской, напр. изученіе Русскаго права, знаніе пріобрѣтается главнѣйшимъ образомъ изъ профессорскихъ лекцій, такъ какъ литература предмета, составляющая общее достояніе, большею частію не отличается богатствомъ своего матеріала. Отсюда происходитъ то, что подвергающійся испытанію у экзаменатора, лекцій котораго онъ не слушалъ, не можетъ имѣть нужной самоувѣренности и явиться на испытаніе съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Независимо отъ этого, не зная программы предмета, по которой его будутъ испытывать, онъ не имѣетъ возможности заблаговременно и постепенно заготовить полные систематическіе отвѣты на вопросы экзамена,

а вслѣдствіе того опять раждается неувѣренность въ томъ, что экзаменующійся готовъ къ испытанію. Совѣтъ лицея, принимая во вниманіе эти недостатки въ существующихъ правилахъ о порядкѣ испытаній, полагаетъ, что, для успѣшности и правильности экзамена на степень магистра, необходимо постановить, чтобы каждый университетъ отъ времени до времени публиковалъ во всеобщее свѣдѣніе какъ программы испытаній, такъ и списокъ сочиненій, исключительное знакомство съ которыми требуется отъ экзаменующагося. Такое постановленіе, проистекая, по мнѣнію совѣта, изъ самаго существа дѣла и требованій справедливости, значительно увеличитъ число лицъ, имѣющихъ ученыя степени, и вмѣстѣ съ тѣмъ немало облегчитъ замѣщеніе открывающихся мѣстъ профессоровъ.

11. (§ 131). Испытанія на ученыя степени, по проекту устава, производятся въ факультетскихъ собраніяхъ. Совѣтъ лицея полагаетъ, что въ эти собранія, по желанію экзаменующагося, могутъ быть приглашаемы и посторонніе экзаменаторы, въ видахъ: 1) предотвратить пристрастіе факультета, 2) придать факультетскому собранію характеръ публичности и 3) освоить испытующагося съ публичнымъ защищеніемъ диссертаціи.

12. (§ 152). Хотя чины и классы не составляютъ никакихъ существенныхъ преимуществъ, но если они въ государствѣ еще не утратили въ глазахъ общества своей силы, то не зачѣмъ пренебрегать ими. Если проектъ устава училищъ возвысилъ классы лицъ, служащихъ при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, то справедливость требуетъ, чтобы дано было подобное преимущество и служащимъ при университетахъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что крайне несправедливо поставлять инспектора въ классѣ высшемъ, чѣмъ профессора, а синдика наравнѣ съ ординарными профессорами: инспекторомъ, по смыслу 87 ст., можетъ быть и такое лице, которое не только не имѣетъ ученой степени, но даже не было въ высшемъ учебномъ заведеніи; а для должности синдика, по смыслу ст. 93, достаточно имѣть только степень кандидата, между тѣмъ какъ, на основаніи статьи 71, никто не можетъ быть ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора, а экстраординарнымъ — по крайней мѣрѣ, степени магистра. Такая неправомѣрность тѣмъ болѣе поразительна, что, въ силу ст. 129 проекта, пріобрѣтеніе ученыхъ степеней нисколько не облегчено и осталось in statu quo.

═

Примѣнительно къ «проекту устава университетовъ», совѣтъ лицея находилъ бы полезнымъ сдѣлать слѣдующія измѣненія въ уставѣ лицея князя Безбородко, утвержденномъ 24 апрѣля 1840 года:

§ 5. Для управленія лицеемъ и преподаванія въ немъ наукъ назначаются: директоръ, законоучитель, семь профессоровъ, преподаватель, два лектора и учитель рисованія.

Примѣчаніе. Директоръ лицея исполняетъ сію должность и въ Нѣжинской гимназіи.

§ 6. Въ лицеѣ полагаются слѣдующія каѳедры и науки:

1. Богословіе догматическое и нравственное, исторія православной Русской церкви и церковное законовѣдѣніе.
2. Энциклопедія законовѣдѣнія и государственное право: законы основные, учрежденія государственныя и губернскія, уставы о службѣ гражданской и законы о состояніяхъ.
3. Финансовое право и законы благоустройства: уставы о повинностяхъ, уставы казеннаго управленія и законы благоустройства.
4. Римское право: исторія Римскаго права и догматика Римскаго гражданскаго права съ практическими занятіями.
5. Гражданское право: имущественное право, семейственное право, гражданское судопроизводсто съ практическими по оному занятіями и межевые законы.
6. Уголовное и полицейское право: уголовное право, полицейское право и уголовное судопроизводство съ практическими по оному занятіями.
7. Русская исторія и политическая экономія.
8. Теорія словесности и исторія Русской литературы.
9. Судебная медицина.
10. Французскій языкъ.
11. Нѣмецкій языкъ.
12. Рисованіе.

Примѣчаніе. Для студентовъ лицея обязательно изученіе одного только изъ новѣйшихъ языковъ, Французскаго или Нѣмецкаго, по собственному избранію.

§ 9. Засѣданія совѣта назначаются директоромъ, въ свободные отъ преподаванія часы, по мѣрѣ надобности или по желанію, заявленному не менѣе какъ тремя членами.

§ 13. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ, подача которыхъ можетъ быть и закрытая, если того потребуютъ по крайней мѣрѣ три члена. При равенствѣ голосовъ, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Опредѣленіе объ избраніи вновь предсѣдателей, оставленіе на службѣ тѣхъ изъ нихъ, кои прослужили пенсіонные сроки, и объ избраніи инспектора должно быть утверждено, по крайней мѣрѣ, двумя третями голосовъ.

§ (новый) Баллотированіе употребляется: 1) при избраніи преподавателей лицея и назначеніи ихъ къ разнымъ лицейскимъ должностямъ; 2) при оставленіи преподавателей на службѣ въ лицеѣ по выслугѣ пенсіонныхъ сроковъ; 3) при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненія, назначаемаго къ печатанію съ одобрѣнія и иждивеніемъ лицея, и 4) при всѣхъ тѣхъ вопросахъ, рѣшенія которыхъ баллотировкою пожелаютъ не менѣе трехъ членовъ.

§ 15. Каждому члену совѣта предоставляется право дѣлать въ засѣданіяхъ онаго предложенія касательно ученыхъ и учебныхъ предметовъ.

§ 16. Предметы занятій совѣта:

1. Избраніе инспектора, преподавателей лицея и назначеніе ихъ, установленнымъ порядкомъ, къ разнымъ лицейскимъ должностямъ.
2. Сужденіе о мѣрахъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ въ лицеѣ.
3. Распредѣленіе курсовъ и времени преподаванія въ лицеѣ
4. Разсмотрѣніе программъ преподаванія.
5. Изслѣдованіе упущеній лицейскихъ преподавателей въ исправленіи ихъ должностей.
6. Главное распоряженіе учебными и вспомогательными пособіями въ лицеѣ.
7. Сужденіе о сочиненіяхъ и переводахъ, предполагаемыхъ къ чтенію въ торжественныхъ собраніяхъ или къ печатанію иждивеніемъ лицея, а также цензура сочиненій и переводовъ ученаго содержанія, издаваемыхъ преподавателями лицея.
8. Испытаніе и разрѣшеніе пріема воспитанниковъ, желающихъ вступить въ лицей, удостоеніе перевода студентовъ изъ курса въ курсъ, испытаніе студентовъ, окончившихъ курсъ въ семъ заведеніи, и назначеніе имъ классовъ.

9. Удостоеніе студентовъ стипендій и пособій.

10. Разсужденіе по предложеніямъ директора о дѣлахъ Нѣжинской гимназіи, требующихъ ученыхъ соображеній.

Послѣ § 23 слѣдуетъ новый §. Сумма, остающаяся отъ неполнаго расхода по всѣмъ означеннымъ статьямъ въ штатѣ, отдѣляется, по истеченіи года, отъ штатной и обращается въ собственность лицея, подъ названіемъ *хозяйственной* суммы, для употребленія на непредвидимыя надобности.

§ (новый). Правленіе имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи лицейскую собственность, сохраненіе же ея лежитъ на обязанности и отвѣтственности экзекутора или другаго назначеннаго для сего лица.

§ 33. Директоръ лицея наблюдаетъ: 1) чтобы принадлежащія къ оному мѣста и лица исполняли въ точности свои обязанности и 2) чтобы лицейское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности.

§ 34. Директоръ имѣетъ право дѣлать замѣчанія всѣмъ лицамъ, отъ него зависящимъ, въ случаѣ усмотрѣнныхъ съ ихъ стороны упущеній и неисправностей.

§ 35. Директоръ обязанъ неудовольствія и ссоры между лицами вѣдомства лицея прекращать миролюбно, или употреблять предоставленныя ему мѣры строгости; въ случаяхъ же, превышающихъ власть его, по приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ дѣла, представлять объ ономъ, съ заключеніемъ совѣта, попечителю Кіевскаго учебнаго округа.

§ 36. Отмѣняется.

§ 37. Директоръ представляетъ каждые полгода попечителю Кіевскаго учебнаго округа вѣдомость о состояніи лицея, съ показаніемъ, кто именно изъ преподавателей въ теченіе мѣсяца не являлся въ назначенные часы къ должности и по какимъ причинамъ.

§ 38. Наблюденіе за исполненіемъ въ лицеѣ правилъ, установленныхъ для студентовъ, возлагается на инспектора, избираемаго совѣтомъ лицея изъ членовъ онаго на четыре года (съ правомъ пользоваться казенною квартирою) и утверждаемаго въ семъ званіи министромъ.

§ 39. Инспекторъ дѣйствуетъ по данной ему отъ совѣта инструкціи, утвержденной попечителемъ и основанной на подлежа-

щихъ параграфахъ сего устава. Въ случаяхъ, превышающихъ власть, предоставленную инспектору, онъ входитъ съ представленіемъ въ совѣтъ или правленіе, смотря по тому, какому изъ сихъ мѣстъ подлежитъ вѣдѣніе студентскихъ дѣлъ.

§ 41. Отмѣняется.

§ 42. Помощникъ инспектора избирается совѣтомъ лицея преимущественно изъ окончившихъ курсъ университета или лицея и утверждается попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

§ 46. Преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета до 8 часовъ въ недѣлю, если того потребуетъ совѣтъ.

§ 47. Профессоры въ концѣ семестра удостовѣряются, посредствомъ словесныхъ вопросовъ, съ успѣхомъ ли слушатели ихъ слѣдуютъ за преподаваніемъ.

§ (новый). Совѣтъ, въ случаѣ нерадѣнія преподавателей, и при безуспѣшности сдѣланныхъ имъ директоромъ замѣчаній, обязанъ представлять объ удаленіи такихъ преподавателей отъ должности, не иначе однако же, какъ по приговору, утвержденному по крайней мѣрѣ двумя третями голосовъ въ совѣтѣ. Для исполненія такихъ приговоровъ испрашивается разрѣшеніе министра.

Послѣ 49 § слѣдуетъ § (новый). Для преподаванія судебной медицины избирается совѣтомъ лицея одинъ изъ врачей и утверждается попечителемъ округа. Съ этою должностію соединяется и званіе лицейскаго лекаря.

Главу 7-ю озаглавить: объ учащихся.

§ 53. Желающіе поступить въ число студентовъ должны выдержать предварительное испытаніе по правиламъ, изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. При чемъ окончившіе съ успѣхомъ гимназическое образованіе или удовлетворительно выдержавшіе въ одной изъ гимназій экзаменъ въ полномъ гимназическомъ курсѣ и получившіе въ томъ установленный аттестатъ или свидѣтельство принимается въ лицей безъ экзамена. Воспитанники среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, получившіе отъ этихъ заведеній свидѣтельства объ удовлетворительномъ окончаніи курса для поступленія въ лицей, обязаны предварительно выдержать въ гимназіи экзаменъ изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса, которые не поименованы въ ихъ свидѣтельствахъ, и отъ знанія которыхъ они не изъяты особыми законоположеніями.

§ 55. Лицейское преподаваніе вообще раздѣляется на полугодія. Полный курсъ ученія продолжается три года, соотвѣтственно тремъ курсамъ лицея. Для перевода студентовъ изъ одного курса въ другой производятся годичныя испытанія.

§ 56. Вакаціи назначаются два раза въ годъ: съ 10 іюня по 10-е августа и съ 20 декабря по 10-е января.

Послѣ 60 § слѣдуетъ § (новый). За слушаніе лекцій въ лицеѣ взимается съ каждаго студента по 30 рублей въ годъ.

§ (новый). Плата вносится пополугодно впередъ. Не внесшіе оной въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ начала полугодія увольняются изъ лицея, но могутъ снова быть приняты по взносѣ платы.

§ (новый). Для облегченія недостаточныхъ студентовъ совѣту лицея предоставляется: или давать отсрочки для взноса платы, или уменьшать плату до половины, или совершенно освобождать отъ платы. Освобожденіе имѣетъ силу въ теченіе одного года, но можетъ быть возобновляемо. Совѣтъ удостоиваетъ студента той или другой изъ исчисленныхъ льготъ не иначе, какъ на основаніи свидѣтельства о бѣдности и удовлетворительныхъ занятій науками. При семъ, относительно вновь поступающихъ въ лицей, берутся во вниманіе: аттестатъ или свидѣтельство отъ гимназіи.

§ (новый). Безъ представленія свидѣтельствъ о бѣдности освобождаются отъ платы: а) пансіонеры Государя Императора и особъ Высочайшей фамиліи; б) штатные стипендіаты; в) стипендіаты частныхъ лицъ и обществъ, если выборъ сихъ стипендіатовъ предоставленъ лицею, и г) сыновья преподавателей и чиновниковъ, служащихъ при учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, за исключеніемъ сыновей почетныхъ попечителей и почетныхъ смотрителей.

§ (новый). Студенты обязаны полнымъ повиновеніемъ лицейскому начальству, т. е. директору, совѣту и инспектору.

§ (новый). Студенты обязаны въ лицеѣ и внѣ онаго соблюдать правила, которыя составляются совѣтомъ и утверждаются попечителемъ. Студентамъ запрещается: а) выражать одобреніе или порицаніе преподаванія; б) собираться въ лицей и внѣ онаго для цѣлей, не дозволенныхъ начальствомъ, и в) составлять прошенія и собирать подписки, вопреки общимъ законамъ и лицейскимъ постановленіямъ.

§ (новый). Неисполняющіе сихъ правилъ студенты, смотря по винѣ, подвергаются: 1) замѣчанію, 2) выговору, 3) аресту, 4) вре-

менному до одного года удаленію изъ лицея, съ правомъ снова вступить въ оный, если не будетъ положительно доказано, что удаленный въ теченіе срока удаленія велъ себя не безъукоризненно; 5) увольненію изъ лицея, или 6) исключенію изъ онаго, съ запрещеніемъ вновь поступать въ тотъ же лицей или въ другіе лицеи и университеты Имперіи, о чемъ симъ послѣднимъ немедленно сообщается. Рѣшеніе объ удаленіи или увольненіи студента изъ лицея приводится въ исполненіе совѣтомъ, объ исключеніи же студента изъ лицея — съ утвержденія попечителя.

§ (новый). Правила объ удостоеніи недостаточныхъ студентовъ стипендій и пособій составляются лицейскимъ совѣтомъ и утверждаются попечителемъ.

§ 70. Лицей имѣетъ собственную свою цензуру для рѣчей, разсужденій, программъ, отчетовъ и иныхъ ученаго содержанія сочиненій, имъ или его преподавателями издаваемыхъ. Цензура сія руководствуется общими цензурными постановленіями.

§ 71. Лицею предоставляется право свободно и безпошлинно выписывать изъ-за границы всякаго рода учебныя пособія. Кипы и ящики съ сими вещами, адресованные въ лицей, въ пограничныхъ таможняхъ не вкрываются, а только пломбируются. Они свидѣтельствуются въ лицеѣ въ присутствіи таможеннаго или полицейскаго чиновника.

§ (новый). Книги, рукописи, таблицы, географическія карты, рисунки и повременныя изданія, получаемыя лицеемъ изъ чужихъ краевъ, не подлежатъ разсмотрѣнію комитетовъ цензуры иностранной.

§ (новый). Выписываемые профессорами для своего собственнаго употребленія книги, рукописи и повременныя изданія, пропускаются изъ-за границы безъ пошлины и не подлежатъ цензурному разсмотрѣнію, съ возложеніемъ отвѣтственности, въ случаѣ доставленія таковыхъ произведеній не позволительнаго содержанія для чтенія постороннимъ лицамъ, на тѣхъ, кои выписывали оныя. Вещи сіи доставляются въ лицей на основаніи сказаннаго въ двухъ предъидущихъ параграфахъ.

§ 74. Директоръ лицея, на общемъ основаніи о должностяхъ гражданскихъ чиновниковъ, состоитъ въ V классѣ.

§ 81. Директоръ, законоучитель, профессоры, лекторы, помощникъ инспектора, учитель рисованія и семейства ихъ получаютъ пенсіи и единовременныя пособія на основаніи существующаго на

сей конецъ по учебной части положенія. Пенсіи и единовременныя выдачи прочимъ за тѣмъ чиновникамъ лицея назначаются по общимъ дѣйствующимъ постановленіямъ. Всѣ сіи расходы удовлетворяются изъ государственнаго казначейства.

§ 82. Пенсіи директору, законоучителю, буде послѣдній носитъ званіе сіе и въ Нѣжинской гимназіи, также лекторамъ и учителю рисованія, производятся по соразмѣрности совокупныхъ ихъ окладовъ въ лицеѣ и гимназіи.

Сообразно съ настоящими цѣнами въ Нѣжинѣ и съ потребностями жизни (исчисленными въ соображеніяхъ педагогическаго совѣта Нѣжинской гимназіи), можно положить чиновникамъ лицея слѣдующее содержаніе:

Директору добавочнаго жалованья къ получаемому по тому же званію отъ Нѣжинской гимназіи 1000 руб. Законоучителю 570 р. Семи профессорамъ по 1500 р. Двумъ лекторамъ добавочнаго жалованья къ окладамъ младшихъ учителей Нѣжинской гимназіи по 150 р.; учителю рисованія, на томъ же основаніи, 150 р. Помощнику инспектора 450 р. Секретарю 500 р. Кассиру 450 р. Экзекутору и вмѣстѣ эконому 450 р. Преподавателю судебной медицины 500 р.; ему же по званію лекаря лицея 300 р. Прибавочнаго жалованья къ профессорскимъ окладамъ по званію: а) совѣтника правленія 86 р; б) библіотекаря 150 р. Канцелярскимъ служителямъ: одному средняго оклада 200 р., одному низшаго оклада 150 р.

Лицей не имѣетъ никакихъ средствъ для производства увеличенныхъ окладовъ; но на первый разъ можно бы удовлетворить этимъ требованіямъ выдачею изъ суммъ государственнаго казначейства по крайней мѣрѣ по 1000 руб. въ годъ за все время, въ продолженіе котораго гимназія безмездно пользуется зданіемъ лицея, съ производствомъ таковой платы и впредь ежегодно.

Къ ст. II.

1. Директора лицея князя Безбородко Стеблинъ-Каминскаго.

Главнѣйшая отличительная черта «проекта»—расширеніе автономіи университетскаго совѣта,— что̀ весьма важно, какъ для пра-

вильнаго хода ученой дѣятельности, такъ и для пользы студентовъ потому что ограниченіе мѣстнаго управленія всегда дѣйствуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ неблагопріятно на тѣхъ, которые должны быть руководимы учеными авторитетами и властями. Слово: *руководить* можетъ показаться неумѣстнымъ въ отношеніи къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые считаются, въ нѣкоторомъ смыслѣ, полноправными, и которыхъ главное достоинство должно состоять въ способности къ самостоятельнымъ занятіямъ наукою; но какъ скоро существуетъ *учебное* заведеніе, хотя бы и высшее, то необходимо и руководство учащихся. Въ «проектѣ» весьма слабо развито руководящее начало, только слегка обозначенное въ статьѣ 84-й, и потому въ молодыхъ людяхъ можетъ оставаться убѣжденіе, что для нихъ достаточно только слушать лекціи, и что въ дальнѣйшихъ указаніяхъ и руководствѣ профессора они вовсе не нуждаются. Еслибы это убѣжденіе было основательно, то не было бы никакой необходимости тратить ограмныя суммы на учрежденіе университетовъ: профессора, за извѣстное жалованье, могли-бы печатать свои лекціи, а молодые люди приготовлялись бы по этимъ печатнымъ руководствамъ къ экзамену на ученыя степени. Но дѣло въ томъ, что для высшаго образованія молодыхъ людей необходима *живая* связь съ профессорами, взаимная нравственная связь профессоровъ между собою и съ слушателями, и потому утверждаются университеты, въ которыхъ молодые люди, при соблюденіи извѣстнаго рода правилъ, подъ руководствомъ профессоровъ, могутъ скорѣе и вѣрнѣе достигнуть самостоятельнаго, всесторонняго изученія какой-нибудь отрасли наукъ.

По всей вѣроятности, руководящее начало будетъ подробнѣе развито въ частныхъ распоряженіяхъ каждаго совѣта, равно какъ и указано отдѣленіе нѣкоторыхъ лекцій собственно для студентовъ, безъ присутствія постороннихъ дилетантовъ науки, которые всегда будутъ болѣе или менѣе понижать уровень и образованія учащихся и самаго университетскаго преподаванія («проекта» стр. 34): потому что люди, поверхностно приготовленные, по большей части ищутъ въ профессорскихъ лекціяхъ не серьезнаго изученія, основательнаго и всесторонняго изложенія предмета, но чего-то необыкновеннаго, увлекательнаго и блестящаго.

Ст. 10 ведетъ къ заключенію, что, кромѣ общаго устава университетовъ, необходимы еще отдѣльные уставы для каждаго университета: въ противномъ случаѣ, на основаніи статьи 10-й, мѣстныя распоряженія и постановленія совѣтовъ могутъ такъ из-

мѣнить многіе параграфы общаго устава, что отъ нихъ не останется почти никакихъ слѣдовъ, какъ отъ параграфовъ устава гимназій и училищъ 1828 года.

Ст. 75. «Званія доцента и приватъ-доцента даются на три года, по истеченіи коихъ доценты и приватъ-доценты оставляются на службѣ не иначе, какъ по *новому избранію* и утвержденію попечителя».

Каждые-ли три года доценты избираются вновь, или избранные однажды послѣ трехъ лѣтъ, могутъ оставаться на службѣ, сколько пожелаютъ? — Статью 75 скорѣе можно понимать такъ, что доценты чрезъ каждые три года подвергаются «новому избранію». Такое частое избраніе, прилагаемое къ однимъ только доцентамъ, было бы несправедливо, особенно въ такомъ случаѣ, если доцентъ, отлично читающій лекціи, не можетъ занять высшее мѣсто по неимѣнію ваканціи.

Вообще въ «проектѣ» не видно никакихъ мѣръ для привлеченія молодыхъ людей въ ученую службу при университетахъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ многіе даровитые и основательно приготовленные молодые люди изъ податныхъ сословій стремились поступать въ ученую службу, потому что чинъ коллежскаго ассесора давалъ права дѣйствительнаго дворянства; теперь права эти отодвинуты гораздо дальше, да и сами по себѣ не такъ уже знаменательны. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ 400 рублей обезпечивали не женатаго человѣка гораздо болѣе, нежели теперь 1,000 р., и оклады наши далеко превышали жалованье чиновниковъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ: въ настоящее время молодой человѣкъ, окончившій университетъ, можетъ чрезъ годъ попасть въ судебные слѣдователи и получать 1,000 р. жалованья съ казенной квартирою; да и множество мѣстъ съ порядочными окладами доступны по всѣмъ вѣдомствамъ молодому человѣку съ высшимъ образованіемъ. Въ другихъ странахъ ученое сословіе занимаетъ извѣстное, высокое положеніе въ обществѣ, такъ что принадлежать къ этому сословію составляетъ нѣкотораго рода нравственную силу; по особеннымъ обстоятельствамъ нашей общественной жизни, ученое сословіе наше до сихъ поръ не успѣло еще составить для себя выгодное положеніе въ общественной средѣ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже пользуется недовѣрчивостью народной массы. И такъ, на основаніи какихъ данныхъ и какихъ статей «проекта» можно предполагать, что упраздняющіяся каѳедры въ университетахъ будутъ скоро и охотно занимаемы новыми

преподавателями? Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, въ этомъ случаѣ, составляютъ казенные стипендіаты, приготовляющіеся въ учители, которые на первыхъ порахъ весьма охотно промѣняютъ предстоящую имъ участь давать по 20 уроковъ ученикамъ гимназіи, на возможность читать 4 или 6 лекцій въ недѣлю студентамъ университета. Чувствуютъ ли эти стипендіаты полную готовность постоянно заниматься всестороннимъ изученіемъ предмета, какъ слѣдуетъ университетскому преподавателю — это вопросъ, котораго нѣкоторые стипендіаты, вѣроятно, и не задаютъ себѣ серьезно. Другой источникъ — кандидаты, отправляемые за границу, изъ которыхъ, по всей вѣроятности, половина увлекается желаніемъ увидѣть чужія страны и пожалуй послушать хорошихъ профессоровъ; но посвятятъ ли эти кандидаты нѣсколько лѣтъ своей жизни основательному изученію какой-нибудь науки — это будетъ зависѣть отъ различныхъ послѣдующихъ обстоятельствъ. Еще Карамзинъ сказалъ: «еслибы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ и Боннетовъ». Если же удается за границей занятіе науками, то можно будетъ отслужить казнѣ два или три года, какъ Богъ пошлетъ....

Привлекать чинами и классами въ настоящее время невозможно; при томъ чины въ ученой службѣ (кромѣ платы за нихъ денегъ) не предоставляютъ почти никакой существенной выгоды, за исключеніемъ возможности скорѣе получить высшее мѣсто въ другомъ вѣдомствѣ, и потому однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для привлеченія въ ученую службу людей способныхъ должно быть, кажется, матеріальное обезпеченіе. Само собою разумѣется, что для ученой службы призваніе есть *conditio sine qua non;* но одно призваніе не въ силахъ увлечь человѣка надолго, если онъ не будетъ имѣть въ виду средствъ, облегчающихъ путь къ наукѣ и славѣ. Полезно было бы, при самомъ первомъ избраніи въ доценты, кромѣ жалованья, назначать единовременную выдачу въ родѣ того, какъ учителямъ при опредѣленіи на службу выдается третное жалованье не въ зачетъ (учители, въ этомъ случаѣ, поощряются болѣе, нежели университетскіе преподаватели); при новомъ же избраніи чрезъ три года эту единовременную выдачу увеличивать вдвое или втрое. Безкорыстной любви къ наукамъ и ученому званію можетъ стать года на три или на четыре, а потомъ многіе доценты будутъ искать болѣе выгодныхъ мѣстъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Ст. 87. «Наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ,

установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей, возлагается на особое лице, избираемое совѣтомъ университета или изъ членовъ онаго, или изъ стороннихъ чиновниковъ».

Трудно допустить, чтобы инспекторъ, избираемый изъ стороннихъ чиновниковъ, могъ быть полезенъ въ университетѣ. Если подъ инспекторомъ разумѣется сила принудительная и физическая, то она слишкомъ ничтожна, даже въ совокупности со всѣми субъинспекторами и педелями; если же сила нравственная — то, конечно, ея гораздо болѣе будетъ у проректора, избираемаго изъ профессоровъ. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что упадокъ авторитета учебныхъ властей (кромѣ общаго хода современныхъ идей) болѣе всего произошелъ отъ внѣшней полиціи, составленной не изъ ученыхъ членовъ совѣта университета или гимназіи. При инспекторствѣ нерѣдко бывало такое положеніе дѣлъ, что попечитель зналъ обо всѣхъ случаяхъ студенческой жизни, а ректоръ оставлялся въ совершенномъ невѣдѣніи, и это считалось естественнымъ и законнымъ порядкомъ. Инспекторъ, какъ сила, неувѣренная въ самой себѣ и умѣющая дѣйствовать только страхомъ, безъ сомнѣнія, скорѣе будетъ обращаться къ попечителю, нежели къ совѣту или правленію. Зачѣмъ же поддерживать это вредное начало, доказавшее всю свою несостоятельность въ дѣлѣ образованія? Скорѣе можно уволить проректора на всѣ четыре года отъ чтенія лекцій; но во всякомъ случаѣ лицо, замѣняющее инспектора, должно быть изъ профессоровъ. Нѣкоторые ученые считаютъ неприличнымъ принимать на себя постыдныя полицейскія обязанности; но обязанности инспектора сдѣлались постыдными и фискальными не чрезъ дѣйствія ученыхъ, а именно потому, что онѣ попали въ дурныя руки. Вѣроятно, ни въ Англіи, ни въ Германіи нѣтъ инспекторовъ изъ постороннихъ лицъ; въ одной Франціи можетъ быть допущена такого рода внѣшняя сила, лишенная всякаго образовательнаго элемента, и только преслѣдующая и гнетущая.

Ст. 111. «Учители учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ.... освобождаются отъ платы».

Можетъ возникнуть вопросъ: обязаны ли директоры или инспекторы учебныхъ заведеній платить за слушаніе лекцій въ университетѣ?

Къ ст. 119. *Примѣчаніе* 2. «Студенты, удостоенные медали или почетнаго отзыва, получаютъ степень кандидата, безъ представленія диссертацій».

Даже и въ такомъ случаѣ, если на испытаніяхъ окажутъ только удовлетворительные успѣхи, или только съ отличными успѣхами? По всей вѣроятности, здѣсь разумѣлось послѣднее.

Ст. 127. «Всѣ столкновенія, которыя могутъ произойти между студентами съ одной стороны, университетскими преподавателями и его должностными лицами — съ другой стороны, подлежатъ разбирательству университета, хотя бы произошли *внѣ зданій и учрежденій онаго*».

Эта статья показываетъ не полную состоятельность того начала, вслѣдствіе котораго студенты университетовъ подчинены двумъ полиціямъ. Кажется, вѣрнѣе и опредѣленнѣе средневѣковое начало, по которому въ Дерптскомъ университетѣ «наблюденіе за студентами, какъ въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета, такъ и внѣ оныхъ, возлагается на проректора («проектъ» стр. 25).» Многіе принимаютъ, что средневѣковыя учрежденія совершенно не соотвѣтствуютъ современнымъ понятіямъ о государствѣ и всегда стремятся образовать *status in statu*. Въ учрежденіи университетовъ, кажется, должно видѣть не столько стремленіе къ отдѣльнымъ правамъ и привилегіямъ, сколько другой, болѣе глубокій смыслъ, а именно: университеты были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, монашескими орденами съ своимъ замкнутымъ уставомъ, основаннымъ на болѣе духовномъ началѣ, нежели грубая внѣшняя сила, необходимая въ то время для массы несравненно менѣе просвѣщенной. Образованіе молодыхъ людей въ то время вполнѣ ввѣрялось ученому корпусу, съ предоставленіемъ университету надъ студентами неограниченной родительской власти. Такія патріархальныя отношенія учащихся къ ученому сословію смягчались, на высшихъ ступеняхъ образованія, учеными братствами. Всѣ эти средневѣковыя ученыя общины считаются теперь дикими и неумѣстными, но едва ли не вѣрнѣе достигали онѣ предположенной цѣли — пріучить молодыхъ людей къ самоограниченію и такимъ образомъ приготовить ихъ для общественной дѣятельности, нежели тѣ новыя начала, по которымъ студенты нашихъ университетовъ поставлены между двухъ полицій. Вслѣдствіе этого неопредѣленнаго положенія, между студентами возникло понятіе, что профессора, ректоръ, попечитель — вовсе не начальствующія лица, а только казенные распространители просвѣщенія (какъ медикъ — non magister, sed minister naturae), которымъ они ничѣмъ не обязаны. Ученики гимназіи, которые всѣ понятія, заимствуемыя отъ студентовъ, развиваютъ до крайности, начинаютъ разсуждать такимъ образомъ:

«директоръ и учители вовсе не начальники наши: имъ ввѣрено наше образованіе, но не дано власти надъ нами; они только *обязаны* развивать наши умственныя способности.»

Дерптскій университетъ крѣпко держится начала, испытаннаго вѣками; наши университеты, вѣроятно, въ убѣжденіи, что средневѣковое начало отжило свой вѣкъ и годно только для Западной феодальной Европы, принимаютъ въ видѣ опыта другую систему, результаты которой пока еще неизвѣстны. Едва ли эта новая система основывается на вѣковыхъ обычаяхъ и коренныхъ свойствахъ народнаго духа: кажется, она болѣе выведена изъ тѣхъ теорій конца XVIII вѣка, по которымъ стремятся все подвести къ единству государственнаго начала. Конечно, ученый корпусъ избавляется отъ излишней отвѣтственности, отъ трудной обязанности руководить молодыхъ людей не только въ наукѣ, но и во всѣхъ случаяхъ жизни; сколько на этомъ выиграютъ образованіе и самое юношество — покажетъ время.

Ст. 129.. «Испытаніе отъ ищущаго докторской степени требуется только въ томъ случаѣ, если наука, по которой написана диссертація, не входила въ составъ его магистерскаго экзамена.»

Испытаніе это должно ограничиваться только тою наукою, по которой написана диссертація, или въ него входятъ и нѣкоторые другіе предметы?

Въ «проектѣ» нигдѣ не видно, чтобы въ устройствѣ ***Россійскихъ университетовъ*** были приняты во вниманіе начала Русской жизни и народнаго духа. Конечно, наука не имѣетъ народности; но въ самомъ духѣ учрежденія, въ способѣ веденія молодыхъ людей могли быть сохранены нѣкоторыя стороны народнаго взгляда на воспитаніе, оттѣнки извѣстнаго семейнаго быта, на которыхъ утверждается весь строй общественнаго порядка. Вслѣдствіе полнаго разрыва нашего образованія съ бытовыми преданіями народа, со всѣми завѣтами старины, мы видѣли примѣры, что дѣти помѣщиковъ возмущали цѣлыя деревни противъ собственныхъ родителей, которыхъ они считали людьми отсталыми, совершенно неспособными сочувствовать интересамъ современной жизни, будто бы просвѣтленной высшимъ знаніемъ... Безъ сомнѣнія, въ такихъ явленіяхъ нельзя обвинять знанія: они возникли по большей части изъ постороннихъ обстоятельствъ; но во всякомъ случаѣ желательно, чтобы не было полнаго разрыва между веденіемъ молодыхъ людей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и бытовыми пре-

даніями народа. Желательно, по возможности, поддержать въ молодыхъ людяхъ необходимую связь съ семейнымъ бытомъ и уваженіе къ священнымъ преданіямъ той страны, въ которой имъ суждено жить и дѣйствовать.

---

2. Инспектора лицея князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи Андріевскаго.

Совѣтъ лицея князя Безбородко, разсматривая уставъ лицея примѣнительно къ проекту общаго устава университетовъ, обратилъ вниманіе свое между прочими §§ на 38, въ соотвѣтственность которому и постановилъ мнѣніе: что одинъ изъ профессоровъ лицея, по опредѣленію совѣта онаго, будетъ избираемъ инспекторомъ лицея, и въ возмездіе за труды свои будетъ пользоваться квартирою, отъ лицея ему отводимой. И такъ, отдѣльнаго инспектора лицея и гимназіи, какъ было по уставу лицея до сихъ поръ, совѣтъ лицея нашелъ ненужнымъ. Съ состоявшимся таковымъ мнѣніемъ совѣта, принявъ во вниманіе мѣстныя обстоятельства лицея и гимназіи, я не могъ согласиться по слѣдующимъ причинамъ. Такъ какъ при Нѣжинской гимназіи находится ученическій пансіонъ, то, по смыслу § 274 проекта устава учебныхъ заведеній, долженъ быть при немъ и инспекторъ. А если, согласно состоявшемуся мнѣнію совѣта лицея, въ то же время и въ лицеѣ будетъ инспекторъ — одинъ изъ профессоровъ лицея, то у одного и того же директора лицея и гимназіи будутъ два помощника, одинъ по лицею, а другой по гимназіи — заведеніямъ, помѣщающимся въ одномъ и томъ же зданіи. Будетъ ли это полезно для заведеній? И можетъ ли быть это на самомъ дѣлѣ примѣнимо? Такое назначеніе въ лицеѣ отдѣльнаго изъ профессоровъ инспектора неминуемо повлечетъ за собою столкновеніе властей, породитъ между инспекторомъ лицея и инспекторомъ пансіона при гимназіи неизбѣжныя, другъ къ другу непріязненныя отношенія уже и по той только причинѣ, что оба эти заведенія помѣщаются въ одномъ зданіи. Даже при всемъ благоразуміи этихъ двухъ лицъ, сами воспитанники непремѣнно породятъ между ними несогласія, потому что между студентами, напр. лицея, всегда найдутся такія личности, которыя, по прежнимъ непріятнымъ столкновеніямъ съ бывшимъ своимъ инспекторомъ, взду-

маютъ отплатить послѣднему извѣстнаго рода продѣлками, какъ лицу, отъ котораго они уже болѣе не зависятъ. Какъ вслѣдствіе такихъ случаевъ, такъ и вообще, инспекторъ при пансіонѣ гимназіи ставится въ ненормальное положеніе относительно лицея, равнымъ образомъ и инспекторъ лицея будетъ находиться въ такомъ же положеніи относительно гимназіи. Наконецъ, въ случаѣ болѣзни директора или отлучки его изъ заведеній на извѣстное болѣе или менѣе продолжительное время, кто же вступаетъ въ его права по управленію заведеніями? Инспекторъ лицея, не будучи членомъ гимназіи и не зная состоянія и хода дѣлъ оной, какъ членъ совершенно другаго заведенія, не можетъ вступить въ управленіе тѣмъ и другимъ заведеніемъ вмѣстѣ. Инспекторъ же гимназіи, какъ членъ низшаго учебнаго заведенія, тѣмъ еще болѣе. И такъ въ лицеѣ долженъ заступить мѣсто директора инспекторъ лицея, а въ гимназіи — инспекторъ пансіона при гимназіи. Даже, если допустить, что съ уничтоженіемъ почему бы то ни было пансіона при гимназіи, упразднится и должность инспектора приономъ, то все-таки, въ отсутствіи директора, мѣсто его долженъ занять, по существующимъ порядкамъ настоящимъ и вѣроятно будущимъ и по всей справедливости, ближайшій изъ членовъ гимназіи, т. е. одинъ изъ старшихъ учителей, но ни въ какомъ случаѣ не инспекторъ лицея, какъ лицо совершенно другаго заведенія. Все-таки въ двухъ заведеніяхъ, помѣщающихся въ одномъ и томъ же зданіи, являются два начальствующія лица. Но дѣло это очевидно невозможное. По этимъ-то мѣстнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ исключительно находятся лицей князя Безбородко и Нѣжинская гимназія, я позволяю себѣ думать, что должность инспектора того и другаго заведенія должна быть присвоена совершенно отдѣльному лицу, какъ это и было допущено уставомъ лицея до сихъ поръ. Необходимость самостоятельнаго инспектора при лицеи князя Безбородко и Нѣжинской гимназіи особенно дѣлается очевидною, если не выпускать изъ виду, что здѣсь соединятся три заведенія вмѣстѣ: лицей, гимназія и прогимназія, въ которыхъ будетъ зачѣмъ смотрѣть.

Въ заключеніе же и подтвержденіе всего выше мною сказаннаго необходимымъ считаю привести здѣсь опредѣленіе совѣта лицея князя Безбородко, 21 сентября 1860 года состоявшееся, какъ очевидно, противорѣчащее нынѣшнему:

Читана записка профессора Кавелина о необходимости и пользѣ отмѣнить § 86 общаго устава университетовъ, препровожденная

въ совѣтъ лицея при предложеніи г. помощника попечителя округа отъ 9 сентября за № 4239. По надлежащемъ обсужденіи, опредѣлено: совѣтъ лицея вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе профессора Кавелина, что § 86 общаго устава университетовъ (соотвѣтствующій § 46 устава лицея князя Безбородко) нѣтъ возможности выполнить для профессоровъ, добросовѣстно приготовляющихъ лекціи, особенно же для начинающихъ, и что.....

И такъ совѣтъ лицея, въ только что приведенномъ своемъ опредѣленіи, находитъ, что профессоръ лицея и безъ постороннихъ занятій слишкомъ обремененъ приготовленіемъ лекцій; теперь же полагаетъ, что должность инспектора возможно соединить съ должностію профессора безъ помѣхи прямымъ его ученымъ занятіямъ. Какимъ же образомъ согласить эти два очевидныя противорѣчія?

III.

Помощника попечителя Кіевскаго учебнаго округа Михневича.

Проектъ общаго устава университетовъ не произвелъ собственно никакихъ радикальныхъ измѣненій въ уставѣ 1835 года. Но въ немъ есть улучшенія, которыя могутъ способствовать къ увеличенію значенія нашихъ университетовъ и къ значительному возвышенію уровня отечественнаго просвѣщенія. Доцентство, правильно-организованное и приведенное въ должныя формы, можетъ быть живымъ источникомъ движенія, жизни и силъ, необходимыхъ къ постоянному обновленію научно-образовательной дѣятельности нашихъ университетовъ, замѣтно нуждающихся теперь въ подобномъ жизненномъ началѣ. Проректорство, замѣняющее собою безвліятельное состояніе нынѣшней инспекціи, даетъ надежду, что возстановляемое мало по малу научно-нравственное вліяніе учащихъ на учащихся приведетъ наконецъ тѣхъ и другихъ въ должныя взаимныя отношенія и скрѣпитъ связь между ними личнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Надзоръ надъ студентами, какъ студентами, не соединенный съ опекою надъ ними, какъ членами гражданскаго общества, заставитъ ихъ болѣе родниться съ жизнію и разстаться съ тою ложною мыслію, будто бы для нихъ существуютъ такія-то особенныя условія общественной жизни, дающія

имъ право составлять изъ себя особое общество (status in statu). Усиленіе коллегіальнаго начала университетскихъ совѣтовъ, расширеніе круга внутренняго управленія университетовъ, сокращеніе и упрощеніе сношеній и формъ администраціи,—все это такія условія будущаго благосостоянія университетовъ, которыя много говорятъ въ пользу нашего проекта устава ихъ, такъ какъ отъ нихъ можно ожидать и большей самодѣятельности университетовъ, и лучшаго употребленія имѣющихся у нихъ средствъ, и скорѣйшаго достиженія предназначенныхъ имъ цѣлей. Если къ этимъ улучшеніямъ внутренняго состоянія университетовъ присоединится еще соразмѣрное мѣстнымъ потребностямъ увеличеніе матеріальныхъ средствъ какъ самихъ университетовъ, такъ и служащихъ при нихъ лицъ, то цѣль предложеннаго на обсужденіе проекта устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ будетъ достигнута по крайней мѣрѣ на столько, что надлежащее осуществленіе этого проекта принесетъ плоды, какихъ мы въ правѣ ожидать отъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Нѣтъ сомнѣнія, что будущая редакція этого устава сдѣлаетъ въ немъ исправленія и пополненія, подобныя слѣдующимъ: въ статьѣ 1-й § 35, послѣ словъ: *избраніе ректора*, нужно бы прибавить: *и проректора*. Въ статьѣ 10-й того же параграфа, вмѣсто *по предположеніямъ попечителя*, должно сказать: *по предложеніямъ*. Въ § 87, гдѣ говорится о наблюденіи за исполненіемъ правилъ, установленныхъ для студентовъ, сказано: *и другихъ служителей;* безъ сомнѣнія, разумѣются не служители, а *слушатели*.

IV.

Инспектора казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа Шестакова.

Настоящій проектъ общаго устава Русскихъ университетовъ не много отличается отъ прежняго университетскаго устава: та же цѣль университета быть высшимъ учебнымъ учрежденіемъ для образованія молодыхъ людей, уже получившихъ и доказавшихъ познанія, необходимыя для пониманія и отчетливаго усвоенія лекцій; тѣ же факультеты съ тѣми же разнообразными предметами; то же

преобладаніе выборнаго начала, имѣющее цѣлію усилить самодѣятельность ученаго университетскаго сословія; то же отсутствіе контроля надъ дѣйствіями профессоровъ. Есть, правда, нѣсколько постановленій новыхъ; такъ сюда вошли послѣднія постановленія относительно студентовъ, новое постановленіе о пріобрѣтеніи ученыхъ степеней (§ 129), о доцентахъ старшихъ и младшихъ и приватъ-доцентахъ (§§ 70—75). Въ чемъ будутъ состоять обязанности приватъ-доцентовъ: будутъ ли они читать курсы параллельно съ профессорами, возбуждая тѣмъ соревнованіе въ нихъ и предоставляя студентамъ и слушателямъ право выбирать чтенія профессора или приватъ-доцента; или они будутъ читать, лишь по назначенію факультета, опредѣленные отдѣлы науки, которыхъ не читаетъ профессоръ, — этого изъ устава не видно. Первое, конечно, было бы лучше, особенно при отсутствіи контроля надъ профессорами: существованіе приватъ-доцентовъ было бы дѣйствительною замѣною контроля. Несостоятельность или бездѣйственность профессора обличилась бы тотчасъ же: потому что большинство слушателей оставило бы его и перешло бы на лекціи приватъ-доцента. Существованіе конкурирующихъ съ профессорами приватъ-доцентовъ много бы сгладило шероховатости внутренней университетской жизни, уничтоживъ одну изъ главныхъ причинъ недовольства слушателей — неудовлетворительное чтеніе профессоровъ.

Я не смѣю оспаривать полезности цѣли, назначенной университету новымъ уставомъ, — быть высшимъ учебнымъ учрежденіемъ для образованія молодыхъ людей, уже получившихъ и доказавшихъ познанія, необходимыя для пониманія и усвоенія лекцій. Но считаю долгомъ заявить мое искреннее убѣжденіе, что открытіе дверей университета для всѣхъ равносильно настоящему допущенію постороннихъ лицъ, достигшихъ полнаго совершеннолѣтія (§ 103). Кто же поручится, что такихъ постороннихъ лицъ, не державшихъ никакого экзамена, и слѣдовательно нисколько не доказавшихъ познаній, необходимыхъ для пониманія и усвоенія лекцій, можетъ явиться въ университетъ огромное число, какъ показалъ уже опытъ: въ послѣдній годъ въ Московскій университетъ поступило болѣе 300 стороннихъ слушателей. Увеличимъ это число вчетверо, по числу курсовъ, — и вотъ мы лицемъ къ лицу съ тѣмъ явленіемъ, котораго проектъ университетскаго устава такъ видимо рачительно избѣгаетъ, — у насъ въ университетѣ большинство слушателей будетъ *не доказавшихъ* познаній, необходимыхъ для пониманія и

усвоенія лекцій. Но будетъ ли это явленіе вредно для университета? Не думаю. Всякій понимаетъ свою собственную пользу, и ни одинъ, не могущій усвоивать университетскія лекціи, не станетъ понапрасну ходить въ университетъ и даромъ платить за слушаніе лекцій, которыхъ онъ понимать не въ состояніи. Стало быть этого явленія бояться нечего, и смѣло можно допускать въ университетъ постороннихъ лицъ въ какомъ бы то ни было числѣ. Мнѣніе нѣкоторыхъ, что аудиторія образуетъ профессора, я считаю парадоксальнымъ и идущимъ скорѣе къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ учитель — въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и бесѣдѣ съ учениками, — а профессору университета, излагающему съ каѳедры науку въ современномъ ея состояніи, кто бы его ни слушалъ, нѣтъ необходимости популяризировать науку: для популяризаціи есть надлежащее мѣсто — публичныя чтенія.

Въ факультетахъ проектъ удержалъ всѣ науки, которыя читаются въ настоящее время. Я не встрѣчаю здѣсь предполагавшагося въ нѣкоторыхъ университетахъ раздѣленія историко-филологическаго факультета на историческій и филологическій, физико-математическаго на чисто-математическій и естественный. Не касаясь другихъ факультетовъ, я не могу не замѣтить, что въ историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ новымъ проектомъ допущены психологія и педагогія, ощутителенъ недостатокъ въ популярной физіологіи здороваго организма, съ которою всякому педагогу необходимо ознакомиться, потому что физическое воспитаніе дѣтей должно основываться на физіологическихъ началахъ. Не могу не замѣтить также, что историко-филологическому факультету грозитъ незавидная доля: новый проектъ устава общеобразовательныхъ заведеній, по примѣру послѣднихъ лѣтъ, даетъ перевѣсъ реальному образованію и изгоняетъ изъ гимназій Греческій языкъ, давая ему мѣсто въ одной изъ гимназій университетскихъ городовъ (§ 178); слѣдовательно нельзя не ожидать такихъ же печальныхъ для историко-филологическаго факультета результатовъ, какіе уже оказались, именно крайне-недостаточнаго числа студентовъ, а вслѣдствіе этого бѣдности въ учителяхъ. Если не измѣнится проектъ общеобразовательныхъ заведеній въ пользу филологическихъ гимназій, то необходимо было бы по крайней мѣрѣ дозволить учителю Латинскаго языка реальной гимназіи преподавать Греческій языкъ для желающихъ, за что назначать ему прибавочное жалованье по мѣрѣ трудовъ. Этимъ дана была бы возможность и ученикамъ губернскихъ гимназій поступать на исто-

рико-филологическій факультетъ, а чрезъ то подбавлялись бы въ него отовсюду свѣжія силы.

Выборное начало, по новому проекту, распространено и на ректора, который по § 25, «имѣя ближайшее попеченіе о благоустройствѣ университета, наблюдаетъ: 1) чтобы принадлежащія къ оному мѣста и лица исполняли въ точности свои обязанности и 2) чтобы университетское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности». По § 63 онъ имѣетъ право дѣлать замѣчанія всѣмъ лицамъ, отъ него зависящимъ, въ случаѣ усмотрѣнныхъ съ ихъ стороны упущеній и неисправностей. Спрашивается: не говоря о томъ, что, какъ лицо, зависящее отъ выбора, онъ едва ли захочетъ заводить непріятности съ своими избирателями, можетъ ли онъ слѣдить за преподаваніемъ всѣхъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ и замѣчать ихъ упущенія? Какіе у него для того органы? Деканы? Но имъ ни однимъ словомъ устава не предоставлено права наблюдать за преподаваніемъ профессоровъ своего факультета. Самъ же ректоръ не имѣетъ для того ни времени, ни познаній по всѣмъ предметамъ всѣхъ факультетовъ. Слѣдовательно обязанность, возлагаемая на него § 62-мъ, и право, предоставляемое ему § 63-мъ, — только номинальныя, какими они и были въ дѣйствительности до сего времени. Такою же статьею *для счета* останется и пунктъ 5-й § 35-го, по которому къ предметамъ занятій совѣта университетскаго отнесено: «изслѣдованіе упущеній университетскихъ преподавателей въ исправленіи ихъ должностей». Кто же будетъ докладчикомъ объ этихъ упущеніяхъ? И кто судьи? Товарищи обвиняемаго. И по прежнему уставу совѣту университета § 84-мъ предоставлено было право удалять нерадивыхъ отъ должности; но исполнялось ли это когда-нибудь и удобоисполнимо ли, особенно при условіи удалять не иначе, какъ по приговору, утвержденному, по крайней мѣрѣ, двумя третями голосовъ въ совѣтѣ (§ 83 новаго проекта)? И такъ единственное средство контроля надъ чтеніемъ профессоровъ несостоятельно; слѣдовательно дѣйствія профессоровъ по ихъ каѳедрамъ совершенно безконтрольны. Потому-то введеніе въ университетъ приватъ-доцентовъ, читающихъ параллельно съ профессорами и конкурирующихъ съ ними, есть дѣло первой необходимости: ибо, по моему крайнему убѣжденію, самый лучшій и вѣрный путь прекратить безпорядки между студентами, это — серьезно занять ихъ дѣломъ науки. Все благосостояніе и спокойствіе университета по преимуществу зависитъ отъ дѣятельности профессоровъ.

Прибавляю къ этому нѣсколько замѣтокъ на отдѣльные §§ устава.

§ 18. Не полезнѣе ли, вмѣсто штатныхъ лекторовъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, назначать приватъ-доцентовъ съ тѣмъ, чтобы они получали плату за лекціи отъ слушателей, такъ какъ новѣйшіе языки не входятъ собственно въ курсъ ни одного факультета. Если установить это правило, тогда, съ достовѣрностію можно сказать, на самомъ дѣлѣ окажется излишность лекторскихъ должностей: и въ настоящее время къ лекторамъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ почти никто не ходитъ.

Въ §§ 37 и 41 сказано, что университетскій совѣтъ и правленіе ежемѣсячно доставляютъ въ подлинникѣ протоколы своихъ засѣданій попечителю для прочтенія. Только *для прочтенія?* А если попечитель будетъ не согласенъ съ распоряженіями совѣта и правленія?...

§ 99. «Удовлетворившіе требованіямъ, изъясненнымъ въ §§ 97 и 98, для зачисленія въ студенты, обязаны написать въ университетѣ одно или нѣсколько сочиненій на заданныя темы по предметамъ гимназическаго курса и дать устное по симъ сочиненіямъ объясненіе.» Другими словами: выдержавшіе одинъ экзаменъ въ гимназіи, должны подвергнуться *вторичному* испытанію въ университетѣ. Въ этомъ § не объяснено, на Русскомъ ли языкѣ они должны написать сочиненія или и на иностранныхъ. Такая недомолвка можетъ впослѣдствіи повести къ самопроизвольнымъ толкованіямъ. А справедливѣе всего было бы не обязывать вновь вступающихъ, выдержавшихъ уже испытаніе на званіе студента въ одной изъ гимназій, ни къ какимъ сочиненіямъ въ университетѣ. Къ чему этотъ двойственный контроль, двойственный экзаменъ? Изъ недовѣрія къ производству экзаменовъ въ гимназіяхъ? но этого недовѣрія быть не должно, потому что экзаменъ въ гимназіяхъ производится цѣлымъ педагогическимъ совѣтомъ.

§ 108. Для облегченія недостаточныхъ студентовъ, полезно было бы дозволить отсрочку взноса платы за слушаніе лекцій до окончанія курса въ университетѣ и поступленія на службу государственную или частную, какъ это дѣлается въ заграничныхъ университетахъ. Такая отсрочка уменьшила бы навѣрное число просящихъ объ освобожденіи отъ платы: каждый дѣльный и самостоятельный студентъ съ большею охотою согласился бы просить объ этой отсрочкѣ, чтобы быть обязану своимъ образованіемъ себѣ, чѣмъ добиваться вовсе освобожденія отъ платы за слушаніе

лекцій. При существованіи такой отсрочки, навѣрное можно сказать, университетъ гораздо меньше потеряетъ, потому что взысканіе недоимочныхъ денегъ съ окончившихъ курсъ произвести всегда легко законными путями. Да и едва ли бы пришлось прибѣгать къ такимъ взысканіямъ: каждый, получившій окончательное образованіе въ университетѣ, конечно, будетъ считать долгъ свой этому заведенію самымъ священнымъ долгомъ и поспѣшитъ уплатить его.

§§ 87—90. Полезно было бы, мнѣ кажется, предоставить проректору или инспектору студентовъ всѣхъ университетовъ то же, что предоставлено по уставу нроректору Дерптскаго университета (стр. 27, приложенія. б) О проректорѣ).

§ 152. Справедливость требовала бы повысить должность ординарнаго профессора въ VI классъ, а экстраординарнаго въ VII.

О штатахъ университетскихъ я не считаю себя въ правѣ говорить, полагая, не безъ основанія, что они будутъ увеличены надлежащимъ образомъ.

V.

Директора Московской второй гимназіи Авилова.

Въ главѣ IV, отдѣл. I, при исчисленіи правъ, предоставляемыхъ попечителямъ, пропущено право разрѣшать профессорамъ и лицамъ учебнаго вѣдомства чтеніе публичныхъ лекцій, которое имѣлось въ виду предоставить имъ, какъ видно изъ объяснительной записки къ проекту устава (стр. 35).

Въ § 51 предоставляется попечителямъ принимать законныя мѣры въ случаѣ неисполненія своихъ обязанностей со стороны мѣстъ и лицъ, принадлежащихъ къ университету. Здѣсь же должно бы было упомянуть и о правѣ ихъ — награждать достойныхъ, о которомъ не упоминается нигдѣ въ проектѣ устава.

§ 81. Оставленіе профессора, по выслугѣ срока на полную пенсію, вновь на службѣ предоставляется рѣшенію одного совѣта. Опытъ уже показалъ всѣ невыгоды этого порядка, при которомъ въ рѣшеніи дѣла на голосъ произносящихъ приговоръ невольно оказывается вліяніе пристрастія судьи въ собственномъ дѣлѣ, эгоистической мысли о необходимомъ примѣненіи того же суда вно-

слѣдствіи къ самому судьѣ. Если коммиссія, составлявшая проектъ, руководствовалась основательными соображеніями, ограждая (§ 58) университеты отъ произвола попечителей и предоставляя совѣту и правленію, въ случаѣ затрудненія исполнить какое-нибудь ихъ предложеніе, возможность передавать дѣло на рѣшеніе министра: то, по моему мнѣнію, было бы настолько же справедливымъ оградить и интересы слушателей, а слѣдовательно и всего общества, отъ возможнаго пристрастія со стороны совѣта и предоставить попечителямъ право, въ случаѣ ихъ несогласія съ рѣшеніями совѣта въ дѣлахъ объ оставленіи профессоровъ въ должности по выслугѣ 25-ти лѣтъ, представлять мнѣніе совѣта съ своимъ заключеніемъ на окончательное рѣшеніе министра. Никто не станетъ утверждать, чтобъ университетъ былъ такое учрежденіе, которое существуетъ само для себя, а не для общества; какимъ же образомъ не оставить за обществомъ и той незначительной доли вліянія на дѣла его, которое бы могло въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ рѣшеніе объ оставленіи профессора вновь на службѣ, открыться хотя чрезъ посредство попечителя, какъ такого лица, которое, стоя, по своему положенію, внѣ личныхъ интересовъ, могло быть безпристрастнымъ проводникомъ этого вліянія. Съ предоставленіемъ совѣту права на окончательное рѣшеніе тѣмъ менѣе можно согласиться, что въ совѣтѣ участвуютъ только ординарные и экстраординарные профессоры, наиболѣе заинтересованные въ благопріятномъ исходѣ суда, и не участвуютъ даже доценты, которые бы могли быть естественными представителями стороны оппозиціонной и своимъ участіемъ способствовать къ менѣе одностороннему рѣшенію, или, по крайней мѣрѣ, къ уясненію дѣла съ разныхъ сторонъ. Конечно, коммиссія, дѣлая постановленіе, заключающееся въ этомъ §, руководствовалась вѣрнымъ основаніемъ—сознаніемъ необходимости предоставить университетамъ бóльшую свободу въ чисто-ученой дѣятельности и тѣмъ (стр. 34) содѣйствовать увеличенію усердія ихъ членовъ; однакоже, она сочла возможнымъ допустить примѣненіе этого начала въ административной дѣятельности только по тѣмъ предметамъ, которые не могутъ имѣть вліянія на общій ходъ этихъ высшихъ учебныхъ учрежденій. И потому, если оставленіе профессора на службѣ по прошествіи 25 лѣтъ не столько относится къ чисто-ученой дѣятельности университетовъ, сколько къ административной; то и ограниченіе правъ совѣта въ дѣлахъ этого рода не будетъ отклоненіемъ отъ принятыхъ коммиссіей основаній.

Если даже принять, что коммиссія, предоставляя совѣтамъ университетовъ по дѣламъ этого рода полную независимость, относила ихъ къ тѣмъ дѣйствіямъ, въ которыхъ «повѣрка высшей власти, встрѣчая непреодолимыя препятствія, *может*ъ обращаться въ формальность, освобождающую отъ отвѣтственности подчиненныя мѣста и лица»; то и въ такомъ случаѣ противъ этого параграфа устава можно бы было сказать, что онъ закрываетъ возможность въ дѣлахъ университета имѣть вліяніе всѣмъ его элементамъ. Примѣчаніе къ § 31 постановляетъ правиломъ, чтобъ въ дѣлахъ совѣта, восходящихъ на разсмотрѣніе попечителя, прилагалось и мнѣніе меньшинства. Примѣняя это положеніе къ настоящему вопросу, можно бы, кажется, согласить и самостоятельность въ дѣйствіяхъ университета и пользу слушателей и общества, постановивъ по крайней мѣрѣ, чтобъ, при разсужденіяхъ совѣта объ оставленіи профессоровъ вновь на службѣ, допускаемы были въ засѣданія его съ правомъ голоса и доценты, и чтобы, въ случаѣ разногласія, окончательное рѣшеніе предоставлялось высшей власти.

§ 87. Положеніе инспектора студентовъ или проректора, по проекту новаго устава, представляется въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели это было до сихъ поръ, особенно если онъ выбирается изъ членовъ университета: становясь постояннымъ членомъ правленія, онъ перестаетъ уже быть только полицейскимъ чиновникомъ, изолированнымъ отъ участія въ общихъ дѣлахъ университета. Можно только пожалѣть, что коммиссія, при измѣненіи его положенія, остановилась на полпути и не сдѣлала рѣшительнаго шага, постановивъ окончательно замѣненіе инспектора проректоромъ и установивъ такимъ образомъ на прочныхъ основаніяхъ положеніе лицъ, занимающихъ эти мѣста, между прочими членами университета. Но коммиссія въ своей объяснительной запискѣ хотя и не высказала причинъ, по которымъ нѣкоторые университеты встрѣтили особыя къ тому препятствія, однакожъ признали ихъ уважительными для этихъ университетовъ. Поэтому, принимая необходимость поручать надзоръ за студентами либо проректорамъ, либо инспекторамъ, можно только обсуждать, все ли сдѣлано коммиссіей, чтобы поставить ихъ въ возможно выгодное положеніе для достиженія цѣлей ихъ должности. Кажется, для этого полезно бы было сдѣлать въ уставѣ слѣдующія дополненія: во-1-хъ, предоставить имъ право быть членами совѣта, — что по настоящему проекту возможно только для проректора, и право участвовать съ голосомъ въ засѣданіяхъ факультетовъ по дѣламъ, касающимся прямо слу-

дентовъ, какъ наприм. такимъ, которыя возлагаются на факультетскія собранія въ § 26, г. 9, — что̀ по проекту устава не предоставляется даже и проректорамъ, если они сами не принадлежатъ къ факультету. Во-2-хъ, кромѣ обязанности наблюдать за исполненіемъ установленныхъ для студентовъ и слушателей правилъ, предоставить имъ право быть ближайшими защитниками ихъ интересовъ, такъ, чтобы студенты могли всегда обращаться къ нимъ по всѣмъ своимъ университетскимъ нуждамъ.

Такое соединеніе обязанности взыскивать со студентовъ съ правомъ быть ихъ *законнымъ* защитникомъ поставило бы и проректора и инспектора въ самыя выгодныя отношенія къ студентамъ, снявъ съ ихъ дѣятельности исключительно принудительный характеръ полицейскаго чиновника. Возлагаемая на нихъ въ университетахъ дѣятельность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ входитъ, по отношенію къ гимназистамъ и кадетамъ, въ число обязанностей директоровъ и инспекторовъ; но извѣстно изъ опыта, что тамъ исполненіе подобныхъ обязанностей не имѣетъ послѣдствіемъ тѣхъ непріязненныхъ отношеній, которыя приходятся на долю инспекторовъ студентовъ. Такое различіе результатовъ, по моему мнѣнію, нельзя приписать ничему другому, какъ тому, что воспитанникъ среднихъ учебныхъ заведеній въ директорѣ и инспекторѣ видитъ не только лицо, стѣсняющее его произволъ, но и заботящееся объ немъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Помимо этой существенной пользы, которой со всей вѣроятностью можно ожидать отъ соединенія съ званіемъ проректора или инспектора такой новой дѣятельности, подобная мѣра выполнила бы одинъ очень важный пропускъ въ проектѣ устава. Коммиссія справедливо «считала одной изъ своихъ главныхъ задачъ развить въ уставѣ такія начала, которыя усилили бы вліяніе ученаго университетскаго сословія на студентовъ» (стр. 33); но она не указала достаточныхъ мѣръ противъ неисполненія обязанности въ отношеніи къ студентамъ со стороны преподавателей. Уставъ постановляетъ, (§ 83) что, въ случаѣ нерадѣнія преподавателей и при безуспѣшности замѣчаній имъ о томъ со стороны ректора, совѣтъ обязанъ представить объ удаленіи преподавателей отъ должности. Но одной этой мѣры, какъ указалъ опытъ, едва ли достаточно, тѣмъ болѣе, что, по самой важности ея, совѣтъ рѣшится прибѣгать къ ней только въ крайнихъ случаяхъ. Она далеко не замѣняетъ того естественнаго контроля, который возможенъ въ университетахъ, гдѣ студентамъ предоставленъ свободный выборъ между

профессорами, читающими одинъ и тотъ же предметъ, и гдѣ, при неудовлетворительности лекцій профессора, уменьшеніе числа слушателей тотчасъ же оказывается пониженіемъ выгодъ, получаемыхъ отъ взносимаго студентами гонорарія.

Вводя у насъ въ число преподавателей доцентовъ, которые могутъ читать лекціи по тому же предмету, по которому они уже читаются профессоромъ, и которые могутъ такимъ образомъ привлечь въ свои аудиторіи студентовъ, если они не удовлетворяются чтеніемъ должностныхъ профессоровъ, уставъ даетъ возможность имѣть осязательныя данныя для оцѣнки достоинствъ ихъ курсовъ и въ нашихъ университетахъ; но такая оцѣнка, не сопровождаемая никакой потерей матеріальныхъ выгодъ, не можетъ еще вполнѣ вознаградить неудобствъ, проистекающихъ отъ отсутствія гонорарія, тѣмъ болѣе, что доценты поставлены въ строгую зависимость отъ тѣхъ же профессоровъ посредствомъ положенія о возобновленіи ихъ избранія совѣтомъ чрезъ каждые три года и слѣдовательно конкуренты профессоровъ не имѣютъ сами прочнаго существованія, которое бы дѣлало ихъ независимыми. По этому, если устройство университетовъ не оставляетъ мѣста для вліянія на профессоровъ посредствомъ уменьшенія или увеличенія ихъ гонорарія, если отсутствіе дѣйствительной конкуренціи не даетъ даже возможности повѣрять достоинство лекцій профессора фактически, различіемъ количества слушателей у разныхъ профессоровъ одного и того же предмета; если при этомъ, по причинамъ безспорнымъ, нельзя студентамъ дозволить выражать одобреніе или порицаніе преподаванія: то, при возможности неисполненія со стороны профессоровъ ихъ обязанностей въ отношеніи къ студентамъ, для предотвращенія невольнаго взрыва неудовольствія, необходимо открыть какой-нибудь законный путь для спокойнаго заявленія справедливыхъ претензій со стороны студентовъ. Мнѣ кажется, что, при отсутствіи другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствъ, для этой цѣли всего скорѣе можно воспользоваться званіемъ проректора или инспектора, сдѣлавши его законнымъ посредникомъ между обѣими сторонами, давши ему право выслушивать, а студентамъ — право высказывать ему всѣ поводы къ неудовольствіямъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ потомъ, если признаетъ ихъ основательными, заявлялъ объ нихъ отъ своего лица въ совѣтѣ или правленіи или ректору, какъ лицу, уполномоченному дѣлать замѣчанія въ случаѣ усмотрѣнныхъ имъ упущеній, и такимъ образомъ предупреждалъ личныя столкновенія между профессорами и ихъ слушателями.

§ 89. «Проректоръ или инспекторъ дѣйствуетъ по данной ему совѣтомъ инструкціи, утвержденной попечителемъ, а въ случаяхъ, превышающихъ предоставленную ему власть, входитъ съ представленіями въ совѣтъ и правленіе». По самой сущности дѣлъ, относящихся къ вѣдѣнію проректора или инспектора, этотъ § представляется не полнымъ: по службѣ ихъ могутъ представиться случаи, гдѣ потребуется распоряженіе, котораго нельзя откладывать до собранія совѣтами правленія. По такимъ дѣламъ должно существовать непосредственное подчиненіе ихъ ректору, тѣмъ болѣе, что ему въ самомъ уставѣ (§ 65), въ случаяхъ важныхъ и нетерпящихъ отлагательства, предоставлено право принимать нужныя мѣры, хотя бы таковыя и превышали власть его. Въ административномъ управленіи необходимо единство власти.

§ 90. Избраніе чиновниковъ, назначаемыхъ въ помощь проректору или инспектору, предоставляется совѣту: правильнѣе было бы предоставить совѣту только утвержденіе ихъ, а избраніе оставить за проректоромъ или инспекторомъ; отъ нихъ можно ожидать болѣе осмотрительности при выборѣ, потому что на нихъ прежде всего лежитъ отвѣтственность за дѣйствія помощниковъ.

§ 97. Для вступленія въ университетъ назначается 17-лѣтній возрастъ: положеніе, основаніе котораго понять довольно трудно. Можно требовать, чтобъ въ университетъ не вступали молодые люди, не готовые къ слушанію лекцій по своему развитію; но назначить для вступленія опредѣленный возрастъ значитъ придавать году разницы въ лѣтахъ слишкомъ большое значеніе въ ихъ нравственномъ развитіи. Прежній уставъ допускалъ вступленіе въ университетъ въ 16 лѣтъ, и справедливость требовала бы, чтобы было пока дѣлаемо исключеніе изъ этого правила для тѣхъ гимназистовъ, которыхъ ученіе, на основаніи прежнихъ правилъ, было такъ расположено родителями, что они должны окончить курсъ ранѣе этого возраста, потому что годъ, проведенный ими между окончаніемъ гимназическаго курса и вступленіемъ въ университетъ въ праздности, можетъ повлечь за собой неблагопріятныя послѣдствія.

§ 99. Молодые люди, получившіе изъ гимназій аттестатъ объ окончаніи курса или свидѣтельство объ удовлетворительномъ изъ него экзаменѣ, «для зачисленія въ студенты обязаны написать въ университетѣ одно или нѣсколько сочиненій на заданныя темы по предметамъ гимназическаго курса и дать устное по симъ сочиненіямъ объясненіе». Это постановленіе не только равнозначительно совершенной отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія о производствѣ

для желающихъ поступить въ университетъ пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, не только открываетъ опять свободное поле для вмѣшательства въ дѣла гимназій лицамъ, не несущимъ на себѣ никакой отвѣтственности за успѣшный въ нихъ ходъ ученія, но и налагаетъ на молодыхъ людей тяжелую обязанность держать двойной экзаменъ. Можно представить себѣ только двѣ причины, по которымъ для зачисленія въ студенты недостаточно аттестата изъ гимназіи: или члены гимназическаго совѣта не могутъ вѣрно опредѣлить, что̀ нужно для вступленія въ университетъ, или не хотятъ. Первое предположеніе было бы довольно странно по отношенію къ лицамъ, на которыхъ лежитъ прямая обязанность приготовлять своихъ учениковъ къ университетскому курсу; второе предположеніе въ такой же степени можетъ быть приложено къ экзаменаторамъ гимназическимъ, какъ и къ университетскимъ. Если же дать этому второму испытанію характеръ суда 2-й высшей инстанціи: то положеніе экзаменаторовъ низшей инстанціи будетъ не менѣе невыгодно, какъ и самихъ экзаменуемыхъ двукратно, и гораздо невыгоднѣе обыкновенныхъ судей, приговоры которыхъ точно опредѣляются законами и слѣдовательно не могутъ быть произвольно измѣняемы, тогда какъ въ оцѣнкѣ знаній не можетъ не участвовать личный взглядъ экзаменатора, и слѣдовательно возможность бо̀льшаго или меньшаго произвола въ оцѣнкѣ.

Если уже непремѣнно нуженъ *университетскій* контроль надъ дѣйствіями гимназій, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ состоять не въ кассаціи приговора гимназическаго совѣта, которая бы слишкомъ тяжело падала на желающихъ поступить въ университетъ, а въ передачѣ не основательно выданныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ на судъ административной власти, управляющей гимназіями, и для разбора дѣла въ попечительскомъ совѣтѣ, гдѣ дѣло можетъ быть безпристрастно обсуждено членами отъ университета вмѣстѣ съ прочими членами.

§ 102. «Студентъ, начавшій курсъ въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, можетъ перейти въ другой — по удовлетвореніи требованіямъ совѣта сего послѣдняго»: очень неясное постановленіе, могущее подать поводъ и къ недоразумѣніямъ и къ произволу. Слѣдовало бы обозначить, неисполненіе какихъ требованій можетъ препятствовать переходу студента изъ одного университета въ другой.

§ 108. Облегченія въ платѣ за слушаніе лекцій, допускаемыя этимъ параграфомъ въ отношеніи къ недостаточнымъ студентамъ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ встрѣчены всѣмъ обществомъ съ

большимъ сочувствіемъ, какъ совершенное удовлетвореніе жарко-заявленому имъ протесту противъ распоряженія о требованіи платы почти отъ всѣхъ. Но если нельзя не сочувствовать намѣренію коммиссіи облегчить недостаточнымъ студентамъ доступъ въ университетъ: то, съ другой стороны, нельзя также не видѣть, что новыми постановленіями не вполнѣ ограждаются интересы университета и требованія справедливости: опытъ уже показалъ, что требованіе свидѣтельствъ о бѣдности не мѣшаетъ пользоваться правомъ безплатности и такимъ лицамъ, которыя имѣютъ полную возможность платить. Правда, въ проектѣ къ условіямъ бѣдности присоединяется условіе удовлетворительности занятій. Но этимъ несправедливость устраняется только отчасти; прекращается возможность на счетъ общественныхъ денегъ пріобрѣтать частныя выгоды тѣмъ, которые не могутъ впослѣдствіи даже своей полезной дѣятельностью вознаградить общество за его пожертвованія. При томъ, если нельзя отрицать, что общество выигрываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будетъ въ средѣ его образованныхъ людей, и слѣдовательно на немъ лежитъ обязанность платить, въ видѣ тѣхъ или другихъ повинностей, за приготовленіе полезныхъ дѣятелей: то нельзя также отрицать и того, что отдѣльныя личности въ университетѣ получаютъ способы и для лучшаго достиженія своихъ личныхъ интересовъ, а слѣдовательно также несутъ обязанность платить за это по мѣрѣ возможности. По этому, кажется, было бы полѣзнѣе, еслибъ изъ трехъ способовъ облегченія уплаты, указываемыхъ въ параграфѣ, было дано преимущество особенно первому, т. е. отсрочкѣ платы, разумѣя подъ этимъ не только отсрочку на мѣсяцъ или на два, но и отсрочку до окончанія курса и полученія возможности расплатиться за полученное образованіе по выходѣ изъ университета, когда средства для этого даетъ или государственная служба или частная практическая дѣятельность. Отмѣтка на аттестатѣ студента или кандидата о долгѣ университету могла бы налагать на всѣ подлежащія начальства обязанность взысканія этого долга.

§ 109. Въ числѣ освобождаемыхъ отъ платы безъ представленія свидѣтельствъ о бѣдности не называются штатные казеннокоштные пансіонеры, воспитывавшіеся въ гимназіяхъ на счетъ суммъ государственнаго казначейства, слѣдовательно лица безспорно бѣдныя. Не пропускъ ли это?

§ 111. Въ числѣ лицъ служащихъ, пользующихся безплатнымъ слушаніемъ лекцій, не упоминаются директора и инспектора гимназій.

§ 112. Полученіе права на полученіе стипендій, сверхъ недостаточности, условливается только отличіемъ по способностямъ и успѣхамъ: не полезно ли будетъ въ число условій включить и поведеніе?

§ 116. За удовлетворительныя сочиненія по предлагаемымъ отъ факультетовъ темамъ назначаются медали и почетный отзывъ. Не полезно ли будетъ къ числу вознагражденій присоединить и стипендіи? Найдется между студентами много такихъ (если не большинство), которыхъ родители не могутъ быть отнесены къ числу неимѣющихъ никакой возможности платить за своихъ сыновей, но для которыхъ въ то же время уплата сопряжена съ значительными пожертвованіями. Для такихъ лицъ вознагражденіе посредствомъ стипендій могло бы имѣть большое значеніе.

§ 123. Въ числѣ мѣръ взысканія со студентовъ за неисполненіе ими правилъ снова вводится арестъ. Можно быть увѣреннымъ, что это постановленіе всѣми будетъ встрѣчено съ полнымъ одобреніемъ: это самое полезное средство для предотвращенія уклоненій отъ порядка, которое очень чувствительно для лица виновнаго и въ то же время не вредитъ никакимъ его существеннымъ интересамъ; тогда какъ прочія мѣры (4, 5 и 6) столько же падаютъ на виноватаго, какъ и на родителей, которыхъ не всегда можно обвинять въ такихъ случаяхъ.

VI.

Окружнаго инспектора училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Михельсона.

§ 3. Каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется особому начальству попечителя *того округа, въ которомъ находится университетъ* (т. е. университетъ принадлежитъ къ числу учебныхъ заведеній учебнаго округа. Можетъ быть, со временемъ въ одномъ округѣ будетъ нѣсколько университетовъ. Всѣмъ же округомъ управляетъ попечитель). Можно бы даже сказать: Университеты . . . . . . ввѣряются особому начальству попечителя того округа, къ которому они причислены или принадлежатъ.

§ 9. Въ составъ университета могутъ входить слѣдующіе факультеты: историко-филологическій, физико-математическій, медицинскій, восточный и богословскій.

(Кромѣ того, въ С.-Петерубургскомъ университетѣ и проч. не вѣрно).

1. Философія: Логика. Психологія. *Антропологія. Нравственная философія.* Исторія философіи. Педагогика (отъ чего же и не дидактика?)

9. При вступленіи въ университетъ можно бы отъ будущихъ филологовъ потребовать отличнаго знанія географіи и затѣмъ ужь не читать этого предмета, а замѣнить чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ.

12. А церковное законовѣдѣніе?

По медицинскому факультету:

12. А *специальное* изученіе физики, химіи и ботаники въ примѣненіи къ медицинѣ?

Не пора ли знакомить слушателей со всѣми системами леченія — не только черезъ противниковъ ихъ (т. е. аллопатовъ), но и чрезъ ихъ представителей? Такъ напр. о системѣ гомеопатіи и гидропатіи студенты, вполнѣ довѣряющіе слову профессора, въ продолженіе всего курса слышатъ одни порицанія, насмѣшки и чуть ли не проклятія, тогда какъ эти системы, по словамъ многихъ дѣльныхъ аллопатовъ, имѣютъ свои неоспоримыя заслуги. Audiatur et altera pars, мы часто слышимъ въ жизни, отъ чего же не въ наукѣ? Необходимы каѳедры не только для этихъ предметовъ, но и для врачебной гимнастики, электротерапіи, ортопедіи и т. д., чтобъ дать возможность будущимъ врачамъ поближе ознакомиться съ примѣненіемъ тѣхъ методъ, которыя безъ этого для нѣкоторыхъ на всю жизнь остаются terra incognita.

Тутъ слѣдовало бы прибавить, что при профессорѣ сравнительной анатоміи находится *прозекторъ;* также упомянуть объ астрономахъ-наблюдателяхъ, ученыхъ аптекаряхъ, лаборантахъ и друг.

Вмѣсто отдѣленія «о факультетскихъ собраніяхъ», гдѣ говорится о занятіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ университету, прежде чѣмъ мы познакомились съ этими лицами, слѣдовало бы, кажется, сперва помѣстить главу: о лицахъ, принадлежащихъ университету (что и составитъ 3-ю главу), а затѣмъ уже говорить о ихъ обязанностяхъ.

§ 26. На основаніи 3-го пункта 26-й статьи слѣдовало бы *всѣмъ преподавателямъ* присутствовать въ собраніяхъ; а въ 23-й статьѣ говорится только о профессорахъ и нѣкоторыхъ доцентахъ, а не о лекторахъ и другихъ. 5 и 6. Тоже.

§ 29. Отъ чего не допустить, чтобы отсутствующіе присылали въ совѣтъ письменное мнѣніе? Можетъ же случиться, что профессоръ по уважительнымъ причинамъ не могъ быть на лице; мнѣніе его, при рѣшеніи извѣстнаго вопроса, можетъ быть, совершенно компетентное, не будетъ извѣстно, и совѣтъ можетъ сдѣлать заключеніе несправедливое по неимѣнію свѣдѣній о взглядѣ на этотъ вопросъ господъ отсутствующихъ, — можетъ быть, случайно, спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ.

§ 32. Можно ли допустить баллотированіе при рѣшеніи напр. о достоинствѣ сочиненія совершенно спеціальнаго, о которомъ могутъ судить иногда только два, три члена? Также при избраніи преподавателей, гдѣ *одинъ* голосъ спеціалиста часто важнѣе *трехъ* неспеціалистовъ; такъ напр., положимъ, идетъ рѣчь о замѣщеніи каѳедры Римскихъ древностей: *за* извѣстнаго претендента тремя шарами больше, чѣмъ *противъ* него; но въ меньшинствѣ шары профессоровъ *Латинской* и *Греческой* словесности, которыхъ мнѣніе здѣсь, конечно, важнѣе, чѣмъ мнѣніе большинства, къ которому, положимъ, принадлежатъ профессоры: психологіи, педагогіи, Русской словесности, Славянскихъ нарѣчій, политической экономіи и т. д. Также по каѳедрѣ офталмологіи, гдѣ мнѣніе профессора хирургіи, конечно, важнѣе, чѣмъ голосъ профессоровъ физіологіи, терапіи, фармаціи и т. д.

Глава четвертая говоритъ о лицахъ, принадлежащихъ университету, и начинаетъ съ попечителя; развѣ попечитель лице «*принадлежащее университету*»?

Отдѣленіе о попечителѣ и его помощникѣ не имѣетъ ничего общаго съ университетомъ собственно, и относится столько же къ гимназіямъ, уѣзднымъ училищамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, подвѣдомственнымъ начальнику округа. Нѣкоторые пункты, относящіеся къ университету, какъ напр. 58-й, можно помѣстить въ видѣ примѣчанія, въ главѣ о совѣтѣ университетскомъ. Все это отдѣленіе относится къ попечителю, какъ къ начальнику округа. Говоря объ окружномъ управленіи, слѣдуетъ говорить объ обязанностяхъ попечителя, его помощника, окружныхъ инспекторовъ и т. д.

§ 53 и 58 составляютъ противорѣчіе.

§ 62. Выше говорится о попечителѣ, какъ о лицѣ, «*принадлежащемъ университету*»; а въ этой статьѣ сказано, что ректоръ наблюдаетъ, чтобы *принадлежащія къ университету* мѣста и *лица*

исполняли въ точности свои обязанности; ясно, что отдѣленіе о попечителѣ къ этому уставу не относится и должно быть исключено.

67. По этой статьѣ ректору предоставляется бо́льшая власть, чѣмъ попечителю *по статьѣ 58-й*, въ силу которой совѣтъ или правленіе университета можетъ *затрудняться въ исполненіи даннаго имъ предложенія.*

§ 70. Тутъ слѣдовало перечесть всѣхъ преподавателей университета, а также другихъ чиновниковъ *учебнаго* вѣдомства, а именно: частныхъ преподавателей восточныхъ языковъ и всѣхъ поименованныхъ въ 79 статьѣ, какъ входящихъ въ составъ университета по части учебной; также поименованныхъ въ 92 ст.

§ 71. Кто можетъ быть лекторомъ? Мнѣ кажется, что слѣдуетъ и это опредѣлить. Кто можетъ быть прозекторомъ, кто препараторомъ? Первый, т. е. лекторъ, долженъ быть по крайней мѣрѣ кандидатомъ одного изъ университетовъ Россіи; второй — докторомъ медицины, третій — провизоромъ. Что̀ такое лекарь съ отличіемъ? Статья о доцентахъ не совсѣмъ ясна: не сказано, какая разница между младшими и приватъ-доцентами; не опредѣлено, *что̀* они могутъ читать и *когда?* т. е. могутъ ли ихъ лекціи совпадать съ лекціями профессоровъ и т. д. Далѣе не сказано, кто имѣетъ право быть частнымъ преподавателемъ восточныхъ языковъ; я полагаю, лице, имѣющее степень кандидата восточнаго факультета. Не сказано также, кто имѣетъ право на званіе астронома-наблюдателя и прочія званія, поименованныя въ статьѣ 79-й.

§ 72. *Примѣчаніе 1.* Доцентами могутъ быть и лица, служащія въ другихъ должностяхъ . . . . а профессорами? Отъ чего не позволить и другимъ лицамъ занять профессорскія каѳедры, если ученая степень и другія условія тому не препятствуютъ? Отъ чего бы предсѣдателю уголовной палаты не быть профессоромъ уголовнаго права? Вообще при нынѣшнемъ стремленіи къ улучшенію нашего судопроизводства желательно бы, чтобы молодые слушатели имѣли возможность приготовиться подъ руководствомъ людей вполнѣ свѣдущихъ не только теоретически, но и практически; это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что необходимо приготовить возможно бо́льшее число дѣльныхъ юристовъ, не такихъ, какими выходятъ наши кандидаты изъ университета, но знакомыхъ съ практикой, чтобы ими наконецъ замѣнить безчисленное множество такъ называемыхъ стряпчихъ, ходатаевъ по дѣламъ и другихъ зловредныхъ кляузниковъ, сутягъ и писателей прошеній, которые, пользуясь умѣніемъ затягивать и запутывать дѣла, безъотвѣт-

ственно передъ закономъ, умножаютъ, безъ вины чиновниковъ, безполезную переписку. Вспомнимъ здѣсь, что за границей право быть адвокатомъ предоставляется только лицамъ, имѣющимъ ученыя степени правъ. Тутъ можно бы опредѣлить условія на право быть одвокатомъ и профессоромъ, и не лишая профессоровъ быть адвокатами или юрисконсультами, можно бы сихъ послѣднихъ помѣщать профессорами и этимъ самымъ дать юридическому факультету болѣе практическое направленіе.

§ 91. *Библіотекарь утверждается министромъ.* Обыкновенно это признакъ болѣе значительной должности, между тѣмъ права не совсѣмъ этому соотвѣтствуютъ. Да и почему такое значеніе? Не сказано о помощникѣ библіотекаря.

§ 93. «Ни съ какою другою должностью»... вообще, или только въ томъ же вѣдомствѣ? Отъ чего такъ? Не смѣшали ли его здѣсь съ синдикомъ Дерптскаго университета, который и по занятіямъ и по значенію отличается отъ синдиковъ другихъ университетовъ? Вообще не сказано о его занятіяхъ и обязанностяхъ.

Въ этомъ отдѣленіи: о чиновникахъ по хозяйственной части, слѣдовало упомянуть объ экзекуторѣ.

§ 103. Разница между тѣми и другими не очень велика, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выгоднѣе принадлежать къ числу *постороннихъ лицъ.*

§ 104. Различіе платы слишкомъ ничтожно, да и къ чему?

§ 108. Нельзя ли студентамъ позволить уплатить деньги за слушаніе лекцій по окончаніи ими курса, съ разсрочкою, смотря по средствамъ?

§ 111. Тутъ слѣдовало бы включить и *чиновниковъ учебнаго вѣдомства*, т. е. не только учителей, но и напр. инспекторовъ гимназій, штатныхъ смотрителей и т. д., словомъ, всѣхъ чиновниковъ, занимающихся воспитательной и учебной частію.

§ 112. Обязаны прослужить — чѣмъ? Это слѣдуетъ опредѣлить для устраненія произвола: мѣсто и званіе въ этомъ дѣлѣ имѣютъ важное значеніе.

§ 114. Безъ всякихъ обязательствъ со стороны студентовъ?

§ 117. Слѣдуетъ опредѣлить: на какихъ основаніяхъ, т. е. въ чью пользу и т. д.

§ 118. Тутъ можно бы прибавить, что, для допущенія къ окончательному экзамену, студентъ долженъ предъявить свидѣтельство о выдержаніи имъ перваго (двухлѣтняго) обязательнаго экзамена.

дентовъ, какъ наприм. такимъ, которыя возлагаются на факультетскія собранія въ § 26, г. 9, — что̀ по проекту устава не предоставляется даже и проректорамъ, если они сами не принадлежатъ къ факультету. Во-2-хъ, кромѣ обязанности наблюдать за исполненіемъ установленныхъ для студентовъ и слушателей правилъ, предоставить имъ право быть ближайшими защитниками ихъ интересовъ, такъ, чтобы студенты могли всегда обращаться къ нимъ по всѣмъ своимъ университетскимъ нуждамъ.

Такое соединеніе обязанности взыскивать со студентовъ съ правомъ быть ихъ *законнымъ* защитникомъ поставило бы и проректора и инспектора въ самыя выгодныя отношенія къ студентамъ, снявъ съ ихъ дѣятельности исключительно принудительный характеръ полицейскаго чиновника. Возлагаемая на нихъ въ университетахъ дѣятельность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ входитъ, по отношенію къ гимназистамъ и кадетамъ, въ число обязанностей директоровъ и инспекторовъ; но извѣстно изъ опыта, что тамъ исполненіе подобныхъ обязанностей не имѣетъ послѣдствіемъ тѣхъ непріязненныхъ отношеній, которыя приходятся на долю инспекторовъ студентовъ. Такое различіе результатовъ, по моему мнѣнію, нельзя приписать ничему другому, какъ тому, что воспитанникъ среднихъ учебныхъ заведеній въ директорѣ и инспекторѣ видитъ не только лицо, стѣсняющее его произволъ, но и заботящееся объ немъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Помимо этой существенной пользы, которой со всей вѣроятностью можно ожидать отъ соединенія съ званіемъ проректора или инспектора такой новой дѣятельности, подобная мѣра выполнила бы одинъ очень важный пропускъ въ проектѣ устава. Коммиссія справедливо «считала одной изъ своихъ главныхъ задачъ развить въ уставѣ такія начала, которыя усилили бы вліяніе ученаго университетскаго сословія на студентовъ» (стр. 33); но она не указала достаточныхъ мѣръ противъ неисполненія обязанности въ отношеніи къ студентамъ со стороны преподавателей. Уставъ постановляетъ, (§ 83) что, въ случаѣ нерадѣнія преподавателей и при безуспѣшности замѣчаній имъ о томъ со стороны ректора, совѣтъ обязанъ представить объ удаленіи преподавателей отъ должности. Но одной этой мѣры, какъ указалъ опытъ, едва ли достаточно, тѣмъ болѣе, что, по самой важности ея, совѣтъ рѣшится прибѣгать къ ней только въ крайнихъ случаяхъ. Она далеко не замѣняетъ того естественнаго контроля, который возможенъ въ университетахъ, гдѣ студентамъ предоставленъ свободный выборъ между

профессорами, читающими одинъ и тотъ же предметъ, и гдѣ, при неудовлетворительности лекцій профессора, уменьшеніе числа слушателей тотчасъ же оказывается пониженіемъ выгодъ, получаемыхъ отъ взносимаго студентами гонорарія.

Вводя у насъ въ число преподавателей доцентовъ, которые могутъ читать лекціи по тому же предмету, по которому они уже читаются профессоромъ, и которые могутъ такимъ образомъ привлечь въ свои аудиторіи студентовъ, если они не удовлетворяются чтеніемъ должностныхъ профессоровъ, уставъ даетъ возможность имѣть осязательныя данныя для оцѣнки достоинствъ ихъ курсовъ и въ нашихъ университетахъ; но такая оцѣнка, не сопровождаемая никакой потерей матеріальныхъ выгодъ, не можетъ еще вполнѣ вознаградить неудобствъ, проистекающихъ отъ отсутствія гонорарія, тѣмъ болѣе, что доценты поставлены въ строгую зависимость отъ тѣхъ же профессоровъ посредствомъ положенія о возобновленіи ихъ избранія совѣтомъ чрезъ каждые три года и слѣдовательно конкуренты профессоровъ не имѣютъ сами прочнаго существованія, которое бы дѣлало ихъ независимыми. По этому, если устройство университетовъ не оставляетъ мѣста для вліянія на профессоровъ посредствомъ уменьшенія или увеличенія ихъ гонорарія, если отсутствіе дѣйствительной конкуренціи не даетъ даже возможности повѣрять достоинство лекцій профессора фактически, различіемъ количества слушателей у разныхъ профессоровъ одного и того же предмета; если при этомъ, по причинамъ безспорнымъ, нельзя студентамъ дозволить выражать одобреніе или порицаніе преподаванія: то, при возможности неисполненія со стороны профессоровъ ихъ обязанностей въ отношеніи къ студентамъ, для предотвращенія невольнаго взрыва неудовольствія, необходимо открыть какой-нибудь законный путь для спокойнаго заявленія справедливыхъ претензій со стороны студентовъ. Мнѣ кажется, что, при отсутствіи другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствъ, для этой цѣли всего скорѣе можно воспользоваться званіемъ проректора или инспектора, сдѣлавши его законнымъ посредникомъ между обѣими сторонами, давши ему право выслушивать, а студентамъ — право высказывать ему всѣ поводы къ неудовольствіямъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ потомъ, если признаетъ ихъ основательными, заявлялъ объ нихъ отъ своего лица въ совѣтѣ или правленіи или ректору, какъ лицу, уполномоченному дѣлать замѣчанія въ случаѣ усмотрѣнныхъ имъ упущеній, и такимъ образомъ предупреждалъ личныя столкновенія между профессорами и ихъ слушателями.

§ 89. «Проректоръ или инспекторъ дѣйствуетъ по данной ему совѣтомъ инструкціи, утвержденной попечителемъ, а въ случаяхъ, превышающихъ предоставленную ему власть, входитъ съ представленіями въ совѣтъ и правленіе». По самой сущности дѣлъ, относящихся къ вѣдѣнію проректора или инспектора, этотъ § представляется не полнымъ: по службѣ ихъ могутъ представиться случаи, гдѣ потребуется распоряженіе, котораго нельзя откладывать до собранія совѣтами правленія. По такимъ дѣламъ должно существовать непосредственное подчиненіе ихъ ректору, тѣмъ болѣе, что ему въ самомъ уставѣ (§ 65), въ случаяхъ важныхъ и нетерпящихъ отлагательства, предоставлено право принимать нужныя мѣры, хотя бы таковыя и превышали власть его. Въ административномъ управленіи необходимо единство власти.

§ 90. Избраніе чиновниковъ, назначаемыхъ въ помощь проректору или инспектору, предоставляется совѣту: правильнѣе было бы предоставить совѣту только утвержденіе ихъ, а избраніе оставить за проректоромъ или инспекторомъ; отъ нихъ можно ожидать болѣе осмотрительности при выборѣ, потому что на нихъ прежде всего лежитъ отвѣтственность за дѣйствія помощниковъ.

§ 97. Для вступленія въ университетъ назначается 17-лѣтній возрастъ: положеніе, основаніе котораго понять довольно трудно. Можно требовать, чтобъ въ университетъ не вступали молодые люди, не готовые къ слушанію лекцій по своему развитію; но назначить для вступленія опредѣленный возрастъ значитъ придавать году разницы въ лѣтахъ слишкомъ большое значеніе въ ихъ нравственномъ развитіи. Прежній уставъ допускалъ вступленіе въ университетъ въ 16 лѣтъ, и справедливость требовала бы, чтобы было пока дѣлаемо исключеніе изъ этого правила для тѣхъ гимназистовъ, которыхъ ученіе, на основаніи прежнихъ правилъ, было такъ расположено родителями, что они должны окончить курсъ ранѣе этого возраста, потому что годъ, проведенный ими между окончаніемъ гимназическаго курса и вступленіемъ въ университетъ въ праздности, можетъ повлечь за собой неблагопріятныя послѣдствія.

§ 99. Молодые люди, получившіе изъ гимназій аттестатъ объ окончаніи курса или свидѣтельство объ удовлетворительномъ изъ него экзаменѣ, «для зачисленія въ студенты обязаны написать въ университетѣ одно или нѣсколько сочиненій на заданныя темы по предметамъ гимназическаго курса и дать устное по симъ сочиненіямъ объясненіе». Это постановленіе не только равнозначительно совершенной отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія о производствѣ

для желающихъ поступить въ университетъ пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, не только открываетъ опять свободное поле для вмѣшательства въ дѣла гимназій лицамъ, не несущимъ на себѣ никакой отвѣтственности за успѣшный въ нихъ ходъ ученія, но и налагаетъ на молодыхъ людей тяжелую обязанность держать двойной экзаменъ. Можно представить себѣ только двѣ причины, по которымъ для зачисленія въ студенты недостаточно аттестата изъ гимназіи: или члены гимназическаго совѣта не могутъ вѣрно опредѣлить, что̀ нужно для вступленія въ университетъ, или не хотятъ. Первое предположеніе было бы довольно странно по отношенію къ лицамъ, на которыхъ лежитъ прямая обязанность приготовлять своихъ учениковъ къ университетскому курсу; второе предположеніе въ такой же степени можетъ быть приложено къ экзаменаторамъ гимназическимъ, какъ и къ университетскимъ. Если же дать этому второму испытанію характеръ суда 2-й высшей инстанціи: то положеніе экзаменаторовъ низшей инстанціи будетъ не менѣе невыгодно, какъ и самихъ экзаменуемыхъ двукратно, и гораздо невыгоднѣе обыкновенныхъ судей, приговоры которыхъ точно опредѣляются законами и слѣдовательно не могуть быть произвольно измѣняемы, тогда какъ въ оцѣнкѣ знаній не можетъ не участвовать личный взглядъ экзаменатора, и слѣдовательно возможность бо̀льшаго или меньшаго произвола въ оцѣнкѣ.

Если уже непремѣнно нуженъ *университетскій* контроль надъ дѣйствіями гимназій, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ состоять не въ кассаціи приговора гимназическаго совѣта, которая бы слишкомъ тяжело падала на желающихъ поступить въ университетъ, а въ передачѣ не основательно выданныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ на судъ административной власти, управляющей гимназіями, и для разбора дѣла въ попечительскомъ совѣтѣ, гдѣ дѣло можетъ быть безпристрастно обсуждено членами отъ университета вмѣстѣ съ прочими членами.

§ 102. «Студентъ, начавшій курсъ въ одномъ изъ Русскихъ университетовъ, можетъ перейти въ другой — по удовлетвореніи требованіямъ совѣта сего послѣдняго»: очень неясное постановленіе, могущее подать поводъ и къ недоразумѣніямъ и къ произволу. Слѣдовало бы обозначить, неисполненіе какихъ требованій можетъ препятствовать переходу студента изъ одного университета въ другой.

§ 108. Облегченія въ платѣ за слушаніе лекцій, допускаемыя этимъ параграфомъ въ отношеніи къ недостаточнымъ студентамъ, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ встрѣчены всѣмъ обществомъ съ

большимъ сочувствіемъ, какъ совершенное удовлетвореніе жарко-заявленому имъ протесту противъ распоряженія о требованіи платы почти отъ всѣхъ. Но если нельзя не сочувствовать намѣренію коммиссіи облегчить недостаточнымъ студентамъ доступъ въ университетъ: то, съ другой стороны, нельзя также не видѣть, что новыми постановленіями не вполнѣ ограждаются интересы университета и требованія справедливости: опытъ уже показалъ, что требованіе свидѣтельствъ о бѣдности не мѣшаетъ пользоваться правомъ безплатности и такимъ лицамъ, которыя имѣютъ полную возможность платить. Правда, въ проектѣ къ условіямъ бѣдности присоединяется условіе удовлетворительности занятій. Но этимъ несправедливость устраняется только отчасти; прекращается возможность на счетъ общественныхъ денегъ пріобрѣтать частныя выгоды тѣмъ, которые не могутъ впослѣдствіи даже своей полезной дѣятельностью вознаградить общество за его пожертвованія. При томъ, если нельзя отрицать, что общество выигрываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будетъ въ средѣ его образованныхъ людей, и слѣдовательно на немъ лежитъ обязанность платить, въ видѣ тѣхъ или другихъ повинностей, за приготовленіе полезныхъ дѣятелей: то нельзя также отрицать и того, что отдѣльныя личности въ университетѣ получаютъ способы и для лучшаго достиженія своихъ личныхъ интересовъ, а слѣдовательно также несутъ обязанность платить за это по мѣрѣ возможности. По этому, кажется, было бы полѣзнѣе, еслибъ изъ трехъ способовъ облегченія уплаты, указываемыхъ въ параграфѣ, было дано преимущество особенно первому, т. е. отсрочкѣ платы, разумѣя подъ этимъ не только отсрочку на мѣсяцъ или на два, но и отсрочку до окончанія курса и полученія возможности расплатиться за полученное образованіе по выходѣ изъ университета, когда средства для этого даетъ или государственная служба или частная практическая дѣятельность. Отмѣтка на аттестатѣ студента или кандидата о долгѣ университету могла бы налагать на всѣ подлежащія начальства обязанность взысканія этого долга.

§ 109. Въ числѣ освобождаемыхъ отъ платы безъ представленія свидѣтельствъ о бѣдности не называются штатные казеннокоштные пансіонеры, воспитывавшіеся въ гимназіяхъ на счетъ суммъ государственнаго казначейства, слѣдовательно лица безспорно бѣдныя. Не пропускъ ли это?

§ 111. Въ числѣ лицъ служащихъ, пользующихся безплатнымъ слушаніемъ лекцій, не упоминаются директора и инспектора гимназій.

§ 112. Полученіе права на полученіе стипендій, сверхъ недостаточности, условливается только отличіемъ по способностямъ и успѣхамъ: не полезно ли будетъ въ число условій включить и поведеніе?

§ 116. За удовлетворительныя сочиненія по предлагаемымъ отъ факультетовъ темамъ назначаются медали и почетный отзывъ. Не полезно ли будетъ къ числу вознагражденій присоединить и стипендіи? Найдется между студентами много такихъ (если не большинство), которыхъ родители не могутъ быть отнесены къ числу неимѣющихъ никакой возможности платить за своихъ сыновей, но для которыхъ въ то же время уплата сопряжена съ значительными пожертвованіями. Для такихъ лицъ вознагражденіе посредствомъ стипендій могло бы имѣть большое значеніе.

§ 123. Въ числѣ мѣръ взысканія со студентовъ за неисполненіе ими правилъ снова вводится арестъ. Можно быть увѣреннымъ, что это постановленіе всѣми будетъ встрѣчено съ полнымъ одобреніемъ: это самое полезное средство для предотвращенія уклоненій отъ порядка, которое очень чувствительно для лица виновнаго и въ то же время не вредитъ никакимъ его существеннымъ интересамъ; тогда какъ прочія мѣры (4, 5 и 6) столько же падаютъ на виноватаго, какъ и на родителей, которыхъ не всегда можно обвинять въ такихъ случаяхъ.

VI.

Окружнаго инспектора училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Михельсона.

§ 3. Каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется особому начальству попечителя *того округа, въ которомъ находится университетъ* (т. е. университетъ принадлежитъ къ числу учебныхъ заведеній учебнаго округа. Можетъ быть, со временемъ въ одномъ округѣ будетъ нѣсколько университетовъ. Всѣмъ же округомъ управляетъ попечитель). Можно бы даже сказать: Университеты . . . . . . ввѣряются особому начальству попечителя того округа, къ которому они причислены или принадлежатъ.

§ 9. Въ составъ университета могутъ входить слѣдующіе факультеты: историко-филологическій, физико-математическій, медицинскій, восточный и богословскій.

(Кромѣ того, въ С.-Петерубургскомъ университетѣ и проч. не вѣрно).

1. Философія: Логика. Психологія. *Антропологія. Нравственная философія.* Исторія философіи. Педагогика (отъ чего же и не дидактика?)

9. При вступленіи въ университетъ можно бы отъ будущихъ филологовъ потребовать отличнаго знанія географіи и затѣмъ ужь не читать этого предмета, а замѣнить чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ.

12. А церковное законовѣдѣніе?

По медицинскому факультету:

12. А *спеціальное* изученіе физики, химіи и ботаники въ примѣненіи къ медицинѣ?

Не пора ли знакомить слушателей со всѣми системами леченія — не только черезъ противниковъ ихъ (т. е. аллопатовъ), но и чрезъ ихъ представителей? Такъ напр. о системѣ гомеопатіи и гидропатіи студенты, вполнѣ довѣряющіе слову профессора, въ продолженіе всего курса слышатъ одни порицанія, насмѣшки и чуть ли не проклятія, тогда какъ эти системы, по словамъ многихъ дѣльныхъ аллопатовъ, имѣютъ свои неоспоримыя заслуги. Audiatur et altera pars, мы часто слышимъ въ жизни, отъ чего же не въ наукѣ? Необходимы каѳедры не только для этихъ предметовъ, но и для врачебной гимнастики, электротерапіи, ортопедіи и т. д., чтобъ дать возможность будущимъ врачамъ поближе ознакомиться съ примѣненіемъ тѣхъ методъ, которыя безъ этого для нѣкоторыхъ на всю жизнь остаются terra incognita.

Тутъ слѣдовало бы прибавить, что при профессорѣ сравнительной анатоміи находится *прозекторъ;* также упомянуть объ астрономахъ-наблюдателяхъ, ученыхъ аптекаряхъ, лаборантахъ и друг.

Вмѣсто отдѣленія «о факультетскихъ собраніяхъ», гдѣ говорится о занятіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ университету, прежде чѣмъ мы познакомились съ этими лицами, слѣдовало бы, кажется, сперва помѣстить главу: о лицахъ, принадлежащихъ университету (что и составитъ 3-ю главу), а затѣмъ уже говорить о ихъ обязанностяхъ.

§ 26. На основаніи 3-го пункта 26-й статьи слѣдовало бы *всѣмъ преподавателямъ* присутствовать въ собраніяхъ; а въ 23-й статьѣ говорится только о профессорахъ и нѣкоторыхъ доцентахъ, а не о лекторахъ и другихъ. 5 и 6. Тоже.

§ 29. Отъ чего не допустить, чтобы отсутствующіе присылали въ совѣтъ письменное мнѣніе? Можетъ же случиться, что профессоръ по уважительнымъ причинамъ не могъ быть на лицѣ; мнѣніе его, при рѣшеніи извѣстнаго вопроса, можетъ быть, совершенно компетентное, не будетъ извѣстно, и совѣтъ можетъ сдѣлать заключеніе несправедливое по неимѣнію свѣдѣній о взглядѣ на этотъ вопросъ господъ отсутствующихъ, — можетъ быть, случайно, спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ.

§ 32. Можно ли допустить баллотированіе при рѣшеніи напр. о достоинствѣ сочиненія совершенно спеціальнаго, о которомъ могутъ судить иногда только два, три члена? Также при избраніи преподавателей, гдѣ *одинъ* голосъ спеціалиста часто важнѣе *трехъ* неспеціалистовъ; такъ напр., положимъ, идетъ рѣчь о замѣщеніи каѳедры Римскихъ древностей: *за* извѣстнаго претендента тремя шарами больше, чѣмъ *противъ* него; но въ меньшинствѣ шары профессоровъ *Латинской* и *Греческой* словесности, которыхъ мнѣніе здѣсь, конечно, важнѣе, чѣмъ мнѣніе большинства, къ которому, положимъ, принадлежатъ профессоры: психологіи, педагогіи, Русской словесности, Славянскихъ нарѣчій, политической экономіи и т. д: Также по каѳедрѣ офталмологіи, гдѣ мнѣніе профессора хирургіи, конечно, важнѣе, чѣмъ голосъ профессоровъ физіологіи, терапіи, фармаціи и т. д.

Глава четвертая говоритъ о лицахъ, принадлежащихъ университету, и начинаетъ съ попечителя; развѣ попечитель лице «*принадлежащее университету*»?

Отдѣленіе о попечителѣ и его помощникѣ не имѣетъ ничего общаго съ университетомъ собственно, и относится столько же къ гимназіямъ, уѣзднымъ училищамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, подвѣдомственнымъ начальнику округа. Нѣкоторые пункты, относящіеся къ университету, какъ напр. 58-й, можно помѣстить въ видѣ примѣчанія, въ главѣ о совѣтѣ университетскомъ. Все это отдѣленіе относится къ попечителю, какъ къ начальнику округа. Говоря объ окружномъ управленіи, слѣдуетъ говорить объ обязанностяхъ попечителя, его помощника, окружныхъ инспекторовъ и т. д.

§ 53 и 58 составляютъ противорѣчіе.

§ 62. Выше говорится о попечителѣ, какъ о лицѣ, «*принадлежащемъ университету*»; а въ этой статьѣ сказано, что ректоръ наблюдаетъ, чтобы *принадлежащія къ университету* мѣста и *лица*

исполняли въ точности свои обязанности; ясно, что отдѣленіе о попечителѣ къ этому уставу не относится и должно быть исключено.

67. По этой статьѣ ректору предоставляется бо́льшая власть, чѣмъ попечителю *по статьѣ 58-й*, въ силу которой совѣтъ или правленіе университета можетъ *затрудняться въ исполненіи даннаго имъ предложенія.*

§ 70. Тутъ слѣдовало перечесть всѣхъ преподавателей университета, а также другихъ чиновниковъ *учебнаго* вѣдомства, а именно: частныхъ преподавателей восточныхъ языковъ и всѣхъ поименованныхъ въ 79 статьѣ, какъ входящихъ въ составъ университета по части учебной; также поименованныхъ въ 92 ст.

§ 71. Кто можетъ быть лекторомъ? Мнѣ кажется, что слѣдуетъ и это опредѣлить. Кто можетъ быть прозекторомъ, кто препараторомъ? Первый, т. е. лекторъ, долженъ быть по крайней мѣрѣ кандидатомъ одного изъ университетовъ Россіи; второй — докторомъ медицины, третій — провизоромъ. Что̀ такое лекарь съ отличіемъ? Статья о доцентахъ не совсѣмъ ясна: не сказано, какая разница между младшими и приватъ-доцентами; не опредѣлено, *что̀* они могутъ читать и *когда?* т. е. могутъ ли ихъ лекціи совпадать съ лекціями профессоровъ и т. д. Далѣе не сказано, кто имѣетъ право быть частнымъ преподавателемъ восточныхъ языковъ; я полагаю, лице, имѣющее степень кандидата восточнаго факультета. Не сказано также, кто имѣетъ право на званіе астронома-наблюдателя и прочія званія, поименованныя въ статьѣ 79-й.

§ 72. *Примѣчаніе 1.* Доцентами могутъ быть и лица, служащія въ другихъ должностяхъ . . . . а профессорами? Отъ чего не позволить и другимъ лицамъ занять профессорскія каѳедры, если ученая степень и другія условія тому не препятствуютъ? Отъ чего бы предсѣдателю уголовной палаты не быть профессоромъ уголовнаго права? Вообще при нынѣшнемъ стремленіи къ улучшенію нашего судопроизводства желательно бы, чтобы молодые слушатели имѣли возможность приготовиться подъ руководствомъ людей вполнѣ свѣдущихъ не только теоретически, но и практически; это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что необходимо приготовить возможно бо́льшее число дѣльныхъ юристовъ, не такихъ, какими выходятъ наши кандидаты изъ университета, но знакомыхъ съ практикой, чтобы ими наконецъ замѣнить безчисленное множество такъ называемыхъ стряпчихъ, ходатаевъ по дѣламъ и другихъ зловредныхъ кляузниковъ, сутягъ и писателей прошеній, которые, пользуясь умѣніемъ затягивать и запутывать дѣла, безъотвѣт-

ственно передъ закономъ, умножаютъ, безъ вины чиновниковъ, безполезную переписку. Вспомнимъ здѣсь, что за границей право быть адвокатомъ предоставляется только лицамъ, имѣющимъ ученыя степени правъ. Тутъ можно бы опредѣлить условія на право быть одвокатомъ и профессоромъ, и не лишая профессоровъ быть адвокатами или юрисконсультами, можно бы сихъ послѣднихъ помѣщать профессорами и этимъ самымъ дать юридическому факультету болѣе практическое направленіе.

§ 91. *Библіотекарь утверждается министромъ.* Обыкновенно это признакъ болѣе значительной должности, между тѣмъ права не совсѣмъ этому соотвѣтствуютъ. Да и почему такое значеніе? Не сказано о помощникѣ библіотекаря.

§ 93. «Ни съ какою другою должностью»... вообще, или только въ томъ же вѣдомствѣ? Отъ чего такъ? Не смѣшали ли его здѣсь съ синдикомъ Дерптскаго университета, который и по занятіямъ и по значенію отличается отъ синдиковъ другихъ университетовъ? Вообще не сказано о его занятіяхъ и обязанностяхъ.

Въ этомъ отдѣленіи: о чиновникахъ по хозяйственной части, слѣдовало упомянуть объ экзекуторѣ.

§ 103. Разница между тѣми и другими не очень велика, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ выгоднѣе принадлежать къ числу *постороннихъ лицъ.*

§ 104. Различіе платы слишкомъ ничтожно, да и къ чему?

§ 108. Нельзя ли студентамъ позволить уплатить деньги за слушаніе лекцій по окончаніи ими курса, съ разсрочкою, смотря по средствамъ?

§ 111. Тутъ слѣдовало бы включить и *чиновниковъ учебнаго вѣдомства*, т. е. не только учителей, но и напр. инспекторовъ гимназій, штатныхъ смотрителей и т. д., словомъ, всѣхъ чиновниковъ, занимающихся воспитательной и учебной частію.

§ 112. Обязаны прослужить — чѣмъ? Это слѣдуетъ опредѣлить для устраненія произвола: мѣсто и званіе въ этомъ дѣлѣ имѣютъ важное значеніе.

§ 114. Безъ всякихъ обязательствъ со стороны студентовъ?

§ 117. Слѣдуетъ опредѣлить: на какихъ основаніяхъ, т. е. въ чью пользу и т. д.

§ 118. Тутъ можно бы прибавить, что, для допущенія къ окончательному экзамену, студентъ долженъ предъявить свидѣтельство о выдержаніи имъ перваго (двухлѣтняго) обязательнаго экзамена.

§ 119. *По одобреніи* оной факультетомъ — недостаточно; по *защищеніи ея передъ факультетомъ* — (нѣчто въ родѣ colloquium). Надобно быть убѣжденнымъ, что это диссертація — *собственная:* ее слѣдуетъ или написать въ присутствіи профессоровъ, или доказать это защищеніемъ. Зачѣмъ предполагать обманъ, скажутъ нѣкоторые; но въ такомъ случаѣ нечего и экзаменовать студента, а стоитъ только спросить: вы можете быть кандидатомъ? и на утвердительный отвѣтъ — выдать свидѣтельство, въ полной увѣренности, что еслибъ онъ не стоилъ этого, то никакъ бы не рѣшился принять свидѣтельство — вѣдь это было бы безчестно!.. но такая философія насъ занесетъ слишкомъ далеко.

Примѣч. 1. Тоже. Смотр. 119 ст.

Примѣч. 2. Несправедливо: не должно мѣшать одно съ другимъ, да и тѣ сочиненія вѣдь не защищены.

§ 121. Кому именно? гдѣ? когда? а постороннія лица не обязаны?

§ 123. А могутъ ли уволенные, но неисключенные изъ университета студенты поступить въ число постороннихъ лицъ, а затѣмъ держать экзаменъ на кандидата? Это слѣдуетъ опредѣлить точнѣе.

§ 124. За неисполненіе правилъ, означенныхъ въ ст. 122-й, постороннимъ запрещается *только* входъ. Слѣдовательно масса частныхъ людей, которые пожелаютъ сдѣлать демонстрацію университетскому начальству или кому-нибудь изъ профессоровъ, имѣютъ только сдѣлаться посторонними слушателями на самое короткое время, чтобъ затѣмъ, послѣ того какъ имъ удалось выкинуть штуку, безнаказанно смѣяться, что имъ воспрещенъ дальнѣйшій входъ въ университетъ, до котораго имъ никакого нѣтъ дѣла. Всякіе безпорядки постороннихъ подлежатъ разсмотрѣнію полиціи, гдѣ бы они не были совершены.

§ 127. Всегда ли это удобно? А если профессоръ также, хотя нѣсколько, виноватъ? Не лучше ли все случившееся внѣ университета оставить на разсмотрѣніе блюстителей порядка вообще? передъ ними обѣ партіи совершенно равны, а въ университетѣ, одинъ — *студентъ*, а другой — его *профессоръ!* Зачѣмъ искушать судей?!...

§ 129. Степень кандидата пріобрѣтается по испытанію и по диссертаціи, *защищенной передъ факультетомъ;* отъ ищущаго степени магистра требуется, сверхъ сего, публичное защищеніе диссертаціи.

§ 148. Это не точно! «Каждый университетъ можетъ имѣть собственную типографію и книжную лавку.» Кстати: кто ими завѣдуетъ? Права ихъ и проч.?

§ 150. . . . . «не оставивъ наслѣдниковъ? . . . для вызова родственниковъ покойнаго . . . . и буде наслѣдниковъ не окажется» . . . . все это не ясно, не точно! Вмѣсто: «не оставивъ наслѣдниковъ,» слѣдуетъ написать: «о наслѣдникахъ котораго не будетъ извѣстно университетскому» начальству или просто прибавить, *о которыхъ бы знало университетское начальство*, и т. д.

§ 152. Этотъ параграфъ слѣдуетъ, для бо́льшей ясности, раздѣлить на два: «ректоръ . . . . . не имѣютъ» — составитъ 152 ст., а «ординарные профессоры . . . . соотвѣтствующіе» составитъ ст. 153 и т. д. Мнѣ кажется, что избирательныя должности не должны считаться въ чинѣ — особо отъ званія занимающаго эту должность; вѣдь разница только въ мундирѣ. Ординарные, наравнѣ съ деканами, должны бы считаться въ VII классѣ, экстраординарные профессоры, старшіе доценты, астрономы-наблюдатели, ученые аптекари и прозекторы—въ VIII, также и лекторы (предполагая, что лекторъ по крайней мѣрѣ кандидатъ или докторъ иностраннаго университета); доценты младшіе и привтъ-адоценты—въ IX (принимая въ соображеніе, что эти лица, можетъ быть, временно числящіяся при университетѣ, а за тѣмъ не будутъ избраны); также частные преподаватели Восточныхъ языковъ, предполагая, что это также непремѣнно кандидаты Восточнаго факультета или *спеціально образованные* люди. Но здѣсь, касательно полученія патентовъ, слѣдуетъ измѣнить такъ: и по выслугѣ 3-хъ лѣтъ въ означенныхъ должностяхъ утверждаются въ этихъ чинахъ со старшинствомъ со дня вступленія на службу. Это необходимо для того, чтобы не поступали на эти должности съ единственною цѣлію получить тотчасъ крупный чинъ.

§ 153. Синдикъ считается въ VII кл.; здѣсь опять подтверждается, что этому мѣсту придаютъ слишкомъ большое значеніе, смѣшивая его съ синдикомъ Дерптскаго университета, а потому слѣдуетъ считать никакъ не выше VIII кл.

§ 154. Смотр. 152.

§ 155. Въ какомъ классѣ считается учитель рисованія? другіе не пользуются ничѣмъ, а въ примѣчаніи къ статьѣ 167 говорится объ учителяхъ черченія и Восточной каллиграфіи, а также гимнастики при Дерптскомъ университетѣ, что они пользуются пенсіей, слѣдовательно и служба ихъ считается и чины имъ идутъ нарав-

нѣ съ учителемъ рисованія или нѣтъ? считаются ли въ какомъ-нибудь классѣ, или нѣтъ? также не сказано нигдѣ въ уставѣ, кто можетъ занять эти должности.

§ 162. Изъ 75 ст. видно, что доценты, если не будутъ вновь избраны, то не могутъ оставаться на службѣ, а въ статьяхъ о разныхъ правахъ, о пенсіяхъ и т. д. о нихъ говорится, какъ о лицахъ, не временно исполняющихъ обязанность, а постоянныхъ. О прочихъ преподавателяхъ, кромѣ исчисленныхъ въ ст. 162, не упомянуто.

§ 165. Какая пенсія доценту? Вѣроятно, когда ему придется получить пенсію, онъ ужъ не будетъ больше доцентомъ, и въ какомъ размѣрѣ будетъ эта пенсія?

Примѣч. «Служба приватъ-доцента, въ случаѣ поступленія на одну изъ показанныхъ должностей» — (слѣдовательно и на мѣсто доцента). Въ ст. 75 сказано о доцентахъ и приватъ-доцентахъ равно, что они оставляются на службѣ и т. д., слѣдовательно оба служатъ; отъ чего не считаться службѣ приватъ-доцентовъ наравнѣ съ службой доцентовъ, которые также послѣ 3-хъ лѣтъ (75 ст.) въ случаѣ неизбиранія оставляютъ службу? За что это отличіе. Вообще права доцентовъ всѣхъ родовъ совершенно не опредѣлены.

VII.

Мнѣніе бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа, дѣйств. ст. сов. Могилянскаго, и совѣта Ришельевскаго лицея.

Проектъ устава, говоритъ дѣйствительный ст. сов. *Могилянскій*, въ донесеніи къ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ учреждавшемся особомъ комитетѣ и въ самомъ совѣтѣ, обсуженъ съ надлежащею внимательностію. За трудъ сей должно въ особенности благодарить гг. членовъ совѣта *Власьева*, *Орбинскаго* и *Георгіевскаго*, изъ коихъ состоялъ комитетъ. Послѣдній изъ нихъ оказывалъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, хотя и считается уже въ командировкѣ, съ разрѣшенія бывшаго министства народнаго просвѣщенія для полученія магистерской степени.

Изъ постороннихъ лицъ только троимъ можно было передать проектъ на обсужденіе, съ надеждою получить нѣкоторыя, замѣча-

нія. Изъ этихъ лицъ только одно, бывшій профессоръ а потомъ директоръ лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мурзакевичъ*, представилъ замѣчанія, при семъ въ копіи препровождаемыя.

Разсмотрѣвъ проектъ и сдѣланныя на него замѣчанія, я составилъ представляемый при семъ сводъ статей устава, подвергшихся замѣчаніямъ, самыхъ замѣчаній совѣта и моего мнѣнія на тѣ и другія. При такомъ способѣ изложенія, удобнѣе, я полагаю, обнять все дѣло въ цѣломъ.

Совѣтъ лицея разсмотрѣлъ проектъ касательно внутренней организаціи университета и отношеній его къ начальству, къ попечителю, съ точки зрѣнія совѣта. На мнѣ лежитъ обязанность разсмотрѣть эти отношенія съ точки зрѣнія правительства.

Въ замѣчаніяхъ совѣта видно стремленіе къ самоуправленію и къ устраненію всякаго вліянія попечителя на ходъ и рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ. Еслибы Русскіе университеты возникли сами собою изъ развитія жизни народной, какъ старые университеты въ Англіи, то справедливо было бы и предоставить ихъ самимъ себѣ. Но у насъ положеніе дѣлъ иное: правительству принадлежитъ монополія высшаго образованія, оно учредило университеты, оно доставляетъ имъ средства существованія; это даетъ ему, съ одной стороны, право контроля надъ университетами, съ другой — возлагаетъ на него отвѣтственность за нихъ предъ обществомъ, а это послѣднее обстоятельство поставляетъ ему въ обязанность вліяніемъ своимъ на дѣла давать направленіе дѣятельности ученой корпораціи. Въ этомъ случаѣ, органъ правительства въ отношеніи къ данному университету есть попечитель учебнаго округа.

На такихъ соображеніяхъ основываю я мнѣніе мое о замѣчаніяхъ совѣта лицея на статьи 53 и 54 проекта устава, а также на нѣкоторыя другія. Но должно замѣтить, что я не придаю попечителю нисколько власти рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію. Всѣ предоставляемыя ему права клонятся только къ тому, чтобы навести совѣтъ, въ случаѣ нужды, на болѣе зрѣлое обсужденіе и правильное рѣшеніе дѣла. Даже при личномъ участіи въ засѣданіяхъ и преніяхъ совѣта, я поставляю попечителя, слишкомъ даже большими, быть можетъ, уступками опасеніямъ совѣта за свою полноправность, въ положеніе почти равное положенію всякаго другаго члена.

Болѣе значенія, нежели предсѣдательство попечителя въ совѣтѣ, имѣетъ постоянное присутствіе въ ономъ помощника попечителя. Если этотъ органъ для проведенія въ ученую корпорацію

правительственныхъ мыслей и начертаній необходимъ, по моему мнѣнію, для правительства, то онъ полезенъ и для самой корпораціи. Бываютъ случаи, когда ни одинъ членъ совѣта, бывъ связанъ корпоративнымъ духомъ и значеніемъ, такъ сказать понятіемъ о чести корпораціи, не подниметъ голоса въ пользу мысли, которая однако таится во многихъ. Въ такихъ случаяхъ очень важно присутствіе въ совѣтѣ лица, близкаго профессорамъ, компетентнаго судьи во всѣхъ ученыхъ вопросахъ, который можетъ дѣлать всякое, самое щекотливое заявленіе, не боясь нареканія со стороны другихъ членовъ совѣта, потому что будетъ это дѣлать по обязанности, и является защитникомъ всякаго предложенія начальства ex officio. Могутъ быть и другіе случаи, въ коихъ онъ можетъ много содѣйствовать ректору, всегда нѣсколько связанному своимъ происхожденіемъ отъ выборовъ, въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на него ст. 62 проекта устава.

Независимо отъ обязанностей по университету, помощникъ попечителя, взятый изъ лицъ, имѣющихъ высшую ученую степень, будетъ болѣе другаго, имѣющаго только административныя способности, полезенъ въ совѣтѣ попечительскомъ и для управленія учебною частію въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ округа.

Гл. I. Общія положенія *).

§ 1. Имѣя въ виду исчисленіе факультетовъ въ ст. 9-й, полезно было бы оговорить, что университетъ можетъ существовать и не имѣя медицинскаго факультета.

—

§ 6. Изложить такъ: число преподавателей и каѳедръ опредѣляется штатомъ. Но по мѣрѣ надобности и средствъ, могутъ быть учреждаемы и новыя каѳедры, по соглашенію совѣта и попечителя, съ донесеніемъ о томъ министру. (Мнѣніе г. *Могилянскаго.*)

—

§ 7. Статья эта, съ примѣчаніемъ къ ней, должна быть понимаема согласно съ тѣмъ, что будетъ замѣчено объ учебномъ составѣ университета.

—

*) Сперва помѣщены здѣсь замѣчанія совѣта Ришельевскаго лицея, а вслѣдъ за ними — особыя мнѣнія по нѣкоторымъ статьямъ дѣйств. ст. сов. Могилянскаго.

Примѣч. къ § 7. Примѣчаніе это должно быть изложено опредѣлительнѣе, или оно можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Напримѣръ, избраніе профессора, первичное или вторичное, относится ли къ предмету преподаванія *прочихъ преподавателей* того же факультета и сродныхъ предметовъ? Въ Ришельевскомъ лицеѣ возникло однажды затрудненіе по подобному случаю, которое было доведено до свѣдѣнія министерства (въ донесеніи 7 апрѣля 1861 года за № 798,) при чемъ представлялся на разрѣшеніе вопросъ объ участіи адъюнктовъ въ избраніи профессоровъ. Въ послѣдовавшемъ на это представленіе предложеніе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія (отъ 29 іюня того же года за № 4039) не заключается прямаго отвѣта на представленный мною вопросъ, а только ссылка на давнее (1838 г.) предписаніе министра, въ 1852 году отмѣненное. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 8. Согласно тому, что́ будетъ сказано объ инспекторѣ, слѣдуетъ постановить, что онъ въ правленіи не участвуетъ, не распространяя этого ограниченія на проректора, если будетъ признано полезнымъ имѣть таковаго.

—

Если наблюденіе за студентами будетъ поручено инспектору, то онъ засѣдаетъ въ правленіи, а въ извѣстныхъ случаяхъ даже и въ совѣтѣ, на одинаковыхъ правахъ съ другими членами, когда предметомъ засѣданія будутъ дѣла, касающіяся аттестаціи студентовъ въ поведеніи или сужденія объ ихъ поступкахъ, а также пріема вновь поступающихъ. (Мн. г. *Могиляйскаго*).

—

Гл. II. О факультетахъ. Отд. I-е.

§ 11—17. Число установляемыхъ проектомъ каѳедръ не можетъ быть признано достаточнымъ. Такъ напримѣръ: а) одной каѳедры для всеобщей исторіи, даже при существованіи приватъ-доцентовъ, совершенно недостаточно; б) одной каѳедры для уголовнаго права мало, тѣмъ болѣе, что самый проектъ назначаетъ двѣ для гражданскаго: уголовный процесъ и практическія занятія непремѣнно требуютъ особой каѳедры; в) особой каѳедры требуетъ математическая физика, вовсе опущенная въ спискѣ наукъ физико-математическаго факультета. Между тѣмъ наука эта не можетъ быть опущена на факультетѣ, въ которомъ преподается теорія чиселъ и практическая механика, и не можетъ быть удовлетвори-

тельно излагаема ни преподавателемъ физики и физической географіи, ни профессорами математики; г) между предметами физико-математическаго факультета слѣдуетъ поименовать микроскопическую анатомію и физіологію и освѣтить ихъ ярче, чѣмъ это сдѣлано въ исчисленіи наукъ медицинскаго факультета (ст. 15); д) составъ каѳедры философіи нельзя признать достаточно полнымъ; е) практическую механику слѣдовало бы или вовсе оставить, или отдѣлить отъ анатомической. Если исчисленіе предметовъ каждой каѳедры принять за указаніе того, какіе отдѣлы науки могутъ быть поручаемы лицамъ, не пріобрѣтшимъ права на самостоятельную каѳедру, то его нельзя признать удовлетворительнымъ въ этомъ отношеніи, ибо оно указываетъ совершенно равностепенные отдѣлы наукъ.

Богословіе есть предметъ общаго образованія и въ этомъ значеніи въ составъ курсовъ, распредѣляемыхъ, для большей спеціальности, по отдѣламъ самыхъ факультетовъ, входить не можетъ. Какъ предметъ спеціальный, оно можетъ найти достойное мѣсто только на богословскомъ факультетѣ, учрежденіе котораго было бы весьма желательно. А посему, если и оставить его въ составѣ университетскихъ курсовъ, то какъ предметъ не обязательный, слушаемый только желающими. Это одинаково должно относиться какъ къ православному, такъ и къ Римско-католическому богословію.

—

Согласенъ. Но не раздѣляю мнѣнія о томъ, что желательно было бы при каждомъ университетѣ имѣть богословскій факультетъ. Прилично было бы учредить одинъ, въ Кіевѣ, какъ колыбели христіанства въ Россіи. Но учрежденіе ихъ при всѣхъ университетахъ было бы безполезно. Этой потребности удовлетворяютъ духовныя академіи.

Представляется особое мнѣніе профессора богословія.

Бывшій профессоръ и директоръ лицея Мурзакевичъ полагаетъ замѣнить миѳологію, которая и входитъ въ исторію литературы и древности, палеографіею и нумизматикою, имѣющими въ Новороссійскомъ университетѣ, по мѣстности, особенную важность. Копія съ мнѣнія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мурзакевича прилагается, и я съ его мнѣніемъ согласенъ.

§ 91. Изложить такъ: по мѣрѣ надобности и средствъ, въ университетѣ могутъ быть открываемы курсы изящныхъ искусствъ, по соглашенію совѣта и попечителя, съ донесеніемъ о томъ министру. (Мн. г. *Могилянскаго*.)

—

§ 22. Въ назначеніе вакаціоннаго времени необходимо ввести мѣстныя соображенія. По условіямъ здѣшней мѣстности слѣдовало бы сократить зимнія вакаціи, установивъ ихъ отъ 24 декабря по 1 января включительно, а увеличить соотвѣтственно вакаціи лѣтнія, назначивъ ихъ отъ 1 іюня по 15 августа, если не по 1 сентября, по причинѣ невыносимыхъ жаровъ, которыми сопровождается въ здѣшнемъ краѣ постоянно августъ мѣсяцъ.

—

Желательно, чтобы за исключеніемъ вакацій, времени экзаменовъ и другихъ пропусковъ, каждый профессоръ преподавалъ въ теченіе не менѣе 26 полныхъ недѣль въ году, когда бы то ни было, лѣтомъ или зимою. При 8-ми лекціяхъ въ недѣлю, это составитъ 208 лекцій въ годъ,—количество, достаточное для изложенія науки двумъ и даже тремъ различнымъ курсамъ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Отд. II. О факультетскихъ собраніяхъ.

§ 23. Сообразно предположенію совѣта о составѣ учебнаго сословія университета, сказанное здѣсь о доцентахъ должно разумѣть и о приватъ-доцентахъ.

—

Гл. III. О совѣтѣ и правленіи. Отд. I.

§ 27. Прибавить: за 48 часовъ до засѣданія, ректоръ представляетъ попечителю записку о тѣхъ дѣлахъ, которыя назначены къ слушанію въ предстоящемъ засѣданіи совѣта. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 31. Подача голосовъ можетъ быть и закрытая, если того потребуетъ по крайней мѣрѣ *половина присутствующихъ членовъ*, а не пять. Это малое число даетъ слишкомъ легкій ходъ интригамъ каждой котеріи. При томъ желательно, чтобы каждый всегда съ открытымъ лицомъ стоялъ за свое мнѣніе. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 32. Пунктъ 4. Баллотированіе употребляется при всѣхъ тѣхъ вопросахъ, рѣшенія которыхъ баллотировкою пожелаютъ не менѣе *половины* присутствующихъ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 35, п. 3. Никакія представленія факультетовъ, ни заявленія отдѣльныхъ членовъ совѣта, а также предложенія попечителя не должны получать окончательнаго рѣшенія въ то же засѣданіе, въ которое представлены, а по выслушаніи откладываются до слѣдующаго засѣданія, которое должно быть не ранѣе, какъ чрезъ недѣлю, дабы дать время на зрѣлое обсужденіе дѣла и предупредить рѣшенія, подготовленныя происками партій, какъ случается въ собраніяхъ.

Та же ст., п. 9. Пунктъ этотъ представляетъ случай (см. ст. 8) — разрѣшеніе пріема студентовъ въ университетъ, когда полезно будетъ выслушать въ совѣтѣ тѣ свѣдѣнія о поступающемъ, напримѣръ изъ вольнослушателей въ студенты, которыя можетъ имѣть инспекторъ, если таковой будетъ, или проректоръ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Гл. IV. Отд. I.

§ 53. Такъ какъ проектъ опредѣляетъ закономъ всѣ отправленія университетской жизни, и предоставляетъ достаточную, закономъ же опредѣляемую, власть различнымъ органамъ университетскаго управленія, то статья эта, по крайней мѣрѣ, должна бы быть точнѣе составлена: именно слѣдовало бы указать, въ случаяхъ какого рода попечитель можетъ превысить власть, предоставленную ему проектомъ, въ чемъ именно могутъ состоять мѣры, на которыя онъ въ этомъ случаѣ уполномочивается, и какими предѣлами ограничивается самое это превышеніе. Такимъ образомъ могла бы быть обойдена слишкомъ большая неопредѣленность выраженія: «по своему усмотрѣнію», не совпадающая съ характеромъ, который самый проектъ сообщаетъ всей университетской организаціи.

—

Согласенъ съ замѣчаніями. Подробное опредѣленіе правъ попечителя, если таковое возможно, могло бы предупредить столкновенія. Для огражденія правъ совѣта можно постановить, что онъ, въ случаѣ разногласія съ попечителемъ по какому-либо дѣлу, которое не можетъ быть кончено соглашеніемъ, имѣетъ право мимо его представить свой протоколъ по этому дѣлу министру, въ то же время какъ попечитель представляетъ по оному свое мнѣніе. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 54. Проектъ признаетъ нормальнымъ, слѣдовательно совершен-

но удовлетворительнымъ порядокъ предсѣдательства въ совѣтѣ ректора. Посему, а также согласно ст. 4-й и 62-й, случаи предсѣдательства въ совѣтѣ попечителя должны бы были ограничиться только торжественными его собраніями.

—

Нельзя отнять у попечителя права участвовать лично, когда онъ признаетъ нужнымъ и полезнымъ, въ трудахъ совѣта, и при томъ въ качествѣ предсѣдателя, исключая тѣхъ только случаевъ, когда происходятъ пренія по предложеніямъ его. Въ другихъ случаяхъ онъ предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ; но въ тотъ моментъ, когда онъ словесно защищаетъ свое *личное* мнѣніе, предсѣдательство со всѣми правами, необходимыми для соблюденія въ засѣданіи порядка, переходитъ къ ректору. Также точно, когда предсѣдатель-ректоръ защищаетъ свое личное мнѣніе, предсѣдательство на то время переходитъ къ проректору, или старшему по службѣ декану. При этомъ порядкѣ врядъ ли можно опасаться злоупотребленія власти. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 58. Статья эта, въ интересѣ скораго отправленія дѣлъ, а главнымъ образомъ устраненія всякаго повода къ нарушенію единства въ управленіи, требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ опредѣленіи дѣлъ, рѣшеніе которыхъ требуетъ утвержденія попечителя. Измѣненія эти будутъ показаны въ своемъ мѣстѣ.

—

§ 59. Для содѣйствія попечителю, назначается ему помощникъ, опредѣляемый Высочайшимъ приказомъ. Онъ избирается попечителемъ изъ лицъ, имѣющихъ степень по крайней мѣрѣ магистра (если она сохранится; или ту, какая будетъ высшая) и прослужившихъ преподавателемъ не менѣе 5 лѣтъ. Онъ есть непремѣнный членъ совѣта, въ коемъ занимаетъ рядомъ съ ректоромъ первое мѣсто, хотя права предсѣдателя принадлежатъ послѣднему, а ему всѣ права члена наравнѣ съ другими. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Новая статья.

Попечитель имѣетъ право, по полученіи отъ ректора записки о дѣлахъ, назначенныхъ къ слушанію въ предстоящемъ засѣданіи совѣта (см. ст. 27), исключить изъ оной какое бы ни было дѣло, по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ отложить разрѣшеніе онаго, не болѣе какъ на десять дней, дабы можно было приготовить всѣ нужныя для того данныя. Равнымъ образомъ имѣетъ

право остановить исполненіе каждаго рѣшенія совѣта, съ обязанностію въ такомъ случаѣ немедленно представить дѣло на разрѣшеніе министра. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Отд. II. О ректорѣ и деканахъ.

§ 64. Такъ какъ предсѣдательство въ факультетскихъ собраніяхъ предоставляется деканамъ, которые, какъ члены факультетовъ, факультетомъ избранные, суть лица, по самымъ предметамъ занятій факультетскихъ собраній, исключительно къ тому способныя: то ректоръ, имѣя свой обширный кругъ занятій, на предсѣдательство въ этихъ собраніяхъ права не долженъ имѣть.

—

Ректору представляется свѣдѣніе о всѣхъ постановленіяхъ факультетскихъ собраній, и онъ имѣетъ право перенести каждое дѣло въ ближайшее засѣданіе совѣта, остановивъ до того времени приведеніе въ исполненіе постановленія факультета. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 67. Относительно этой статьи имѣетъ силу замѣчаніе, сдѣланное на ст. 53.

—

Отд. III. О преподавателяхъ.

§§ 70, 71 и 72. Званія доцентовъ старшихъ и младшихъ могли бы быть уничтожены и іерархія университетскихъ ученыхъ должностей освобождена отъ усложненія, неоправдываемаго необходимостью. Вводимая проектомъ постепенность ученыхъ званій опирается отчасти на признаніи нынѣ существующихъ ученыхъ степеней. Это основаніе, противъ котораго ниже сдѣлано замѣчаніе, тѣмъ самымъ въ мнѣніи совѣта теряетъ силу. Необходимость обезпечить ученое достоинство лицъ, допускаемыхъ къ преподаванію, требуетъ, чтобы желающій преподавать удостовѣрилъ совѣтъ въ томъ, что онъ пошелъ далѣе предѣла, указываемаго общею задачею университетскаго преподаванія, что можетъ самостоятельно заниматься наукою и обладаетъ способностями, необходимыми для преподаванія: этому требованію удовлетворяетъ ст. 72 (относительно приватъ-доцентовъ). Исполнившій требованія этой статьи можетъ быть приватъ-доцентомъ, то есть преподавателемъ, не имѣющимъ еще права на самостоятельную каѳедру. За тѣмъ, для пріобрѣтенія

этого права, ищущій его, долженъ доказать, что онъ достигъ самостоятельности въ наукѣ пріобрѣтеніемъ ученой степени. Степень эта должна быть единственною и давать право на отдѣльную каѳедру, то есть право самостоятельно преподавать особую отрасль знанія. Лицо, удовлетворяющее этимъ требованіямъ и дѣйствительно удостоенное этой каѳедры по выбору ученаго сословія, должно быть профессоромъ, и за тѣмъ нѣтъ необходимости въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ въ званіи университетскаго преподавателя по зависимости отъ ученыхъ степеней. Различеніе профессуръ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ можетъ быть удержано съ пользою, обезпечивая замѣщеніе высшихъ университетскихъ должностей лицами, ученое достоинство которыхъ вполнѣ признано, и дѣйствуя одобрительно на дѣятельность профессоровъ посредствомъ соревнованія, неминуемо возникающаго. Полученіе званія ординарнаго профессора должно зависѣть отъ выбора, который, по существу дѣла, можетъ опредѣляться только ученою репутаціею избираемаго, а никакъ не специальнымъ и форменнымъ испытаніемъ. Всѣ прочія искусственныя средства къ поддержанію научной дѣятельности совѣтъ не считаетъ согласными съ достоинствомъ преподавателя, принятаго разъ въ сословіе университетское. При существованіи въ этомъ сословіи хорошаго направленія, гарантіи, установленныя при допущеніи къ преподаванію и обязанность совѣта руководиться не формальными аттестатами, а ученою репутаціей кандидата, достаточно обезпечиваютъ это сословіе отъ людей не способныхъ и нерадивыхъ. Всѣ же искусственныя мѣры будутъ безсильны и даже вредны: ибо могутъ стать поводомъ къ внутреннимъ несогласіямъ въ университетѣ,—злу, несравненно большему, нежели случайная неудовлетворительность одного или двухъ преподавателей.

—

§ 75. Согласно замѣчанію на ст. 58, оставленіе на службѣ приватъ-доцентовъ послѣ повторительнаго выбора можетъ не нуждаться въ утвержденіи попечителемъ: ибо цѣль самыхъ выборовъ, очевидно, заключается въ сужденіи о достоинствѣ доцента, какъ преподавателя, — сужденіи, которое проектъ возлагаетъ вообще на совѣтъ. Будучи вновь избранъ, приватъ-доцентъ не получаетъ ничего вновь, а посему и разъ состоявшееся утвержденіе его въ должности начальствомъ сохраняетъ силу и не нуждается въ повтореніи.

—

Или первый выборъ также не требуетъ утвержденія попечителя, или оно нужно и при второмъ, подобно тому, какъ профессоръ и при первомъ избраніи (ст. 78) и при вторичномъ (ст. 81) утверждается министромъ. Только, вмѣсто 3-лѣтняго срока, можно положить 5 лѣтъ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 83. Эта статья должна быть точнѣе опредѣлена въ виду другихъ, которыми установляются взысканія за упущенія по службѣ преподавателей. Свѣдѣніе объ ученой и учебной служебной дѣятельности преподавателей должно бы вообще составлять прерогативу совѣта, который и приступаетъ къ этому сужденію въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, по представленію декановъ и ректора.

§ 84. Обязанность исполнять порученія должна бы быть опредѣлена такимъ образомъ: профессоръ исполняетъ порученія, находящіяся въ связи съ его учеными занятіями, по предложенію совѣта. Начальственныя же порученія возлагаются только съ согласія самого преподавателя, не въ ущербъ однако его преподавательскимъ занятіямъ.

—

Съ первою частью замѣчанія согласенъ. Изъ второй же части должно выпустить слова: *только съ согласія самого преподавателя*, которыя противорѣчатъ самому понятію, заключающемуся въ словахъ *начальственныя порученія.* (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Отдѣленіе IV.

§ 89. Совѣтъ полагаетъ, что выраженіе «въ случаяхъ, превышающихъ его власть», можетъ быть замѣнено общимъ правиломъ, по которому инспекторъ, подчиняясь по своей должности ректору и правленію, доноситъ имъ о всѣхъ проступкахъ студентовъ, вызывающихъ болѣе строгое взысканіе, нежели выговоръ. Всякое такое взысканіе опредѣляется не иначе, какъ по приговору правленія.

—

Съ замѣчаніемъ согласенъ; но къ статьѣ слѣдуетъ прибавить: въ этихъ случаяхъ проректоръ или инспекторъ имѣетъ право и обязанность засѣдать въ совѣтѣ, или правленіи, съ общими правами членовъ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 91. На эту и другія подобныя статьи, слѣдуетъ замѣтить, что, за исключеніемъ указаннаго выше случая (см. мнѣніе на ст. 53), всѣ дѣла, восходящія отъ совѣта къ министру, должны проходить чрезъ руки попечителя; иначе какъ будетъ онъ поставленъ въ извѣстность о томъ, что дѣлается въ университетѣ? Скажутъ, что такимъ образомъ будетъ замедляться ходъ дѣлъ; но если протоколы совѣта и всѣ дѣла, представляемые попечителю для передачи министру, не будутъ (какъ и не должны) переписываться въ канцеляріи попечителя, а будутъ представляться министру въ подлинникѣ, но съ мнѣніемъ попечителя, то замедленія не произойдетъ, и при томъ что̀ дѣло потеряетъ въ скорости производства, то̀ оно выиграетъ въ зрѣлости рѣшенія. Въ экстренныхъ случаяхъ употреблена будетъ и экстренная поспѣшность. Но экстренности не должно случаться, если предположить, какъ и слѣдуетъ, въ членахъ совѣта довольно предусмотрительности, чтобы дѣлать свои заявленія заблаговременно. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Гл. V. Отд. I.

§ 99. Требованіе особаго дополнительнаго въ университетѣ испытанія, при существованіи испытаній въ гимназіяхъ, едва ли можетъ считаться необходимымъ.

—

Съ замѣчаніемъ согласенъ. Статья 99 создаетъ опять вторичный вступительный экзаменъ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 103. Совѣтъ полагаетъ, что нѣтъ необходимости требовать отъ постороннихъ лицъ, допускаемыхъ къ слушанію лекцій, полнаго совершеннолѣтія, и что слѣдуетъ установить для нихъ тотъ же возрастъ, который принятъ для допущенія въ число студентовъ.

—

Отдѣленіе II.

§§ 104 и 105. Для облегченія доступа къ высшему образованію, полезно было бы назначить плату самую умѣренною, именно по 20 р. въ годъ, съ тѣмъ однако, что желающіе выдержать окончательный экзаменъ для пріобрѣтенія правъ, сообщаемыхъ университетомъ своимъ студентамъ, платятъ за право экзаменоваться

столько разъ 10 рублей, сколько лѣтъ пробыли въ университетѣ. Деньги эти, въ случаѣ невыдержанія экзамена, не возвращаются, и при вторичномъ приступѣ къ экзамену вносятся опять въ указанномъ размѣрѣ. Такая мѣра понудитъ значительное большинство студентовъ тщательнѣе заниматься науками и надлежащимъ образомъ приготовляться къ экзамену, не приступая къ нему на *авось*, какъ слишкомъ часто дѣлается нынѣ. Деньги же, собранныя за экзамены, могутъ поступать въ сумму, собираемую за слушаніе лекцій, или непосредственно быть раздѣляемы между экзаменаторами и ассистентами по числу засѣданій. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 109. Должны бы быть освобождены отъ платы и дѣти лицъ, прослужившихъ при университетахъ не менѣе 10 лѣтъ и уволившихся по какимъ-либо законнымъ причинамъ.

—

Отдѣленіе III.

§ 112. Въ этой статьѣ опредѣляются обязанности стипендіатовъ, окончившихъ курсъ. А какія обязанности падутъ на тѣхъ, которые, дабы избѣгнуть обязанной службы, оставятъ университетъ, гдѣ получаютъ стипендію, за полгода до окончанія курса, и окончатъ его въ другомъ, или вовсе не окончатъ, проживъ $3^1/_2$ года на счетъ правительства? Обязанности эти слѣдуетъ опредѣлить. Можно указать законныя причины оставленія университета, а отъ не представившихъ такихъ причинъ требовать возвращенія полученныхъ стипендій. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§§ 113 и 114. Назначеніе стипендій и прекращеніе выдачи ихъ должно быть предоставлено въ полное распоряженіе совѣта: ибо то и другое, производясь въ зависимости отъ занятій учебныхъ, входитъ въ число предметовъ, при сужденіи о которыхъ совѣтъ есть исключительно компетентное мѣсто.

—

Согласенъ. Но слѣдуетъ поставить совѣту въ обязанность, при назначеніи и продолженіи стипендій, требовать и принимать во вниманіе законное засвидѣтельствованіе о поведеніи. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Отдѣленіе IV.

§ 115. Совѣтъ полагаетъ, что 4-лѣтній курсъ есть обязательный minimum для студентовъ, но что имъ должно быть за тѣмъ предоставлено право употребить на окончаніе курса столько времени, сколько для каждаго, по его способностямъ и прилежанію, окажется необходимымъ, безъ всякаго особаго на то разрѣшенія.

—

§ 118. Прежде допущенія къ экзамену требовать уплаты дополнительныхъ денегъ за право слушанія лекцій (см. мнѣніе на ст. 104 и 105). Согласно замѣчанію на ст. 115, можно допустить для выдержанія и полукурсоваго испытанія болѣе долгій, нежели два года, срокъ пребыванія въ университетѣ. (Мн. г. *Могилянскаго*.)

—

§ 119. Статья эта требуетъ измѣненія, согласно съ замѣчаніемъ на ст. 70, 71 и 72. Совѣтъ полагаетъ, что аттестатъ студенческій долженъ быть одинъ, такъ какъ и общая цѣль преподаванія одна. Двойственность званія, пріобрѣтаемаго прохожденіемъ курса, не можетъ быть удержана, ибо основывается не на объемѣ знаній, а на степени ихъ усвоенія. Удовлетворившій требованіямъ университета долженъ получить выгоды, уставомъ опредѣленныя; неудовлетворившій же не имѣетъ права требовать ихъ. Относительно самыхъ правъ, совѣтъ полагаетъ справедливымъ уравненіе правъ окончившихъ въ университетѣ курсъ наукъ съ правами, получаемыми оканчиващими курсъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Окончившій курсъ наукъ въ университетѣ стоитъ никакъ не ниже окончившаго курсъ напримѣръ въ Александровскомъ лицеѣ или училищѣ правовѣдѣнія. Справедливость требовала бы поэтому распространенія и на студентовъ, удовлетворившихъ требованіямъ университета, права на полученіе IX класса.

—

Совершенно справедливо было бы сравнить университетъ въ правахъ, сообщаемыхъ своимъ студентамъ при окончаніи курса, съ Александровскимъ лецеемъ и училищемъ правовѣдѣнія; но и въ этихъ заведеніяхъ даются не всѣмъ студентамъ одинаковыя права, а различныя, по заслугамъ. Полезно сохранить это правило въ университетахъ, какъ справедливую поощрительную мѣру. Степень усвоенія знаній доказывается на экзаменѣ; она можетъ быть не у всѣхъ одинаковая и зависитъ отчасти отъ трудолюбія и ревно-

сти къ наукѣ: не одинаковы должны быть и получаемыя права. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Отдѣленіе V.

§ 123. Обращая вниманіе на то положеніе, которое дается университету въ этомъ проектѣ, нельзя не желать, чтобы дѣла объ удаленіи, увольненіи и исключеніи студентовъ, будучи рѣшаемы приговорами правленія, этими рѣшеніями и оканчивались. Ибо не послѣдовательно подвергать вопросъ о пребываніи студента въ университетѣ предварительно на обсужденіе самаго университета, а потомъ допустить возможность удаленія его или оставленія, вопреки формально высказанному рѣшенію университетской корпораціи.

—

Попечителю должно быть представлено только право смягченія наказанія одною или не болѣе какъ двумя степенями. Не вижу причины, почему во всѣхъ университетахъ не учредить, для дѣлъ по нарушенію правилъ дисциплины и благочинія, такого суда, какъ въ Дерптскомъ университетѣ. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

§ 124. Совѣтъ полагаетъ полезнымъ постановить, что означенное воспрещеніе должно исходить отъ одного ректора.

—

Глава VI.

§§ 128—133. Послѣ пріобрѣтенія степени кандидата (для чего совѣтъ можетъ постановить условія столь трудныя, сколько признаетъ нужнымъ), не слѣдуетъ уже требовать отъ ищущаго другихъ ученыхъ степеней или профессорскихъ правъ инаго испытанія, какъ публичный диспутъ и пробныя лекціи. (Смотр. замѣчанія на ст. 70, 71 и 72). (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Глава VII.

§ 134. Прилагается въ копіи мнѣніе трехъ преподавателей о предоставленіи университетамъ права выбирать себѣ канцлера, съ каковымъ мнѣніемъ и я согласенъ, хотя мѣра эта и отвергнута большинствомъ, какъ безполезная. (Мн. г. *Могилянскаго.*)

—

Глава IX. Отд. I.

§ 140 и другіе. Совѣтъ полагаетъ, что было бы весьма полезно установить, какъ общее право университетовъ, право на изданіе энциклопедическаго журнала или газеты (не ученыхъ записокъ только). Это было бы немаловажною помощью къ обезпеченію матеріальнаго ихъ благосостоянія и расширило бы ихъ образовательное вліяніе.

—

Отдѣленіе II.

§ 152. Совѣтъ полагаетъ, что положеніе ректора, какъ представителя цѣлаго университета, могло бы быть болѣе отличено и въ порядкѣ служебныхъ классовъ. Положеніе должности экстраординарнаго профессора въ одномъ классѣ съ должностію, не только приватъ-доцента, но и преподавателя въ гимназіи, не соотвѣтствуетъ ни общепринятому мнѣнію объ относительномъ значеніи этихъ должностей, ни особымъ требованіямъ, которыми по проекту обусловливается пріобрѣтеніе званія экстраординарнаго профессора. То же должно замѣтить объ уравненіи ординарныхъ профессоровъ съ синдикомъ, декановъ съ инспекторомъ, при чемъ инспекторъ полагается въ разрядѣ высшемъ, нежели даже ординарный профессоръ.

—

§ 158. Предполагаемая единая ученая степень (см. замѣч. на ст. 119) должна бы давать, примѣнительно къ постановляемому проектомъ, право на VIII классъ.

—

Отдѣленіе III.

§ 165. Секретарь совѣта долженъ бы участвовать въ особыхъ преимуществахъ службы по ученому вѣдомству относительно величины и срока пенсій.

Въ число лицъ, пользующихся правомъ на пенсіи и пособія по уставу министерства народнаго просвѣщенія, слѣдуетъ включить помощника попечителя, синдика, секретаря совѣта, а также и правителя канцеляріи попечителя учебнаго округа.

Къ ст. VII.

1. Мнѣніе профессора богословія, протоіерея Павловскаго.

Новый проектъ устава (глава первая, общія положенія, § 17) опредѣляетъ для догматическаго и нравственнаго богословія, церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія особую, не принадлежащую ни къ какому факультету, каѳедру для всѣхъ вообще студентовъ православнаго исповѣданія, возлагая вмѣстѣ съ симъ на профессора православнаго богословія обязанность преподавать и церковное законовѣдѣніе студентамъ юридическаго факультета.

Каѳедра православнаго богословія остается поэтому и въ новомъ проектѣ устава тою же самою, какою была и въ старомъ уставѣ, съ тѣми же 4-мя предметами, съ тѣмъ же однимъ преподавателемъ для всѣхъ ихъ и съ тѣми же затрудненіями для преподавателя. Быть въ одно и то же время догматикомъ и практикомъ христіанскимъ, церковнымъ историкомъ и церковнымъ законовѣдомъ — дѣло чрезмѣрно трудное не по одной только обширности содержанія каждой изъ проектируемыхъ наукъ, а потому, что, какъ легко соединяются между собою догматика и практика и церковная исторія съ церковнымъ законовѣдѣніемъ, такъ трудно церковной исторіи и церковному законовѣдѣнію всегда находить себѣ въ отличномъ догматикѣ и практикѣ полную любовь. А безъ этой любви и отличный профессоръ догматики и практики можетъ быть только отличнымъ труженикомъ, но не профессоромъ церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. Не развиваю болѣе мысли моей, думаю, ясной и очевидной и безъ особеннаго раскрытія, а дѣлаю заключеніе: необходимо каѳедру богословія раздѣлить на двѣ части (на такое раздѣленіе даетъ право совѣту 35 § главы третьей, отд. 1): одну—для догматическаго и нравственнаго богословія, а другую—для церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія. Первая должна принадлежать настоятелю университетской церкви, вторая — постороннему священнослужителю.

Я сказалъ «настоятелю университетской церкви», но самой церкви не вижу въ проектѣ. Въ 8 главѣ (*учебно-воспитательныя учрежденія* § 138) между разными учебными пособіями, учрежденіями и собраніями церковь не показана. Желательно, чтобы и для всѣхъ Россійскихъ университетовъ существованіе при нихъ цер-

кви было выражено также ясно и положительно, какъ это выражено для Дерптскаго университета (приложеніе къ проекту общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, къ отд. 1-му главы IX § 2): «Приходъ этотъ имѣетъ церковь, принадлежащую къ числу зданій университета».

Что касается до того, что раздѣленіемъ каѳедры богословія между двумя преподавателями увеличатся расходы по содержанію университетовъ, честь имѣю дать слѣдующее мнѣніе: и въ настоящее время профессоры богословія при университетахъ пользуются содержаніемъ ординарнаго профессора. При ожидаемомъ увеличеніи окладовъ ординарныхъ профессоровъ (а это увеличеніе, вѣроятно, будетъ простираться до двухъ съ половиною тысячъ р. сер.), легко будетъ содержать и двухъ преподавателей богословія при университетѣ. Окладъ ординарнаго профессора, раздѣленный на двѣ равныя части, будетъ, по моему убѣжденію, весьма достаточнымъ вознагражденіемъ какъ для того, кто съ должностію профессора догматическаго и нравственнаго богословія будетъ соединять должность настоятеля университетской церкви (конечно, не безмездно), такъ и для того, кто съ должностію профессора церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія будетъ соединять должность приходскаго священника (тоже не безмездно).

Въ проектѣ не обозначенъ способъ избранія совѣтомъ профессора богословія. Донынѣ существующій — чрезъ посредство духовнаго начальства, не можетъ быть устраненъ. Университетъ можетъ и долженъ имѣть свою долю въ опредѣленіи достоинствъ избираемаго, можетъ подвергать его, наряду съ другими (по 72 §, отд. III), «пробнымъ лекціямъ», но главная инициатива избранія должна принадлежать духовному начальству. Впрочемъ, составители проекта, можетъ быть, имѣли это въ виду, указавъ (глава 3, отд. I, § 31) между предметами занятій совѣта и слѣдующій: «избраніе преподавателей университета и назначеніе ихъ, *установленнымъ порядкомъ*, къ разнымъ университетскимъ должностямъ».

---

2. Мнѣніе профессоровъ Георгіевскаго, Орбинскаго и Шперлинга.

Въ числѣ предположеній, которыя нѣкоторые члены комитета желали подвергнуть разсмотрѣнію, есть одно, которое, какъ кажет-

ся, заслуживаетъ вниманія: это о предоставленіи университетамъ права выбирать себѣ канцлеровъ, съ утвержденія Государя Императора, изъ высокопоставленныхъ лицъ, имѣющихъ пребываніе въ Петербургѣ, которыя дѣйствовали бы въ интересахъ университета, только по предложенію совѣта.

VIII.

Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мурзакевича.

§ 12, пунктъ 2, буква Г. *Миѳологію*, предположенную къ преподаванію въ историко-филологическихъ факультетахъ, по излишеству ея (поелику она входитъ: въ толкованія авторовъ, исторіи литературъ и древностей Греко-Римскихъ), замѣнить Греко-Римскими: *археологіею*, *палеографіею и нумизматикою.* Сіи предметы, въ Новороссійскомъ университетѣ, по мѣстности, особенно необходимы.

§ 6, буква Г. Къ *Славянскимъ древностямъ* необходимо добавить: и *Русскія (съ нумизматикою).*

§ 16. Прибавить: къ исторіи Восточной и Западной Азіи, *палеографію и нумизматику*, необходимыя для университетовъ Казанскаго и Новороссійскаго.

§ 22. *Примѣчаніе. Вакаціи*, положенныя симъ §, необходимо *сократить.*—Вакацій, съ воскресными, праздничными и табельными днями, въ годъ приходится до 153 дней. И если къ нимъ приложить дни для экзаменовъ и отсутствій преподавателей по разнымъ причинамъ (13 разъ), то для чтенія лекцій едва придется 200 учебныхъ дней въ году.

§ 62. Добавить къ 2): Ректоръ наблюдаетъ . . . чтобъ университетское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности, *для чего посѣщаетъ лекціи преподавателей.*

§ 69. Прибавить: деканы . . . *они*, *каждый въ своемъ факультетѣ, слѣдятъ за лекціями преподавателей.*

Примѣчаніе. Этими мѣрами устранится нахожденіе при университетахъ неспособныхъ доцентовъ и приватъ-доцентовъ, въ теченіе положенныхъ, § 75, трехъ лѣтъ, и предупредится напрасная трата времени у студентовъ.

§ 109. Добавить: Г). Сыновья преподавателей и чиновниковъ, служащихъ при учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства

народнаго просвѣщенія, *также и прослужившихъ 25 лѣтъ, но не успѣвшихъ воспользоваться симъ правомъ.*

§ 113. Добавить: стипендіатъ, неоказывающій успѣховъ въ наукахъ въ теченіе *двухъ лѣтъ*, . . . лишается права и проч.

Примѣчаніе. Продолженіе стипендіи болѣе этого срока, при множествѣ бѣдныхъ и способныхъ студентовъ, будетъ несправедливо

§ 117. Измѣнить: сочиненія, удостоенныя награды, *печатаются* на счетъ университета.

Примѣчаніе. Печатаніе подобныхъ сочиненій необходимо: а) для устраненія сомнѣній, могущихъ породиться на счетъ качества сочиненій, б) для возбужденія соревнованія между учащимися и в) для заявленія обществу возникающихъ талантовъ.

§ 119. Измѣнить: оказавшіе на испытаніяхъ . . . представившіе диссертацію, *заслужившую вниманія*, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента.

Примѣчаніе. Представленіе диссертаціи, *не заслужившей одобренія*, должно лишить студента права получить *ученую степень.* Можетъ быть въ этомъ § опечатка? *не* вмѣсто *но.*

§ 121. Измѣнить: *добрая нравственность, повиновеніе существующимъ законамъ, полное послушаніе университетскому начальству и посѣщеніе лекцій, суть прямыя обязанности каждаго студента.*

Примѣчаніе. Не должно *принуждать* студентовъ къ посѣщенію лекцій, но и не слѣдуетъ вовсе *умалчивать* о повинности (servitus) слушанія лекцій учащимися.

§ 129. Прибавить: *диссертаціи на степень магистра и доктора печатаются на счетъ авторовъ, въ случаѣ же недостаточности ихъ средствъ—на счетъ университета.*

Примѣчаніе. Гласность въ этомъ дѣлѣ также необходима, какъ и по § 117.

§ 140. Здѣсь предпослать (въ IX главѣ) то почетное право, которое изложено *въ* § *2.*

§ 150. Слово — скончается, замѣнить — *умретъ.*

§ 152. *Примѣчаніе.* Въ проектѣ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній § 396 поставлены, ради почести, директоры гимназій и прогимназій въ V, инспекторы въ VI, ординарные же профессоры въ VII, а экстраординарные въ VIII классахъ государственной службы. Такое пониженіе воздѣлывателей науки и образователей юношества — неправомѣрно. Если проектъ устава учебныхъ заведеній (стр. 86, I) *возвышаетъ въ глазахъ общества* директоровъ и инспекторовъ гимназій и прогимназій, то за что же про-

ектъ общаго устава университетовъ *унижаетъ* профессоровъ, по важности и полезности ихъ знаній, стоящихъ выше директоровъ и инспекторовъ.

IX.

Совѣта Демидовскаго лицея.

Что касается до общихъ началъ, положенныхъ въ основаніе новаго проекта, совѣтъ лицея полагаетъ замѣтить слѣдующее: какъ видно изъ объяснительной записки, проектъ имѣетъ цѣлію развить въ уставѣ такія начала, которыя бы, съ одной стороны, усилили самодѣятельность учебнаго университетскаго сословія и вліяніе его на студентовъ, а съ другой — способствовали бы образованію состава учащихся въ университетахъ съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ.

Несомнѣнно, задачи, принятыя проектомъ, вполнѣ разумны: онѣ отвѣчаютъ насущнымъ вопросамъ жизни; общественное сознаніе уже громко говоритъ объ ихъ необходимости въ предполагаемомъ преобразованіи нашихъ университетовъ. А законъ, вытекая изъ жизни, становится живымъ, органическимъ, а не на бумагѣ только, закономъ.

«Для достиженія первой цѣли, говоритъ объяснительная записка, въ проектѣ устава предоставляется университетамъ вся чисто-ученая дѣятельность, а равно административная по тѣмъ предметамъ, которые относятся къ тѣсному кругу ихъ дѣйствій.»

Дѣйствительно, это средство настоящее къ предположенной цѣли; жаль только, что оно слабо высказывается въ проектѣ. Правда, сравнительно съ уставомъ 1835 года, расширенъ объемъ дѣятельности совѣта, увеличена степень его власти; но за всѣмъ тѣмъ нѣкоторые предметы, касающіеся непосредственно университетской жизни, не предоставлены окончательному его рѣшенію. Принявъ во вниманіе современное состояніе науки, современныя требованія просвѣщенія, кажется, проектъ не ошибся бы, еслибы открылъ болѣе свободы ученому университетскому сословію. Желательно, чтобы совѣтъ въ кругу, ему отведенномъ самымъ его назначеніемъ, дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, подъ собственною отвѣтственностію предъ высшимъ начальствомъ. Самая коллегіальность его ручается за правильность и добросовѣстность его

дѣйствій, а довѣріе закона пробудитъ въ членахъ бо́льшую любовь къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ.

Между прочими § § проекта, нельзя не замѣтить въ особенности тѣхъ, гдѣ говорится о составѣ совѣта, факультетскихъ собраній и вообще о преподавателяхъ.

§ 7. «Въ составѣ совѣта, подъ предсѣдательствомъ ректора, присутствуютъ ординарные и экстраординарные профессоры». Значитъ проектъ понимаетъ ученое сословіе изъ однихъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, заботится о самостоятельности *этихъ* только лицъ.

Примѣч. къ § 7. «Прочіе преподаватели могутъ быть приглашаемы въ совѣтъ, для совѣщанія по предметамъ ихъ преподаванія.» А изъ этихъ-то *прочихъ* можетъ быть половина преподавателей въ университетѣ? Вмѣсто адъюнктовъ, вводятся проектомъ доценты: старшіе, младшіе и приватъ-доценты — тоже преподаватели! Для нихъ закрытъ входъ и въ факультетскія собранія. «Факультетское собраніе составляютъ опять ординарные и экстраординарные профессоры, въ которомъ *присутствуютъ* и доценты. Изъ послѣднихъ право голоса имѣютъ только занимающіе отдѣльныя каѳедры» (§ 23). Доцентъ, напр., занимающій каѳедру исторіи философіи права, соподчиненную каѳедрѣ энциклопедіи права, не можетъ быть членомъ факультетскаго собранія? Вопросъ: что́ это за лица (доценты), которымъ въ совѣтъ затворены двери и которые въ факультетскихъ собраніяхъ почти не имѣютъ права голоса? Между тѣмъ, отъ этихъ доцентовъ вотъ что требуетъ проектъ: § 71 «Никто не можетъ быть ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора. Для полученія званія профессора экстраординарнаго, или *старшаго доцента*, надлежитъ по крайней мѣрѣ имѣть степень магистра; доцентами-же младшими и приватъ-доцентами могутъ быть кандидаты, лекари съ отличіемъ, провизоры и ветеринары, представившіе диссертацію (pro venia legendi) и защитившіе ее въ присутствіи совѣта.» Старшій доцентъ непремѣнно долженъ быть магистръ и можетъ случиться и докторомъ, тогда какъ экстраординарный профессоръ можетъ оказаться магистромъ, наравнѣ съ младшимъ доцентомъ. Какъ видно, различіе въ ученыхъ степеняхъ не могло быть причиною такого неравенства въ правахъ между преподавателями. Желательно, чтобы рѣзкое различіе между преподавателями университета было уничтожено; чтобы доценты, занимающіе не только отдѣльныя каѳедры, но соподчиненныя, были признаны членами, по крайней мѣрѣ, факультетскихъ

собраній; а старшіе доценты и младшіе доценты, занимающіе отдѣльныя каѳедры, должны присутствовать съ правомъ голоса и въ самомъ совѣтѣ. Признанные самимъ совѣтомъ способными и достойными занять ту или другую каѳедру, хотя-бы и соподчиненную, доценты несутъ *одинаковыя* обязанности съ профессорами, имѣютъ требуемыя качества отъ преподавателя: почему же они не могутъ принимать дѣйствительнаго участія въ совѣщаніяхъ по предметамъ ученымъ и учебнымъ? Объ учености и познаніяхъ старшихъ доцентовъ говоритъ диссертація магистерская, хотя бы и не было другихъ ученыхъ, или литературныхъ произведеній. Доказательство самостоятельной умственной зрѣлости младшихъ доцентовъ и приватъ-доцентовъ представленная ими и одобренная совѣтомъ диссертація (pro venia legendi). Ищущій доцента и приватъ-доцента долженъ прочесть двѣ пробныя лекціи, одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію факультетскаго собранія (§ 72): новый случай узнать и взвѣсить качества въ искателѣ университетской каѳедры, случай узнать и даръ преподаванія.

При сказанныхъ условіяхъ или измѣненіяхъ въ проектѣ, еще можно говорить о самодѣятельности ученаго сословія, а за тѣмъ и о нравственномъ вліяніи на студентовъ и о серьезномъ научномъ направленіи учащихся. Въ противномъ случаѣ, профессоры могутъ составить изъ себя что-то въ родѣ господствующей касты; а это не можетъ ручаться за вполнѣ вѣрный успѣхъ и въ самомъ преподаваніи. Доценты, по своему положенію, могутъ подчиняться и такимъ указаніямъ на счетъ своего преподаванія, которыя будутъ исключать необходимую ихъ самодѣятельность; можетъ быть, придется доцентамъ говорить о томъ, съ чѣмъ они не согласны, что противно ихъ искреннимъ убѣжденіямъ, и болѣе справедливымъ. За что же подвергать людей, можетъ быть, даровитыхъ, съ полною готовностію къ дѣлу, нравственному принужденію! А этому легко могутъ подвергнуться доценты, если къ тому принять въ разсчетъ §§ 74 и 75 проекта: «приватъ-доцентамъ не полагается постояннаго содержанія, но имъ можетъ быть назначаемо, изъ суммы за слушаніе лекцій и изъ другихъ свободныхъ суммъ, сообразное трудамъ вознагражденіе, по опредѣленію совѣта». «Званія доцента и приватъ-доцента даются на три года, по истеченіи коихъ каждый разъ они оставляются на службѣ не иначе, какъ по новому избранію». По уставу 1835 года, адъюнкты по крайней мѣрѣ матеріально обезпечены. Если эти положенія проекта получатъ силу закона,

нельзя ожидать, чтобы вполнѣ достигалась и вторая задача проекта, какъ соподчиненная первой, серьезное научное образованіе учащихся. Относительно этой второй цѣли, — образованія состава учащихся съ серьезнымъ научнымъ направленіемъ, изъ проекта не видно, какія средства должны вести къ этой цѣли. Средства, указанныя въ пояснительной запискѣ, далеко недостаточны и не обѣщаютъ успѣха безъ другихъ, болѣе дѣйствительныхъ. Нужны такія средства, которыя усиливали бы въ студентахъ умственную самодѣятельность и развивали любовь къ труду; напр. сдѣлать для студентовъ обязательнымъ ежегодное представленіе въ факультетъ сочиненій, по крайней мѣрѣ по одной изъ прослушанныхъ въ теченіе года наукъ.

За тѣмъ, въ частности о нѣкоторыхъ §§ проекта могутъ быть сдѣланы слѣдующія замѣчанія:

Въ § 26, въ числѣ зянятій факультета, въ пунктѣ 3 поставлено: распредѣленіе программъ преподаванія; но что должно разумѣть подъ этимъ выраженіемъ — опредѣлить нельзя.

§§ 79 и 93. Желательно, чтобы лица, поименованныя въ сихъ параграфахъ, по избранію совѣтомъ, утверждаемы были въ своихъ должностяхъ порядкомъ, предписываемымъ прежнимъ университетскимъ уставомъ.

§ 87. Желательно, чтобы наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ, предписанныхъ студентамъ, всегда возлагаемо было на одного изъ членовъ совѣта, въ качествѣ проректора, и чтобы вовсе устранено было опредѣленіе для этой цѣли постороннихъ лицъ. Проректоръ, какъ постоянный членъ совѣта, въ руководствѣ студентовъ всегда будетъ дѣйствовать сообразно съ распоряженіями совѣта.

§ 98. Для успѣшнаго слушанія университетскаго курса слѣдуетъ сдѣлать обязательнымъ знаніе всѣхъ предметовъ гимназическаго курса и для воспитанниковъ среднихъ и высшихъ заведеній другихъ вѣдомствъ.

§ 119. Примѣч. 2. Студенты, удостоенные медали или почетнаго отзыва, должны тогда только получать за это отличіе степень кандидата, когда оно дано за представленныя ими сочиненія.

§ 126. Относительно этого § слѣдуетъ замѣтить, что хотя студенты внѣ зданія университета и должны подлежать на общемъ основаніи полицейскимъ установленіямъ, однакожь желательно, чтобы полиція, замѣтивъ студентовъ въ какихъ-либо полицейскихъ

проступкахъ, не приступала сама къ штрафованію, но представляла ихъ университетскому начальству.

X.

О преподаваніи богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ.

Въ настоящее, переходное для Русскихъ университетовъ время, въ обществѣ нашемъ мимоходомъ высказывалась мысль о томъ, что для улучшенія общественной нравственности, для бо̀льшаго обезпеченія общественнаго спокойствія и порядка, для укрѣпленія добрыхъ началъ въ направленіи молодаго Русскаго поколѣнія, полезно было бы усилить религіозно - нравственный элементъ въ нашемъ общественномъ воспитаніи, и въ этихъ видахъ, между прочимъ, расширить и утвердить на добрыхъ началахъ преподаваніе богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, которые, въ видахъ обезпеченія общественнаго спокойствія и порядка, хотѣли бы наложить благочестиво - нравственный колоритъ на науку, на искусство и всѣ другія проявленія общественной жизни. Мы не думаемъ и того, чтобы можно было улучшить общественную нравственность, усилить религіозно-нравственное направленіе въ обществѣ только введеніемъ какъ можно бо̀льшаго числа представителей внѣшняго благочестія въ наши учебныя заведенія. Мы убѣждены, что учебныя заведенія, и преимущественно высшія, тогда только будутъ достигать своей настоящей цѣли, когда въ нихъ будутъ имѣть въ виду прежде всего и главнымъ образомъ науку; а наука, въ свою очередь, тогда только можетъ приносить добрые плоды для общественной жизни, когда преподаваніе ея въ своемъ духѣ и направленіи опредѣляется живымъ сознаніемъ ея собственныхъ правъ и самостоятельности, а не сторонними какими - либо практическими цѣлями и соображеніями. Мы не думаемъ чрезъ это раздѣлять интересовъ науки и школы отъ интересовъ общества и жизни. Мы думаемъ только, что школа тогда именно можетъ приготовлять крѣпкихъ и полезныхъ людей для практической жизни, когда она

будетъ заниматься и жить не другимъ чѣмъ, а именно наукой, ученьемъ, — разумѣется, не оторванной отъ жизни, схоластической наукой, — а наукой живой, не остающейся равнодушною къ жизненнымъ потребностямъ и интересамъ окружающей среды,—ученьемъ не безжизненнымъ и отсталымъ, а стоящимъ въ уровнѣ съ современнымъ развитіемъ ума человѣческаго и проникнутымъ его жезненными идеями и стремленіями.

Такимъ образомъ наша мысль не сходится съ чаяніями и стремленіями тѣхъ людей, которые, чрезъ усиленіе религіозно-нравственнаго элемента въ общественномъ воспитаніи, думаютъ достигать именно цѣлей внѣшняго общественнаго порядка, — и расширеніе богословскаго курса въ университетахъ полагаютъ полезною мѣрою для смягченія крайнихъ порывовъ въ направленіи молодаго учащагося поколѣнія. Съ подобными чаяніями и стремленіями нужно покончить однажды навсегда. Можетъ быть, и въ настоящее время ни что столько не подрываетъ значенія и безъ того слабой въ нашихъ университетахъ богословской каѳедры, какъ то, что этой каѳедрѣ молодое поколѣніе (конечно, безъ основанія) способно иногда приписывать служебное значеніе того рода, о какомъ мы сейчасъ говорили. И если въ настоящее время, — когда общественное сознаніе слишкомъ сбивчиво и смутно представляетъ себѣ цѣли образованія, а вниманіе молодаго поколѣнія слишкомъ чутко насторожено къ духу мѣръ, принимаемыхъ относительно нашихъ университетовъ,—если въ настоящее время въ университетахъ расширить преподаваніе богословскихъ наукъ прямо въ тѣхъ видахъ, что чрезъ это будутъ лучше достигаться цѣли общественнаго порядка: то это будетъ значить — надолго, если не навсегда, подорвать значеніе богословской науки въ мнѣніи молодаго учащагося поколѣнія, въ мнѣніи всего образованнаго общества. И такъ, повторяемъ, со всѣми подобнаго рода чаяніями и стремленіями намъ нужно покончить однажды навсегда; иначе послѣднее зло будетъ горше перваго...

Но вовсе не въ видахъ соблюденія общественнаго порядка, даже *не прямо* въ видахъ укрѣпленія общественной нравственности и религіозности (эта дальнѣйшая цѣль богословскаго образованія достигается сама собою, когда имѣется въ виду его ближайшая цѣль—собственно *богословское знаніе*, *религіозное образованіе;* притомъ укрѣпленіе общественной нравственности и религіозности, помимо распространенія богословскаго образованія въ обществѣ, зависитъ отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, не находящихся

въ распоряженіи какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній, и не зависящихъ отъ такого или другаго состава и направленія преподаваемыхъ въ этихъ заведеніяхъ наукъ), а именно въ видахъ распространенія *прочнаго и серіезнаго образованія* въ нашемъ обществѣ, мы желаемъ и считаемъ необходимо нужнымъ расширеніе курса богословскихъ наукъ въ нашихъ университетахъ. Вопросъ этотъ давно бы слѣдовало поднять въ литературѣ, совершенно независимо отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обратили на него вниманіе нѣкоторыхъ въ послѣднее время. Въ настоящее время богословская наука занимаетъ слишкомъ незначительное мѣсто въ кругу наукъ, преподаваемыхъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — и отъ этого происходитъ весьма замѣтный пробѣлъ во всемъ нашемъ общественномъ образованіи.

Для богословскихъ наукъ въ университетахъ опредѣляется одна только каѳедра. Профессоръ богословія обязанъ преподавать богословіе теоретическое и практическое, церковную исторію, общую и Русскую — для православныхъ студентовъ всѣхъ факультетовъ университета, и церковное законовѣдѣніе—для студентовъ юридическаго факультета. До возобновленія отдѣльной философской каѳедры въ университетахъ на немъ же лежала обязанность читать логику и психологію. Для логики и психологіи опредѣлялось двухгодичное преподаваніе, а для наукъ богословскихъ, большею частію, одинъ курсъ. Кто сколько-нибудь знакомъ съ современнымъ состояніемъ этихъ наукъ, тотъ легко сообразитъ, что, во-первыхъ, профессору рѣшительно нѣтъ никакой возможности прочитать за одинъ годъ полный курсъ богословія и церковной исторіи общей и Русской (и въ то же время пройдти и церковное законовѣдѣніе), это едва ли гдѣ и выполняется; очень часто церковная исторія въ университетахъ вовсе не читается, и такимъ образомъ для слушателей теряется самая, такъ-сказать, почва богословскаго образованія. Во-вторыхъ, при современномъ развитіи этихъ наукъ, одному профессору нѣтъ возможности слѣдить за ними такъ, какъ долженъ слѣдить за предметомъ своей науки всякій профессоръ. Скажутъ, университетскому профессору богословія вовсе и нужды нѣтъ въ слишкомъ полномъ спеціальномъ знаніи своего предмета,—студентамъ университета нѣтъ необходимости преподавать богословіе и церковную исторію въ такомъ объемѣ, съ такими подробностями, какъ воспитанникамъ спеціальныхъ богословскихъ заведеній, студентамъ духовныхъ академій? Но здѣсь дѣло не въ объемѣ преподаванія. Какого бы объема ни было университетское преподава-

ніе, во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы самъ профессоръ зналъ преподаваемый имъ предметъ основательно и обстоятельно; только тогда онъ и можетъ чувствовать себя свободнымъ въ области своей науки и соразмѣрять самый объемъ преподаванія съ потребностями слушателей.

А между тѣмъ, повторяемъ, при современномъ развитіи богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ, одинъ человѣкъ не можетъ должнымъ образомъ слѣдить и за богословіемъ въ его видахъ и отрасляхъ, и за церковною исторіею—общею и Русскою, и еще за церковнымъ законовѣдѣніемъ. Слѣдовательно, при тѣхъ требованіяхъ, какія возлагаются университетскимъ уставомъ на профессора богословія, въ университетахъ въ настоящее время не можетъ быть хорошихъ профессоровъ богословія. Между спеціалистами, знатоками своего предмета — профессорами духовныхъ академій, невозможно найти человѣка, который бы одинаково хорошо зналъ и могъ преподавать всѣ отрасли науки богословской, или всѣ отдѣлы церковной исторіи—общей и Русской. Скажутъ, пожалуй еще, что отъ профессора богословскихъ наукъ въ университетѣ не по объему только, но и по внутреннему достоинству преподаванія требуется меньше, чѣмъ въ духовныхъ академіяхъ; въ университетѣ (думаютъ иные), гдѣ нѣтъ спеціалистовъ по богословію, и при поверхностномъ знаніи предмета, человѣкъ способный и владѣющій внѣшними талантами преподаванія можетъ читать удовлетворительно, даже блестяще... Трудно судить объ этомъ со стороны, не зная дѣла близко. А по нашему мнѣнію, въ университетѣ отъ профессора богословія требуется не меньше, а больше, чѣмъ въ духовной академіи: потому что здѣсь онъ одинъ стоитъ представителемъ и проводникомъ религіознаго образованія, и стоитъ посреди такой ученой среды, которая, во всякомъ случаѣ, способна относиться къ нему съ большею требовательностью, болѣе критически, чѣмъ относятся къ профессору духовной академіи его товарищи по преподаванію и самые слушатели. Да еслибы и дѣйствительно, при настоящемъ положеніи дѣла, человѣку сколько-нибудь способному и ловкому, и при поверхностномъ знаніи своего предмета, можно было бы быть терпимымъ, даже блестящимъ преподавателемъ богословія въ университетѣ, что же изъ этого слудуетъ?.. Мы о томъ именно и говоримъ, что въ настоящее время богословская наука въ нашихъ университетахъ стоитъ очень шатко, и приноситъ очень мало плодовъ для общественнаго образованія. Пожалуй, при настоящемъ положеніи дѣла, профессору богословія въ

университетѣ какъ будто даже обезпечивается право не слишкомъ глубоко пускаться въ свой предметъ. Для руководства въ преподаваніи ему рекомендуется догматическое богословіе преосв. Антонія, церковная исторія Иннокентія и записки по церковному законовѣдѣнію Скворцова. Но едва ли и теперь у кого изъ профессоровъ университета достанетъ смѣлости читать студентамъ лекціи по этимъ руководствамъ, считающимся неудовлетворительными въ самыхъ семинаріяхъ, — по большей части профессоры богословія въ университетахъ читаютъ по своимъ запискамъ; но на это бываетъ ихъ добрая воля. А оффиціально имъ до сихъ поръ предписывается руководствоваться догматикою Антонія и церковною исторіею Иннокентія; и пожалуй могутъ быть случаи, когда эта программа иного профессора будетъ стѣснять въ преподаваніи, а другому обезпечитъ право ничего не дѣлать для самостоятельнаго изученія своего предмета.

При настоящемъ положеніи дѣла даже можно подумать (какъ и замѣтилъ Н. И. Пироговъ въ своихъ замѣткахъ на проектъ университетскаго устава), что и одна-то богословская каѳедра въ университетѣ существуетъ какъ будто больше для приличія, — потому что неприлично же, конечно, въ христіанской странѣ быть университету безъ богословской каѳедры. А серьезнаго вниманія на эту каѳедру не обращаютъ, и никакой нравственной поддержки профессору богословія въ университетѣ получить совершенно не откуда. Его каѳедра стоитъ совершенно одиночно, и какъ будто теряется въ ряду другихъ каѳедръ. Чтобы какой студентъ посвятилъ себя спеціально занятіямъ богословскимъ, подобнаго примѣра, вѣроятно, не бывало со времени открытія перваго университета въ Россіи; между тѣмъ каждая изъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, — даже изъ тѣхъ, которыя не имѣютъ большаго практическаго приложенія, и не обѣщаютъ своимъ адептамъ никакихъ видовъ въ будущемъ (а это еще до сихъ поръ важная статья въ нашемъ общественномъ образованіи), каждая навѣрное хотя когда-нибудь имѣла между студентами своихъ спеціалистовъ. Конечно, это, можетъ-быть, частію зависитъ и отъ того, что профессоры богословія не хорошо преподаютъ свой предметъ, не умѣютъ возбудить въ слушателяхъ интереса къ нему. И случается, что съ перемѣною преподавателя богословскихъ наукъ въ университетѣ начинаютъ ходить на богословскія лекціи, вмѣсто десятковъ, сотни студентовъ; — можетъ случиться и наоборотъ... Но и не отъ однихъ же преподавателей это зависитъ, а также и отъ

того, что въ нашемъ обществѣ господствуетъ рѣшительное невниманіе къ богословской наукѣ, а въ самыхъ университетахъ мало заботятся поднять значеніе богословской каѳедры. Обратимъ вниманіе хотя на то, что профессору богословія въ университетѣ не дано тѣхъ средствъ къ ознакомленію съ своимъ предметомъ, какими пользуются другіе профессоры. Другихъ профессоровъ посылаютъ за границу слушать лучшихъ Европейскихъ профессоровъ, знакомиться съ наукою на мѣстѣ, гдѣ она особенно успѣшно развивается; а профессоровъ богословія никогда не посылаютъ за границу. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Какіе результаты отсюда происходятъ — извѣстно всякому. Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ господствуетъ такое крайнее незнаніе относительно всего, касающагося религіи, какого нельзя встрѣтить ни въ одной изъ образованныхъ странъ западной Европы, хотя въ настоящее время Европа также далеко не отличается горячимъ участіемъ къ интересамъ религіознымъ. Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ нерѣдко можно встрѣтить очень образованнаго человѣка, и между тѣмъ не имѣющаго яснаго понятія о самыхъ основныхъ началахъ христіанскаго богословія, о самыхъ значительныхъ фактахъ церковной исторіи. У иного всѣ свѣдѣнія о настоящемъ состояніи церкви православной ограничиваются скандаломъ, слышаннымъ про «попа» ближайшаго прихода, или нелѣпымъ отзывомъ о церкви и духовенствѣ, мимоходомъ попавшимся на глаза въ какой-либо заграничной и даже незаграничной книжкѣ. Отсюда—равнодушіе къ религіи, къ интересамъ церкви въ однихъ и мертвое, формальное отношеніе къ исполненію религіозныхъ обязанностей у другихъ. Отсюда множество жалкихъ предразсудковъ относительно религіи и церкви. Отсюда въ нашемъ обществѣ можетъ имѣть успѣхъ самая неосмысленная острота относительно христіанства, самая невѣроятная сплетня насчетъ кокого-либо дѣла церковнаго, самая безобразная выходка противъ священнаго обряда, самое грубое отношеніе къ религіозному убѣжденію другаго. Все это вещи общеизвѣстныя. Можетъ быть, только не совсѣмъ ясно для нѣкоторыхъ то, какъ это невѣжество въ дѣлѣ религіи и безучастіе къ интересамъ ея въ обществѣ—вредно дѣйствуетъ на живость убѣжденія и плодотворность религіознаго знанія даже въ людяхъ, спеціально посвящающихъ себя распространенію религіознаго образованія, — т. е. въ самомъ духовномъ сословіи. У насъ есть учебныя заведенія, гдѣ богословскія науки составляютъ для воспитанниковъ предметъ спеціальныхъ занятій, гдѣ приготовля-

ются люди для служенія интересамъ церкви. Отсюда-то, конечно, должны бы выходить люди съ живымъ, глубокимъ и твердымъ знаніемъ религіи. Но всякое знаніе можетъ жить и развиваться только тамъ, гдѣ есть благопріятствующая ему среда, гдѣ въ окружающемъ обществѣ возбужденъ интересъ къ этому знанію. А при упадкѣ интереса къ религіозному знанію во всемъ нашемъ Русскомъ обществѣ, и въ самомъ духовномъ сословіи или понижается уровень религіознаго знанія, или это знаніе, лишенное почвы въ окружающемъ обществѣ, какъ знаніе касты, оторванное отъ живой сферы общественнаго образованія, дѣлается знаніемъ одностороннимъ, схоластическимъ, безжизненнымъ. Именно здѣсь, между прочимъ, одна изъ причинъ слабости богословскаго образовонія въ самомъ нашемъ духовномъ сословіи, слабости и схоластической односторонности нашей духовной литературы, безплодности и безжизненности нашего церковнаго проповѣдничества, и проч. Невниманіе къ распространенію религіознаго образованія между свѣтскими людьми имѣетъ своимъ результатомъ не только крайнее невѣжество и безучастіе относительно религіи въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ кругу самаго духовнаго сословія.

Въ древней Россіи знаніе религіозное лежало въ основаніи, имѣло даже почти исключительное значеніе въ народномъ образованіи. Мы далеки отъ того, чтобы желать нашему народу возвращенія къ временамъ Владиміра Мономаха или царя Ѳеодора Іоанновича. Мы не желаемъ, чтобы и въ настоящее время народное образованіе ограничивалось у насъ исключительно религіознымъ знаніемъ. Въ настоящее время можно было бы уже удовольствоваться и тѣмъ, еслибы знанію религіозному въ нашемъ обществѣ давали хотя такое значеніе, какое даютъ знанію другихъ наукъ, напр. естественныхъ, историческихъ, и пр. Но такъ какъ теперь и этого далеко, далеко нѣтъ; то мы не можемъ не удивляться такому измѣненію дѣла, не можемъ не признать, что и новая Россія въ дѣлѣ образованія дошла до крайности, въ противоположность крайности старой Россіи.

Съ какого времени начался у насъ этотъ упадокъ религіознаго образованія въ обществѣ? Конечно, съ того, съ какого мы вообще ведемъ исторію нашей новой цивилизаціи—съ Петровскаго преобразованія. И этотъ упадокъ тогда совершился очень естественно. Въ наше время можно уже прямо сказать, что преобразователь Россіи въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ *слишкомъ* увлекался примѣрами Запада, мало обращая вниманія на коренныя народныя

потребности. Съ другой стороны, въ настоящее время все болѣе и болѣе становится яснымъ, что великій преобразователь далеко не принадлежалъ къ числу людей, заботящихся о возвышеніи религіознаго и церковнаго начала въ глазахъ народа и полагающихъ основу народнаго возрожденія въ религіозно-нравственномъ развитіи народа. При преемникахъ Петра, въ продолженіе XVIII-го вѣка, когда дворъ и высшее общество Русское, то находилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, то само по себѣ увлекалось духомъ модной философіи XVIII-го вѣка, также мало кому было дѣла до усиленія религіозно-нравственнаго развитія въ обществѣ. Тогда-то возникъ нашъ первый университетъ, по образцу котораго устроились и другіе наши университеты, и въ нихъ православно-богословской наукѣ предоставлено такое же значеніе, какое навѣрное было бы предоставлено ей, еслибы наши университеты прямо устроялъ какой-нибудь Нѣмецъ-протестантъ, или Французъ, пропитанный идеями философіи XVIII-го вѣка. Сообразно съ тѣмъ, какъ устроялось дѣло въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, располагалось оно и въ среднихъ, и въ низшихъ. И здѣсь также законоучитель съ своимъ предметомъ только для виду занималъ мѣсто въ ряду другихъ учителей; на самомъ же дѣлѣ значеніе его, особенно въ гимназіи, совершенно терялось въ ряду другихъ учительскихъ мѣстъ (*).

*) Обратимъ вниманіе хотя на то, что въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ трудъ преподавателя закона Божія всегда систематически унижался и цѣнился менѣе, сравнительно съ трудами другихъ преподавателей: законоучителю, при равномъ числѣ классовъ и одинаковой отвѣтственности во всемъ, жалованья всегда полагалось менѣе, чѣмъ другимъ учителямъ. Въ университетѣ съ недавняго времени профессоръ богословія получаетъ одинаковое съ другими профессорами жалованье, а въ гимназіяхъ и училищахъ законоучители до сихъ поръ получаютъ меньше другихъ учителей. Вотъ и въ народныхъ школамъ предполагается теперь учителю чтенія, письма и ариѳметики назначить 150 руб. жалованья, квартиру, отопленіе, столъ, а священнику, учителю закона Божія, — только 50 руб. Что это такое, на какомъ основаніи это дѣлается? Скажутъ, священнику, законоучителю менѣе полагается жалованья потому, что онъ имѣетъ другіе доходы. Но еслибы по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, по всѣмъ судамъ, министерствамъ, по всѣмъ полкамъ, тѣмъ служащимъ, которые имѣютъ постороннія средства, стали давать меньшее жалованье, сравнительно съ другими, — какъ бы это показалось? Всякій трудъ долженъ быть вознаграждаемъ самъ по себѣ. Когда, при равныхъ трудахъ, различнымъ лицамъ полагается неравное вознагражденіе,—тотъ, кто получаетъ менѣе, нравственно унижается предъ другими,—и получаетъ поводъ, даже нѣкоторое право, исполнять свои обязанности небрежнѣе другихъ. А развѣ этого желаютъ заботящіеся о народномъ образованіи?..

Впрочемъ, въ текущемъ столѣтіи неоднократно объявляемы были оффиціальныя распоряженія о томъ, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ болѣе обращали вниманія на религіозно-нравственное развитіе учащихся; предметъ закона Божія на оффиціальныхъ бумагахъ сталъ занимать первое мѣсто въ ряду другихъ предметовъ. Но мы сильно наклонны думать, что все это дѣлалось опять или изъ приличія, для формы, или потому только, что *въ религіозно-нравственномъ воспитаніи* полагалось одно изъ прочныхъ охранительныхъ началъ государственной жизни. Но въ такихъ видахъ сколько бы ни дѣлали оффиціальныхъ распоряженій въ пользу религіознаго образованія, это не столько помогаетъ, сколько вредитъ дѣлу религіозному.

Въ настоящее время, при пробужденіи сознанія въ Русскомъ обществѣ, наступила пора внимательно пересмотрѣть многое, что прежде заведено было у насъ на скорую руку, по чужимъ образцамъ. Дошла очередь подумать о томъ, что̀ такое наши университеты и какими они должны быть. Мы не согласны съ тѣми, которые думаютъ, что унирситеты наши, подобно другимъ переносьымъ съ Запада учрежденіямъ, сами-собою отжили свой вѣкъ, и поэтому должны быть совсѣмъ закрыты (мнѣніе это вполнѣ достойно рьянаго обскуранта; но согласно съ нимъ высказывались подъ шумокъ многіе прогрессивные господа, очень далекіе отъ идіотства и обскурантизма). Университетъ сталъ уже народнымъ Русскимъ учрежденіемъ. Для усовершенствованія его въ настоящее время только должны быть въ немъ (какъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ) приняты во вниманіе прежде упущенныя изъ виду потребности народной жизни. И къ такимъ потребностямъ мы относимъ потребность религіознаго образованія для нашего общества. Мы уже сказали, что въ древней Россіи религіозное знаніе составляло краеугольный камень въ народномъ образованіи. Не забудемъ, что начала древне-Русскія и до сихъ поръ живутъ въ огромномъ большинствѣ Русскаго народа, и держатся здѣсь гораздо крѣпче, нежели держатся новыя переносныя начала въ меньшинствѣ, составляющемъ наше такъ-называемое цивилизованное общество. Въ меньшинствѣ, изжившемъ переходный періодъ заимствованной цивилизаціи, стало уже обнаруживаться или крайнее истощаніе, или неодолимое тяготѣніе къ массѣ народной; а народъ все крѣпнетъ, и только входитъ въ силу и сознаніе. Въ народѣ теперь пробуждается потребность къ образованію. И всякому, сколько-нибудь знакомому съ народомъ, должно быть извѣстно,

что онъ и въ настоящее время разумѣетъ подъ образованьемъ то же, что разумѣлъ Русскій человѣкъ въ древнее время, т. е. прежде всего религіозное просвѣщеніе. Цивилизованное общество думаетъ, что образованному человѣку нужно знать естественныя науки, исторію, математику, а знать богословіе пожалуй и не необходимо. А народъ думаетъ наоборотъ, что законъ Божій нужно знать каждому, а всѣ другія науки дѣло второстепенное. Не будемъ здѣсь пускаться въ разсужденія о томъ, кто вѣрнѣе смотритъ на дѣло; но напомнимъ опять, что въ народѣ сила, въ народѣ залогъ будущаго.

Пусть на многихъ воззрѣніяхъ народа лежитъ теперь печать грубости, неразвитости; допустимъ, что впослѣдствіи народъ, при руководствѣ цивилизованнаго общества, самъ оставитъ свои теперешніе взгляды. Но для того, чтобы довести народъ до такой *высоты* воззрѣній цивилизованнаго общества, оно само должно напередъ *низойдти до пониманія народнаго*, должно усвоить себѣ и сознать потребности народа, какъ свои собственныя. Иначе народъ не пойдетъ за цивилизованнымъ обществомъ, и упорно будетъ держаться при своихъ хотя неразвитыхъ, но живыхъ потребностяхъ и началахъ. Отсюда-то возникаетъ для нашего времени потребность возбудить въ самомъ цивилизованномъ обществѣ такой же интересъ къ религіозному знанію, какой (хотя и въ неразвитомъ состояніи) живетъ въ народѣ. Иначе, если цивилизованное общество, взявшись за дѣло развитія и просвѣщенія народнаго, будетъ разумѣть подъ словомъ образованіе — науки естественныя, историческія и всякія другія, за исключеніемъ закона Божія, народъ не пойметъ цивилизованнаго общества и не признаетъ въ немъ своего учителя и руководителя. Попробуйте завести школу для народа, и сдѣлайте надъ нею надпись такого рода: «здѣсь не будутъ учить закону Божію, потому что знаніе этого предмета не считается необходимымъ для просвѣщенія человѣческаго, а будутъ лишь учить наукамъ полезнымъ и нужнымъ, естественнымъ, и историческимъ» и т. д. Вѣдь у иныхъ изъ цивилизаторовъ есть такого рода тенденціи? Что же? Пусть попробуютъ заявить ихъ искренно и откровенно! Вѣдь всякое дѣло нужно дѣлать искренно, хорошее дѣло не боится откровенности; и какъ бы мы желали того, чтобы всѣмъ дана была самая полная безпрепятственная свобода къ заявленію всякихъ мнѣній и тенденцій, хотя бы и самыхъ дикихъ. Мы увѣрены, отъ подобныхъ тенденцій отшатнется народъ. Народъ не пойметъ такихъ учителей, ему покажется страннымъ,

какъ это они хотятъ просвѣтить человѣка, не считая нужнымъ научить его закону Божію,—и ихъ школа, пусть будутъ увѣрены, останется пустою.

Такимъ образомъ, и въ высшемъ свѣтскомъ образованіи—въ образованіи цивилизованнаго общества, знаніе религіозное, наука богословская должна получить въ настоящее время особенное назначеніе, сообразно съ тѣмъ, какъ народъ знаніе закона Божія считаетъ основнымъ существеннымъ знаніемъ,—сообразно съ тѣмъ, какъ вообще религія составляетъ самую глубокую, коренную стихію въ жизни народной.

Такая постановка дѣла, мы знаемъ, для многихъ цивилизованныхъ людей покажется странною и пристрастною. Многіе, можетъ быть, не согласятся признать за религіею такого важнаго значенія въ жизни народной. Будемъ говорить прямо. Можетъ быть, найдутся въ нашемъ обществѣ изъ людей, не привыкшихъ задумываться надъ своими словами, и такіе умники, которые не затруднятся всю систему религіозныхъ вѣрованій народа просто-на-просто назвать системою суевѣрій, предразсудковъ и схоластической безсмыслицы. Съ такой точки зрѣнія невѣжество свѣтскаго общества относительно религіи, конечно, нельзя назвать и невѣжествомъ, а скорѣе высокимъ просвѣщеніемъ—свободою отъ предразсудковъ. Съ такой точки зрѣнія, въ видахъ преуспѣянія отечественнаго просвѣщенія, пожалуй покажется нужнымъ не расширять кругъ религіознаго образованія, а закрыть послѣднія законоучительскія мѣста во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Чѣмъ меньше общество будетъ знакомо со старыми предразсудками, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе будетъ разливаться въ немъ новое просвѣщеніе. Поборники просвѣщенія должны стараться о томъ, чтобы нетолько въ обществѣ, но и въ самомъ народѣ *искоренить* всѣ религіозныя понятія!..

Если остановимся на минуту даже на этой, крайней, точкѣ зрѣнія,—и въ такомъ случаѣ, намъ кажется, разсуждая логически, нужно прійдти къ тому выводу, какой уже указали мы, т. е. къ тому именно, что все-таки нашему свѣтскому цивилизованному обществу очень нужно получше узнать ученіе и исторію христіанства. Положимъ, *возвышенный* взглядъ невѣрующихъ на то, чему вѣруютъ и чѣмъ живутъ массы народа, справедливъ. Допустимъ, что вся религіозная система есть не болѣе, какъ система схоластической безсмыслицы и темныхъ предразсудковъ. Но пусть эти «невѣрующіе» вспомнятъ, что это—схоластическая безсмыслица не высиженная въ кабинетѣ какого-нибудь анахорета-мудреца, у кото-

раго сталъ заходить умъ за разумъ, — что это предразсудокъ, не случайно выдуманный какою-нибудь праздною головою послѣ дурно проведенной ночи. Пусть вспомнятъ, что это предразсудокъ тысячелѣтій и билліоновъ людей. Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣлъ бы кто на религію, все-таки при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи къ наукѣ и жизни, всякій долженъ признать, что религія, и въ частности христіанская религія, есть величайшій фактъ въ исторіи человѣчества, — слѣдовательно фактъ, достойный изученія,—и если кто опуститъ безъ вниманія этотъ фактъ, не постарается изучить его, тотъ не пойметъ ни исторіи человѣчества, ни въ особенности исторіи народа Русскаго, которая почти съ самаго начала идетъ совмѣстно съ исторіею христіанства въ Россіи... Считается же нужнымъ, и не безъ основанія считается, для человѣка вполнѣ образованнаго быть знакомымъ съ миѳологіею напр. Грековъ или Персовъ. Какъ же послѣ этого можно человѣку образованному не знать вѣрованій своего народа, хотя бы эти вѣрованія въ глазахъ его уже и утратили значеніе истинной религіи?.. Но, наконецъ, «невѣрующіе» считаютъ нужнымъ въ цѣляхъ просвѣщенія искоренять въ народѣ понятія, внушенныя ему церковію. Но вѣдь и для того, чтобы взяться съ умѣньемъ за искорененіе этихъ понятій, нужно опять-таки ознакомиться съ ними. Всякому, приготовляющему себя на борьбу, нужно напередъ узнать, противъ чего онъ хочетъ бороться. Итакъ, попробуйте же, — скажемъ мы нашимъ противникамъ, — попробуйте сначала серьезно заняться изученіемъ религіи, — хотя въ цѣляхъ отрицанія, борьбы противъ нея. А тамъ, когда вы займетесь этимъ дѣломъ серьезно,—и видно будетъ, останетесь ли вы при своемъ теперешнемъ взглядѣ на религію — будто это только предразсудокъ, на который не стоитъ обращать вниманія, который нужно не узнавать, а забывать, противъ котораго нужно бороться? *Пріиди и виждь!*

Смѣшно и жалко смотрѣть, какъ у насъ иные какъ будто и серьезные люди легко относятся къ вопросу религіозному. Иной строитъ проектъ искорененія христіанства въ народѣ Русскомъ. Легко сказать! А попробовали бы *въ глазахъ народа* сломать хотя одну церковь, или нанести какое-либо оскорбленіе православной святынѣ? Здѣсь можно рѣшительно положиться на одно убѣжденіе и чувство народа!.. И, о, еслибы всѣ нелѣпыя кощунныя выходки недозрѣлыхъ невѣровъ противъ православной святыни, вмѣсто скрытнаго суда оффиціальнаго, безъ опасенія скандала отдавались на открытый судъ общественнаго мнѣнія!.. Это всего скорѣе прі-

учило бы людей, имѣющихъ охоту издѣваться надъ религіею, отдавать себѣ болѣе строгій отчетъ въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ...

А иные еще и такъ говорятъ, что въ «настоящее время нечего и бороться съ религіозными *предразсудками*: они уже отжили свой вѣкъ, и никто изъ серьезныхъ людей теперь не обращаетъ на нихъ вниманія; *пусть развѣ мертвые погребаютъ своихъ мертвецовъ*». Такъ разсуждающіе считаютъ за людей только себя и своихъ пріятелей, и далѣе своего пріятельскаго кружка ничего не видятъ? Но они забываютъ, что за ихъ муравейникомъ, въ которомъ кипитъ и волнуется призрачная, сочиненная по заморскимъ рецептамъ жизнь, въ которомъ живутъ призрачными интересами и болѣютъ чужими, либо совсѣмъ вымышленными болѣзнями, — что за этимъ муравейникомъ, на необозримомъ пространствѣ, разливается настоящая жизнь — жизнь не сочиненная, а выросшая и сложившаяся органически въ продолженіе вѣковъ и тысячелѣтій, и въ этой жизни основной нервъ составляетъ именно то, о чемъ они говорятъ съ такимъ пренебреженіемъ...

А то есть еще и такіе господа, которые съ серьезнымъ видомъ любятъ говорить о какой-то борьбѣ, которую будто бы они ведутъ или желали бы вести противъ религіи,—о какихъ-то закоренѣлыхъ партіяхъ, будто бы противодѣйствующихъ имъ... Религіозная борьба—у насъ, гдѣ господствуетъ такое невѣжество относительно религіи, гдѣ въ высшихъ цивилизованныхъ кругахъ многіе не знаютъ основныхъ началъ христіанства, главнѣйшихъ фактовъ церковной исторіи, гдѣ, среди невозмутимаго равнодушія къ вопросамъ религіознымъ и всеобщей спячки, нѣтъ дѣльныхъ бойцовъ ни противъ религіи, ни за религію,—праздный звукъ!!. Все это обманъ воображенія, пустое донъ-кихотство, все это вычитано въ различныхъ чужеземныхъ книжкахъ, все это случалось не у насъ, а гдѣ-то далеко — тамъ, гдѣ вопросъ религіозный дѣйствительно былъ горячимъ жизненнымъ вопросомъ, и не для однихъ какихъ-либо отчуждившихся отъ народа кружковъ и партій, а для цѣлыхъ массъ народныхъ, — гдѣ и теперь, несмотря на то, что многіе доходятъ до такого воззрѣнія на религію, будто она есть вѣковой предразсудокъ неразвившагося человѣчества, тѣ самые люди, которые доходятъ до такихъ воззрѣній, все-таки съ страстнымъ интересомъ предаются изученію религіи, — гдѣ дѣйствительно есть живые, крѣпкіе и вполнѣ приготовленные бойцы за и противъ религіи. А у насъ религіозная борьба еще не начиналась, и не можетъ начаться, пока въ нашемъ обществѣ будетъ господствовать

эта крайняя апатія къ знанію религіозному... Поэтому опять-таки всѣмъ имѣющимъ желаніе прославиться на поприщѣ борьбы противъ религіозныхъ предразсудковъ, мы рекомендуемъ прежде всего получше поучиться богословію и церковной исторіи...

Мы говоримъ для такихъ людей, которымъ чуждъ интересъ къ знанію религіозному, и говоримъ, по возможности сообразуясь съ ихъ воззрѣніями. Для тѣхъ же, которые принимаютъ близко къ сердцу интересъ религіозный, мы не считаемъ нужнымъ доказывать важность и необходимость серьезнаго изученія религіи для нашего свѣтскаго общества. То предположеніе, будто и у насъ между поборниками религіи есть люди, желающіе оставить религіозное знаніе—привилегіею касты или кружка, не распространяя въ непосвященной массѣ свѣдѣній о тайнахъ религіи, есть также предположеніе ложное, перенесенное съ чужой почвы. Что всѣ непріязненныя предубѣжденія противъ религіи, какія существуютъ въ нашемъ обществѣ, происходятъ не отъ болѣзненнаго многознанія, не отъ утонченнаго анализа, не отъ критическаго отношенія къ религіи, а отъ крайняго невѣдѣнія въ дѣлѣ религіи, отъ ребяческаго подраженія словамъ взрослыхъ людей, отъ страсти и привычки къ безсознательному повторенію чужихъ фразъ — это ясно у насъ для самыхъ необузданныхъ ревнителей ограниченно-понимаемаго ортодоксизма... Можетъ быть, только изъ этихъ людей нѣкоторые предъявили бы свои оригинальныя соображенія, относительно того, въ какихъ предѣлахъ должно быть сообщаемо религіозное знаніе свѣтскому обществу *); но объ этомъ рѣчь особая.

---

*) Намъ чрезвычайно было странно встрѣтить въ замѣткахъ *Н. И. Пирогова* на проектъ университетскаго устава *нѣчто подобное*, — будто свѣтскому человѣку не нужно *основательнаго* религіознаго образованія. Онъ говорилъ о вредныхъ слѣдствіяхъ того, что въ университетѣ богословская каѳедра стоитъ только, какъ обязательный *decorum*. Мы ожидали логическаго вывода, что эту каѳедру надобно поставить серіезно, прочно, чтобъ были отъ нея благія послѣдствія. А знаменитый педагогъ заключаетъ: чтобъ не было вредныхъ послѣдствій отъ теперяшняго decorum *обязательнаго*, такъ пусть останется тотъ же decorum, только не *обязательный*. Во-первыхъ, — выражаясь словами Н. И. Пирогова — «въ дѣлѣ *такой важности*, каково *религіозное образованіе юношества*, соблюденіе одного только *decorum* можетъ отозваться самыми худыми послѣдствіями въ будущемъ». Это вѣрно при обязательномъ decorum, и также вѣрно при необязательномъ. Послѣднее *decorum*, само по себѣ, какъ будто менѣе вредно; но все-таки оно вредно и весьма вредно — *относительно, при нашихъ условіяхъ*. Доселѣшняя обязательность пріучила насъ къ тому, что мы дѣлаемъ многое *хорошее* только потому, что намъ приказано. Отмѣнить приказъ въ дѣлѣ, которымъ мы успѣли заинтересоваться, значитъ ино-

Вообще же мы не надѣемся, чтобы кто-либо изъ людей, интересующихся дѣломъ религіознымъ, не согласился съ нашею мыслію о необходимости усиленія религіознаго образованія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ *въ видахъ распространенія прочныхъ и серьезныхъ свѣдѣній о религіи въ свѣтскомъ обществѣ.* Можетъ быть, только нѣкоторые не представляютъ себѣ всей важности этого дѣла. Можетъ быть, нѣкоторые сочли бы это только дѣломъ полезнымъ, а не дѣломъ настоятельной необходимости, не принимая во вниманіе того, какъ вредно могутъ дѣйствовать предразсудки и невѣжество высшаго общества относительно религіи на религіозное развитіе всего нашего народа, на убѣжденіе низшихъ его классовъ, на характеръ и направленіе богословскаго образованія въ самихъ его представителяхъ — въ духовномъ сословіи. Такимъ совѣтуемъ обратить вниманіе на то грубое невѣжество относительно религіи, въ какое погружена у насъ масса народная, на тѣ предубѣжденія противъ религіи, какія распространены въ цивилизованномъ свѣтскомъ обществѣ, наконецъ на безжизненность, безплодность и схоластичность религіознаго образованія между самими богословами-спеціалистами въ нашемъ духовномъ сословіи, которая бываетъ естественнымъ результатомъ ихъ одиночнаго, изолированнаго положенія, отчужденности ихъ жизни и науки отъ народа и общества. Стоитъ внимательнѣе подумать объ этомъ, и всякій изъ людей неравнодушныхъ къ интересамъ религіознаго знанія пойметъ, что распространеніе религіознаго образованія въ кругу свѣтскаго общества въ настоящее время было бы у насъ не роскошью, не полезнымъ только дѣломъ, а дѣломъ существенно-необходимымъ.

Университетъ въ Россіи составляетъ центръ всего народнаго образованія. Чтò вводится новаго и лучшаго въ университетскомъ образованіи, то отражается и во всѣхъ низшихъ сферахъ отечественнаго просвѣщенія. Сообразно съ этимъ, казалось бы, съ университетовъ и нужно начать дѣло усиленія и распространенія религіознаго образованія въ нашемъ обществѣ. Въ настоящее время, при возбужденіи общественнаго вниманія къ дѣлу преобразованія университетовъ и вопросовъ о расширеніи курса богословскихъ

гда усилить рвеніе къ дѣлу. Отмѣнить приказъ въ дѣлѣ, которое стояло только какъ *decorum*, слѣдовательно не могло заинтересовать въ свою пользу, — что значитъ?!. Во-вторыхъ, мы не хотимъ *обязательнаго* decorum, но не желаемъ и необязательнаго *decorum*: потому что при томъ и другомъ наше юношество останется безъ образованія религіознаго. А мы считаемъ необходимымъ для юношества прочное религіозное образованіе.

наукъ въ университетахъ является, какъ нельзя болѣе, благовременнымъ.

По нашему мнѣнію, въ нашихъ университетахъ, на мѣсто одной богословской каѳедры, необходимо было бы учредить три самостоятельныя профессорскія каѳедры: одну собственно для предметовъ богословскихъ, другую для церковно-историческихъ, третью для церковнаго законовѣдѣнія. Мы знаемъ, что Московскій университетъ съ своей стороны призналъ уже необходимымъ для юридическаго факультета учредить *особую* каѳедру церковнаго законовѣдѣнія, а для историко-филологическаго — *особую* каѳедру церковной общей и Русской исторіи *). Нельзя не сочувствовать мнѣнію университетскаго совѣта. Странно, какъ до сихъ поръ церковная исторія не была факультетскимъ предметомъ для историко-филологовъ, подобно тому, какъ церковное законовѣдѣніе было въ числѣ факультетскихъ предметовъ для юристовъ. Но два факультетскіе предмета, требующіе серіезнаго преподаванія, нельзя *давать въ придачу* къ другому весьма обширному предмету, каково богословіе, и какъ было это до сихъ поръ. Естественное и неизбѣжное слѣдствіе такой мѣры было то, что ни одинъ изъ этихъ предметовъ не преподавался какъ слѣдуетъ, и студенты не могли имѣть расположенія серьезно заниматься ими. Ясно, что учрежденіе особыхъ каѳедръ церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія доставитъ необходимую научную полноту факультетамъ историко-филологическому и юридическому. При этомъ и собственно богослов-

*) Въ № 105 *Московскихъ вѣдомостей* напечатаны «Замѣчанія совѣта Моск. университета на проектъ устава Россійскихъ университетовъ». — При перечисленіи каѳедръ и наукъ по историко-филологическому факультету, тамъ положено: «каѳ. 14. *Всеобщая церковная исторія и исторія Русской церкви, какъ важные предметы для историческаго курса* (мы думаемъ: и *для филологическаго*, ибо какъ обращаться съ памятниками слова, не изучивши исторической жизни, въ которой они сложились?), — *требуютъ особаго преподавателя, который бы специально занимался этимъ предметомъ*». — При перечисленіи каѳедръ по юридическому факультету положено: «14 каѳ. *Каноническое право, которое, какъ предметъ не только богословскій, но и юридическій, притомъ весьма важный для историко-юридическихъ и политическихъ наукъ, требуетъ особаго преподавателя, со специальнымъ юридическимъ приготовленіемъ*». Да, каноническое право (мы сказали бы: *церковное законовѣдѣніе;* этотъ терминъ гораздо точнѣе обозначаетъ широкое содержаніе науки) есть предметъ не только богословскій, но и юридическій; однако, *по существенному своему элементу оно есть предметъ богословскій*. Потому: *преподаватель его непремѣнно долженъ имѣть специальное богословское образованіе* съ нѣкоторымъ юридическимъ приготовленіемъ, главнымъ образомъ, по части Греко-Римскаго права. Если будетъ нужно, объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе.

ская каѳедра, освобожденная отъ стѣснявшихъ профессора *придаточныхъ*, между тѣмъ весьма важныхъ, предметовъ, сама собою уже станетъ въ лучшія условія, — изъ прежняго *decorum* ей будетъ возможность сдѣлаться серьезною *научною* каѳедрою. По нашему мнѣнію, догматика, какъ систематическое изложеніе догматовъ вѣры по ученію православной церкви, должна преподаваться въ 6 и 7 классахъ гимназіи, вмѣсто повторенія пространнаго катихизиса. На богословской каѳедрѣ въ университетѣ прежде всего слѣдовало бы читать *экзегетику*, какъ изслѣдованіе источниковъ богословія (Библіи). Кромѣ того, образованному человѣку, оканчивающему курсъ въ университетѣ, нужно знать богословскую *символику* — науку, занимающуюся сравнительнымъ изученіемъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Необходимо также профессору богословія, въ виду современныхъ общественныхъ потребностей, читать студентамъ университета и *апологетику* христіанства — новую науку, возникшую въ Германіи — именно въ виду современныхъ общественныхъ потребностей. Этого, пожалуй, на первый разъ было бы и довольно. Мы знаемъ, что не легко будетъ одному профессору преподавать экзегетику, символику и апологетику христіанства; а другому пройдти полный курсъ церковной исторіи, не только общей, но и Русской. Мы могли бы пожелать, чтобы профессоръ богословія и профессоръ церковной исторіи имѣли у себя адъюнктовъ или доцентовъ. Но это, пожалуй, покажется уже слишкомъ много. Профессоръ богословія, конечно, будетъ имѣть право свободно располагать своими чтеніями: въ одинъ курсъ онъ можетъ читать апологетику, въ другой экзегетику и проч., по своему усмотрѣнію. Тогда онъ будетъ читать серьезно. Та же свобода должна быть предоставлена и профессору церковной исторіи.

Гдѣ брать способныхъ и знающихъ людей для занятія богословскихъ и церковно-историческихъ каѳедръ въ университетахъ?... Въ духовныхъ академіяхъ есть готовые профессоры на каждый изъ этихъ предметовъ, есть спеціалисты по богословію, по церковной исторіи общей и Русской, по церковному законовѣдѣнію и пр. Здѣсь, конечно, можно найдти дѣльныхъ людей для занятія профессорскихъ каѳедръ въ университетахъ.... Безспорно, не всякій профессоръ академіи можетъ быть полезнымъ преподавателемъ въ университетѣ: здѣсь нуженъ осторожный выборъ. Въ духовныхъ академіяхъ, благодаря закрытости этихъ заведеній, и существующему въ нихъ порядку замѣщенія профессорскихъ каѳедръ, бываетъ много преподавателей, которые для университетской каѳедры

не полезны. Здѣсь бываютъ баккалавры (адъюнктъ-профессоры) слишкомъ молодые, только что со студенческой скамьи перешедшіе на профессорскую каѳедру, безъ всякой спеціальной подготовки къ ней, и потому не успѣвшіе ознакомиться съ своей наукой, которые, приготовивши одну лекцію къ извѣстному классу, не знаютъ, что имъ прійдется говорить на слѣдующей лекціи. Такихъ людей, еслибы между ними были и даровитые, и преданные наукѣ, нельзя сажать на университетскую каѳедру прямо, не давши имъ времени для предварительной подготовки къ каѳедрѣ. А также, благодаря той же замкнутости духовныхъ заведеній, бываютъ здѣсь профессоры и много трудящіеся и довольно знающіе, но для которыхъ знаніе остается мертвымъ капиталомъ,—люди, отдѣляющіе школу и науку отъ жизни, и не уважающіе потребностей времени и среды,—и такихъ профессоровъ, при всемъ ихъ трудолюбіи и знаніи, при всемъ уваженіи къ ихъ великой учености, никакъ нельзя опредѣлять на университетскую каѳедру. Такіе преподаватели всего болѣе способны поселить въ молодомъ поколѣніи апатію, даже антипатію къ преподаваемой ими наукѣ. Въ университетскомъ юношествѣ уже заложено немало предубѣжденій противъ наукъ богословскихъ. Здѣсь нуженъ человѣкъ, который бы *могъ* ослаблять и разсѣявать эти предубѣжденія; здѣсь нуженъ человѣкъ со способностью къ живому и твердому убѣжденію, съ независимымъ отношеніемъ къ наукѣ, съ чуткою воспріимчивостію къ ея живымъ сторонамъ, — съ живымъ пониманіемъ идей времени и потребностей окружающей среды. Не можемъ похвалиться, что много есть, а есть — образуются въ нашихъ академіяхъ такіе люди, къ сожалѣнію, нерѣдко пропадающіе среди застоя окружающей среды, или вынуждаемые матеріальною нуждою оставлять ученую дорогу. Какъ находить и выбирать такихъ людей? Здѣсь недостаточно руководствоваться одними формулярными списками, или какими бы то ни было оффиціальными рекомендаціями. Помимо всякихъ оффиціальныхъ рекомендацій, прежде всего въ самыхъ академіяхъ, въ кругу студентовъ и наставниковъ, — а затѣмъ въ обществѣ, насколько интересы духовныхъ академій проникаютъ въ общество, — также въ кружкахъ духовно-литературныхъ, составляются болѣе или менѣе справедливыя мнѣнія о достоинствахъ преподавателей. Когда нужно было изъ духовныхъ академій выбрать двухъ профессоровъ философіи, *внѣ сферы академической* умѣли же выбрать для этого дѣла профессоровъ Кудрявцева и Юркевича, — и мы, довольно знакомые съ настоящимъ состояніемъ академій, можемъ сказать, что этотъ выборъ былъ очень

удаченъ.—Теперь вопросъ еще въ томъ: при настоящемъ положеніи дѣлъ, согласятся ли профессоры академій идти на университетскія каѳедры? Мы знаемъ, что отчасти по робости, по любви къ спокойствію, по привычкѣ къ своей пробитой колеѣ, а отчасти и въ интересахъ самой науки, многіе дѣльные профессоры академіи не охотно промѣняли бы академическую каѳедру на университетскую; но здѣсь очень много значитъ и крайняя скудость обезпеченія профессоровъ академіи, заставляющая многихъ, и неравнодушныхъ къ наукѣ, тружениковъ вовсе оставлять ученое поприще *). Впрочемъ, еслибы между наличными наставниками академій и не нашлось нужное число для занятія университетскихъ богословскихъ каѳедръ, этотъ недостатокъ (можетъ быть, даже съ большею пользою) можно было бы восполнить другимъ способомъ. Можно прямо изъ оканчивающихъ въ академіи выбрать для этого дѣла какого-либо лучшаго студента, дать ему нѣкоторое время на спеціальное приготовленіе къ своему предмету, дать ему средства отправиться за границу для слушанія лучшихъ профессоровъ по богословскимъ наукамъ, преимущественно въ Германскихъ университетахъ. Университетъ не жалѣетъ издержекъ на проготовленіе преподавателей.

Вообще, по нашему мнѣнію, необходимо нужно не только вновь

*) Когда въ духовныхъ академіяхъ распространилось предположеніе о томъ, что профессоровъ академіи, пожалуй, станутъ приглашать на философскія каѳедры въ университетъ, нѣкоторые изъ профессоровъ академіи высказывались, что они затруднились бы принять это приглашеніе, потому что не надѣются для науки сдѣлать въ университетѣ столько, сколько въ академіи. Мы, впрочемъ, несогласны съ такимъ взглядомъ. Здѣсь нужно брать во вниманіе не одно формальное уваженіе къ отвлеченнымъ интересамъ науки, не одно удобство серьезнаго преподаванія, а живые плоды его для общества. Конечно, въ академіяхъ можно читать философію въ большемъ объемѣ, и можетъ быть для слушателей болѣе подготовленныхъ, чѣмъ въ университетѣ юношамъ, которые поступили изъ гимназій, не имѣя и тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній по философіи, какія имѣютъ семинаристы. Но нужно замѣтить, что преподаваніе философіи въ академіи, принося непосредственную пользу только для студентовъ академіи, и затѣмъ нѣсколько отражаясь своимъ вліяніемъ на семинарскомъ преподаваніи, пропадаетъ для всего остальнаго общества. Между тѣмъ преподаваніе философіи въ университетахъ можетъ имѣть большое вліяніе на общество. Когда въ нашемъ обществѣ пошла въ ходъ Гегелева философія, и въ духовныхъ академіяхъ образовалось немало знающихъ и восторженныхъ почитателей ея; но имена ихъ неизвѣстны, и вліянія на общество они вовсе не имѣли. А даже отрывочное знакомство съ философіею университетской молодежи, подъ руководствомъ профессоровъ Павлова и Надеждина, и кружокъ Станкевича и Бѣлинскаго произвели значительный переворотъ въ литературѣ и во всемъ нашемъ общественномъ сознаніи.

поступающимъ, но и всѣмъ профессорамъ богословскихъ наукъ въ университетахъ дать право и возможность ѣздить за границу для усовершенствованія познаній. Расходы, которые могутъ быть употреблены на это дѣло, будутъ вознаграждаться его результатами. Всѣмъ другимъ профессорамъ университета, кромѣ профессора богословія, дается возможность побывать, поучиться за границей. И едва ли когда правительство сожалѣло о тратахъ, идущихъ на этотъ предметъ. Отчего же для богословской каѳедры въ этомъ случаѣ дѣлается исключеніе? Пожалуй скажутъ, что богословской науки въ этомъ отношеніи нельзя равнять съ другими науками. «Понятно, что̀ полезнаго можно услышать въ западныхъ университетахъ по математикѣ, естествовѣдѣнію, исторіи, филологіи. Тамъ всѣ эти науки развиваются несравненно лучше, чѣмъ у насъ; а разница въ требованіяхъ, съ какими приступаютъ къ этимъ наукамъ Нѣмецъ, Французъ и Русскій человѣкъ, протестантъ, католикъ и православный, не можетъ быть значительна; наука для всѣхъ народовъ по крайней мѣрѣ должна быть одна. Но что̀ полезнаго можетъ вынести православный богословъ изъ католическаго или протестантскаго университета? Не скорѣе ли грозитъ ему опасность увлечься тамъ какими-нибудь неправославными мнѣніями»? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ другимъ вопросомъ: «читаютъ ли наши богословы католическія и протестантскія богословскія сочиненія, и находятъ ли въ этомъ какую пользу для себя»? Не ручаемся, конечно, за всѣхъ, а многіе навѣрное читаютъ, и мы думаемъ, что всѣ наши извѣстные составители различнымъ учебниковъ, руководствъ, системъ, всѣ богословы, начиная отъ Ѳеофана Прокоповича до преосв. Макарія, — церковные историки отъ покойнаго преосв. Иннокентія до профессора Чельцова, должны были бы откровенно сознаться, что имъ очень и очень много помогали различныя Французскія, Нѣмецкія и Латинскія книжки, писанныя католиками и протестантами. Въ какихъ отношеніяхъ православному богослову момогутъ быть полезны католическія и протестантскія сочиненія? Вопервыхъ, независимо отъ положительнаго, реальнаго содержанія, напр. богословской науки, вся формальная сторона ея, которая въ систематическомъ изложеніи науки очень важна, и которая совершенно одинакова для католическаго, протестантскаго и православнаго богослова, у западныхъ богослововъ развита несравненно болѣе, чѣмъ у нашихъ, или, точнѣе, наши въ этомъ отношеніи ничего еще своего не сдѣлали, а всегда (и очень часто заднимъ числомъ) болѣе, нежели подражали западнымъ. Во-вторыхъ, кромѣ нѣсколь-

кихъ разнорѣчащихъ пунктовъ, въ самомъ содержаніи богословія западнаго и нашего, есть много пунктовъ, общихъ православному и католику, или православному и протестанту, которые также въ западной наукѣ развиты очень полно и обстоятельно. Тѣмъ болѣе, конечно, можетъ быть общаго у нашихъ нравоучителей, апологетовъ, историковъ, экзегетовъ съ западными. Вѣдь можетъ даже случиться и такъ, что иное сочиненіе, написанное католикомъ или протестантомъ, рѣшительно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго православію, такъ что православный духовный писатель можетъ совершенно безопасно перевести его на Русскій языкъ, и издать *пожалуй*, какъ собственное оригинальное сочиненіе. Вообще нужно замѣть, что наши богословы и духовные писатели только на словахъ иногда слишкомъ ригористически относятся къ западной богословской литературѣ, какъ будто она никуда не годится, и въ ней, кромѣ лжи и заблужденій, ничего добраго нѣтъ. На дѣлѣ они всегда поступаютъ гораздо умнѣе — пользуются при развитіи своихъ мыслей всѣмъ, что только могутъ найдти доступнаго для себя въ западной литературѣ, не обѣгая иновѣрческихъ сочиненій. Съ какой стороны православному богослову полезно читать западныя богословскія сочиненія; съ той же самой стороны ему можетъ быть полезно слушать лучшихъ профессоровъ по богословскимъ предметамъ въ западныхъ университетахъ. Здѣсь есть еще преимущество, какое вообще имѣетъ слушаніе живой умной рѣчи предъ чтеніемъ умной книги. Наконецъ нужно и то принимать во вниманіе, что православному богослову не только не излишне, но настоятельно нужно быть знакомымъ съ состояніемъ другихъ христіанскихъ обществъ. А для этого — одного чтенія книгъ недостаточно. Только живое изученіе католическихъ и протестантскихъ обществъ на мѣстѣ можетъ разсѣять тѣ фальшивыя представленія о католичествѣ и протестантствѣ, какія у насъ составляются о нихъ заочно; съ другой стороны, только живое столкновеніе съ людьми разнообразныхъ и противоположныхъ нашимъ убѣжденій можетъ дать намъ прочный навыкъ и умѣнье бороться, гдѣ нужно, противъ ихъ убѣжденій. Вообще путешествіе по западной Европѣ, знакомство съ жизнію протестантства и католичества, было бы весьма полезно для образованнѣйшей части нашего духовенства. И мы душевно бы желали, чтобы и наши академіи посылали за границу своихъ профессоровъ и хотя человѣка по два лучшихъ студентовъ съ каждаго курса. Не худо бы намъ въ такихъ случаяхъ брать примѣръ хотя съ тѣхъ же католиковъ и протестантовъ, которые не жалѣютъ издержекъ

на подобныя нужды и предпріятія. Чтò касается опасности заразиться за границей какими-либо чуждыми, неправославными идеями, то вообще нужно замѣтить, что подобнаго рода опасности условливаются для каждаго не столько столкновеніями съ людьми противоположныхъ убѣжденій, сколько твердостію собственнаго убѣжденія. Если въ нашихъ духовныхъ академіяхъ будутъ воспитываться люди съ твердыми убѣжденіями, съ живымъ сочувствіемъ къ интересамъ православія, съ готовностію служить благу церкви, — для такихъ людей столкновеніе съ образованными иновѣрцами будетъ способствовать не къ ослабленію, а къ укрѣпленію и уясненію ихъ собственныхъ убѣжденій. А мѣрами отчужденій и запрещеній скорѣе можно воспитать въ людяхъ извѣстной среды, если не антипатію, то апатію къ убѣжденіямъ и интересамъ этой среды. Это должно быть хорошо извѣстно нашимъ академіямъ. Въ древнія времена, когда христіанство было ново въ мірѣ, и христіане не имѣли у себя хорошихъ училищъ, христіанскіе отцы и матери не боялись отдавать своихъ дѣтей въ знаменитѣйшія языческія училища того времени. И нерѣдко выходили крѣпкіе борцы православія, — знаменитѣйшіе отцы и учители церковные. Но мы стали отклоняться отъ главнаго предмета къ побочнымъ матеріямъ.

Мы намѣтили главныя стороны вопроса о распространеніи научно-серьезнаго религіознаго образованія въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ,—въ частности о расширеніи курса богословскихъ наукъ въ Русскихъ университетахъ. Можетъ быть еще нѣсколько второстепенныхъ вопросовъ по этому предмету, — наприм. о томъ, должны ли богословскія науки при новомъ порядкѣ, если таковой состоится, читаться только въ продолженіе одного года на первомъ университетскомъ курсѣ, или этого окажется недостаточнымъ, — какія частныя условія должны быть постановлены при замѣщеніи богословскихъ каѳедръ въ университетахъ, — должны ли всѣ преподаватели богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ въ университетахъ непремѣнно быть священниками, или нѣкоторые изъ нихъ, по желанію, могутъ оставаться и въ свѣтскомъ званіи, и пр. Обо всемъ этомъ можно будетъ, если окажется нужнымъ, поговорить впослѣдствіи.

(*Христ. Обозр.*)

XI.

Членовъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ.

1) Дѣйств. ст. сов. Шнейдера.

Къ ст. 9. По редакціи этой статьи выходитъ, какъ будто и С.-Петербургскій университетъ имѣетъ медицинскій факультетъ. Это слѣдовало бы разъяснить.

Къ ст. 12, п. 9. Слѣдовало бы прибавить «*и этнографія.*»

Къ ст. 12, п. 10. Къ чему въ историко-филологическомъ факультетѣ полагается каѳедра *политической экономіи и статистики*? См. ниже примѣч. къ ст. 14, п. 9.

Къ ст. 14, п. 2. Предложеніе каѳедры для «*исторіи иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ*», за исключеніемъ конечно Римскаго и Славянскихъ законодательствъ, для коихъ полагаются особыя каѳедры, не можетъ не поразить съ перваго взгляда каждаго, хотя сколько-нибудь понимающаго дѣло. Нельзя не надивиться поверхностности, породившей мысль объ учрежденіи столь смѣшной каѳедры. Если исторію важнѣйшихъ законодательствъ хотятъ проходить только въ самомъ краткомъ видѣ, то всего лучше отнести ее къ лекціямъ энциклопедіи. Если же она должна быть излагаема подробно, напримѣръ такъ, какъ Маркизъ Пасторе въ своей Histoire de la législation, 1817—1837, въ 11 томахъ изложилъ законодательства одной части древнихъ народовъ, то потребовалось бы по крайней мѣрѣ 10-лѣтнее преподаваніе, чтобы дойти только до исторіи законодательствъ новѣйшихъ народовъ, для изложенія которой, при болѣе обильныхъ противъ древнихъ вѣковъ источникахъ, понадобилось бы отъ 20 до 30 лѣтъ. Къ этому присоединяется еще важный вопросъ: имѣютъ ли студенты тѣ обширныя познанія въ языкахъ и исторіи, кои необходимы для изученія самыхъ источниковъ, такъ какъ безъ обращенія къ симъ послѣднимъ всякое ученіе было бы только призракомъ и значило бы не болѣе, какъ jurare in verba magistri? Далѣе спрашивается: нашлись ли бы самые профессора съ такими познаніями? Едва ли даже въ какомъ-либо Германскомъ университетѣ. Наконецъ изученіе подобнаго предмета въ сущности не принесетъ учащимся никакой дѣйствительной пользы, а напротивъ того повредитъ имъ, ибо отниметъ много драгоцѣннаго времени, которое они должны бы были посвя-

тить другимъ немалочисленнымъ необходимымъ предметамъ юридическаго образованія.

Къ ст. 14, п. 4. Преподаваніе Римскаго права слѣдовало бы подраздѣлить на преподаваніе: а) внѣшней исторіи Римскаго права и б) догматики и внутренней исторіи Римскаго гражданскаго права. Что же касается Византійскаго права, то я считаю его пока предметомъ лишнимъ, потому что для изученія его по источникамъ понадобилось бы основательное знаніе Греческаго языка, а этого знанія именно и недостаетъ нашимъ студентамъ. Одно примѣненіе нѣкоторыхъ частей Византійскаго права въ Бессарабской области не составляетъ еще основанія для отдѣльнаго преподаванія его, тѣмъ болѣе, что оно въ научномъ отношеніи далеко не заслуживаетъ такого вниманія съ нашей стороны, какъ образцовое Римское право, къ сокровищамъ котораго обращаются въ просвѣщенныхъ странахъ всякій разъ, когда приступаютъ къ исправленію отечественнаго законодательства. Посему, по моему мнѣнію, Византійское право слѣдовало бы предоставить, наравнѣ съ исторіею иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, частнымъ занятіямъ каждаго учащагося.

Къ ст. 14, п. 5. а) Отчего обзоръ мѣстныхъ законовъ присоединенъ къ исторіи Русскаго права? Не лучше ли для мѣстныхъ законовъ учредить особую каѳедру? б) Нельзя сказать: «*Русскаго права и другихъ Славянскихъ законодательствъ*», ибо право и законодательство два различныя понятія.

Къ ст. 14, п. 8. Изъ этого пункта слѣдовало бы сдѣлать 3 пункта, а именно:

Уголовное право.

Уголовное судоустройство и судопроизводство.

Полицейское право.

При послѣднемъ предметѣ необходимо означить его подраздѣленія.

Къ ст. 14, п. 9. Непонятно, отчего въ историко-филологическомъ факультетѣ учреждается каѳедра политической экономіи, а въ юридическомъ каѳедра только «*хозяйственной политики*», тогда какъ послѣдняя наука непосредственно основана на началахъ политической экономіи. Слѣдовало бы въ п. 9-й включить оба предмета, а *законы благоустройства* отнести къ полицейскому праву.

Къ ст. 14, п. 10. Подраздѣленіе этого пункта должно быть уничтожено. Оно не только не логично, но и вообще не научно.

Къ ст. 14. Къ исчисленнымъ въ настоящей статьѣ предметамъ

слѣдовало бы, согласно ст. 17, прибавить *и церковное право*, пояснивъ въ примѣчаніи, что этотъ предметъ назначается только для студентовъ *православнаго* исповѣданія. См. ниже примѣч. къ ст. 17.

Къ ст. 14, примѣч. 1. Торговое право необходимо должно быть преподаваемо какъ отдѣльный предметъ.

Наконецъ въ особыхъ примѣчаніяхъ слѣдовало бы постановить: 1) что отдѣльныя части Русскаго права должны быть излагаемы подлежащими преподавателями не только *догматически*, но и *исторически* и 2) что до тѣхъ поръ, пока Санктпетербургскій университетъ не будетъ имѣть медицинскаго факультета, для юридическаго опредѣляется особый профессоръ *судебной медицины.*

Къ ст. 17. Къ послѣднему положенію этой статьи: «*профессоръ православнаго богословія преподаетъ и церковное законовѣдѣніе студентамъ юридическаго факультета*» необходимо, на основаніи существовавшаго до селѣ порядка, прибавить слова «*православнаго исповѣданія*».

Къ ст. 26. Пункты 2 и 3 неясны.

Къ ст. 39. Кѣмъ произносятся рѣчи?

Къ ст. 49. примѣч. Совершенно непонятно, почему это примѣчаніе помѣщено здѣсь въ отдѣленіи «*о канцеляріи*».

Къ ст. 62. Слова: «*въ надлежащей постепенности*» неясны.

Къ ст. 70—86. Эти статьи имѣютъ заглавіе: «*о преподавателяхъ*», а между тѣмъ въ §§ 79 и 80 говорится о порядкѣ опредѣленія и увольненія и другихъ лицъ.

Къ ст. 70. Раздѣленіе доцентовъ на старшихъ и младшихъ совершенно лишне; вполнѣ достаточно одно названіе доцентовъ. Слишкомъ много подраздѣленій преподавателей ведетъ только къ посредственности.

Къ ст. 71. Сообразно съ предъидущимъ, изъ этой статьи слѣдовало бы исключить слова: «*или старшаго доцента*» и «*младшими*». Послѣднія же слова: «*представившіе диссертацію* (pro venia legendi) *и защитившіе ее въ присутствіи совѣта*» для большей ясности лучше отнести къ 72 ст.

Къ ст. 72. Кажется, можно было бы довольствоваться одною пробною лекціею, именно на тему по назначенію факультетскаго собранія и обойтись безъ другой пробной лекціи на тему по собственному избранію, такъ какъ смыслу 71 ст. ищущій званія доцента долженъ и безъ того представить диссертацію pro venia legendi и защитить ее въ присутствіи совѣта.

За симъ, сообразно съ вышеизложеннымъ, настоящую статью слѣдовало бы изложить такъ: ищущій званія доцента или приватъ-доцента долженъ: 1) быть по крайней мѣрѣ кандидатомъ или провизоромъ или ветеринаромъ, 2) представить диссертацію (pro venia legendi) и защитить ее въ присутствіи совѣта и 3) прочесть пробную лекцію на тему по назначенію факультетскаго собранія.

Къ ст. 72, примѣч. 1. Спрашивается: развѣ эти лица не могутъ быть и профессорами?

Къ ст. 72, примѣч. 2. За вышесказаннымъ это примѣчаніе оказывается лишнимъ.

Къ ст. 84. Темныя слова: «*руководить другими способами студентовъ въ его изученіи*» должны быть выпущены.

Къ ст. 84. Послѣднія слова: «*исполнять возлагаемыя на нихъ начальствомъ порученія*» по неопредѣлительности ихъ должны быть замѣнены другими болѣе точными.

Къ ст. 86. Выраженіе: «*на непродолжительное время*» слишкомъ неопредѣленно.

Къ ст. 89. Кому же: совѣту или правленію подлежитъ вѣдѣніе студентскихъ дѣлъ?

Къ ст. 93. Говорится о назначеніи синдика къ должности, но безъ всякаго поясненія, въ чемъ же именно она заключается.

Къ ст. 98. Но въ этихъ заведеніяхъ (не гимназіяхъ) кругъ преподаванія наукъ и языковъ часто до крайности ограниченъ. Слѣдовательно, эта статья мало бы способствовала основательному приготовленію къ университету. По моему мнѣнію, необходимо исключить ее.

Къ ст. 99. Редакція этой статьи должна быть яснѣе. Кромѣ того необходимо опредѣлить послѣдствія письменныхъ сочиненій и устныхъ объясненій.

Къ ст. 101. Статья эта лишняя. Еслибы кончившіе курсъ въ гимназіи имѣли въ университетѣ какія-либо преимущества предъ прочими, то это было бы означено.

Къ ст. 108 и 110 примѣч. Вмѣсто слова «*университетомъ*» слѣдовало бы выразиться точнѣе.

Къ ст. 110. Что значитъ: «*полный курсъ*»? Могутъ ли посторонніе лица, внесшія за слушаніе лекцій полную сумму, посѣщать лекціи одного только факультета, или всѣ вообще лекціи безъ изъятія?

Къ ст. 112. «*Если потребуетъ начальство*». Необходимо опре-

дѣлить, какое это начальство и въ должности какого рода обязаны будутъ прослужить бывшіе стипендіаты.

Къ ст. 113. Послѣднія слова: «*и, если совѣтъ признаетъ нужнымъ, увольняется изъ университета безъ возвращенія полученныхъ имъ стипендій*», лишни: ибо увольненіе должно имѣть мѣсто на общемъ основаніи по ст. 123, совершенно независимо отъ того, стипендіатъ ли увольняемый или нѣтъ.

Къ ст. 114. Выраженіе: «*научныхъ основаній*» неясно.

Къ ст. 118. Въ этой статьѣ говорится объ испытаніяхъ, коимъ подвергаются студенты, желающіе пріобрѣсти права, сопряженныя съ окончаніемъ полнаго университетскаго курса. Сознавая вполнѣ всѣ невыгодныя стороны экзаменовъ, я въ то же время считаю ихъ зломъ — необходимымъ. Безъ нихъ правительство не въ состояніи удостовѣриться въ познаніяхъ тѣхъ, кои желаютъ поступить на службу, развѣ были бы установлены особыя испытанія на службу (такъ-называемыя Staatsexamina); но послѣднія, за недостаткомъ достойныхъ экзаменаторовъ, кажется, еще долгое время останутся неосуществимыми.

До сихъ поръ испытаніе студентовъ производилось на совершенно неправильномъ основаніи. Вмѣсто того, чтобы удостовѣряться въ совокупности пріобрѣтенныхъ молодыми людьми познаній, старались разузнавать спеціальныя ихъ свѣдѣнія въ разные моменты по опредѣленному заранѣе предмету; вмѣсто того, чтобы подвергать ихъ испытанію въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, напримѣръ около половины мая, чрезъ предложеніе каждому изустныхъ вопросовъ одновременно по нѣсколькимъ предметамъ, заставляли учащихся въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ опредѣленные дни, излагать словесно цѣлый отрывокъ изъ записокъ ихъ по тому или другому назначенному предмету, при чемъ нерѣдко большинство на другое утро рѣшительно не знало того, что наканунѣ умѣло изложить такъ краснорѣчиво. Кромѣ того, въ видахъ гуманности предоставляли учащимся много времени для приготовленія къ каждому экзамену: ибо обыкновенно уже 25 марта прекращали преподаваніе въ 4-мъ курсѣ, отнимая чрезъ это отъ лекцій самымъ безсовѣстнымъ образомъ драгоцѣнное время. Большинство молодыхъ людей, поступившіе въ университетъ преимущественно для полученія чина, въ продолженіе года на большей части лекцій вовсе не бывали и только около начала апрѣля мѣсяца, при приближеніи экзаменовъ, они начинали доставать себѣ записки и изучать ихъ ревностно на-память. Для каждаго предмета,

какъ выше сказано, назначенъ былъ опредѣленный день, съ оставленіемъ значительнаго промежутка времени между каждыми двумя экзаменами. Слѣдовательно обыкновенно только въ эти промежутки начинали заниматься, т. е. затверживать записки наизустъ, не сдѣлавъ въ продолженіе года ничего для своего образованія. Я всегда порицалъ такой способъ испытанія, какъ потачку самой безстыдной праздности. Мое мнѣніе было постоянно то — и я предлагаю его и теперь, — что студента слѣдуетъ подвергать испытанію изъ опредѣленныхъ факультетомъ предметовъ, но не въ различные дни, а въ одинъ и тотъ же день, въ полномъ факультетскомъ собраніи, и такъ, чтобы студенту оставалось неизвѣстнымъ, изъ какихъ предметовъ будетъ произведено испытаніе. Каждый членъ факультета по очереди предлагаетъ студенту нѣсколько вопросовъ, на которые должны послѣдовать самые краткіе отвѣты, и затѣмъ степень удовлетворительности ихъ рѣшается цѣлымъ факультетомъ по большинству голосовъ.

Для предупрежденія впредь всѣхъ безпорядковъ въ университетѣ, возникавшихъ только вслѣдствіе вышеупомянутой праздности, было бы желательно отмѣнить существовавшій порядокъ испытаній и ввести новый на изложенныхъ основаніяхъ. Тогда каждый молодой человѣкъ, уже при поступленіи въ университетъ, будетъ знать, что онъ только основательными познаніями можетъ пріобрѣсти, сообразно способностямъ своимъ и прилежанію, степень кандидата или званіе дѣйствительнаго студента; онъ съ самаго начала академическаго года аккуратно будетъ посѣщать лекціи, прилежно приготовляться къ каждой изъ нихъ, прилежно повторять пройденное и такимъ образомъ, приготовляясь круглый годъ, а не нѣсколько только дней, какъ это было до сихъ поръ, удовлетворятъ факультету.

Къ ст. 123. Кажется, слишкомъ много подраздѣленій при опредѣленіи послѣдствій нарушенія учащимися своихъ обязанностей. Можно было бы исключить четвертый пунктъ.

Къ ст. 129. Въ началѣ сказано: «степень кандидата пріобрѣтается по испытанію и по диссертаціи, одобренной факультетомъ». Стало быть и не студентъ, удовлетворившій только этимъ требованіямъ, можетъ сдѣлаться кандидатомъ? Но этого нельзя допустить, ибо тогда къ чему же быть студентомъ? Въ этомъ отношеніи, относительно нестудентовъ слѣдовало бы постановить такія ограниченія, вслѣдствіе которыхъ не было бы выгоднѣе пріобрѣтать права, соединенныя съ университетскимъ образованіемъ, въ

качествѣ вольнаго слушателя. Между прочимъ прежде всего необходимо требовать отъ нестудентовъ, желающихъ пріобрѣсть степень кандидата, представленія свидѣтельства гимназіи въ томъ, что они удовлетворительно выдержали въ ней экзаменъ въ полномъ гимназическомъ курсѣ.

По моему мнѣнію, не слѣдуетъ отмѣнять экзаменъ на степень доктора; одно требованіе представленія диссертаціи и публичнаго защищенія оной повело бы неизбѣжно къ крайней поверхностности: ибо такъ какъ съ этою степенью для преподавателя соединено право на полученіе званія ординарнаго профессора (ст. 71), слѣдовательно и высшаго оклада, то всякій поспѣшитъ написать какую-нибудь диссертацію, — что̀, конечно, несравненно легче, чѣмъ выдержать экзаменъ. Результатомъ будетъ появленіе многихъ поверхностныхъ диссертацій и занятіе всѣхъ каѳедръ профессорами ординарными, но нерѣдко людьми весьма поверхностными.

Испытаніе на ученыя степени должно быть производимо главнымъ образомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ выше изложено.

Къ ст. 134. Выдача университетами дипломовъ на званія почетныхъ членовъ, почетныхъ докторовъ и корреспондентовъ всегда было чѣмъ-то смѣшнымъ. Иное дѣло избраніе въ почетные члены и корреспонденты ученыхъ обществъ. И какъ рѣдко иностранцы благодарили за честь избранія ихъ!

Къ ст. 151. «*Всякое имущество*» — этого никакъ нельзя сказать.

Къ ст. 152. Доцентовъ не слѣдуетъ ставить выше лекторовъ.

Къ ст. 161. Ссылка въ концѣ статьи на §§ 146 и 147 невѣрна. Должно быть §§ 145 и 146.

---

2) Колл. сов. Стасюлевича.

Мы находимся по отношенію проекта въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ были сами составители проекта по отношенію къ дѣйствовавшему до того времени уставу Россійскихъ университетовъ, Высочайше утвержденному 26 іюля 1835 года. Какъ имъ, для правильной оцѣнки достоинства и для указанія недостатковъ прежняго устава, такъ и намъ, для подобной же цѣли, представляется два способа: можно начать прямо полемизировать относи-

тельно частныхъ недостатковъ проекта, предложить ту или другую комбинацію, то или другое распоряженіе или распредѣленіе частей и опредѣленіе ихъ отношеній и т. п.; или можно, оставляя въ сторонѣ всѣ такія подробности, обратиться непосредственно къ общимъ идеямъ проекта и обсуждать его съ точки зрѣнія цѣли, которую должны были бы поставить себѣ составители, въ особенности, если подумать о томъ, что они были призваны не столько вслѣдствіе кабинетныхъ соображеній министерства, сколько вслѣдствіе иныхъ посторонныхъ событій, явившихся даже совершенно независимо отъ воли лицъ, стоящихъ во главѣ нашей администраціи.

Составители проекта слѣдовали первому способу, т. е. «приняли (см. объясн. зап. стр. 34) за основаніе своихъ сужденій послѣдовательное разсмотрѣніе параграфовъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ», и за тѣмъ удержали нѣкоторые изъ его параграфовъ, другіе видоизмѣнили, третьи выпустили и т. д. Нѣтъ ничего легче и намъ, какъ примѣнить этотъ способъ къ труду самихъ составителей проекта, т. е. принять за основаніе своихъ сужденій послѣдовательное разсмотрѣніе параграфовъ проекта общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, съ одними параграфами согласиться, на мѣсто другихъ предложить свою редакцію и т. д. Но еслибы предложенныя такимъ образомъ нами видоизмѣненія и были приняты, то мы все же должны были бы внутренно сознаться, что и исправленный, на основаніи нашихъ предложеній, проектъ едва ли бы болѣе ручался за достиженіе главной цѣли, которая въ настоящую минуту занимаетъ всѣхъ. Въ томъ же самомъ, намъ кажется, должны сознаться и составители проекта: они исправили, дополнили, видоизмѣнили прежній уставъ, но ихъ проектъ представляетъ не болѣе гарантій относительно возможности порядка въ университетахъ, какъ и дѣйствовавшій до того времени общій уставъ. Главныя трудности, о которыя разбились наши университеты въ послѣднее время, нисколько не устранены проектомъ, точно такъ, какъ онѣ не будутъ устранены предложеніемъ и съ нашей стороны однихъ нѣкоторыхъ поправокъ въ проектѣ. Время, когда можно было исправить дѣло отдѣльными перемѣнами въ правилахъ, прошло; университетъ можетъ быть возможенъ только при новой организаціи цѣлаго.

I.

Вотъ почему мы не будемъ говорить о частностяхъ проекта, хотя, впрочемъ, онъ представляетъ много случаевъ къ отдѣльнымъ

замѣчаніямъ. Укажемъ только для примѣра на нѣкоторые болѣе важные частные недостатки проекта, удержанные имъ изъ прежняго устава и немало вредившіе университету; самое указаніе такого рода отдѣльныхъ недостатковъ еще болѣе убѣдитъ насъ въ необходимости общаго кореннаго преобразованія. По проекту (§ 40 и сл.), на правленіе университета возлагается вся хозяйственная и распорядительная часть, и въ то же самое время оно не имѣетъ никакихъ отношеній къ совѣту университета и даже не сообщаетъ ему своихъ протоколовъ. Мы до сихъ поръ именно терпѣли отъ такого загадочнаго существованія правленія, которое было настоящимъ status in statu. Но въ проектѣ есть и другіе частные недостатки, которые по важности своей получаютъ даже общее значеніе; а именно: составители проекта, помѣстивъ 53 §, могли бы этимъ параграфомъ весьма удобно замѣнить весь уставъ: «попечитель, въ случаяхъ, хотя и *превышающихъ* власть его, но не терпящихъ отлагательства, принимаетъ нужныя мѣры, доводя о нихъ немедленно до свѣдѣнія министра». Конечно, попечителю же должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса, что̀ терпитъ и что̀ не терпитъ отлагательства, а за тѣмъ его личный характеръ рѣшитъ вопросъ, насколько нужны и насколько излишни остальные параграфы проекта. Во всякомъ случаѣ, составители проекта напрасно увѣряютъ насъ въ своей объяснительной запискѣ, стр. 34, что «коммиссія старалась опредѣлить положительныя обязанности, возлагаемыя на университеты, дабы они имѣли полную возможность дѣйствовать съ успѣхомъ по всѣмъ тѣмъ частямъ, по коимъ повѣрка высшей власти, встрѣчая неодолимыя препятствія, обращается въ формальность, освобождающую отъ отвѣтственности подчиненныя мѣста и лица». Къ чему же послѣ того 53-й §, который дѣлаетъ при томъ излишнимъ весь уставъ, или по крайней мѣрѣ легко можетъ то сдѣлать?

Очевидно, проектъ устава, ограничившись одними частными измѣненіями, такъ сказать, подскабливаніемъ параграфовъ прежняго устава, сохранилъ весь его духъ, и потому всякій разъ, когда ему приходилось касаться больныхъ мѣстъ нашихъ университетовъ, для излеченія которыхъ было бы недостаточно однихъ видоизмѣненій, составители проекта или отдѣлывались ссылкою на то, что по такому-то предмету будетъ дана особая инструкція, или предлагали формальность, которую выполнить на практикѣ нѣтъ никакой возможности. Такъ въ отдѣленіи объ «обязанностяхъ учащихся», проектъ предоставляетъ совѣту университета, съ утвержде-

нія попечителя, составить правила для студентовъ (§ 122), при чемъ будущіе составители этихъ правилъ связаны уже впередъ извѣстными условіями проекта. Составители проекта могли бы такимъ образомъ, вмѣсто всѣхъ своихъ 167 §§, написать всего одинъ: «предоставляется совѣту университета составить весь уставъ», и за тѣмъ коммиссія могла бы закрыть свои засѣданія. Вопросъ о *постороннихъ лицахъ* въ проектѣ рѣшенъ тѣмъ, что допускаются одни достигшіе полнаго совершеннолѣтія (§ 103); мы понимаемъ цѣль такого распоряженія, но знаютъ ли составители проекта, какимъ образомъ тамъ, гдѣ собирается болѣе 1000 человѣкъ, повѣрять на практикѣ лѣта всѣхъ входящихъ въ дверь, а билеты, извѣстно, могутъ дѣйствовать весьма непродолжительное время, и за тѣмъ никто на нихъ не обращаетъ вниманія. И такъ, составители проекта, видно, желали предупредить то, что, по ихъ мнѣнію, потрясло университеты; но они ошиблись и относительно причинъ зла, и относительно мѣръ къ ихъ устраненію. Весь корень зла они искали въ дурномъ вліяніи общества на молодыхъ людей; они не рѣшились бы предложить устройства закрытыхъ университетовъ, но они считали дѣло весьма счастливо рѣшеннымъ, напавъ на мысль о совершеннолѣтіи постороннихъ лицъ. Вотъ два единственныя мѣста, гдѣ, повидимому, состивители проекта подумали объ устраненіи главной причины университетскихъ безпокойствъ: 1) пусть сами совѣты университета составятъ правила для студентовъ, 2) только совершеннолѣтніе имѣютъ право посѣщать лекціи, какъ посторонніе слушатели. Впрочемъ, лучшаго и не могли придумать тѣ, которые взяли за основаніе прежній уставъ. А между тѣмъ, составителямъ проекта необходимо было обратить все вниманіе на возможность спокойнаго существованія университетовъ, не прибѣгая къ кузнецу или слесарю для изготовленія желѣзныхъ рѣшетокъ между факультетами, не ставя сторожа для отбиранія билетовъ, и, въ случаѣ непріятныхъ столкновеній, всегда весьма естественныхъ тамъ, гдѣ собирается 1000 человѣкъ, не обращаясь къ вооруженной силѣ полиціи. Составители проекта, очевидно, разсчитываютъ на содѣйствіе кузнецовъ и тому подобныхъ мѣръ, или слагаютъ все на попечителя, предоставляя ему «въ случаяхъ, хотя и превышающихъ его власть, но не терпящихъ отлагательства, принимать *нужныя* мѣры». Мы знаемъ на опытѣ, каковы бываютъ эти нужныя мѣры, которыя на дѣлѣ оказываются именно не нужными.

Что̀ же препятствовало составителямъ проекта обратить надлежащее вниманіе на существенную задачу устава? Зачѣмъ они за-

были, по поводу какихъ обстоятельствъ призвали ихъ приготовить реформу? Рѣшеніе, наприм., вопросовъ: ежемѣсячно или каждую недѣлю, должно правленіе представлять попечителю свои протоколы въ подлинникѣ? держать или не держать экзаменъ на степень доктора? изъ такихъ или другихъ предметовъ состоитъ факультетское преподаваніе? въ томъ или другомъ классѣ считать ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ? — все это вопросы не первостепенные, и рѣшеніе такихъ и подобныхъ имъ вопросовъ не устранитъ затрудненій, которыя вызвали необходимость передѣлывать уставъ. Намъ кажется, что составители устава въ его новомъ видѣ были стѣснены первыми двумя, тремя параграфами своего проекта, отъ которыхъ зависѣла участь всѣхъ послѣдующихъ до самаго конца, а потому, если весь проектъ не удовлетворяетъ въ отношеніи главной цѣли, поставленной силою послѣднихъ обстоятельствъ, то причину того должно искать именно въ тѣхъ первыхъ параграфахъ, которые осуждаютъ впередъ всѣ дальнѣйшія подробности устава на извѣстный характеръ. Остановимся на нихъ и ограничимся только ими; вотъ ихъ содержаніе:

§ 1. «Университетъ есть высшее учебное учрежденіе, состоящее изъ опредѣленнаго числа факультетовъ, какъ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго».

§ 3. «Каждый университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, ввѣряется особому начальству попечителя».

II.

Не смотря на точное опредѣленіе университета въ первомъ параграфѣ проекта, какъ высшаго учебнаго учрежденія, это опредѣленіе, собственно говоря, ничего не опредѣляетъ, потому что оно указываетъ только на одну изъ сторонъ университетской дѣятельности и совершенно упускаетъ изъ виду университетскую жизнь; а университеты были потрясены не въ своей учебной дѣятельности, а именно въ своей академической жизни. Одно опредѣленіе университета, только какъ высшаго учебнаго учрежденія, показываетъ, что составители проекта не приписывали большой важности другой сторонѣ университета, и именно той, которая была поражена наиболѣе. По смыслу проекта, какъ и по смыслу прежняго устава, университетъ въ своей жизни и организаціи является ни чѣмъ другимъ, какъ *преподающимъ департаментомъ* министерства народнаго просвѣщенія; профессора суть преподающіе чиновники, под-

вѣдомственные начальству попечителя, на основанiи § 3; самъ попечитель есть директоръ этого преподающаго департамента. Вотъ впечатлѣнiе, которое долженъ оставить проектъ въ каждомъ; составители его даже не замѣтили несообразности своихъ идей, которыя ясно выражаются и въ самомъ языкѣ: «университетъ ввѣряется особому *начальству попечителя*». Какимъ образомъ въ понятiи попечителя, который, по смыслу своего имени, можетъ взять на себя одно попеченiе, ходатайство, заступничество, можетъ быть заключено понятiе начальника, т. е. лица распоряжающагося, «наблюдающаго, чтобы принадлежащiя къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности и въ случаѣ нарушенiя оныхъ принимающаго законныя мѣры», на основанiи § 51, и не законныя, на основанiи § 53; увольняющаго служащихъ при университетѣ въ отпускъ (§ 55), разрѣшающаго сверхштатные расходы до 600 р. с. (§ 56), утверждающаго контракты и подряды (§ 57), въ то же время зависящаго отъ усмотрѣнiя министра, и которому содѣйствуетъ помощникъ (§ 59), неизвѣстно кѣмъ назначенный, и при томъ содѣйствуетъ тѣмъ, что въ присутствiе попечителя, въ силу слѣдующаго параграфа, вовсе не дѣйствуетъ и ожидаетъ только его болѣзни или отсутствiя? Самое имя попечителя достаточно указываетъ на истинное его назначенiе, съ которымъ всего менѣе можетъ быть связана идея начальника. Такая департаментская жизнь и организацiя университета и составляла главную причину безвыходности положенiя профессоровъ; студенты, помимо ихъ, имѣли отношенiе къ начальству; сами профессора въ ихъ глазахъ были также начальствомъ, но подвѣдомственнымъ другому, высшему начальству; пока все было спокойно, дѣла шли кое-какъ; при первомъ безпокойствѣ, студенты, прiученные самимъ же начальствомъ обращаться къ нему, обратились и теперь къ начальству; между тѣмъ административная власть не имѣетъ никакихъ другихъ средствъ, кромѣ матерiальныхъ, и слѣдовательно самыхъ худшихъ для дѣлъ подобнаго рода. Всѣ послѣднiе безпорядки были главнымъ образомъ результатомъ этой департаментской жизни университетовъ; профессора не могли принять во всемъ случавшемся участiе иначе, какъ въ характерѣ чиновниковъ, и слѣдовательно ихъ участiе могло бы только содѣйствовать увеличенiю безпорядковъ.

При томъ устройствѣ университетовъ, которое они имѣли прежде и духъ котораго сохраненъ и проектомъ, порядокъ университетской жизни держался приказанiями начальства; были случаи, когда, для приведенiя въ исполненiе какой-нибудь условной дисциплины,

— наприм., прежде, когда существовала форменная одежда, для того, чтобы сюртуки студентовъ были застегнуты на всѣ пуговицы, — нужно было приказаніе высшаго начальства. Сюртуки, правда, уничтожены, но всякое другое правило дисциплины является по прежнему волею начальства. Такое повсемѣстное распространеніе власти можетъ служить только къ увеличенію случаевъ ея нарушенія и ставитъ власть въ опасность быть очень часто и легко компрометированною; всякое ничтожное, но вмѣстѣ неизбѣжное и естественное уклоненіе отъ дисциплины тамъ, гдѣ сталкиваются вмѣстѣ нѣсколько сотъ молодыхъ жизней, при существованіи академической жизни улаживается весьма легко или во всякомъ случаѣ нейдетъ дальше недоумѣній между профессорами и ихъ слушателями, а въ департаментской жизни принимаетъ размѣры неповиновенія высшему начальству, и такъ какъ высшая власть проникаетъ всюду, то простое движеніе молодой жизни имѣетъ почти характеръ чуть не оскорбленія Величества; всѣ дѣйствуютъ отъ имени высшей власти, никто не принимаетъ на себя личной отвѣтственности, и потому всякій, вмѣсто того, чтобы справедливо компрометировать себя, несправедливо компрометируетъ высшую власть.

Вотъ первое неудобство административно-полицейскаго устройства университетовъ: оно осуждаетъ начальство приказывать и предписывать то, что не можетъ быть ни приказано, ни предписано, компрометируетъ чрезъ то власть и дѣлаетъ ее слабою; но есть еще другое неудобство. Молодые люди учащіеся, вслѣдствіе административнаго характера академической жизни, видятъ въ процесѣ академической жизни нѣчто подобное общей жизни государства, и потому общественное состояніе умовъ весьма послѣдовательно отражается на нихъ; вопросы гражданскіе дѣлаются въ одно и то же время университетскими, потому, что жизнь университета вдавлена въ общую административную форму государственной жизни. Однимъ словомъ, развитіе молодаго человѣка совершается подъ тѣми же принципами, подъ которыми протекаетъ самая жизнь человѣка взрослаго. Между тѣмъ молодой человѣкъ, поставленный съ раннихъ лѣтъ на одну доску съ взрослыми, ничѣмъ не вознаграждается за иную несправедливость человѣческихъ учрежденій, какъ то можетъ быть съ взрослыми, и испытываетъ одну тяжесть и утомительную равномѣрность административной машины; вотъ потому онъ дѣлается нетерпѣливѣе и опереживаетъ своими требованіями самихъ взрослыхъ. Этотъ духъ университетской молодежи, который несправедливо хотятъ объяснить дурнымъ вліяніемъ общества, по-

ниженіемъ уровня занятій и т. п. есть результатъ того ложнаго положенія, въ которое она поставлена административнымъ устройствомъ университетовъ. Нужно создать на мѣсто администраціи академическую жизнь, болѣе свободную, привольную, которая могла бы перенести въ себѣ ту игру молодой жизни, которая при административныхъ формахъ принимаетъ видъ безпорядочности и демонстраціи; академическая жизнь должна быть шире и правильнѣе гражданской жизни, даже и тамъ гдѣ она весьма широка и правильна, не говоря уже о насъ. А для того нужно отложить совершенно въ сторону и старый нашъ уставъ и проектъ, копированный съ него, и рѣшить предварительно вопросъ: какъ можетъ быть вообще устроена академическая жизнь университета, и какъ возможно примѣнить общія ея законы къ устройству подобной жизни въ нашихъ университетахъ, принимая въ соображеніе существующіе у насъ на дѣлѣ матеріалы для подобной жизни?

III.

Если разсматривать вопросъ объ отношеніи академической жизни къ цѣлости жизни государственной, независимо отъ условій даннаго времени и данной мѣстности, то первая всегда обусловливаетъ послѣднюю; l'état est ce que fait sa jeunesse, сказалъ весьма справедливо Генрихъ IV. И такъ, академическая жизнь, какъ и вообще дѣло образованія юношества, не должны быть поставлены за-урядъ съ прочими явленіями государственной жизни, и всего менѣе могутъ быть сдѣланы предметомъ строгаго управленія. Потому люди, посвящающіе себя на распространеніе и утвержденіе образованности, должны быть поставлены въ отношеніе другъ друга, не какъ стоящіе по извѣстнымъ степенямъ чиновнической іерархіи, но какъ члены самостоятельнаго *сословія* въ государствѣ. У насъ, лица, посвящающія свой трудъ и капиталъ познаній на распространеніе образованности, должны чувствовать себя болѣе чиновниками министерства народнаго просвѣщенія, нежели членами сословія; между тѣмъ само министерство не можетъ и не должно имѣть въ себѣ никакихъ педагогическихъ и образовательныхъ силъ. Только въ въ послѣднее время начало являться сознаніе, что собственно министерство народнаго просвѣщенія, по самому своему существу, никого не просвѣщаетъ непосредственно; оно можетъ поглотить въ себѣ преподающее сословіе, сдѣлать его членовъ своими чиновниками, какъ это и случилось у насъ; отсюда и происходитъ тотъ оптическій обманъ, въ силу котораго министерство народнаго просвѣ-

щенія является органомъ общественнаго образованія. Между тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ лично ему принадлежащія и весьма важныя функціи, безъ всякой необходимости поглощать въ себѣ преподающее сословіе: его задача состоитъ не въ томъ, чтобы обдумывать лучшія формы регламентаціи нашего сословія, а въ томъ, чтобы содѣйствовать его отправленіямъ своими матеріальными средствами и гарантіями, открывая помѣщеніе для училищъ, дополняя гонораръ жалованьемъ, назначая пенсіи, издавая учебники и пособія, открывая институты для образованія учителей, отправляя молодыхъ людей за границу и т. д.

Новый проектъ университетскаго устава остался вполнѣ вѣренъ старому духу, и даже опредѣлилъ университетъ такъ, какъ можно опредѣлить губернское правленіе по отношенію къ уѣздному суду, а именно какъ высшее учебное учрежденіе по отношенію къ среднимъ и низшимъ, гимназіямъ и народнымъ училищамъ.

Вотъ общія положенія, которыя мы думали бы, съ нашей точки зрѣнія, поставить въ основаніе университетскаго устава:

1) Университетъ есть ученое сословіе, принимающее на себя извѣстныя обязанности по общественному образованію и пользующееся за то извѣстными правами.

2) Для поступленія въ члены университетскаго сословія необходимо: a) имѣть аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи курса наукъ въ гимназіи; b) выдержать словесную бесѣду (коллоквіумъ) по собственному выбору одного изъ предметовъ, составляющихъ факультетъ, и представить письменный отвѣтъ на заданную тему; по одобреніи факультетомъ, принимаемый записывается въ университетскій альбомъ и признается въ званіи студента, налагающемъ на него извѣстныя обязанности и предоставляющемъ извѣстныя права; c) студентъ, по истеченіи 3-хъ лѣтъ, или выдерживаетъ словесную бесѣду, по собственному выбору одного изъ предметовъ, составлявшихъ факультетское преподаваніе, и представляетъ письменное разсужденіе на заданную тему, или подвергается полному факультетскому экзамену, представляя ученое разсужденіе по избранному имъ предмету; въ первомъ случаѣ лицо утверждается въ степени студента и увольняется изъ университета съ правомъ искать ученой степени, по выдержаніи факультетскаго экзамена когда пожелаетъ; во-второмъ случаѣ, студентъ пріобрѣтаетъ степень кандидата и принимается окончательно въ число членовъ университетскаго сословія.

3) Кандидатъ, черезъ годъ, по экзамену и диспуту, утверждает-

ся въ степени магистра, который черезъ годъ, по представленіи и защищеніи ученаго труда, достигаетъ высшей степени университетскаго сословія — доктора наукъ.

Такимъ образомъ университетъ, какъ сословіе, имѣетъ свои степени, независимо отъ чиновъ военныхъ или гражданскихъ; членовъ университетскаго сословія одинаково странно назвать полковниками, какъ и статскими совѣтниками, юнкерами, какъ и коллежскими регистраторами. Члены университетскаго сословія, по своему труду и значенію въ научной дѣятельности, раздѣляются на докторовъ, магистровъ и кандидатовъ, которые выбираются по экзамену изъ числа старшихъ студентовъ, желающихъ посвятить себя ученой карьерѣ.

Высшее управленіе дѣлами университета принадлежитъ его совѣту, который состоитъ изъ докторовъ и магистровъ, съ правомъ рѣшающаго голоса, и кандидатовъ, съ правомъ голоса избирательнаго и совѣщательнаго. Такой совѣтъ собирается одинъ или два раза въ годъ. Ближайшее управленіе дѣлами принадлежитъ факультету, состоящему изъ тѣхъ же членовъ, какъ и совѣтъ, и съ тѣми же правами; кромѣ того, кандидаты имѣютъ свое отдѣльное собраніе для совѣщаній о ближайшихъ потребностяхъ студентовъ, которые, въ случаѣ ихъ матеріальныхъ нуждъ, обращаются къ нимъ; для такихъ собраній кандидаты избираютъ изъ своей среды сеньора. Въ факультетѣ предсѣдательствуетъ избранный изъ докторовъ деканъ; въ совѣтѣ предсѣдательствуетъ избранный изъ докторовъ ректоръ. Сверхъ того университету предоставляется право избранія почетныхъ членовъ и канцлера университета изъ лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ за свои заслуги, государственный характеръ. Канцлеръ университета, не имѣя никакой административной власти, служитъ ходатаемъ и представителемъ въ важныхъ случаяхъ всего университетскаго сословія. Таково въ общихъ чертахъ устройство и управленіе университета, какъ сословія.

Перейдемъ къ его дѣятельности и жизни.

Главная дѣятельность членовъ университета направлена къ тому, чтобы преподаваніемъ наукъ на лекціяхъ и занятіяхъ со студентами добыть себѣ кандидатовъ для поддержанія преемства въ своемъ сословіи. За тѣмъ цѣль дѣятельности членовъ университета направлена къ тому, чтобы остальная масса студентовъ, не желая принимать на себя званія кандидатовъ и вступать чрезъ то въ университетское сословіе, пріобрѣла то научное развитіе, которое необходимо для всякой практической спеціальности, какой бы кто се-

бя ни посвятилъ послѣ университетскаго трехлѣтія. Дипломъ студента потому не даетъ никакихъ правъ на службу и только составляетъ условіе для права приступить къ служебному экзамену того вѣдомства, который кто избираетъ. Наконецъ, третья цѣль дѣятельности университетскаго сословія состоитъ въ томъ, чтобы служить всему обществу, и потому къ слушанію лекцій допускаются безразлично всѣ; такіе посѣтители, не имѣя никакихъ обязанностей, не пользуются никакими правами, и если университетъ существуетъ вполнѣ или отчасти своими средствами, то они обязываются одною платою и слѣдованіемъ тѣмъ дисциплинарнымъ правиламъ, которыя будутъ составлены совѣтомъ университета для сохраненія общественнаго порядка.

Такимъ образомъ, университетъ имѣетъ на своей дѣятельности отношенія къ самому себѣ, государству и обществу. Лично для себя, университетъ приготовляетъ своихъ будущихъ членовъ; правительство можетъ поставить условіемъ пріобрѣтенія служебныхъ правъ по экзамену представленіе диплома на степень студента или кандидата, смотря по своимъ видамъ и нуждамъ. Наконецъ, общество въ университетской аудиторіи можетъ пріобрѣтать тѣ или другія спеціальныя свѣдѣнія, которыя каждому могутъ быть необходимы по его частнымъ цѣлямъ, безъ желанія вступать въ университетское сословіе или пріобрѣтать право на службу государственную.

При такомъ устройствѣ университета, какъ сословія, не служащаго, а трудящагося надъ однимъ изъ важнѣйшихъ отправленій общественной жизни, все то, что насъ затрудняло въ особенности, будетъ устранено само собою. Профессора не будутъ больше имѣть характера чиновниковъ, который имъ былъ приданъ въ старое время прежде съ цѣлью возвысить ихъ; но отъ стараго времени хорошо сохранить добрыя цѣли, а не средства, которыми онѣ достигались; было время, когда нужно было дать профессорамъ чины для возвышенія ихъ званія; цѣли стараго времени должно держаться и нынѣ, но для достиженія ея теперь необходимо уничтожить чины для профессоровъ. Эта перемѣна произведетъ то, что такъ-называемыя университетскія исторіи не будутъ имѣть государственнаго характера. Представьте себѣ, что у насъ, для возвышенія коммерціи, были бы употреблены тѣ же средства, какъ и для науки, т. е. что занимающіеся торговлею получали бы соотвѣтственные гражданскіе чины; но тогда самый ничтожный споръ или недоумѣніе между покупателями и продавцомъ обращались бы въ государственные вопросы и сводились бы къ разряду случаевъ неповиновенія

начальству. Съ другой стороны, студенты были бы выведены изъ того неестественнаго положенія, въ которомъ они находились до сихъ поръ: они сдѣлались бы членами университетскаго сословія и чрезъ своихъ кандидатовъ имѣли бы возможность вступать въ сношеніе съ факультетомъ или совѣтомъ, какъ въ своихъ дѣлахъ, касающихся преподаванія, такъ и другихъ вопросовъ университетской жизни. На студентовъ смотрѣли, какъ на мальчиковъ, забывая, что это молодые люди, которымъ гимназическій аттестатъ далъ всѣ гражданскія права и служебныя; отчего же окончившій курсъ гимназистъ, который можетъ поступить прямо въ гражданскую службу или занять мѣсто учителя, учить другихъ, разсматривается какъ мальчикъ, если онъ вздумаетъ поступить не на службу, а пойти въ университетъ? Говоря оффиціальнымъ языкомъ, поступленіе въ университетъ должно быть разсматриваемо, какъ поступленіе на извѣстнаго рода службу, съ которою должны быть сопряжены и извѣстнаго рода обязанности и извѣстнаго рода права. Мы очень дорого платимъ и заплатили за удовольствіе считать студентовъ мальчиками; мы были вынуждены принять ихъ за болѣе взрослыхъ, нежели мы сами.

Вотъ общія основы для устройства и управленія университета, какъ сословія; подробности будетъ опредѣлить не трудно, и притомъ онѣ явились бы сами собою на практикѣ, какъ заключеніе изъ посылки. Положимъ, въ первое время, министерство возьметъ на себя иниціативу открытія университета, что̀ весьма легко сдѣлать въ старыхъ университетскихъ центрахъ. Министерство принимаетъ докторовъ и магистровъ для открытія лекцій и заключаетъ съ ними условія, т. е. даетъ имъ помѣщенія, научныя средства, библіотеку, кабинеты, музеи и т. п. Дальнѣйшее управленіе и продолженіе вербованія своихъ членовъ предоставляется за тѣмъ университету, на основаніи устава, представленнаго ими. Министерское наблюденіе надъ исполненіемъ устава и выгодами правительства производится чрезъ синдика, назначаемаго министерствомъ, но не иначе, какъ изъ бывшихъ студентовъ юридическаго факультета. Внутренняя полиція и судъ принадлежитъ исключительно совѣту университета.

Мы согласны, что предлагаемая нами реформа университетовъ не можетъ быть произведена безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ общепринятаго порядка; но, вообще говоря, нѣтъ возможности перемѣнять воздухъ въ одномъ углу комнаты безъ того, чтобы не перемѣнить его и въ остальныхъ углахъ. Отчего, наприм., не приступить къ уничтоженію чиновъ именно въ университетскомъ сословіи? Это

могло бы подготовить подобную же перемѣну въ большемъ размѣрѣ. Необходимо будетъ также уничтожить права на службу такихъ заведеній, какъ лицеи и школы правовѣдѣнія; они могутъ быть обращены въ экзаменаціонныя коммиссіи для поступленія на государственную службу. Мы не можемъ предвидѣть другихъ перемѣнъ, но онѣ выскажутся сами собою; нужно только разъ навсегда уяснить себѣ, чего именно желаешь, и за тѣмъ оставаться послѣдовательнымъ, не ломая ничего a priori, а только уничтожая все, что само назоветъ себя зломъ.

Мы согласны также и въ томъ, что предлагаемая нами реформа, повидимому, уменьшитъ власть начальства; но истинная цѣль всякаго начальства и состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себя какъ можно болѣе излишнимъ. У насъ слѣдовали прямо противоположнымъ правиламъ, и потому министрамъ и попечителямъ приходилось принимать на себя роли педелей, и дѣйствовать лично тамъ, гдѣ достаточно было бы одного педеля. Всякое приключеніе съ педелемъ принимаетъ широкіе размѣры, когда въ его роли является, наприм. такое лицо, какъ попечитель. Не должно ставить власть въ такое положеніе, чтобы она могла легко быть компрометирована; всякая власть сильна до тѣхъ поръ, пока она признаетъ себѣ предѣлы, опредѣляемые ея сущностью, и не переступаетъ ихъ; силу власти составляетъ ограниченіе, а не безграничность.

И такъ, по нашему мнѣнію, министерству народнаго просвѣщенія мало предстоитъ заботиться о составленіи устава университетовъ, или, въ настоящемъ случаѣ, объ исправленіи отдѣльныхъ параграфовъ предлагаемаго проекта. Министерство народнаго просвѣщенія должно представить правительству проектъ *грамоты* на основаніе университета, какъ сословія, съ опредѣленіемъ его правъ и обязанностей, а на это достаточно одного листа бумаги или куска пергамина; за тѣмъ составленіе устава, по отношенію порядка преподаванія и внутренной полиціи, не можетъ уже представить никакихъ затрудненій; даже и ошибки въ такомъ уставѣ не повлекутъ за собою никакихъ послѣдствій, потому что практика на мѣстѣ укажетъ, что̀ нужно прибавить, что̀ нужно выпустить; университеты будутъ заимствовать другъ отъ друга свою опытность, образуются преданія, привычки, нравы, чего мы не могли до сихъ поръ достигнуть послѣ 100-лѣтняго существованія университетовъ въ Россіи, именно потому, что не было въ нихъ сословной жизни, и могли существовать нравы начальниковъ, а не нравы учрежденія. Положимъ же теперь въ первый разъ основаніе сословному университе-

ту; тогда по крайней мѣрѣ второе столѣтіе Русскихъ университетовъ не кончится такъ печально, какъ закончилось первое.

---

3) Ст. сов. Благовѣщенскаго.
О нѣкоторыхъ мѣрахъ, необходимыхъ для развитія и поддержки ученой жизни въ нашихъ университетахъ.

Главная цѣль моихъ замѣтокъ состоитъ въ томъ, чтобы обратить вниманіе общества и прикосновенныхъ къ университетскому дѣлу лицъ на нѣсколько существенныхъ вопросовъ, которыхъ *проектъ* или вовсе не коснулся, или коснулся только мимоходомъ, такъ-что относящіяся къ нимъ положенія не выразились въ формѣ недопускающаго никакихъ уклоненій закона. Къ числу такихъ положеній, прежде всего, должны быть отнесены мѣры, направленныя къ развитію ученой жизни въ нашихъ университетахъ, къ возбужденію научной дѣятельности въ профессорахъ и въ студентахъ, и къ пріученію послѣднихъ, помимо оффиціальнаго и служебнаго труда, къ труду самостоятельному и добровольному. Вотъ слова, которыми оканчивается приложенная къ проекту «Объяснительная записка», и гдѣ прямо, хотя и очень смутно, выражена мысль о необходимости поощренiи ученаго и учебнаго труда въ обѣихъ сферахъ, составляющихъ университетскій міръ: «Въ заключеніе, коммиссія считаетъ долгомъ присовокупить, что главнаго успѣха можно положительно ожидать только отъ возбужденія въ университетскомъ юношествѣ болѣе живаго стремленія къ научному развитію, а потому она не могла не имѣть въ виду усиленія учебныхъ и матеріальныхъ средствъ университетовъ, для доставленія *преподавателямъ* возможности посвятить все свое время и силы научному и нравственному развитію студентовъ, и тѣмъ самымъ пріобрѣсть благотворное вліяніе на ихъ умы».

Приведенныя слова «Объяснительной записки», не смотря на то, что начало нисколько не соотвѣтствуетъ въ нихъ концу, вмѣстѣ съ немногими, относящимися сюда положеніями новаго *проекта*, заключаютъ въ себѣ тѣ два вопроса, о которыхъ я считаю необходимымъ распространиться, такъ какъ уясненіе ихъ можетъ повести къ мысли о включеніи въ новый уставъ такихъ положеній, отъ которыхъ, по моему убѣжденію, много будетъ зависѣть процвѣтаніе

нашихъ университетовъ. Эти два вопроса—трудъ профессорскій и трудъ студентскій. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

Указанная статья «Объяснительной записки» имѣетъ въ виду поощреніе ученой и педагогической дѣятельности университетскихъ преподавателей, увеличеніемъ имъ жалованья. Мы находимъ эту мѣру вполнѣ справедливою и своевременною; но едва ли она, какъ общая, будетъ имѣть особенное значеніе. При этомъ условіи, добросовѣстные труженики—люди обыкновенно неискательные, останутся въ тѣни, а въ первыхъ рядахъ самыя видныя мѣста займутъ, по всей вѣроятности, лица, умѣющія устроивать свои дѣлишки. Мы того мнѣнія, что нужно поддерживать не профессора, хотя необходимо его обезпечить—а профессорскій трудъ, который выражается, съ одной стороны, въ учено-литературной, а съ другой — въ педагогической дѣятельности.

Въ первомъ случаѣ необходимо поощрять къ новымъ трудамъ тѣхъ ученыхъ, которые вполнѣ выказали любовь свою къ наукѣ и способность дѣлать ее достояніемъ не одной только университетской аудиторіи, а всего образованнаго общества. Такое поощреніе ученымъ трудамъ оказывается во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы, а въ Россіи оно необходимѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, на томъ основаніи, что кругъ потребителей ученыхъ книгъ у насъ крайне ограниченъ, и масса читающей публики почти исключительно бросается на произведеніе легкой, въ особенности скандальной, литературы, такъ что русскій авторъ ученаго, хотя бы и весьма дѣльнаго сочиненія, очень часто не можетъ воротить издержекъ, употребленныхъ имъ на изданіе своихъ трудовъ. При этомъ должно замѣтить, что вообще Русскій ученый, одушевленный благороднымъ желаніемъ принести посильную пользу наукѣ и обществу, находится, сравнительно съ своими собратами на западѣ Европы, въ какомъ-то исключительномъ и, нужно признаться, очень жалкомъ положеніи. Кто не знаетъ, напримѣръ, что самая посредственная Французская книга обходитъ всѣ части свѣта, часто раскупается въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, а слѣдовательно щедро вознаграждаетъ своего автора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поощряетъ его къ дальнѣйшему труду. У насъ не то. Русскій писатель, разумѣется, можетъ разсчитывать только на свою отечественную публику, а мы уже замѣтили, какъ мало она поощряетъ ученый трудъ, если это только не учебникъ. Это отношеніе общества къ наукѣ, очень естественно, отражается и въ нашей журналистикѣ. Она бо̀льшею частію, или молчитъ, или отзывается съ пренебреженіемъ о такихъ

книгахъ, которыя нерѣдко стоили огромнаго труда авторамъ и составляютъ не эфемерное явленіе, а капитальное пріобрѣтеніе нашей литературы. Тамъ, гдѣ общество еще не доросло до того, чтобы поддерживать своимъ сочувствіемъ подобныя произведенія, обязанность такой поддержки прямо падаетъ на правительство, и оно въ этомъ случаѣ, по моему убѣжденію, не должно останавливаться ни передъ какими бы то ни было жертвами. Нужно ли, дѣйствительно, распространяться о томъ, что подобная трата денегъ одна изъ самыхъ производительныхъ? Замѣтимъ только, что она обогатила бы насъ значительнымъ количествомъ такихъ произведеній, безъ которыхъ не можетъ и не должна обходиться ни одна сколько-нибудь развитая литература. Не говоримъ уже о томъ, какъ необходимы подобныя книги для университетскихъ слушателей, которые, при недостаточномъ знаніи новыхъ языковъ, очень часто должны ограничиваться профессорскими лекціями, не пополняя ихъ замѣтками, составляющими результатъ собственнаго чтенія. Переводная наша литература также небогата, и притомъ часто за нее берутся люди, вовсе неприготовленные къ подобному дѣлу. Притомъ же мы твердо держимся того мнѣнія, что чужой трудъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, никогда не замѣнитъ собою, относительно своего вліянія на общество, произведенія туземнаго, написаннаго авторомъ, знающимъ духъ и потребности того народа, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Въ средѣ ученаго сословія Русскихъ университетовъ — едва ли не единственной средѣ, откуда можно ожидать помощи для нашей науки — находится достаточно лицъ, заявившихъ свою способность и охоту къ научной пропагандѣ. Вызвать ихъ къ дальнѣйшимъ трудамъ — вотъ, кажется мнѣ, прямая обязанность людей, которымъ близки интересы нашей науки. И чѣмъ меньше такихъ лицъ, тѣмъ больше повода воспользоваться ихъ силами. По многимъ предметамъ университетскаго курса у насъ нѣтъ даже элементарныхъ руководствъ. Кромѣ того, множество статей, написанныхъ спеціалистами, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и разсѣянныхъ въ старыхъ и малочитаемыхъ книжкахъ нашихъ повременныхъ изданій, могли бы быть собраны, и въ такомъ видѣ онѣ составили бы легко доступное, очень полезное и даже необходимое чтеніе для любознательной части Русской публики и для учащагося юношества. Такіе сборники разомъ обогатили бы нашу литературу многими капитальными книгами. Я уже сказалъ, что подобныя изданія нуждаются у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, въ поддержкѣ со стороны правительства. Вопросъ теперь въ томъ,

кто будетъ въ этомъ случаѣ посредникомъ между министерствомъ народнаго просвѣщенія и наукой, т. е. достойными представителями ея въ Россіи. У насъ есть правительственное учрежденіе, въ кругъ обязанностей котораго прямо входитъ такое посредничество: я разумѣю нашу академію наукъ. Слѣдить за развитіемъ Русской науки, пополнять ея вопіющіе пробѣлы, вызывать и поощрять ученый трудъ — вотъ, что̀, по моему убѣжденію, должно было бы составлять главную заботу этого правительственнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, многіе академики, по незнанію Русскаго языка, вовсе лишены возможности слѣдить за успѣхами нашей литературы.

При этой неблагопріятной для нашей науки обстановкѣ, необходимо, чтобы каждый изъ Русскихъ университетовъ самъ позаботился о поощреніи литературной дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ его ученой корпораціи. Уже составители прежняго университетскаго устава проникнуты были, какъ видно, сознаніемъ необходимости правительственнаго содѣйствія такому общеполезному и многообѣщающему дѣлу. Проектъ новаго устава также обратилъ на этотъ предметъ вниманіе, и въ числѣ обязанностей факультетскихъ собраній поставилъ «разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ» (§ 26). На слѣдующей страницѣ (§ 32), въ числѣ вопросовъ, при рѣшеніи которыхъ совѣтомъ должна производиться баллотировка, она совершенно правильно упомянута «при рѣшеніи о достоинствѣ сочиненія, назначаемаго къ печатанію съ одобренія и *иждивеніемъ* университета». Такимъ образомъ, появленіе въ свѣтъ дѣльныхъ ученыхъ трудовъ, по видимому, обезпечено—но, къ сожалѣнію, всякій очень хорошо знаетъ, что всѣ подобныя статьи устава останутся просто—фразой, пока наши университеты не будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи достаточныхъ суммъ для указанной цѣли. Въ многолѣтнюю мою службу при двухъ Русскихъ университетахъ, я не помню почти ни одного случая подобнаго употребленія казенныхъ денегъ; а это, разумѣется, объясняется тѣмъ, что сумма на изданіе ученыхъ трудовъ, которою до сихъ поръ располагали эти, такъ-называемые, разсадники науки, была слишкомъ ничтожна. Разумѣется, необходимо ее значительно увеличить. Кромѣ того, слѣдовало бы, для этой же цѣли, предоставить совѣтамъ университетовъ право пользоваться экономическою суммой, а для этого необходимо, чтобы университетскій бюджетъ былъ извѣстенъ каждому члену совѣта, и чтобы правленіе доводило до его свѣдѣнія о всѣхъ издержкахъ, выходящихъ изъ ряда

обыкновенныхъ. Только при такихъ условіяхъ и представится профессору полная возможность посвятить свое время разработкѣ науки, и не разсчитывать при этомъ на вкусъ большинства читающей публики. Наконецъ, въ видахъ увеличенія автономіи университетскихъ совѣтовъ, мы желали бы, между прочимъ, вообще вмѣнить имъ въ обязанность указанія, посредствомъ баллотировки, на лицъ, которыя заслугами своими университету пріобрѣли себѣ право на денежное вознагражденіе. Во всякомъ случаѣ, для оцѣнки ихъ ученой и педагогической дѣятельности совѣтъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше средствъ, чѣмъ попечители учебныхъ округовъ.

О педагогической сторонѣ профессорскаго труда мы будемъ имѣть случай говорить при вопросѣ о поощреніи труда студентскаго, къ которому теперь и переходимъ. Этому послѣднему вопросу мы придаемъ особенную важность, и считаемъ необходимымъ, чтобы значительная часть тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми будутъ располагать наши университеты, была обращаема на пользу трудящихся студентовъ. Здѣсь мы разумѣемъ литературный трудъ нашихъ студентовъ, который, по многимъ причинамъ, какъ намъ кажется, въ бо̀льшей части случаевъ, не долженъ оставаться безъ матеріальнаго вознагражденія. Можетъ быть, съ точки зрѣнія чистой и безкорыстной любви къ наукѣ, этотъ взглядъ и не выдержитъ строгой критики; но въ настоящемъ случаѣ едва ли позволительно слишкомъ идеальное воззрѣніе, особенно когда дѣло идетъ о такой средѣ, которая часто находится подъ гнетомъ неотразимой нужды, и гдѣ наука все еще не пустила глубокихъ корней. Поощреніе научной самодѣятельности молодыхъ людей мы считаемъ едва ли не болѣе полезнымъ для нихъ, чѣмъ пассивное слушаніе лекцій, необходимости которыхъ мы, разумѣется, не отвергаемъ, тѣмъ болѣе, что по многимъ предметамъ университетскіе курсы стоятъ у насъ гораздо выше разныхъ пособій, представляемыхъ Русскою литературой. По нѣкоторымъ наукамъ она даже вовсе не представляетъ никакихъ пособій. Пріученіе университетскаго слушателя къ серьезному труду, указаніе ему на источники и пособія для изученія и разработки того или другаго вопроса — все это должно лежать на обязанности профессора. Случается, однако, что, при всемъ добромъ желаніи профессора, именно такъ смотрящаго на свою обязанность, усилія его невсегда представляютъ удовлетворительный результатъ, и едва ли не въ большей части случаевъ не достигаютъ своей цѣли. Причиною тому крайняя бѣдность — слу-

чай весьма обыкновенный — тѣхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, дѣйствительно, могли бы образоваться замѣчательные спеціалисты. Къ сожалѣнію, почти все время такихъ студентовъ уходитъ на изысканіе средствъ для удовлетворенія первымъ житейскимъ потребностямъ. Даже высшая университетская стипендія (§ 112) не вполнѣ обезпечиваетъ бѣднаго студента, особенно если на немъ лежатъ разныя семейныя обязанности. Изысканіе средствъ для жизни часто лишаетъ такого человѣка возможности правильно посѣщать университетскія лекціи, и тѣмъ болѣе трудиться самостоятельно. Ему не только некогда, но и невозможно приняться за какой-нибудь серьезный трудъ, потому что, за недостаткомъ времени, онъ лишенъ всякой возможности изучать или даже, просто, читать самыя капитальныя сочиненія по той или другой отрасли знанія. Молодымъ людямъ, посѣщающимъ университетскія аудиторіи, очень хорошо извѣстно, что серьезный литературный трудъ, съ научнымъ характеромъ, если это только не диссертація на заданную факультетомъ тему — не принесетъ имъ никакой вещественной пользы. Долговременное и совершенно-безплодное хожденіе по разнымъ редакціямъ, съ просьбою о напечатаніи такого труда, очень скоро отбиваетъ охоту къ авторству даже у тѣхъ, въ комъ она сильно развита. И молодой человѣкъ поневолѣ обращается къ даванію дешевыхъ уроковъ или къ мелкому обличительному фельетону, на которой все еще продолжается требованіе со стороны нашихъ литературныхъ потребителей. Мы, разумѣется, нисколько не винимъ нашихъ журналистовъ въ томъ, что они не выказываютъ особенной охоты наполнять свои изданія подобными образчиками студенческой учености. Они прежде всего имѣютъ въ виду требованія своихъ подписчиковъ, огромное большинство которыхъ, до сихъ поръ еще, обыкновенно оставляетъ такъ-называемый въ нашихъ журналахъ отдѣлъ наукъ неразрѣзаннымъ, а немногочисленные цѣнители этого отдѣла требуютъ, чтобы ученая статья стояла на уровнѣ современной науки и отличалась живымъ изложеніемъ — словомъ, качествъ, которыхъ трудно ожидать отъ начинающаго автора. А между тѣмъ, очень желательно и даже необходимо, чтобы наше университетское юношество начинало свое литературное поприще не мелкимъ фельетономъ, въ разнообразной его формѣ, а статьями солидными, написанными подъ руководствомъ и по указаніямъ спеціалистовъ. Такое начало, конечно, благодѣтельно отзовется и на будущей литературной дѣятельности молодаго человѣка, какой бы характеръ она ни приняла впослѣд-

ствіи. Важно уже то, если наше молодое поколѣніе будетъ пріучаться смотрѣть на печатное слово, какъ на дѣло серьезное, требующее труда упорнаго и добросовѣстнаго. Поддерживать въ молодыхъ людяхъ такое направленіе — прямая обязанность университета, и въ виду общей пользы, которая послѣдуетъ отъ подобной поддержки, онъ не долженъ щадить издержекъ, какъ бы значительны онѣ ни были. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли, мы считаемъ необходимымъ существованіе при всѣхъ Русскихъ университетахъ спеціальныхъ изданій, въ родѣ *ученыхъ записокъ.* Для бóльшаго удобства читателей и для лучшаго сбыта, онѣ должны наполняться, по нашему мнѣнію, однородными статьями и выходить въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала, отдѣльными сборниками. Другими словами, каждый факультетъ долженъ издавать свой особый сборникъ, подъ редакціей одного изъ своихъ членовъ. Подобные сборники были бы, въ то же время, важнымъ пособіемъ и для университетскихъ преподавателей, которые также очень часто не знаютъ, куда дѣваться съ чисто-спеціальными статьями, не смотря на все ихъ научное достоинство. Здѣсь же могли бы печататься диссертаціи на высшія ученыя степени, если только авторы подобныхъ трудовъ — что нерѣдко случается — не имѣютъ возможности издать ихъ на собственный счетъ. Но первое мѣсто въ этихъ сборникахъ должно быть отведено, по нашему мнѣнію, трудамъ студенческимъ, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто занимаютъ разсужденія, написанныя на ежегодно предлагаемыя университетомъ темы и удостоенныя золотой медали. Такія сочиненія, и по проекту новаго университетскаго устава (§ 117), «*могутъ* быть, по усмотрѣнію совѣта, напечатаны на счетъ университета»; но эта статья устава, разумѣется, останется безъ желаемыхъ послѣдствій, если совѣтъ не будетъ располагать достаточными суммами, необходимыми для указанной цѣли. Выраженіе «могутъ» мы бы желали въ приведенномъ параграфѣ устава замѣнить словомъ «должны», между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы всякій, кому дороги успѣхи нашего университетскаго юношества, могъ нетолько ихъ видѣть, но и контролировать. Въ то же время, для предоставленія студентамъ бóльшаго выбора, относительно этихъ темъ, я бы желалъ, чтобы число ихъ было значительно увеличено. Извѣстно, что лучшіе наши студенты очень рано избираютъ для себя какую-нибудь науку, которою они занимаются, если не исключительно, то предпочтительно передъ другими предметами. Диссертаціи на темы представляютъ, обыкновенно, студенты двухъ послѣднихъ курсовъ,

а потому очень легко можетъ случиться, что молодой человѣкъ лишится возможности представить на конкурсъ диссертацію по такому предмету, къ которому онъ нетолько чувствуетъ особенное влеченіе, но и достаточно подготовленъ. Поэтому намъ кажется необходимымъ, чтобы каждый факультетъ ежегодно предлагалъ темы, по крайней мѣрѣ, по тремъ каѳедрамъ. Желательно, чтобы это было принято непреложнымъ правиломъ, а не зависѣло «отъ усмотрѣнія совѣта», какъ значится *въ примѣчаніи* къ § 116. Затѣмъ, кромѣ такъ-называемыхъ медальныхъ диссертацій, главный матеріалъ для упомянутыхъ сборниковъ должны составлять вообще статьи и разсужденія студентовъ, одобренныя къ печатанію факультетомъ, по представленію профессоровъ тѣхъ предметовъ, къ области которыхъ относятся такія сочиненія. Положимъ, что они иногда пишутся и теперь, подъ руководствомъ и по указаніямъ профессоровъ, но, къ сожалѣнію, такого рода авторство составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Вообще, вызвать студента на подобный трудъ теперь, по причинамъ, на которыя указано выше, дѣло очень нелегкое. Разумѣется, было бы несправедливо и неумѣстно требовать отъ такихъ трудовъ полнаго совершенства. Вообще на нихъ должно будетъ смотрѣть скорѣе съ педагогической, чѣмъ съ чисто-ученой точки зрѣнія. Впрочемъ, мы увѣрены въ томъ, что, при скудости нашей ученой литературы, университетскіе сборники ни въ какомъ случаѣ не будутъ вовсе лишены научнаго значенія, особенно если въ нихъ затрогивать вопросы—а такихъ очень много — которыхъ еще не коснулось наше печатное слово. Такъ какъ главная цѣль «Ученыхъ Записокъ» должна состоять въ поощреніи студентскаго труда, то я считаю необходимымъ, чтобы наши молодые авторы—въ случаѣ, если эти люди недостаточные—извлекали изъ него не только умственную, но и матеріальную пользу. Повторяю, что экономія была бы здѣсь совершенно неумѣстна, въ виду той пользы, которой можно ожидать отъ такого разумнаго употребленія университетскаго капитала. Полагаю, что плата студенту за печатный листъ должна доходить, по крайней мѣрѣ, до 50 руб., и эту же цифру должно удержать, какъ гонорарій, за профессорскія статьи *). Кромѣ того, учено-литературные труды студентовъ необходимо, по моему мнѣнію, привести въ тѣ-

---

*) Профессорскаго ручательства, полагаемъ, достаточно будетъ, для удостовѣренія въ томъ, что статья написана именно тѣмъ студентомъ, которымъ она представлена въ редакцію «Ученыхъ Записокъ».

сную связь съ получаемыми ими стипендіями. Само собою разумѣется, что «отличными, по способностямъ и успѣхамъ, студентами», о которыхъ идетъ рѣчь въ 112 §, должны быть признаваемы авторы дѣльныхъ статей, одобренныхъ факультетомъ къ печатанію въ «Ученыхъ Запискахъ», и молодые люди, удостоенные золотыхъ и серебряныхъ медалей, такъ какъ случается иногда, что онѣ присуждаются студентамъ III-го и даже II-го курса. Вотъ кому должны быть назначаемы высшія стипендіи, упоминаемыя въ означенномъ параграфѣ, а никакъ не тому, кто, вмѣсто настоящихъ правъ для полученія пособія отъ казны, предъявляетъ только свидѣтельство о бѣдности. На университетъ отнюдь не должно смотрѣть, какъ на учрежденіе филантропическое, хотя, съ другой стороны, само собою разумѣется, что, при назначеніи гонорарія и стипендій, должно будетъ обращать вниманіе на бѣдность получающихъ эти пособія. Университетъ и общество не могутъ равнодушно смотрѣть, какъ молодой талантъ и честное стремленіе къ самообразованію гибнутъ въ борьбѣ съ неотвратимою нуждою. Наконецъ, одобренное факультетомъ сочиненіе должно освобождать недостаточнаго студента, которымъ оно написано, отъ платы за слушаніе лекцій и отъ подачи кандидатской диссертаціи. Послѣднее правило, разумѣется, должно быть распространено и на достаточныхъ студентовъ-авторовъ, для которыхъ, кромѣ того, можно бы было установить и другія поощренія за литературныя заслуги, напримѣръ, недорогія медали. Число полученныхъ такими студентами медалей могло бы быть обозначаемо въ кандидатскомъ ихъ дипломѣ. Кромѣ авторской дѣятельности, право на полученіе высшихъ стипендій и медалей должны давать университетскимъ слушателямъ и другіе ученые ихъ труды, напримѣръ, замѣчательныя работы въ химической или технологической лабораторіи, и т. д. Въ заключеніе замѣтимъ, что все сказанное здѣсь должно относиться исключительно къ студентамъ двухъ послѣднихъ курсовъ. Что же касается до остальныхъ студентовъ, то, конечно, невозможно требовать отъ нихъ такихъ литературныхъ трудовъ, которые заслуживали бы чести быть напечатанными въ университетскихъ изданіяхъ. Поэтому выдача этимъ молодымъ людямъ высшихъ стипендій должна быть устроена на другихъ основаніяхъ. Мѣриломъ знанія и добросовѣстности такихъ стипендіатовъ могли бы служить, на первый разъ, аттестаты, выдаваемые имъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ обозначеніемъ, что они вполнѣ заслуживаютъ упомянутаго отличія. Кромѣ того, отъ такихъ стипендіатовъ слѣдовало бы тре-

бовать ежегоднаго экзамена, или время отъ времени возобновляемаго засвидѣтельствованія, по крайней мѣрѣ, двухъ профессоровъ факультета въ томъ, что они находятъ вполнѣ справедливымъ продолжать выдачу этимъ молодымъ людямъ вспоможенія отъ казны.

Облегчая и оживляя студентскій трудъ, «Ученыя Записки», въ то же время, могли бы служить если не единственною, то, во всякомъ случаѣ, очень хорошею повѣркой ученой и педагогической дѣятельности университетскихъ преподавателей. Количество представленныхъ и одобренныхъ къ напечатанію студентскихъ трудовъ, если не всегда, то въ большей части случаевъ, лучше всего свидѣтельствовало бы о степени участія этихъ профессоровъ въ научномъ и литературномъ развитіи своихъ слушателей. Стараніе и умѣнье развить въ молодомъ человѣкѣ нетолько любовь къ наукѣ, но и достаточное количество силъ, необходимыхъ для научной самодѣятельности, особенно по такимъ предметамъ, которые не считаются хлѣбными, — все это непремѣнно должно быть вмѣняемо профессору въ заслугу, и притомъ въ заслугу немаловажную.

Высказанныя въ предлагаемой статьѣ мысли удобно сводятся къ нѣсколькимъ положеніямъ, которыя желательно было бы видѣть въ новомъ уставѣ. Предоставляя эту нетрудную работу лицамъ, интересующимся университетскимъ дѣломъ, мы, въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о студентскомъ трудѣ, постараемся напередъ устранить тѣ возраженія, которыя онѣ могутъ вызвать. Многіе находятъ вреднымъ преждевременное, какъ имъ кажется, возбужденіе молодыхъ людей къ авторству. Такое мнѣніе слышится иногда даже въ нашихъ литературныхъ кружкахъ — но что̀ и какъ отвѣчать на подобное возраженіе? Стоитъ ли оно отвѣта? Замѣтимъ только, что если предлагаемыя мѣры хотя сколько-нибудь возбудятъ и усилятъ научную жизнь въ нашемъ университетскомъ юношествѣ — а этого нельзя не желать — то цѣль ихъ будетъ вполнѣ достигнута. Наконецъ, мы не предлагаемъ ничего новаго. Сборники, о которыхъ идетъ рѣчь, не разъ уже появлялись у насъ, хотя и не съ тою правильною и напередъ узаконенною организаціей, которой мы требуемъ; а за границей, особенно въ Англіи, даже среднія учебныя заведенія постоянно издаютъ въ свѣтъ сочиненія своихъ питомцевъ.

Научная дѣятельность нашихъ студентовъ, принявъ литературную оболочку, разумѣется, въ большей части случаевъ, найдетъ для себя выраженіе въ такъ-называемыхъ *компиляціяхъ*. Мы съ намѣреніемъ употребили это слово, хотя очень хорошо знаемъ, какъ

неблагопріятно и высокомѣрно смотрятъ у насъ на ученую статью или книгу, къ которымъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, идетъ такое названіе. Этотъ взглядъ, однако, невсегда имѣетъ логическое основаніе, и очень часто происходитъ отъ полнаго непониманія дѣла. Распространенію этого взгляда много способствовали лица, занимающіяся такими науками, которыя еще далеко не разработаны и представляютъ множество нетронутаго матеріала. Къ числу ихъ относятся, напримѣръ, тѣ отрасли знанія, которыя заимствуютъ свое содержаніе изъ Русскаго и вообще Славянскаго міра. Сюда же должны быть отнесены и естественныя науки, гдѣ новый фактъ, или открытіе, часто бываютъ дѣломъ простаго случая, а иногда дѣйствіемъ внѣшнихъ чувствъ. Въ упомянутыхъ наукахъ еще многое остается сдѣлать, и потому компиляція, хотя бы и очень дѣльная, не можетъ въ этой сферѣ доставить ученому особеннаго почета. Не то въ наукахъ — здѣсь я преимущественно имѣю въ виду классическую филологію — первоначальные источники которыхъ давно уже исчерпаны, гдѣ изъ нихъ давно уже сдѣланы всевозможные выводы цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ, нерѣдко геніальныхъ ученыхъ, трудившихся надъ разработкою этихъ отраслей знанія въ теченіе многихъ вѣковъ. Здѣсь каждый вновь прибавленный фактъ дѣлаетъ знаменитымъ имя труженика. Главная заслуга ученаго въ этой сферѣ, особенно если онъ трудится для массы образованнаго общества, а не для тѣснаго кружка спеціалистовъ, состоитъ въ тщательной повѣркѣ всего, прежде выработаннаго въ наукѣ, въ образованіи на нее самостоятельнаго взгляда, въ уясненіи того, что прежде казалось темнымъ, или даже, просто, въ защитѣ тѣхъ, прежде высказанныхъ, но потомъ отвергнутыхъ взглядовъ, которые ближе всего ведутъ къ разрѣшенію того или другаго вопроса. При этомъ, человѣкъ даровитый всегда найдется сказать много своего, или освѣтить яркимъ свѣтомъ какую-нибудь еще нетронутую сторону вопроса, даже и въ такомъ случаѣ, если онъ нисколько не увеличитъ научнаго матеріала. Компиляція — если только не принимать этого слова въ пошломъ смыслѣ простаго *плагіата*—дѣло очень нелегкое. Меньше всего компиляторовъ у насъ, въ Россіи, и больше всего ихъ въ ученой Германіи. Тамъ почти каждый дѣятель науки считаетъ непремѣннымъ своимъ долгомъ изучить все, что было сказано до него по тому или другому вопросу, и воспользоваться тѣмъ, что дѣйствительно идетъ къ дѣлу. Нѣмецкая критика очень часто и вполнѣ справедливо порицаетъ Французскихъ ученыхъ за отсутствіе въ нихъ подобной добросо-

вѣстности. Дѣйствительно, многіе Французскіе ученые, по незнанію иностранныхъ языковъ и по излишней самонадѣянности, невсегда обращаютъ вниманіе на то, что сдѣлано предшественниками ихъ въ наукѣ. Вообще компиляторство, въ хорошемъ и нѣсколько идеализированномъ смыслѣ этого слова, предполагаетъ въ ученомъ много такихъ качествъ, которыми не владѣютъ дюжинные люди. Оно требуетъ огромнаго запаса ума, знанія, опытности и критическаго такта — словомъ, качествъ, при которыхъ дѣятель науки, вполнѣ овладѣвъ предметомъ, становится независимымъ отъ всепокоряющаго вліянія чужаго авторитета.

Умная компиляція еще долго, или, вѣрнѣе сказать, всегда будетъ пользоваться правами гражданства въ нашей литературѣ. Она еще далеко не приняла въ себя того богатства, которое представляетъ намъ современная наука. Прежде всего мы должны усвоить себѣ это богатство. Изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ мы послѣдними являемся, какъ дѣятели въ наукѣ, и должны воспользоваться выгодами нашего положенія. Мы имѣемъ передъ собою уже готовые результаты, которыхъ достигла наука на Западѣ, въ періодъ полнаго и всесторонняго своего развитія, и потому освобождены отъ необходимости идти путемъ ошибокъ и догадокъ. Если же нашей литературѣ суждено и впредь заимствоваться результатами западной науки, то, разумѣется, необходимо подготовлять къ такой работѣ новыхъ дѣятелей. Лучшіе изъ нихъ принесутъ, по нашему убѣжденію, гораздо больше пользы обществу, чѣмъ переводчики, потому что будутъ сообразоваться съ потребностями своего народа и внесутъ въ свои труды наиболѣе свойственный ему складъ ума. Поучительнымъ доказательствомъ вѣрности этой мысли мы считаемъ то обстоятельство, что самыя капитальныя произведенія западной литературы, очень удачно пересаженныя на Русскую почву не произвели никакого особеннаго переворота въ нашей наукѣ и далеко не встрѣтили въ массѣ читающей публикѣ того сочувствія, на которое многіе разсчитывали. А между тѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ отечественныхъ компиляторовъ до сихъ поръ еще пользуются въ обществѣ большимъ кредитомъ, хотя, разумѣется, далеко не отвѣчаютъ идеалу Русскаго ученаго и во всѣхъ отношеніяхъ уступаютъ своимъ западнымъ собратамъ.

Еще менѣе, конечно, отвѣтятъ этому идеалу наши авторы-студенты. Положимъ, что труды ихъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не будутъ отличаться особенными достоинствами. Что же изъ этого? Университетское преподаваніе сдѣлаетъ большой шагъ впередъ

даже и въ томъ случаѣ, если они пріобрѣтутъ только знакомство съ разными спеціальными и знаменитыми произведеніями, которыми такъ богата западная наука, и умѣнье пользоваться ими. По крайней мѣрѣ, съ этого должно начать, потому что наша наука, въ очень значительной части своихъ проявленій, не достигла еще и этого умѣнья. Въ доказательство справедливости этихъ словъ, укажемъ на множество переводовъ, которые, особенно въ послѣднее время, такъ значительно увеличили нашъ книжный капиталъ. Много ли можно встрѣтить между ними такихъ, которые выдержали бы самую снисходительную критику? Какъ часто подобные труды заставляютъ приходить къ убѣжденію, что переводчикъ взялся не за свое дѣло и очень мало къ нему приготовленъ? Оказывается, что эти переводчики очень нерѣдко люди, кончившіе курсъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они, конечно, все свое время проводили въ пассивномъ слушаніи разныхъ лекцій.

Вся наша рѣчь клонится къ тому, что практическая подготовка въ такой же мѣрѣ необходима въ наукѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Иначе, съ нашей университетской молодежью будетъ то же, что произошло бы съ ученикомъ музыкальной консерваторіи, если воспитаніе его ограничить только слушаніемъ разныхъ концертовъ. Можно ли его, послѣ такой подготовки, выпустить на эстраду? А между тѣмъ, на литературной нашей эстрадѣ дѣйствуетъ немало своего рода художниковъ, и отъ ихъ концертовъ давно уже болятъ Россійскія уши. Пусть же молодые люди начинаютъ съ простыхъ, но осмотрительныхъ и добросовѣстныхъ компиляцій, подъ руководствомъ людей опытныхъ и знающихъ. Повторяемъ, что для насъ большой шагъ впередъ будетъ состоять уже въ томъ, если эти новички въ литературѣ научатся относиться какъ слѣдуетъ къ произведеніямъ необходимой для России западной науки. Затѣмъ серьезное и внимательное чтеніе ея сокровищъ разовьетъ въ нихъ критическій тактъ, при помощи котораго они научатся отличать золото отъ мишуры, и освободятся отъ необходимости вѣрить на слово всякой эфектной, но ложной фразѣ, хотя бы и прикрытой громкимъ именемъ. Словомъ, каковы бы ни были эти студентскіе труды, они принесутъ несомнѣнную пользу нетолько своимъ авторамъ, но и литературѣ, а слѣдовательно и обществу. Главная цѣль ихъ, какъ мы уже сказали, будетъ состоять въ развитіи ученой жизни въ молодомъ поколѣніи, посѣщающемъ Русскіе университеты. Предлагаемые сборники сдѣлаются, по всей вѣроятности, довольно сильнымъ, разумнымъ и самымъ гуманнымъ оружіемъ, не-

обходимымъ намъ для борьбы съ тѣми наивными прогрессистами— найдутся, можетъ быть, и такіе—которые, въ одинъ голосъ съ гасильниками нашей науки, не задумавшись и не краснѣя, готовы всенародно сказать, что она должна быть отодвинута на второй планъ въ Русскихъ университетахъ.

---

4) Прикомандированнаго къ ученому комитету дѣйств. ст. сов. Греча.

Сначала скажу мое мнѣніе о распредѣленіи факультетовъ и наукъ, а потомъ коснусь нѣкоторыхъ частностей, возбудившихъ мое недоумѣніе.

Въ § 9 исчислены факультеты университетовъ, и не сказано, что въ С.-Петербургскомъ нѣтъ медицинскаго. Въ Дерптскомъ, при наименованіи богословскаго факультета, слѣдовало бы присовокупить, что онъ *протестантскій.*

Ограниченіе (въ § 12) преподаванія собственной философіи логикою, психологіею (т. е. психологіею, логикою), исторіею философіи (т. е. исторіею философскихъ системъ) и педагогіею, кажется мнѣ достаточнымъ и благоразумнымъ.

Слѣдующіе за тѣмъ предметы философскаго факультета (филологическіе и историческіе) распредѣлены, какъ мнѣ кажется, не вездѣ раціонально и удовлетворительно. Статья 2-я — *Греческая словесность* и 3-я — *Римская словесность* расположены хорошо. Но въ 4-й статьѣ находимъ: «*сравнительное языковѣдѣніе и Санскритскій языкъ*». Вѣроятно, разумѣли подъ этимъ: «сравнительное и историческое изложеніе языковъ Европы». Но можно ли о такомъ важномъ и трудномъ предметѣ, каково изученіе Санскритскаго языка, упомянуть какъ бы мимоходомъ или въ придачу? Слѣдовало бы, по моему мнѣнію, сказать: «*сравнительное и историческое языковѣдѣніе Европы, съ обращеніемъ вниманія на Санскритскій и другіе древніе языки Азіи, кромѣ Семитическихъ и Китайскаго.*

Далѣе: «5-я — *Русская словесность и исторія всеобщей литературы.*

а) «*Русская словесность и исторія Русской литературы.*

б) «*Исторія всеобщей литературы*».

Какая связь между словесностью Русскою и общею литературою? По какому поводу поставлены эти два предмета подъ одну категорію? И что значитъ буквальное повтореніе заглавія статьи въ двухъ подраздѣленіяхъ? Одинъ ли профессоръ будетъ преподавать эти совершенно различные предметы, или два? По моему мнѣнію, исторія всеобщей литературы, равно какъ и сравнительное языковѣдѣніе, суть предметы общіе, не входящіе въ связь именно съ какою-либо частностью. Слѣдовало бы, вслѣдъ за первою статьею (философія) сказать: «2, *философская или общая грамматика, сравнительное языковѣдѣніе Европы. Исторія всеобщей литературы*». И за тѣмъ уже приступить къ системѣ языковъ и литературамъ древнимъ и новымъ.

«6-я *Славянская филологія*».

а) «*Славянскія нарѣчія*».

б) «*Исторія Славянскихъ литературъ*».

в) «*Исторія Славянскихъ племенъ*».

г) «*Славянскія древности*».

Гдѣ же Славянскіе *языки?* Неужели языки Польскій, Богемскій, Сербскій и т. д. суть только нарѣчія? Къ чему присовокуплять къ Славянской словесности *исторію* Славянскихъ племенъ? На основаніи этого надлежало бы присоединить къ исторіи Греческой и Латинской литературъ исторію Грековъ и Римлянъ.

«9-я *географія*». Какая? Въ физико-математическомъ факультетѣ находимъ географію физическую, но не видимъ математической. Эта же географія въ историко-филологическомъ факультетѣ, вѣроятно, должна быть политическая. Почему это не опредѣлено? Вообще, мнѣ кажется, географія политическая преподается въ гимназіяхъ и гимназистъ, прошедшій всѣ классы, и поступающій въ университетъ долженъ знать ее. Вмѣсто географіи, слѣдовало бы поставить статистику, отдѣливъ ее отъ политической экономіи.

«11-я *археологія и исторія искусствъ*». А гдѣ теорія искусствъ, эстетика?

Въ § 9, юридическаго факультета, находимъ: «*хозяйственная политика*». Чѣмъ она отличается отъ политической экономіи, преподаваемой въ факультетѣ историко-филологическомъ? Подъ названіемъ *законовъ благоустройства*, вѣроятно, разумѣли *законы полицейскіе*. Послѣднее опредѣлительнѣе.

Всего болѣе удивило меня въ спискѣ предметовъ юридическаго факультета отсутствіе *каноническаго права*, важнаго и необходимаго во всякомъ законодательствѣ, управленіи и судопроизводствѣ.

На замѣчанія мои объ этомъ возразили мнѣ, что, по § 17, профессоръ православнаго богословія преподаетъ и церковное законовѣдѣніе студентамъ юридическаго факультета. Но въ судебныя и административныя дѣла входятъ и предметы по правамъ и законамъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, существующихъ въ Россіи.

О раздѣленіи и предметахъ медицинскаго факультета судить не смѣю, но не могу скрыть сожалѣнія, что и здѣсь проявилась внушаемая аптекарями и продавцами москательныхъ товаровъ ненависть къ благодѣтельному способу леченія посредствомъ гомеопатіи. Не говорю, чтобъ гомеопатіею можно было замѣнить прежній исконный методъ врачеванія, — это еще невозможно; но дать гомеопатіи мѣсто въ числѣ предметовъ преподаванія врачебнаго искусства предписываютъ и здравый смыслъ и уваженіе къ успѣхамъ ума человѣческаго. Тысячи, сотни тысячъ людей, излеченныхъ этимъ дешевымъ и благодѣтельнымъ способомъ отъ тяжкихъ болѣзней, и спасенныхъ отъ смерти, вопіютъ о снятіи оковъ, которыя тяжелѣе Коломбовскихъ, о распространеніи или, по крайней мѣрѣ, о нестѣсненіи этого способа врачеванія. У насъ, въ Россіи, умираютъ въ годъ до милліона младенцевъ на первомъ году жизни: введеніемъ гомеопатіи было бы непремѣнно спасено девяносто процентовъ. Можно было бы, полагаю, опредѣлить въ каждомъ университетѣ по профессору гомеопатіи для преподаванія ея желающимъ, и устроить при сей каѳедрѣ клинику съ аптекою. Въ Австріи введено это леченіе и преподаваніе его въ университетахъ: благіе плоды этого нововведенія изумительны и утѣшительны для всѣхъ безпристрастныхъ и благонамѣренныхъ наблюдателей. Россія, введеніемъ гомеопатіи въ кругъ медицинскихъ наукъ, заслужила бы безсмертную славу въ исторіи, и благословенія въ человѣчествѣ. Гомеопатія распространяется въ Россіи неудержимо, но употребляется большею частью по указаніямъ не врачей, а самоучекъ, отчего не только не можетъ доставлять значительной пользы, но, по всему вѣроятію, причиняетъ и вредъ, разумѣется, менѣе чѣмъ аллопатія. Великое было бы дѣло, еслибы поставили, наряду съ прочими медицинскими науками, и преподаваніе гомеопатіи и тѣмъ исторгли ее изъ рукъ невѣждъ, хотя и благонамѣренныхъ, и поручили людямъ свѣдущимъ, ученымъ и опытнымъ.

Частныя замѣчанія суть слѣдующія:

Въ § 4: «непосредственное управленіе университетомъ *принадлежитъ* ректору». Нѣтъ, не принадлежитъ, а возлагается на рек-

тора, поручается ректору. Принадлежать можетъ право, а не обязанность.

Въ § 18 говорится о *новѣйшихъ* иностранныхъ языкахъ. Какіе это языки? Мы знаемъ только древніе и *новые*.

Въ § 97. «Всѣ молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста, окончившіе съ успѣхомъ гимназическое образованіе и удовлетворительно выдержавшіе въ одной изъ гимназій экзаменъ въ полномъ гимназическомъ курсѣ, и получившіе въ томъ установленный аттестатъ, могутъ быть приняты въ университетъ». Полагаю, что этому параграфу надлежало было дать слѣдующую редакцію:

«Въ студенты университета могутъ быть принимаемы молодые люди, окончившіе съ успѣхомъ полный гимназическій курсъ и получившіе въ томъ установленный аттестатъ или свидѣтельство».

Въ § 103. «Лица, достигшія *полнаго* совершеннолѣтія». Развѣ есть неполное совершеннолѣтіе?

Въ § 109 сказано, что освобождаются отъ платы за ученіе сыновья преподавателей и чиновниковъ, служащихъ въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, за исключеніемъ сыновей *почетныхъ попечителей и почетныхъ смотритей*; но въ новосоставленныхъ правилахъ уставовъ не показано ни попечителей, ни смотритетей почетныхъ.

XII.

Замѣчанія на замѣчанія Н. И. Пирогова*).

1) Ординарнаго профессора университета Св. Владиміра Бунге.

По § 3. Н. И. Пироговъ предлагаетъ выразить въ § 3, что университетъ поручается не начальству, а контролю попечителя. Но

*) См. 1-ю часть «Замѣчаній на проектъ общаго устава Россійскихъ университетовъ».

контроль, въ дѣламъ административныхъ, или не даетъ власти, или ничѣмъ не разнится отъ начальства. Если контроль не даетъ власти, то попечителю нечего дѣлать — потому что при гласной дѣятельности совѣта и правленія отвѣтственность за несоблюденіе закона существуетъ вполнѣ. Проектъ устава предпочелъ упрочить за совѣтомъ извѣстную долю законной самостоятельности. При этомъ начальство попечителя не будетъ парализировать иниціативы и отвѣтственности университетовъ.

По § 6. Н. И. Пироговъ предлагаетъ: а) не опредѣлять числа преподавателей штатомъ, а назначить извѣстную сумму для каждаго факультета; b) предоставить факультетамъ и совѣтамъ распредѣлять эту сумму между преподавателями тѣхъ наукъ, въ которыхъ есть надобность и по которымъ найдутся достойные преподаватели, и в) при распредѣленіи денегъ сообразоваться съ научными достоинствами преподавателей. Противъ этого должно замѣтить, что назначеніемъ штатнаго числа преподавателей и перечнями каѳедръ по факультетамъ проектъ вовсе не установляетъ неподвижности въ составѣ факультетскихъ наукъ. Возраженія Н. И. Пирогова относительно этого предмета произошли отъ того, что онъ не обратилъ вниманія на пунктъ 4 § 35, которымъ совѣту дозволено: *соединять, раздѣлять каѳедры и замѣнять однѣ другими*, однимъ словомъ то, чего онъ желаетъ въ началѣ своихъ замѣчаній на § 6. Но проектъ, предоставляя университетамъ очень широкія права, относительно измѣненія состава факультетскихъ курсовъ (въ смыслѣ системы преподаваемыхъ наукъ), не могъ допустить мысли (которую защищаетъ авторъ), что факультеты могутъ обойдтись безъ тѣхъ или другихъ каѳедръ, приглашая двойное число преподавателей по другимъ. Что̀ же касается предоставляемаго совѣту права: во-первыхъ, дѣлить отпущенную сумму между наличными преподавателями, и во-вторыхъ, руководствоваться при дѣлежѣ научными достоинствами профессоровъ, то первое, т. е. право дѣлежа, можетъ довести составъ факультетовъ до крайняго minimum, и обратить сословіе профессоровъ въ цехъ, недоступный для новаго лица; второе же положительно невыполнимо, потому что очень немногіе согласятся, по скромности, признать себя менѣе достойными и удѣлить приглашенной знаменитости, изъ суммы, имъ принадлежащей, бо̀льшее содержаніе, чѣмъ они назначаютъ себѣ сами, состоя только подъ контролемъ министерства и общественнаго мнѣнія. И въ Европѣ, на которую ссылается Н. И. Пироговъ, содержа-

ніе приглашаемымъ знаменитостямъ назначается не университетами, а правительствомъ.

По § 30. Возраженіе сдѣлано отчасти вслѣдствіе опечатки. Въ проектѣ надо читать: «съ полною отвѣтственностью ректора за безотлагательность (а не за безопасность) этихъ дѣлъ», (т. е. рѣшаемыхъ въ чрезвычайныхъ каникулярныхъ засѣданіяхъ). Опасенія автора устраняются составленіемъ регламента для дѣлопроизводства въ совѣтѣ (Geschäftsordnung), совѣтомъ же утвержденнаго.

По § 31. Н. И. Пироговъ предлагаетъ, послѣ словъ: «опредѣленіе объ оставленіи на службѣ должно быть утверждено $^2/_3$ голосовъ» сдѣлать прибавленіе: «при закрытой подачѣ голосовъ». Это прибавленіе лишнее, потому что въ слѣдующемъ § 32 сказано, что въ этомъ случаѣ употребляется баллотированіе, подъ которымъ и разумѣется закрытая подача голосовъ.

По § 35, п. 3. Прибавленіе, предложенное авторомъ къ исчисленію предметовъ занятій совѣта: «сужденіе о потребностяхъ и нуждахъ каждой каѳедры и объ учрежденіи новыхъ каѳедръ», излишне, потому что мысль эта выражена въ выписанномъ имъ пунктѣ 3 § 35 — въ словахъ: «сужденіе по заявленіямъ отдѣльныхъ членовъ совѣта»; отчасти и въ п. 4 того же §.

По § 35, п. 9. Н. И. Пироговъ совѣтуетъ отдѣлить занятія совѣта отъ правъ; но который изъ 10 пунктовъ § 35 не относится къ правамъ? Даже разсужденія по предложеніямъ попечителя составляютъ право.

По § 61. Если сократить срокъ, на который избирается ректоръ, двумя годами, какъ предлагаетъ Н. И. Пироговъ, то надо освободить ректора отъ занятій хозяйственною частію.

По § 64. Н. И. Пироговъ упрекаетъ проектъ въ томъ, что нигдѣ не сказано, что «ректоръ есть несмѣнный (?) предсѣдатель совѣта, между тѣмъ, какъ это составляетъ одну изъ главныхъ его обязанностей». Это несправедливо: въ § 7 сказано: ***Въ совѣтѣ университета, подъ предсѣдательствомъ ректора***, присутствуютъ» и т. д.

По § 68. Такого же рода замѣчаніе сдѣлано на счетъ того, будто бы въ проектѣ не сказано объ избраніи проректора совѣтомъ и объ обязанностяхъ этого лица. Это сказано въ § 87, приведенномъ далѣе самимъ авторомъ «Замѣчаній», только надо было прочесть кромѣ § 87-го и § 88-й.

По §§ 69 и 62. Н. И. Пироговъ, возлагая на ректора ***наблюденіе за тѣмъ, чтобы университетское преподаваніе соотвѣтствовало современнымъ и существеннымъ требованіямъ каждой науки*** (!?!), на-

ходитъ, что ректоръ одинъ не въ состояніи исполнить этого и долженъ раздѣлить свой трудъ съ деканами.

Проектъ устава, поручая ректору наблюдать за тѣмъ, «чтобы университетское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности», имѣлъ въ виду цѣль, нисколько неунизительную для науки и для ея представителей, — именно: наблюденіе, чтобы преподаваніе давало хорошіе результаты — (шло съ успѣхомъ) и не уклонялось отъ принятаго порядка (постепенности). Порученіе же ректору и деканамъ наблюденія за тѣмъ, чтобы профессоры читали каждую науку *современно и сообразно съ ея существенными требованіями* — не обратится ли въ посягательство на неприкосновенность свободы мысли, незаключающей въ себѣ даже ничего противнаго ни законамъ, ни общественному порядку, ни нравственности? Такое наблюденіе несравненно тягостнѣе надзора «*за образомъ* мыслей», потому что оно ставитъ въ зависимость около 40 или 50 преподавателей отъ воззрѣній 4 или 5 лицъ, и даже одного лица, и предоставляетъ: ректору, избранному изъ числа лучшихъ юристовъ, оцѣнивать чтенія зоолога, медика, математика; декану, профессору зоологіи — судить о научномъ направленіи математика или астронома; декану, профессору филологіи — судить о достоинствахъ статистика и проч. Конечно, подобное постановленіе въ уставѣ не опасно, потому что на практикѣ оно останется мертвою буквою: можно надѣяться, что никто изъ декановъ и никто изъ ректоровъ не будетъ исполнять этихъ обязанностей, равно несовмѣстныхъ съ достоинствомъ и того, кто беретъ на себя подобную роль, и тѣхъ, которые соглашаются подчиниться унизительному и невѣжественному контролю. Но мысль, выраженная въ «Замѣчаніяхъ» Н. И. Пирогова, не должна остаться безъ возраженія и протеста. Научная дѣятельность профессоровъ контролируется не наблюдателями, ими избранными(!), а общественнымъ мнѣніемъ, литературою и тѣмъ зрѣлымъ судомъ, который выносятъ изъ университета его бывшіе воспитанники.

По § 70 и 76, п. 7. Дѣленіе преподавателей на категоріи, дѣйствительно, многосложно, и редакція § 70, предложенная совѣтомъ университета св. Владиміра, въ которой, вмѣсто доцентовъ старшихъ и младшихъ, приватъ-доцентовъ и лекторовъ, принято дѣленіе на доцентовъ и приватъ-доцентовъ, по моему мнѣнію, имѣетъ преимущество. Но опасеніе, высказанное авторомъ, относительно превращенія доцентовъ въ адъюнкты, неосновательно, потому что приватъ-доценты не занимаютъ штатныхъ мѣстъ, а доценты, старшіе и младшіе (введенные въ проектъ устава вслѣдствіе *предъявле-*

нія составителямъ проекта подраздѣленій штатной суммы), перебаллотировываются черезъ три года. Какое же здѣсь сходство съ адъюнктами? Полемизируя далѣе противъ баллотировки и въ защиту конкурсовъ, авторъ относитъ къ неудобствамъ послѣднихъ то, что *кандидаты, пріобрѣтшіе огромную извѣстность въ наукѣ, неохотно подвергаются конкурсу, и что, по отдаленію менѣе знаменитые кандидаты не являются на конкурсъ* въ провинціальные университеты. За тѣмъ, онъ видитъ: а) въ баллотировкѣ — орудіе фаворитизма, б) въ степени магистра — отсутствіе достаточныхъ гарантій о спеціальныхъ свѣдѣніяхъ доцента, в) въ пробныхъ лекціяхъ, назначаемыхъ для доцентовъ, — ничтожную формальность (?!), и спрашиваетъ: почему не требовать отъ доцента публичнаго защищенія диссертаціи и, сверхъ пробныхъ лекцій, по каѳедрамъ химіи, физики и проч., опытовъ и демонстрацій, какъ болѣе наглядныхъ доказательствъ передъ собраніемъ цѣлаго совѣта и другихъ ученыхъ?

Не говоря уже о сомнительномъ существованіи кандидатовъ на профессорскія мѣста, *какъ съ огромною извѣстностью*, такъ и *менѣе знаменитыхъ* (университеты наши пока съ трудомъ находятъ въ средѣ своей людей, которыхъ они могли бы рекомендовать для приготовленія къ профессорскому званію, и университетъ св. владиміра, въ настоящее время, не могъ бы указать *ни на одного испытаннаго кандидата, для посылки за границу*, а только на трехъ кандидатовъ по зоологіи, ботаникѣ и филологіи, которые, до командировки за границу, *сами* предпочитаютъ подвергнуться испытанію на степень магистра и пріобрѣсть убѣжденіе въ томъ, что они будутъ имѣть не одно формальное право на занятія кафедры), какъ-то странно читать, что, будто бы, проектъ устава исключаетъ конкурсъ, тогда какъ конкурсъ зависитъ отъ воли совѣта (см. § 77); что баллотировка поощряетъ фаворитизмъ и непотизмъ — тогда какъ конкурсъ не устраняетъ и не можетъ устранить баллотировки, т. е. подачи голосовъ при выборѣ, и нимало не мѣшаетъ найдти хорошее дурнымъ, и наоборотъ — была бы на то добрая воля; что степень магистра не представляетъ достаточныхъ гарантій, тогда какъ магистръ пишетъ диссертацію на одобренную факультетомъ тему и защищаетъ ее публично; что отъ доцента не требуется защиты диссертаціи, тогда какъ, по § 71, публичная защита диссертаціи pro venia legendi — conditio sine qua non для допущенія къ преподаванію въ университетѣ; что пробныя лекціи — формальность, исключающая опыты и демонстраціи, тогда какъ опыты и демонстраціи всегда составляютъ содержаніе пробныхъ лекцій по практическимъ предметамъ.

вѣстности. Дѣйствительно, многіе Французскіе ученые, по незнанію иностранныхъ языковъ и по излишней самонадѣянности, невсегда обращаютъ вниманіе на то, что сдѣлано предшественниками ихъ въ наукѣ. Вообще компиляторство, въ хорошемъ и нѣсколько идеализированномъ смыслѣ этого слова, предполагаетъ въ ученомъ много такихъ качествъ, которыми не владѣютъ дюжинные люди. Оно требуетъ огромнаго запаса ума, знанія, опытности и критическаго такта — словомъ, качествъ, при которыхъ дѣятель науки, вполнѣ овладѣвъ предметомъ, становится независимымъ отъ всепокоряющаго вліянія чужаго авторитета.

Умная компиляція еще долго, или, вѣрнѣе сказать, всегда будетъ пользоваться правами гражданства въ нашей литературѣ. Она еще далеко не приняла въ себя того богатства, которое представляетъ намъ современная наука. Прежде всего мы должны усвоить себѣ это богатство. Изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ мы послѣдними являемся, какъ дѣятели въ наукѣ, и должны воспользоваться выгодами нашего положенія. Мы имѣемъ передъ собою уже готовые результаты, которыхъ достигла наука на Западѣ, въ періодъ полнаго и всесторонняго своего развитія, и потому освобождены отъ необходимости идти путемъ ошибокъ и догадокъ. Если же нашей литературѣ суждено и впредь заимствоваться результатами западной науки, то, разумѣется, необходимо подготовлять къ такой работѣ новыхъ дѣятелей. Лучшіе изъ нихъ принесутъ, по нашему убѣжденію, гораздо больше пользы обществу, чѣмъ переводчики, потому что будутъ сообразоваться съ потребностями своего народа и внесутъ въ свои труды наиболѣе свойственный ему складъ ума. Поучительнымъ доказательствомъ вѣрности этой мысли мы считаемъ то обстоятельство, что самыя капитальныя произведенія западной литературы, очень удачно пересаженныя на Русскую почву не произвели никакого особеннаго переворота въ нашей наукѣ и далеко не встрѣтили въ массѣ читающей публикѣ того сочувствія, на которое многіе разсчитывали. А между тѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ отечественныхъ компиляторовъ до сихъ поръ еще пользуются въ обществѣ большимъ кредитомъ, хотя, разумѣется, далеко не отвѣчаютъ идеалу Русскаго ученаго и во всѣхъ отношеніяхъ уступаютъ своимъ западнымъ собратамъ.

Еще менѣе, конечно, отвѣтятъ этому идеалу наши авторы-студенты. Положимъ, что труды ихъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не будутъ отличаться особенными достоинствами. Что же изъ этого? Университетское преподаваніе сдѣлаетъ большой шагъ впередъ

даже и въ томъ случаѣ, если они пріобрѣтутъ только знакомство съ разными спеціальными и знаменитыми произведеніями, которыми такъ богата западная наука, и умѣнье пользоваться ими. По крайней мѣрѣ, съ этого должно начать, потому что наша наука, въ очень значительной части своихъ проявленій, не достигла еще и этого умѣнья. Въ доказательство справедливости этихъ словъ, укажемъ на множество переводовъ, которые, особенно въ послѣднее время, такъ значительно увеличили нашъ книжный капиталъ. Много ли можно встрѣтить между ними такихъ, которые выдержали бы самую снисходительную критику? Какъ часто подобные труды заставляютъ приходить къ убѣжденію, что переводчикъ взялся не за свое дѣло и очень мало къ нему приготовленъ? Оказывается, что эти переводчики очень нерѣдко люди, кончившіе курсъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ они, конечно, все свое время проводили въ пассивномъ слушаніи разныхъ лекцій.

Вся наша рѣчь клонится къ тому, что практическая подготовка въ такой же мѣрѣ необходима въ наукѣ, как и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Иначе, съ нашей университетской молодежью будетъ то же, что произошло бы съ ученикомъ музыкальной консерваторіи, если воспитаніе его ограничить только слушаніемъ разныхъ концертовъ. Можно ли его, послѣ такой подготовки, выпустить на эстраду? А между тѣмъ, на литературной нашей эстрадѣ дѣйствуетъ немало своего рода художниковъ, и отъ ихъ концертовъ давно уже болятъ Россійскія уши. Пусть же молодые люди начинаютъ съ простыхъ, но осмотрительныхъ и добросовѣстныхъ компиляцій, подъ руководствомъ людей опытныхъ и знающихъ. Повторяемъ, что для насъ большой шагъ впередъ будетъ состоять уже въ томъ, если эти новички въ литературѣ научатся относиться какъ слѣдуетъ къ произведеніямъ необходимой для Россіи западной науки. Затѣмъ серьезное и внимательное чтеніе ея сокровищъ разовьетъ въ нихъ критическій тактъ, при помощи котораго они научатся отличать золото отъ мишуры, и освободятся отъ необходимости вѣрить на слово всякой эфектной, но ложной фразѣ, хотя бы и прикрытой громкимъ именемъ. Словомъ, каковы бы ни были эти студентскіе труды, они принесутъ несомнѣнную пользу нетолько своимъ авторамъ, но и литературѣ, а слѣдовательно и обществу. Главная цѣль ихъ, какъ мы уже сказали, будетъ состоять въ развитіи ученой жизни въ молодомъ поколѣніи, посѣщающемъ Русскіе университеты. Предлагаемые сборники сдѣлаются, по всей вѣроятности, довольно сильнымъ, разумнымъ и самымъ гуманнымъ оружіемъ, не-

обходимымъ намъ для борьбы съ тѣми наивными прогрессистами— найдутся, можетъ быть, и такіе—которые, въ одинъ голосъ съ гасильниками нашей науки, не задумавшись и не краснѣя, готовы всенародно сказать, что она должна быть отодвинута на второй планъ въ Русскихъ университетахъ.

---

4) Прикомандированнаго къ ученому комитету дѣйств. ст. сов. Греча.

Сначала скажу мое мнѣніе о распредѣленіи факультетовъ и наукъ, а потомъ коснусь нѣкоторыхъ частностей, возбудившихъ мое недоумѣніе.

Въ § 9 исчислены факультеты университетовъ, и не сказано, что въ С.-Петербургскомъ нѣтъ медицинскаго. Въ Дерптскомъ, при наименованіи богословскаго факультета, слѣдовало бы присовокупить, что онъ *протестантскій.*

Ограниченіе (въ § 12) преподаванія собственной философіи логикою, психологіею (т. е. психологіею, логикою), исторіею философіи (т. е. исторіею философскихъ системъ) и педагогіею, кажется мнѣ достаточнымъ и благоразумнымъ.

Слѣдующіе за тѣмъ предметы философскаго факультета (филологическіе и историческіе) распредѣлены, какъ мнѣ кажется, не вездѣ раціонально и удовлетворительно. Статья 2-я — *Греческая словесность* и 3-я — *Римская словесность* расположены хорошо. Но въ 4-й статьѣ находимъ: «*сравнительное языковѣдѣніе и Санскритскій языкъ*». Вѣроятно, разумѣли подъ этимъ: «сравнительное и историческое изложеніе языковъ Европы». Но можно ли о такомъ важномъ и трудномъ предметѣ, каково изученіе Санскритскаго языка, упомянуть какъ бы мимоходомъ или въ придачу? Слѣдовало бы, по моему мнѣнію, сказать: «*сравнительное и историческое языковѣдѣніе Европы, съ обращеніемъ вниманія на Санскритскій и другіе древніе языки Азіи, кромѣ Семитическихъ и Китайскаго.*

Далѣе: «5-я — *Русская словесность и исторія всеобщей литературы.*

а) «*Русская словесность и исторія Русской литературы.*

б) «*Исторія всеобщей литературы*».

же время профессоры ставятся подъ ферулу и подвергаются безпрестаннымъ конкурсамъ (въ существѣ вещи экзаменамъ, потому что какъ назвать иначе сочиненія на заданную тему?). Кандидатъ хочетъ быть доцентомъ—конкурсъ—пиши сочиненіе на заданную тему; доцентъ ищетъ мѣсто профессора—конкурсъ и опять та же процедура—сочиненія на заданную тему, опыты, демонстраціи. Положимъ, что первый конкурсъ застигъ ученаго на шестомъ году службы, черезъ 6—7 лѣтъ опять конкурсъ, черезъ 12 лѣтъ опять конкурсъ! Но, при такихъ условіяхъ, вся научная дѣятельность профессора обратится въ научную скачку съ препятствіями. Чтò же кроется во всемъ этомъ, какъ не самое глубокое недовѣріе къ совѣтскимъ выборомъ, — недовѣріе, которое является наряду съ самымъ слѣпымъ, безусловнымъ довѣріемъ — къ добросовѣстной оцѣнкѣ профессорами своихъ научныхъ достоинствъ и своихъ правъ на денежное вознагражденіе! Надъ студентами не установляется никакого учебнаго *контроля*, за профессорами же наблюдаютъ ректоръ и деканы. Авторъ, повидимому, придумываетъ всѣ средства, для того, чтобы избавить университеты отъ устарѣлыхъ элементовъ, и, въ то же время, предоставляетъ *всѣмъ выслужившимъ 25-лѣтній срокъ право голоса въ совѣтѣ*, а слѣдовательно и участіе въ выборахъ (!!); кромѣ-того проектируетъ особый научно-учебный комитетъ, который легко можетъ образоваться изъ заслуженныхъ профессоровъ. Конечно, многое объясняется намѣреніемъ поднять науку въ университетѣ (хотя предложенныя мѣры напоминаютъ пріемы реформы Петра Великаго), но есть и такія мысли, которыхъ ничѣмъ невозможно объяснить. Какъ ни тяжело впечатлѣніе, которое производятъ «Замѣчанія Н. И. Пирогова», но оно не измѣняетъ взгляда моего на то, что писалъ и чтò дѣлалъ Н. И. Пироговъ въ Кіевѣ.

Правда, онъ повторилъ въ своихъ «Замѣчаніяхъ» *кое-чтò* изъ того, чтò было высказано имъ прежде, но между «Взглядомъ на общій уставъ нашихъ университетовъ» *) и «Замѣчаніями на проектъ» — цѣлая бездна; въ этомъ могутъ убѣдиться читатели. Не менѣе значительна разница между тѣмъ, какъ дѣйствовалъ Н. И. Пироговъ (относительно университета) и какъ онъ думаетъ теперь объ университетскомъ уставѣ и объ университетскихъ порядкахъ. Къ чести его, мысли, высказанныя имъ въ «Затѣчаніяхъ», не перенесены имъ въ дѣло, хотя нельзя не сказать о словахъ такого человѣка, какъ онъ: «Worte sind Thaten»!

*) См. «Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова».

2) Русскаго профессора.

Знаменитый авторъ «Вопросовъ жизни» напечаталъ въ 75 и 76 №№ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» замѣчанія о новомъ вопросѣ жизни Русскаго образованія—о проектѣ новаго устава нашихъ университетовъ; самый же проектъ не былъ переданъ гласному обсужденію. Такимъ образомъ затрудняются возраженія на замѣчанія Н. И. Пирогова. На первомъ планѣ возраженій должно стоять то, что Н. И. Пироговъ не выставилъ главнаго недостатка новаго устава — именно того обстоятельства, что при немъ нѣтъ штатовъ содержанія лицъ и ученыхъ учрежденій. Этотъ недостатокъ лишаетъ насъ всякой возможности судить о практическомъ достоинствѣ новаго проекта, дозволяя оцѣнить одну только идеальную его сторону; этотъ недостатокъ поневолѣ отражается и на замѣчаніяхъ г. Пирогова. Другой недостатокъ новаго проекта составляетъ отсутствіе въ немъ единства мысли и послѣдовательности. Третій — это недостатокъ приноровленія его къ потребностямъ различныхъ факультетовъ. Мнѣ кажется, что для рѣшенія задачи, существовавшей при составленіи новаго проекта, то есть возвышенія средняго уровня образованія, получаемаго въ нашихъ университетахъ, приноравливаясь къ существующему уже и нѣсколько вкоренившемуся порядку, надобно было предварительно спросить: возможно ли въ Россіи примѣнять непосредственно какой-либо изъ существующихъ въ Европѣ и опытомъ оправданныхъ университетскихъ уставовъ, или не слѣдуетъ ли въ нихъ и у насъ отыскать тѣ основныя мысли, которыя во всѣхъ университетскихъ уставахъ осуществлены, но осуществлены различно, смотря по особенностямъ государствъ и народовъ. Другими словами, я полагаю, что намъ нужно нѣчто въ родѣ сравнительной анатоміи различныхъ уставовъ и обычаевъ, господствующихъ въ нашихъ и въ иностранныхъ университетахъ, для того, чтобы лучше сознать, изъ какихъ элементовъ долженъ сложиться нашъ новый уставъ и какимъ образомъ мы можемъ реализировать у насъ эти основныя потребности всѣхъ университетовъ.

Если мы такъ поступимъ, то тотчасъ увидимъ:

а) Что у всѣхъ народовъ цѣль университетскаго образованія двоякая; она есть: 1) образованіе массы студентовъ, 2) образованіе отборныхъ личностей. Въ однихъ государствахъ на первомъ планѣ стоитъ образованіе отборныхъ лицъ (напримѣръ, въ Германіи), у другихъ — образованіе массы (напримѣръ во Франціи).

б) Что вездѣ автономія науки состоитъ въ обратномъ отношеніи къ ея уровню. Автономія науки тѣмъ болѣе нужна, чѣмъ нужнѣе, то есть чѣмъ ниже, ея уровень въ извѣстной странѣ (исключая первыхъ началъ, временъ миссіонеровъ съ крестомъ или со скипетромъ) и чѣмъ объемистѣе сама страна (Англія и Россія — Франція и Германія).

в) Автономія науки ограничивается вездѣ автономіею государства (политическимъ соображеніемъ), или автономіею касты (духомъ касты), т. е. профессорской коллегіи.

г) Чѣмъ выше долженъ быть уровень преподаванія, тѣмъ дороже обходится оно для государства. Масса профессоровъ состоитъ не изъ тѣхъ благородныхъ мучениковъ науки, которые будутъ вѣрны ей, хотя бы имъ пришлось терпѣть нужду и голодъ, но изъ способныхъ спеціалистовъ, привлекаемыхъ хорошимъ содержаніемъ. Сверхъ того, для ученія массы нужны многія учебныя пособія, которыя особенно дороги въ мало образованныхъ государствахъ.

д) Всякій преподаватель, особенно обязанный образовать массу слушателей, остается способнымъ на это только извѣстное число лѣтъ, которыя нельзя впередъ опредѣлить. Поэтому, вездѣ, кромѣ насъ, существуютъ два рода преподавателей: 1) безсмѣнные или долгосрочные, старшіе, оффиціальные; 2) временные, краткосрочные, младшіе, частные. Послѣдніе должны временно дополнять, замѣнять первыхъ; изъ нихъ выбираются первые.

е) Карательныхъ мѣръ въ университетахъ для преподавателей не существуетъ, а существуютъ одни подстрекательныя.

ж) Всѣ истинно-образованныя государства имѣютъ свою самостоятельную науку.

з) Всѣ эти положенія выработывались, однако, временемъ.

Посмотримъ теперь, какъ эти положенія были примѣнены, и какъ они должны быть примѣняемы, на будущее время, къ Россіи?

По моему мнѣнію, задача нашихъ университетовъ состоитъ, прежде всего, въ образованіи массы слушателей и въ немѣшаніи образованію отборныхъ личностей. Для окончательнаго образованія этихъ отборныхъ личностей мы почти несостоятельны, и еще надолго останемся такими. Наши университеты нетолько не могутъ преподавать такую мудрость, которой въ книгахъ еще нѣтъ, но часто каѳедры наши похожи на каѳедры среднихъ вѣковъ. Иную мудрость отъ нихъ только и узнаешь за неимѣніемъ книгъ и литературы; стало быть, педагогическая способность нашихъ профессо-

ровъ должна стоять на первомъ планѣ, всѣ наши учебныя пособія должны быть очень богаты, потому что мы живемъ далеко отъ центровъ Европейскаго образованія. Преподаватели должны быть подстрекаемы конкуренціею доцентовъ и гонораромъ (платою за каждую лекцію). Полная автономія науки у насъ крайне необходима, потому что страна еще мало образована, широко раскинута, а наука у насъ политически неопасна. Поэтому необходимо, какъ замѣчаетъ и Пироговъ, ограничить или уничтожить вліяніе попечителя. Недостаточно уничтожить его вліяніе на ученыя дѣла университета, надобно уничтожить вліяніе его и на лица, иначе, онъ все-таки можетъ парализировать и ученыя дѣла университета. Интересы общества, въ противоположность интересамъ касты, которые онъ до сихъ поръ долженъ былъ соблюдать, будутъ лучше соблюдаемы гласностью и конкуренціею. Учрежденіе совѣщательной коллегіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, предлагаемое Пироговымъ, есть посягательство на автономію университетовъ. Это значитъ централизовать науку, парализировать научную дѣятельность провинціальныхъ университетовъ, въ пользу столицы, ученое превосходство которой покуда еще весьма спорно; это значило бы, между прочимъ, подчинить медицинскіе факультеты военно-медицинскому училищу, что̀ не оправдывается ни исторіею, ни организаціей послѣднихъ заведеній. Это было бы униженіе университета. Вспомнимъ только, въ какомъ жалкомъ положеніи была иногда Санктпетербургская медико-хирургическая академія, и что всякое спеціальное училище лишено животворнаго вліянія университета. Хотя власть коллегіи лучше, нежели власть одного лица, но никогда министръ народнаго просвѣщенія не былъ и не можетъ быть особенною активною помѣхою для развитія нашихъ далеко разбросанныхъ университетовъ. Совѣщательная же коллегія, сверхъ того, будетъ научно неподвижна, какъ нынѣшніе наши факультеты, если, какъ совѣтуетъ Пироговъ, возобновленіе лицъ будетъ происходить въ нихъ одною баллотировкою. Это будетъ тотъ же Французскій университетъ, съ умственнымъ порабощеніемъ всей Россіи, тѣмъ болѣе, что учрежденіе этой коллегіи тотчасъ произведетъ уменьшеніе автономіи университета уже въ самомъ уставѣ.

Стало быть, Пироговъ, защищая автономію университетовъ, самъ себѣ противорѣчилъ, предлагая ученую коллегію при министрѣ. Труднѣе всего ограничить автономію касты профессоровъ, и поэтому, конкурсы и печатаніе протоколовъ совѣта у насъ необходимы. Но для конкурсовъ нужна нѣкоторая регламентація и полная

публичность, иначе они не достигнутъ своей цѣли, а, напротивъ, послужатъ поводомъ къ новымъ злоупотребленіямъ.

У насъ вознагражденіе профессоровъ и доцентовъ должно быть особенно высоко, потому что иначе никто не пойдетъ искать этихъ должностей. Содержаніе должно быть втрое больше противъ нынѣшняго, или въ два съ половиною раза, если допущены будутъ гонорары. Послѣднее мы считаемъ необходимымъ, даже въ такомъ случаѣ, еслибы отъ этого наши университеты стали наполняться студентами изъ болѣе достаточнаго слоя общества.

При гонорарахъ нѣтъ надобности затруднять первоначальное полученіе званія доцента высшими учеными степенями, учеными разсужденіями и проч.

При гонорарахъ двадцати-пяти-лѣтній срокъ службы профессоровъ можетъ быть удержанъ и на будущее время; но если срокъ службы, по предложенію Пирогова, будетъ двѣнадцатилѣтній, въ такомъ случаѣ придется не утроить, а ушестерить содержаніе профессоровъ. Пенсію профессоровъ также нужно усилить и теперь уже, такъ-какъ профессоръ, доходы котораго не возрастаютъ, подобно другимъ родамъ службы, по истеченіи двадцати-пяти-лѣтней службы своей наиболѣе нуждается въ средствахъ для воспитанія дѣтей своихъ.

Доселѣ дѣйствующій уставъ полагалъ, что двадцати-пяти-лѣтнимъ срокомъ службы профессора гарантируются интересы науки, при ослабленіи преподавательскихъ силъ профессоровъ. Пироговъ имѣетъ ту неоспоримую заслугу, что указалъ на невѣрность этого принципа. Но нельзя согласиться съ остальными его разсужденіями. Опытъ доказываетъ, говоритъ Пироговъ, что большая часть преподавателей отстаетъ отъ современности уже послѣ половины служебнаго срока. Спрашивается, гдѣ опытъ это доказалъ? Только развѣ въ Россіи, но никакъ не въ чужихъ краяхъ. Стало быть, причинъ этого горестнаго явленія должно искать въ нашей университетской жизни. Онѣ суть: 1) дурные выборы отсталою коллегіею или министерствомъ; 2) высылка молодыхъ людей за границу едва-ли не по набору, безъ всякихъ ручательствъ за ихъ преданность наукѣ и способность къ преподаванію; 3) нежеланіе дѣльныхъ людей посвятить себя ученой карьерѣ, по малости содержанія; 4) отсутствіе конкуренціи и гонораровъ; 5) жизнь Русскихъ профессоровъ, которые, если не захотятъ или не съумѣютъ находить, въ ущербъ наукѣ, постороннія доходныя занятія, будутъ лишены даже возможности удержать себя на современномъ уровнѣ науки и

образованія, возможности жить между образованными людьми и воспитывать своихъ дѣтей не хуже, чѣмъ воспитывались они сами.

Русскому профессору (исключая, развѣ, геніальныхъ людей) приходится выбирать быть мученикомъ или игнорантомъ; но послѣднимъ, до извѣстной степени, будетъ даже (особенно въ провинціи) и благородный мученикъ науки, отъ недостатка въ ученыхъ пособіяхъ, отъ недостатка въ книгахъ и живительномъ обмѣнѣ мыслей. Стало быть, отсталость по бѣдности есть неминуемая судьба его, хотя бы онъ весь предался наукѣ и ею только дышалъ. Сверхъ того, онъ заваленъ засѣданіями, испытаніями, комитетами, презентаціями, такъ что, при самой лучшей волѣ, онъ непремѣнно долженъ отстать отъ Европейской науки. Но отсталъ ли онъ отъ Русской науки? Далеко не всегда. Чтò значатъ, стало быть, требованія современности въ статьѣ Пирогова? Какую онъ разумѣетъ современность—Германскую, Французскую, Англійскую, Американскую, или Русскую? Вмѣсто выраженія сожалѣнія къ горькимъ моральнымъ страданіямъ Русскаго профессора, для котораго дорогая ему. наука есть запрещенный плодъ, Пироговъ, не устраняя препятствій дѣятельности профессора и проч., предлагаетъ болѣе энергическія мѣры для выведенія отсталости и застоя изъ нашихъ университетовъ, а именно: новый конкурсъ на половинѣ служебной дѣятельности, приготовленіе хотя одного лица, могущаго занять мѣсто доцента (кто судья?), составленіе серьезныхъ и самостоятельныхъ сочиненій. Между тѣмъ, тотъ же Пироговъ говоритъ, что человѣкъ съ извѣстнымъ именемъ не станетъ подвергаться конкурсу. Стало быть, дѣльные профессоры, люди съ именемъ, вѣрно, скорѣе откажутся отъ своихъ мѣстъ, нежели подвергнутся новому конкурсу, или же никто не захочетъ быть профессоромъ, тѣмъ болѣе, если полупенсіонъ будетъ не болѣе нынѣшняго и не сохранится и при полученіи, впослѣдствіи, профессоромъ другихъ должностей, сверхъ новаго жалованья. Кто будетъ судьею въ этомъ конкурсѣ? Что значитъ серьезное сочиненіе? У насъ очень трудно печатать серьезныя сочиненія; намъ очень нужны руководства. Считать ли въ числѣ сочиненій и руководства и педагогическіе труды? Кто имъ судья?

Требовать отъ профессора образованія хотя одного доцента, значитъ поставить его въ альтернативу — или не быть снова избраннымъ, если онъ такого не образуетъ, или состязаться съ собственнымъ ученикомъ и подвергаться опасности быть побѣжденнымъ! Вѣдь это рафинированная жестокость. Я думаю, что не най-

дется ни одного человѣка, желающаго посвятить всѣ свои силы и всю жизнь какой-нибудь отвлеченной наукѣ (напримѣръ, философіи, Греческой словесности, физіологіи, анатоміи, зоологіи), который рѣшился бы принять каѳедру при такихъ унизительныхъ условіяхъ, еслибы даже содержаніе и полупенсіонъ были значительны. По моему мнѣнію, чѣмъ меньше ежегодное содержаніе профессора, тѣмъ болѣе его положеніе должно быть не шаткое, но продолжительное и надежное, и Русскіе профессоры будутъ годны на каѳедрахъ долѣе, чѣмъ на $12^1/_2$ лѣтъ, если имъ дадите свободу времени, свободу отъ пустыхъ занятій, средства и пособія профессоровъ заграничныхъ, если сдѣлаете возможнымъ выбирать для каѳедръ лучшихъ людей страны, словомъ, если сдѣлаете положеніе профессора сообразнымъ съ его трудами и дарованіями. Но, при всемъ томъ, нельзя ручаться непремѣнно за двадцати-пяти-лѣтнюю продолжительность профессорскихъ качествъ, и поэтому, а равно и по другимъ причинамъ, необходимо созданіе *стороннихъ*, *частныхъ* преподавателей (доцентовъ). Проектъ новаго устава и полагаетъ ихъ; но предложенная въ немъ организація этихъ преподавателей такого рода, что это будутъ не частные, но тоже казенные преподаватели, потому что новый проектъ не допускаетъ гонораровъ для профессоровъ и доцентовъ. Гонорары, однакожь, составляютъ необходимое условіе независимости частныхъ преподавателей. Пусть эти преподаватели получаютъ жалованье на извѣстный срокъ, но пусть возобновленіе этого срока зависитъ отъ числа ихъ слушателей, отъ которыхъ они должны получать, сверхъ того, гонорары, и пусть къ конкурсу на каѳедры допускаются не доценты только въ такомъ случаѣ, если ни одного или одинъ только доцентъ явится на конкурсъ, или, другими словами, пусть, по возможности, никто не получаетъ каѳедры, не бывши доцентомъ. Тогда, если профессоръ ослабѣетъ еще до 25 лѣтъ, въ такомъ случаѣ дѣло его вынесетъ на себѣ доцентъ. Наука не пострадаетъ, а профессоръ не лишится плодовъ жизни, честно проведенной въ служеніи наукѣ и просвѣщенію Россіи. Тогда не нужно будетъ, для охраненія интересовъ общества и науки, ни деспотическаго вмѣшательства министра и его ученаго совѣта, ни совѣта университета, но само учрежденіе, безъ насилія и обиды, замѣнитъ ослабѣвшую заслуженную силу новою, молодою, свѣжею. Наконецъ, факультетъ, имѣя возможность опредѣлять на одну каѳедру двухъ и болѣе профессоровъ, можетъ всегда, еще до истеченія 25 лѣтъ, парализировать вредное вліяніе отсталаго профессора.

Но все это возможно только при утроеніи содержанія, введеніи гонораровъ и передачѣ экзаменовъ на низшія ученыя степени, вмѣсто факультетовъ, особымъ комитетамъ и проч., удвоеніи всѣхъ учебныхъ пособій, облегченіи путешествій за границу, отмѣнѣ высылки кандидатовъ на профессоры за границу по набору и проч.

Въ предъидущемъ мы высказали сущность нашихъ воззрѣній противъ Н. И. Пирогова. Самостоятельной Русской науки мы не будемъ имѣть, если, черезъ двѣнадцать съ половиною лѣтъ, принудимъ ея представителей бросить предметъ занятій ихъ жизни. При гонорарахъ всѣ карательныя мѣры излишни. Профессоръ, который не годится для науки и для ученія, не долженъ и засѣдать въ факультетѣ и въ совѣтѣ университета, какъ совѣтуетъ Пироговъ. Пусть онъ останется въ университетѣ на правахъ доцента.

Я думаю, наконецъ, что между доцентами и профессорами несогласіе будетъ совершенно нормально, и что первые будутъ гораздо полѣзнѣе внѣ факультета, нежели съ совѣщательнымъ голосомъ въ факультетѣ. Скорѣе они могутъ составить особое собраніе, съ правомъ представлять свои желанія и соображенія факультету или совѣту. Но повторяю: все это возможно только при коренномъ улучшеніи университетскихъ финансовъ и при введеніи гонораровъ. Это, разумѣется, не должно исключить истинно бѣдныхъ людей изъ университета. Безъ гонораровъ и система оффиціальныхъ доцентовъ не достигнетъ своей цѣли. Ученіе всегда будетъ противорѣчить основнымъ законамъ экономіи; студентъ будетъ принужденъ купить свое образованіе не тамъ, гдѣ онъ хочетъ, гдѣ оно хорошо, но тамъ, гдѣ велятъ—а это будетъ имѣть сходство—прошу извиненія за сравненіе—съ покойнымъ питейнымъ откупомъ.

---

3) Окт. Мильчевскаго.

Г. Пироговъ, пожелавъ напечатать свои замѣчанія на проектъ общаго университетскаго устава, имѣлъ въ-виду въ высшей степени дѣльную и современную цѣль: «узнать, путемъ гласности, всѣ возраженія, которыя будутъ на нихъ сдѣланы», признавая это, по всей справедливости, «для самаго дѣла полезнымъ». За такое желаніе и признаніе нельзя не поблагодарить отъ-души г. Пирогова, тѣмъ-болѣе, что вообще подобные пріемы у насъ рѣдкость, и что

для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса объ организаціи Русскихъ университетовъ, такой пріемъ *въ-особенности* неизбѣженъ. Старыя наши университетскія преданія признаны нынѣ, и наукой, и опытомъ, рѣшительно-отжившими и безполезными въ этомъ случаѣ; примѣръ западныхъ Европейскихъ университетовъ, какъ и вообще западныхъ Европейскихъ жизненныхъ условій, тоже оказывается, во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ нашемъ порядкѣ вещей, неудобопримѣнимымъ, а между-тѣмъ, Русское современное юношество жаждетъ учиться, и серьёзно учиться, молодые наши представители науки видимо стѣсняются условіями современной университетской организаціи и, нерѣдко, совершенно парализуются въ своихъ благородныхъ усиліяхъ, а жизнь все громче и настоятельнѣе требуетъ энергическихъ, дѣльныхъ людей, съ правильно-развитыми духовными силами. Поэтому-то нельзя не встрѣтить живѣйшимъ сочувствіемъ всякую, а тѣмъ-болѣе просвѣщенную и энергическую попытку, какою являются «Замѣчанія» г. Пирогова, содѣйствовать возможно-правильному разрѣшенію, на дѣлѣ, одного изъ важнѣйшихъ нашихъ теперешнихъ вопросовъ.

Г. Пироговъ, для своихъ «Замѣчаній», выбралъ такую форму: онъ на проектъ устава дѣлаетъ возраженія «по пунктамъ», т.-е. выпишетъ сперва §, съ которымъ несогласенъ въ чемъ-нибудь, а потомъ излагаетъ, въ чемъ состоитъ его несогласіе.

Изъ этого метода видно, что г. Пироговъ не имѣлъ въ-виду разсмотрѣть критически проектъ, какъ органическое цѣлое, а только заявить свое разногласіе съ нѣкоторыми его §§.

На вызовъ г. Пирогова и мы сочли долгомъ сдѣлать свои посильныя замѣтки, держась такого же метода разсмотрѣнія вопроса по пунктамъ — и именно, за неимѣніемъ подъ руками самаго «устава», по *тѣмъ только* пунктамъ, на которыхъ сочелъ нужнымъ остановить вниманіе публики г. Пироговъ. Прослѣдимъ же «Замѣчанія» нашего почтеннаго педагога.

§ 3. «Число преподавателей опредѣляется штатомъ». Г. Пироговъ находитъ это очень-неудобнымъ, и предлагаетъ назначить университету извѣстную сумму для каждаго факультета, по общимъ соображеніямъ, а факультетъ уже, по ближайшему обсужденію дѣла, опредѣлитъ, сколько и какія каѳедры нужно открыть въ извѣстное время. Заранее опредѣленные «штаты» здѣсь, дѣйствительно, совершенно неумѣстны. Но при этомъ же г. Пироговъ требуетъ, чтобъ и содержаніе преподавателямъ было неодинаково (одинако-

вость эта, дѣйствительно, мало раціональна), а «опредѣлялось личными заслугами, въ дѣлѣ науки, каждаго изъ нихъ». Жаль только, что г. Пироговъ не опредѣлилъ, въ этомъ случаѣ, болѣе положительно и подробно тѣхъ оснований, по которымъ будутъ оцѣниваться эти *личныя* заслуги. Тутъ подробности, по нашему, существеннѣе общей идеи; злоупотребленія въ нихъ могутъ все дѣло испортить. Вѣдь понятія «всемірной извѣстности», «авторитета» и т. п.—вещи очень относительныя. Да не должны ли въ оцѣнку войдти и заслуги профессора, какъ распространителя своихъ спеціальныхъ знаній, и если должны, то въ какой мѣрѣ, сравнительно съ другими данными для вышесказаннаго опредѣленія? Это тоже вопросъ важный — и, къ сожалѣнію, въ разсматриваемыхъ «Замѣчаніяхъ» упущенный изъ виду. Кто полезнѣе *на каѳедрѣ:* извѣстнѣйшій ученый, но не совсѣмъ удовлетворительный профессоръ, или геніальный профессоръ, но не столь извѣстный спеціалистъ ученый? Это тоже вопросъ. Намъ теперь, повидимому, едва ли не болѣе всего нужно талантливыхъ пропагандистовъ Европейской науки. А если признаны будутъ главнѣйшими *эти* заслуги профессора, то нѣтъ ли возможности, во избѣжаніе затрудненій и злоупотребленій, чѣмъ-нибудь положительно опредѣлить эту заслугу, чтобы столь же положительно матеріально вознаградить ее. Намъ, пока, нельзя еще обойтись безъ казеннаго жалованья профессорамъ, учителямъ и т. п. — но нѣтъ ли критеріума для болѣе правильнаго распредѣленія между ними этого жалованья? Здѣсь я нахожу удобнымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ связи съ другимъ — съ платой за ученье. Говоря о 101 § «Устава», г. Пироговъ справедливо замѣчаетъ, что плата въ 50 и 40 р. въ годъ, за слушаніе лекцій, слишкомъ высока, что достаточно было бы назначить рублей 15. Нельзя ли бы все это сдѣлать точнѣе, свободнѣе, правильнѣе? Г. Пироговъ находитъ, что справедливость и интересъ дѣла требуютъ всю плату обращать въ пользу преподавателей. Хорошо. Такъ отчего бы не допустить соглашенія, въ этомъ случаѣ, профессоровъ со студентами, относительно гонорарія, какъ это и дѣлается за границею? Я такъ понимаю это дѣло: ученый, принятый въ корпорцію факультета, получаетъ отъ него право читать свои курсы столько-то разъ въ недѣлю, въ такіе-то часы. Все это заранѣе объявляется, равно какъ и то, *что́* намѣренъ онъ прочесть изъ своего предмета въ семестръ. Тутъ же назначается цѣна за лекцію—входъ по билетамъ. Ученый, принятый факультетомъ въ свои члены, получаетъ уже, вслѣдствіе этого, извѣстный minimum ежегоднаго жалованья. Потомъ, по исте-

ченіи семестра, изъ числа продаваемыхъ на каждую лекцію билетовъ (подъ строгимъ контролемъ, разумѣется; продажа эта должна быть обязанностью университетскаго казначейства) опредѣляется среднее число слушателей на каждой лекціи, а по числу этихъ послѣднихъ дается, по истеченіи семестра, къ жалованью прибавка, размѣръ которой на каждаго лишняго слушателя долженъ быть тоже заранѣе опредѣленъ. Деньги же, взимаемыя за билеты, своимъ чередомъ идутъ профессору. При такомъ порядкѣ вещей представляется много выгодъ, недостижимыхъ, кажется, иными путями: 1) Студенты могутъ слушать профессора, сколько и когда находятъ удобнымъ. 2) Непосѣщеніемъ лекцій могутъ ipso facto преградить ему всякую возможность читать малополезные курсы: слѣдовательно, безъ малѣйшихъ демонстрацій, пассивнымъ, но неопровержимымъ заявленіемъ очистить каѳедру отъ неудовлетворительнаго преподавателя. 3) Возраженіе о некомпетентности студентовъ судить въ этихъ дѣлахъ едва ли мыслимо: вѣдь иначе—если тотъ, да другой некомпетентенъ, глядишь, и придешь къ извѣстнымъ принципамъ «своей пользы не понимаешь» и т. под. 4) Дѣльный профессоръ былъ бы всегда вознагражденъ, и именно строго соразмѣрно своей дѣльности (какъ профессора, какъ спеціалиста-ученаго—университетъ могъ бы его награждать и поощрять иными способами, которыхъ можно немало придумать). 5) Никогда не могло бы быть разобщенія и недоразумѣній между студентами и преподавателями, между аудиторіей и факультетомъ, что̀ всегда будетъ при иномъ порядкѣ вещей. 6) Но при этомъ надо вполнѣ предоставить студенту слушать тѣ предметы, которые онъ находитъ необходимыми для своихъ цѣлей.

Мы нарочно остановились, прежде всего, на этой финансовой сторонѣ занимающаго насъ вопроса: отъ нея зависитъ все остальное.

Теперь далѣе.

§ 17 «Устава» опредѣляетъ для богословія особую каѳедру, и дѣлаетъ этотъ предметъ обязательнымъ для всѣхъ слушателей. Г. Пироговъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ этимъ согласиться не можетъ. Онъ, взамѣнъ этой обязательности, предлагаетъ слѣдующее: «Пусть богословіе преподается въ нашихъ университетахъ, «не имѣющихъ богословскаго факультета, какъ вспомогательная «наука, или, еще лучше, пусть, вмѣсто богословія, излагается въ «историко-филологическомъ факультетѣ исторія церкви, а въ юри-«дическомъ—каноническое право» и пр. Нѣтъ, зачѣмъ? Пусть будетъ во всякомъ университетѣ богословскій факультетъ, на тѣхъ

же вышеизложенныхъ финансовыхъ основаніяхъ, какъ и прочіе факультеты. Тогда каждый студентъ, не богословъ, будетъ выбирать изъ него тѣ каѳедры, которыя ему необходимы, какъ пособія въ его спеціальныхъ занятіяхъ, а богословы-спеціалисты будутъ слушать всѣ предметы.

§ 18. Лекторовъ почему не допустить, но только такихъ, къ которымъ ходили бы слушатели. И тутъ, какъ и вездѣ, общія финансовыя основанія остаются въ полной силѣ.

Все, что сказано о попечителяхъ, инспекторахъ, дѣятельности совѣтовъ и ихъ отношеніяхъ къ *властямъ* — превосходно, и молодое Русское поколѣніе отъ души скажетъ спасибо за все это г. Пирогову.

Г. Пироговъ предлагаетъ ректора избирать на 2 года, вмѣсто 4-хъ, а декановъ на 1 годъ, вмѣсто 2-хъ. Нужны ли эти сроки? Отчего бы ректору не быть ректоромъ, а декану — деканомъ, пока того хочетъ совѣтъ? Едва ли тутъ могутъ предвидѣться злоупотребленія.

§ 70. Всякія раздѣленія преподавателей на ординарныхъ, экстраординарныхъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ и пр., и пр. — дѣйствительно, Нѣмецкія хитрости, ни къ чему дѣльному не ведущія. Это опять табель о рангахъ sui generis.

Въ избраніи преподавателей мы, подобно г. Пирогову, отдаемъ полнѣйшее предпочтеніе конкурсу предъ баллотировкой; но въ чемъ долженъ состоять этотъ *конкурсъ?* Опять вопросъ, въ отвѣтѣ на который мы невполнѣ сходимся съ г. Пироговымъ. Онъ предполагаетъ, что конкурсъ состоитъ въ представленіи диссертаціи на предложенную тему, въ публичномъ ея защищеніи, въ прочтеніи двухъ-трехъ пробныхъ лекцій, въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ опытахъ и т. п. Но мы опять за свое: въ точкѣ зрѣнія на сущность понятія *профессоръ* расходимся. Всѣ условія конкурса, перечисленныя г. Пироговымъ, положимъ, несомнѣнно убѣдятъ всѣхъ и каждаго въ учености, основательности и глубинѣ спеціализма конкурента; но гдѣ же доказательства, гдѣ гарантіи его способности быть дѣльнымъ профессоромъ, т. е. преподавателемъ, пропагандистомъ своей спеціальности? Нѣтъ, прибавьте къ этому конкурсу — безспорно, необходимому для доказательства учености ищущаго профессуры—другой, такого рода конкурсъ. Пусть желающій быть признаннымъ факультетомъ профессоромъ и его членомъ читаетъ, вмѣстѣ съ другими конкурентами, въ теченіе семестра лекціи: и

число слушателей тутъ рѣшитъ дѣло о его собственно профессорскомъ талантѣ.

§§ 81, 83 предполагаютъ срокъ службы профессоровъ 25-лѣтній, далѣе пенсіи, избраніе на 5-ть лѣтъ еще, — словомъ, старые наши порядки, во всей ихъ ненарушимости. Г. Пироговъ отвергаетъ все это. Онъ требуетъ переоцѣнки способности и знаній профессоровъ чрезъ 12-ть лѣтъ, назначенія полупенсій, — чтобы профессора не «заслужились». Въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ быть? Вѣдь не всю же жизнь можно профессорствовать. Вѣдь пріятно имѣть въ виду и обезпеченный кусокъ хлѣба на старость. Да и еще вопросъ: ученый, удостоенный избранія въ члены факультета, сколько времени пользуется этимъ званіемъ, т. е. сколько времени *служитъ*? говоря нашимъ бюрократическимъ языкомъ. Да, мнѣ кажется, званіе остается за нимъ на вѣки вѣчные, а дорогу онъ новымъ, свѣжимъ силамъ не загородитъ, если будутъ допущены наши вышеизложенныя финансовыя основанія. Но какія же основанія для назначенія пенсій? Или ихъ вовсе не давать? Нѣтъ, давать, но поступать можно бы такъ: профессоръ, по старости, слабости здоровья, отставшій отъ науки, отупѣвшій нѣсколько, не находитъ аудиторіи, или, по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, долженъ оставить каѳедру. Онъ обращается къ совѣту университета съ просьбой о назначеніи ему пенсіи. Совѣтъ, внимательно разсмотрѣвъ его заслуги, какъ ученаго и профессора, опредѣляетъ, можно ли назначить ему пенсію, и сколько именно. Это опредѣленіе представляется на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе высшаго ученаго коллегіальнаго вѣдомства, которое г. Пироговъ совершенно основательно предлагаетъ учредить при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ названіемъ: *научно-учебнаго комитета*. Тутъ не обращалось бы исключительнаго вниманія на число лѣтъ *службы*, но на дѣйствительныя, серьёзныя заслуги въ ученомъ мірѣ.

Насчетъ экзаменовъ мы предположили бы допустить къ слушанію лекцій всѣхъ желающихъ, безъ малѣйшихъ экзаменовъ, но, соединивъ съ разными степенями знанія и развитія разныя общественныя права, опредѣлили бы много всякихъ ученыхъ степеней, начиная отъ грамотѣя и оканчивая докторомъ всевозможныхъ наукъ. Желающій пользоваться такими-то правами въ государствѣ — выдержи такой-то экзаменъ. Это придало бы знанію много почтеннаго, дѣйствительнаго значенія, много реальной силы — всѣ чувствовали бы, что, въ самомъ дѣлѣ, knowledge is power. Приманка, скажутъ; но отчего же непремѣнно эта отвлеченность: знаніе

для знаній и т. п.? Почему и не употребить приманку, если она не будетъ служить въ ущербъ дѣлу? А какой тутъ будетъ ущербъ, когда за такія-то знанія даютъ такія-то права, а безъ нихъ не даютъ?

Вотъ и всѣ, болѣе существенныя, замѣтки, которыя представились намъ при чтеніи «Замѣчаній» г. Пирогова и при воспоминаніи о нашемъ собственномъ студенческомъ бытѣ. Быть можетъ, и онѣ хотя сколько-нибудь будутъ «полезны для самаго дѣла».

---

4) П. Л. Лаврова.

Всякій разъ, когда появляется статья съ именемъ Пирогова, она въ правѣ возбудить общее вниманіе, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ объ устройствѣ университетовъ, какъ по важности вопроса для всего Русскаго образованія, такъ и потому, что г. Пироговъ, во время своего попечительства въ Кіевскомъ округѣ, выказалъ ясное пониманіе потребностей своего званія, умѣлъ пріобрѣсти любовь и уваженіе какъ учебнаго сословія, такъ и учащейся молодежи, и остался въ лѣтописяхъ нашихъ университетовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ попечителей. Но чѣмъ важнѣе авторитетъ имени г. Пирогова, тѣмъ необходимѣе, кажется намъ, указать на тѣ пункты его мнѣній, въ которыхъ мы находимъ неполноту или неясность.

Прежде всего, признаемся, очень жаль, что г. Пироговъ не предпослалъ своимъ замѣткамъ на разные пункты «Проекта устава» общей характеристики этого проекта. Послѣдній не былъ распубликованъ въ общее свѣдѣніе, и потому можно судить о немъ лишь по отрывкамъ. Но всякій уставъ по важному вопросу необходимо обозрѣть въ его цѣлости, въ его основныхъ началахъ, отъ которыхъ зависятъ частности. Или основныя начала его невѣрны, и надо ихъ опровергнуть; или частности противорѣчатъ основнымъ началамъ — тогда надо показать именно это противорѣчіе; или частности выходятъ вѣрно изъ основныхъ началъ, допущенныхъ какъ истинныя — тогда приходится принять и всѣ частности. Приданіе же одной части учрежденія — одного характера, другой — другаго, есть худшій способъ устроенія дѣла, какъ бы ни разумно была обработана одна часть. Поэтому очень жаль, что г. Пироговъ не высказалъ своего мнѣнія объ основныхъ началахъ предложеннаго проекта, остающихся для насъ *покрытыми мракомъ неизвѣстности*.

Но дѣлать нечего. Не бывъ въ числѣ лицъ, имѣвшихъ случай

ознакомиться съ проектомъ, и имѣя предъ собой лишь отрывочныя замѣчанія г. Пирогова, обращаемся къ послѣднимъ.

Не можемъ не сочувствовать большинству замѣчаній, имъ сообщенныхъ, особенно о значеніи попечителя, о необходимости автономіи коллегіальныхъ университетскихъ учрежденій, объ уничтоженіи званія дѣйствительнаго студента, о семестральномъ раздѣленіи и т. п.

Но есть одинъ пунктъ, и пунктъ основной, по мнѣнію г. Пирогова, который намъ кажется весьма сомнительнымъ, если его оставить такъ, какъ предлагаетъ его авторъ замѣчаній. Этотъ пунктъ получитъ только тогда свое настоящее значеніе, когда въ уставъ будетъ введенъ элементъ, о которомъ г. Пироговъ не упоминаетъ ни слова.

Дѣло идетъ о числѣ каѳедръ въ данномъ факультетѣ и о вознагражденіи профессоровъ по каждой каѳедрѣ. Г. Пироговъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что лучше имѣть неполное число каѳедръ, но занятыхъ истинными авторитетами въ наукѣ, чѣмъ полное число, занятое посредственностями. Поэтому онъ предлагаетъ предоставить факультету право оставить нѣкоторыя каѳедры не занятыми и распредѣлить всю сумму денегъ, назначаемую на факультетъ, по ученому достоинству преподавателей, привлекая знаменитыхъ ученыхъ значительнымъ вознагражденіемъ. Иначе говоря, профессоры университета должны распредѣлить между собою сумму денегъ, назначаемую на факультетъ, по собственному усмотрѣнію. Конечно, надо предполагать въ профессорахъ университета полную добросовѣстность, но все-таки едва ли полезно дѣлать какую-нибудь коллегію безконтрольнымъ судьею того, нужно ли на слѣдующій годъ вычесть изъ жалованья всѣхъ его членовъ нѣкоторую долю, чтобъ вознаградить новаго специалиста, способнаго занять каѳедру, остававшуюся до тѣхъ поръ не занятою. Весьма и весьма возможно, что въ подобномъ случаѣ личный интересъ подскажетъ большинству отрицательный приговоръ относительно новаго соучастника въ общемъ бюджетѣ. Поэтому, кажется, полезенъ, въ этомъ случаѣ, нѣкоторый контроль и нѣкоторое ограниченіе произвола въ рѣшеніяхъ факультета.

Г. Пироговъ предполагаетъ поручить контроль попечителю, но, конечно, не въ подобномъ дѣлѣ, потому что попечитель не можетъ мѣшаться въ судъ специалистовъ, годенъ ли новый соискатель на незанятую каѳедру или нѣтъ, лучше ли замѣнить выбывающаго профессора другимъ, или подождать нѣсколько времени появленія

Но все это возможно только при утроеніи содержанія, введеніи гонораровъ и передачѣ экзаменовъ на низшія ученыя степени, вмѣсто факультетовъ, особымъ комитетамъ и проч., удвоеніи всѣхъ учебныхъ пособій, облегченіи путешествій за границу, отмѣнѣ высылки кандидатовъ на профессоры за границу по набору и проч.

Въ предъидущемъ мы высказали сущность нашихъ воззрѣній противъ Н. И. Пирогова. Самостоятельной Русской науки мы не будемъ имѣть, если, черезъ двѣнадцать съ половиною лѣтъ, принудимъ ея представителей бросить предметъ занятій ихъ жизни. При гонорарахъ всѣ карательныя мѣры излишни. Профессоръ, который не годится для науки и для ученія, не долженъ и засѣдать въ факультетѣ и въ совѣтѣ университета, какъ совѣтуетъ Пироговъ. Пусть онъ останется въ университетѣ на правахъ доцента.

Я думаю, наконецъ, что между доцентами и профессорами несогласіе будетъ совершенно нормально, и что первые будутъ гораздо полѣзнѣе внѣ факультета, нежели съ совѣщательнымъ голосомъ въ факультетѣ. Скорѣе они могутъ составить особое собраніе, съ правомъ представлять свои желанія и соображенія факультету или совѣту. Но повторяю: все это возможно только при коренномъ улучшеніи университетскихъ финансовъ и при введеніи гонораровъ. Это, разумѣется, не должно исключить истинно бѣдныхъ людей изъ университета. Безъ гонораровъ и система оффиціальныхъ доцентовъ не достигнетъ своей цѣли. Ученіе всегда будетъ противорѣчить основнымъ законамъ экономіи; студентъ будетъ принужденъ купить свое образованіе не тамъ, гдѣ онъ хочетъ, гдѣ оно хорошо, но тамъ, гдѣ велятъ—а это будетъ имѣть сходство—прошу извиненія за сравненіе—съ покойнымъ питейнымъ откупомъ.

---

3) Окт. Мильчевскаго.

Г. Пироговъ, пожелавъ напечатать свои замѣчанія на проектъ общаго университетскаго устава, имѣлъ въ-виду въ высшей степени дѣльную и современную цѣль: «узнать, путемъ гласности, всѣ возраженія, которыя будутъ на нихъ сдѣланы», признавая это, по всей справедливости, «для самаго дѣла полезнымъ». За такое желаніе и признаніе нельзя не поблагодарить отъ-души г. Пирогова, тѣмъ-болѣе, что вообще подобные пріемы у насъ рѣдкость, и что

для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса объ организаціи Русскихъ университетовъ, такой пріемъ *въ особенности* неизбѣженъ. Старыя наши университетскія преданія признаны нынѣ, и наукой, и опытомъ, рѣшительно-отжившими и безполезными въ этомъ случаѣ; примѣръ западныхъ Европейскихъ университетовъ, какъ и вообще западныхъ Европейскихъ жизненныхъ условій, тоже оказывается, во многихъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ нашемъ порядкѣ вещей, неудобопримѣнимымъ, а между-тѣмъ, Русское современное юношество жаждетъ учиться, и серьёзно учиться, молодые наши представители науки видимо стѣсняются условіями современной университетской организаціи и, нерѣдко, совершенно парализуются въ своихъ благородныхъ усиліяхъ, а жизнь все громче и настоятельнѣе требуетъ энергическихъ, дѣльныхъ людей, съ правильно-развитыми духовными силами. Поэтому-то нельзя не встрѣтить живѣйшимъ сочувствіемъ всякую, а тѣмъ-болѣе просвѣщенную и энергическую попытку, какою являются «Замѣчанія» г. Пирогова, содѣйствовать возможно-правильному разрѣшенію, на дѣлѣ, одного изъ важнѣйшихъ нашихъ теперешнихъ вопросовъ.

Г. Пироговъ, для своихъ «Замѣчаній», выбралъ такую форму: онъ на проектъ устава дѣлаетъ возраженія «по пунктамъ», т.-е. выпишетъ сперва §, съ которымъ несогласенъ въ чемъ-нибудь, а потомъ излагаетъ, въ чемъ состоитъ его несогласіе.

Изъ этого метода видно, что г. Пироговъ не имѣлъ въ-виду разсмотрѣть критически проектъ, какъ органическое цѣлое, а только заявить свое разногласіе съ нѣкоторыми его §§.

На вызовъ г. Пирогова и мы сочли долгомъ сдѣлать свои посильныя замѣтки, держась такого же метода разсмотрѣнія вопроса по пунктамъ — и именно, за неимѣніемъ подъ руками самаго «устава», по *тѣмъ только* пунктамъ, на которыхъ сочелъ нужнымъ остановить вниманіе публики г. Пироговъ. Прослѣдимъ же «Замѣчанія» нашего почтеннаго педагога.

§ 3. «Число преподавателей опредѣляется штатомъ». Г. Пироговъ находитъ это очень-неудобнымъ, и предлагаетъ назначить университету извѣстную сумму для каждаго факультета, по общимъ соображеніямъ, а факультетъ уже, по ближайшему обсужденію дѣла, опредѣлитъ, сколько и какія каѳедры нужно открыть въ извѣстное время. Заранее опредѣленные «штаты» здѣсь, дѣйствительно, совершенно неумѣстны. Но при этомъ же г. Пироговъ требуетъ, чтобъ и содержаніе преподавателямъ было неодинаково (одинако-

вость эта, дѣйствительно, мало раціональна), а «опредѣлялось личными заслугами, въ дѣлѣ науки, каждаго изъ нихъ». Жаль только, что г. Пироговъ не опредѣлилъ, въ этомъ случаѣ, болѣе положительно и подробно тѣхъ основаній, по которымъ будутъ оцѣниваться эти *личныя* заслуги. Тутъ подробности, по нашему, существеннѣе общей идеи; злоупотребленія въ нихъ могутъ все дѣло испортить. Вѣдь понятія «всемірной извѣстности», «авторитета» и т. п.—вещи очень относительныя. Да не должны ли въ оцѣнку войдти и заслуги профессора, какъ распространителя своихъ спеціальныхъ знаній, и если должны, то въ какой мѣрѣ, сравнительно съ другими данными для вышесказаннаго опредѣленія? Это тоже вопросъ важный — и, къ сожалѣнію, въ разсматриваемыхъ «Замѣчаніяхъ» упущенный изъ виду. Кто полезнѣе *на каѳедрѣ:* извѣстнѣйшій ученый, но не совсѣмъ удовлетворительный профессоръ, или геніальный профессоръ, но не столь извѣстный спеціалистъ ученый? Это тоже вопросъ. Намъ теперь, повидимому, едва ли не болѣе всего нужно талантливыхъ пропагандистовъ Европейской науки. А если признаны будутъ главнѣйшими *эти* заслуги профессора, то нѣтъ ли возможности, во избѣжаніе затрудненій и злоупотребленій, чѣмъ-нибудь положительно опредѣлить эту заслугу, чтобы столь же положительно матеріально вознаградить ее. Намъ, пока, нельзя еще обойтись безъ казеннаго жалованья профессорамъ, учителямъ и т. п. — но нѣтъ ли критеріума для болѣе правильнаго распредѣленія между ними этого жалованья? Здѣсь я нахожу удобнымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ связи съ другимъ — съ платой за ученье. Говоря о 101 § «Устава», г. Пироговъ справедливо замѣчаетъ, что плата въ 50 и 40 р. въ годъ, за слушаніе лекцій, слишкомъ высока, что достаточно было бы назначить рублей 15. Нельзя ли бы все это сдѣлать точнѣе, свободнѣе, правильнѣе? Г. Пироговъ находитъ, что справедливость и интересъ дѣла требуютъ всю плату обращать въ пользу преподавателей. Хорошо. Такъ отчего бы не допустить соглашенія, въ этомъ случаѣ, профессоровъ со студентами, относительно гонорарія, какъ это и дѣлается за границею? Я такъ понимаю это дѣло: ученый, принятый въ корпорцію факультета, получаетъ отъ него право читать свои курсы столько-то разъ въ недѣлю, въ такіе-то часы. Все это заранѣе объявляется, равно какъ и то, *что* намѣренъ онъ прочесть изъ своего предмета въ семестръ. Тутъ же назначается цѣна за лекцію—входъ по билетамъ. Ученый, принятый факультетомъ въ свои члены, получаетъ уже, вслѣдствіе этого, извѣстный minimum ежегоднаго жалованья. Потомъ, по исте-

ченіи семестра, изъ числа продаваемыхъ на каждую лекцію билетовъ (подъ строгимъ контролемъ, разумѣется; продажа эта должна быть обязанностью университетскаго казначейства) опредѣляется среднее число слушателей на каждой лекціи, а по числу этихъ послѣднихъ дается, по истеченіи семестра, къ жалованью прибавка, размѣръ которой на каждаго лишняго слушателя долженъ быть тоже заранѣе опредѣленъ. Деньги же, взимаемыя за билеты, своимъ чередомъ идутъ профессору. При такомъ порядкѣ вещей представляется много выгодъ, недостижимыхъ, кажется, иными путями: 1) Студенты могутъ слушать профессора, сколько и когда находятъ удобнымъ. 2) Непосѣщеніемъ лекцій могутъ ipso facto преградить ему всякую возможность читать малополезные курсы: слѣдовательно, безъ малѣйшихъ демонстрацій, пассивнымъ, но неопровержимымъ заявленіемъ очистить каѳедру отъ неудовлетворительнаго преподавателя. 3) Возраженіе о некомпетентности студентовъ судить въ этихъ дѣлахъ едва ли мыслимо: вѣдь иначе—если тотъ, да другой некомпетентенъ, глядишь, и придешь къ извѣстнымъ принципамъ «своей пользы не понимаешь» и т. под. 4) Дѣльный профессоръ былъ бы всегда вознагражденъ, и именно строго соразмѣрно своей дѣльности (какъ профессора, какъ спеціалиста-ученаго—университетъ могъ бы его награждать и поощрять иными способами, которыхъ можно немало придумать). 5) Никогда не могло бы быть разобщенія и недоразумѣній между студентами и преподавателями, между аудиторіей и факультетомъ, что̀ всегда будетъ при иномъ порядкѣ вещей. 6) Но при этомъ надо вполнѣ предоставить студенту слушать тѣ предметы, которые онъ находитъ необходимыми для своихъ цѣлей.

Мы нарочно остановились, прежде всего, на этой финансовой сторонѣ занимающаго насъ вопроса: отъ нея зависитъ все остальное.

Теперь далѣе.

§ 17 «Устава» опредѣляетъ для богословія особую каѳедру, и дѣлаетъ этотъ предметъ обязательнымъ для всѣхъ слушателей. Г. Пироговъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ этимъ согласиться не можетъ. Онъ, взамѣнъ этой обязательности, предлагаетъ слѣдующее: «Пусть богословіе преподается въ нашихъ университетахъ, «не имѣющихъ богословскаго факультета, какъ вспомогательная «наука, или, еще лучше, пусть, вмѣсто богословія, излагается въ «историко-филологическомъ факультетѣ исторія церкви, а въ юри«дическомъ—каноническое право» и пр. Нѣтъ, зачѣмъ? Пусть будетъ во всякомъ университетѣ богословскій факультетъ, на тѣхъ

же вышеизложенныхъ финансовыхъ основаніяхъ, какъ и прочіе факультеты. Тогда каждый студентъ, не богословъ, будетъ выбирать изъ него тѣ каѳедры, которыя ему необходимы, какъ пособія въ его спеціальныхъ занятіяхъ, а богословы-спеціалисты будутъ слушать всѣ предметы.

§ 18. Лекторовъ почему не допустить, но только такихъ, къ которымъ ходили бы слушатели. И тутъ, какъ и вездѣ, общія финансовыя основанія остаются въ полной силѣ.

Все, что сказано о попечителяхъ, инспекторахъ, дѣятельности совѣтовъ и ихъ отношеніяхъ къ *властямъ* — превосходно, и молодое Русское поколѣніе отъ души скажетъ спасибо за все это г. Пирогову.

Г. Пироговъ предлагаетъ ректора избирать на 2 года, вмѣсто 4-хъ, а декановъ на 1 годъ, вмѣсто 2-хъ. Нужны ли эти сроки? Отчего бы ректору не быть ректоромъ, а декану — деканомъ, пока того хочетъ совѣтъ? Едва ли тутъ могутъ предвидѣться злоупотребленія.

§ 70. Всякія раздѣленія преподавателей на ординарныхъ, экстраординарныхъ, доцентовъ, приватъ-доцентовъ и пр., и пр. — дѣйствительно, Нѣмецкія хитрости, ни къ чему дѣльному не ведущія. Это опять табель о рангахъ sui generis.

Въ избраніи преподавателей мы, подобно г. Пирогову, отдаемъ полнѣйшее предпочтеніе конкурсу предъ баллотировкой; но въ чемъ долженъ состоять этотъ *конкурсъ?* Опять вопросъ, въ отвѣтѣ на который мы невполнѣ сходимся съ г. Пироговымъ. Онъ предполагаетъ, что конкурсъ состоитъ въ представленіи диссертаціи на предложенную тему, въ публичномъ ея защищеніи, въ прочтеніи двухъ-трехъ пробныхъ лекцій, въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ опытахъ и т. п. Но мы опять за свое: въ точкѣ зрѣнія на сущность понятія *профессоръ* расходимся. Всѣ условія конкурса, перечисленныя г. Пироговымъ, положимъ, несомнѣнно убѣдятъ всѣхъ и каждаго въ учености, основательности и глубинѣ спеціализма конкурента; но гдѣ же доказательства, гдѣ гарантіи его способности быть дѣльнымъ профессоромъ, т. е. преподавателемъ, пропагандистомъ своей спеціальности? Нѣтъ, прибавьте къ этому конкурсу — безспорно, необходимому для доказательства учености ищущаго профессуры—другой, такого рода конкурсъ. Пусть желающій быть признаннымъ факультетомъ профессоромъ и его членомъ читаетъ, вмѣстѣ съ другими конкурентами, въ теченіе семестра лекціи: и

число слушателей тутъ рѣшитъ дѣло о его собственно профессорскомъ талантѣ.

§§ 81, 83 предполагаютъ срокъ службы профессоровъ 25-лѣтній, далѣе пенсіи, избраніе на 5-ть лѣтъ еще, — словомъ, старые наши порядки, во всей ихъ ненарушимости. Г. Пироговъ отвергаетъ все это. Онъ требуетъ переоцѣнки способности и знаній профессоровъ чрезъ 12-ть лѣтъ, назначенія полупенсій, — чтобы профессора не «заслужились». Въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ быть? Вѣдь не всю же жизнь можно профессорствовать. Вѣдь пріятно имѣть въ виду и обезпеченный кусокъ хлѣба на старость. Да и еще вопросъ: ученый, удостоенный избранія въ члены факультета, сколько времени пользуется этимъ званіемъ, т. е. сколько времени *служитъ*? говоря нашимъ бюрократическимъ языкомъ. Да, мнѣ кажется, званіе остается за нимъ на вѣки вѣчные, а дорогу онъ новымъ, свѣжимъ силамъ не загородитъ, если будутъ допущены наши вышеизложенныя финансовыя основанія. Но какія же основанія для назначенія пенсій? Или ихъ вовсе не давать? Нѣтъ, давать, но поступать можно бы такъ: профессоръ, по старости, слабости здоровья, отставшій отъ науки, отупѣвшій нѣсколько, не находитъ аудиторіи, или, по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, долженъ оставить каѳедру. Онъ обращается къ совѣту университета съ просьбой о назначеніи ему пенсіи. Совѣтъ, внимательно разсмотрѣвъ его заслуги, какъ ученаго и профессора, опредѣляетъ, можно ли назначить ему пенсію, и сколько именно. Это опредѣленіе представляется на окончательное разсмотрѣніе и утвержденіе высшаго ученаго коллегіальнаго вѣдомства, которое г. Пироговъ совершенно основательно предлагаетъ учредить при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ названіемъ: *научно-учебнаго комитета*. Тутъ не обращалось бы исключительнаго вниманія на число лѣтъ *службы*, но на дѣйствительныя, серьёзныя заслуги въ ученомъ мірѣ.

Насчетъ экзаменовъ мы предположили бы допустить къ слушанію лекцій всѣхъ желающихъ, безъ малѣйшихъ экзаменовъ, но, соединивъ съ разными степенями знанія и развитія разныя общественныя права, опредѣлили бы много всякихъ ученыхъ степеней, начиная отъ грамотѣя и оканчивая докторомъ всевозможныхъ наукъ. Желающій пользоваться такими-то правами въ государствѣ — выдержи такой-то экзаменъ. Это придало бы знанію много почтеннаго, дѣйствительнаго значенія, много реальной силы — всѣ чувствовали бы, что, въ самомъ дѣлѣ, knowledge is power. Приманка, скажутъ; но отчего же непремѣнно эта отвлеченность: знаніе

для знаній и т. п.? Почему и не употребить приманку, если она не будетъ служить въ ущербъ дѣлу? А какой тутъ будетъ ущербъ, когда за такія-то знанія даютъ такія-то права, а безъ нихъ не даютъ?

Вотъ и всѣ, болѣе существенныя, замѣтки, которыя представились намъ при чтеніи «Замѣчаній» г. Пирогова и при воспоминаніи о нашемъ собственномъ студенческомъ бытѣ. Быть можетъ, и онѣ хотя сколько-нибудь будутъ «полезны для самаго дѣла».

---

4) П. Л. Лаврова.

Всякій разъ, когда появляется статья съ именемъ Пирогова, она въ правѣ возбудить общее вниманіе, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ объ устройствѣ университетовъ, какъ по важности вопроса для всего Русскаго образованія, такъ и потому, что г. Пироговъ, во время своего попечительства въ Кіевскомъ округѣ, выказалъ ясное пониманіе потребностей своего званія, умѣлъ пріобрѣсти любовь и уваженіе какъ учебнаго сословія, такъ и учащейся молодежи, и остался въ лѣтописяхъ нашихъ университетовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ попечителей. Но чѣмъ важнѣе авторитетъ имени г. Пирогова, тѣмъ необходимѣе, кажется намъ, указать на тѣ пункты его мнѣній, въ которыхъ мы находимъ неполноту или неясность.

Прежде всего, признаемся, очень жаль, что г. Пироговъ не предпослалъ своимъ замѣткамъ на разные пункты «Проекта устава» общей характеристики этого проекта. Послѣдній не былъ распубликованъ въ общее свѣдѣніе, и потому можно судить о немъ лишь по отрывкамъ. Но всякій уставъ по важному вопросу необходимо обозрѣть въ его цѣлости, въ его основныхъ началахъ, отъ которыхъ зависятъ частности. Или основныя начала его невѣрны, и надо ихъ опровергнуть; или частности противорѣчатъ основнымъ началамъ— тогда надо показать именно это противорѣчіе; или частности выходятъ вѣрно изъ основныхъ началъ, допущенныхъ какъ истинныя—тогда приходится принять и всѣ частности. Приданіе же одной части учрежденія — одного характера, другой — другаго, есть худшій способъ устроенія дѣла, какъ бы ни разумно была обработана одна часть. Поэтому очень жаль, что г. Пироговъ не высказалъ своего мнѣнія объ основныхъ началахъ предложеннаго проекта, остающихся для насъ *покрытыми мракомъ неизвѣстности.*

Но дѣлать нечего. Не бывъ въ числѣ лицъ, имѣвшихъ случай

ознакомиться съ проектомъ, и имѣя предъ собой лишь отрывочныя замѣчанія г. Пирогова, обращаемся къ послѣднимъ.

Не можемъ не сочувствовать большинству замѣчаній, имъ сообщенныхъ, особенно о значеніи попечителя, о необходимости автономіи коллегіальныхъ университетскихъ учрежденій, объ уничтоженіи званія дѣйствительнаго студента, о семестральномъ раздѣленіи и т. п.

Но есть одинъ пунктъ, и пунктъ основной, по мнѣнію г. Пирогова, который намъ кажется весьма сомнительнымъ, если его оставить такъ, какъ предлагаетъ его авторъ замѣчаній. Этотъ пунктъ получитъ только тогда свое настоящее значеніе, когда въ уставъ будетъ введенъ элементъ, о которомъ г. Пироговъ не упоминаетъ ни слова.

Дѣло идетъ о числѣ каѳедръ въ данномъ факультетѣ и о вознагражденіи профессоровъ по каждой каѳедрѣ. Г. Пироговъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что лучше имѣть неполное число каѳедръ, но занятыхъ истинными авторитетами въ наукѣ, чѣмъ полное число, занятое посредственностями. Поэтому онъ предлагаетъ предоставить факультету право оставить нѣкоторыя каѳедры не занятыми и распредѣлить всю сумму денегъ, назначаемую на факультетъ, по ученому достоинству преподавателей, привлекая знаменитыхъ ученыхъ значительнымъ вознагражденіемъ. Иначе говоря, профессоры университета должны распредѣлить между собою сумму денегъ, назначаемую на факультетъ, по собственному усмотрѣнію. Конечно, надо предполагать въ профессорахъ университета полную добросовѣстность, но все-таки едва ли полезно дѣлать какую-нибудь коллегію безконтрольнымъ судьею того, нужно ли на слѣдующій годъ вычесть изъ жалованья всѣхъ его членовъ нѣкоторую долю, чтобъ вознаградить новаго спеціалиста, способнаго занять каѳедру, остававшуюся до тѣхъ поръ не занятою. Весьма и весьма возможно, что въ подобномъ случаѣ личный интересъ подскажетъ большинству отрицательный приговоръ относительно новаго соучастника въ общемъ бюджетѣ. Поэтому, кажется, полезенъ, въ этомъ случаѣ, нѣкоторый контроль и нѣкоторое ограниченіе произвола въ рѣшеніяхъ факультета.

Г. Пироговъ предполагаетъ поручить контроль попечителю, но, конечно, не въ подобномъ дѣлѣ, потому что попечитель не можетъ мѣшаться въ судъ спеціалистовъ, годенъ ли новый соискатель на незанятую каѳедру или нѣтъ, лучше ли замѣнить выбывающаго профессора другимъ, или подождать нѣсколько времени появленія

болѣе достойнаго? Все это не можетъ подлежать контролю попечителя. Онъ можетъ лишь напомнить, что такая-та каѳедра долго остается не занятою, что на нее есть въ виду кандидаты, но не имѣетъ и не долженъ имѣть никакой принудительной власти въ этомъ случаѣ. Самое вмѣшательство министра должно бы, въ этомъ случаѣ, ограничиться лишь напоминаніемъ, убѣжденіемъ, но принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, если помощью административнаго распоряженія разрушитъ упорное veto факультета, не опираясь на элементы, входящіе въ жизнь самаго университета.

Но такіе элементы есть. Для чего существуетъ университетъ? Конечно, не для управленія имъ и не для профессоровъ. Онъ существуетъ для студентовъ. Какъ молодые люди отъ 18 до 22 лѣтъ, они, большею частью, прекрасно понимаютъ, въ лекціяхъ какого именно предмета они нуждаются, и кто изъ преподавателей приноситъ имъ бо̀льшую пользу своими лекціями. Отчего же не руководствоваться этимъ *живымъ* элементомъ университета? И это можно сдѣлать очень легко. Всякое лицо, имѣющее ученую степень выше кандидата, имѣетъ право быть приватъ-доцентомъ, т. е. открыть лекціи во всякомъ университетѣ. (Не знаю, есть ли это въ уставѣ, но, кажется, это само собою разумѣется). Всякій студентъ долженъ въ началѣ семестра записаться, какія лекціи (профессоровъ, доцентовъ и приватъ-доцентовъ) онъ намѣренъ посѣщать. На основаніи этихъ записокъ, деньги, вносимыя студентомъ, дѣлятся на двѣ части: одна идетъ въ распоряженіе факультета, и дѣлится между профессорами и доцентами, по соображенію факультета; другая идетъ сполна приватъ-доцентамъ, на лекціи которыхъ записались студенты. Попечитель, въ концѣ семестра, контролируя списки студентовъ, записавшихся на лекціи, представляетъ факультету, когда число записавшихся на лекціи превосходитъ опредѣленную норму (различную, по мѣстностямъ и по факультетамъ, но устанавливаемую, на каждыя пять лѣтъ, министерствомъ, по среднему числу учащихся). Если приватъ-доцентъ занимаетъ каѳедру, для которой нѣтъ профессора, то факультетъ *обязанъ* признать его профессоромъ. Если же по этой каѳедрѣ есть профессоръ, но число посѣщающихъ его лекціи менѣе числа слушателей приватъ-доцента, то, послѣ двухъ лѣтъ, факультетъ баллотируетъ вопросъ: замѣстить ли профессора приватъ-доцентомъ или удержать двѣ профессорскія каѳедры по этому предмету? При этомъ, приватъ-доцентъ всегда имѣетъ право отказаться отъ измѣненія своего положенія. Точно также, уменьшеніе числа слушателей профессора ниже другой опредѣ-

ленной нормы (опять-таки различной, по мѣстности и факультетамъ) должно имѣть непремѣннымъ слѣдствіемъ баллотированіе профессора или доцента, по окончаніи семестра. Если это баллотированіе окажется въ пользу профессора, то оно должно повторяться, въ продолженіе двухъ лѣтъ, послѣ каждаго прочитаннаго семестра, когда число слушателей остается ниже нормы minimum. По окончаніи этого срока, профессоръ обязанъ оставить каѳедру, такъ какъ онъ дѣлается безполезнымъ. Подобное вниманіе къ мнѣнію слушателей (*для которыхъ*, повторяемъ, существуютъ университеты), кромѣ своей положительной выгоды, устранитъ еще такъ-называемыя *демонстраціи*, сами по себѣ весьма безвредныя для университета, но, по живости и увлекаемости молодежи, не всегда сохраняющія вполнѣ приличный характеръ.

Еще одно: г. Пироговъ совершенно справедливо возстаетъ противъ особыхъ чиновниковъ для наблюденія за порядкомъ въ университетѣ, и ставитъ дилемму: или поручите наблюденіе за порядкомъ самимъ профессорамъ, или введите обыкновенную полицію. Мы ни минуты не сомнѣваемся, что вторая часть дилеммы есть *приведеніе къ нелѣпости*, но такъ же ли это ясно для всѣхъ читателей? Это сводится на другую дилемму: или университетъ съ профессорами и студентами, или только съ профессорами, читающими публичныя лекціи и неимѣющими никакой нравственной связи съ слушателями, а для самихъ слушателей прекращеніе всякаго воспитательнаго дѣйствія развитаго кружка молодежи на единицы, къ нему притекающія. Послѣднее возможно, но для нашего общества еще нужно первое, а оно *немыслимо* при введеніи городской полиціи въ аудиторіи.

XIII. *)

Замѣчаніе о нашихъ университетахъ, Н. Костомарова.

Въ 1 № газеты «День» помѣщена замѣчательная статья покойнаго А. С. Хомякова «Объ общественномъ воспитаніи въ Рос-

*) Эта статья вызвала рядъ статей, трактующихъ объ устройствѣ нашихъ университетовъ, которыя появились въ *С. Петерб. вѣд.*, *Современной лѣтописи Русскаго вѣстника* и *Московскихъ вѣд.* въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1861 г. Статья г. Костомарова и вызванныя ею статьи помѣщаются въ сборникѣ «Замѣчаній» на проектъ устава университетовъ по тѣсной связи упомянутыхъ статей съ сими замѣчаніями.

сіи». Мы не беремъ на себя подробнаго разбора мнѣній объ этомъ важномъ предметѣ достойнаго и глубоко-уважаемаго нами писателя и гражданина; ограничимся его взглядомъ на важный органъ общественной образованности — университеты, позволивъ себѣ представить собственныя замѣчанія.

Вотъ что̀ говоритъ А. С. Хомяковъ объ университетахъ вообще:

«Университетъ, какъ высшее изо всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе «есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—паденіе ихъ. Плохой университетъ дѣлаетъ всѣ остальныя школы ничтожными, иныя вслѣдствіе ихъ прямой зависимости, другія вслѣдствіе того соревнованія, которое заставляетъ даже спеціальную школу стремиться къ «совершенству, чтобы не уступить слишкомъ явнаго первенства «высшему учебному заведенію. Итакъ, улучшеніе университетовъ «должно считать предметомъ первой важности въ дѣлѣ образованія общественнаго, и къ нему должно прилагать всевозможныя «старанія».

Соглашаясь съ приписываемымъ университету значеніемъ важности для всѣхъ учебныхъ заведеній, позволимъ себѣ прибавить, что и, наоборотъ, процвѣтаніе университета зависитъ отъ процвѣтанія низшихъ училищъ, въ какомъ бы положеніи университеты ни были поставлены. Чтобъ слушать съ пользою университетскія лекціи, необходимо получить приготовительное воспитаніе, и въ этомъ отношеніи, едва ли не больше вниманія слѣдуетъ обращать на подготовку къ университету, чѣмъ на самый университетъ; по крайней мѣрѣ, опека и бдительный надзоръ надъ низшими и средними учебными заведеніями необходимы для ихъ процвѣтанія, тогда какъ университетъ, предоставленный возможно широкой свободѣ и самодѣятельности, будетъ хорошъ, если слушатели лекцій получатъ надлежащее воспитаніе.

Далѣе Хомяковъ говоритъ:

«Въ недавнее время проявилось мнѣніе, будто-бы университеты «вообще можно уничтожить... Это мнѣніе должно отстранить однажды навсегда, и оно отстраняется само собою, при малѣйшемъ «размышленіи. Вопросъ объ уничтоженіи университетовъ тождественъ съ вопросомъ объ общемъ направленіи народнаго просвѣщенія. Или все воспитаніе распадается на училища чисто спеціальныя, или для высшаго и всеобъемлющаго образованія должны «существовать высшія училища, вмѣщающія въ себѣ преподаваніе «всѣхъ наукъ, связанныхъ между собою одною общею мыслитель-

«ною системою; но послѣ того, что̀ сказано о преобладанiи специа-«лизма, перваго предположенiя уже и опровергать не нужно. Съ «другой стороны, или общество должно давать большiя преимуще-«ства и большую вѣру школамъ замкнутымъ и огражденнымъ отъ «нравственнаго влiянiя и надзора семьи и самого общества, или на «первой и высшей ступени оно должно поставить заведенiе, доступ-«ное его же надзору и его нравственному влiянiю; но первое пред-«положенiе противно здравой логикѣ вездѣ, и противно нравствен-«нымъ законамъ въ землѣ, которая признаетъ семью главною сво-«ею основою и лучшею порукою своего преуспѣянiя и своего ду-«ховнаго достоинства. Итакъ, необходимость университетовъ и раз-«умность ихъ главныхъ законовъ неопровержимы: остается только «разсмотрѣть, какими путями могутъ они удобнѣе достигать своей «цѣли.

«Вообще люди, говоря объ образованiи въ Россiи, признаютъ, «что оно имѣетъ болѣе характеръ поверхностнаго всезнанiя, чѣмъ «дѣльной специальности. Это мнѣнiе сильно распространено, но тѣмъ «не менѣе вполнѣ ложно. Безъ сомнѣнiя, дѣльную специальность «встрѣтить у насъ не совсѣмъ легко; но не всезнанiе мѣшаетъ ей «развиваться, а чистое невѣжество, прикрытое лоскомъ одной спе-«цiальности, самой неопредѣленной и самой пустой изо всѣхъ. Эта «специальность есть довольно полное знанiе современной беллетри-«стики, т. е. чего-то средняго между промышленою словесностью «и общественною болтовнею. Разумѣется, эта специальность, рѣзко «отличающая наше общество, имѣетъ какой-то обманчивый видъ «всезнанiя, но она соединяется по большей части съ полнымъ и «совершеннымъ невѣжествомъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго «знанiя, начиная отъ практическихъ законовъ отечественнаго языка «до отвлеченностей математики или философiи. Не излишняя общ-«ность знанiя мѣшаетъ развитiю специальностей; нѣтъ, эта мнимая «общность, выдуманная, можетъ быть, иностранцами, поверхностно «изучившими Русское общество, и охотно допущенная нашею хваст-«ливою скромностью, не существуетъ. Специальности у насъ ни-«чтожны, просто, потому, что общее знанiе у насъ ничтожно, что «уровень нашего просвѣщенiя весьма низокъ, что умъ лишенъ вся-«кой силы и всякаго напряженiя, и что наше совершенное невѣ-«жество прикрыто отъ поверхностнаго наблюденiя только одною «специальностью: знанiемъ современной беллетристики»...

Мы пропускаемъ слѣдующее затѣмъ предположенiе о порядкѣ слушанiя лекцiй, о раздѣленiи факультетовъ и курсовъ, и вообще все,

что̀ касается частнаго устройства университетовъ, но приведемъ слова автора о публичномъ преподаваніи.

«Слѣдуетъ прибавить, что, по моему мнѣнію, входъ на лекціи «долженъ быть открытъ всѣмъ безъ исключенія. Этого требуетъ «польза науки и образованія общественнаго; этого требуетъ нрав-«ственная справедливость, недозволяющая, чтобъ ученіе дѣтей было «тайною для родителей; этого требуютъ выгоды самаго правитель-«ства, пріобрѣтающаго въ надзорѣ общества вѣрнѣйшую поруку «въ дѣльности и безвредности самаго преподаванія. Точно также «должно давать и экзаменамъ на высшія степени, или, по крайней «мѣрѣ, диспутамъ, величайшую общественность: входъ долженъ «быть свободенъ, возраженіе свободно. Всякое ограниченіе этой «свободы должно быть устранено. Безъ нея испытаніе кандидата «на ученую степень дѣлается ничтожнымъ, и таково оно, отчасти, «теперь, когда и кандидатъ за своею каѳедрой, и возражатели на «своихъ стульяхъ спорятъ другъ съ другомъ, какъ будто подъ «страхомъ уголовнаго слѣдствія, или гейнаускаго суда. Въ самыхъ «семинаріяхъ понимаютъ, что возражатели на диспутѣ не могутъ «стѣсняться постановленіями и ученіемъ церкви. Это — простое «требованіе здраваго смысла».

Изъ статьи Хомякова видно, что еще въ 1850 г. существовала мысль объ уничтоженіи университетовъ. Въ то время Хомяковъ считалъ умѣстнымъ устранить ее навсегда. Однако, обстоятельства не устранили ее, и ее нерѣдко слышишь не только отъ обскурантовъ, но даже и отъ людей, искренно-любящихъ просвѣщеніе. Намъ случалось слышать, напримѣръ, такія сужденія: Къ чему правительству содержать университеты? Не лучше ли предоставить желающимъ читать лекціи по разнымъ наукамъ, и слушать ихъ тѣмъ, кто захочетъ? Такія сужденія происходятъ оттого, что въ настоящее время чувствуется потребность радикальнаго измѣненія университетовъ, а всякое коренное преобразованіе представляется необходимо уничтоженіемъ того вида, въ какомъ находился преобразуемый предметъ. Университеты наши представляютъ собою что̀-то неопредѣленное, неустановившееся, какую-то середину между школою и ученою академіею, и очень многіе не рѣшили себѣ задачу, чѣмъ они должны быть: воспитательно-учебными или образовательно-учеными заведеніями. До сихъ поръ, они имѣютъ претензію быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и въ самомъ дѣлѣ—они ни то, ни другое, потому что то и другое несовмѣстимо, по своей сущности.

Воспитаніе и образованіе не одно и то же, хотя одно безъ другаго невозможно. Воспитаніе предшествуетъ образованію и необходимо должно вести къ нему, иначе — само по себѣ безполезно. Образованіе имѣетъ корень въ воспитаніи, и безъ послѣдняго не можетъ расти. Воспитаніе есть приготовленіе къ жизни, образованіе есть душа жизни. Воспитаніе принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ, и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ, и не прекращается до старости. Никто не можетъ сказать: я окончилъ свое образованіе, ибо это значило бы: я окончилъ свою духовную и нравственную жизнь; но всякому приходится сказать это о воспитаніи, хотя бы и съ сожалѣніемъ, когда остается сознаніе о неполнотѣ и неправильности оконченнаго воспитанія. Образованіе есть расширеніе, развитіе и осмысленіе того, что̀ дается воспитаніемъ; послѣднее даетъ нѣжный и, такъ-сказать, тающій матеріалъ; образованіе сообщаетъ ему плотность и крѣпость; воспитаніе и образованіе въ жизни словно абрисъ и растушовка въ рисункѣ. Способности души, приготовленныя воспитаніемъ къ самобытной дѣятельности, начинаютъ ее съ помощію образованія. Воспитаніе наполняетъ память матеріаломъ; образованіе сообщаетъ правильное практическое примѣненіе этому запасу. Воспитаніе для ума есть какъ бы гимнастика; образованіе направляетъ его развитыя и получившія гибкость силы къ дѣлу познанія и жизни; воспитаніе должно обратить чувство и волю юноши къ добру; образованіе можетъ утвердить въ немъ сознательную любовь и постоянную доблесть. Въ строгомъ смыслѣ, образованіе начинается для человѣка тогда, когда оканчивается воспитаніе (разумѣется, въ упорной противъ всякихъ опредѣлительныхъ граней духовной дѣятельности невозможно поставить для всѣхъ одинакихъ правилъ и условій). Составляя единицу въ неуловимой суммѣ всего образованнаго общества, человѣкъ проходитъ свое общественное поприще, ведетъ дѣло своего образованія. Оно касается всѣхъ возможныхъ видовъ жизни, и духовной, и семейной, и гражданской, и экономической. Очевидно, наука, въ обширномъ смыслѣ своего названія, обнимая все существующее внутри и внѣ человѣка, не есть подготовительное пособіе, но дѣйствующій органъ; чѣмъ болѣе проникаетъ она общественную жизнь, чѣмъ болѣе руководитъ ею и дѣлается необходимою для нея, тѣмъ прогрессъ благосостоянія идетъ вѣрнѣе, правильнѣе, скорѣе и полнѣе. Лучшее ручательство нормальности общественнаго быта — когда общество будетъ имѣть потребность обращаться сколько

возможно чаще къ наукѣ. Въ такой органической связи науки съ жизнію общества и состоитъ то, чтò мы называемъ просвѣщеніемъ. Что слѣдуетъ стараться о распространеніи просвѣщенія — противъ этого никто не будетъ спорить; а потому и необходимо устроить мѣры и средства для образованія, то есть для содѣйствія со стороны науки процесу общественнаго благосостоянія и водворенія просвѣщенія. Необходимы два рода органовъ: одни, воспитательно-учебные, другіе образовательно-учéные. Къ первымъ принадлежатъ школы, вообще всѣ заведенія, имѣющія цѣлью давать воспитаніе отроческому возрасту, до тѣхъ поръ, когда этотъ возрастъ оканчивается, и воспитанникъ въ состояніи вступить въ число членовъ общества. Къ тѣмъ же органамъ воспитанія принадлежатъ учебники и вообще дѣтская литература. Втораго рода органы — университеты и ученыя общества, которые должны имѣть цѣлію лицамъ, уже окончившимъ воспитаніе и достигшимъ зрѣлаго возраста, давать образованіе и содѣйствовать, посредствомъ науки, прогресу общественнаго просвѣщенія и благосостоянія. Вмѣстѣ съ ними должны идти рука объ руку ученая литература и искусства.

Въ пріемахъ воспитательно-учебныхъ и образовательно-ученыхъ заведеній должно существовать различіе. Способы передачи научныхъ истинъ: во-первыхъ — урокъ, руководство, наставленіе; во-вторыхъ — чтеніе, лекція, изслѣдованіе. Совсѣмъ иныя отношенія должны быть между учителемъ гимназіи и его учениками и между профессоромъ и его слушателями. То, чтò даетъ учитель ученику, имѣетъ для послѣдняго качество необходимости: ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на вѣру, такъ сказать, жить умомъ учителя, руководствоваться буквально его наставленіями, развиваться подъ его указаніемъ. Мы говоримъ, однако, не о томъ рабскомъ долгѣ, который, иногда, бездарный и недостойный учитель навязываетъ своимъ ученикамъ, и тѣмъ способствуетъ не развитію, а отупѣнію своихъ питомцевъ, но о томъ довѣріи, которое внушаетъ учитель, любящій и знающій свое дѣло. Профессоръ, напротивъ, предлагаетъ своимъ слушателямъ свои лекціи не на вѣру, а на провѣрку, на обсужденіе, и слушатель дѣлаетъ его своимъ руководителемъ только по сознательному признанію. Ученикъ не можетъ быть судьею своего учителя, иначе это будетъ доказательствомъ, что учитель плохъ. Напротивъ, слушатели должны быть въ состояніи судить о достоинствѣ и недостаткѣ своего профессора: въ этомъ и процвѣтаніе университета. На это мы слышали такое узкое возраженіе: если слушатели могутъ судить профессора, то, значитъ,

онъ имъ читаетъ уже извѣстныя вещи. Какая же польза отъ его чтенія?—Легко отвѣчать на это: многое, что услышатъ слушатели отъ профессора, должно быть имъ извѣстно, но извѣстное можетъ представиться въ болѣе расширенномъ объемѣ, озаренное инымъ свѣтомъ, въ соотношеніи съ тѣми или другими сторонами знанія и жизни; много слушатель отъ профессора можетъ узнать и вовсе неизвѣстнаго; но то, что намъ было неизвѣстно, дѣлаясь достояніемъ нашего познанія, не изъемлется отъ нашего суда, до такой степени, въ какой мы вообще развиты. Слушатели, пріобрѣтая отъ профессора данные знанія и взгляды, должны подвергнуть ихъ тому же процесу, который употреблялъ профессоръ, чтобъ передать ихъ слушателямъ. Самъ профессоръ обязанъ сообщать слушателямъ всѣ орудія для критики того, что онъ говоритъ имъ съ каѳедры.

Коль скоро мы признаемъ университетъ заведеніемъ образовательно-ученымъ, съ цѣлью дать наукѣ возможность содѣйствія развитію общественной жизни, то остается намъ уяснить себѣ вопросъ, изъ кого должны состоять слушатели. Очевидно, изъ лицъ, окончившихъ воспитаніе и начавшихъ дѣло своего образованія на поприщѣ общественной жизни. Но образованіе наше, какъ мы выше замѣтили, кончается съ жизнію, не ограничивается извѣстнымъ возрастомъ, а проникаетъ всѣ вѣтви жизненной дѣятельности: слѣдовательно, слушателями профессорскихъ лекцій могутъ быть лица всѣхъ возрастовъ, отъ юношескаго до старческаго, всякаго званія, всякой спеціальности. Допустивъ это, естественно оказывается ненужнымъ, чтобъ слушатели соединялись между собою какою бы то ни было узаконенною корпораціею званія или сословія. Между тѣмъ, въ нашихъ университетахъ, устроенныхъ на образецъ Германскихъ, слушатели составляли корпорацію съ извѣстными условіями, набирались изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, по экзамену, и, во все продолженіе своего пребыванія въ университетѣ, образовали между собою какъ бы отдѣльное сословіе, имѣвшее особое управленіе, особыя обязанности и правила жизни, свое названіе, даже особую одежду. Такимъ образомъ, университетъ не достигалъ полнаго значенія образовательно-ученаго заведенія, а былъ, въ то же время, воспитательно-учебнымъ, а въ самомъ дѣлѣ, въ строгомъ смыслѣ, не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. Между тѣмъ, потребность образованія, независимо отъ воспитанія, возрастала; число студентовъ, казавшееся прежде огромнымъ, когда доходило до 500,

разрасталось съ каждымъ годомъ, вчетверо и пятеро; кромѣ студентовъ, аудиторіи наполнялись вольно-слушающими, которые не желали подвергнуться условіямъ студентской корпораціи, но хотѣли пріобрѣтать выгоды слушанія лекцій, доставляемыя правомъ получать степени; наконецъ, являлись слушатели, которые не хотѣли даже и послѣдняго, а интересовались однимъ дѣломъ науки, лица всякихъ служебныхъ и общественныхъ спеціальностей, не юноши, недавно вставшіе съ гимназической скамьи, а сѣдобородые старики, даже особы женскаго пола, которымъ, лѣтъ тридцать назадъ, серьезное занятіе наукою казалось неудобомыслимо. Все показываетъ, что общество требовало отъ университета не школы, а органа общаго образованія, что слушать лекціи для многихъ стало такою же потребностію, какъ читать ученыя сочиненія, съ тою разницею, что живое слово рѣдко можетъ быть замѣнено мертвою буквою, даже написанною тѣмъ же лицомъ, которое его произноситъ. Наконецъ, тѣмъ же протестомъ общества противъ школьности университета служитъ появленіе публичныхъ лекцій внѣ университета, по разнымъ отраслямъ знаній, и сочувствіе къ нимъ публики. Мудрено ли, что и теперь, какъ въ 1850 г., могутъ раздаваться голоса, желающія уничтоженія университетовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, т. е. въ качествѣ высшихъ школъ?

Корпорація студентовъ, какъ особое званіе, безполезно. Употребляя слово *корпорація*, мы не разумѣемъ здѣсь свободнаго сближенія между собою людей, занятыхъ однимъ дѣломъ, идущихъ къ одной обязательной цѣли, ничѣмъ другъ къ кругу необязанныхъ, кромѣ взаимнаго соглашенія убѣжденій и потребности взаимнаго труда. Корпорація, напротивъ, связуетъ своихъ членовъ во всѣхъ фазахъ жизни, налагаетъ на нихъ обязанности поступать такъ, а неиначе, вслѣдствіе заранѣе поставленнаго правила, даже противъ индивидуальныхъ требованій и убѣжденій, принадлежать къ извѣстному сообществу, а не къ другому, и держаться своихъ сочленовъ, какъ братьевъ. Такая корпорація можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о взаимной защитѣ общаго дѣла, или о сохраненіи извѣстныхъ привилегій. Понятно, что въ средніе вѣка, въ Европѣ, жизнь вызывала образованіе корпорацій, когда личность каждаго подвергалась случайностямъ, когда каждый, поневолѣ, долженъ былъ искать въ другомъ опоры и охраненія. Понятно, что у насъ, въ XVII вѣкѣ, въ южной и западной Руси, образовались братства, корпораціи, для защиты отъ ультра-Римскаго католичества. Чѣмъ

общество благоустроеннѣе, тѣмъ менѣе представляется необходимости корпорацій, съ одной стороны, съ развитіемъ мѣръ общаго охраненія безопасности каждаго изъ согражданъ, съ другой — съ прекращеніемъ исключительности привилегій, которое всегда бываетъ слѣдствіемъ распространяющагося просвѣщенія. Въ наше время и въ Германіи корпоративность студентовъ держится болѣе по привычкамъ исторической жизни, чѣмъ по дѣйствительной необходимости. У насъ же, заимствованная извнѣ, эта корпоративность есть чистый анахронизмъ, непрактичная подражательность, столь свойственная намъ, къ сожалѣнію, въ послѣдніе вѣка, и не лежащая ни въ нравахъ нашихъ, ни въ сущности дѣла. Нашъ Русскій народъ не терпитъ ненужной корпораціи: доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ корпоративныя устройства, заимствованныя изъ западныхъ образцовъ — цехи, гильдіи и всякая сословная замкнутость, у насъ какъ-то плохо склеиваются и распатываются, коль скоро ослабляется связывающая ихъ власть внѣшней силы, и они предоставляются теченію жизни. Что̀ касается до корпораціи въ дѣлѣ науки, то здѣсь она не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Люди, слушающіе лекціи профессоровъ, только и могутъ быть между собою связаны общимъ занятіемъ — наукою; во всемъ остальномъ, какое между ними можетъ быть основаніе связи, тѣснѣе той, которая естественно существуетъ между сочленами одного гражданскаго общества? Противъ кого имъ защищаться, когда занятіе наукою всѣми признается дѣломъ полезнымъ и достойнымъ одобренія? Какихъ привилегій могутъ домогаться люди, за то единственно, что слушаютъ лекціи, и кому можетъ быть заграждено право на то же самое? Выше мы показали, что образованіе не оканчивается для человѣка и не связывается условіями возраста и положенія въ обществѣ. Наука не есть что-нибудь отличное отъ жизни, она обнимаетъ всевозможныя проявленія общественнаго быта; какой бы вѣтви общественной дѣятельности вы ни посвятили себя, эта вѣтвь всегда имѣетъ свою науку, которую изучать вамъ полезно, для вашей же спеціальности; кромѣ того, есть предметы, интересующіе васъ, какъ человѣка и гражданина вообще, и независимо отъ вашей спеціальности, вы, какъ образованный человѣкъ, захотите узнать о состояніи знаній и понятій объ этихъ предметахъ. Занимаете ли вы служебную обязанность, отдались ли вы промысламъ и хозяйству, вы всегда можете имѣть не только охоту, но даже необходимость обратиться къ университетскимъ лекціямъ, такъ какъ вы всегда найдете интересъ прочитать ученую книгу. Уни-

верситетское чтеніе въ этомъ вамъ только помогаетъ и облегчаетъ васъ: здѣсь вы услышите то, до чего бы вамъ пришлось добираться путемъ продолжительнаго чтенія книгъ, и занятій, требующихъ траты времени, посвященнаго у васъ вашей спеціальности. Неужели, для того, чтобы сблизиться съ наукою, вамъ слѣдуетъ подчиниться правиламъ, неотносящимся къ наукѣ, и даже надѣть особую одежду?

Если смотрѣть на университетъ, какъ на образовательно-ученое заведеніе, то корпорація слушателей лишаетъ его этого высокаго значенія: онъ перестаетъ быть органомъ прямаго сообщенія со стороны науки съ общественной жизнію, и дѣлается школою. Корпорація эта въ нравственномъ отношеніи даже вредна, ибо она отрываетъ слушателей отъ остальнаго общества, побуждаетъ ихъ говорить о себѣ *мы*, въ противоположность съ тѣми, которыя находятся за ея предѣлами, а это ведетъ скорѣе къ заблужденіямъ, къ незнанію общества, къ отчужденію отъ его интересовъ, чѣмъ къ согласной съ нимъ дѣятельности. Корпорація вредна для науки, ибо дѣлаетъ ее какъ будто особой привилегіей избранныхъ, тогда какъ идеалъ ея есть наибольшее распространеніе въ обществѣ ея благодѣтельныхъ результатовъ. Корпорація будетъ, въ этомъ случаѣ, стѣсненіемъ общественной свободы въ самомъ достойнѣйшемъ уваженія человѣческомъ дѣлѣ—просвѣщеніи; она склоняетъ науку къ отрѣшенію отъ жизни, тогда какъ посвящающій себя наукѣ долженъ помнить, что его занятія именно тогда и будутъ плодотворны, когда онъ будетъ трудиться въ прямомъ интересѣ для общества.

Намъ случилось слышать различныя возраженія противъ двухъ современныхъ вопросовъ по части университетскаго устройства: 1) о публичности лекцій и 2) о корпораціи слушателей. Возраженія эти слышались отъ лицъ ученыхъ, принадлежащихъ къ университетскому кругу. Позволимъ себѣ обсудить ихъ.

Противъ открытости и публичности университетскихъ аудиторій представляютъ два возраженія: одно изъ нихъ относится къ слушателямъ, другое — къ профессорамъ. Говорятъ, что слушатели, посѣщая лекціи, мало будутъ приготовлены къ ихъ слушанію, и аудиторіи профессоровъ наполнятся непонимающей ничего толпою. Мы сами не желаемъ этого; скажемъ болѣе: мы бы считали это величайшимъ несчастіемъ для нашего просвѣщенія. Но говорящіе такъ забываютъ, что праздная толпа ищетъ забавы; лекціи же профессора, излагающія науку, заключаютъ въ себѣ много серьезнаго,

а оно именно и отгонитъ праздную толпу. Лекціи профессоровъ не только съ пользою, но и съ удовольствіемъ могутъ слушать только люди приготовленные: тутъ наше охраненіе отъ наплыва невѣжества. Кто не въ силахъ понимать профессора, тотъ его слушать не станетъ: потому что ни у кого не достанетъ терпѣнія слушать то, чего онъ не понимаетъ. Неужели въ Лютеранской церкви проповѣдникъ долженъ брать предосторожности для того, чтобъ его Нѣмецкую проповѣдь не слушали незнающіе по-Нѣмецки ни слова? Безъ сомнѣнія, для послѣднихъ было бы истиннымъ наказаніемъ просидѣть въ это время въ церкви. И теперь, при корпораціи студентовъ, при вступительныхъ и переводныхъ экзаменахъ, нерѣдко вступаютъ въ университетъ молодые люди, которые не въ силахъ понимать лекцій, и они уклоняются отъ нихъ всѣми способами, хотя на нихъ лежитъ обязанность посѣщать ихъ. Какъ же можно, чтобъ тѣ, на которыхъ не лежитъ никакого приказанія ходить въ аудиторіи, приходили бы туда подвергаться добровольно скукѣ? Естественно, слушать лекціи съ охотою и постоянствомъ будутъ только тѣ, которые достаточно приготовлены, чтобъ ихъ понимать. Впрочемъ, еслибъ и явились лица неприготовленныя попробовать своихъ силъ, то изъ этого ни профессору, ни его наукѣ, ни его внимательнымъ слушателямъ не будетъ ни тепло, ни холодно: испытавши свое невѣжество, такіе посѣтители скоро утомятся и исчезнутъ. Профессоръ, говорятъ намъ, не будетъ имѣть нравственнаго вліянія на слушателей, видя предъ собою незнакомую толпу. Нравственное вліяніе можетъ совершаться двумя способами: или чрезъ посредство чтеній, или посредствомъ личнаго знакомства съ слушателями. Первое достигается въ равной степени какъ при корпораціи, такъ и при публичномъ чтеніи; второе вполнѣ не достигается ни при томъ, ни при другомъ порядкѣ, но очень естественной причинѣ: если у профессора много слушателей, то составляютъ ли они корпорацію, или не составляютъ — все равно, онъ не можетъ ихъ всѣхъ знать, а особенно любящіе науку и сочувствующіе профессору сблизятся съ нимъ и въ томъ и другомъ случаѣ.

Другое возраженіе относится къ профессорамъ. Боятся, чтобъ нѣкоторые профессора не погнались за ложною популярностью, не стали бы поддѣлываться подъ тонъ и степень понятій дурно воспитанной публики, и не впали бы въ верхоглядство и фразерство. Это предостереженіе можно формулировать такъ: надобно желать, чтобъ не было плохихъ профессоровъ, которые легко могутъ впасть въ упомянутые пороки, а были бы профессорами люди достойные,

знающіе и любящіе свое дѣло. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но мы никакъ не можемъ допустить, чтобъ хорошій профессоръ могъ сдѣлаться дурнымъ оттого, что къ нему на лекціи будутъ ходить люди мало приготовленные. Выше мы показали невозможность, чтобъ вся его аудиторія состояла изъ такихъ слушателей; еще невозможнѣе, кажется намъ, чтобы профессоръ сообразовался скорѣе съ непонимающими его, чѣмъ съ людьми, которые пришли его слушать съ истинною любовью и съ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній. Плохой профессоръ высказывается двумя противоположными способами чтенія: иной, лѣнясь или не умѣя погрузиться въ глубину науки, пускаетъ съ каѳедры болтовню такъ-называемыхъ воззрѣній и расплывается въ фразахъ; другой, думая быть дѣльнымъ труженикомъ науки, теряется въ кучѣ частностей, не умѣетъ связать ихъ, осмыслить, и въ результатѣ, чтеніе его также безполезно, какъ и чтеніе верхогляда-фразера. Кому изъ занимающихся исторіею не случалось читать какую-нибудь Французскую книгу, гдѣ фраза нанизана на фразу, событія изложены и сопоставлены для эфекта, очень часто вводится умышленная ложь, для той же цѣли. Скучными частностями авторъ не мучитъ читателей, а скользитъ по гладкой поверхности общихъ воззрѣній, и книга его носитъ подобіе мыльнаго пузыря: отъ нея ровно никакой пользы; только пожалѣешь о времени, потраченномъ на ея чтенія. Но кому то же не попадалась подъ-руку ученая Нѣмецкая книга, которую, какъ развернешь, то одно ужасающее множество цитатъ наводитъ благоговѣніе, гдѣ все, какъ будто, пронизано анализомъ и критикой, а какъ одолѣешь ее, то и еще больше пожалѣешь о пропавшемъ времени, потому именно, что времени на нее придется употребить больше. Можно и въ нашей отечественной литературѣ найти довольно образчиковъ того или другаго рода ученаго пустописательства. Точно также и плохой профессоръ, вдается ли онъ въ ту или другую крайность — равно безполезенъ. Мы соглашаемся, что профессоръ лѣнивый, тщеславный, мало преданный наукѣ, неощущающій высокаго наслажденія любви къ ней, при публичности лекцій и доступности ихъ для всѣхъ и каждаго, можетъ впасть въ искательство популярности. Но не думаете ли вы, что онъ останется въ выигрышѣ? Популярность имѣетъ свойство убѣгать отъ тѣхъ, кто за нею бѣгаетъ. Вы боитесь, чтобъ профессоръ не испортился похвалами публики, мало оцѣнивающей внутреннее значеніе науки; а почему же вы не предполагаете, что, вмѣстѣ съ такой щедрою на одобреніе публикою, не явятся два-три знатока дѣла, такіе два-три

знатока, которые ученѣе самого профессора, и прослушавши двѣ-три его мыльно-пузырныя лекціи, не сдѣлаются, печатно и словесно, его неумолимыми обличителями? Еслибы профессору и удалось, на короткое время, пріобрѣсти незаслуженную знаменитость, они подорвутъ ее и уничтожатъ. А знаете ли, ратующіе такимъ образомъ ученые мужи, чтò я вамъ скажу: страшась за свою братію, чтобъ она не испортилась подъ вліяніемъ мало приготовленной публики, въ сущности вы боитесь за самихъ себя; вамъ опасны не эти мало приготовленные, которые способны слушать васъ съ благоговѣніемъ, а именно тѣ немногіе, которые приготовлены лучше васъ и могутъ обличить васъ, да еще печатно. При такомъ устройствѣ чтеній, надобно будетъ вамъ къ каждой лекціи готовиться, каждое слово взвѣшивать, а вы отъ этого отвыкли: оно безопаснѣе, если въ вашу аудиторію не смѣетъ никто явиться, кромѣ тѣхъ юношей, которые еще не такъ созрѣли въ дѣлѣ образованія, чтобъ раскусить васъ!

Есть другаго рода ученые и дѣйствительно почтенные люди, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ такихъ заднихъ видахъ, — люди, по мнѣнію которыхъ слѣдуетъ допустить свободный входъ въ аудиторію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поддерживать существованіе студентской корпораціи? Но, въ такомъ случаѣ, для чего различіе между принадлежащими къ корпораціи и не принадлежащими къ ней посѣтителями? У насъ и теперь существуетъ два рода слушателей: студенты и вольнослушающіе. Первые подвергаются вступительному и переводнымъ экзаменамъ; вторые, слушая лекціи наравнѣ съ первыми, держатъ одинъ экзаменъ на степень. Два званія для одной и той же цѣли: къ чему это? Если, не вступая въ корпорацію, допускается пріобрѣтать то, для чего существуетъ корпорація, то не ясное ли дѣло, что эта корпорація вовсе не нужна, а существованіе того, чтò не нужно, скорѣе можетъ сдѣлаться вреднымъ, а уже никакъ не полезнымъ.

Существуетъ еще мнѣніе, совершенно противное нашему и не согласное съ тѣми, возраженія которыхъ мы опровергаемъ: сдѣлать университеты совершенно воспитательными заведеніями, и при томъ наглухо закрытыми. По нашему мнѣнію, умноженіе воспитательныхъ заведеній съ болѣе широкимъ преподаваніемъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, у насъ принесетъ пользу; но въ такомъ случаѣ отдѣлите ихъ отъ университета — заведенія не воспитательнаго, а образовательно-ученаго. Пусть эти новаго рода воспитательныя заведенія доставляютъ въ университеты слушателей болѣе приготовленныхъ,

чѣмъ гимназіи; и университеты и общество будутъ имъ благодарны. Что касается до закрытости новыхъ заведеній, то она несообразна съ нашими нравами и нашими потребностями. Вотъ Хомяковъ, человѣкъ вполнѣ Русскій (въ этомъ трудно сомнѣваться) говоритъ совсѣмъ не то: онъ хочетъ даже, чтобы всѣ учебныя заведенія вообще были открыты, и чтобъ экзамены производились публично. Мы вполнѣ сочувствуемъ этому, по собственнымъ нашимъ наблюденіямъ. Тогда, быть можетъ, нашимъ гимназическимъ учителямъ не такъ легко и безопасно будетъ *опускаться:* это былъ давній и всеобщій порокъ, поражающій нерѣдко людей даровитыхъ и знающихъ; его излечить можно только тогда, когда вниманіе и надзоръ общества заставятъ ихъ держать ухо востро.

XIV.

Другое замѣчаніе о нашихъ университетахъ, М. Стасюлевича.

Naturam expelles furca, tamen usqul recurret.

Почтенный нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ высказалъ мнѣніе о Русскихъ университетахъ, по поводу напечатанной въ № 1-мъ газеты «День» статьи Хомякова. Мысль объ уничтоженіи университетовъ, какъ говоритъ онъ и какъ свидѣтельствуютъ слова А. С. Хомякова, не нова; хотя по различнымъ побужденіямъ, но эту мысль высказываютъ и обскуранты, и люди, искренно любящіе просвѣщеніе. Нельзя также не согласиться съ Н. И. Костомаровымъ, что одно существованіе такой мысли можетъ привести къ убѣжденію въ «потребности радикальнаго измѣненія университетовъ, а всякое коренное преобразованіе представляется необходимо уничтоженіемъ того вида, въ какомъ находился преобразуемый предметъ». Я раздѣляю вполнѣ мнѣніе Н. И. Костомарова о необходимости преобразованія — но не университетовъ, а въ университетахъ, и думаю также, что оно должно состоять не въ уничтоженіи того вида, въ какомъ находился преобразуемый предметъ. Вообще всякое преобразованіе, совершающееся въ формѣ такого уничтоженія, рискуетъ, вмѣстѣ съ зломъ, уничтожить и доброе; не было ли бы лучше ограничить-

ся уничтоженіемъ зла, и притомъ именно настолько, насколько оно зло?

Въ чемъ же состоитъ то зло, которое даетъ поводъ обскурантамъ говорить вообще объ излишествѣ университетовъ, и людямъ, любящимъ просвѣщеніе, требовать уничтоженія ихъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ? По мнѣнію Н. И. Костомарова, такое зло состоитъ въ томъ, что «университеты наши представляютъ собою что-то неопредѣленное, неустановившееся, какую-то середину между школою и ученою академіею, и очень многіе не рѣшили себѣ задачу, чѣмъ они должны быть: воспитательно-учебными или образовательно-учеными заведеніями. До сихъ поръ, они имѣютъ претензію быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, а въ самомъ дѣлѣ они ни то, ни другое, потому что то и другое несовмѣстимо, по своей сущности». И такъ, неопредѣленность цѣли, смѣшеніе задачи воспитательно-учебной и образовательно-ученой, слѣдовательно, неудовлетворительное состояніе преподаванія — вотъ что̀ составляетъ зло нашихъ университетовъ; университеты должны быть исключительно образовательно-ученымъ заведеніемъ. Н. И. Костомаровъ поставилъ вопросъ совершенно прямо; средство къ преобразованію университетовъ очевидно: необходимо уничтожить въ нихъ все, что облекаетъ ихъ въ воспитательно-учебную форму.

Пойдемъ далѣе. Рѣшимъ вопросъ: что̀ въ нашихъ университетахъ было, до сихъ поръ, воспитательно-учебнаго? По справедливому мнѣнію Н. И. Костомарова, въ университетѣ образовательно-ученомъ «слушателями профессорскихъ лекцій могутъ быть лица всѣхъ возрастовъ, отъ юношескаго до старческаго, всякаго званія, всякой спеціальности». Мы дошли до капитальнаго мнѣнія въ статьѣ Н. И. Костомарова, и потому остановимся на немъ внимательнѣе. Нельзя ничего сказать противъ этого мнѣнія: *закрытый университетъ* — это выраженіе можетъ быть терпимо ухомъ только потому, что одно слово Русское, а другое Латинское; но оно имѣетъ столько же смысла, какъ и сухая вода. Однакожь дѣло не въ томъ: мнѣніе Н. И. Костомарова совершенно правильно; но оно грѣшитъ только въ томъ отношеніи, что не стоитъ въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Судя по словамъ автора, можно подумать, что, напримѣръ, Санктпетербургскій университетъ, въ своихъ аудиторіяхъ, не соединялъ лица всѣхъ возрастовъ, отъ юношескаго до старческаго, всякаго званія, всякой спеціальности. Н. И. Костомарову по опыту извѣстно, что, напримѣръ, аудиторія профессора Русской исторіи въ Санктпетербургскомъ университетѣ состояла, не дальше, какъ въ началѣ ны-

нѣшняго академическаго года, не только изъ лицъ всѣхъ возрастовъ и состояній, какъ онъ того желаетъ, но и изъ лицъ обоего пола. И такъ, наши аудиторіи нисколько не противорѣчили идеѣ университета, какъ ее справедливо понимаетъ Н. И. Костомаровъ; онъ желаетъ не больше, какъ того, что уже существуетъ на дѣлѣ и, слѣдовательно, не нуждается въ преобразованіи. Вопросъ долженъ, повидимому, идти не о преобразованіи университетовъ, а о сохраненіи того состоянія и процвѣтанія, котораго они достигли; въ этомъ случаѣ, кажется, консерваторъ былъ бы намъ нужнѣе реформатора. Однимъ словомъ, Н. И. Костомаровъ ищетъ причинъ неудовлетворительности университетовъ въ неправильномъ составѣ аудиторіи, а, слѣдовательно, и преподаванія, и предлагаетъ для реформы именно то положеніе, въ которомъ мы уже находимся.

Но Н. И. Костомаровъ не могъ сдѣлать такой ошибки, чтобы желать того, что еще недавно существовало, и что, по крайней мѣрѣ, по возможности, могло бы существовать и теперь: посѣтители и теперь не ограничены ни возрастомъ, ни званіемъ. Хотя наши аудиторіи и соединяютъ слушателей всѣхъ возрастовъ и званій, однако, тѣмъ не менѣе университетъ имѣетъ, по мнѣнію Н. И. Костамарова, воспитательно-учебный характеръ, которымъ онъ и думаетъ объяснить все неустройство университетовъ. Что̀ же можетъ придать университету такой характеръ? Что̀ могло до сихъ поръ— спросимъ Н. И. Костомарова — ограничивать, въ нашей аудиторіи, профессора въ его стремленіи къ образовательно-ученому характеру лекцій? Что̀ обязывало профессора имѣть въ виду воспитательно-учебныя цѣли? Были ли мы должны наблюдать за порядкомъ въ аудиторіи, и были ли такіе безпорядки въ аудиторіяхъ, или прибѣгать къ элементарнымъ объясненіямъ? По опредѣленію Н. И. Костомарова, пріемъ въ воспитательно-учебныхъ заведеніяхъ состоитъ «въ урокѣ, руководствѣ, наставленіи.... То что даетъ учитель ученику, имѣетъ для послѣдняго качество необходимости; ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на вѣру, такъ сказать, жить умомъ учителя, руководствоваться буквально его наставленіями, развиваться подъ его указаніемъ». Все это справедливо само по себѣ; но развѣ было что-нибудь подобное въ положеніи профессора у насъ до сихъ поръ? развѣ мы задавали уроки, подчиняли слушателей какому-нибудь одному руководству и читали имъ наставленія? Въ чемъ же заключался воспитательно-учебный характеръ нашей аудиторіи, который долженъ быть уничтоженъ по предложенію Н. И. Костомарова? Трудно предугадать тому, кто

сколько-нибудь знакомъ съ физіономіею аудиторій послѣднихъ лѣтъ, въ чемъ могъ состоять ихъ воспитательно-учебный характеръ. Лекціи Русской исторіи, которыя, по ихъ изданіи въ свѣтъ, сдѣлались всѣмъ извѣстными, напримѣръ, имѣли всегда чистый образовательно ученый характеръ; этому ничто не мѣшало, да ничто и не могло мѣшать, потому что образовательно-ученому характеру лекцій могутъ препятствовать одни собственныя средства самого профессора. Но вотъ подлинныя слова Н. И. Костомарова, которыя должны намъ указать на такое внѣшнее препятствіе: «Допустивъ это (т. е. то, что слушателями лекцій могутъ быть лица всѣхъ возрастовъ и т. д.), естественно, оказывается ненужнымъ, чтобъ слушатели соединились между собою, какою бы то ни было узаконенною корпораціею званія или сословія. Между тѣмъ, въ нашихъ университетахъ, устроенныхъ на образецъ Германскихъ, слушатели составляли корпорацію, съ извѣстными условіями, набирались изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, по экзамену, и во все продолженіе своего пребыванія въ университетѣ образовали между собою какъ бы отдѣльное сословіе, имѣвшее особое управленіе, особыя обязанности и правила жизни, свое названіе, даже особую одежду. Такимъ образомъ (?) университетъ не достигалъ полнаго значенія образовательно-ученаго заведенія, а былъ, въ то же время, воспитательно-учебнымъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ строгомъ смыслѣ, не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, а оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи». Н. И. Костомаровъ высказалъ мысль свою совершенно ясно и опредѣленно: существованіе званія студента, которое считаетъ за собою уже 700 лѣтъ, студентской корпораціи— это соподражаніе Нѣмецкимъ университетамъ, вотъ что облекаетъ университетъ въ воспитательно-учебный характеръ и препятствуетъ его чисто-образовательно ученымъ цѣлямъ. Стоитъ, слѣдовательно, уничтожить самое званіе студента, и тогда наши университеты станутъ на настоящую дорогу. Но прежде, нежели мы рѣшимся на такой важный шагъ, взвѣсимъ всѣ обстоятельства, примемъ въ соображеніе всѣ доводы *за* и *противъ*. Конечно, прежде всего, слѣдовало бы спросить профессоровъ: дѣйствительно ли аудиторія получала воспитательно-учебный характеръ отъ того, что извѣстная часть ея состояла изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ одному сословію? Я могу отвѣтить только за себя: нѣтъ; я могу къ этому прибавить, что отъ другихъ я не слышалъ, по крайней мѣрѣ, противнаго; наконецъ, я могу утверждать, что не было ни одной оффиціальной жалобы на то, что существованіе званія студента пре-

пятствовало образовательно-ученому характеру лекцій какого-нибудь профессора. Я ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что Н. И. Костомаровъ первый подпишется подъ моимъ мнѣніемъ, не имѣя причинъ жаловаться на присутствіе въ его аудиторіи молодыхъ людей, соединенныхъ однимъ званіемъ. Но это еще не все. Н. И. Костомаровъ считаетъ у насъ студентское общество снимкомъ съ Нѣмецкихъ студентскихъ корпорацій. Если я не ошибаюсь самъ, то, въ этомъ отношеніи, ошибается онъ. Студентское общество въ нашихъ университетахъ есть совершенно самостоятельное явленіе, тѣсно Связанное съ общенароднымъ бытомъ Славянской расы. Въ Гейдельбергскомъ университетѣ, напримѣръ, существуетъ корпорація Вандалъ, Алеманновъ, Швабовъ и др.; гдѣ же въ нашихъ университетахъ встрѣчаются копораціи Вятичей, Лутичей, Тиверцевъ, Сѣверянъ и т. д.? У насъ въ основѣ лежитъ *міръ*, а не корпорація, и потому всѣ разсужденія Н. И. Костомарова о корпораціи студентовъ, какъ явленіи, лишенномъ смысла въ наше время, могутъ быть совершенно справедливы сами по себѣ, но они не имѣютъ приложенія къ нашимъ университетамъ, именно по отсутствію корпорацій у насъ, въ Нѣмецкомъ смыслѣ этого слова.

Однако, въ мнѣніи Н. И. Костомарова я признаю совершенно справедливымъ, что званіе студента, полагаетъ ли оно основаніе корпораціи или міру, имѣетъ въ себѣ воспитательное значеніе. Но оно и необходимо для университетской жизни; она должна также имѣть воспитательный характеръ, но совершенно отличный отъ воспитанія въ такъ-называемыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; а именно, студенту предстоитъ трудъ *самовоспитанія*. Для составленія полнаго типа студента недостаточно однихъ лекцій: его развитію не менѣе содѣйствуетъ то самовоспитаніе, которое можетъ совершиться только при существованіи студентскаго міра. Вотъ отвѣтъ, который можно дать Н. И. Костомарову на его недоумѣніе, къ чему при свободномъ входѣ въ аудиторію сохранять званіе студента, «для чего различіе между принадлежащими къ корпораціи и непринадлежащими къ ней посѣтителями»? Николай Ивановичъ замѣчаетъ, что у насъ и теперь существуютъ студенты и вольнослушатели; онъ считаетъ это двумя званіями для одной и той же цѣли. Въ томъ-то и дѣло, что цѣль не одна: молодой человѣкъ, кончивъ курсъ въ гимназіи, 17 или 18 лѣтъ, не дѣлается тотчасъ сѣдовласымъ старцемъ; мы можемъ увѣрять себя, что между нашими слушателями не должно быть различія по возрасту, и тѣмъ не менѣе они будутъ различныхъ возрастовъ и, слѣдовательно, раз-

личныхъ цѣлей. Стремленіе къ общежитію не есть результатъ иностранному подражанію, какъ нельзя сказать, что наши молодые люди достигаютъ 17 лѣтъ изъ подраженія молодымъ людямъ другихъ націй.

Говоря такъ, мы дотронулись до больнаго мѣста нашихъ университетовъ. Мнѣ кажется, Николай Ивановичъ совершенно напрасно искалъ причины неудовлетворительности университетовъ въ какомъ-то воспитательно-учебномъ характерѣ нашихъ аудиторій; онъ можетъ вблизи себя найти опроверженіе тому. Неудовлетворительность университетовъ дожна искать свои причины въ отсутствіи правильнаго самовоспитанія студентовъ. Уничтожить званіе студента значило бы совершенно уничтожить такое самовоспитаніе. А главное дѣло состоитъ въ томъ, что и самое уничтоженіе званія студента не было бы уничтоженіемъ самовоспитанія; оно проявилось бы снова и въ университетѣ безъ студентовъ, но въ какой-нибудь произвольной и, часто, безобразной формѣ. Не лучше ли было бы уничтожить въ томъ или другомъ явленіи именно его дурную сторону? Исправить что-нибудь уничтоженіемъ — дѣло весьма легкое; но тогда нужно отказаться отъ надежды создать что-нибудь прочное. Наше творчество всегда ограничивается формами; но матеріалъ, снабженный извѣстными законами, дается намъ готовымъ, и большая часть творчества всегда не удается именно потому, что самихъ себя принимаютъ за матеріалъ творчества. Потому я предлагаю не радикальное преобразованіе, а раціональное; аудиторіи наши имѣли уже образовательно-учёный характеръ, слѣдовательно, преобразованіе не относится къ нимъ; можно сказать многое противъ самовоспитанія студентовъ, въ томъ видѣ, какимъ оно представлялось до сихъ поръ, а именно руководимое однимъ полицейскимъ надзоромъ университетскаго начальства; реформировать его уничтоженіемъ значило бы перенести зло съ одного мѣста на другое; но учрежденіе, напримѣръ, университетскаго суда сдѣлало уже первый шагъ къ раціональной реформѣ; университетскій судъ будетъ однимъ изъ важныхъ *воспитательныхъ* учрежденій, какъ то можетъ быть допущено въ университетѣ. Не наше дѣло говорить о томъ, что еще можетъ быть сдѣлано, но мы позволимъ себѣ указать на то, что уже приведено въ исполненіе.

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что мысль Н. И. Костомарова объ образовательно-ученомъ учрежденіи для лекцій безъ студентовъ, сама по себѣ, превосходна, и заслуживаетъ осуществленія, но не подъ условіемъ уничтоженія университета. Николай Ивановичъ имѣетъ

въ виду, очевидно, то учрежденіе, которое существуетъ въ Парижѣ, подъ именемъ Collége de France, гдѣ, дѣйствительно, нѣтъ ни пріемныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, нѣтъ также и студентовъ, какъ особаго сословія. Но все это не дѣлаетъ излишнимъ, въ Парижѣ, Сорбонны, т. е. университета. Но что такое Collége de France? Оно есть учрежденіе при академіи наукъ въ Парижѣ — по крайней мѣрѣ, всѣ профессора, или почти всѣ, принадлежатъ академіи; это есть публично читающая академія, какъ бы въ дополненіе къ академіи пишущей. Было бы прекрасно, еслибы и при нашей академіи была открыта академія публичныхъ лекцій, гдѣ академики могли бы дѣйствовать и устнымъ словомъ; туда можно было бы принимать и постороннихъ профессоровъ, для тѣхъ предметовъ, которые не замѣщены академиками. Но къ чему уничтожать Сорбонну?

XV.

Третье замѣчаніе о нашихъ университетахъ, Н. Барсова.

По поводу статьи Хомякова, помѣщенной въ 1 № «Дня», высказались два, довольно противоположныя мнѣнія о нашихъ университетахъ: одно принадлежитъ Н. И. Костомарову, другое М. М. Стасюлевичу; первое требуетъ преобразованія университета изъ закрытаго заведенія въ учено-образовательное учрежденіе, совершенно открытое и равно для всѣхъ, безъ изъятія, доступное; второе—удержанія тѣхъ фактовъ и формъ, которые обнаружились уже въ университетской жизни за послѣдніе академическіе годы, когда въ университетъ былъ открытъ свободный доступъ для всѣхъ желающихъ, и аудиторіи наполнялись лицами безъ различія состоянія, возраста и пола. Первое предлагаетъ рѣшительный исходъ изъ положенія, въ которое поставлены наши разсадники знанія; второе — ограничиваетъ всю задачу сохраненіемъ тѣхъ утѣшительныхъ явленій, которыя успѣли уже пробиться на безплодной почвѣ.

Впрочемъ, оба мнѣнія извѣстны, и нѣтъ причины останавливаться долѣе на ихъ изложеніи.

Но есть весьма побудительныя причины остановиться на ихъ

разборѣ: дѣло воспитанія и образованія — дѣло общества, оно первая и важнѣйшая его задача, его забота, самая трудная и исполненная живѣйшаго интереса — ибо всѣ благотворные результаты, до которыхъ успѣваетъ дойти общество въ этомъ дѣлѣ, возвращаются къ нему и вознаграждаютъ его сторицею за всѣ жертвы, и, напротивъ, всѣ ошибки, злоупотребленія въ воспитаніи, повидимому, не важныя, ложатся тяжелымъ гнетомъ на общество, не умѣвшее приготовить себѣ если не достойныхъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе достойныхъ преемниковъ въ общественной жизни. Это до такой степени вѣрно, что учрежденія воспитательныя и образовательныя всегда сохраняютъ на себѣ отпечатокъ національнаго и общественнаго характера. Школы и университеты Англіи, представители гражданской доблести и политическаго смысла, вовсе не похожи, напримѣръ, на школы и университеты Франціи: между ними такая же бездна, какъ и между понятіями, взглядами на вещи, привычками, исторіей этихъ друхъ націй. Монтегю рѣзко провелъ такое различіе въ своей статьѣ, помѣщенной въ одной изъ книжекъ «Revue des Deux Mondes» (сколько помнится по поводу книги Tom. Brown: «Школьные годы»).

У насъ нѣтъ ни одного національнаго учрежденія для воспитанія, образованія, распространенія чисто-спеціальныхъ знаній, настоятельно потребныхъ для общества и народа; даже болѣе: у насъ не составилось въ большинствѣ опредѣленныхъ мнѣній, касательно такихъ учрежденій, и нѣтъ принциповъ, которые бы, будучи приняты въ основаніе всѣми, будучи всѣми признаны, придавали бы единство даже несогласнымъ мнѣніямъ.

Признаемся, несогласіе во мнѣніяхъ гг. Костомарова и Стасюлевича — насъ порадовало: ибо мнѣнія эти вытекаютъ изъ одного начала; но удивительно, какъ это еще не явилось изъ среды общества, напримѣръ, такого рода сужденіе, что университеты должны быть закрытымъ учрежденіемъ, доступнымъ для немногихъ, которымъ открывались бы двери по такимъ или другимъ основаніямъ; удивительно, какъ это никто еще не указалъ на то, что наука — дѣло священное, создана не для профановъ, что надо прежде посвятить юношу въ ученые, а потомъ уже пустить въ университетъ учиться. При отсутствіи убѣжденій, твердой точки зрѣнія, при пустомъ либерализмѣ и несокрушимомъ консерватизмѣ, при нашей чисто-восточной пестротѣ въ умственномъ развитіи—надо ждать и не такихъ еще противорѣчій, какое обнаружилось въ мнѣніяхъ двухъ нашихъ историковъ.

Замѣчаніе г. Стасюлевича («Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» № 241) написано противъ статьи г. Костомарова («Спб. Вѣд.» № 237); это даетъ намъ возможность, разбирая и опровергая мнѣніе г. Стасюлевича (ибо съ мнѣніемъ г. Стасюлевича есть много поводовъ не соглашаться), разобрать и защитить мнѣніе г. Костомарова, съ которымъ нельзя не согласиться... «Наши университеты», говоритъ Н. И. Костомаровъ, «представляютъ собою, что-то неопредѣленное, неустановившееся, какую-то середину между школою и ученой академіей, и очень многіе не рѣшили себѣ задачу, чѣмъ они должны быть: воспитательно-учебными, или образовательно-учеными заведеніями; до сихъ поръ, они имѣютъ претензію быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, а въ самомъ дѣлѣ они ни то, ни другое, потому что ни то, ни другое несовмѣстимо по своей сущности»... Потому требуется измѣненіе, и лучшее, по убѣжденію г. Костомарова, будетъ то, когда «слушателями профессорскихъ лекцій могутъ быть лица всѣхъ возрастовъ, отъ юношескаго до старческаго, всякаго званія, всякой спеціальности», т. е., догадывается М. М. Стасюлевичъ, когда университетъ будетъ такимъ учрежденіемъ, которое существуетъ въ Парижѣ, подъ именемъ Collége de France.

М. М. Стасюлевичъ вполнѣ согласенъ съ г. Костомаровымъ; но утверждаетъ, что поворотъ къ *ученому* характеру университета совершился, и что наши университеты, въ послѣдніе четыре года, отнюдь не имѣли характера учебно-воспитательнаго: «я», говоритъ онъ, «могу только отвѣчать за себя, и могу къ этому прибавить, что отъ другихъ я не слышалъ, по крайней мѣрѣ, противнаго; наконецъ, я могу утверждать, что не было ни одной оффиціальной жалобы на то, что существованіе званія студента воспрепятствовало образовательно-ученому характеру профессорскихъ лекцій».

Это отсутствіе оффиціальныхъ жалобъ М. М. Стасюлевичъ принимаетъ, такимъ образомъ, за ручательство въ ученомъ характерѣ теперешняго университета. Онъ находитъ поддержку себѣ и въ другаго рода фактахъ. «Г. Костомарову», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «по опыту извѣстно, что, напримѣръ, аудиторія профессора Русской исторіи въ Санктпетербургскомъ университетѣ состояла не дальше, какъ въ началѣ нынѣшняго года, не только изъ лицъ всѣхъ возрастовъ и состояній, какъ онъ того желаетъ, но изъ лицъ обоего пола».

Я свято вѣрю въ то, что М. М. Стасюлевичъ никогда не приметъ на себя неблагодарнаго труда доказать, что отсутствіе оффи-

ціальныхъ жалобъ на то, что званіе студента препятствуетъ профессорамъ быть профессорами, равносильно оффиціальному одобренію желаній профессоровъ быть профессорами, и что посѣщеніе лекцій университетскихъ людьми всѣхъ состояній и возрастовъ не было случаемъ. Впрочемъ, если г. Стасюлевичъ докажетъ предложенныя положенія, то нельзя будетъ съ нимъ не согласиться, нельзя будетъ не возстать на г. Костомарова.

Еще одно замѣчаніе. Задача университета, помимо сообщенія знанія слушателямъ, есть, по мнѣнію г. Стасюлевича, *самовоспитаніе* студентовъ, и для рѣшенія ея предлагается продуктъ Русско-исторической жизни: *міръ*, міровой судъ, міровое обсужденіе университетскихъ вопросовъ и т. д. Но, въ извѣстныя лѣта, самовоспитаніе человѣка зависитъ болѣе отъ него самого, чѣмъ отъ общества; трудно, напримѣръ, 18—25-лѣтнему молодому человѣку требовать, чтобъ его водило на помочахъ общество — грустно даже думать о такихъ нравственно-несовершеннолѣтнихъ; но, наконецъ, если даже принять, что общество имѣетъ сильное вліяніе на нравственное развитіе лица, въ такомъ случаѣ дѣлайте такъ, чтобы возможное совершенство и крѣпость вѣры въ себя, въ свое дѣло, и сила убѣжденій не были рѣдкими исключеніями, чтобы для нихъ не было заведено оффиціальнаго разсадника, но чтобъ они росли всюду, гдѣ есть люди съ умомъ и сердцемъ. Точно также и форма міра, предлагаемая г. Стасюлевичемъ, какъ самая удобная для содѣйствія самовоспитанію: кто поручится, что она самая удобная? кто поручится, что она въ духѣ молодежи, приходящей въ университетъ добывать знанія? — Мы знаемъ факты, доказывающіе, что студирующая молодежъ вѣритъ въ нее только въ крайнихъ случаяхъ, и не вѣритъ, какъ въ фактъ постоянный. Да и къ чему думать и говорить о формахъ? Пусть будетъ открытъ университетъ, растворяющій двери для всѣхъ, безъ всякихъ формъ, и учащаяся юность покажетъ и, главное, сознаетъ сама, что ей надо: мы вѣримъ—основаніе подобнаго университета будетъ своего рода tabula rasa, на которой крупными буквами напишется все лучшее и благородное Русской національности.

XVI.

Четвертое замѣчаніе о нашихъ университетахъ, М. Сухомлинова.

Недавно сдѣлалась извѣстною статья Хомякова, изъ которой видно, что слухи о закрытіи университетовъ произвели въ обществѣ тяжелое впечатлѣніе. По поводу статьи Хомякова, профессоръ Костомаровъ высказалъ свое мнѣніе объ университетахъ; оно разобрано профессоромъ Стасюлевичемъ.

Н. И. Костомаровъ признаетъ, что университетъ долженъ быть «образовательно-ученымъ» заведеніемъ, а при такомъ характерѣ его необходимо допустить, что «слушателями профессорскихъ лекцій могутъ быть лица всѣхъ возрастовъ, всякаго званія, всякой спеціальности». По самой идеѣ своей, университетъ есть заведеніе *открытое;* во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ университетскія аудиторіи открыты не для однихъ студентовъ. Во Франціи не только Collége de France, но и Сорбонна открыта для публики; даже Ecole des chartes могутъ посѣщать и лица постороннія. Въ Германіи, каждый, какъ студентъ, такъ и не студентъ, имѣетъ право посѣщать общія (publice) лекціи: въ чтеніи ихъ и заключается собственно служба профессора, какъ оффиціальнаго лица; другія лекціи (privatim) онъ читаетъ по соглашенію съ своими слушателями. Два Англійскіе университета составляютъ, правда, исключеніе, но ихъ считаютъ окаменѣлостями, сохранившимися отъ среднихъ вѣковъ. Въ устройствѣ Англійскихъ университетовъ столько мѣстнаго, столько неуловимыхъ національныхъ особенностей и столько вопіющей оригинальности, что при подражаніи имъ легко впасть въ ошибку, и, думая учреждать Англійское, на дѣлѣ заводить Китайское. Извѣстно, что крайности иногда сходятся, и въ самыхъ развитыхъ цивилизаціяхъ могутъ удѣлѣть частности, напоминающія міръ діаметрально-противоположный. Гриммъ, съ точки зрѣнія своей спеціальности, указалъ на возможность встрѣтиться въ Англіи съ Китаемъ.

Какъ нельзя отвергать, что университетъ долженъ быть открытымъ заведеніемъ, такъ не можетъ быть спора и о томъ, что сословіе профессоровъ, совѣтъ и факультеты должны остаться неприкосновенными, со всѣми правами и обязанностями. Все дѣло сводится на вопросъ о студентахъ: должны ли студенты состав-

лять оффиціальную корпорацію, или они должны слиться въ одно цѣлое со всѣми слушателями университетскихъ лекцій вообще?

Въ иностранныхъ университетахъ существуютъ корпораціи студентовъ, но не въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкоторые желали бы видѣть у насъ. Въ Нѣмецкихъ университетахъ студенты составляютъ корпораціи, но эти корпораціи организуются самими студентами, свободно, и добровольно, совершенно независимо отъ университетскаго начальства. Общее мнѣніе въ Германіи считаетъ вмѣшательство профессоровъ въ дѣла корпорацій совершенно излишнимъ, на томъ основаніи, «что во время студентской жизни, молодой человѣкъ долженъ достигнуть нѣкоторой самостоятельности въ характерѣ, а образованіе характера возможно только на свободѣ, когда молодой человѣкъ дѣйствуетъ по собственному убѣжденію». Нѣмецкіе студенты вступаютъ въ корпорацію, обыкновенно, въ первой половинѣ курса, и ведутъ жизнь довольно разгульную, а во второй выходятъ изъ корпораціи, усердно предаются наукѣ, и какъ бы перерождаются, оправдывая на дѣлѣ ту старую истину, что Нѣмецъ до двадцати пяти лѣтъ Иванъ Ивановичъ, а съ двадцати пяти лѣтъ—Адамъ Адамычъ. Ближайшее сходство съ Нѣмецкими представляютъ Шведскіе университеты, съ тою только разницею, что во главѣ корпорацій стоятъ профессора. Въ Голландіи студенты также образуютъ корпорацію, имѣютъ свою кассу и библіотеку, и выбираютъ изъ среды своей двѣ постоянныя коммиссіи: одну по дѣламъ о поведеніи студентовъ въ театрахъ, другую для изданія студентскаго альманаха. Члены послѣдней занимаются составленіемъ свѣдѣній о состояніи университета, и собираютъ матеріалы для его исторіи. Что касается Французскихъ студентовъ, то корпоративная связь ихъ слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ, и теряетъ тотъ поэтическій колоритъ, который имѣла она во времена юности Беранже. Въ Славянскихъ университетахъ студенты составляютъ не столько корпораціи, сколько братскую семью, связанную любовью къ родинѣ. Въ Прагѣ студенты-Чехи имѣютъ свою библіотеку и кассу, и въ собраніяхъ ихъ обнаруживается то благородное направленіе, которое отличаетъ всѣ круги мыслящихъ Чеховъ.

Вообще, во всѣхъ иностранныхъ университетахъ корпораціи студентовъ образовались сами собою, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и историческихъ условій. Поведеніе студентовъ въ университетахъ гарантировано не столько правилами, которыя само начальство называетъ формальностью, сколько обычаями и нравами какъ самихъ студентовъ, такъ и общества.

Касательно нашихъ университетовъ высказано два мнѣнія: одни не допускаютъ различія между студентами и прочими посѣтителями лекцій, другіе находятъ необходимымъ сохранить корпорацію студентовъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была. Тѣ, которые говорятъ противъ искусственной корпораціи студентовъ, налагаютъ руку на студентство въ такой же степени, какъ наложена она уничтоженіемъ форменной одежды, т. е. они желаютъ уничтоженія безполезныхъ формальностей, соединенныхъ съ званіемъ студента. Н. И. Костомаровъ полагаетъ «не нужнымъ, чтобы слушатели соединялись между собою *узаконенною* корпораціею званія или сословія». Весь смыслъ здѣсь въ словѣ *узаконенная:* студенты могутъ составить корпорацію, но только добровольно, а не по предписанію — она должна вытекать изъ разумно обсуженныхъ потребностей студентовъ. Извѣстно, что вмѣшательство закона въ то, что само собою должно выходить изъ нравовъ и обычаевъ, ведетъ къ печальнымъ слѣдствіямъ, какъ замѣтила еще Екатерина II. Она говоритъ: «Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности». Мы не противъ корпораціи студентовъ, если только она сама собою можетъ возникнуть во всей ея полнотѣ, нисколько не стѣсняя свободнаго развитія молодежи. Если же нѣтъ возможности образовать корпорацію *по началамъ, вполнѣ достойнымъ нашего вѣка*, то создавать ее искусственно, съ различными ограниченіями и стѣсненіями, значитъ задерживать ростъ молодыхъ силъ и не давать ему свободнаго исхода. Мы вовсе не отвергаемъ необходимости Сорбонны, но говоримъ, что въ настоящую минуту намъ необходимѣе Collége de France. Всякое учрежденіе находитъ поддержку въ нравахъ и обычаяхъ народа. Замкнутая Нѣмецкая жизнь создала корпоративнаго студента; въ общительной Франціи общество поглотило корпорацію, и студентъ вошелъ въ ряды молодыхъ гражданъ, чуждыхъ всякой исключительности. Не будемъ рѣшать заранѣе, какой характеръ студента можетъ выработаться Русскою жизнью; но безъ живительнаго гостепріимства Collége de France не будетъ ли жутко нашей молодежи за неприступными стѣнами «Русской Сорбонны?»...

XVII.

Еще замѣчаніе о нашихъ университетахъ, Л. Лебедева.

«Улучшеніе университетовъ (говоритъ А. С. Хомяковъ) должно считать предметомъ первой важности въ дѣлѣ общественнаго образованія, и къ нему должно прилагать всевозможныя старанія». Нѣсколько статей, появившихся, въ послѣднее время, въ журналахъ, касательно неудовлетворительныхъ сторонъ нашихъ университетовъ, и преобразованій, которыя необходимо въ нихъ произвести, служатъ какъ бы откликомъ на эти слова покойнаго писателя и, во всякомъ случаѣ, утѣшительно свидѣтельствуютъ о возбужденіи въ обществѣ вниманія къ университету, какъ главному органу общественной образованности. Прежде чѣмъ изцѣлять зло, необходимо, конечно, положительнымъ образомъ опредѣлить — гдѣ оно и въ чемъ состоитъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія двѣ статьи, помѣщенныя, недавно, въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», двумя профессорами нашего университета — г. Костомаровымъ (№ 237) и г. Стасюлевичемъ (№ 241). Беремъ на себя смѣлость представивъ главныя положенія этихъ статей и провѣривъ ихъ на основаніи собственнаго опыта и наблюденія, указать стороны университетскаго устройства, особенно нуждающіяся въ реформѣ.

Профессоръ Костомаровъ — принимая два періода, воспитательно-учебный и образовательно-ученый, отдавая первому отроческій возрастъ и второму — всю остальную жизнь, считаетъ органами перваго школы, учебники и вообще дѣтскую литературу, органами втораго — университеты и ученыя общества, ученую литературу и искусства. По его мнѣнію, университетъ долженъ быть заведеніемъ образовательно-ученымъ.

«Наука (говоритъ онъ) не есть чтó-нибудь отличное отъ жизни, она обнимаетъ всевозможныя проявленія общественнаго быта; какой бы вѣтви общественной дѣятельности вы ни посвятили себя, эта вѣтвь всегда имѣетъ свою науку, которую изучать вамъ полезно для вашей же спеціальности; кромѣ того, есть предметы, интересующіе васъ, какъ человѣка и гражданина вообще, и независимо отъ вашей спеціальности, вы, какъ образованный человѣкъ, захотите узнать и состояніе знаній и понятій объ этихъ предметахъ. Занимаете ли вы служебную обязанность, отдались ли вы

промысламъ и хозяйству, вы всегда можете имѣть не только охоту, но даже необходимость обратиться къ университетскимъ лекціямъ, такъ, какъ вы всегда найдете интересъ прочитать ученую книгу. Университетское чтеніе въ этомъ вамъ только помогаетъ и облегчаетъ васъ: здѣсь вы услышите то, до чего бы вамъ пришлось добираться путемъ продолжительнаго чтенія книгъ, и занятій, требующихъ траты времени, посвященнаго у васъ вашей спеціальности».

Полагаемъ, что приведенныхъ словъ достаточно, чтобы понять тотъ идеалъ университета, который составилъ себѣ г. Костомаровъ. Чего же недостаетъ, по его мнѣнію, нашимъ университетамъ — чтобы подойти подъ этотъ идеалъ?

«Университеты наши (говоритъ профессоръ) представляютъ собою что-то неопредѣленное, неустановившееся, какую-то средину между школою и ученою академіею, и очень многіе не рѣшили себѣ задачу, чѣмъ они должны быть: воспитательно-учебными или образовательно-учеными заведеніями. До сихъ поръ, они имѣютъ претензію быть тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, а въ самомъ дѣлѣ — они ни то, ни другое, потому что и то и другое несовмѣстимо по своей сущности».

Главное противорѣчіе образовательно-ученому характеру университетовъ — г. Костомаровъ видитъ въ существованіи корпораціи (особаго сословія) студентовъ:

«Если смотрѣть на университетъ, какъ на образовательно-ученое заведеніе, то корпорація слушателей лишаетъ его этого высокаго значенія: онъ перестаетъ быть органомъ прямаго сообщенія со стороны науки съ общественной жизнію — и дѣлается школою. Корпорація эта въ нравственномъ отношеніи даже вредна, ибо она отрываетъ слушателей отъ остальнаго общества, побуждаетъ ихъ говорить о себѣ *мы*, въ противоположность съ тѣми, которые находятся за ея предѣлами, а это ведетъ скорѣе къ заблужденіямъ, къ незнанію общества, къ отчужденію отъ его интересовъ, чѣмъ къ согласной съ нимъ дѣятельности. Корпорація вредна для науки, ибо дѣлаетъ ее какъ бы особой привилегіей избранныхъ, тогда какъ идеалъ ея есть наибольшее распространеніе въ обществѣ ея благодѣтельныхъ результатовъ. Корпорація будетъ, въ этомъ случаѣ, стѣсненіемъ общественной свободы въ самомъ достойнѣйшемъ уваженія человѣческомъ дѣлѣ — просвѣщеніи; она склоняетъ науку къ отрѣшенію отъ жизни, тогда какъ посвящающій себя наукѣ долженъ помнить, что его занятія — именно тогда и будутъ пло-

дотворны, когда онъ будетъ трудиться въ прямомъ интересѣ для общества».

Такимъ образомъ — вотъ гдѣ, по мнѣнію профессора Костомарова, зло, и для обращенія университета на путь его прямаго назначенія слѣдуетъ уничтожить сословіе привилегированныхъ слушателей и сдѣлать преподаваніе публичнымъ, общедоступнымъ для всѣхъ, безъ всякихъ условій.

Г. Стасюлевичъ отстаиваетъ корпорацію студентовъ. Она, говоритъ онъ, никогда не мѣшала образовательному характеру университетскихъ лекцій. Она не мѣшала стеченію въ аудиторіи совершенно постороннихъ слушателей, лицъ всѣхъ состояній и возрастовъ, мужчинъ и женщинъ. Между тѣмъ она *необходима*, потому что только въ ней и посредствомъ ея совершается *самовоспитаніе* молодыхъ людей, ее составляющихъ, — самовоспитаніе, которое не исключаетъ для нихъ возможности, въ то же время, образованія. Короче, г. Стасюлевичъ считаетъ возможнымъ достиженіе въ университетѣ обѣихъ цѣлей, и самовоспитательной, и образовательно-ученой. Корпорацію студентовъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ сохранить. Зло заключается въ отсутствіи правильнаго самовоспитанія студентовъ. Если же нужно исключительно образовательно-ученое заведеніе — пусть при нашей академіи откроется, въ дополненіе къ пишущему, преподающее, читающее отдѣленіе, пусть, слѣдовательно, существуютъ рядомъ — университетъ, съ своимъ вмѣстѣ и образовательно-ученымъ и самовоспитательнымъ направленіемъ — и учрежденіе, держащееся исключительно перваго, подобно тому, какъ во Франціи существуютъ рядомъ Сорбонна и Collége de France.

Мы думаемъ, что оба почтенные ученые преувеличиваютъ важность сословія студентовъ. Чтò связываетъ ихъ въ одинъ корпусъ, отличаетъ отъ прочихъ слушателей, даетъ имъ особенное названіе? — Не корпораціонный или общинный духъ единства — его никогда не было въ нашихъ университетахъ. Не наука — потому что тогда и вольные, посторонніе слушатели входили бы въ сословіе. Связь тутъ чисто внѣшняя: права, за которыя, въ наше время, не постоитъ ни одинъ добросовѣстный студентъ, экзамены, которыхъ безполезность сознана всѣми, особенныя правила, которымъ студенты должны подчиняться, особенныя отношенія къ начальству и сословію профессоровъ, мундиръ. Уничтожьте все это — и студенты смѣшаются съ прочими слушателями, исчезнутъ въ рядахъ ихъ. Идеи о корпоративности нашихъ студентовъ — и у

другихъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ самихъ — навѣяны все тѣмъ же Нѣмецкимъ понятіемъ университета. Общество нашихъ студентовъ тянетъ къ тѣмъ общественнымъ средамъ, къ которымъ каждый принадлежитъ. Какъ учрежденіе совершенно искусственное, оно держится только именемъ своимъ и внѣшними условіями. Оно всегда готово распасться. Если нужны факты — мы укажемъ, въ подтвержденіе, на «Сборникъ», общее, будто бы, предпріятіе студентовъ, которое, однако, упало — именно вслѣдствіе того, что не поддерживалось единствомъ сочувствія къ нему всего сословія. Мы укажемъ на сходки, которыя были разрѣшены студентамъ въ 1857—58 годахъ, и которыя прекратились вслѣдствіе равнодушія къ нимъ большинства. Мы сошлемся на всѣ замѣтныя событія университетской жизни, извѣстныя всѣмъ и отзывающіяся тѣмъ же отсутствіемъ общинныхъ, студентскихъ интересовъ, направленія и стремленій. Мы не входимъ въ подробныя изслѣдованія причинъ этого явленія. Согласно съ г. Костомаровымъ, мы полагаемъ, что, главнымъ образомъ, онѣ лежатъ въ искусственности учрежденія студентскаго сословія, образовавшагося въ подражаніе Нѣмецкимъ корпораціямъ. Замѣтимъ, кстати, что г. Стасюлевичъ напрасно полагаетъ — будто профессоръ Костомаровъ въ нашемъ сословіи студентовъ видитъ *тождество* съ Германскими студентскими корпораціями. Онъ въ немъ видитъ только подражаніе — совершенно искусственное — послѣднимъ. Напрасно г. Стасюлевичъ, полагая въ основаніе общества студентовъ идею Славянскаго *міра*, старается доказать его раціональность. Напрасно указываетъ его важность въ отношеніи самовоспитанія. Намъ кажется, что самовоспитаніе, подобно образованію, также тянется во всю жизнь. По нашему мнѣнію, и то и другое зиждутся на одинаковомъ основаніи достаточнаго настроенія человѣка къ дальнѣйшему нравственно-духовному усовершенствованію. И то, и другое равнымъ образомъ совершаются подъ вліяніемъ общественности. А такъ какъ совершенствующійся человѣкъ: будетъ ли онъ въ сословіи студентовъ или нѣтъ — все равно, не останется изолированнымъ, не выйдетъ изъ условій общественности, то ясно, что онъ не нуждается, для своего самовоспитанія, въ непремѣнномъ существованіи учрежденія студентовъ. И какія *особенныя* данныя представляетъ общественное устройство для самовоспитанія студентовъ? Еслибы оно проникалось корпоративнымъ духомъ, тогда такъ. Но корпоративнаго духа нѣтъ въ немъ — и по нашему мнѣнію, и по мнѣнію г. Костомарова, и самого г. Стасюлевича. Если же этого нѣтъ, то университетское

общество, конечно, не можетъ дать для самовоспитанія студентовъ ничего болѣе, чѣмъ всякое другое общество, внѣ котораго студентъ ни въ какомъ случаѣ не останется. Г. Стасюлевичъ указываетъ на университетскій судъ, но, намъ кажется, онъ, какъ и всякій судъ, отъ котораго не изъятъ никто, ни на какой дорогѣ общественной дѣятельности, ни въ какой сферѣ жизни — равно проводитъ тѣ же правила законности и нравственности. Если же г. Стасюлевичъ хотѣлъ показать, что собственно теперешніе студенты недостаточно развитыми поступаютъ въ университетъ, то средства къ устраненію этого заключаются въ преобразованіи, на болѣе широкихъ началахъ, преподаванія и воспитанія въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ проходитъ воспитательно-учебный періодъ жизни, а этому и г. Костомаровъ не противорѣчитъ, это и мы считаемъ важнымъ и необходимымъ. И такъ, недостатокъ мнѣнія г. Стасюлевича заключается въ преувеличеніи важности студентскаго сословія и пользы, которая отъ этой важности проистекаетъ для его членовъ. Г. Костомаровъ, мы видѣли, не признаетъ за сословіемъ студентовъ такого значенія, видитъ его искусственность — но, по странному противорѣчію, преувеличиваетъ вредъ, который дѣлаетъ оно въ отношеніи образовательно ученаго направленія университетовъ. Самое большее, что можно сказать о вещи, которая существуетъ только номинально, только внѣшнимъ образомъ, искусственно — что она лишняя. Но между лишнимъ и вреднымъ — разница огромная. Факты, приводимые самимъ г. Костомаровымъ, въ доказательство требованій, которыя дѣлаетъ Русское общество, стекаясь, безъ различія званія, возраста и пола, въ университетскія аудиторіи, достаточно доказываютъ, что и при существованіи сословія студентовъ образовательно-ученое направленіе лекцій не было невозможно. Короче, исходя изъ различныхъ воззрѣній, г. Стасюлевичъ и г. Костомаровъ причинъ несовершенства нашихъ университетовъ ищутъ въ одномъ и томъ же сословіи студентовъ: первый — въ несовершенствѣ университетской организаціи въ видахъ самовоспитанія ихъ, второй — въ неестественности, излишествѣ и вредѣ самаго сословія. Мы думаемъ, что сословіе студентовъ лишнее — и въ утвержденіи противнаго главный недостатокъ мнѣнія г. Стасюлевича — но не вредное — и доказательствами contra погрѣшаетъ г. Костомаровъ.

Что же въ результатѣ? То, что не въ сословіи студентовъ главная причина университетскаго несовершенства, не въ немъ главное препятствіе образовательно-ученому характеру преподаванія. Уни-

чтожить сословіе студентовъ легко; но врядъ ли этимъ должна завершиться университетская реформа. Можно сохранить его — и это не причинитъ большаго вреда. Оба профессора напали не на ту сторону университета, въ которой преимущественно находится mali sedes, а потому не указали зла. Не входя и, сознаемся, не имѣя возможности войти въ подробныя указанія недостатковъ сторонъ, устройство которыхъ есть главный источникъ несовершенства нашихъ университетовъ, мы, однако, беремъ смѣлость назвать ихъ: по нашему мнѣнію, особенно больныя стороны въ этомъ дѣлѣ, вопервыхъ — приготовительныя, воспитательно-учебныя заведенія, во-вторыхъ — сословіе доцентовъ университетскихъ. Полагаемъ, что не станемъ въ противорѣчіе съ собою, если, въ заключеніе, такимъ образомъ формулируемъ вопросъ объ университетской реформѣ: свободный доступъ въ университетъ слушателей (это уже и началось) лучшее устройство приготовительной, воспитательной сферы и сословія доцирующихъ, наконецъ, пожалуй, уничтоженіе вещи, которая, кромѣ подражательнаго, не имѣетъ другаго значенія — вотъ къ чему, согласно словамъ А. С. Хомякова, «должно прилагать всевозможныя старанія».

Мы готовились отослать статью нашу въ редакцію, когда получили 245-й № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», въ которомъ помѣщены двѣ новыя замѣтки о поднятомъ вопросѣ — г. Барсова и профессора Сухомлинова. И та, и другая, высказавъ нѣкоторыя, согласныя съ нами мнѣнія, не коснулись главной нашей мысли, и потому, къ сожалѣнію, не избавили насъ отъ труда подать свой голосъ. И г. Барсовъ, и г. Сухомлиновъ становятся на сторону профессора Костомарова. Г. Барсовъ возражаетъ противъ мнѣнія М. М. Стасюлевича, о пользѣ студентскаго общества въ видахъ самовоспитанія студентовъ — и въ этомъ мы съ нимъ совершенно согласны. Но онъ идетъ далѣе, и сомнѣвается, чтобы общество студентовъ *не вредило* ученому характеру университета. Г. Барсова не удовлетворяютъ доказательства, приведенныя профессоромъ Стасюлевичемъ. Онъ говоритъ: «Я свято вѣрю въ то, что М. М. Стасюлевичъ никогда не приметъ на себя неблагодарнаго труда доказать, что отсутствіе оффиціальныхъ жалобъ на то, что званіе студента препятствуетъ профессорамъ быть профессорами, равносильно оффиціальному одобренію желаній профессоровъ быть профессорами».... Въ подтвержденіе своей мысли, профессоръ Стасюлевичъ дѣйствительно приводитъ *свое* личное убѣжденіе, какъ профессора (г. Барсовъ на это не обращаетъ вниманія), и *относительно другихъ*, по

крайней мѣрѣ, отсутствіе съ ихъ стороны оффиціальныхъ жалобъ на противное. Считая достаточнымъ другое, болѣе сильное и *фактическое* доказательство, мы ограничились только имъ. Уступаемъ первое г. Барсову—его не считаетъ важнымъ и М. М. Стасюлевичъ. Гораздо важнѣе фактъ, что, и при существованіи студентскаго общества, университетскія аудиторіи наполнялись значительнымъ числомъ слушателей безъ различія состояніи, возрастовъ и пола. Г. Барсовъ, продолжая свою рѣчь, говоритъ: (г. Стасюлевичъ не приметъ на себя неблагодарнаго труда доказать).... «и что посѣщеніе лекцій университетскихъ людьми всѣхъ возрастовъ и состояній не было *случаемъ*». Случаемъ, г. Барсовъ, называетъ такое явленіе, среди нормальныхъ, которое безосновательно, одиноко, рѣдко и непродолжительно. Нельзя назвать случайнымъ обстоятельство, которое дѣлается, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, *постояннымъ*, въ аудиторіи не одного профессора, а *всѣхъ* даровитыхъ, не въ Петербургѣ только, а *вездѣ*. Тутъ уже нужно поискать какого-нибудь *основанія*. Основанія же подобнаго явленія вы нигдѣ не найдете, кромѣ новыхъ потребностей общества съ одной стороны, и удовлетворяемости университетскихъ лекцій этимъ потребностямъ съ другой. Слѣдовательно, корпорація студентовъ не вредила образовательному и ученому характеру лекцій.

Г. Сухомлиновъ, справедливо указывая, что во всѣхъ иностранныхъ университетахъ корпорація студентовъ образовалась сама собою, подъ вліяніемъ мѣстныхъ и историческихъ условій, говоритъ, что у насъ студенты не составляютъ корпораціи, что у насъ ихъ общество *искусственно*. Это совершенно такъ. Но, послѣ этого, какимъ образомъ профессоръ считаетъ вопросъ объ уничтоженіи корпуса студентовъ—вопросомъ такой важности? Почему здѣсь именно видитъ препятствіе образовательно-ученому направленію университета? Почему далѣе говоритъ, что уничтоженіе студентскаго сословія будетъ у насъ только «уничтоженіемъ безполезныхъ формальностей, *соединенныхъ* съ званіемъ студента?» По самому признанію г. профессора—не лучше ли было бы сказать: формальностей, *составляющихъ* у насъ званіе студента? Нѣтъ, г. Сухомлиновъ видитъ въ Русскомъ студентѣ и еще что-то. Онъ надѣется, что современемъ въ университетахъ нашихъ образуются корпораціи «*по началамъ, вполнѣ достойнымъ нашего вѣка*», которыя не будутъ вредить образовательно-ученому характеру университетскаго преподаванія. Не споримъ съ профессоромъ относительно *будущаго*, хотя сильно сомнѣваемся въ основательности его надеждъ.

И такъ, гг. Костомаровъ, Барсовъ и Сухомлиновъ находятъ общество студентовъ *вредящимъ* истинному характеру университета, г. Стасюлевичъ — невредящимъ и, въ нѣкоторомъ отношеніи, полезнымъ. Мы считаемъ его ни вреднымъ, ни полезнымъ, какъ ни вредна, ни полезна всякая вещь, существующая только въ имени, а не на дѣлѣ. Всѣ, кромѣ г. Стасюлевича, настаиваютъ на уничтоженіи сословія. Мы не возражаемъ противъ этого. Всѣ, безъ исключенія, *здѣсь* видятъ mali sedes. Мы совѣтуемъ обратиться и къ другимъ сторонамъ, утверждая, что гг. диспутанты, по какому-то странному случаю, избрали ту, которая представляетъ наименѣе опасности.

XVIII.

Объ университетахъ, А. Бекетова.

По поводу преобразованія университетовъ высказалось, до сихъ поръ, два мнѣнія, между собою противоположныя. Мнѣнія эти касаются преимущественно университетскихъ слушателей, а такъ какъ я именно о нихъ и желаю говорить, то и начну съ краткаго изложенія заявленныхъ мнѣній.

По одному изъ этихъ мнѣній, университетскіе слушатели не должны пользоваться никакими *особыми правами* (привилегіями), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не должны подчиняться никакимъ *особымъ правиламъ*: пусть всякій допускается къ университетъ — если можно, то и безъ платы, и да пользуется онъ въ университетскихъ аудиторіяхъ лишь правами и обязанностями, общими всѣмъ Русскимъ гражданамъ.

По другому мнѣнію, университетскіе слушатели должны быть непремѣнно *организованы*. Пусть всякій, говорятъ опять защитники втораго мнѣнія, допускается въ университетъ, но пусть же тѣ, которые заявили заранѣе о своемъ намѣреніи спеціально заняться науками и держать экзаменъ, пусть эти избранные пользуются *особыми правами* (привилегіями), неся *особыя обязанности* и составляя, слѣдовательно, *оффиціальную корпорацію слушателей* или *студентовъ*.

Я держусь перваго изъ этихъ мнѣній, и постараюсь подтвердить его нѣкоторыми доводами.

Согласимся сначала въ значеніи слова *корпорація*. Всякое людское общество, члены котораго стремятся къ одной общей цѣли, превращается въ корпорацію, если дѣятельность его вмѣняется ему въ *обязанность*, а за эти исключительныя обязанности государство признаетъ за нимъ особыя права. Такія особыя права, или привилегіи, корпорація получаетъ на томъ основаніи, что дѣятельность ея считается для государства болѣе полезною, чѣмъ дѣятельность всякаго другаго общества. Онѣ служатъ корпораціи для огражденія ея дѣятельности, полезной для государства, противъ притязаній другихъ обществъ того же государства, болѣе сильныхъ своею многочисленностью.

Такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь объ университетахъ, то я напомню только о корпораціяхъ университетскихъ, о томъ, что Германскія и Англійскія университетскія корпораціи отличаются именно признаками, исчисленными здѣсь въ главныхъ чертахъ. Эти признаки сами говорятъ противъ себя, но я особенно обращу вниманіе на другой рядъ мнѣній, который я считаю, въ настоящемъ случаѣ, наиболѣе важнымъ.

Многіе думаютъ, что въ нашихъ университетахъ студентскія корпораціи отнюдь не должны походить на корпораціи студентовъ западной Европы; многіе думаютъ, что *Русскіе студенты должны нести особыя обязанности, не имѣя особыхъ правъ*. Обязанности эти должны заключаться въ слѣдующемъ: ходить постоянно на лекціи и учиться, вести себя, внутри и внѣ университета, согласно особымъ правиламъ, платить деньги за слушаніе лекцій, повиноваться особому начальству. Однимъ словомъ, студенты, по этому мнѣнію, уже составляютъ не корпорацію, а *ученическое сословіе*, не отличаясь нимало отъ гимназистовъ. Мнѣніе это основано на слѣдующемъ: въ Россіи образованіе и цивилизація вообще находятся на весьма низкой степени развитія, главная часть небольшаго учащагося общества не имѣетъ серьезнаго стремленія къ наукѣ, а между тѣмъ, для Россіи необходимы ученые спеціалисты и серьезно образованные люди вообще, слѣдовательно необходимо, даже *насильственными педагогическими* средствами, *заставлять учиться*. Пусть университеты будутъ *пока* высшими гимназіями, пусть упрекаетъ насъ въ этомъ Европа; иначе мы дѣйствовать не можемъ, ибо наше общество стоитъ еще черезчуръ низко и не можетъ обходиться, въ дѣлѣ образованія, безъ *строгой опеки*.

Самый ходъ сужденія, такъ же какъ условность, въ него вводимая — пока Русское общество не развито — показываетъ, что и

защитники приведеннаго мнѣнія видятъ въ *настоящихъ* университетахъ не высшія гимназіи, а нѣчто другое; но я начну свои возраженія разсмотрѣніемъ дѣла съ практической точки зрѣнія.

Если студенты не что иное, какъ гимназисты высшихъ классовъ (положимъ 8, 9, 10 и 11), то между ними и гимназистами не должно быть никакихъ существенныхъ отличій. Во-первыхъ, каждому бросается тутъ въ глаза различіе лѣтъ. Въ университетѣ слушаютъ лекціи молодые люди отъ 17-ти до 23-хъ и 25-ти лѣтъ, въ гимназіи учатся дѣти. Кончившій курсъ въ гимназіи можетъ поступить, и часто поступаетъ, на дѣйствительную службу, если не вступаетъ въ университетъ. Слѣдовательно, студенты признаны государствомъ зрѣлыми гражданами, способными приносить дѣйствительную пользу правительству — гимназисты являются и тутъ дѣтьми. Студенты, по закону, владѣютъ недвижимою собственностью—гимназисты нѣтъ; слѣдовательно, государство и тутъ признаетъ студентовъ зрѣлыми членами гражданскаго общества. Спрашивается, возможно ли послѣ этого, логично ли принуждать къ ученію, школьными педагогическими средствами, людей, пользующихся самыми существенными гражданскими правами: я могу участвовать въ администраціи государства, могу покупать и продавать *) имѣніе, а учиться долженъ по указкѣ!

Превращеніе совершеннолѣтнихъ, хотя и юношей, въ дѣтей, превращеніе гражданина въ школьника, есть источникъ всѣхъ университетскихъ безпорядковъ, а вслѣдствіе этого главная причина остановки просвѣщенія. Между студентами есть дѣти, это несомнѣнно, но слѣдуетъ ли по этому держать взрослыхъ, какъ дѣтей? Долженъ ли профессоръ превращать свою лекцію въ урокъ, если къ нему въ аудиторію, кромѣ студентовъ, придутъ и гимназисты? Взрослые всегда имѣютъ перевѣсъ надъ дѣтьми, они всегда увлекутъ дѣтей за собою, какъ въ дѣлѣ науки, такъ и во всемъ остальномъ. Должно ли стараться, чтобы дѣти не ходили въ университетъ, или изгонять оттуда взрослыхъ? Одно изъ двухъ: если университетъ высшая гимназія, то его должны населять дѣти; въ противномъ случаѣ, въ него нельзя вводить школьныхъ учрежденій.

Итакъ, я полагаю, что нельзя и не слѣдуетъ заставлять учиться въ университетахъ насильственными педагогическими правилами.

*) Отъ 17 лѣтъ — съ согласія попечителя, а съ 21 — безъ всякаго согласія. Большинство студентовъ оставляетъ университетъ позже 21 года, особенно если принять во вниманіе медицинскіе факультеты, существующіе во всѣхъ университетахъ, кромѣ Петербургскаго.

Мнѣ отвѣтятъ, навѣрное, что наши студенты дѣти, если и не лѣтами, то умственнымъ развитіемъ. Пусть даже такъ, хотя мнѣніе это и кажется мнѣ черезчуръ абсолютнымъ; но можно ли, на практикѣ, заставить учиться, педагогическими средствами, взрослаго юношу? Наказывать за поведеніе, несогласное съ правилами, слѣдить за посѣщеніемъ лекцій, за приготовленіями къ экзаменамъ и т. п., все это матеріально возможно лишь при весьма маломъ количествѣ студентовъ и при весьма большомъ числѣ надзирателей. Но еслибы матеріальныя средства и усилились, то развѣ юноша, хотя вслѣдствіе своего физическаго совершеннолѣтія, вслѣдствіе возмужалости, можетъ подчиняться какимъ бы то ни было педагогическимъ мѣрамъ?.. Какую бы силу пришлось вамъ употребить, господа, вмѣсто вашихъ отеческихъ наказаній? Не распространяясь, впрочемъ, далѣе о матеріальныхъ возможностяхъ, замѣчу, что принудительная, искусственная система ни въ какомъ случаѣ не можетъ достигнуть своей цѣли. Всякій старался бы или вовсе не вступать съ нею въ коллизію, или же уклоняться отъ нея всякими окольными путями. Лучшая часть слушателей, способныхъ дѣйствительно *изучать* (штудировать) науку, а не твердить наизусть, безъ сомнѣнія, не захотѣла бы подвергаться излишнимъ стѣсненіямъ—вотъ и безпорядки, или удаленіе лучшихъ. По моему мнѣнію, заставлять учиться въ университетѣ возможно совершенно иными способами. Пусть лекціи отличаются *ученостью* и *дѣльностью*, какъ это требуется для кончившихъ уже курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; пусть экзамены на степени будутъ строги и взыскательны—вотъ со стороны университета. Съ другой стороны, общество, считая имѣющаго университетскій дипломъ *дѣйствительно образованнымъ человѣкомъ*, оказываетъ ему больше довѣрія, чѣмъ всякому или почти всякому другому... Скажу короче. Если лекціи читаются въ университетѣ дѣльно и серьезно, если экзамены на дипломы взыскательны и строги, и если, вслѣдствіе этого, государство и общество оказываютъ людямъ съ университетскимъ образованіемъ больше довѣренности, чѣмъ остальнымъ, то это *заставитъ* заниматься студента несравненно дѣйствительнѣе, чѣмъ всякія принудительныя педагогическія мѣры.

Тогда на лекціи не будутъ ходить *зѣваки*, а на экзамены не будутъ являться *неучи*. Легче ли, спрошу я, наконецъ, учредить постоянную опеку надъ студентами, при строгости экзаменовъ и дѣльности лекцій (ибо послѣднія два обстоятельства необходимы во всѣхъ случаяхъ)—или оставить въ силѣ только дѣльность лекцій

и строгость экзаменовъ. Никто, разумѣется, не будетъ спорить, что послѣднее легче, такъ же какъ никто не споритъ, что 3 больше 2.

Теперь постараюсь въ самой сущности университетовъ найти опроверженіе системы педагогической опеки надъ студентами, требующей, необходимо, соединенія ихъ въ одно оффиціальное цѣлое.

Не пускаясь въ разборъ значенія университетовъ для общества, обращу вниманіе читателя лишь на характерныя черты университета, относительно его слушателей.

Въ этомъ отношеніи университетъ отличается отъ гимназіи и характеризуется тѣмъ, что онъ приготовляетъ молодыхъ людей къ жизни, а гимназіи подготовляютъ дѣтей къ дальнѣйшему образованію и воспитанію.

Всѣ согласны, что общественная среда развиваетъ человѣка несравненно сильнѣе, чѣмъ *одна наука*. Еслибы можно было представить себѣ двухъ совершенно одинаковыхъ людей, съ одинаковымъ успѣхомъ кончившихъ курсъ въ гимназіи, а за тѣмъ предположить, что одинъ изъ нихъ поступилъ въ высшее училище и весь предался наукѣ, тогда какъ другой пустился въ жизнь, то первый, по окончаніи курса, оказался бы навѣрное ребенкомъ, въ сравненіи со вторымъ—мало того, онъ остался бы, пожалуй, ребенкомъ и на всю остальную жизнь. Слушатель университетскихъ лекцій не долженъ, слѣдовательно, удаляться отъ жизни, педагогическія правила не должны устанавливать для него искусственныхъ отношеній. Пусть наука составитъ для него только лишній жизненный элементъ, пусть занимается онъ ею, какъ купецъ занимается торговлею, ремесленникъ — ремесломъ, хозяинъ — хозяйствомъ, чиновникъ — государственной службой.

Юноша, котораго ведутъ на помочахъ къ извѣстной цѣли, предохраняя его, искусственно, отъ житейскихъ соблазновъ, непремѣнно утратитъ часть своихъ способностей, если не будетъ въ состояніи дѣйствовать противъ своихъ влеченій. Преградою излишнему напряженію, излишней энергіи его силъ, можетъ служить только сознаніе добровольно-принятаго на себя нравственнаго долга. Если и удастся выучить его искусственнымъ образомъ, хотя бы и многому, то онъ только обогатится познаніями, которыя останутся для него безполезными; онъ уподобится богачу, незнающему употребленія богатствамъ. Главное условіе при университетскомъ образованіи заключается въ томъ, чтобы познанія пріобрѣтались добровольно. Человѣкъ, работающій по принужденію, не можетъ работать хорошо. Это будетъ тотъ же крѣпостной трудъ—опять *авось*

и какъ-нибудь, такъ долго губившие наше общество. Пусть лучше будетъ *много призванныхъ и мало избранныхъ*, чѣмъ тысячи прилежныхъ и добронравныхъ мальчиковъ, отчетливо отвѣчающихъ свои уроки.

Общество предлагаетъ студенту многія выгоды, а для достиженія ихъ даетъ средства и ставитъ условія; средства заключаются въ посѣщеніи лекцій, условія—въ сдачѣ экзаменовъ. За это оно обѣщаетъ ему умноженіе его нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія; отъ него не требуется ни малѣйшаго подчиненія; онъ можетъ не пользоваться предлагаемыми средствами, если они ему не нравятся, — но ученая степень и сопряженныя съ нею выгоды суть необходимыя слѣдствія лишь одного факта: хорошо выдержаннаго экзамена, такъ же, какъ доходъ честнаго ремесленника, есть слѣдствіе хорошо исполненной работы. Отъ студента требуется только, чтобы онъ умѣлъ разсуждать, какъ купецъ, какъ ремесленникъ, какъ всякій членъ гражданскаго общества. Университетъ есть общественное заведеніе, *въ которомъ учатся по собственному побужденію, вслѣдствіе собственныхъ соображеній*. Тотъ, кто хочетъ слушать университетскія лекціи, долженъ умѣть разсуждать слѣдующимъ образомъ: наука, въ соединеніи съ жизнію, способна развить мои умственныя силы, насколько я самъ къ тому способенъ, снабжая меня, этимъ самымъ, нравственными и матеріальными выгодами. Кто не умѣетъ этого сознать, тотъ не студентъ—ему мѣсто въ гимназіи. Если же въ университетъ и будутъ ходить иные, вслѣдствіе постороннихъ побужденій, то они или вскорѣ прекратятъ свои посѣщенія, или дойдутъ, черезъ годъ, черезъ два, пусть даже черезъ три, до сознательнаго занятія науками, сдѣлавшись *настоящими студентами*. Изъ послѣдняго слѣдуетъ, между прочимъ, что курсы не должны быть ограничиваемы какимъ бы то ни было числомъ годовъ.

Постоянство, твердость и усилія, требуемыя для достиженія ученой степени—вотъ главные воспитательные элементы, вводимые университетомъ въ среду, образующую характеръ студента; общеніе съ товарищами—вотъ еще одинъ сильный элементъ воспитанія; а, кромѣ того, жизнь внѣ университета, со всѣми ея приманками и тяжкими испытаніями—вотъ могучій воспитательный элементъ, не оставляющій человѣка до гробовой доски.

Изъ всего сказаннаго я считаю возможнымъ вывести, что всѣ педагогическія принудительныя средства въ университетахъ должны замѣниться *обязательною дѣльностью лекцій и обязательною*

строгостью экзаменовъ на ученыя степени. Мнѣ кажется, что весь ключъ для поднятія уровня нашего высшаго образованія заключается въ двухъ высказанныхъ правилахъ, съ присоединеніемъ третьяго: срогости выпускныхъ гимназическихъ экзаменовъ. Слѣдовательно, все зависитъ отъ учителей и профессоровъ. Къ нимъ нужно обратиться, ихъ должно просить о примѣненіи этихъ трехъ правилъ. Я полагаю, что пока *все* или хотя *большая часть* преподающаго сословія не предприметъ этого, до тѣхъ поръ никакія искусственныя мѣры не въ состояніи будутъ поднять, ни на одинъ волосъ, уровня высшаго образованія въ Россіи; оставаясь же на одной точкѣ оно, естественно, будетъ все болѣе и болѣе отставать.

Теперь скажу нѣсколько словъ о мнѣніи тѣхъ, которые требуютъ настоящей студентской корпораціи—съ правами и обязанностями. Та или другая часть даннаго общества составляетъ, положимъ, союзъ, принимаетъ на себя извѣстныя обязанности, подчиняется нѣкоторымъ спеціальнымъ правиламъ, и все это съ цѣлью успѣшнѣе заниматься науками, ремеслами, искусствами и т. д. Эта часть общества составляетъ, до извѣстной степени, государство въ государствѣ; крѣпкая своимъ союзомъ, она способна отразить нападки на просвѣщеніе, на искусства, на ремесла и пр., она способна укоренить, взлелѣять, возрастить, а впослѣдствіи, и распространить науку или искусство, ремесло или торговлю. Вотъ въ чемъ выгода корпораціи, вотъ ключъ позиціи ея защитниковъ.

Да позволено мнѣ будетъ прибѣгнуть къ сравненію.

На нѣкоторыхъ изъ границъ нашихъ, земледѣлецъ и до сихъ поръ принужденъ выѣзжать на работу съ винтовкою за плечами. Пограничныя казачьи станицы представляютъ, дѣйствительно, нѣчто особое, привилегированное: жители ихъ пользуются правами, которыми не пользуются остальные граждане Россіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они несутъ и особыя, тяжкія обязанности. Ихъ призваніе — охранять мирныя ремесла отъ разбойничьихъ набѣговъ, съ тѣмъ, чтобы, впослѣдствіи, распространить и на дикарей всемогущее дѣйствіе земледѣльческой промышлености. Этимъ передовымъ земледѣльцамъ дана особая организація, дана дѣйствительная сила. Въ подобномъ же положеніи находились и находятся піонеры Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Канады, Флориды. Тамъ есть съ кѣмъ бороться, есть и чѣмъ бороться. Въ средніе вѣка промышленость и ремесла, науки и искуссства бывали въ той же опасности, въ которой они теперь на границахъ цивилизованныхъ странъ со странами дикими. Силою союза, силою денегъ и даже оружія, средне-

вѣковыя корпораціи защищали свою науку или искусство противъ нахальныхъ вторженій сильныхъ землевладѣльцевъ. Тогда была потребность въ корпораціи—была у ней и сила.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ видны двѣ общія черты: съ одной стороны — *слабость государственнаго устройства*, на границахъ ли съ немирными сосѣдями, или въ смутныя времена исторіи; съ другой стороны — *дѣйствительная сила*, замѣняющая собою то, чего не въ состояніи дать государство.

Обратимся же къ своимъ дѣламъ. Наше государство сильно властію, и не допуститъ подданныхъ своихъ къ самозащищенію; оно само берется защищать науку и искусство, ремесла и промышленость. Не дано силы — нѣтъ и корпораціи, она рушится сама собою, какъ и подобаетъ этому старому, несвоевременному учрежденію, годному лишь для странъ, лишенныхъ гражданскаго устройства, цивилизаціи. Пусть же остается она гдѣ-нибудь въ новыхъ колоніяхъ: въ Австраліи или на Амурѣ, пусть остается, какъ воспоминаніе, и въ странахъ, прошедшихъ чрезъ феодальную неурядицу. Наше сильное государство не желаетъ облекать силою какую бы то ни было корпорацію—покоримся мудрымъ веленіямъ.

Я считаю достаточнымъ это указаніе на практическую невозможность корпораціи, тѣмъ болѣе, что разсмотрѣніе и оцѣнка самаго принципа ея завели бы насъ слишкомъ далеко; но послѣ этихъ краткихъ замѣчаній, попробую представить въ нѣсколькихъ словахъ основныя черты университетскаго устройства, въ томъ видѣ, какъ я его понимаю.

Къ слушанію лекцій допускаются всѣ, безъ различія возрастовъ и пола. Плата за лекціи — если она взимается — распредѣляется по числу курсовъ и предметовъ, которые каждый желаетъ слушать.

Пріемные экзамены уничтожаются, остаются одни экзамены на дѣйствительнаго студента, кандидата и проч.

Устройство университетскаго сословія и факультетовъ остается прежнее, со всѣми его правами и обязанностями, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отходятъ сами собою, вслѣдствіе уничтоженія оффиціальнаго званія студента.

Экзамены на степени производятся со всевозможною строгостью. Къ нимъ допускаются всѣ желающіе, на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ это производится до сихъ поръ для вольнослушателей, съ тою разницею, что дозволяется держать и на дѣйствительнаго студента, что, впрочемъ, само собою разумѣется.

Экзамены производятся публично: присутствовать при нихъ допускаются всѣ лица, имѣющія какую-нибудь ученую степень и занимающіяся какою-нибудь ученою спеціальностью.

Нелишнее будетъ замѣтить, что такъ какъ лекціи и экзамены публичны, то общество весьма легко и удобно можетъ контролировать профессоровъ и экзаменаторовъ, съ помощью журналовъ — т. е. гласности.

Все это, какъ видно, вовсе неново и предполагаетъ весьма мало измѣненій въ настоящемъ устройствѣ Русскихъ университетовъ. Я полагалъ нелишнимъ приложеніе краткаго плана преобразованія только для того, чтобы опредѣлительнѣе формулировать свое мнѣніе, присоединяя его къ другимъ, подобнымъ.

XIX.

Мысли о нашихъ университетахъ, А. Воронова.

Чтò сдѣлало Европу первою страною въ мірѣ? Чтò доставило ей колоссальное могущество, растущее, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ? — Наука.

Гдѣ источникъ, сокровищница и опора науки? Въ университетахъ по преимуществу.

Отсюда является важное значеніе университетовъ для каждой Европейской націи. Съ цвѣтущимъ состояніемъ ихъ неразрывно соединяется процвѣтаніе самаго государства; упадокъ ихъ необходимо отражается и на дѣятельности общественной. Въ виду такой аксіомы становится понятнымъ, почему вопросъ о нашихъ университетахъ, поднятый недавно, занимаетъ такъ сильно общественное мнѣніе, почему правильное рѣшеніе его составляетъ предметъ первостепенной важности, особенно въ настоящее время, когда многіе, даже мыслящіе люди, по поводу послѣднихъ университетскихъ происшествій, увлекшись личными своими взглядами, рѣшаются утверждать, что наши молодые университеты, едва начавшіе свою жизнь, уже сгнили, и что, поэтому, необходимо безъ всякаго замедленія приступить къ коренной реформѣ этихъ высшихъ разсадниковъ науки.

Но какъ должна быть произведена и въ чемъ должна состоять подобная реформа? Одни говорятъ, что нужно усилить значеніе университетской корпораціи, другіе, напротивъ, что нужно совершенно уничтожить корпоративное устройство университетовъ; наконецъ, третьи, оставляя корпорацію въ настоящемъ ея видѣ, предлагаютъ связать ея дѣятельность строгими дисциплинарными мѣрами, сдѣлать изъ университетовъ школы, со всѣми атрибутами, сопровождающими школьное устройство.

Осуществленіе каждаго изъ этихъ предположеній такъ важно по своимъ послѣдствіямъ, что мы рѣшаемся, по поводу ихъ, высказать нѣсколько мыслей.

Составляютъ ли наши университеты корпораціи, и должны ли они остаться при корпоративномъ устройствѣ?

Университеты наши всѣ, безъ исключенія, устроены по образцу Германскихъ, а потому, дѣйствительно, имѣютъ характеръ корпоративный, измѣненный, впрочемъ, по нашимъ потребностямъ. Каждый университетъ нашъ представляетъ двѣ отдѣльныя корпораціи: профессоровъ и студентовъ.

Связью профессорской корпораціи, по уставу 1835 года, служатъ одинаковыя права и преимущества службы, одинаковость условій для вступленія въ корпорацію, коллегіальное рѣшеніе дѣлъ въ факультетскихъ собраніяхъ и совѣтѣ и особыя привилегіи, принадлежащія университету, какъ ученой корпораціи.

Студентская корпорація, по тому же уставу, основывается также на одинаковости условій, требуемыхъ для полученія званія студента, для успѣшнаго прохожденія курса и для пріобрѣтенія ученой степени, на одинаковости правъ, преимуществъ и даже одежды, и на одинаковомъ подчиненіи студентовъ университетской полиціи какъ въ самомъ зданіи университета, такъ и внѣ университета *).

Единственною связью между тою и другою корпораціею, т. е. профессорскою и студентскою, служатъ научные интересы. Затѣмъ, внѣ этихъ корпорацій, какъ нѣчто постороннее, стоитъ университетская полиція, состоящая не изъ членовъ, принадлежащихъ къ учебному сословію университета.

---

*) Мы не включаемъ сюда Дерптскаго университета, гдѣ студентская корпорація ближе прочихъ нашихъ университетовъ подходитъ къ Германскимъ.

Мы позволяемъ себѣ эти подробности о корпораціи университетской потому, что, иначе, невозможно, какъ видно будетъ изъ слѣдующаго изложенія, рѣшить вопросъ: должны ли университеты наши остаться при корпоративномъ устройствѣ. Сдѣлавъ эту оговорку, будемъ продолжать далѣе, и начнемъ съ профессорской корпораціи. Слѣдуетъ ли уничтожить ее? Нѣтъ, положительно нѣтъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сила науки заключается въ хорошихъ профессорахъ; но каковъ бы не былъ профессоръ самъ по себѣ, отдѣльно взятый, онъ не можетъ ни служить достаточной опорой для науки, ни быть достойнымъ, независимымъ проводникомъ ея. Только полное собраніе ученыхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга, подвергающихся взаимному контролю, дѣйствующихъ по одному, сообща обдуманному плану, можетъ доставить наукѣ и достаточную гарантію отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, и сообщить ей чистый блескъ истины. Съ этой точки зрѣнія, для насъ ясна, какъ божій день, необходимость сохранить во всей силѣ настоящую корпорацію профессоровъ, или, иначе, — университетъ, изъ высшаго храма науки, сдѣлается мѣстомъ публичныхъ популярныхъ курсовъ, неимѣющихъ между собою никакой связи, — и наука, лишенная стройнаго развитія, обратится въ орудіе для потѣхи праздной толпы, или въ средство доставлять популярность недоучившимся говорунамъ. Мы не хотимъ этимъ возставать противъ публичныхъ популярныхъ курсовъ: и они могутъ быть полезны въ извѣстной степени и для извѣстной публики, но не могутъ, ни въ какомъ случаѣ, замѣнить собою дѣятельности профессорской корпораціи университетовъ.

Другое дѣло корпорація студентская. Дѣствительно ли развитіе ея нужно для благосостоянія университетовъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и точно ли ослабленію ея, сдѣланному въ послѣднее время, слѣдуетъ приписать тѣ прискорбныя явленія въ нашихъ университетахъ, свидѣтелями которыхъ, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы были еще такъ недавно. Разсмотримъ ближе этотъ вопросъ, заслуживающій, по нашему мнѣнію, полнаго вниманія.

Студентская корпорація, какъ мы уже выше замѣтили, заимствована нашими университетами изъ Германіи. Будучи обязана тамъ, въ началѣ, своимъ существованіемъ необходимости самообороны отъ внѣшнихъ вліяній, она, вмѣстѣ съ профессорскою корпораціею, представляла собою какъ бы государство въ государствѣ; впослѣдствіи, съ развитіемъ государственнаго устройства, съ лучшимъ обезпеченіемъ личности каждаго гражданина, перво-

начальная цѣль студентской корпораціи утратилась и замѣнилась другою: она приняла характеръ воспитательный. Характеръ этотъ, по уставу 1835 года, имѣетъ студентская корпорація и въ нашихъ университетахъ. Поэтому, защитники корпоративнаго устройства совершенно логически считаютъ университеты учебно-воспитательными заведеніями. Мы, съ своей стороны, также признаемъ главною цѣлію университетскаго ученія — воспитаніе, но расходимся лишь въ средствахъ, ведущихъ къ достиженію этой цѣли. По нашему мнѣнію, сила воспитательная должна заключаться почти исключительно въ наукѣ; сторонники студентской корпораціи, въ видахъ воспитательныхъ, независимо отъ науки, считаютъ необходимымъ еще надзоръ университетскаго начальства за студентами не только въ стѣнахъ университета, — что̀ мы также признаемъ необходимымъ, но и внѣ университета, — что̀, по нашему мнѣнію, рѣшительно невозможно.

Наконецъ, мы не можемъ согласиться съ приверженцами корпораціи въ самомъ способѣ изученія науки студентами. По мнѣнію ихъ, необходимо удержать въ университетахъ принужденное ученіе, съ пріемными и переводными экзаменами и съ обязательнымъ посѣщеніемъ лекцій. Мы же держимся за свободное ученіе наукамъ, и считаемъ всякое принужденіе и обязательность несовмѣстными съ достоинствомъ университетской науки, въ чемъ, впрочемъ, согласны съ нами и нѣкоторые изъ сторонниковъ корпораціи.

Разовьемъ всѣ эти положенія.

Противники наши не спорятъ о томъ, что наука должна стоять въ университетѣ на первомъ планѣ—да объ этомъ и спорить нельзя; но они говорятъ, что студента невозможно замкнуть въ тѣсный кругъ однихъ научныхъ интересовъ; что молодые люди, воспитывающіеся въ университетѣ, живя въ обществѣ, неизбѣжно подчиняются его вліянію, и что, поэтому, необходимо предоставить имъ свободу сходиться вмѣстѣ, чтобы цѣлою корпораціею обсуживать какъ научные, такъ и разные другіе вопросы, относящіеся къ ихъ быту, и что въ такого рода разсужденіяхъ и диспутахъ развивается ихъ мыслительность и образуется самостоятельность сужденія. Такъ ли это дѣйствительно? Такова ли задача студента? По нашему мнѣнію, нѣтъ. Студентъ, какъ показываетъ самое названіе его, долженъ посвятить себя всецѣло изученію науки, или, иначе, онъ уклонится отъ своего назначенія. Дѣло его изучать науку по профессорскимъ лекціямъ и тѣмъ источникамъ, которые будутъ ему указаны профессоромъ, или отысканы имъ самимъ; а сколько на

все это нужно доброй воли и усидчивости! До того ли ему, чтобы тратить дорогое время на предметы, чуждые его занятіямъ. Мы и безъ того страдаемъ недостаткомъ знаній, а потому учиться, учиться и учиться—вотъ, что должно быть девизомъ нашихъ студентовъ. Только при этомъ условіи они могутъ сдѣлаться, впослѣдствіи, полезными дѣятелями, и пріобрѣсти себѣ, по праву, общественное уваженіе. Намъ возразятъ на это, что для пользы самой науки необходимо студентамъ сходиться и обсуждать вмѣстѣ изучаемые ими предметы. Но кто же и мѣшаетъ имъ сходиться; мы, напротивъ, думаемъ, что отдѣльные кружки будутъ всегда существовать между людьми, имѣющими однородныя занятія. Такіе кружки составляются не по однимъ только научнымъ, но по артистическимъ, благотворительнымъ и разнымъ другимъ цѣлямъ. Такъ, въ Санктпетербургскомъ университетѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, студенты — любители музыки составляли музыкальный кружокъ, дававшій публичные концерты, сборъ съ которыхъ обращался въ пользу бѣдныхъ студентовъ; съ такою же благотворительною цѣлью, позже, образовался между студентами того же университета литературный кружокъ, издававшій сборникъ изъ студентскихъ трудовъ; такъ соединяются между собою въ небольшіе кружки, по разнымъ побужденіямъ, какъ-то: по однородности занятій, по взаимной симпатіи, по единству происхожденія и т. п., студенты всѣхъ нашихъ университетовъ. Но отдѣльные кружки не то, что корпорація: каждый членъ кружка вступаетъ въ него свободно, съ опредѣленною цѣлью; такъ же свободно онъ и оставляетъ кружокъ, если цѣль, съ которою онъ вступилъ, не достигается въ немъ. Въ корпораціи же, какъ въ юридической единицѣ, имѣющей общія всѣмъ права и обязанности, каждый членъ порабощается общему духу; въ ней люди различныхъ мнѣній обязываются къ одинаковымъ дѣйствіямъ, преслѣдованіе одного члена возбуждаетъ противодѣствіе всей массы, оскорбленіе, причиненное одному, принимается всѣми. Отсюда въ обширныхъ студентскихъ корпораціяхъ необходимо возникаютъ столкновенія съ лицами, непринадлежащими къ нимъ, и съ разными мѣстными властями, и въ самыхъ корпораціяхъ, безъ руководителей, въ которыхъ всегда будетъ недостатокъ, являются всѣ элементы раздора между членами, ихъ составляющими. За доказательствами этой истины ходить недалеко. По этимъ причинамъ, мы вполнѣ сочувствуемъ мѣрамъ, принятымъ у насъ въ послѣдніе годы, къ ослабленію студентской корпораціи и заключавшимся въ подчиненіи студентовъ, внѣ университета, общей по-

лиціи, въ сокращеніи переводныхъ испытаній и въ уничтоженіи форменной одежды студентовъ; но находимъ, однако, что слѣдовало бы теперь и совсѣмъ порѣшить дѣло съ корпораціею студентскою, уничтоживъ въ университетахъ всѣ испытанія, кромѣ испытаній на ученыя степени, и сдѣлавъ университетъ открытымъ для всѣхъ учебнымъ заведеніемъ. Но чтобы выяснить нашу мысль во всей полнотѣ, мы должны отвѣтить прежде на дальнѣйшія возраженія, которыя уже готовятъ намъ защитники студентской корпораціи.

Не въ корпораціи, говорятъ они, источникъ зла, а въ томъ, что, *во-первыхъ*, университетское начальство отказалось отъ покровительства студентамъ, нуждающимся еще, по молодости лѣтъ, въ опекѣ, и отъ руководства ими внѣ университетскихъ стѣнъ, и *во-вторыхъ*, въ слабости надзора за исправнымъ посѣщеніемъ студентами профессорскихъ лекцій и въ ослабленіи значенія пріемныхъ и переводныхъ испытаній.

При всемъ уваженіи нашемъ ко многимъ изъ лицъ, раздѣляющихъ подобные взгляды, мы никакъ не можемъ согласиться съ ними, по слѣдующимъ причинамъ:

Не только въ столичныхъ университетахъ, имѣющихъ огромное число слушателей, но и въ провинціальныхъ, едва ли есть какая-либо физическая возможность, для университетской полиціи, состоящей изъ инспектора и трехъ-четырехъ его помощниковъ, наблюдать за поступками студентовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ города. Да и въ чемъ долженъ заключаться здѣсь надзоръ? Въ бѣгломъ обзорѣ разъ въ годъ квартиры студента (а чаще нельзя). Какія данныя для сужденія о студентѣ можно извлечь изъ подобнаго наблюденія? Конечно, самыя жалкія и, что еще хуже, пожалуй, невѣрныя.

Притомъ, не безъ основанія замѣчаютъ нѣкоторые, что инспекторъ и его помощники, какъ лица, непринадлежащія къ учебному университетскому сословію, поставлены здѣсь въ ложную и несвойственную имъ роль воспитателей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и судей. Но положимъ, что должность инспектора будетъ возложена на кого-либо изъ профессоровъ, и изъ среды профессорской будетъ образованъ судъ, на обязанности котораго будетъ лежать не только изслѣдованіе проступковъ, совершаемыхъ студентами въ университетѣ и внѣ университета, но и опредѣленіе исправительныхъ наказаній за эти проступки.

Въ такомъ случаѣ, профессоръ-инспекторъ сдѣлается непремѣнно дурнымъ префессоромъ, потому что ему, при обязанности

такого широкаго надзора за студентами, некогда будетъ заниматься наукой; а въ дѣлѣ науки кто не идетъ впередъ, тотъ отступаетъ назадъ.

Далѣе, и самый судъ профессоровъ, при такой программѣ, ему задаваемой, будетъ заваленъ работой и, главное, войдетъ, по дѣламъ студентскимъ внѣ университета, въ нескончаемую тяжбу съ посторонними вѣдомствами. Но можетъ, конечно, случиться и другое, т. е. дѣлъ почти вовсе не будетъ, если мѣстныя полицейскія власти, во избѣжаніе скандала и споровъ, будутъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ проступки студентовъ. Въ такомъ случаѣ, судъ профессорскій, въ качествѣ грозы надъ студентами, за дѣйствія ихъ внѣ университета, останется одною только формальностію, безъ всякаго воспитательнаго вліянія на молодыхъ людей. Однимъ словомъ, какъ бы мы ни смотрѣли на вопросъ о надзорѣ за студентами внѣ университета, онъ кажется намъ одною формальностію, неосуществимою на дѣлѣ.

По этимъ причинамъ, а не по эгоизму, какъ думаютъ нѣкоторые, весьма благонамѣренные и просвѣщенные люди, университетъ долженъ отказаться отъ мысли имѣть надзоръ за студентами, съ соразмѣрною ему отвѣтственностью за нихъ внѣ университета, и ограничиться воспитаніемъ своихъ слушателей посредствомъ науки, и надзоромъ за ними только въ стѣнахъ университета. Такой надзоръ, состоящій въ наблюденіи за внѣшнимъ порядкомъ и благочиніемъ въ самомъ университетѣ, дѣйствительно, лучше всего было бы поручать одному изъ профессоровъ, по избранію совѣта.

Скажутъ, что при устраненіи университетскаго начальства отъ наблюденія за студентами внѣ университета, можетъ иногда пострадать невинно какой-нибудь бѣдный студентъ: но за то, въ бо́льшей части случаевъ, студенты, лишенные возможности становиться подъ защиту цѣлой корпораціи, будутъ вести себя осторожнѣе внѣ университета и избѣгать столкновеній съ мѣстными полицейскими властями. Вѣдь студенты хотя и молодые люди, но уже не дѣти, и пусть же они, какъ и всѣ граждане, изъ самой жизни почерпаютъ для себя нравственные уроки. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка будутъ уменьшеніе студенческихъ исторій внѣ университета, развитіе бо́льшей самостоятельности характера молодыхъ людей, предоставленныхъ самимъ себѣ, и образованіе въ нихъ доброй воли, составляющее одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія.

Намъ возразятъ, что студенты, при такомъ порядкѣ, могутъ предаться праздности, подвергнувшись неразлучнымъ съ ней по-

слѣдствіямъ, и перестанутъ, пожалуй, посѣщать университетскія лекціи.

Можетъ быть, съ нѣкоторыми и будетъ такъ; но должна ли отвѣтственность за это падать на университетское начальство, если оно не имѣетъ возможности, даже и при надзорѣ за студентами, достаточно повѣрять ихъ въ этомъ отношеніи. Все, что профессора могутъ тутъ сдѣлать — это внушить молодымъ людямъ любовь къ наукѣ, хорошимъ чтеніемъ лекцій, а если они не успѣютъ или не съумѣютъ этого сдѣлать, то всѣ принудительныя мѣры напрасны. Вообще, мы думаемъ, что обязательное посѣщеніе лекцій студентами не приведетъ къ желаемой цѣли. Студентъ, пришедшій противъ воли въ аудиторію, мало, или даже ничего изъ нея не вынесетъ, а профессоръ, наполняющій такимъ путемъ свою аудиторію, легко облѣнивается, зная, что какъ бы онъ ни читалъ свой предметъ, у него всегда будутъ обязанные слушатели. Не страдаетъ ли отъ такого положенія вещей наука? Если же слушатели потеряютъ, наконецъ, терпѣніе и выразятъ порицаніе профессору, то не будутъ ли страдать отъ этого дисциплина и молодые люди, позволившіе себѣ увлечься и сойти съ законнаго пути. Не проще ли, поэтому, и не выгоднѣе ли для всѣхъ уничтожить всякую обязательность посѣщенія лекцій. Тогда въ аудиторію пойдутъ только тѣ, которые хотятъ учиться, и худой профессоръ, оставшись безъ слушателей, поневолѣ долженъ будетъ уступить свое мѣсто болѣе дѣятельному и болѣе способному. Мы слышали, по этому поводу, такое мнѣніе, что молодые люди, даже и въ студентскомъ возрастѣ, никогда не будутъ учиться добровольно, и что по этому, если уничтожить обязательность, то аудиторіи останутся пустыми. Позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ, на основаніи собственнаго опыта и наблюденія: между молодежью нашею, и не только нашею, но и вездѣ, много найдется людей, вполнѣ преданныхъ интересамъ науки и, ради любви къ ней, переносящихъ даже тяжкія лишенія. Попробуйте повѣрить этотъ фактъ въ любомъ университетскомъ городѣ, и вы убѣдитесь въ томъ. Такіе люди всегда пойдутъ на лекціи; будутъ чаще ходить и многіе другіе, которыхъ можно обвинять теперь въ лѣности, если университеты наши усовершенствуются въ отношеніи личнаго состава профессоровъ, если всѣ профессора будутъ носить не по имени только это высокое званіе. Пусть укажутъ намъ, въ настоящее время, хотя одного хорошаго профессора, у котораго бы не было слушателей, и тогда только мы готовы согласиться, что молодежь наша равнодушна къ ученью.

Въ Германскихъ университетахъ, правда, каждый профессоръ, по окончаніи семестра, отмѣчаетъ въ матрикулѣ студента, его слушавшаго, исправность посѣщенія имъ лекцій. Но такая отмѣтка служитъ лишь свидѣтельствомъ профессора о студентѣ, и отнюдь не имѣетъ характера принудительнаго, потому что отъ самого студента зависитъ выборъ, какого профессора ему слушать и въ какое время, или и вовсе не слушать. Притомъ же исполненіе этого правила составляетъ и тамъ одну только формальность.

А переводные экзамены, а страхъ исключенія изъ университета, скажутъ намъ, развѣ не заставятъ лѣнивыхъ студентовъ заниматься наукой? а строгія пріемныя испытанія развѣ не представятъ достаточнаго обезпеченія въ зрѣлости и развитости университетскихъ слушателей?

Отвѣтимъ на эти возраженія.

Строгіе пріемные экзамены изъ предметовъ цѣлаго гимназическаго курса закроютъ двери университета для многихъ, даже и развитыхъ людей, что̀ уменьшило бы вліяніе университета на общественное воспитаніе. Неудобство это давно уже чувствовалось, а потому уже съ 1844 года въ наши университеты допускаются вольнослушающіе, необязанные подвергаться пріемнымъ испытаніямъ. Что отъ этого произошла только прямая польза, показалъ продолжительный опытъ. Многіе изъ вольнослушающихъ съ тѣхъ поръ пріобрѣли ученыя степени и, потомъ, своею общественною дѣятельностію оправдали довѣріе къ ихъ доброй волѣ и способностямъ.

Притомъ, пріемные экзамены, служащіе удостовѣреніемъ, что поступающіе въ университетъ знаютъ гимназическій курсъ — не дѣло университетовъ, а гимназій, которыя лучше понимаютъ требованія гимназическаго курса и больше имѣютъ времени производить эти испытанія съ должною основательностью. Вмѣсто того, чтобы одному профессору, необучавшему никогда въ гимназіи, экзаменовать 300 человѣкъ, не лучше ли будетъ, если эти 300 человѣкъ проэкзаменуются въ 20 гимназіяхъ. Вѣдь и въ Германіи, въ отечествѣ педагогики, университеты не занимаются пріемными испытаніями, а дѣло это предоставляется гимназіямъ. Мы предвидимъ уже на это возраженіе, что наши гимназіи стоятъ гораздо ниже Германскихъ, а потому не имѣютъ права на такое довѣріе. Согласны, что такъ; но думаемъ, однако, что мы не можемъ не довѣрять имъ, а должны довольствоваться своимъ маленькимъ капиталомъ, если у насъ нѣтъ бо̀льшаго, и стараться только о приращеніи его. Когда поднимутся университеты, составляющіе нашъ

основный умственный капиталъ, то неизбѣжно за ними возвысятся и гимназіи.

Недовѣрчивость къ послѣднимъ, относительно оцѣнки воспитанія, кажется намъ неумѣстною и потому, что мы, въ то же время, довѣряемъ гимназіямъ болѣе существенное, то есть самое воспитаніе.

Да, наконецъ, и нужны ли вообще пріемные экзамены для благосостоянія университетовъ?

Въ Германіи, отъ поступающихъ въ университетъ требуется гимназическій аттестатъ; но посѣщеніе лекцій не воспрещается и всѣмъ прочимъ, неимѣющимъ такого аттестата; у насъ, кромѣ студентовъ, есть и вольнослушающіе и, какъ мы уже замѣтили выше, изъ этого выходитъ одно только доброе. Опасаться, что, съ уничтоженіемъ требованія гимназическаго образованія отъ посѣтителей лекцій, университеты наполнятся недозрѣлыми слушателями, нечего: стоитъ лишь усилить строгость испытаній на ученыя степени и допускать къ этимъ испытаніямъ только имѣющихъ аттестатъ о знаніи полнаго гимназическаго курса. Тогда всякій, до поступленія еще въ университетъ, позаботится о пріобрѣтеніи общаго гимназическаго образованія, уровень котораго не только не понизится чрезъ это, какъ думаютъ нѣкоторые, но еще и возвысится, потому что, при бо́льшей свободѣ поступать въ университетъ, число желающихъ посѣщать университетскія лекціи несомнѣнно увеличится, и, слѣдовательно, учащіеся въ гимназіяхъ будутъ имѣть еще болѣе побужденій къ прилежному занятію науками. То, что̀ чувствуетъ Западная Европа, но на что̀ она не можетъ еще рѣшиться, связанная старыми формами, то̀ можетъ сдѣлать Россія, несвязанная вѣковыми преданіями. Притомъ же, нельзя не разсчитывать и на то обстоятельство, что неприготовленный къ слушанію университетскаго курса самъ скоро это почувствуетъ и, отъ скуки, прекратитъ посѣщеніе лекцій, тѣмъ болѣе, что, при уничтоженіи корпораціи, для подобныхъ лицъ прекратится уже возможность найти для себя въ университетѣ какую бы то ни было дѣятельность. Мы слышали отъ нѣкоторыхъ профессоровъ, что свободное допущеніе на лекціи всѣхъ лицъ, безъ различія, лишитъ профессора возможности излагать науку съ подобающимъ ей достоинствомъ, что масса слушателей разнаго образованія поставитъ профессора въ затрудненіе, увлечетъ его на ложную дорогу — искательства популярности. Мы не думаемъ, чтобы это могло быть такъ. Профессоръ, и при такой обстановкѣ, долженъ имѣть въ виду только слушателей, знающихъ

гимназическій курсъ и, слѣдовательно, приготовленныхъ (а такіе всегда найдутся), и отнюдь не принаравливаться къ прочимъ. Кто изъ слушателей не будетъ понимать его, тотъ можетъ удалиться и, навѣрно, удалится.

Признавая, такимъ образомъ, пріемныя испытанія излишними и только затрудняющими входъ въ университетъ для многихъ, мы находимъ рѣшительно безполезными и переходные экзамены. Чтó они такое въ сущности? Принудительная мѣра къ ученію; въ этомъ опредѣленіи ихъ и заключается ихъ смертный приговоръ. Всякое принужденное ученіе, въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся студенты, безплодно; оно производитъ только, такъ-называемыхъ на школьномъ языкѣ, зубрилъ, но никогда ни настоящихъ ученыхъ, ни даже людей, усвоившихъ себѣ основательно какія-либо знанія. Переводные экзамены, между прочимъ, объясняютъ намъ возможность существованія такихъ людей, въ которыхъ, несмотря на окончаніе ими курса въ университетѣ, не осталось даже и слѣда университетскаго образованія. Одно только свободное изученіе науки плодотворно и достойно университета; въ Германіи давно понимаютъ эту истину, и потому въ тамошнихъ университетахъ нѣтъ переводныхъ испытаній, а существуютъ только испытанія на ученыя степены, которыя одни только и должны остаться и въ нашихъ университетахъ. Это уже не принудительная мѣра, а цѣль, которую долженъ имѣть въ виду каждый слушатель лекцій, заявленіе предъ университетомъ и обществомъ, что наука принесла плоды изучавшему ее.

Если переводные экзамены, по принудительному своему характеру, несовмѣстны съ духомъ университетскаго ученія, то, съ другой стороны, и какъ принудительная мѣра они не достигаютъ своей цѣли, особенно въ многолюдныхъ университетахъ. Возможно ли профессору произвести строгое испытаніе тремъ стамъ, напримѣръ, студентамъ въ одинъ или въ два дня? Если онъ будетъ удѣлять на это, въ теченіе двухъ дней, въ каждый день по пяти часовъ, при полномъ вниманіи (а больше нельзя), то на каждаго экзаменующагося придется только по двѣ минуты. Спрашивается, къ чему послужитъ такой экзаменъ? не будетъ ли онъ пустою формою, при которой и совершенно слабые будутъ легко переходить въ слѣдующіе курсы? Если же на переводныя испытанія назначать столько времени, сколько нужно, то въ такомъ случаѣ пришлось бы двѣ трети годичнаго курса употреблять на одни только экзамены (что легко доказать), и затѣмъ, у профессоровъ не осталось бы

времени на самое существенное, т. е. на чтеніе курсовъ. Нѣкоторые предполагаютъ, частію для устраненія этого неудобства, частію въ видахъ усиленія строгости испытаній, учредить особыхъ экзаменаторовъ, не изъ профессоровъ; но для осуществленія такого плана у насъ нѣтъ, во-первыхъ, достаточнаго числа ученыхъ — такъ какъ и при замѣщеніи наличныхъ профессорскихъ каѳедръ встрѣчаются неодолимыя затрудненія; во-вторыхъ, такое учрежденіе было бы нескончаемымъ источникомъ столкновеній между профессорами и экзаменаторами; въ-третьихъ, и такимъ экзаменаторамъ нужно было бы столько же времени на испытанія, какъ и профессорамъ, т. е. двѣ трети учебнаго года, и наконецъ, въ-четвертыхъ, все это потребовало бы, безъ всякой пользы, затраты огромнымъ суммъ.

Наконецъ, ошибаются, какъ мы позволяемъ себѣ думать, и тѣ, которые видятъ въ переводныхъ испытаніяхъ не принудительную мѣру къ ученію, а только способъ повѣрки профессорами занятій студентовъ. Какова эта повѣрка, мы показали выше; но это—и не повѣрка, а принудительная мѣра, потому что она сопровождается выставленіемъ отмѣтокъ за отвѣты и соединеннымъ съ нимъ переходомъ другой курсъ, или оставленіемъ въ томъ же курсѣ. Противъ пользы повѣрки, но повѣрки дѣйствительной, имѣющей цѣлью разъясненіе студентамъ изложенной науки, мы не споримъ, а потому полагаемъ, что каждый профессоръ, независимо отъ чтенія лекцій по своему предмету, обязанъ быть еще руководителемъ своихъ слушателей въ ихъ занятіяхъ, время отъ времени, въ особенныхъ бесѣдахъ, повторять съ ними пройденное, предлагать задачи, относящіяся къ предмету преподаванія, и помогать въ ихъ разрѣшеніи; но, разумѣется, что при всемъ этомъ не должно быть и помину ни о какихъ отмѣткахъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, для блага университетовъ было бы необходимо уничтожить пріемныя испытанія и соединенныя съ ними особенныя права студентовъ, съ особенною, форменною одеждою, пореводныя испытанія изъ курса въ курсъ и подчиненіе студентовъ университетской полиціи и внѣ университета. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, какъ сказано выше, уже приведены въ исполненіе; остается довершить начатое, и тогда студентская корпорація, въ смыслѣ юридической единицы, сама собою ослабѣетъ, и почти совершенно исчезнетъ и самое названіе. Слово студентъ, съ которымъ не будетъ соединяться никакихъ особенныхъ правъ, замѣнится названіемъ—слушатель. Остающаяся, за тѣмъ, у слуша-

телей однородность занятій не можетъ скрѣпить ихъ въ корпорацію: она произведетъ только отдѣльные кружки, пользу которыхъ мы вполнѣ признаемъ; но отдѣльные кружки, какъ мы уже достаточно объяснили выше, не корпорація. Чѣмъ же сдѣлается тогда университетъ, скажутъ намъ? Настоящимъ университетомъ, отвѣтимъ мы, съ сильною корпораціею профессоровъ, имѣющею воспитательное вліяніе на слушателей, изучающихъ науку свободно, по призванію, и, слѣдовательно, идущихъ такимъ путемъ, который единственно только и можетъ привести къ знанію; но устранятся отъ университета только тѣ подводные камни корпоративнаго устройства, о которые сокрушаются теперь многіе студенты, не дошедши до цѣли.

Представимъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, въ короткихъ словахъ, тѣ основанія, на которыхъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы устроить наши университеты:

а) Корпорація профессоровъ сохраняется во всей силѣ.

б) Студентская корпорація уничтожается отмѣною пріемныхъ и переводныхъ испытаній, обязательнаго посѣщенія лекцій и всѣхъ особыхъ студентскихъ правъ.

в) Къ слушанію лекцій допускаются всякаго рода лица, безъ различія званія, пола и возраста, съ извѣстною, умѣренною, за то, платою, отъ которой было бы, однако, желательно освобождать лицъ дѣйствительно недостаточнаго состоянія

г) Опредѣленныхъ сроковъ на слушаніе курса не полагается.

д) Испытанія слушателей на ученыя степени производятся съ усиленною строгостію, и къ испытаніямъ этимъ допускаются только лица, предъявившія свидѣтельства, выданныя имъ изъ гимназій, о знаніи полнаго гимназическаго курса.

Не можемъ не замѣтить при этомъ, что приведеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе не было бы и рѣзкимъ переворотомъ; на такомъ почти основаніи въ нашихъ университетахъ и теперь слушаютъ лекціи такъ-называемые вольнослушающіе; значитъ, вся реформа состояла бы только въ томъ, чтобы положеніе о вольнослушающихъ сдѣлать общимъ для всѣхъ слушателей лекцій, безъ различія.

Руководимые глубокимъ сознаніемъ важности университетовъ для благосостоянія нашего отечества, мы изложили наши мысли съ полною откровенностью, стараясь разсмотрѣть этотъ вопросъ съ возможною, въ газетной статьѣ, полнотою, а потому просимъ всѣхъ ревнителей блага общественнаго, и особенно тѣхъ изъ нихъ,

которымъ ближе знакомы наши университеты, указать намъ на наши недомолвки и ошибки. Пусть докажутъ намъ, что мы смотримъ на это дѣло невѣрно, и мы первые отступимъ отъ своего мнѣнія.

Въ заключеніе, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи тѣхъ, которые лучшею реформою университетовъ считаютъ обращеніе ихъ въ совершенно закрытыя заведенія, съ строгимъ внутреннимъ надзоромъ за студентами, въ нихъ живущими. По причинамъ, которыя мы выскажемъ въ другой разъ и которыя, по важности своей, требуютъ подробнаго развитія, далеко превосходящаго предѣлы настоящей статьи, мы считаемъ осуществленіе такого плана рѣшительно невозможнымъ и положительно вреднымъ. Замѣтимъ здѣсь только одно, что такой закрытый университетъ будетъ корпораціею, болѣе полною, чѣмъ теперешніе наши открытые университеты, а къ чему приводитъ корпорація, мы уже указали; значитъ, такая реформа не поправитъ, а только еще больше запутаетъ дѣло.

Къ ст. XIX.

ОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

«Мысли о нашихъ университетахъ».

По поводу статьи моей: «Мысли о нашихъ университетахъ», въ 47 № «Современной Лѣтописи» «Русскаго Вѣстника» сдѣлано нѣсколько замѣчаній, на которыя я долгомъ считаю съ своей стороны представить возраженія, не для поддержанія безплодной полемики, а единственно въ видахъ бо̀льшаго разъясненія столь важнаго вопроса, какъ устройство нашихъ университетовъ. «Мы находимъ ихъ» (т. е. выводы Петербургской теоріи новаго университетскаго устройства), сказано здѣсь, «преимущественно въ статьѣ, помѣщенной въ 252 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», за подписью: «Педагогъ». Уничтоженіе студенческаго званія, уничтоженіе вступительнаго экзамена и переходныхъ экзаменовъ — вотъ отрицательная сторона этихъ выводовъ. Серьезный выпускной экзаменъ, вотъ все, что оставляется отъ прежняго университетскаго устройства, по отношенію къ университетскому юношеству. Прочитавъ внимательно эту статью, мы долгомъ считаемъ сказать ея автору, что еслибы онъ описывалъ какой-нибудь существующій универси-

тетъ, то мы бы, пожалуй, еще согласились съ нимъ, что *этотъ университетъ соотвѣтствуетъ своей цѣли.* Но бѣда въ томъ, что онъ *не описываетъ существующаго, а проектируетъ новое, и притомъ для Россіи.* Тутъ мы съ нимъ совершенно расходимся». Сличая эту выписку съ другими мѣстами «Современной Лѣтописи», гдѣ сторонники нашего мнѣнія, съ которыми, впрочемъ, мы далеко не во всемъ согласны, обвиняются въ стремленіи уничтожить наши университеты, произвести въ нихъ всеобщую ломку, и создать, вмѣсто того, что-то новое, нигдѣ еще небывалое, я не могу не вывести отсюда заключенія, что значительная доля этихъ обвиненій падаетъ и на меня. Справедливо ли это, постараюсь объяснить какъ можно короче, избѣгая пышныхъ фразъ и ученыхъ выраженій, отъ которыхъ самое дѣло выигрываетъ немного.

Что̀ предложено въ моемъ планѣ новаго, будто бы нигдѣ несуществующаго?

Во-первыхъ, я оставляю во всей силѣ нынѣ существующую профессорскую корпорацію, и если желаю, въ этомъ отношеніи, перемѣнъ, то онѣ относятся къ улучшенію личнаго состава этой корпораціи, къ приданію ей настоящаго значенія и наибольшей самостоятельности. Съ этимъ согласна и редакція «Современной Лѣтописи», судя по мыслямъ, высказаннымъ ею объ этомъ предметѣ въ 46 № «Лѣтописи».

Во-вторыхъ, я считаю болѣе полезнымъ уничтоженіе пріемныхъ испытаній, съ допущеніемъ, за тѣмъ, къ слушанію университетскихъ лекцій всѣхъ желающихъ. И эта мѣра не новость: въ нашихъ университетахъ и теперь есть вольнослушающіе, посѣщающіе лекціи именно на этомъ основаніи; значитъ, и здѣсь вся перемѣна состоитъ только въ томъ, чтобы положеніе о вольнослушающихъ сдѣлать общимъ для всѣхъ слушателей лекцій, безъ различія. Другое дѣло: редакція «Современной Лѣтописи» можетъ не соглашаться со мною въ пользѣ допущенія вольнослушающихъ въ университеты — всякій имѣетъ свой взглядъ, и противъ этого спорить напрасно; но гдѣ же тутъ ломка? Редакція «Лѣтописи» можетъ также не сходиться со мною въ томъ, что слушатели не замѣнятъ собою студентовъ; я же позволяю себѣ думать, что дѣло — не въ названіи, а въ дѣлѣ: для слушанія съ пользою даровитаго и способнаго профессора нѣтъ надобности имѣть патентъ на извѣстное званіе, а довольно одной любви къ наукѣ и достаточной умственной развитости. Ядро же слушателей, по нашему глубокому убѣжденію, именно будетъ заключать въ себѣ эти свойства, уже потому, что

къ испытанію на ученыя степени допускаются, по нашему плану, только лица, предъявившія свидѣтельства, выданныя имъ изъ гимназій, о знаніи полнаго гимназическаго курса. Редакція «Современной Лѣтописи» можетъ также отвергать возможность духовной связи между профессорами и такими слушателями, допуская, однако, эту связь между профессорами и студентами; я же думаю, что духовная связь всегда будетъ существовать между профессоромъ и ядромъ его аудиторіи, какъ бы ни назывались сидящіе въ ней — студентами или слушателями, если только профессоръ, силою своего таланта, съумѣетъ возбудить эту связь. Далѣе, я позволяю себѣ утверждать, не по теоріи, какъ полагаетъ редакція «Лѣтописи», а по близкому знакомству съ студентскимъ бытомъ, что и духъ товарищества, важность котораго я признаю, вмѣстѣ съ моими противниками, будетъ точно такъ же существовать и между слушателями, какъ существуетъ теперь между студентами, но только основаніемъ его будутъ служить не внѣшность, не принадлежность къ одному сословію, а сродство занятій и взаимныя симпатіи. Гдѣ крѣпче и сильнѣе связи товарищества, предоставляю судить объ этомъ читателямъ и, въ особенности, лицамъ, ближе знающимъ университетскую жизнь.

Наконецъ, по вопросу о вольнослушающихъ я не могу не сдѣлать здѣсь еще одного замѣчанія: число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается въ нашихъ университетахъ; это—фактъ, заслуживающій серьезнаго вниманія; все, что существуетъ, должно имѣть основаніе, а потому едва ли, по моему мнѣнію, справедливо, пренебрегая фактомъ, порицать такую мѣру, которая клонится только къ распространенію уже существующаго на дѣлѣ.

Въ-третьихъ, я признаю, по причинамъ, которыя изложены въ статьѣ моей, переходные экзамены вредными, или, по меньшей мѣрѣ, безполезными, а потому предлагаю ихъ отмѣну. И это — не новость: въ Германскихъ университетахъ нѣтъ переходныхъ испытаній, они почти не существуютъ и у насъ въ университетахъ Дерптскомъ и св. Владиміра. «Мы знаемъ», сказано въ 47 № «Современной Лѣтописи», «Русскихъ студентовъ изъ жизни, а не по теоріи. Оставлять ихъ безъ всякой поддержки (то есть безъ переходныхъ экзаменовъ) и подвергать, потомъ, сторогому выпускному экзамену, это вовсе не означаетъ доброжелательства къ нимъ; но просто значитъ — ставить имъ ловушку. Студенты пострадаютъ отъ того и будутъ осыпать васъ потомъ проклятіями, а дѣло порядка нисколько не выиграетъ». Не преувеличенъ ли такой

упрекъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно спросить Германскихъ студентовъ, или даже нашихъ Дерптскихъ и Кіевскихъ, проклинаютъ ли они кого за то, что у нихъ нѣтъ переходныхъ экзаменовъ, занимаются ли они отъ этого меньше и, вообще, влечетъ ли это за собою разрушеніе порядка. Вѣдь только положительный отвѣтъ ихъ и можетъ рѣшить этотъ споръ, а между тѣмъ, я не могу не сказать, что, сколько мнѣ извѣстно, тамъ всѣ довольны такою системою, и не считаютъ отсутствія ея отнятіемъ у студентовъ извѣстнаго права, какъ утверждаетъ «Современная Лѣтопись», признавая переходные экзамены правомъ, которымъ будто бы дорожатъ студенты.

Въ-четвертыхъ, я предлагалъ усилить требованія испытаній на полученіе ученой степени. И это не новая мѣра, а только улучшеніе нынѣ существующей, что̀ признаетъ и «Современная Лѣтопись», хотя полагаетъ, что съ уничтоженіемъ переходныхъ испытаній посѣтители университетскихъ лекцій будутъ заниматься слабѣе и, вслѣдствіе того, непремѣнно упадутъ и экзамены на ученыя степени. «Обыкновенные экзаминаторы», говоритъ она, «соображаютъ свои требованія съ познаніями экзаменующихся. Едва ли какой-нибудь экзаминаторъ рѣшится забраковать *всѣхъ* экзаменующихся; предъ такимъ шагомъ невольно остановится даже человѣкъ, совершенно свободный отъ слабости популярничанья». Все это было бы справедливо, еслибъ дѣйствительно было доказано, что отсутствіе переходныхъ испытаній способствуетъ ослабленію занятій въ такой степени, что на окончательномъ испытаніи экзаминатору пришлось бы или всѣхъ браковать, или ко всѣмъ быть снисходительнымъ, вопреки справедливости. Еслибъ это было такъ, то въ Германіи, напримѣръ, давно уже упала бы наука, а Дерптскій нашъ университетъ нужно было бы закрыть, по его безполезности. Опытъ показываетъ, однако, противное, лучше всякихъ словъ.

Въ-пятыхъ, я отвергалъ опредѣленные сроки на слушаніе лекцій и обязательное ихъ посѣщеніе; но то и другое осуществлено уже, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ, въ Германскихъ университетахъ, а обязательность посѣщенія лекцій не существуетъ фактически и въ нашихъ университетахъ, потому что нѣтъ ни средствъ, ни возможности поддержать это начало на дѣлѣ.

Приводя все вышесказанное къ одному знаменателю, мы спрашиваемъ, гдѣ та ломка и разрушеніе университетовъ, которыя будто бы предлагаются нами, гдѣ то уничтоженіе всего стараго и введеніе всего новаго, о которомъ упоминаетъ «Современная Лѣто-

пись»,—тогда какъ ни одна изъ мѣръ, высказанныхъ нами, не можетъ быть названа даже новою, а каждая изъ нихъ есть только приложеніе къ дѣлу, или дальнѣйшее развитіе того, что уже существуетъ въ Германскихъ или нашихъ университетахъ. Пора ли для нашихъ университетовъ сдѣлать этотъ шагъ впередъ, это — иной вопросъ; мы полагаемъ, что пора, предоставляя нашимъ противникамъ полную свободу думать иначе.

Предлагая планъ нашъ въ общихъ чертахъ, мы не могли коснуться разныхъ его подробностей, а потому, въ заключеніе настоящей нашей замѣтки, нужнымъ считаемъ возразить еще противъ двухъ замѣчаній, сдѣланныхъ намъ въ томъ же 47 № «Современной Лѣтописи». «Назвавъ студентовъ вольными слушателями», сказано тамъ, «вы лишите ихъ права на стипендіи, очень важнаго, безъ котораго университетъ уже никакъ не можетъ благоденствовать; вы лишите ихъ, наконецъ, многихъ гражданскихъ правъ, имѣющихъ большое значеніе для податныхъ состояній». По нашему мнѣнію, изъ плана нашего никакъ не вытекаютъ такія послѣдствія. Стипендіатами могутъ быть такъ же удобно слушатели, какъ и студенты, и дѣйствительность ихъ занятій можетъ и должна быть повѣряема разными способами, помимо переходныхъ испытаній, которыя притомъ, какъ мы уже замѣтили въ нашей статьѣ, служатъ плохою повѣркою. Способы эти могутъ заключаться въ репетиціяхъ, частныхъ бесѣдахъ профессоровъ съ стипендіатами, въ задачахъ, особо имъ предлагаемыхъ, въ письменныхъ отчетахъ о занятіяхъ и т. п.

Мы не понимаемъ также, почему уничтоженіе студенческаго званія будетъ для многихъ лишеніемъ разныхъ гражданскихъ правъ. Въ настоящее время, правами студента пользуются только лица, выдержавшія вступительный экзаменъ, т. е. доказавшія знаніе предметовъ полнаго гимназическаго курса, а вольнослушающіе, неокончившіе гимназическаго курса, не имѣютъ никакихъ особыхъ правъ, кромѣ принадлежащихъ имъ по ихъ состоянію. Съ обращеніемъ всѣхъ студентовъ въ слушателей будетъ то же самое: тѣ изъ нихъ, которые прошли гимназическій курсъ, или выдержали предварительное въ немъ испытаніе, сохранятъ настоящія свои права, потому что права эти даются знаніемъ гимназическаго курса, а не однимъ названіемъ студента; прочіе же будутъ находиться въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ какихъ нынѣшніе вольнослушающіе, неокончившіе гимназическаго курса. Кажется, ясно, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакой перемѣны, никакого умень-

шенія чьихъ бы то ни было правъ. Ограничимся этими замѣтками, вызванными, повторимъ еще разъ, однимъ только искреннимъ желаніемъ разъяснить вопросъ объ устройствѣ нашихъ университетовъ; а потому на каждое возраженіе, сдѣланное намъ, готовы и впредь всегда отвѣчать спокойно и безъ всякаго раздраженія, если только найдемъ, что отвѣтъ нашъ можетъ быть полезенъ дѣлу.

XX.

Еще нѣсколько словъ объ университетахъ, Н. Костомарова.

По поводу напечатанной въ № 237 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» моей статьи объ университетахъ явилось нѣсколько возраженій. Первое было написано профессоромъ Санктпетербургскаго университета М. М. Стасюлевичемъ. Мой многоуважаемый противникъ соглашается со мною, что университетъ долженъ быть учрежденіемъ образовательно-ученымъ, органомъ содѣйствія, какое оказываетъ наука теченію современной общественной жизни, и, вслѣдствіе этого, считаетъ нормальнымъ безусловное допущеніе желающихъ къ слушанію лекцій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ нужнымъ удержать званіе студента; онъ указываетъ на примѣръ прошлыхъ годовъ, полагая, что Санктпетербургскій университетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи. Я съ нимъ въ послѣднемъ совершенно согласенъ. Не говоря уже о знаменательномъ, для дѣла общественнаго просвѣщенія, множествѣ слушателей, о невозмутимомъ порядкѣ и приличіи въ аудиторіяхъ, при отсутствіи или, по крайней мѣрѣ, при незамѣтности всякой полицейской власти, самые окончательные экзамены въ 1860—1861 годахъ были очень удовлетворительны.

Но все это прошлое. Что прошло, то былью поросло. Я имѣю въ виду не недавнее прошедшее, а настоящее положеніе университетовъ, и мѣра, которую я предлагалъ, вызвана желаніемъ поставить университеты въ положеніе, сообразное съ ихъ назначеніемъ и *насущными* требованіями общественнаго образованія.

Въ 247 № «Московскихъ Вѣдомостей» появилась противъ меня статья, написанная профессоромъ Московскаго университета,

г. Чичеринымъ. Онъ озаглавилъ ее такъ: *Что нужно для Русскихъ университетовъ?* По прочтеніи ея оказывается, что критикъ имѣетъ въ виду не столько то, что нужно, сколько то, чего ненужно для Русскихъ университетовъ, а имъ, по его мнѣнію, ненужно именно того, что я считалъ для нихъ полезнымъ. Онъ говоритъ: «По «нашему убѣжденію, для Русскаго просвѣщенія не можетъ быть «бо̀льшаго удара, какъ исполненіе мысли г. Костомарова. Это ни «болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе высшаго преподаванія, и об«ращеніе нашихъ университетовъ въ дѣло общественнаго развле«ченія».

Награждая меня такимъ приговоромъ, критикъ неслишкомъ снисходителенъ и къ г. Стасюлевичу, хотя приходитъ къ одному съ нимъ результату.

По мнѣнію г. Чичерина, университеты не нуждаются въ радикальномъ преобразованіи, но имъ нуженъ пересмотръ уставовъ. Г. Чичеринъ не поясняетъ, въ чемъ долженъ состоять этотъ пересмотръ, но изъ многихъ мѣстъ его статьи видно, что онъ желаетъ, подобно г. Стасюлевичу, сохраненія студентскаго званія, при открытомъ входѣ публики въ аудиторіи. «Тѣмъ» — говоритъ онъ — «которые захотятъ прослушать какой-нибудь университетскій курсъ, «университетъ всегда готовъ открыть свои двери».

«Мы не хотимъ, однако, сказать, что университетъ долженъ «быть замкнутымъ заведеніемъ. Студенты живутъ въ обществѣ, «въ семьяхъ — этого требуетъ свобода, которая должна быть пре«доставлена юношескому возрасту. Университетъ всегда либераль«но растворялъ свои двери и посторороннимъ слушателямъ, которые «могли быть въ него допущены».

Хорошо. Не будемъ упускать изъ виду это понятіе объ университетахъ, и обратимся къ обвиненіямъ противъ меня.

Г. Чичеринъ указываетъ, что въ моей статьѣ не сказано: «что̀ «нужно для молодыхъ людей, вышедшихъ изъ отрочества и не«вступившихъ еще въ зрѣлый возрастъ, т. е. неизбравшихъ себѣ «поприща, неначавшихъ еще дѣйствовать въ жизни; однимъ сло«вомъ, что̀ нужно для юношей: воспитаніе или образованіе? А въ «этомъ состоитъ все дѣло. Это единственное, что слѣдовало разъ«яснить. Г. Костомаровъ, просто, забылъ, что существуетъ воз«растъ средній между отрочествомъ и зрѣлостью, возрастъ, въ ко«торомъ люди готовятся еще къ жизни, въ которомъ свободное «и систематическое ученіе составляетъ спеціальное занятіе».

«Между тѣмъ, забыть юношество было несовсѣмъ легко. Оно

«постоянно было на глазахъ у г. Костомарова; онъ читалъ для не-«го лекціи въ Петербургскомъ университетѣ».

Нѣтъ, не забылъ. Но юношество, молодость относительныя понятія. Юность можно сравнить съ весною. Что такое весна? Или кончающаяся зима или наступающее лѣто. Снѣгъ еще несовсѣмъ сошелъ, видна голая земля — это конецъ зимы; земля покрылась травою, деревья распустились — молодое лѣто. Такъ точно отрочество граничитъ съ зрѣлымъ возрастомъ. Отрокъ нуждается въ непосредственномъ руководствѣ; въ зрѣломъ возрастѣ человѣкъ дѣйствуетъ свободно. Начало зрѣлаго возраста есть юность. Послѣдки отрочества заходятъ въ юность, но разнообразно. Иные созрѣваютъ ранѣе, другіе позже. Одинъ въ двадцать два года еще ребенокъ, другой въ шестнадцать лѣтъ развитъ до возможности быть свободнымъ судьею своихъ поступковъ. Притомъ, въ сравненіи съ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, тридцатилѣтній еще юноша. Если и предположить, что университетъ существуетъ для юношей, то эти юноши не могутъ быть одинаково развиты, и если есть между ними такіе, которые, по незрѣлости своей, нуждались бы въ нянькахъ и гувернерахъ, за то есть такіе, для которыхъ всякія руководства и попеченія были бы невыносимымъ стѣсненіемъ. Нѣтъ основанія смотрѣть на молодыхъ людей, посвящающихъ себя образованію въ университетѣ, какъ на неопытныхъ и незрѣлыхъ, и лишать ихъ права пользоваться значеніемъ зрѣлаго возраста вообще. Кончая курсъ въ гимназіи, молодой человѣкъ можетъ вступить въ службу, отдаться какому-нибудь занятію или идти въ университетъ. Вообразите, что трое товарищей выходятъ изъ одной гимназіи вмѣстѣ. Они равныхъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ идетъ въ военную службу, другой занимается торговлею, третій поступаетъ въ университетъ. Проходитъ три года, первый получаетъ уже офицерскій чинъ и *начальствуетъ*, второй женился и сдѣлался домохозяиномъ и отцомъ семейства, оба пользуются правомъ зрѣлаго возраста; только тотъ, кто избралъ себѣ науку, долженъ считаться еще недозрѣлымъ до этихъ правъ. Стало быть, одна наука имѣетъ то качество, что занимающійся ею долженъ стоять въ положеніи особомъ отъ другихъ вѣтвей общественной дѣятельности, и это особое положеніе—надзоръ надъ нимъ, какъ за ребенкомъ. Не есть ли это остатокъ тѣхъ грубыхъ понятій, съ которыми не могли уважать безконечности знанія, считали ученье принадлежностью дѣтскаго возраста, и даже находили постыднымъ учиться взрослому человѣку? Это обычныя понятія невѣжественной толпы. Не пере-

ходятъ ли они, незамѣтно для насъ, и къ намъ, когда мы признаемъ университетъ существующимъ (одни говорятъ преимущественно, а другіе даже исключительно) только для недозрѣлаго юношества? Но положимъ, что въ числѣ слушающихъ университетскія лекціи есть юноши-дѣти, которые нуждаются въ томъ надзорѣ, какой необходимо налагать на тѣхъ, которые еще не развились до возможности дѣйствовать свободно. Развѣ справедливо, ради ихъ, подвергать другихъ, которые въ этомъ не нуждаются, обращенію съ ними, какъ съ дѣтьми? Попеченіе о недозрѣвшихъ юношахъ, учащихся въ университетѣ, конечно, должно существовать; но на кого возложить его? Ужъ, конечно, не на профессоровъ, которымъ некогда этимъ заниматься, которыхъ прямая обязанность работать надъ наукою. Но и не на кокое бы то ни было университетское начальство, потому что, при огромномъ количествѣ студентовъ и при условіяхъ ихъ образа жизни, всякій такой надзоръ останется пустою формальностію. Попеченіе и надзоръ надъ тѣми, которые, по своей неразвитости, этого требуютъ, есть дѣло ихъ родителей, родственниковъ, ближнихъ, но никакъ не университета. Г. Чичеринъ, припомнивъ, что я читалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, говоритъ, что вниманіе мое обращено было не на студентовъ, а на массу публики, на людей всѣхъ половъ, вазрастовъ и званій, которые могутъ стекаться въ аудиторію, что я приберегъ все свое сочувствіе для публики, а о студентахъ нѣтъ и помину. Признаюсь, читая лекціи въ университетѣ, я обращалъ вниманіе не на массу публики, не на студентовъ, которыхъ также причисляю къ той же публикѣ, а на дѣло науки, на способъ систематическаго и яснаго ея изложенія, по силѣ своихъ способностей и знаній. Кто меня слушалъ, для меня рѣшительно было все равно, но я всегда предполагалъ, что въ числѣ слушателей есть лица свѣдущѣе меня, готовые, при случаѣ, обличить мои погрѣшности и сдѣлать мнѣ указанія, которыя, вообще, я готовъ принять съ признательностію, кѣмъ бы они произнесены ни были, хотя бы неимѣющими никакой бумаги на ученое достоинство.

Г. Чичеринъ строго отличаетъ студентовъ отъ остальной массы слушателей, которую можно допускать въ аудиторію. Первые должны составлять корпорацію. Корпорація необходима для экзаменовъ и товарищества. «Для студентовъ ученіе составляетъ жизненное «занятіе. Оканчивая свое воспитаніе, они систематически изучаютъ «извѣстную область наукъ. У нихъ впереди цѣль — экзаменъ, кото«рый побуждаетъ ихъ къ труду и составляетъ какъ бы двери, въ

«которыя они проходятъ при вступленіи въ жизнь. Напротивъ, «для публики, въ которой каждый имѣетъ свои занятія, свою дѣя«тельность, изученіе науки всегда остается дѣломъ второстепен«нымъ и постороннимъ. Каждый ограничивается тѣмъ, что его «интересуетъ, и беретъ то, что ему кажется полезнымъ или пріят«нымъ. Тутъ два рѣзко разграниченныхъ направленія; тутъ можно «сдѣлать антитезъ, основанный на фактѣ. Но именно поэтому его «и нѣтъ у г. Костомарова».

Неужели изъ моей статьи выходитъ, чтобъ я когда-либо заявилъ мысль, что слушатели не должны изучать систематически наукъ, и что въ университетѣ не должно быть никакихъ экзаменовъ? И отчего же систематическое изученіе и приготовленіе къ экзамену требуетъ особаго званія студентовъ. Что желающій заниматься наукою будетъ ею заниматься, какъ вы его ни назовите, это, кажется, такъ ясно, что не требуетъ доказательствъ! У г. Чичерина выходитъ, что коль-скоро студенты перестанутъ носить наименованіе студентовъ, составлять особое званіе, подлежать особымъ правиламъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, перестанутъ заниматься наукою. Итакъ, у насъ занятіе наукою, любовь къ умственному труду зависятъ отъ принадлежности къ званію, отъ разныхъ внѣшнихъ условій — пожалуй, отъ голубаго воротника! Еслибы это было на самомъ дѣлѣ, то пришлось бы съ г. Чичеринымъ воскликнуть: бѣдная Россія! какъ восклицаетъ онъ, отъ негодованія, при мысли, что въ Россіи пишутъ и читаютъ лекціи такіе люди, съ темными закоулками въ мозгу, какъ я.

Г. Чичеринъ раздѣляетъ слушателей на студентовъ и публику, или на такихъ, которые изучаютъ систематически науку, и на такихъ, которые берутъ изъ науки то, что имъ кажется полезнымъ и пріятнымъ. Раздѣленіе до крайности сбивчивое и непонятное. Развѣ тотъ, кто изучаетъ систематически науку, не находитъ для себя предметъ изученія полезнымъ и пріятнымъ? Конечно, г. Чичеринъ подъ публикою, въ противоположность студентамъ, разумѣетъ такихъ, для которыхъ, какъ онъ выражается, изученіе науки *не составляетъ серьезнаго дѣла жизни*. Въ такомъ случаѣ, ошибочно дѣлить слушателей на студентовъ и публику, и приписывать первымъ все хорошее, а послѣднимъ все дурное. При сохраненіи студентской корпораціи были, есть и будутъ такіе изъ принадлежащихъ къ этой корпораціи, для которыхъ изученіе науки не составляетъ серьезнаго дѣла жизни, которые слушали и слушаютъ лекціи, какъ говоритъ г. Чичеринъ, *изъ моды или изъ тщеславія*,

для того только, чтобы казаться образованными людьми, потому что такъ принято въ свѣтѣ, а другіе только для того, чтобы получить степень и соединенныя съ нею преимущества на службѣ. Г. Чичеринъ не можетъ сказать, что такихъ не было и нѣтъ между студентами. Чѣмъ лучше они той публики, о которой такъ презрительно отзывается г. Чичеринъ, въ противоположность студенческому званію? Съ другой стороны, на какомъ основаніи можно въ публикѣ, т. е. слушателяхъ, непринадлежащихъ къ студенческому званію, видѣть *невѣжественную* толпу? Не говоря уже о томъ, что въ этой *толпѣ* могутъ быть, и бываютъ, люди, получившіе хорошее воспитаніе не въ университетахъ, и постоянно приходящіе въ университетъ, ради интересовъ, какіе могутъ возбудить въ образованномъ человѣкѣ вопросы науки, въ ней, въ этой толпѣ, мы постоянно видѣли людей, окончившихъ курсъ въ университетѣ и слушающихъ науку по одной или и двумъ каѳедрамъ, съ цѣлью спеціальнаго изученія. Неужели это люди, для которыхъ наука не представляетъ ничего серьезнаго? Неужели нынѣшній студентъ, любящій науку, занимающійся ею прилежно, перестанетъ и любить ее, и заниматься, какъ скоро вы скажете ему: вы болѣе не называетесь студентомъ, никакими правилами не стѣсняетесь, можете себѣ свободно посѣщать лекціи, когда захотите, можете держать экзаменъ на степень, когда, по своему усмотрѣнію, найдете себя достаточно приготовленнымъ для этого? Что же? Неужели съ этими условіями студентъ перестанетъ систематически изучать науку, и поступитъ въ разрядъ *невѣжественной* толпы?

Другая польза существованія студенческой корпораціи, по мнѣнію г. Чичерина, это—товарищество. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ г. Чичеринъ:

«Всегда и вездѣ молодые люди, которые учатся въ одномъ за-«веденіи, считаютъ себя товарищами, и всякому извѣстно, что эта «связь вовсе не та, которая существуетъ между сочленами одного «гражданскаго общества. Учащіеся говорятъ о себѣ: *мы*, въ отли-«чіе отъ постороннихъ, и естественно составляютъ родъ братства, «хотя имъ не нужно ни защищать себя отъ враговъ, ни отстаивать «общія привилегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ имѣетъ и кор-«поративное устройство, но оно обнимаетъ не одних студентовъ, «а весь университетъ, составляетъ корпорацію учащихъ и учащихся. «Пока онъ остается университетомъ, онъ не можетъ не составлять «корпораціи, именно потому, что это—особенное учрежденіе, имѣ-«ющее извѣстную цѣль и организацію, приспособленную къ этой

«цѣли. Эта корпорація не замкнута: она принимаетъ въ себя всѣхъ «молодыхъ людей, желающихъ учиться; она допускаетъ въ себя и «постороннія лица, не нарушая, однако, своего существеннаго ха«рактера, оставаясь университетомъ, назначеннымъ для высшаго «преподаванія юношамъ. Послѣдніе, по самому своему положенію, «тѣснѣе связаны между собою, нежели чуждые другъ другу члены «гражданскаго общества. Товарищество — это жизнь студенчества. «Сдержанное въ должныхъ предѣлахъ, это — лучшая школа для «юношей, это—соревнованіе въ успѣхахъ, общеніе мыслей и инте«ресовъ въ благороднѣйшей изъ цѣлей—въ общемъ дѣлѣ образо«ванія; наконецъ, главное, это — привязанность къ мѣсту ученія, «одно изъ лучшихъ чувствъ человѣка, но о которомъ г. Костома«ровъ, повидимому, никогда и не помышлялъ. Превратите универ«ситеты въ публичныя мѣста, и все это разлетится въ прахъ. «Лучшая пора жизни человѣка будетъ втоптана въ общую житей«скую пошлость.»

Мы соглашаемся съ г. Чичеринымъ, что товарищество явленіе превосходное, особенно въ годы молодости. Но, признаюсь, я не вижу, чтобы товарищество условливалось узаконенною корпораціею званія, или чтобы званіе студента непремѣнно порождало товарищество. Исключеніемъ могутъ служить необыкновенные случаи, когда все званіе считаетъ себя принужденнымъ отстаивать то, что̀ каждый считаетъ своимъ правомъ — но такихъ случаевъ не дай Богъ, какъ равно и причинъ, ихъ вызывающихъ. Въ спокойномъ и нормальномъ состояніи университетовъ товарищество и корпорація не зависятъ одно отъ другаго. Студенты одного и того же факультета, часто, не знаютъ другъ друга по фамиліи, а о томъ и говорить нечего, какъ мало связи, напримѣръ, между медиками и юристами. Студенты знакомятся между собою уже посѣщая лекціи, а дѣлаются товарищами и даже друзьями никакъ не на основаніи корпоративной ихъ связи, а по своимъ взаимнымъ влеченіямъ, вслѣдствіе одинаковости занятій и вообще сближающихъ обстоятельствъ. И развѣ не случается сплошь и рядомъ, что студентъ дружнѣе съ нестудентомъ, чѣмъ съ своимъ товарищемъ по корпораціи? Представьте себѣ, что эти молодые люди, которыхъ теперь называютъ студентами, не носятъ этого названія, не держатъ вступительныхъ экзаменовъ, не принадлежатъ оффиціально къ курсамъ, слушаютъ что̀ хотятъ и сколько хотятъ: развѣ товарищество между ними образоваться не можетъ? Часто случается, что люди, встрѣчаясь въ гостинницѣ, за обѣдомъ, дѣлаются товарищами и друзьями....

Чтò же мѣшаетъ слушателямъ университетскихъ лекцій сближаться между собою, помогать другъ другу въ занятіяхъ, сходиться для обмѣна мыслей, для чтенія, для взаимныхъ ученыхъ работъ, указанныхъ профессоромъ, чтò, наконецъ, мѣшаетъ имъ устроить общія средства для ихъ общихъ дѣлъ? Чтò препятствуетъ этой связи въ годы юности остаться на всю жизнь, такъ, чтобы и впослѣдствіи не прерывались между ними сношенія, чтобы, воспитавъ въ себѣ одинакія убѣжденія, они, поддерживая морально другъ друга, на жизненномъ поприщѣ шли одинаковымъ путемъ правды и чести, хотя по разнымъ направленіямъ? Мы рѣшительно не понимаемъ, почему все это возможно при корпораціи и невозможно безъ нея. Говоря о корпораціи, мы не разумѣемъ подъ нею свободнаго товарищества. Не желаемъ корпораціи формальной, установленной, предписанной, расписанной, реестрованной, съ обязательствами, со сроками — пусть каждый свободно, какъ хочетъ, слушаетъ лекціи и занимается науками, и для экзамена и безъ экзаменовъ, но пусть слушатели сближаются между собою, образуютъ какія угодно товарищества, лишь бы цѣли ихъ были честны и законны: мы не станемъ охуждать ихъ за это, напротивъ, будемъ радоваться такимъ явленіямъ. Вотъ, напримѣръ, у студентовъ существовала касса, съ цѣлію помогать бѣднымъ товарищамъ. Цѣль прекрасная. Но мы не видимъ, чтобъ этого же не могло существовать безъ корпораціи. Развѣ литературный фондъ не существуетъ, хотя литераторы и не составляютъ узаконенной корпораціи? Можетъ такимъ же образомъ существовать и благотворительное общество, съ цѣлью оказывать помощь бѣднымъ людямъ, которые, по недостаточности, не въ силахъ содержать себя, слушая университетскія лекціи, и въ это общество вступятъ не одни слушатели, но и вообще лица, сочувствующія просвѣщенію. Для этого не нужно принадлежать къ корпораціи. Вотъ, недавно, изъ Астрахани, г. Равинскій объявилъ въ газетахъ, что онъ желаетъ оказывать помощь бѣднымъ студентамъ, платою взноса 50 руб. за слушаніе лекцій. Вѣдь онъ не принадлежитъ ни къ какой студенческой корпораціи. Споспѣшествовать просвѣщенію есть дѣло гражданское, а не какого-то особаго званія.

По мнѣнію г. Чичерина, пока университетъ останется университетомъ, онъ не можетъ не составлять корпораціи.... Мы съ этимъ не соглашаемся, хотя убѣждены, съ другой стороны, что пока университетъ будетъ университетомъ, духъ товарищества всегда будетъ оживлять его посѣтителей.

Но если г. Чичеринъ считаетъ корпорацію присущею универси-

тетскому быту, чего же бояться ему уничтоженія такой, которая есть явленіе внѣшнее, и потому перерождается въ пустую формальность? Не нужно ее, если она замѣнится другою, самобытною, вытекающею свободно, изъ жизни и ея потребностей!

Г. Чичеринъ говоритъ, что корпорація не должна быть замкнута; нѣсколько разъ онъ заявляетъ мысль, что свобода необходима для юношества. Не ясно ли изъ этого, что самъ г. Чичеринъ долженъ желать уничтоженія несвободной корпораціи, чтобъ она замѣнилась свободною? Если же, учрежденная сверху, корпорація будетъ свободна и незамкнута, то это какая-то ненужная форма, это у дверей замокъ безъ ключа.

Г. Чичеринъ называетъ *главнымъ* въ дѣлѣ корпораціи привязанность къ мѣсту ученія, и указываетъ на силу преданій, остающихся въ университетѣ. Чувство привязанности къ мѣсту ученія не имѣетъ никакого соотношенія съ корпораціею. Намъ, обыкновенно, пріятно воспоминаніе о томъ мѣстѣ, гдѣ намъ было хорошо; но развѣ слушатель не можетъ, безъ студентской формальной корпораціи, вынести изъ университета такихъ пріятныхъ воспоминаній? Съ другой стороны, во многихъ изъ насъ воспоминанія о мѣстахъ ученія вовсе не оставляютъ такихъ привязанностей, потому что нечѣмъ помянуть ихъ. Г. Чичеринъ обо мнѣ лично замѣтилъ, что я не помышлялъ объ этомъ, одномъ изъ лучшихъ чувствъ человѣка. Отчасти, г. Чичеринъ угадалъ. Если я и помышлялъ объ этомъ чувствѣ, то не ощущалъ его. Я учился въ гимназіи, гдѣ была корпорація, въ университетѣ, гдѣ также была корпорація, и, признаюсь, у меня осталось одно тяжелое воспоминаніе о бездарности, недобросовѣстности, корыстолюбіи и грубости наставниковъ, о невѣжествѣ, умственной лѣни и безнравственности большинства товарищей, да, вдобавокъ, о той неутѣшительной, нравственно грязной средѣ, въ которой прозябало наше воспитаніе и образованіе. Я увѣренъ, что и многіе, подобно мнѣ, вспомня лѣта юности и ученія, почувствуютъ то же, что̀ я чувствую, вспоминая о нихъ. При другихъ обстоятельствахъ, при другой обстановкѣ университетовъ и училищъ, при другихъ органахъ науки, и безъ корпоративнаго устройства университетскихъ слушателей, было бы любо вспомнить время юности и университетской жизни. Если, какъ говоритъ г. Чичеринъ, въ университетѣ есть преданіе крѣпкое и серьезное, то это преданіе очень недавнее, и вообще довольно слабое, чтобъ, какъ выражается мой противникъ, могло противодѣйствовать легкомысленному увлеченію общества и возвратить разбредшіеся умы и страсти къ

спокойствію научнаго труда. Едва ли и Московскій университетъ, болѣе другихъ университетовъ имѣющій преданій, обладаетъ такими нравственными, могучими силами.

«Для поддержанія студента на пути научнаго труда, ему необ-«ходимы и особенность университетской жизни, въ которой онъ «чувствуетъ себя дома, и ближайшее нравственное отношеніе къ «преподавателямъ, и удаленіе отъ общественныхъ развлеченій, и «предстоящій экзаменъ, и, наконецъ, кругъ товарищей, которые «всѣ заняты однимъ дѣломъ, которые всѣ имѣютъ одну цѣль и «одни интересы».

О кругѣ товарищей мы распространяться не станемъ, ибо уже сказали, что формальная корпорація, сама по себѣ, по мнѣнію нашему, не способствуетъ составленію товарищества, а отсутствіе такой формальной корпораціи ему не препятствуетъ. Ужели г. Чичеринъ серьезно утверждаетъ, что студенты имѣютъ одну цѣль, одни интересы? Это невозможно, ни по свойству занятій, ни по свойствамъ человѣческой природы. По свойству занятій, не говоря уже о томъ, что между медикомъ и занимающимся Славянской археологіей нѣтъ непосредственныхъ одинакихъ цѣлей и близкой связи въ ихъ занятіяхъ — между товарищами одного факультета, при спеціальныхъ занятіяхъ, являются различныя цѣли и разные интересы. По свойству человѣческой природы, люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же, имѣютъ разные взгляды, разныя цѣли въ жизни. Можетъ быть, г. Чичерину желательно, чтобы между студентами были однѣ цѣли, одни интересы; намъ также желательно, чтобъ у нихъ были такія цѣли и интересы, которые бы въ равной степени касались всѣхъ — но есть такія цѣли и интересы, которые бы намъ желательно видѣть общими для всего гражданскаго общества, безъ различія званій и призваній; но мы признаемся, что не находимъ даже необходимымъ, чтобъ между студентами, медикомъ и археологомъ, существовали такія общія цѣли и интересы, которые не могутъ быть общими для медика и археолога, еслибъ тотъ и другой не принадлежали къ одному университету. Особность университетской жизни, въ которой студентъ чувствуетъ себя дома, ближайшее нравственное отношеніе къ профессорамъ и удаленіе отъ общественныхъ развлеченій — все это идеальныя желанія, неосуществимыя на дѣлѣ. Что̀ это за особность университетской жизни, гдѣ студентъ чувствуетъ себя дома? Студенты живутъ по квартирамъ, сходятся въ университетъ на лекціи, въ промежуткахъ разговариваютъ между собою, и расходятся. Не то же ли самое бу-

детъ и тогда, когда слушатели не будутъ составлять корпораціи студентовъ и особаго званія? Ближайшее нравственное отношеніе къ профессорамъ всѣхъ слушателей невозможно. Нравственное вліяніе профессоровъ на аудиторіи останется и тогда, когда студенты не будутъ именоваться студентами, а ближайшее, то есть чрезъ личное знакомство въ ограниченномъ размѣрѣ, доступно какъ при корпораціи, такъ и безъ нея. Удаленіе отъ общественныхъ развлеченій есть дѣло личнаго вкуса и наклонностей, и при корпораціи студентскаго званія и безъ нея. Развѣ теперь студентъ не посѣщаетъ театровъ, баловъ, концертовъ? Развѣ есть возможность запретить студенту, который не хочетъ заниматься дѣломъ, шататься цѣлый день по Невскому проспекту? Съ другой стороны, развѣ слушатель, не нося студентскаго званія, не можетъ имѣть любви и уваженія къ наукѣ, склонности къ ученому труду, а непремѣнно, по тому только, что не называется студентомъ, будетъ бить баклуши?

Всего страннѣе намъ кажется то, что г. Чичеринъ хочетъ предохранить студентовъ отъ общества:

«Уничтожьте это различіе, смѣшайте оба элемента, погрузите «студентовъ въ массу публики, и они непремѣнно примутъ ея ха«рактеръ. Человѣкъ поневолѣ подчиняется вліянію той среды, въ «которой онъ находится, заражается тѣмъ духомъ, который въ ней «господствуетъ. Это вдвойнѣ справедливо относительно молодежи, «въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало побужденій къ «труду, гдѣ человѣкъ такъ легко поддается развращающему влія«нію общества».

Суровый обличитель пороковъ общества забываетъ, что студенты — дѣти этого общества, члены его, изъ него выходятъ, въ него возвращаются.

Если общество такъ развращено, а университеты имѣютъ такую магическую силу искоренять въ юношахъ взятые изъ этого общества зачатки развращенія и передѣлывать ихъ на новый ладъ, то зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, г. Чичеринъ допускаетъ студентовъ жить въ обществѣ и въ семьяхъ? Зачѣмъ, притомъ, дозволяетъ входъ въ аудиторію постороннимъ, зачѣмъ, такимъ образомъ, дозволяетъ тлетворному дыханію этого общества препятствовать росту живоносныхъ сѣмянъ, бросаемыхъ Олимпійскою щедростью профессоровъ въ сердца юныхъ питомцевъ? Зачѣмъ осквернять университетъ прикосновеніемъ невѣжественной толпы? Зачѣмъ возмущать

явленіемъ ея свѣтлые взоры мудрецовъ? Не послѣдовать ли, въ этомъ случаѣ, примѣру браминовъ, которые осуждали бѣднаго судрія на потерю уха, которое осмѣлится услышать спасительное чтеніе «Ведъ»? Сообразно понятіямъ г. Чичерина о растлѣніи общества и о нравственной чистотѣ и силѣ университетовъ, нужно перевести наши университеты изъ городовъ въ дебри и болота, содержать студентовъ въ особомъ зданіи, обведенномъ высокою стѣною, не допускать къ нимъ даже родителей, которые, какъ члены развращеннаго общества, могутъ внести съ собой заразительный его воздухъ, и въ удаленіи изъ треволненій суетнаго и многогрѣшнаго міра сего научать всякой премудрости, да потомъ и выпускать въ качествѣ реформаторовъ и апостоловъ. Такимъ образомъ было бы очень подручно перенести Петербургскій университетъ на Валаамъ, Кіевскій — въ Пинскія болота, Московскій — въ Муромскіе лѣса, и такъ далѣе. Тамъ бы и развлеченій никакихъ не было, и общество бы не мѣшало, и нравственное вліяніе профессоровъ было бы дѣйствительнѣе, особенно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безвыѣздной жизни профессоровъ въ такихъ затишьяхъ. Тогда, разумѣется, преподаватель былъ бы вполнѣ предохраненъ отъ тѣхъ печальныхъ явленій собственной порчи, грозящей ему при открытомъ публичномъ чтеніи, столь краснорѣчиво описанной г. Чичеринымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Что же сдѣлается тогда съ преподаваніемъ? Какой характеръ «приметъ оно, съ превращеніемъ университетовъ въ публичныя ка«ѳедры? На немъ, безъ сомнѣнія, отразятся свойства слушателей. «Аудиторія образуетъ профессора. Когда преподаватель, которому «нечужды нравственныя побужденія, имѣетъ передъ собою сту«дентовъ, въ немъ естественно пробуждается сознаніе той священ«ной обязанности, которая на немъ лежитъ, обязанности — гото«вить на жизненное поприще молодыхъ людей, нѣкоторымъ обра«зомъ ввѣренныхъ его руководству. Тутъ совѣстно сказать легко«мысленное слово, которое можетъ имѣть вредныя послѣдствія; «еще недостойнѣе обращать свое высокое призваніе въ средство «для забавы или въ орудіе тщеславія. Тутъ есть нравственная связь «между профессоромъ и аудиторіей, и это чувство долга и любви, «эта pietas къ молодому поколѣнію, согрѣваетъ и воодушевляетъ «преподавателя, когда онъ вступаетъ на каѳедру. Но когда, вмѣсто «того, передъ нимъ пестрая толпа людей всѣхъ половъ, возрастовъ «и званій, людей, для которыхъ изученіе науки не составляетъ серь«езнаго дѣла жизни, но которые стеклись сюда, иные отъ скуки,

«другіе для празднаго удовольствія, третьи изъ моды или изъ тще-«славія, и самая малая, можетъ быть, часть — изъ чистой жажды «просвѣщенія; когда обязанность профессора популяризировать «науку, превращать ее въ обиходную статью, размѣнивать ее на «мелкую монету, для обращенія на площади — тогда положеніе из-«мѣняется; тогда поневолѣ закрадывается въ душу и желаніе «играть общественную роль, и поползновеніе къ эффектамъ, кото-«рые получатъ громкую огласку, и стремленіе превратить науку въ «орудіе для обсужденія живыхъ современныхъ вопросовъ, въ осо-«бенности же *лесть* публикѣ, которая составляетъ одно изъ отли-«чительныхъ свойствъ современнаго нашего либерализма, которая «такъ и пышетъ изъ каждой строки тѣхъ мимолетныхъ произве-«деній, которыми украшается текущая наша литература — *лесть* «общественному мнѣнію, *лесть* извѣстному кружку или извѣстному «направленію, но прежде всего *лесть невѣжественной толпѣ*, ко-«торая съ жадностью хватается за каждое слово, ниспадающее изъ «устъ передоваго человѣка».

Главная ошибка г. Чичерина, по нашему мнѣнію, вотъ въ чемъ: онъ не принимаетъ во вниманіе, что при публичномъ преподаваніи большинство слушателей будетъ такъ же, какъ и теперь, состоять изъ молодыхъ людей, окончившихъ курсы въ гимназіяхъ, или пріобрѣвшихъ инымъ способомъ воспитаніе, необходимое для слушанія университетскихъ лекцій, и что, слѣдовательно, эти слушатели останутся съ тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и прежде, зависящими отъ свойства учебныхъ заведеній. На нихъ-то, на эти заведенія слѣдуетъ обратить все вниманіе, чтобъ они доставляли полное и достаточное воспитаніе юношеству, а университетъ пусть служитъ не добавленіемъ того, съ чѣмъ слѣдуетъ войти въ него, а будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ органовъ общественнаго образованія и просвѣщенія: его призваніе — давать не приготовленіе къ жизни, а направленіе ей и содѣйствіе къ ея правильному теченію, посредствомъ науки.

Считаю долгомъ сказать г. Чичерину, что его обвиненіе, будто я, сославшись на Хомякова, хотѣлъ польстить славянофильству — неосновательно. Я не имѣлъ повода льстить этому направленію, потому что искренно уважаю благородныхъ его представителей, хотя и не могу раздѣлять вполнѣ многихъ ихъ убѣжденій. Гдѣ искреннее уваженіе, тамъ лести нѣтъ. Имя Хомякова приведено вовсе не какъ авторитетъ, которому бы я считалъ долгомъ повиноваться слѣпо, а просто потому, что, по своему убѣжденію, нашелъ его мнѣ-

ніе справедливымъ съ нѣкоторыхъ сторонъ. Г. Чичеринъ подарилъ меня эпитетомъ *журнальнаго борзописца*. Если этимъ намекается на то, что я печаталъ въ журналахъ статьи, то я беру на себя смѣлость припомнить г. Чичерину, что мы нѣкогда имѣли удовольствіе читать его статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ».

XXI.

Еще объ университетахъ, Н. Костомарова.

(Проектъ открытыхъ университетовъ).

Уже неоднократно заявлялись мнѣнія относительно преобразованія нашихъ университетовъ. Въ числѣ многихъ, я принималъ смѣлость печатно предлагать мысль, чтобъ университеты были открытыми заведеніями, доступными всѣмъ, безъ вступительныхъ и переводныхъ экзаменовъ и безъ особыхъ правилъ, дающихъ слушателямъ видъ корпораціи или званія. Это мнѣніе раздѣляется многими. Но теперь пора, кажется, пришла не ограничиваться общими взглядами, а перейти къ частностямъ, чтобъ представить себѣ отчетливо тотъ видъ, въ какомъ университетъ долженъ находиться, какъ открытое заведеніе.

Университеты имѣютъ два рода членовъ: читающихъ лекціи и слушающихъ лекціи, или: профессоровъ и слушателей. Какъ для слушателей нѣтъ потребности составлять особое званіе или корпорацію, такъ для профессоровъ она необходима. Мы говорили прежде, что корпорація имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о сохраненіи привилегіи, когда ею могутъ пользоваться одни и не могутъ другіе, и о защищеніи своихъ правъ. Для слушателей не можетъ быть никакой привилегіи и никакихъ правъ; напротивъ, для профессоровъ должны существовать и тѣ и другія. Слушать лекціи можетъ всякій; читать науку можетъ тотъ, кто приготовленъ къ этому, по своимъ способностямъ и знаніямъ. Надобно, чтобъ профессоръ получалъ свою каѳедру съ извѣстными условіями, необходимыми для оцѣнки его способностей и знаній. Нельзя оставить право назначенія профессоровъ волѣ высшаго начальства, потому что, при всей своей благонамѣренности, оно не можетъ обладать спеціальными свѣдѣніями, необходимыми для этого, но, естественно,

должно прибѣгать къ пособію спеціалистовъ, для повѣрки своихъ предположеній; нельзя предоставить читать лекціи кому угодно, безъ особыхъ условій и правъ. Дѣйствительно, въ послѣднемъ случаѣ, самое дѣло оправдало бы достойнаго и обвинило недостойнаго. Плохой профессоръ скоро потеряетъ всякое значеніе; но пока его не успѣли понять и, такъ сказать, раскусить, каѳедры могутъ быть, нѣсколько времени, занимаемы недостойными людьми. Назначеніе профессоровъ и дозволеніе читать лекціи должны подлежать извѣстнымъ условіямъ и зависѣть отъ тѣхъ, которые сами, по своимъ знаніямъ и признаннымъ способностямъ, могутъ быть въ этомъ дѣлѣ компетентными судьями. Условія эти, на будущія времена, могутъ оставаться тѣ же, что были и прежде: необходимость имѣть ученую степень и избраніе. И то и другое дѣлаетъ нужною корпорацію ученаго сословія. Профессора должны составлять, какъ и было прежде, совѣтъ, и, по соотношенію преподаваемыхъ наукъ, образовать факультеты. Совѣтъ, при содѣйствіи факультетовъ, долженъ завѣдывать избраніемъ и увольненіемъ профессоровъ, открытіемъ, размѣщеніемъ, закрытіемъ каѳедръ, общимъ ходомъ ученаго преподаванія и раздачею ученыхъ степеней. Мы бы оставили только три ученыя степени: кандидата, магистра и доктора. Степень дѣйствительнаго студента можетъ быть упразднена, сообразно упраздненію званія студентскаго; и прежде вольные слушатели держали прямо на степень кандидата. Степень кандидата должна даваться по экзамену изъ извѣстныхъ отдѣловъ наукъ, и означать, что получившій ее изучалъ систематически курсъ наукъ и проходилъ университетское образованіе. При экзаменѣ на степень кандидата, профессору отнюдь не слѣдуетъ соображаться съ тѣмъ: дѣйствительно ли экзаменующійся слушалъ университетскія лекціи, и тѣмъ менѣе еще въ какомъ университетѣ онъ ихъ слушалъ, если самъ кандидатъ не попроситъ обратить на это вниманія. Степень магистра должна даваться, по особому экзамену, кандидатамъ, желающимъ поступать въ учителя гимназіи — этотъ экзаменъ долженъ быть приспособителенъ къ преподаванію, и потому можетъ производиться даже не профессоромъ, но, въ присутствіи факультета, лицомъ, спеціально знакомымъ съ педагогическою стороною науки, въ которой можетъ быть слабъ хорошій профессоръ. Для полученія этой степени нужна не диссертація, а скорѣе нѣсколько письменныхъ отвѣтовъ, написанныхъ въ самомъ засѣданіи, и потомъ нѣсколько пробныхъ чтеній въ одной изъ гимназій университетскаго города. Третья ученая степень — доктора, которая бу-

детъ давать право на профессуру; она должна пріобрѣтаться публичнымъ словеснымъ экзаменомъ по тому предмету, на каѳедру котораго желаетъ поступить экзаменующійся, а потомъ публичнымъ защищеніемъ диссертаціи. Словесный экзаменъ будетъ имѣть видъ пробной лекціи экспромтомъ, и выполненный хорошо, послужитъ ручательствомъ, что новый докторъ владѣетъ изложеніемъ своего предмета; а публичное защищеніе выкажетъ твердость его убѣжденій, которыя ему придется отстаивать. Такимъ образомъ двѣ высшія степени, между которыми теперь трудно провести существенную разницу, тогда будутъ имѣть каждая свое примѣнительное значеніе. Получившій степень доктора, поступая въ корпорацію ученаго университетскаго сословія, долженъ извѣстное число лѣтъ провести въ званіи доцента; но университеты могутъ, по своему усмотрѣнію, сокращать сроки или даже вовсе не подвергать своего новаго сочлена доценству, если это человѣкъ, оказавшій уже услуги наукѣ и вообще пріобрѣвшій ученую извѣстность въ литературѣ. Званія адъюнкта, экстраординарнаго и ординарнаго слѣдуетъ упразднить, оставя званіе, просто, профессора и доцента: первые отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что только они члены совѣта получаютъ болѣе содержанія и пользуются болѣе послѣднихъ широтою въ преподаваніи.

Вообще въ лекціяхъ слѣдуетъ предоставить профессорамъ самую широкую свободу, какъ въ выборѣ предметовъ, для чтенія въ то или другое время, такъ и въ способѣ изложенія науки. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ также предоставить свободу и коллективнымъ единицамъ университета — факультетамъ и совѣту, относительно отдѣльныхъ личностей. Каждый изъ сочленовъ можетъ представить факультету, что у такого-то профессора ни выборъ предмета, ни способъ изложенія не удовлетворяютъ требованіямъ науки. Если факультетъ, по разсмотрѣніи вопроса, найдетъ основательнымъ замѣчаніе, то требуетъ объясненія у профессора, на котораго послѣдовало объвиненіе, и въ случаѣ, еслибы факультетъ большинствомъ своихъ членовъ оказался противъ обвиняемаго профессора, и послѣдній не соглашался бы принять сдѣланныя ему замѣчанія, то факультетъ представляетъ объ этомъ совѣту. Совѣтъ, избирая и вводя профессоровъ въ университетъ, можетъ ихъ удалять отъ должности и исключать изъ среды своихъ сочленовъ, не отдавая никому отчета.

Слушатели раздѣляться должны на постоянныхъ и временныхъ. Постоянные, по каждой каѳедрѣ получаютъ, въ аудиторіи, нумеро-

ванныя мѣста, при столѣ, съ чернилами и съ ящикомъ для бумагъ и книгъ. Это необходимо для того, чтобъ занимающійся наукою и слѣдящій внимательно за теченіемъ университетскихъ лекцій имѣлъ бы для того удобство. За это постоянные слушатели вносятъ умѣренную плату. Временные допускаются безусловно и безплатно, но они не имѣютъ права на мѣста, если нѣтъ не взятыхъ. Университетская полиція должна состоять изъ инспектора и его помощниковъ, которые, однако, не имѣютъ права вмѣшиваться ни во что между слушателями, если не послѣдуетъ отъ кого-нибудь, со стороны послѣднихъ, обращенія къ нимъ. Хозяйственная часть находится въ завѣдываніи правленія, подъ управленіемъ синдика, съ отдачею отчета совѣту.

Плата, собираемая съ слушателей, по всей справедливости, составляетъ достояніе профессора. Его лекціи есть такое же умственное достояніе, какъ и литературная собственность. Самый размѣръ платы можетъ быть не одинаковъ, и долженъ зависѣть отъ воли профессора, но съ утвержденія совѣта, который можетъ не соглашаться съ профессоромъ, если найдетъ, что требованіе его почему нибудь, затруднительно. Такимъ образомъ, недостаточность, въ настоящее время, производимаго жалованья профессорамъ можетъ пополниться этимъ средствомъ. А какъ, независимо отъ качества профессорскихъ чтеній, есть науки, которыя будутъ болѣе привлекать слушателей, чѣмъ другія, то отсюда уже истекаетъ логичность неодинаковости платы: чѣмъ слушателей предполагается менѣе, тѣмъ плата можетъ быть выше. Но и здѣсь нужно принять во вниманіе, что есть каѳедры до того спеціальныя (хотя въ общей суммѣ знанія необходимыя), что и при возможно высокой платѣ доходы профессора слишкомъ будутъ ничтожны; то необходимо устроить запасную сумму, изъ которой совѣтъ будетъ этимъ профессорамъ выдавать дополнительныя средства, или же, при невозможности, надѣлять ихъ квартирами въ зданіи университета. Запасный капиталъ можетъ быть составленъ посредствомъ всеобщей подписки по всей Имперіи, потомъ обращенъ въ пользу тѣхъ университетовъ, которые, кромѣ штатныхъ суммъ, получаемыхъ изъ казны, не пріобрѣли себѣ никакихъ другихъ источниковъ.

Вспомоществованіе бѣднымъ слушателямъ не должно быть предметомъ заботливости совѣта; для этого можетъ образоваться отдѣльное благотворительное общество, въ которомъ, естественно, профессора и большая часть слушателей станутъ участвовать, но какъ граждане, а не какъ члены университета.

Что касается до Санктпетербургскаго университета, то, намъ кажется, его слѣдовало бы соединить съ академіею наукъ: тогда и ученыя пособія, и хозяйственныя средства значительно возвысились бы; но объ этомъ мы надѣемся поговорить, въ свое время подробнѣе.

XXII.

О служебныхъ преимуществахъ университетовъ, Н. Костомарова.

Послѣ статьи противъ меня, на которую я имѣлъ честь отвѣчать въ 258 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», г. Чичеринъ написалъ, въ № 250 «Московскихъ Вѣдомостей», другую, или, лучше сказать, продолженіе первой, подъ тѣмъ же названіемъ «Что нужно для Русскихъ университетовъ». Здѣсь Московскій профессоръ разбираетъ другой вопросъ, который, по его замѣчанію, теперь въ большомъ ходу — вопросъ о служебныхъ преимуществахъ университетовъ. Авторъ понимаетъ служебныя преимущества въ формѣ чиновъ.

«Прежде всего», говоритъ Московскій профессоръ, «надобно замѣтить, что, съ уничтоженіемъ разрядовъ, преимущества университетовъ вовсе невелики. На 21-мъ году получить 12-й классъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ студентовъ — небольшой соблазнъ. Но, кромѣ того, служебныя преимущества университетовъ связаны съ цѣлою системою службы и народнаго образованія. Отмѣна ихъ возможна только при отмѣнѣ подобныхъ преимуществъ во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и при уничтоженіи чиновъ. Чинъ, который дается при поступленіи на службу, означаетъ ту степень служебной іерархіи, съ которой служащій начинаетъ свое восхожденіе по этой лѣстницѣ. Это начало не можетъ быть одинаково для всѣхъ. Оно должно соразмѣряться прежде всего съ способностями человѣка. Этого требуетъ не только справедливость, но и самая польза государства».

Изъ этихъ словъ ясно, что для г. Чичерина — гдѣ служебныя преимущества, тамъ и чины. По нашимъ убѣжденіямъ, признавая справедливость служебныхъ преимуществъ университетовъ, можно

не только не имѣть въ виду чиновъ, но даже отстранить понятіе о чинѣ вообще.

Что образованность должна имѣть преимущество предъ необразованностью, на службѣ отечеству, это намъ кажется аксіомою. И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что ученая степень должна оказывать выгодное вліяніе на служебное поприще того, кто ее получитъ. Но при этомъ нѣтъ необходимости, чтобъ оно выражалось полученіемъ извѣстнаго нумера въ чиновномъ ряду. Ученая степень, положимъ кандидата, есть рекомендація отъ университета: 1) въ томъ, что получившій ее принадлежитъ къ кругу образованныхъ людей вообще; 2) что онъ посвящалъ себя изученію такого-то отдѣла наукъ. При поступленіи на службу, первое будетъ давать ему преимущество предъ тѣми, которые, по своей предварительной жизни, не могли имѣть времени и средствъ быть въ такой степени образованными (напримѣръ хотя предъ окончившими курсъ въ гимназіи), и равное мѣсто наряду съ тѣми, которые прошли или то же университетское или другое поприще, но такое, гдѣ бы они могли получить достаточное образованіе. Второе, при полученіи какой-нибудь служебной должности, будетъ давать ему преимущество, коль скоро эта должность требуетъ такого рода познаній, которыя входили въ кругъ наукъ, имъ изученныхъ въ университетѣ. Но вовсе неосновательно и нежелательно, чтобъ кандидатъ получалъ должности только потому, что эти должности состоятъ въ X-мъ классѣ. Отчего же ему не дать должности и VIII класса, если эта должность такова, что требуетъ спеціальнаго образованія, которое имѣетъ кандидатъ? Но, съ другой стороны, мы не желаемъ, чтобъ на извѣстныя гражданскія должности поступали исключительно люди, окончившіе курсъ университетскаго ученія. Это была бы стѣснительная и вредная монополія. Всякая исключительная привилегія, на какія бы, повидимому, разумныя основанія она ни опиралась, всегда несправедлива уже потому, что природа и жизнь часто представляютъ случаи, требующіе исключеній, а этихъ исключеній нерѣдко и предвидѣть нельзя. Мы бы желали только, чтобы, при равной свободѣ служебной карьеры, какъ для имѣющихъ университетскія степени, такъ и для неимѣющихъ ихъ, преимущество отдавалось первымъ, не по какимъ-либо формальнымъ постановленіямъ, а вслѣдствіе всеобщаго мнѣнія о нравственной и умственной пользѣ университетскаго образованія, оправдываемой на дѣлѣ тѣми, которые его пріобрѣли. Можетъ быть, нѣкоторые, соглашаясь съ нами, что было бы хорошо, еслибъ такъ могло быть, все-таки об-

винятъ насъ въ идеализмѣ, и замѣтятъ, что въ настоящее время многія мѣста, отъ которыхъ зависятъ должности, занимаютъ люди, нерасположенные къ университетамъ и неуважающіе ихъ, что эти особы не станутъ покровительствовать окончившимъ университетскіе курсы, даже станутъ оттѣснять ихъ, загораживать имъ дорогу, безпрестанно указывая, что и между получившими ученыя степени встрѣчаются такіе, которые ни по способностямъ, ни по нравственнымъ достоинствамъ, не способствуютъ составленію высокаго мнѣнія объ университетскомъ образованіи. На такія вполнѣ справедливыя замѣчанія мы заранѣе возразимъ, что при порядкѣ, неблагопріятствующемъ уваженію къ университетамъ, и чины XII и X классовъ, соединенные со степенями дѣйствительнаго студента и кандидата, не проложатъ дороги молодымъ людямъ, и не дадутъ возможности ихъ оцѣнить. Мы встрѣчали въ провинціяхъ кандидатовъ университета, прозябающихъ въ званіи писцовъ или помощниковъ столоначальника, не по собственному ихъ недостоинству, а по крайней бѣдности и неимѣнію протекціи, тогда какъ чуть небезграмотные занимаютъ выгодныя и видныя мѣста, да еще, при случаѣ, употребляютъ въ свою пользу, безмездно, труды и знанія образованныхъ бѣдняковъ и сиротъ. Наши университеты мало пользовались общественнымъ вниманіемъ, но оно возрастало съ каждымъ годомъ. Публичность университета усилитъ его до возможно высокой степени, по нашему глубокому убѣжденію.

Отвергая правило, чтобъ ученая степень давала извѣстный классъ въ чиновной лѣстницѣ, мы думаемъ, что въ университетѣ и вообще въ ученомъ сословіи чины такая же лишняя вещь, какъ и студентская корпорація. Предполагаютъ, что въ гражданской службѣ чинъ выражаетъ собою извѣстную долговременность службы, а слѣдовательно, и опытность въ дѣлахъ, а потому чины служатъ указаніемъ на возможность занять высшее мѣсто. Такъ предполагается, и мы не беремъ на себя обсуждать справедливость этихъ понятій. Но въ университетѣ высшій чинъ никакъ не можетъ давать право на предпочтеніе, при полученіи должности. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, неимѣющій ученой степени, не можетъ считаться достойнымъ занять профессорскую каѳедру, на которую имѣетъ, напротивъ, право молодой человѣкъ, недослужившійся даже до коллежскаго ассессора. Въ ученой службѣ часто бываетъ наоборотъ съ гражданской: занимающій должность не тѣмъ способнѣе, чѣмъ долѣе служитъ, а чѣмъ недавнѣе поступилъ въ должность, тѣмъ больше сохраняетъ энергіи, любви и усердія,

—качествъ, необходимыхъ для научнаго труда. Случается нерѣдко, что человѣкъ, прежде способный и ревностный, тупѣетъ и лѣнивѣетъ, а, между тѣмъ, дослуживается до большихъ чиновъ. Мы не говоримъ, однако, чтобъ такіе недостатки въ людяхъ, занимающихъ ученыя должности, были неизбѣжны; еще менѣе скажемъ, чтобъ такіе примѣры упадка были нормальнымъ и естественнымъ явленіемъ: есть счастливыя натуры, которыя до старости сохраняютъ свѣжесть мысли, ясность взгляда, энергію дѣятельности — такія натуры, обогащенныя опытностію ученаго занятія, незамѣнимы никакою талантливою молодостью. Но такого профессора или учителя нельзя утѣшить и наградить чинами. Его утѣшеніе въ безкорыстной любви къ наукѣ: кто ее любитъ, тотъ знаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ наслажденія выше этой любви — его награда въ любви и уваженіи къ нему общества, которое, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не можетъ не оцѣнить его трудовъ и пользы, приносимой имъ общественной образованности.

XXIII.

Еще замѣтка объ университетахъ, А. Никитенко.

Настоящее положеніе нашихъ университетовъ, по справедливости, озабочиваетъ равно и правительство, и общественное мнѣніе. Весьма естественно, что оно должно озабочивать и самые университеты, въ лицѣ ихъ ученыхъ сословій. Голосъ сихъ послѣднихъ, въ дѣлѣ, которое должно быть имъ хорошо извѣстно, конечно, имѣетъ весьма важное значеніе, и желательно было бы, чтобъ сами члены ихъ, то есть профессора, добросовѣстно и искренно выразили, въ этомъ случаѣ, свои взгляды и убѣжденія. Опытъ этого уже сдѣланъ. Гг. Костомаровъ и Стасюлевичъ сказали свое слово. Мы рѣшились присоединить къ сему нѣсколько замѣчаній, останавливаясь преимущественно на главныхъ выраженныхъ ими мысляхъ и стараясь повѣрить эти мысли собственнымъ опытомъ и сужденіемъ *).

*) Замѣтка наша была уже почти готова, какъ появилась, въ той же газетѣ, статья г. Сухомлинова. Къ сожалѣнію, мы не могли уже на этотъ разъ, принять и ее въ соображеніе.

Оба, г. Костомаровъ и г. Стасюлевичъ, согласны въ одномъ — что университеты наши въ неудовлетворительномъ состояніи, но въ изъясненіи причинъ этого зла они расходятся. Одинъ видитъ ее въ смѣшеніи двухъ элементовъ образованія—воспитательнаго и собственно образовательнаго; другой — въ томъ, что воспитательный элементъ въ университетахъ приведенъ въ дѣйствіе не надлежащимъ образомъ. Разумѣется, не соглашаясь въ главномъ—въ опредѣленіи недостатковъ нынѣшняго устройства университетовъ, они не могутъ согласиться и въ средствахъ ихъ исправленія.

Мысль г. Костомарова о несовмѣстности воспитательнаго начала съ тѣмъ, которое должно господствовать въ университетѣ, намъ кажется весьма основательною. Если существо разумное можетъ развиться, выработаться физически и умственно, сдѣлаться человѣкомъ и гражданиномъ, въ благороднѣйшемъ, истинномъ смыслѣ этихъ словъ, неиначе, какъ при участіи и подъ бдительнымъ руководствомъ другихъ, старшихъ людей и гражданъ, если дѣйствовать неуклонно, для этой цѣли, по строгой системѣ, сопровождающей и направляющей всѣ шаги будущаго человѣка и гражданина, значитъ воспитывать его, то все это имѣетъ предѣлы, далѣе которыхъ простираться нельзя, не противорѣча духу и законамъ человѣческой природѣ. Предѣломъ здѣсь служитъ та эпоха жизни, когда человѣкъ не нуждается болѣе въ безпрерывномъ, всестороннемъ содѣйствіи другихъ къ своему развитію, когда онъ начинаетъ сознавать свою самостоятельность, и быть, до извѣстной степени, лицомъ, отвѣтственнымъ за свои поступки — словомъ, когда онъ перестаетъ быть дитятею и отрокомъ. Въ ознаменованіе своего новаго положенія, онъ получаетъ и другое имя, болѣе соотвѣтствующее послѣднему — его называютъ уже человѣкомъ, молодымъ, новымъ, но все-таки человѣкомъ. Онъ вступаетъ въ иную сферу понятій и отношеній съ подобными себѣ; предначертываетъ себѣ карьеру, избираетъ извѣстную спеціальность, факультетъ; воспитаніе его кончено. Какъ! возразятъ намъ — неужели для него настала пора полной самостоятельности, и онъ освобождается отъ всякаго сторонняго руководства, несмотря на угрожающія ему опасности возраста, пылъ страстей и пр.? Нѣтъ! полной самостоятельности юноша не имѣетъ, именно потому, что хочетъ быть слишкомъ свободнымъ. Вольный житель міра, т. е., несвязанный никакими принятыми на себя обѣтами и обязанностями гражданскими, гордый свѣжими, еще нетронутыми силами, онъ считаетъ себѣ доступными всѣ пути, всѣ поприща дѣятельности. Но онъ не при-

крѣпился еще ни къ одному, не чувствуетъ подъ собою твердой почвы; ему не на чѣмъ стать, чтобы быть самостоятельнымъ. Онъ не въ состояніи сосредоточить и своихъ силъ въ одной опредѣленной цѣли жизни — онъ колеблется. Его способности, можетъ быть, блестящія и высокія, не опредѣлились настолько, чтобы онъ самъ ясно понялъ свое призваніе: онѣ ждутъ еще испытанія, въ упорной борьбѣ съ трудомъ, и приговора призванныхъ судей. Потому ему и нужна помощь старшихъ и опытнѣйшихъ въ дѣлахъ мысли и жизни, ему нужно *руководство*. Но оно вовсе *не воспитательнаго* свойства, если мы не станемъ смѣшивать понятій и воспитанію давать смыслъ обширнѣе того, какой ему принадлежитъ. Во-первыхъ, руководство это лишено того строго-систематическаго, со всѣхъ сторонъ охватывающаго насъ вліянія, которое, во дни нашего дѣтства и отрочества, преслѣдовало каждый нашъ шагъ, надзирало не только надъ всѣми поступками, но надъ нашими наклонностями и чувствами; во-вторыхъ, оно не имѣетъ того принудительнаго характера, какимъ отличаются всѣ мѣры и внушенія лицъ, завѣдывающихъ собственно воспитаніемъ. Надъ поступками юноши бодрствуютъ уже не власти педагогическія, а собственное чувство чести, законъ и власть общественная. Руководство, для него необходимое, есть болѣе внутреннее, теоретическое, чѣмъ внѣшнее; оно имѣетъ въ виду нестолько текущіе случаи, сколько будущность, и обращено болѣе къ логикѣ ума и убѣжденія, нежели къ волѣ, которая сама теперь начинаетъ искать опоры въ логикѣ и убѣжденіи. Оно касается рѣшенія тѣхъ великихъ вопросовъ, съ которыми связано значеніе человѣка и гражданина: ибо законы становятся уже прямо, лицомъ къ лицу съ ними. Вопросы эти именно такого свойства, что приступать къ нимъ можетъ умъ юношескій, умъ развитый, приготовленный для изслѣдованій серьезныхъ и строгихъ, умъ *воспитанный*, и однако, рѣшить ихъ само собою онъ не въ состояніи. Общество наводитъ его на практическія рѣшенія; но эти рѣшенія недостаточны, потому что они односторонни, шатки, потому что корень ихъ лежитъ не въ глубинѣ вещей, а въ быстро текущихъ, измѣнчивыхъ явленіяхъ дня и случая. Оно безпрестанно движется — и посреди его движенія надобно умѣть остановиться; надобно прибѣгнуть къ опорѣ и пособію болѣе вѣрнымъ, менѣе зависящимъ отъ горячаго процеса насущной дневной работы, къ опорѣ и пособію вѣковъ и вѣчнаго разума человѣчества — надобно прибѣгнуть къ наукѣ, въ высшемъ, окончательномъ ея значеніи, услышать ея послѣднее слово. Юноша дол-

женъ учиться, и только учиться, не думая ни о какихъ другихъ задачахъ, кромѣ тѣхъ, какія заключаются въ кругу избранныхъ имъ отраслей науки, потому что наука требуетъ и достойна всѣхъ силъ, всѣхъ помышленій души, и потому что всѣ другія задачи жизни только съ помощію науки могутъ быть, впослѣдствіи, разрѣшаемы разумно и удовлетворительно. Это отношеніе къ наукѣ, чуждое стѣснительныхъ формъ и условій воспитательнаго возраста, освобождаетъ юношу, въ то же время, и отъ того, что должно занимать возрастъ зрѣлый — отъ обязанности думать о рѣшеніи вопросовъ общественныхъ. Когда юношѣ заниматься этимъ? Передъ нимъ трудъ почетный, доблестный, достойный самыхъ жаркихъ и благороднѣйшихъ усилій, исполненный будущности—трудъ мысли. И откуда бы онъ почерпалъ основанія для своихъ рѣшеній? Изъ науки? Она еще или мало ему извѣстна, или вовсе неизвѣстна. Изъ опыта? Его еще не было. Значитъ, ему приходилось бы быть отголоскомъ чужихъ мнѣній, или безмолвнымъ послѣдователемъ какого-нибудь доморощеннаго генія, снискивающаго популярность въ кругу недоучившихся, неопытныхъ юношей. Роль, поистинѣ, незавидная для молодаго человѣка, дорожащаго своими достоинствами и будущностію! Да и общество само отъ него пока ничего не требуетъ, кромѣ ученья. Оно снисходительно увольняетъ его отъ заботъ и думъ о своихъ интересахъ, ожидая съ терпѣніемъ, когда онъ будетъ въ состояніи принести ему зрѣлый плодъ своего ума и знанія. Общество знаетъ, что было бы въ высшей степени невеликодушно и жестоко внушать недоучившемуся юношѣ виды и притязанія, превышающіе его право и возможность, и тѣмъ подвергать его опасности быть осмѣяну, или сдѣлаться предметомъ обиднаго сожалѣнія. Повторимъ, юноша долженъ учиться: въ этомъ его призваніе, его право, его доблесть и слава. Чтобъ молодые люди больше учились, это особенно нужно намъ, въ нашей умственной сферѣ, — намъ, которые можемъ похвалиться, что очень далеко ушли въ летучемъ, поверхностномъ знаніи и въ самообольщеніи, что знаемъ все, а ужъ никакъ не въ наукѣ. — Въ дѣлѣ науки нужны наставники. И здѣсь-то начинается, для молодаго человѣка, настоящее руководство, соотвѣтствующее эпохѣ его жизни—двоякое руководство идей и лицъ. Однѣ, исходя изъ глубины науки и наполняя собою его бодрую, воспріимчивую душу, направляютъ его ко всему благородному и прекрасному; другія не только дѣлаютъ ему доступными эти идеи, посредствомъ живаго и строго обдуманнаго слова, но и помогаютъ ему пользоваться ими, приводить ихъ въ по-

рядокъ, пополнять пріобрѣтеніями собственнаго труда и анализа, указываютъ ему для этого средства и источники. Весь этотъ процесъ умственнаго обогащенія и образованія можетъ совершаться только въ университетѣ, какъ въ заведеніи, гдѣ высшая наука составляетъ единственную задачу для учащихся, откуда исключается все несовмѣстное съ ея значеніемъ и интерссами. Весь механизмъ его долженъ быть устроенъ сообразно этой потребности — разные воспитательные снаряды, какъ-то: строгій надзоръ надъ учащимися, принудительное ученье и т. п., отъ него сами собою отпадаютъ. Но здѣсь опять встрѣчаемся съ возраженіемъ: великодушно ли будетъ со стороны университета предоставить юношей самимъ себѣ и въ этой исключительно учебной сферѣ? Вѣдь они все-таки способны увлекаться, способны пренебречь серьезными занятіями, впасть въ соблазнъ развлеченій и т. п. Надъ ними нуженъ контроль — и кому же приличнѣе имѣть его, какъ не университету? Не долженъ ли онъ наблюдать за ихъ занятіями, возбуждать и поощрять къ нимъ, даже взыскивать, извѣстнымъ образомъ, за неисполненіе учебныхъ обязанностей? Словомъ, не долженъ ли университетъ, какъ заботливый отецъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ опекунъ, помочь молодымъ людямъ въ борьбѣ съ собственными увлеченіями и страстями, склонить, то мѣрами, то внушеніями, побѣду на сторону разсудка и долга? Почему бы университетскому сословію, соединяясь съ молодыми людьми узами одной высокой идеи и цѣли, не составить стройнаго и прекраснаго цѣлаго, духовнаго семейства, въ которомъ младшіе члены находили бы вездѣ назиданіе, направлѐніе и исправленіе? Конечно, нѣтъ ничего привлекательнѣе картины такого патріархальнаго общества — картины, достойной золотаго вѣка, еслибъ съ идеей золотаго вѣка было совмѣстно понятіе о профессорахъ и студентахъ. Къ сожалѣнію, это только утопія, подобная всѣмъ другимъ великолѣпнымъ проектамъ объ устройствѣ человѣческихъ обществъ. На дѣлѣ оно выйдетъ такъ, что или университетъ сдѣлается школою немного выше гимназіи, или все превратится въ пустой формализмъ, отъ котораго всячески будутъ стараться освободиться и питомцы и ихъ менторы, а, наконецъ, что̀ всего вѣрнѣе и что̀ всего хуже, между младшими образуется не духъ семейный, а корпоративный духъ, неудобства коего неисчислимы.

Единственный, свойственный университету контроль есть экзаменъ на ученую степень. И если его станутъ производить строго, какъ и слѣдуетъ, то этого не будетъ ли достаточно для поддер-

жанія учебной ревности въ тѣхъ, которые нуждались бы въ какихъ-нибудь внѣшнихъ побужденіяхъ. Молодой человѣкъ съ убѣжденіемъ въ нравственной необходимости высшаго образованія соединяетъ обыкновенно и мысль о будущемъ значеніи своемъ въ обществѣ, о такъ-называемой карьерѣ; онъ знаетъ, что общество не дастъ ему приличнаго, въ средѣ своей, мѣста, если онъ не представитъ ему тотчасъ удостовѣренія, что онъ достоинъ занять его. Удостовѣреніе это должно быть дано ему университетомъ, и онъ можетъ получить его неиначе, какъ заявивъ предъ нимъ свои знанія, посредствомъ установленнаго экзамена.

Такимъ образомъ, по всѣмъ изложнымъ здѣсь причинамъ, мы склоняемся въ пользу открытыхъ университетовъ. Намъ кажется, что это прямо слѣдуетъ изъ характера самыхъ университетовъ, если считать ихъ заведеніями не воспитательными, а органами, вносящими науку въ умъ слѣдующихъ другъ за другомъ генерацій. Съ другой стороны, только при существованіи такихъ открытыхъ университетовъ можно воспрепятствовать образованію корпоративнаго духа между учащимися: ибо съ удаленіемъ всякой мысли о соединеніи ихъ какими бы то ни было отношеніями, кромѣ слушанія лекцій въ одной аудиторіи, у одного и того же профессора, на чемъ могъ бы утвердиться корпоративный духъ? Для него нужно общество отдѣльное, гдѣ члены тѣсно связаны одинъ съ другимъ единствомъ самаго ихъ положенія, и носятъ одно и то же имя, выражающее ихъ особность, гдѣ они послѣдовательно и постоянно подчинены однимъ и тѣмъ же правиламъ и требованіямъ, гдѣ, поэтому, есть и возможность образоваться особеннымъ нравамъ, обычаямъ, формамъ, въ самыхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, словомъ, нужно студенчество, которое бы составляло часть университетскаго устройства. Конечно, и внѣ студенчества ничто не мѣшаетъ сближенію молодыхъ людей, посѣщающихъ университетъ; но, кажется, нѣтъ надобности доказывать, что подобныя сближенія, безъ тѣхъ условій, какія сейчасъ означены, не могутъ имѣть въ себѣ ничего похожаго на корпоративное настроеніе.

Г. Костомаровъ, имѣя въ виду устраненіе изъ круга учащихся въ университетѣ корпоративнаго духа, говоритъ, что слушателями университетскихъ лекцій могутъ быть лица всѣхъ возрастовъ, отъ юношескаго до старческаго. Безъ сомнѣнія, могутъ. Но это, однако, до насъ не касается. Университетъ долженъ имѣть въ виду юношество. Дѣятельность его, прежде всего, должна быть посвящена ему. Но если университета не слѣдуетъ обременять заботами вос-

питательными, то онъ долженъ имѣть удостовѣреніе, что въ аудиторіяхъ его собираются слушатели приготовленные, т. е., кончившіе образованіе гимназическое. Нѣтъ никакой надобности ему самому удостовѣряться въ томъ; для него достаточно гимназическаго аттестата, или свидѣтельства, выдаваемаго каждому изъ молодыхъ людей, желающихъ довершить свое образованіе въ университетѣ. Въ отношеніи къ прочимъ слушателямъ, мѣра эта, разумѣется, ненужна. Они, такъ сказать, случайные посѣтители профессорскихъ аудиторій, и могутъ имѣть въ виду только пополненіе своихъ свѣдѣній, а не полный курсъ наукъ, по избранному отдѣлу.

Г. Стасюлевичъ отвергаетъ, повидимому, корпорацію между учащимися. Но, въ замѣнъ ея, допускаетъ студенческій *міръ*, основываясь на томъ, что міръ есть явленіе, тѣсно связанное съ общенароднымъ бытомъ Славянской расы. Намъ кажется, что разницы между корпораціей и міромъ, такъ, какъ его понимать слѣдуетъ, немного, и если одна не можетъ быть допущена безъ важныхъ неудобствъ, то второй точно также. Но, главное, мы находимъ неосновательнымъ самое примѣненіе общенароднаго Славянскаго міра къ юношеству, учащемуся въ университетѣ. Во-первыхъ, юношество не въ состояніи создать никакого міра, потому что оно юношество, потому что хотя оно стоитъ, такъ сказать, на порогѣ дѣятельности, гдѣ общественные интересы составляютъ важнѣйшую задачу всѣхъ и каждаго, однако, не переступило еще этого порога. Во-вторыхъ, между міромъ, какъ онъ у насъ существуетъ въ понятіяхъ народа и на дѣлѣ, ничего нѣтъ общаго съ молодыми людьми учащимися. Міръ есть совокупность многихъ недѣлимыхъ, живущихъ въ предѣлахъ извѣстной территоріи, связанныхъ постояннымъ союзомъ взаимныхъ правъ и обязанностей, есть цѣлое, опирающееся не на случайномъ сближеніи лицъ, во имя какой-нибудь отвлеченной идеи, а на самыхъ существенныхъ нуждахъ и интересахъ жизни. Міръ, какъ самостоятельная общественная единица, имѣетъ свои права и обязанности, несетъ свои тягости. Ему принадлежатъ извѣстнаго рода дѣла земскія, которыя онъ и устраиваетъ по общему согласію и приговору. Для этого у него бываютъ собранія и сходки. Міръ, какъ говорится у насъ, дѣло великое; это народъ, коего гласъ есть гласъ Божій. Чтó же есть общаго между міромъ и молодыми людьми, занимающимися науками въ университетѣ? Надобно посмотрѣть, такъ сказать, прямо въ глаза вопросу, чтобы отвѣчать на него съ точностію. Какія бы у нихъ были дѣла общія, которыя надлежало бы рѣшать общимъ совѣщаніемъ и при-

говоромъ?. Какія тягости, истекающія изъ самаго ихъ быта, распредѣляли бы они между собою? Какіе интересы и желанія могли бы они заявлять въ отношеніи къ своему цѣлому составу? И гдѣ необходимость этого тѣснаго союза, безъ котораго, конечно, ни одно общее дѣло не совершается?—Молодые люди должны учиться; наука составляетъ единственную цѣль каждаго изъ нихъ, въ томъ заведеніи, куда они собираются. Но цѣль эта не такого свойства, чтобы она достигалась *сообща*, достигалась міромъ. Каждый учится своимъ умомъ и для себя.

Г. Стасюлевичъ, согласно съ г. Костомаровымъ, находитъ, что воспитательный элементъ не составляетъ принадлежности университетскаго образованія, но въ замѣнъ его онъ требуетъ отъ студентовъ *самовоспитанія*, которое, по его мнѣнію, можетъ идти усиленно только при существованіи студенческаго міра. Но справедливо ли это? Мы не понимаемъ, чтò значитъ это самовоспитаніе, составляющее, по словамъ г. Стасюлевича, принадлежность *студенческаго типа*. Если оно есть та сознательная, разумная обработка, какую человѣкъ самостоятельнымъ трудомъ собственной мысли и воли даетъ своимъ способностямъ, если оно есть не иное чтò, какъ великій трудъ самосовершенствованія, — то почему это относится къ студенту, а не къ человѣку вообще? Не есть ли такое самовоспитаніе задача и подвигъ всей нашей жизни? И если оно принадлежитъ къ условіямъ образованія молодыхъ людей, то почему для этого нуженъ міръ, или, чтò все равно, корпорація? Между молодыми людьми, такимъ образомъ соединенными, скажутъ намъ, скорѣе могутъ развиться благородные общественные инстинкты и симпатіи; они лучше привыкнутъ понимать и уважать человѣческія и гражданскія отношенія, основанныя на взаимности чувствованій и интересовъ. Можетъ быть, это и такъ; но ничего нѣтъ легче и естественнѣе также, какъ въ этомъ обособленномъ кругу, отрѣшенномъ, до извѣстной степени, отъ жизни, поддерживаемомъ взаимностію и исключительнымъ господствомъ чистыхъ идей надъ умами, образоваться всякимъ абстрактнымъ взглядамъ на вещи, абстрактнымъ понятіямъ, которыя получатъ для молодыхъ людей значеніе и силу непреложныхъ истинъ, несмотря на ихъ неприложимость и пустоту. И такъ не лучше ли, чтобы самовоспитаніе совершалось естественными своими способами, безъ сторонних натяжекъ и искусственныхъ усилій — совершалось въ благородномъ стремленіи къ нравственному и умственному усовершенствованію, съ пособіемъ науки, передъ лицомъ самой жизни и дѣйствитель-

ности, которыхъ уроки отъ науки получаютъ опредѣленіе и смыслъ, а наукѣ, съ своей стороны, даютъ неистощимые матеріалы и почву.

Всѣ эти замѣчанія, вызванныя статьями гг. Костомарова и Стасюлевича, людей просвѣщенныхъ и опытныхъ въ дѣлѣ университетскаго образованія, предлагаются читателямъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы привести ихъ къ окончательному выводу о возможно лучшемъ устройствѣ нашихъ университетовъ. Предметъ этотъ такъ важенъ для настоящаго и будущаго Россіи, что никто, конечно, не отважится принять на свою отвѣтственность рѣшительнаго въ немъ приговора, прежде, чѣмъ вопросъ не будетъ разсмотрѣнъ и обсуженъ многими, со всѣхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Содѣйствовать этому разсмотрѣнію и обсужденію было нашею цѣлью.

XXIV.

Замѣтка на замѣтку г. Никитенко объ университетахъ, Н. Костомарова.

Въ № 265 «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» напечатана «Замѣтка объ университетахъ», г. Никитенко. Въ сущности, онъ согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, который уже былъ высказанъ многими, въ томъ числѣ и мною, объ открытыхъ университетахъ, но полагаетъ, что для вступленія въ университетъ необходимо предъявленіе гимназическаго аттестата.

«Университетъ долженъ имѣть въ виду юношество. Дѣятельность его, прежде всего, должна быть посвящена ему. Но если университета не слѣдуетъ обременять заботами воспитательными, то онъ долженъ имѣть удостовѣреніе, что въ аудиторіяхъ его собираются слушатели приготовленные, т. е., кончившіе образованіе гимназическое. Нѣтъ никакой надобности ему самому удостовѣряться въ томъ; для него достаточно гимназическаго аттестата, или свидѣтельства, выдаваемаго каждому изъ молодыхъ людей, желающихъ довершить свое образованіе въ университетѣ. Въ отношеніи къ прочимъ слушателямъ, мѣра эта, разумѣется, не нужна. Они, такъ сказать, случайные посѣтители профессорскихъ аудиторій, и могутъ имѣть въ виду только пополненіе своихъ свѣдѣній, а не полный курсъ наукъ, по избранному отдѣлу».

По поводу этихъ словъ, принимаю смѣлость сдѣлать нѣсколько возраженій почтенному профессору.

Если не ошибаемся, то г. Никитенко желаетъ, чтобъ аудиторіи наполнялись лицами, приготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій. Нормою подготовки къ началу университетскаго образованія онъ считаетъ гимназическій курсъ. Мы желаемъ того же, и соглашаемся съ г. Никитенко. Присовокупимъ еще (съ этимъ, конечно, г. Никитенко согласится), что профессоръ долженъ читать свои лекціи соображаясь съ слушателями, достаточно подготовленными воспитательнымъ курсомъ. Но мы не находимъ удовлетворительною и нужною ту мѣру, какую предлагаетъ г. Никитенко.

Г. Никитенко не находитъ нужнымъ вступительные экзамены, а довольствуется предъявленіемъ гимназическихъ аттестатовъ. Но, изъ опыта предшествовавшихъ временъ, мы знаемъ, что окончившіе курсъ въ гимназіяхъ, являясь съ аттестатами и подвергаясь вступительнымъ экзаменамъ, не оказывались достаточно подготовленными къ слушанію лекцій. Изъ тѣхъ же, которые были приняты безъ экзаменовъ, или выдерживали экзаменъ, впослѣдствіи, на переводныхъ экзаменахъ и на окончательномъ, иные показывали, что они мало подготовлены, чтобъ понимать надлежащимъ образомъ лекціи профессоровъ.

Г. Никитенко даетъ право одному гимназическому аттестату; но могутъ быть лица, окончившія ученіе въ военныхъ заведеніяхъ, въ коммерческомъ училищѣ и разныхъ специальныхъ учрежденіяхъ, которыя пожелаютъ получить университетское образованіе. Г. Никитенко, имѣя въ виду однѣ гимназіи, объ нихъ вовсе не упомянулъ. Сверхъ того, могутъ быть юноши, получившіе домашнее воспитаніе. Объ нихъ также ни слова. Слѣдуетъ ли всѣхъ такихъ допускать наравнѣ съ предъявляющими гимназическіе аттестаты?

Впрочемъ, такъ или иначе порѣшилъ бы г. Никитенко со всѣми этими господами, немогущими предъявить гимназическаго аттестата, всякое *предъявленіе* дѣлается само собою не нужнымъ, коль скоро г. Никитенко допускаетъ еще и случайныхъ слушателей. Если мы ихъ будемъ считать случайными, то это не обязываетъ ихъ самихъ считать себя такими же. *Случайный* слушатель начнетъ случайно слушать нѣсколько лѣтъ сряду нѣсколько наукъ, а потомъ явится держать экзаменъ на ученую степень. Чѣмъ же онъ, непредъявившій аттестата, и потому *случайный*, будетъ отличаться отъ *неслучайнаго?* Съ другой стороны, развѣ неслучайный не мо-

жетъ посѣщать лекціи *случайно*, изрѣдка, какъ это дѣлали въ былые годы студенты и какъ дѣлаютъ и въ наше время?

Очевидно, предъявленіе аттестата есть пустая форма, безполезная какъ для профессора, такъ и для слушателей. Для профессора— потому, что онъ одинаково долженъ имѣть въ виду хорошо приготовленныхъ слушателей, хотя бы въ числѣ его слушателей и были дурно приготовленные, а для слушателей—потому, что только приготовленный можетъ съ пользою и съ удовольствіемъ слушать лекціи. Для другихъ онѣ будутъ и непонятны, и скучны.

Справедливо говоритъ г. Никитенко:

«Предметъ этотъ такъ важенъ для настоящаго и будущаго Россіи, что никто, конечно, не отважится принять на свою отвѣтственность рѣшительнаго въ немъ приговора, прежде, чѣмъ вопросъ не будетъ разсмотрѣнъ и обсуженъ многими, со всѣхъ сторонъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія».

Подвергая обсужденію этотъ важный и жизненный вопросъ, по нашему убѣжденію, слѣдуетъ:

При побужденіи ввести ту или другую мѣру, тотъ или иной пріемъ, смотрѣть, принесетъ ли то, что намъ хочется ввести, прямую пользу въ практическомъ примѣненіи, и возможно ли его примѣненіе подъ условіями текущихъ обстоятельствъ; и если нѣтъ, то оставить, хотя бы придуманное нами, само по себѣ, и казалось превосходнымъ. Оно будетъ пустою формальностію, а формальностей слѣдуетъ избѣгать, тѣмъ болѣе, что ихъ у насъ повсюду было довольно.

XXV.

Замѣчаніе на статью «Русскаго Инвалида» «Наши университеты», Н. Костомарова.

Въ № 255 «Русскаго Инвалида» мы прочли статью «Наши университеты». Она направлена противъ высказаннаго мною уже не разъ мнѣнія объ открытости университетовъ и полной доступности ихъ для всѣхъ желающихъ. Считаю долгомъ отвѣчать моему противнику, съ цѣлью способствовать, какъ онъ выразился, разъясненію вопроса.

Критикъ, приводя высказанное мною отличіе воспитательнаго

начала отъ образовательнаго, представляетъ дѣло такъ, какъ будто бы я подъ «воспитаніемъ», въ смыслѣ матеріала для образованія, разумѣю «учебники тѣхъ наукъ, которыя въ университетѣ» преподаются пообширнѣе, чѣмъ въ гимназіи! «Г. Костомаровъ»— говоритъ г. критикъ — «смотритъ на дѣло только сквозь призму своей каѳедры — Русской исторіи, матеріалъ которой усвоенъ уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ позабылъ о цѣломъ юридическомъ факультетѣ, для котораго среднія или, какъ онъ называетъ, воспитательныя заведенія не даютъ даже нѣжнаго и тающаго матеріала. Онъ позабылъ весь математическій факультетъ, для котораго гимназія, правда, даетъ матеріалъ, но университетъ также, только высшаго качества. А для естественнаго факультета гимназія почти ничего не даетъ. Какимъ же образомъ можно лишить университетъ значенія воспитательнаго заведенія, т. е. такого, въ которомъ пріобрѣтается нетолько теоретическій взглядъ, но и самый первоначальный матеріалъ?»

Во-первыхъ, я понимаю подъ «воспитаніемъ» не то, что̀ думаетъ критикъ; во-вторыхъ, онъ не правъ даже и съ собственной точки зрѣнія.

Я разумѣю подъ воспитательно-учебнымъ началомъ не одно пріобрѣтеніе свѣдѣній фактической стороны науки. Я выразилъ и прежде, кажется, ясно, что отношу къ нему пріемы, съ которыми эти свѣдѣнія сообщаются, и то первоначальное развитіе человѣка, которое даетъ направленіе послѣдующей его умственной дѣятельности, и устанавливаетъ навсегда его духовную натуру. То, что̀ даетъ воспитаніе, я назвалъ нѣжнымъ и тающимъ матеріаломъ, въ такомъ смыслѣ, что получившій воспитаніе долженъ укрѣпить пріобрѣтенное посредствомъ его — самомышленіемъ и самодѣятельностью въ умственной сферѣ жизни. Воспитаніе опредѣляетъ характеръ человѣка, но устанавливаетъ его онъ самъ. Воспитаніе даетъ человѣку возможность понимать вещи, пріобрѣтать знанія, отличать важное отъ неважнаго, нужное отъ ненужнаго, сличать предметы, отыскивать точки ихъ взаимнаго соприкосновенія и расхожденія, подвергать явленія анализу и синтезу, открывать въ нихъ смыслъ, находить ихъ примѣненіе къ жизни собственной и своихъ собратій. Но это только возможность. То, что̀ руководитъ этою возможностью и направляетъ къ осуществленію — есть образованіе, пріобрѣтается ли оно въ университетскихъ аудиторіяхъ, чтеніемъ ли книгъ, размышленіемъ, бесѣдами или, просто, опытомъ жизни. Получившій воспитаніе нуждается въ образованіи. Пріобрѣтенное

воспитаніемъ, если не развито образованіемъ, теряется; напротивъ, человѣкъ, получившій уже образованіе, можетъ потерять его только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, и притомъ развѣ только при неблагопріятныхъ потрясеніяхъ своего физическаго организма. Что такое университетъ, какъ не учрежденіе, способствующее скорѣйшему и правильному пріобрѣтенію образованія? Судя по тому, что критикъ говоритъ далѣе, о преподаваніи, онъ, кажется, въ этомъ со мною согласенъ. Наше съ нимъ недоумѣніе происходитъ отъ того, что онъ видитъ одну только сторону воспитанія — учебную, и то не въ пріемахъ передачи матеріала, а въ самомъ матеріалѣ; онъ измѣряетъ воспитаніе, какъ будто, одною массою свѣдѣній. Но это взглядъ односторонній и, потому, невѣрный. Именно по отношенію къ университету, эта невѣрность высказывается нагляднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Очень часто случается, что молодой человѣкъ хорошо держитъ вступительный экзаменъ, и оказывается дурно приготовленнымъ къ пониманію лекцій, именно оттого, что на экзаменѣ онъ отвѣчалъ хорошо то, что вызубрилъ, но у него недостаетъ самомышленія и вообще того развитія, которое необходимо для слушанія лекцій; и напротивъ, есть такіе, что, не отличаясь слишкомъ счастливой памятью, для удержанія въ порядкѣ мелочей матеріала, обладаютъ способностью схватывать смыслъ и единство этихъ мелочей: такіе, съ плохимъ экзаменомъ, гораздо удобнѣе понимаютъ университетскія лекціи.

Критикъ неправъ и съ собственной точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что для естественнаго факультета гимназія почти ничего не даетъ, тогда какъ, напротивъ, въ гимназіяхъ преподается естественная исторія и физика, и ученикъ, учившійся у хорошаго учителя, можетъ имѣть достаточный запасъ свѣдѣній, для того, чтобы приступить къ ученому занятію этими науками. Даже и въ отношеніи юридическаго факультета неправъ критикъ. Въ гимназіяхъ преподается законовѣдѣніе. Неужели хорошій гимназистъ, вступая въ юридическій факультетъ, не имѣетъ ровно никакихъ понятій о томъ, что такое право, законъ, обязательство и т. п.? Подготовка къ университету нетолько въ томъ, чтобы слушатель входилъ въ его стѣны съ извѣстнымъ запасомъ свѣдѣній, но еще болѣе въ томъ, чтобы его смыслъ былъ развитъ настолько, чтобы онъ могъ понимать изложеніе лекцій.

По мнѣнію критика, университетское преподаваніе раздѣляется на двѣ части: образовательную и воспитательную. «Профессоръ», говоритъ онъ, во-первыхъ, читаетъ лекціи, въ настоящемъ смыслѣ

этого слова, т. е. излагаетъ теоретическій и критическій взгляды на важнѣйшие вопросы науки, результаты своихъ изслѣдованій. Во-вторыхъ, онъ долженъ изложить систематически весь матеріалъ ея, показать слушателямъ путь и средства, которыми слушатели могутъ доходить до научныхъ результатовъ».

То есть, критикъ желаетъ, какъ и самъ поясняетъ въ своей статьѣ, двухъ родовъ преподаванія: общаго и спеціальнаго. «Каждая наука» — говоритъ онъ, — «кромѣ своего спеціальнаго значенія, имѣетъ общеобразовательный характеръ.» Съ этимъ мы соглашаемся. Дѣйствительно, курсы очень многихъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, могутъ удобно дѣлиться на общіе и спеціальные. Возьмемъ, напримѣръ, хоть каѳедры историческихъ наукъ: каждый профессоръ можетъ излагать исторію въ системѣ и послѣдовательности, и, сверхъ того, заниматься разработкою частей ея въ отдѣльности. Тутъ, по мнѣнію критика, двойственность университетскихъ лекцій. Да, это правда; я сознавалъ это и прежде — съ этой цѣлью и далъ университетамъ названіе образовательно-ученыхъ, а не просто образовательныхъ или ученыхъ учрежденій. Но зачѣмъ же на этомъ основаніи отыскивать воспитательный элементъ? Кажется, однако, тутъ между нами споръ о словахъ и способахъ выраженія, а не о дѣлѣ. По мнѣнію нашихъ противниковъ, и въ гимназіяхъ и въ университетахъ воспитаніе, но въ первыхъ воспитаніе А, а во вторыхъ воспитаніе В, а по нашему только воспитаніе А есть воспитаніе, а воспитаніе В — образованіе. Но едва ли умѣстно теперь, когда требуется уяснить сущность дѣла, запутывать его словопреніями.

Критикъ говоритъ объ обязанностяхъ профессора, что ему, кромѣ чтенія общихъ и спеціальныхъ курсовъ, слѣдуетъ объяснять слушателямъ все непонятое или понятое превратно, провѣрять ихъ знанія и пониманіе, наставлять ихъ, руководить ихъ въ самостоятельныхъ работахъ!

Авторъ указываетъ на Французскія конференціи (conferences) въ юридическихъ факультетахъ, и полагаетъ, что, кромѣ лекцій, нужны объясненія частностей, вопросы, пренія, задачи и т. п. Это-то критикъ и ставитъ одною изъ причинъ необходимости студентскаго званія, ибо все это «требуетъ извѣстнаго уровня свѣдѣній у слушателей; при одномъ только такомъ условіи возможно общее преподаваніе; иначе, профессору придется заниматься отдѣльно съ каждымъ слушателемъ. Послѣдняго рода занятія существуютъ и въ Германіи, подъ именемъ privatissimae, но это — уже частное,

домашнее воспитаніе, а не общественное.» При этомъ, критикъ припомнилъ, что у насъ существовали частные уроки, которые были однимъ изъ благовиднѣйшихъ предлоговъ взяточничества. Въ сущности, то, чтò составляетъ идею этого требованія, существуетъ у насъ и теперь, и вовсе не какъ благовидный предлогъ для взяточничества. Но вотъ какъ оно исполняется. Слушатель, любящій предметъ, приходитъ къ профессору, проситъ у него совѣта, разговариваетъ съ нимъ, задаетъ ему вопросы, слышитъ отъ него сужденіе о такомъ-то источникѣ или пособіи, требуетъ объясненій того или другаго темнаго для него мѣста. Это всегда происходило, и теперь происходитъ, но добровольно, безъ всякой обязательности со стороны слушателей. Но установленныя для этого конференціи въ университетѣ едва ли примѣнимы къ обстоятельствамъ нашимъ. Объясненія, вопросы, частности, могутъ быть предлагаемы не профессоромъ, а слушателемъ. Предполагается, что профессоръ, въ своихъ лекціяхъ, изложилъ науку возможно-ясно, и странно было бы, еслибъ его лекціи нуждались еще въ особомъ разъясненіи. Всякому такому профессору въ правѣ были бы сказать: для чего же вы такъ темно читаете, что васъ не понимаютъ? Чтò профессоръ читаетъ на лекціяхъ, тò долженъ онъ считать достаточнымъ для слушателей; еслибъ для него самого оказался какой-нибудь недостатокъ, то онъ долженъ пополнить его на тѣхъ же лекціяхъ. Объясненія, вопросы, частности могутъ возникнуть только отъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя, или по своему развитію, или по особому способу занятій, въ томъ нуждаются. Главнѣйшій поводъ къ такимъ конференціямъ могутъ подавать ученыя работы слушателей; но это можетъ быть раза два, три въ годъ, а не каждую недѣлю. Юридическія науки представляютъ, дѣйствительно, болѣе повода къ вопросамъ, но все-таки и юридическія бесѣды могутъ быть дѣломъ частнымъ, по соглашенію желающихъ слушателей, а не обязательнымъ. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, профессоры не отказывали слушателямъ въ бесѣдахъ съ ними, въ ученыхъ совѣтахъ и вообще въ содѣйствіи, коль скоро слушатели къ нимъ обращались. Такъ и быть должно; такъ, конечно, и будетъ, безъ всякихъ формальныхъ конференцій. Но для того, чтобъ профессоръ помогалъ занятіямъ слушателей, студентское званіе вовсе не необходимость. Развѣ не все равно для профессора: обращается ли къ нему студентъ или не студентъ? Неужели онъ съ послѣднимъ иначе будетъ говорить, чѣмъ съ первымъ, на томъ основаніи, что первый *свой*, а послѣдній *не свой?* Если охотниковъ на такія бесѣды съ

профессоромъ будетъ много, то профессоръ, для сохраненія времени, назначитъ извѣстные дни и часы для бесѣдъ; вотъ возможность конференцій, только добровольныхъ, а необязательныхъ, не формальныхъ. Развѣ онѣ не могутъ существовать оттого, что слушатели не носятъ названія студентовъ?

Вторая причина сохраненія студентскаго званія—та, что «преподаватель долженъ знать ту среду, для которой читаетъ: лекціи выше или ниже умственнаго уровня среды — потеря времени и потеря казенныхъ денегъ, полагаемыхъ профессорамъ». *Долженъ*, говоритъ критикъ; *не можетъ*, отвѣчаемъ мы. Что, еслибы почтеннаго критика сдѣлать профессоромъ, и чрезъ полгода спросить его: знаете ли вы степень развитія каждаго изъ среды вашихъ слушателей, которыхъ у васъ болѣе пяти-сотъ? Что бы сказалъ онъ? Но мы ему, по опыту, скажемъ, что есть вещи, о которыхъ легко толковать, не повѣряя дѣломъ своихъ толковъ. Намъ кажется, въ открытыхъ университетахъ менѣе опасности потери времени и казенныхъ денегъ, чѣмъ въ такихъ, гдѣ слушаютъ обязательно, студенты. Какъ бы профессоръ ни читалъ, выше или ниже уровня такой среды, какую хочется видѣть тому или другому — если у него есть слушатели, значитъ онъ не безъ пользы читаетъ, значитъ есть такая среда, для которой онъ нуженъ. Конечно, необходимо желать, чтобъ аудиторія его наполнялась людьми, для которыхъ слушаніе университетскихъ лекцій наиболѣе будетъ плодотворнымъ — но это зависитъ отъ профессора. Каковъ попъ, таковъ и приходъ, говоритъ Русская пословица. Каковъ профессоръ — такова его аудиторія, пришлось бы сказать при порядкѣ открытыхъ университетовъ.

Авторъ приводитъ мое мнѣніе о томъ, что слушатели, которымъ не подъ силу лекціи, уйдутъ изъ университета сами, и восклицаетъ при этомъ: легко сказать! Пусть же г. критикъ пояснитъ: отчего ему это кажется неудобнымъ? Для насъ это естественно, какъ нельзя болѣе! Что такое вступительный экзаменъ? Не проба ли силъ, только обязательная, а не добровольная? Если безъ экзамена слушатель войдетъ въ аудиторію — это другой способъ попробовать свои силы. Какая тутъ бѣда! Кому? Разница та, что при первомъ способѣ испробованія силъ легче быть ошибкѣ. Выдержавшій экзаменъ можетъ быть принятъ и оказаться безсильнымъ, а невыдержавшій, по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, лишается возможности слушать лекціи, когда на самомъ дѣлѣ онъ сильнѣе перваго. Развѣ способный математикъ не можетъ быть плохимъ лингвистомъ и способный лингвистъ не имѣть вовсе охоты

и способностей къ математикѣ? А на вступительномъ экзаменѣ нетвердое знаніе того или другаго можетъ помѣшать очень способному юношѣ слушать то, къ чему онъ имѣетъ склонность. На это, пожалуй, иные скажутъ: да вѣдь для такого сдѣлается снисхожденіе. Очень плохо, скажемъ мы, если на экзаменахъ дѣлается *снисхожденіе*. Это и показываетъ, что экзамены не нужны. Что это за правило, для котораго на каждомъ шагу исключенія да исключенія? Напротивъ, если кто добровольно начнетъ слушать лекціи, да сознаетъ, что онъ не приготовленъ для этого — то здѣсь уже нѣтъ ошибки. Онъ самъ надъ собою произноситъ судъ. И этотъ судъ неизбѣженъ, хотя бы нѣсколько времени самолюбіе и нашептывало ему успокоительныя увѣщанія. Скука — неизбѣжный спутникъ того, кто слушаетъ непонятное, прогонитъ его изъ аудиторіи.

Кромѣ этихъ двухъ причинъ сохраненія студентскаго званія, критикъ находитъ еще одну. Студенты, происходящіе изъ податныхъ сословій (мѣщанъ и крестьянъ), нося студентское званіе, избавляются отъ платежа податей, тѣлеснаго наказанія и рекрутской повинности — слѣдовательно, съ уничтоженіемъ студентскаго званія, тѣ, которые захотятъ слушать университетскія лекціи, минуя гимназіи, теряютъ это преимущество. Надобно сказать, что, до сихъ поръ, число такихъ было ничтожно, по той причинѣ, что мѣщанамъ и крестьянамъ трудно было, по бѣдности, получать домашнее воспитаніе. Но предположимъ, что число ихъ увеличится значительно. Окончательное исключеніе изъ податнаго сословія даетъ не студентское званіе, а ученая степень: и при открытомъ университетѣ будетъ то же. А чтобъ нѣкоторые, подъ предлогомъ слушанія лекцій, не обманывали обществъ, развѣ нельзя постановить, чтобы тотъ, кто получилъ домашнее воспитаніе, подвергался гимназическому экзамену, и представлялъ удостовѣреніе при взятіи отъ своего общества увольнительнаго свидѣтельства? Но вообще это дѣло до университета не касается. Въ университетѣ пусть слушаетъ лекціи всякій, кто хочетъ и можетъ, по своимъ домашнимъ и общественнымъ отношеніямъ. Уволенъ ли онъ или нѣтъ — до этого университету нѣтъ дѣла. Такой слушатель долженъ имѣть дѣло съ своимъ обществомъ, и сообразоваться съ тѣми условіями, въ какія его ставятъ обстоятельства, чуждыя науки. Какъ бы то ни было, это дѣло не наше, а правительства, которое часто, въ своихъ учрежденіяхъ, сообразовалось съ потребностями времени; мы же, по возможности, предложили, кажется, удобный способъ согласить нашъ проектъ съ вопросомъ о вступленіи въ универси-

тетъ лицъ податнаго сословія, некончившихъ курса въ гимназіяхъ.

Авторъ касается вопроса о допущеніи женщинъ въ аудиторіи. Не знаю, съ чего г. критикъ говоритъ: «Г. Костомаровъ говоритъ о женщинѣ въ аудиторіи такъ-спокойно» и пр. Можно подумать, что я когда-нибудь печатно обсуживалъ этотъ вопросъ, тогда какъ я, говоря о распространившемся вкусѣ къ посѣщенію лекцій, только вскользь замѣтилъ, что въ числѣ посѣтителей были даже и женщины. Вѣрно критикъ смѣшалъ меня съ кѣмъ-нибудь другимъ. Въ вопросѣ о женщинѣ нужно разъяснить о чемъ идетъ рѣчь: или 1) слѣдуетъ *запрещать* женщинамъ посѣщать аудиторіи, или 2) женщины сами должны считать неумѣстнымъ являться въ аудиторіи. Что до перваго — то гдѣ дозволяется посѣщать аудиторіи постороннимъ, за что выгонять изъ нихъ женщинъ. Что касается до втораго — то это вопросъ не университетскій, а общественный, вопросъ нравовъ и обычаевъ. Можно отстаивать убѣжденіе, что женщинамъ неумѣстно, неприлично, пожалуй даже безнравственно, являться въ аудиторію, въ толпѣ мужчинъ, и особенно молодыхъ людей. Въ такомъ убѣжденіи нѣтъ ничего предосудительнаго; напротивъ, оно можетъ истекать изъ нравственнаго источника, и совершенно извинительно при извѣстномъ уровнѣ нравственныхъ понятій. Можно распространять, проводить, поддерживать въ обществѣ такой взглядъ; если онъ станетъ господствующимъ мнѣніемъ, то общество будетъ карать тѣхъ женщинъ, которыя воспротивятся его авторитету. Но несправедливо насильно заставлять другихъ думать и поступать, какъ мы хотимъ. По нашему мнѣнію, если двери университетскихъ аудиторій будутъ отворены свободно для мужчинъ, то нѣтъ разумнаго основанія затворять ихъ и для женщинъ. Впрочемъ, и критикъ, въ этомъ отношеніи, съ нами соглашается, только прибавляетъ: «что это можно допустить со множествомъ условій, чтобъ присутствіе женщинъ не было въ ущербъ преподаванію?» Мы рѣшительно понять не можемъ, какимъ образомъ присутствіе женщинъ можетъ быть въ ущербъ преподаванію. Еслибы пришли въ аудиторію такія женщины, которыя производили бы безпорядокъ, то ихъ слѣдуетъ удалить, такъ же точно, какъ и мужчинъ, еслибъ послѣдніе вели себя непристойно, и все-таки отъ того нельзя воспрещать другимъ женщинамъ слушать лекціи, какъ и мужчинамъ, послѣ того, какъ нѣсколько мужчинъ навлекли на себя необходимость удалить ихъ. Но мы не имѣемъ и повода думать, чтобы женщины способнѣе были нарушать спокой-

ствіе аудиторій, чѣмъ мужчины—и потому не считаемъ достаточно обдуманнымъ замѣчаніе объ ущербѣ для преподаванія отъ присутствія женщинъ. Что касается нравственной стороны вопроса о входѣ женщинъ въ аудиторію, то собственно для нихъ, по нашему убѣжденію, нѣтъ ничего ни неприличнаго, ни неумѣстнаго. Напротивъ, онѣ представляютъ очень отрадное явленіе. Неужели посѣщать профессорскія лекціи неприличнѣе, чѣмъ посѣщать балетъ? Неужели слушать изложеніе научнаго предмета хуже, чѣмъ раскладывать гранъ-пасіансъ, сплетничать, или читать глупѣйшіе Французскіе романы? При настоящей потребности общественнаго воспитанія, необходимы женщины съ зрѣлымъ образованіемъ, чтобъ достойно замѣщать должности директрисъ и наставницъ женскихъ учебныхъ заведеній. Гдѣ же онѣ могутъ получить это образованіе, какъ не въ университетѣ? Критикъ полагаетъ удобнымъ завести особыя высшія заведенія для женщинъ — такъ сказать женскіе университеты. Совершенно неосуществимое желаніе! Петербургъ, какъ столица, навѣрное больше, чѣмъ другіе города въ Россіи, вмѣщаетъ въ себѣ женщинъ, желающихъ получить высшее образованіе. И что же? Въ университетѣ, куда нѣсколько лѣтъ былъ свободно открытъ входъ женщинамъ, число постоянныхъ посѣтительницъ едва ли доходило до двадцати (не включая такихъ, которыя, подобно нѣкоторымъ и мужчинамъ, являлись и исчезали, какъ кометы). Неужели для нихъ основывать особый университетъ? Гораздо лучше же, чѣмъ тратить понапрасну огромныя суммы, дозволить имъ спокойно слушать лекціи въ существующемъ университетѣ. Опытъ же показалъ, что ихъ присутствіе не дѣлало никакого ущерба преподаванію, и, разумѣется, не можетъ сдѣлать никогда. Напротивъ, намъ кажется, что присутствіе женщинъ въ аудиторіяхъ дѣйствуетъ благотворно на молодыхъ людей, пріучая ихъ удерживаться въ границахъ приличія и благопристойности. Почти навѣрное можно сказать, что входъ женщинъ въ Санктпетербургскій университетъ много способствовалъ сохраненію тишины, приличія и порядка въ аудиторіяхъ и корридорахъ.

Окончимъ наше замѣчаніе словами Н. И. Пирогова, приведенными моимъ критикомъ: «Мы должны найти свою форму для соединенія науки съ жизнію». По нашему глубокому убѣжденію, эта форма — открытый для всѣхъ университетъ, свобода преподаванія и свобода слушанія.

Пусть на этомъ свободномъ, широкомъ полѣ, Русская умственная жизнь, освобожденная отъ насильственной кабалы рабскаго под-

ражанія и трусливой неувѣренности въ правѣ самобытія, вырабатывается на своихъ собственныхъ началахъ, которыхъ еще не знаемъ не только мы, но даже Московскіе славянофилы, и которыя только тогда и станутъ извѣстны, когда имъ позволятъ развиваться. Впрочемъ, мы не желаемъ чего-нибудь особенно-новаго, и напрасно возражаютъ намъ наши противники, будто мы хотимъ производить какую-то ломку въ университетахъ. Мы хотимъ, въ сущности, того, что̀ уже существовало, нѣсколько лѣтъ, въ С. Петербургскомъ университетѣ, только съ сохраненіемъ студентской корпораціи, которая, сама-по-себѣ, безъ внѣшнихъ воздѣйствій, не приносила ни пользы, ни вреда, и держалась единственно кассою для бѣдныхъ. Безъ этихъ условій, студентская корпорація въ С. Петербургскомъ университетѣ исчезла бы сама собою, и университетъ, безъ всякаго формальнаго постановленія, принялъ бы именно тотъ видъ, какой мы считаемъ для него нормальнымъ. Замѣтимъ, однако, что, имѣя въ виду университетъ С. Петербургскій, мы раздѣляемъ справедливое замѣчаніе «Современной лѣтописи» «Русскаго вѣстника», что не слѣдуетъ навязывать такого устройства другимъ университетамъ: вполнѣ съ нею соглашаемся, что каждый изъ Русскихъ университетовъ можетъ имѣть свой собственный образецъ, необязательный для другихъ университетовъ.

XXVI.

Еще одно и послѣднее замѣчаніе объ университетахъ, Н. Костомарова.

Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ мы проводимъ въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» мысль объ открытыхъ университетахъ, безъ узаконенной корпораціи студентовъ. Противъ нашего мнѣнія много написано возраженій. Всѣ доводы, изложенные нашими противниками, не убѣждаютъ насъ, потому-что они, въ защиту признаваемаго ими порядка вещей въ университетѣ, приводятъ то, что̀ или оказывается возможнымъ также при осуществленіи нашего проекта, или же невозможнымъ и безполезнымъ при всякомъ состояніи, или, наконецъ, они бездоказательно поддаются подражанію западнымъ образцамъ, которые намъ не должны быть закономъ, ибо нашъ нормальный путь не подражаніе, а разумное примѣненіе

общихъ началъ человѣческаго развитія къ потребностямъ, нуждамъ и желаніямъ нашего общества. Только одно возраженіе, высказанное «Современною Лѣтописью», нельзя не признать уважительнымъ. Это — замѣчаніе, что нашъ проектъ не можетъ быть обязательнымъ для всѣхъ университетовъ, и что вообще слѣдуетъ предоставить устроиваться каждому университету своеобразнымъ способомъ. Мы скажемъ болѣе: каждому профессору и каждому слушателю желаемъ устроиться, въ дѣлѣ чтенія и слушанія науки, какъ имъ угодно. Дѣйствительно, хотя мы убѣждены въ справедливости своего мнѣнія, но, будучи несогласны съ противоположными, должны, однако, не только уважать ихъ, но даже заботиться о возможности ихъ удовлетворенія, требуя отъ нихъ взаимнаго вниманія къ своимъ. Для насъ, въ способѣ университетскаго образованія, всего дороже свобода, а свободу мы полагаемъ въ полномъ уваженіи не только къ личностямъ, защищающимъ противныя нашимъ убѣжденія, но и къ самымъ убѣжденіямъ. Мы думаемъ даже, что въ исторіи человѣчества, многія ученія и мнѣнія, причинявшія зловредныя послѣдствія чрезъ свое взаимное столкновеніе, могли бы оставаться спокойно одно близъ другаго, не разрушая существованія другъ друга. «Русскій Вѣстникъ» заговорилъ о компромиссѣ. Мы тоже его желаемъ, и притомъ не такого компромисса, который соединилъ бы два противоположныя мнѣнія въ одно третье, уничтожающее въ сущности и первое и другое, а такого, который сохранилъ бы и то и другое въ своей цѣльности.

Нѣкоторые, въ томъ числѣ и мы, желаютъ открытаго, безусловно, университета. Другіе хотятъ непремѣнно студентской корпораціи, но позволяютъ, однако, аудиторіямъ быть открытыми и для непринадлежащихъ къ ней. Есть такіе, которые желаютъ читать однимъ только студентамъ. Почему въ одномъ и томъ же университетѣ не удовлетворить всѣмъ? Вотъ, мужъ достойный и ученый, читая написанное мною, восклицалъ: «Что̀ это? Я буду читать безразличной, безсмысленной толпѣ? Это унизительно. Я брошу тогда службу». Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ его насиловать противъ его убѣжденія? Хотя мы твердо увѣрены, что безсмысленная, праздношатающаяся толпа ходить въ аудиторіи не будетъ, о чемъ уже толковали не разъ, но коль скоро ученый мужъ этимъ не убѣждается, остается искать средствъ удовлетворить его желаніямъ. Найдутся и слушатели, желающіе корпораціи. Правда, нашъ проектъ собственно не исключаетъ возможности осуществленія корпоративнаго начала въ свободномъ товариществѣ. Но если будутъ

такіе, которые пожелають находиться въ узаконенной, отчего же этого имъ не предоставить?

И такъ — пусть будетъ студентское званіе; пусть вступаютъ въ него съ аттестатами, кто хочетъ, люди состоятельные съ платою въ казну, бѣдняки съ изъятіями отъ платы, или облегченіями въ ея взносѣ. Профессоръ обязательно пусть читаетъ для нихъ. За то онъ получаетъ отъ казны жалованье. Но за тѣмъ, пусть входъ въ университетъ будетъ открытъ всякому, съ правомъ держать экзаменъ на степень, но при добровольныхъ условіяхъ съ профессорами. Плата за лекціи, съ вольныхъ слушателей слѣдуемая, пусть будетъ гонораріи профессору, который можетъ за то сколько хочетъ назначить; но онъ можетъ при этомъ допускать и безплатно. Тому, кто не захочетъ пускать къ себѣ никого, слѣдуетъ въ этомъ предоставить полное право: тотъ пусть читаетъ однимъ носящимъ студентское званіе; равнымъ образомъ, кто пожелаетъ допускать въ свою аудиторію лица только по своему выбору и разсмотрѣнію — и тому слѣдуетъ предоставить свободу. Вообще, при такомъ устройствѣ, право брать какой угодно гонораріи, допускать къ себѣ тѣхъ и другихъ, мы считаемъ законною и естественною принадлежностью профессорскаго чтенія. Получая жалованье отъ правительства, профессоръ читаетъ за него только тѣмъ, кто находится въ прямомъ отношеніи къ правительству. Впрочемъ, и безъ того есть поводы давать профессору казенное жалованье, потому что онъ предъ правительствомъ — оффиціальный исполнитель отношеній правительства къ наукѣ. Такимъ образомъ, экзамены есть трудъ, требующій вознагражденія. Сверхъ того, правительство обращается къ нему, какъ къ своему оффиціальному органу, въ вопросахъ, которые оказались бы для правительства нужными въ сферѣ преподаваемой профессоромъ науки. Но затѣмъ было бы несправедливо ограничивать профессора исключительно исполненіемъ обязанностей въ отношеніи къ правительству. Его талантъ, его познанія, его трудъ составляютъ его духовный капиталъ, которымъ онъ имѣетъ право располагать въ свою пользу. Безъ сомнѣнія, найдутся такіе, которые скажутъ, что ему предоставляется употреблять этотъ капиталъ посредствомъ чтеній и преподаваній внѣ университета, а равно и литературно-ученыхъ трудовъ. Но не надобно забывать, что всѣ занятія, неимѣющія прямаго отношенія къ его каѳедрѣ, служатъ въ ущербъ его истинному назначенію. Профессоръ, который, кромѣ университетской каѳедры, имѣетъ постороннія занятія, часто неизбѣжныя для поддержанія его существованія, всегда почти

отнимаетъ у своей каѳедры то, что̀, безъ всего этого, могло бы и должно быть ей исключительно посвящено. Чтобъ отстранить это неудобство, надлежало бы профессора обезпечить такъ, чтобы онъ вовсе не нуждался въ постороннихъ трудахъ. Но и при этомъ, если профессоръ обязанъ будетъ читать только извѣстному, ограниченному числу слушателей, читать тѣмъ, кому укажутъ, а отнюдь не другимъ, то, при всѣхъ матеріальныхъ удобствахъ, надъ нимъ будетъ нравственное стѣсненіе, которое бываетъ такъ же тяжело, какъ и недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Напротивъ, если, обезпечивъ профессора, въ извѣстныхъ границахъ, за тѣ труды, которые онъ обязанъ приносить правительству, какъ оффиціальный органъ, предоставить ему пользоваться вознагражденіемъ отъ желающихъ слушать его лекціи, то и каѳедра его не теряетъ, и матеріальныя средства его увеличиваются, и его нравственная свобода пріобрѣтаетъ независимость. Кромѣ профессоровъ оффиціальныхъ, необходимо допустить читать лекціи въ университетѣ постороннихъ, приватъ-доцентовъ, лишая ихъ жалованья и предоставляя имъ собирать гонорарій съ своихъ слушателей по своему усмотрѣнію.

Учрежденіе приватъ-доцентовъ, возникшее уже давно въ нашихъ университетахъ, почти не прииялось. Причина понятна: можно было и прежде предвидѣть, что мало явится охотниковъ читать даромъ, особенно когда склонность къ ученымъ занятіямъ показывали всегда болѣе люди бѣдные и незнатнаго происхожденія, чѣмъ богачи и люди родовитые. Нельзя, съ другой стороны, обременять правительство содержаніемъ тѣхъ, которые пожелаютъ дѣйствовать за предѣлами сферы, которую правительство считаетъ, по своимъ соображеніямъ, достаточною. Предоставивъ приватъ-доцентамъ сборъ гонорарія, можно избавить правительство отъ лишнихъ расходовъ и поддержать учрежденіе, которое оно давно признало полезнымъ. Тогда будетъ соревнованіе между профессорами, предотвратится всякая монополія, молодые дѣятели науки будутъ поддерживать свѣжесть ученой атмосферы и не допускать старымъ профессорамъ предаваться сладостной дремотѣ на своихъ мягкихъ олимпійскихъ сѣдалищахъ — а этому пороку могутъ подчиниться многія натуры, вполнѣ достойныя и благородныя: человѣческая природа подвержена слабостямъ, особенно когда съ лѣтами охлаждается кровь и, по выраженію Гамлета, въ головѣ начинается чувство такого же безсилія, какъ въ ногахъ: тутъ-то и необходимы внѣшнія побужденія, чтобъ придать человѣку силы къ борьбѣ съ собственнымъ паденіемъ.

Многіе, привыкшіе ловить общіе, внѣшніе признаки, не доискиваясь внутренняго смысла, вѣроятно, читая наше настоящее мнѣніе, закричатъ побѣдоносно: вотъ они сдаются, отступаются отъ своего! Этимъ господамъ мы считаемъ нужнымъ заранѣе сказать, что мы ни на волосъ не отступаемъ отъ нашего убѣжденія объ открытыхъ университетахъ; но, видя, что многимъ оно не по вкусу, прибѣгаемъ къ такому средству, которое бы и намъ и соперникамъ нашимъ было удовлетворительнымъ. Все, что составляетъ достоинство открытыхъ университетовъ — свобода слушанія лекцій, полученія степеней и, вообще, пріобрѣтенія ученаго образованія по своему усмотрѣнію — здѣсь сохраняется: этого съ насъ довольно; но и тѣ, которые этой свободѣ не сочувствуютъ, желаютъ ее въ ограниченныхъ предѣлахъ—также найдутъ здѣсь то, что имъ нравится. Мы говоримъ: корпорація студентовъ безполезна и можетъ даже сдѣлаться вредною, давая молодымъ людямъ поводъ ставить науку на второй планъ, и отвлекая самихъ профессоровъ отъ своего прямаго призванія (мы разумѣемъ здѣсь должность проректора, учрежденіе университетскаго суда и какое-то неосуществимое требованіе ближайшаго нравственнаго вліянія на слушателей, независимо отъ каѳедры). Наши противники находятъ, напротивъ, что корпорація необходима. Видно, опытъ слишкомъ мало уяснилъ для насъ этотъ вопросъ. Предоставимъ же времени оправдать либо насъ, либо ихъ. Теперь пока предлагаемый нами компромиссъ, въ сущности, удовлетвореленъ, какъ для насъ, такъ и для тѣхъ, которые расходятся съ нами во взглядахъ. Этого и довольно. Перестанемъ же спорить и толковать, тѣмъ болѣе, что, кажется, мы достаточно, насколько могли теперь, высказали наши основанія; предоставимъ одни другимъ свободу мнѣнія и дѣйствія въ нашей сферѣ, будемъ уважать наши взаимно-несходныя убѣжденія; мы ли заблуждаемся, или противники наши, но для насъ и для нихъ несомнѣнно то, что и тѣ и другіе руководятся, въ сущности, однимъ желаніемъ, стремятся къ одной общей цѣли — возможно-широкому и правильному распространенію просвѣщенія въ Россіи.

Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, кромѣ предлагаемаго нами теперь средства соглашенія главныхъ противорѣчій, по вопросу объ университетахъ, существуетъ еще другой способъ, отчасти заявленный, вскользь, и въ печати, и раздѣляемый нѣкоторыми учеными и вообще людьми, принимающими участіе въ дѣлѣ образованія. Это—устроить два рода лекцій: публичныя и частныя; первыя предоставить профессорамъ читать для

публики за гонорарій, вторыя — собственно для студентовъ, какъ для избранниковъ науки. Очевидно, тогда лекціи публичныя — будутъ лекціи популярныя. Мы не станемъ отвергать пользы популярныхъ лекцій по точнымъ наукамъ, гдѣ главная цѣль познакомить людей образованныхъ, но не спеціалистовъ, съ результатомъ наукъ, минуя математическія выкладки; но не думаемъ, чтобъ были возможны популярныя лекціи по наукамъ, относящимся до нравственной природы человѣка. Возьмемъ, для примѣра, хоть исторію. Эта наука имѣетъ такое свойство, что чѣмъ лекціи спеціальнѣе, тѣмъ занимательнѣе и общепонятнѣе, и напротивъ, общіе курсы понятны и интересны только для тѣхъ, которые познакомились съ спеціальными. Если профессоръ исторіи будетъ читать публичныя лекціи, то, въ сущности, или онѣ будутъ такія же, какія онъ обязанъ читать и студентамъ, или же онъ впадетъ въ популярничанье, станетъ показывать фокусы передъ публикой, сдѣлается, однимъ словомъ, паяцомъ. Неумѣстность послѣдняго положенія очевидна сама собою. Но въ первомъ случаѣ вы его заставите читать одно и то же два раза — одинъ разъ для студентовъ, другой — для публики. Изъ этого можетъ выйдти такое обстоятельство: профессоръ раздастъ всѣмъ своимъ слушателямъ студентамъ билеты на свои публичныя лекціи даромъ, а на частныя лекціи къ нему послѣ того никто не придетъ, потому что не станетъ у студентовъ ни охоты, ни времени слушать одно и то же два раза. Да и профессору выгодно такъ поступить, потому что онъ сберегаетъ для себя время. Тѣ же условія окажутся и по другимъ наукамъ, относящимся къ нравственной сферѣ, съ разными модификаціями. А для языковъ популярныя лекціи немыслимы. Такимъ образомъ, оправдывая вполнѣ полезность популярныхъ лекцій по точнымъ наукамъ, мы думаемъ, что по другимъ каѳедрамъ слѣдуетъ, вмѣсто особыхъ публичныхъ лекцій, допускать всѣхъ желающихъ на *ученыя* лекціи профессора, предоставляя ему полную свободу устроить это допущеніе по своему желанію: пусть назначаетъ какой угодно гонорарій — онъ воленъ цѣнить какъ хочетъ свой трудъ; пусть, если онъ не нуждается въ платѣ или безкорыстенъ, допускаетъ къ себѣ всѣхъ даромъ, или, напротивъ, никого не пускаетъ, кромѣ студентовъ — это его дѣло. Если найдется такой ученый мужъ, который не станетъ читать свои курсы иначе, какъ за слишкомъ большія деньги, или же, кромѣ студентовъ, сочтетъ всѣхъ прочихъ смертныхъ недостойными слышать его слово — вѣроятно, въ лицѣ другаго профессора или приватъ-доцента, явится ему конкуррентъ,

который покажетъ болѣе гостепріимства, и слушатели не будутъ лишены возможности слушать предметъ, который оффиціально читаетъ непозволяющій посѣщать свои лекціи профессоръ. Всѣ будутъ довольны, потому что всякій будетъ удовлетворенъ по своимъ убѣжденіямъ, по своимъ обстоятельствамъ и по своему вкусу.

XXVII.

О приватъ-доцентахъ въ нашихъ университетахъ, С. Никольскаго.

Теперь, когда появилось нѣсколько статей, касающихся устройства нашихъ университетовъ, когда вопросъ этотъ обратилъ на себя вниманіе Русской журналистики, теперь позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ одной реформѣ, которая, по нашему мнѣнію, была бы нужна для университетовъ: мы говоримъ о возможномъ уменьшеніи затрудненій, встрѣчаемыхъ лицомъ, желающимъ получить званіе приватъ-доцента.

Уменьшеніе этихъ затрудненій необходимо потому, что для университетовъ, терпящихъ нужду въ достойныхъ профессорахъ, необходимо званіе приватъ-доцентовъ. Часто мы видимъ примѣры такого рода, что оставляетъ свою каѳедру профессоръ, и каѳедра эта долго остается не занятою. Наконецъ, выбираютъ кандидата, посылаютъ его за границу, зная только, что онъ занимается наукою, но не имѣя никакого понятія о его профессорскихъ достоинствахъ, а имѣть понятіе о существованіи въ избранномъ кандидатѣ этихъ достоинствъ необходимо, потому что всякій понимаетъ, что быть вмѣстѣ и ученымъ, и хорошимъ профессоромъ, не совсѣмъ легко. Ученый можетъ принести большую пользу для науки, но быть плохимъ профессоромъ; профессоръ долженъ обладать ученостію, но долженъ имѣть и тѣ достоинства, безъ которыхъ, несмотря на всю свою ученость, онъ не можетъ какъ слѣдуетъ исполнять свою обязанность. Помочь этому недостатку, видѣть въ нашихъ профессорахъ соединеніе этихъ качествъ, можно только тогда, когда званіе приватъ-доцентовъ будетъ доступнѣе для желающихъ посвятить себя профессурѣ.

Всякій, вѣроятно, замѣчалъ, какъ часто молодой человѣкъ, кон-

чившій университетское образованіе, жаждетъ вступить на каѳедру. Съ какою энергіею, съ какимъ одушевленіемъ, возможнымъ только въ молодости, сталъ бы онъ излагать свой предметъ; съ какимъ усердіемъ занимался бы онъ, движимый этимъ побужденіемъ, избранною имъ наукою. Но чтобы привести въ исполненіе любимую мечту свою, молодому человѣку надобно, говорятъ, держать на магистра, ѣхать за границу; да получитъ ли онъ каѳедру—Богъ-вѣсть. Такая длинная процедура, неувѣренность получить желаемое, мало по малу, охлаждаютъ въ молодомъ человѣкѣ усердіе заниматься наукою; онъ избираетъ себѣ другое поприще, и, среди новыхъ занятій, онъ позабываетъ о наукѣ; а кто можетъ поручиться, что изъ подобнаго молодаго человѣка, при другихъ условіяхъ, и не вышелъ бы отличный профессоръ?

При устраненіи этихъ затрудненій, при большемъ развитіи приватъ-доценства, можно надѣяться, что университеты наши много выиграютъ. Положимъ, что при профессорѣ какого-нибудь обширнаго предмета будутъ два доцента штатныхъ, получающихъ жалованье, имѣющихъ степень магистра или доктора. Спрашиваемъ, что̀ мѣшаетъ быть при этомъ профессорѣ, кромѣ этихъ двухъ доцентовъ штатныхъ, неопредѣленному числу *приватъ-доцентовъ*, — лицъ, неполучающихъ жалованья. Приватъ-доцентомъ можетъ быть каждый молодой человѣкъ, кончившій университетское образованіе и чувствующій въ себѣ склонность заниматься наукою и быть профессоромъ. Пусть этотъ молодой человѣкъ избираетъ небольшую часть предмета, разработываетъ ее по источникамъ, и читаетъ лекціи. Когда онъ разработалъ и прочелъ извѣстную часть предмета, онъ принимается за другую и т. д. Всякій согласится, что отъ этого много выиграютъ слушатели того предмета, который читается, кромѣ профессора, приватъ-доцентами: профессоръ, будучи одинъ, не можетъ съ нужною полнотою излагать предметъ своей каѳедры. Съ другой стороны, и молодой человѣкъ, видя сочувствіе слушателей къ своимъ лекціямъ, руководясь совѣтами опытнаго профессора, можетъ усерднѣе трудиться надъ наукою и приготовляться къ испытанію на степень магистра. Видя его профессорскія способности, его усердіе въ занятіяхъ наукою, совѣтъ университета можетъ ходатайствовать объ отправленіи его за границу, послѣ чего и по выдержаніи на магистра, онъ можетъ занять штатное мѣсто. Такимъ образомъ къ отправленію за границу и къ занятію профессорской должности будутъ всегда лица, которыхъ профессорскія способности уже выяснились.

Повторяемъ: мы желаемъ возможно легкаго доступа къ полученію достойными молодыми людьми званія приватъ-доцентовъ, желаемъ этого: 1) для возбужденія въ молодыхъ людяхъ желанія трудиться для науки; 2) для обезпеченія каѳедръ, которыя чрезъ это не будутъ оставаться незанятыми, а по первой надобности будутъ замѣщаться достойными профессорами. Мѣра эта не принесетъ ничего, кромѣ пользы. Доцентовъ, принявшихъ на себя роль наставниковъ изъ пустаго желанія учить другихъ, не чувствуя въ себѣ для того ни знанія, ни способностей, ни охоты, совѣтъ университета можетъ удалять отъ чтенія лекцій. Да и молодой человѣкъ, нечувствующій въ себѣ довольно силъ для исполненія подобнаго рода обязанности, самъ, щадя собственное самолюбіе, не рѣшится принять на себя подобное званіе. И такъ, ничего, кромѣ пользы, нельзя ждать отъ свободнаго доступа къ полученію званія приватъ-доцента.

XXVIII.

О замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ по университетамъ, В. Стадіона.

Устройство нашихъ университетовъ занимало, въ послѣднее время, всѣ умы, и вызвало много толковъ. Оно въ равной степени заинтересовало правительство, какъ и общественное мнѣніе. Появилось немалое число статей, въ которыхъ, съ различныхъ сторонъ, высказано было много дѣльнаго. Но все это относилось къ устройству университетовъ въ отношеніи ихъ посѣтителей, т. е. въ отношеніи студентовъ и прочей любознательной публики; въ отношеніи же самыхъ профессоровъ, вопросъ остался почти нетронутымъ. Даже г. Бекетовъ, въ очень дѣльной своей статьѣ, говоритъ слѣдующее: «Устройство университетскаго сословія и факультетовъ остается *прежнее*, со *всѣми* его *правами* и обязанностями». Мы смотримъ на дѣло иначе, и думаемъ, что вопросъ этотъ весьма важенъ и многозначителенъ по послѣдствіямъ.

Для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ существуетъ у насъ три способа: a) прямое назначеніе, b) конкурсы, c) приглашенія. Прямое назначеніе составляетъ прерогативу министра народнаго просвѣще-

нія, имѣющаго право представить на Высочайшее утвержденіе любаго, имъ избраннаго кандидата, не справляясь предварительно ни съ факультетами, ни съ совѣтомъ университета. Этотъ способъ существуетъ лишь de jure, de facto же почти никогда, или чрезвычайно рѣдко примѣняется на практикѣ, а почти всегда замѣщенія вакантныхъ каѳедръ предоставляются самимъ факультетамъ или совѣту университета. Въ подобныхъ случаяхъ, эти послѣдніе прибѣгаютъ либо къ конкурсамъ, либо къ выбору какого-нибудь кандидата, имѣющагося въ виду, посредствомъ одной баллотировки, безъ конкурса.

Въ послѣднее время, однакожь, бо́льшая часть вакантныхъ каѳедръ стали замѣщаться по конкурсамъ. Сущность этихъ конкурсовъ состоитъ въ томъ, что отъ конкурента, кромѣ труда на ученую степень, требуется еще какой-либо печатный или письменный трудъ, къ вакантной каѳедрѣ относящійся, и, наконецъ, двѣ или три пробныя лекціи въ одномъ изъ отечественныхъ университетовъ. Казалось бы, на первый взглядъ, что условія подобнаго конкурса представляютъ полныя ручательства въ томъ, что избранный изъ конкурентовъ вполнѣ будетъ соотвѣтствовать своему призванію. На дѣлѣ, однакожь, выходитъ иначе. Конкурсы, въ послѣднее время по крайней мѣрѣ, оказались нѣсколько несоотвѣтствующими своей цѣли.

Причины вотъ какія:

Во-первыхъ, по недостатку спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ наукъ, — спеціалистовъ, каковыми должны быть желающіе занимать профессорскую каѳедру, у насъ на конкурсы является очень малое число конкурентовъ: всего одинъ или два; рѣдко число ихъ доходитъ до трехъ. Слѣдовательно, выборъ бываетъ невеликъ.

Во-вторыхъ, опытомъ дознано, что можно писать очень дѣльныя книги, и притомъ очень дурно излагать этотъ же предметъ устно. Можно быть отличнымъ ученымъ и очень плохимъ профессоромъ, какъ это всякому извѣстно. Стало быть, хорошая конкурсная работа немного еще доказываетъ въ пользу конкурента, какъ академическаго преподавателя. Правда, что для этого положены еще *пробныя* лекціи; но онѣ читаются въ *одномъ* изъ Русскихъ университетовъ, а не *именно при томъ* университетѣ, который открываетъ конкурсъ. Разница весьма существенная. Московскій университетъ, напримѣръ, можетъ быть снисходительнымъ къ пробнымъ лекціямъ конкурента, доискивающагося каѳедры при Харьковскомъ университетѣ, и наоборотъ. Вмѣненіе, однакожь, конку-

рентамъ въ обязанность читать свои пробныя лекціи при томъ университетѣ, который объявляетъ конкурсъ, имѣетъ опять то неудобство, что конкуренту, живущему за 1,000 или 1,500 верстъ отъ исходной точки конкурса, пришлось бы дѣлать *наавось* дальную поѣздку для чтенія своихъ пробныхъ лекцій, на что, разумѣется, рѣдко кто согласится. Слѣдовательно, отъ подобной мѣры, число конкурентовъ, и безъ того уже очень ограниченное, еще болѣе бы уменьшилось, — такъ что участвовать въ конкурсѣ было бы возможно лишь тѣмъ ученымъ, которые живутъ очень близко отъ того университета, коимъ конкурсъ объявленъ. Но если даже конкуренты живутъ очень близко отъ университета, открывшаго конкурсъ, и являются для чтенія пробныхъ лекцій лично, то наступаетъ,

Въ-третьихъ, новое зло. Профессоры, какъ и всѣ смертные, одарены нѣкоторыми слабостями. Единство и согласіе представляютъ собою такіе два объекта, которые, въ нашихъ университетахъ, между профессорами встрѣчаются нечасто. Итакъ, если конкуренты находятся даже на лицо, то одинъ изъ нихъ, быть можетъ уже успѣлъ расположить въ свою пользу профессора N, другой, напротивъ, успѣлъ навлечь на себя неудовольствіе профессора М. Выходитъ, что, при баллотировкѣ, голоса баллотирующихъ раздѣляются чрезвычайно страннымъ образомъ, и каѳедру получаетъ не достойнѣйшій, но тотъ, чья сторона сильнѣе. Все это не пустыя, отвлеченныя предположенія, но факты, которые казуистика конкурсовъ доставляетъ въ обильномъ количествѣ, и которые, въ случаѣ надобности, могли бы быть представлены во всей подробности.

Въ-четвертыхъ, при чтеніи пробныхъ лекцій конкурентомъ, судьями бываютъ *только* одни члены совѣта, т. е. ординарные и экстраординарные профессоры. Не только студентамъ, но даже адъюнктамъ доступъ къ пробнымъ леціямъ возбраняется. Между тѣмъ, вновь поступающій профессоръ будетъ, вѣдь, читать для студентовъ, а не для своихъ товарищей; вѣдь слушатели его будутъ страдать отъ дурнаго его чтенія, а не члены совѣта. Можно думать, что члены совѣта совершенно компетентны въ подобнаго рода дѣлахъ, и что они, во всякомъ случаѣ, лучше молодыхъ, неопытныхъ студентовъ съумѣютъ сдѣлать надлежащій выборъ. Часто дѣйствительно такъ и бываетъ, но только невсегда.

Изъ этихъ четырехъ пунктовъ, которые все-таки еще не единственные, уже видно, какъ мало конкурсы достигаютъ своей цѣли, и какъ часто профессорскія каѳедры замѣщаются людьми, или мало

свѣдущими, или неспособными, или неясно и сбивчиво излагающими, или недовольно подготовленными къ благородному и важному своему призванію.

Третій способъ замѣщать вакантныя каѳедры: приглашеніе или баллотировка *безъ* предварительнаго конкурса, по возможности, еще недостаточнѣе самыхъ конкурсовъ, и въ бо̀льшей части случаевъ ведетъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что одинъ изъ профессоровъ, *лично* знакомый съ какимъ-нибудь ученымъ, котораго считаетъ годнымъ занимать вакантную каѳедру, или только по *письменнымъ сообщеніямъ* съ нимъ знакомый, или, наконецъ, знающій его исключительно по его сочиненіямъ, предлагаетъ его факультету, на основаніи такихъ-то сочиненій или статей, и факультетъ его избираетъ, послѣ чего утвержденіе совѣтомъ и дальнѣйшими инстанціями совершается обыкновеннымъ порядкомъ. Тутъ рѣшительно все зависитъ отъ зоркости и безпристрастія того профессора, который предлагаетъ кандидата, т. е. отъ зоркости, безпристрастія, знанія людей и умѣнья оцѣнивать ихъ *одного* только человѣка. Что̀ промахи, между прочимъ, здѣсь бываютъ сильны и часты, весьма понятно.

Итакъ, изъ трехъ способовъ, существующихъ у насъ, для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ по университетамъ, одинъ существуетъ только de jure, но не de facto; другіе же два, дѣйствительно бывающіе въ ходу, такъ недостаточны, столь часто даютъ поводъ къ плачевнымъ и неисправимымъ промахамъ, что чувствуется необходимость не только надлежащихъ измѣненій, но даже и коренныхъ преобразованій.

Если, однакожь, найдется кто-нибудь, кто сразу не съумѣетъ объяснить себѣ, почему мы этому вопросу придаемъ столько важности, то мы ему отвѣтимъ, что здѣсь излишне было бы доказывать важность университетовъ для государства вообще и для воспитывающейся молодежи въ особенности, такъ какъ это истина всѣмъ извѣстная; но припомнимъ только, что несчастное избраніе профессора—все равно, что и несчастный бракъ; нѣтъ, даже въ тысячу разъ хуже несчастнаго брака.

Профессоры у насъ не смѣняются, какъ другіе чиновники. Будучи разъ избранъ совѣтомъ и утвержденъ въ своей должности высшими властями, профессоръ остается 25 лѣтъ сряду на своемъ мѣстѣ. Блаженъ университетъ, блаженны студенты, если выборъ былъ удачный. Но если онъ неудачный, тогда только смерть или тяжкая, неизлечимая болѣзнь въ состояніи освободить универси-

тетскую молодежъ отъ этой ноши раньше 25-лѣтняго срока. А сколько нравственныхъ и умственныхъ потерь претерпѣваетъ академическая молодежъ въ теченіе этихъ 25 лѣтъ! Она *должна* посѣщать лекціи неспособнаго своего профессора, хотя онѣ ей не приносятъ никакой пользы; она *должна* вытерживать эти лекціи, хотя онѣ ей и непонятны; она *должна* имѣть свѣдѣнія по этому предмету, хотя отъ профессора ничего тутъ не добьешься. А профессоръ, между тѣмъ, получаетъ отъ правительства чины, ордена, жалованье, впослѣдствіи и пансіонъ, а главное—въ теченіе 25 лѣтъ загораживаетъ своею безплодною личностью всякому, болѣе достойному, доступъ къ университету. Рѣдко, кажется, можно найти случай, гдѣ одинъ промахъ влечетъ за собою столь пагубныя послѣдствія, какъ именно неудачный выборъ академическаго преподавателя. Если отъ несчастнаго брака часто страдаетъ цѣлое семейство, то здѣсь, отъ неудачнаго выбора, въ теченіе 25 лѣтъ, страдаютъ цѣлыя поколѣнія молодыхъ людей, въ умственномъ, а нерѣдко, и въ нравственномъ отношеніи. Зло, кажется, немаловажное и достойное вниманія.

Указавъ на недостаточность тѣхъ способовъ замѣщать упраздненныя каѳедры, которые теперь у насъ въ ходу, я считаю еще необходимымъ указать на то средство, которымъ легко бы можно было устранить эти важныя неудобства. Для этого бросимъ, на нѣсколько минутъ, нашъ взглядъ болѣе на западъ Европы, особенно на Германію, или, вѣрнѣе сказать, на Германскіе университеты, которые, въ свое время, служили образцами при устройствѣ отечественныхъ университетовъ. Въ Германскихъ университетахъ существуютъ два способа для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ: *приглашеніе*, по опредѣленію большинства университетскаго сената, и *сословіе доцентовъ*. Объявленіе конкурсовъ въ Германіи совсѣмъ неупотребительно. Изъ этихъ двухъ способовъ, при первоклассныхъ университетахъ въ ходу только первый. Такъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, въ послѣднее время, каѳедру анатоміи, по приглашенію университетскаго сената, занялъ профессоръ Рейхертъ, бывшій уже прежде ординарнымъ профессоромъ, сперва въ Дерптѣ, потомъ въ Бреславлѣ. Каѳедра терапевтической клиники, послѣ знаменитаго Шенлейна, занята профессоромъ Фрерихсомъ, изъ Бреславля; вновь открытая каѳедра патологической анатоміи занята профессоромъ Вирховымъ, бывшимъ уже профессоромъ въ Вюрцбургѣ, и пр. Понятно, что это легко и удобоисполнимо въ Германіи, которая, какъ извѣстно, изобилуетъ университетами, изобилуетъ и учеными

по разнымъ отраслямъ наукъ, и гдѣ университеты, по близости разстояній и легкости сообщеній, такъ тѣсно между собою связаны и столь близко другъ другу знакомы, что приглашающій сенатъ имѣетъ всевозможныя ручательства въ научномъ и нравственномъ характерѣ и въ способности къ преподаванію приглашаемой имъ личности.

У насъ, какъ уже выше сказано, это или вовсе непримѣнимо, или только въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Второстепенные университеты въ Германіи, непредставляющіе довольно приманки, довольно обширнаго круга дѣйствій для перво-классныхъ ученыхъ, вербуютъ своихъ профессоровъ между отличнѣйшими доцентами того же самаго или другаго, болѣе знаменитаго университета.

Спрашивается, однакожь, что̀ такое доцентъ?

Въ Германіи, всякій, имѣющій ученую степень и, кромѣ того, публично-защищавшій печатно имъ изданный, по какой-нибудь отрасли науки, трудъ, получаетъ званіе «доцента». Онъ тогда пользуется правомъ читать, по спеціально имъ избранному предмету, публичныя лекціи въ университетскихъ стѣнахъ, наравнѣ съ прочими профессорами. Отъ правительства доценты пользуются умѣреннымъ только содержаніемъ, но за то получаютъ положенную плату за лекціи, отъ тѣхъ студентовъ, которые посѣщаютъ ихъ курсы. Такимъ образомъ, каждая каѳедра, кромѣ своего профессора, имѣетъ, въ бо̀льшей части случаевъ, одного, или даже двухъ и трехъ доцентовъ. Число ихъ не подлежитъ ограниченію. Скудное содержаніе, отпускаемое доцентамъ отъ правительства, заставляетъ ихъ искать главный источникъ своихъ доходовъ въ количествѣ слушателей, посѣщающихъ ихъ лекціи, или же въ частныхъ курсахъ: ибо чѣмъ болѣе доцентъ имѣетъ слушателей, тѣмъ обильнѣе и его матеріальныя средства. Отсюда возникаетъ чрезвычайно благодѣтельное соревнованіе между доцентами и профессоромъ съ одной стороны, и между самими доцентами — съ другой. Всякій старается сдѣлать свою лекцію какъ нельзя болѣе ясною, наставительною, отчетливою и занимательною, чтобы тѣмъ привлечь бо̀льшее число слушателей.

Отсюда возникаетъ и то, что профессоръ постоянно долженъ держать, какъ говорится, ухо востро, что отнюдь непозволено ему плошать или опускаться, какъ это почти всегда бываетъ, когда онъ чувствуетъ себя единственнымъ и привилегированнымъ раздавателемъ премудрости, чуть только онъ сознаетъ, что кромѣ его

не къ кому больше обратиться за ученостью. Всякая монополія неминуемо ведетъ къ злоупотребленіямъ, и монополія въ храмахъ Минервы столь же вредна, какъ и на биржѣ или на рынкѣ.

Кромѣ того, существованіе доцентовъ при университетѣ представляетъ еще и другія важныя выгоды. Въ случаяхъ болѣзни или отлучки или командировки профессора, сейчасъ подъ рукою есть человѣкъ, который въ состояніи временно выполнять его должность. Если же каѳедра, вслѣдствіе смерти или выхода въ отставку профессора, совершенно сиротѣетъ, то выборъ преемника нисколько не затрудняетъ университетскій совѣтъ. Самый лучшій изъ доцентовъ по этой же спеціальности, будь онъ того же самаго или сосѣдняго университета, всегда окажется годнымъ занять вакантную каѳедру. Но въ такомъ случаѣ университетъ пріобрѣтаетъ человѣка, совершенно знакомаго съ своимъ предметомъ, словомъ, готоваго спеціалиста. Далѣе же, кандидатъ уже успѣлъ совершенно освоиться съ искусствомъ преподаванія, съумѣлъ уже пріобрѣсти кругъ слушателей, доказалъ свою способность на дѣлѣ, словомъ, онъ уже былъ въ огнѣ. Наконецъ, такой человѣкъ нечуждъ университету. Профессорамъ и академической молодежи хорошо извѣстны прошедшее и настоящее подобнаго кандидата, а это чрезвычайно важно.

Не должно, наконецъ, терять изъ виду еще одной весьма существенной пользы, проистекающей для университетовъ отъ существованія сословія доцентовъ: то движеніе, ту жизнь, ту общительность, которыя они вносятъ въ университетскую сферу. Профессоръ не всегда доступенъ своимъ слушателямъ. Вслѣдствіе кабинетныхъ занятій, семейныхъ заботъ, пожилыхъ лѣтъ, иной разъ и не совсѣмъ цвѣтущаго здоровья, онъ дѣлается если не безучастнымъ, то, по крайней мѣрѣ, менѣе общительнымъ, менѣе доступнымъ, менѣе симпатичнымъ для молодежи. Угловатость его формъ, важность пріемовъ и оффиціальность обращенія изгоняютъ изъ головы молодаго человѣка всякую мысль о сближеніи. Конечно, оно не всегда такъ; но рѣчь, вѣдь, идетъ не объ исключеніяхъ, а о случаяхъ обыкновенныхъ.

Иное дѣло съ доцентами. Люди, большею частію еще молодые и безсемейные, они весьма часто, съ прекрасными познаніями и серьезностью въ вопросахъ научныхъ, соединяютъ веселость, оживленіе и предпріимчивость, столь свойственныя молодымъ лѣтамъ и сознанію своего общеполезнаго труда. Они гораздо доступнѣе молодежи, живѣе ей сочувствуютъ, лучше ее понимаютъ, лѣтами ближе къ ней

подходятъ, и имѣютъ всѣ средства дѣйствовать на нее благодѣтельнымъ и облагороживающимъ образомъ. Ничто не можетъ быть отраднѣе, какъ видъ такого человѣка, отъ котораго вѣетъ молодостью, свѣжестью, даровитостью и серьезными познаніями. Подобный доцентъ всегда будетъ украшеніемъ своего университета, и принесетъ молодежи гораздо болѣе пользы, чѣмъ несравненно болѣе знаменитый профессоръ, но облеченный уже въ педантизмъ и самообожаніе.

Доценты имѣютъ значительную долю въ той кипучей дѣятельности и свѣжей жизни, которыя мы встрѣчаемъ въ Германскихъ университетахъ. А если у насъ гораздо чаще попадается умственный застой и какая-то свинцовая неподвижность, то много тому виною недостатокъ молодыхъ, живительныхъ и облагороженныхъ элементовъ, въ лицѣ университетскихъ доцентовъ.

Вотъ, въ главныхъ очеркахъ, та существенная польза, которая проистекаетъ для университетовъ отъ сословія доцентовъ; вотъ и тѣ главныя преимущества, которыя представляетъ замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ лучшими и даровитѣйшими доцентами, испытанными уже на дѣлѣ, передъ замѣщеніемъ вакансій посредствомъ конкурсовъ. Затѣмъ остается еще разъяснить слѣдующіе вопросы: существуютъ ли у насъ доценты, или нѣтъ? Если существуютъ, то каково настоящее ихъ положеніе? и не желательно ли, чтобъ это положеніе въ чемъ-нибудь было измѣнено?

Если не считать Дерптскаго университета, пользующаго устройствомъ особеннаго рода, то, до самаго послѣдняго времени, университеты наши оставались совершенно недоступными для доцентовъ. Причина та, что условія, въ какія уставы различныхъ университетовъ поставили доцентовъ, сдѣлали существованіе этихъ послѣднихъ рѣшительно невозможнымъ. Въ уставѣ университета св. Владиміра, напримѣръ, говорится слѣдующее:

§ 34. «Совѣтъ университета можетъ ходатайствовать о дозволеніи получившему ученую степень магистра или доктора читать лекціи о какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ, съ присвоеніемъ такому преподавателю званія «доцента».

§ 35. «Желающій пріобрѣсть сіе званіе обязанъ, кромѣ диссертаціи, по коей получилъ ученую степень, представить новую: pro venia legendi, и оную защищать публично.

§ 36. «Доценты считаются въ службѣ, но жалованья не получаютъ. По мѣрѣ успѣховъ ихъ въ преподаваніи, совѣту предоставляется ходатайствовать о вознагражденіи трудовъ ихъ единовре-

менными денежными выдачами изъ экономической университетской суммы. Впрочемъ, доценты составляютъ разсадникъ для штатныхъ адъюнктскихъ и профессорскихъ мѣстъ».

И такъ, на основаніи этихъ положеній, человѣкъ, трудившійся, примѣрно, отъ 10-ти до 15-ти или 16-ти лѣтъ, для полученія степени магистра или доктора, да, кромѣ того, еще издавшій спеціальный трудъ и публично его защищавшій, получаетъ право публично читать лекціи, не получая за это никакого вознагражденія. Платою за ученіе онъ тоже не пользуется, потому что суммы эти, до сихъ поръ еще, поступаютъ въ пользу казны. Спрашивается: чѣмъ доцентъ, послѣ столькихъ усилій и трудовъ, долженъ существовать? Если доцентъ станетъ искать постороннихъ источниковъ дохода, то онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ плохой преподаватель. Хорошее университетское преподаваніе — вещь чрезвычайно трудная, требующая полнаго посвященія, поглощающая всего человѣка. Если же доцентъ весь посвятитъ себя своему призванію, какъ это отъ него и требуется, то кто ему доставитъ средства прокормить бренную свою плоть? Наконецъ, кто, обладая тѣми познаніями, тою любовью къ труду, которыя отъ доцента требуются, захочетъ вступить на такую тернистую и безотрадную дорогу? Не найдетъ ли онъ сотни другихъ путей, болѣе благодарныхъ и болѣе надежныхъ?

Конечно, непосвященный можетъ здѣсь возразить, что совѣту вѣдь предоставлено награждать доцента, *по мѣрѣ его успѣховъ въ преподаваніи*, единовременными денежными выдачами. Но посвященный въ университетскія тайны знаетъ, что эти награжденія только мнимыя, кажущіяся. Въ самомъ дѣлѣ, если доцентъ не показываетъ успѣховъ въ преподаваніи, то не зачѣмъ его и награждать. Если же онъ, напротивъ, въ преподаваніи успѣваетъ, т. е. если онъ привлекаетъ большое число слушателей, пріобрѣтаетъ популярность между молодежью — то этимъ сейчасъ же возбуждается зависть профессора, чувствующаго себя крайне обиженнымъ въ своей монополіи, глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что какой-нибудь молодой доцентъ смѣетъ съ нимъ вступить въ состязаніе, или даже перещеголять его. Вслѣдствіе этого начинается рядъ гоненій и притѣсненій доцента, который, къ тому еще, поставленъ въ самое беззащитное и безгласное положеніе.

Въ совѣтѣ засѣдаетъ профессоръ, но не засѣдаетъ доцентъ; слѣдовательно, всякое обвиненіе, охужденіе или умаленіе заслугъ доцента остается безъ возраженій и нерѣдко принимается на слово другими членами, которые, большею частію, считаютъ излишнимъ

вступаться за человѣка, вызывающаго сомнѣнія насчетъ законности профессорской монополіи. Уже выше было сказано, что доценты именно тѣмъ и полезны, что они противодѣйствуютъ научной монополіи, что вызываютъ благодѣтельное соревнованіе, родъ конкуренціи между собою и профессорами, и что послѣдніе, вслѣдствіе этого, вынуждены заниматься своимъ дѣломъ, не облѣниваться и, вообще, не плошать. Но, послѣ этого, можно ли предоставить профессору право назначать своему состязателю мѣру награжденія?

Надобно, однакожь, сознаться, что совѣтъ, иной разъ, дѣйствительно назначаетъ награды доцентамъ; но эти награды никогда не превышаютъ 200 или 250 руб., и выдаются не раньше, какъ по истеченіи года, такъ что этимъ однимъ невозможно содержать себя даже человѣку безсемейному.

Выходитъ, что доцентъ, будь онъ годенъ или негоденъ, получаетъ все-таки очень мало или ничего, лишенъ средствъ къ существованію, хотя трудится наравнѣ съ профессоромъ, а подчасъ и гораздо болѣе.

Но оставимъ пока денежный вопросъ въ сторонѣ. Предположимъ, на время, что доцентъ самъ по себѣ уже человѣкъ съ состояніемъ, что нисколько не нуждается въ награжденіи за трудъ, что онъ трудится единственно изъ любви къ наукѣ, изъ рвенія къ общему благу — и посмотримъ, есть ли *тогда* для него возможность долго продержаться въ качествѣ доцента.

Университеты наши, обыкновенно, вмѣщаютъ въ себѣ четыре факультета, изъ которыхъ два, наиболѣе посѣщаемые, а именно: медицинскій и естественный, почти исключительно состоятъ изъ каѳедръ практическихъ, т. е. преподаваніе не можетъ здѣсь ограничиваться однимъ только устнымъ изложеніемъ предмета, но сопряжено съ демонстраціями и опытами. Для этого устроены кабинеты и другія подобнаго рода заведенія, какъ, напримѣръ, физическій, химическій, технологическій, физіологическій кабинеты, анатомическій театръ, клиника и проч. Всякому, хотя сколько-нибудь образованному человѣку извѣстно, что, для преподаванія химіи, напримѣръ, нужна химическая лабораторія, для преподаванія анатоміи — анатомическій театръ, и т. д. Всѣ подобнаго рода заведенія находятся подъ завѣдываніемъ соотвѣтствующаго профессора. Если же, теперь, по каѳедрѣ химіи, положимъ, является дѣльный и ловкій доцентъ, то для преподаванія своего предмета, или отрасли его, онъ нуждается въ химической лабораторіи. Хорошо, если профессоръ химіи къ нему расположенъ и открываетъ ему доступъ въ

свой кабинетъ. Но если онъ къ доценту не расположенъ, если конкуренціи онъ не любитъ, если онъ считаетъ для себя выгоднѣе не имѣть вблизи своей особы никакого состязателя, то ему дана полная возможность избавиться отъ непріятнаго соперничества весьма простымъ способомъ. Ему стоитъ только сказать доценту: «М. г., кабинетъ *мой* устроенъ для меня, а не для васъ; если вамъ угодно читать лекціи химіи, то позаботьтесь о лабораторіи, или устроивайтесь какъ знаете; до меня это не касается». И вотъ у доцента, готоваго даже служить безъ всякаго денежнаго вознагражденія, вдругъ отнята всякая возможность продолжать свое преподаваніе. Отнята даже способомъ совершенно законнымъ, потому что въ уставѣ вовсе не упоминается о правѣ доцентовъ пользоваться кабинетами, лабораторіями, клиниками, учрежденными при каѳедрахъ. Значитъ, и съ этой стороны доцентъ зависитъ отъ произвола своего совмѣстника.

Мы уже предположили разъ, что доцентъ самъ по себѣ человѣкъ съ состояніемъ и готовъ служить даромъ. Сдѣлаемъ же еще шагъ впередъ, и придадимъ доценту такія средства, что онъ можетъ на свой счетъ нанять или устроить кабинетъ, и обзавестись всѣми нужными инструментами, снарядами, животными, матеріалами и служителями. Спрашивается, совершенно ли *тогда* обезпечено его положеніе? Оказывается, что и этого еще недостаточно.

При выпускномъ экзаменѣ, студентовъ экзаменуетъ профессоръ; здѣсь личность доцента вполнѣ исчезаетъ. Но при экзаменѣ, судьба молодаго человѣка совершенно въ рукахъ экзаменующаго профессора, и произволу предоставленъ широкій просторъ. Далека отъ меня мысль утверждать, будто у насъ на экзаменахъ то и дѣло, что произволъ. Напротивъ, безпристрастіе здѣсь явленіе весьма обыкновенное. Я хочу только сказать, что произволъ въ настоящее время *можетъ* имѣть мѣсто. Чтò же, если профессоръ рѣшится слушателей, посѣщавшихъ преимущественно лекціи доцента, притѣснять, да поприжимать на выпускномъ экзаменѣ? Вѣдь это, навѣрное, произведетъ впечатлѣніе — конечно, не на всѣхъ; но на многихъ, однакожь, это подѣйствуетъ такъ, что они скорѣе откажутся отъ лекцій доцента, неимѣющаго возможности отстоять ихъ, чѣмъ подвергаться гоненію брюзгливаго экзаменатора.

Многимъ подобное предположеніе покажется чрезвычайно страннымъ, и они готовы отнести его къ области миѳовъ, или вещей невозможныхъ. Но чтò же тогда, если это предположеніе вытекаетъ изъ свершившихся фактовъ? Чтò же тогда, если подобные случаи

дѣйствительно обнаружились, хотя бы одинъ только разъ, хотя бы съ однимъ только профессоромъ? Гдѣ же ручательства, что подобное не можетъ случиться въ другой разъ и съ другимъ профессоромъ?

И такъ, при существующихъ нынѣ условіяхъ, доценты при нашихъ университетахъ существовать не могутъ, хотя de jure они и допускаются. Если, въ самое послѣднее время, нѣкоторые молодые ученые и попытались-было пріобрѣсти званіе доцента, то развѣ для того только, чтобъ вскорѣ убѣдиться въ невозможности дальнѣйшаго ихъ пребыванія при университетѣ. Безъ всякаго жалованья, безъ поддержки, безъ поощренія, даже безъ сочувствія со стороны правительства, какъ со стороны самыхъ университетовъ, они могутъ пользоваться лишь эфемернымъ существованіемъ. Да и нельзя было ожидать ихъ процвѣтанія, пока они поставлены въ полной зависимости отъ профессоровъ. Идея о соревнованіи и *свободной конкуренціи* — вотъ основа существованія сословія доцентовъ; основу же нынѣшняго профессорскаго быта составляетъ *научная монополія*. Нельзя было, однакожь, ожидать развитія свободной конкуренціи, когда эту послѣднюю поставили въ зависимость отъ самихъ монополистовъ.

Здѣсь возможно только одно изъ двухъ: или существующая донынѣ система умственной монополіи хороша, полезна и плодотворна — тогда доценты дѣйствительно не нужны, и не зачѣмъ о нихъ и жалѣть; или же эта монополія вредна и безплодна — тогда доценты необходимы, какъ единственное противодѣйствіе фактическому недугу. Но тогда имъ не только должно предоставить возможность существовать, но и слѣдуетъ всѣми мѣрами благопріятствовать ихъ воцаренію и размноженію въ нашихъ университетахъ.

Еще остается разобрать вопросъ о мѣрахъ, какими бы можно было придать сословію доцентовъ надлежащее устройство; да кромѣ того, еще вопросъ о роли адъюнктовъ, при существованіи доцентовъ. Но объ этомъ въ другой разъ.

Въ настоящую минуту я довольствуюсь тѣмъ, что коснулся весьма важнаго и животрепещущаго вопроса въ жизни университетовъ; и если этимъ вызваны будутъ замѣчанія и возраженія, способныя еще болѣе разъяснить спорный предметъ, то я ихъ сочту за нѣчто весьма утѣшительное.

XXIX.

Отвѣтъ С. Ахшарумова на статью Благовѣщенскаго: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ, необходимыхъ для развитія и поддержки ученой жизни въ нашихъ университетахъ».

Эта статья извлечена изъ замѣтокъ къ проекту общаго устава Русскихъ университетовъ, и въ ней высказано нѣсколько мнѣній, съ которыми никакъ не могу согласиться, несмотря на уваженіе къ почтенному профессору. Не принадлежа къ ученому сословію, я не намѣренъ обсуждать университетскаго устава; но, сочувствуя дѣлу университета, позволю себѣ сдѣлать г. Благовѣщенскому нѣкоторыя возраженія, касающіяся изученія наукъ въ Россіи

Г. Благовѣщенскій говоритъ: «Необходимо поощрять къ но- «вымъ трудамъ тѣхъ ученыхъ, которые вполнѣ выказали любовь «свою къ наукѣ и способность дѣлать ее достояніемъ не одной «только университетской аудиторіи, а всего образованнаго обще- «ства. Такое поощреніе ученымъ трудамъ оказывается во всѣхъ «просвѣщенныхъ странахъ Европы, а въ Россіи оно необходимѣе, «чѣмъ гдѣ-нибудь, на томъ основаніи, что кругъ потребителей «ученыхъ книгъ у насъ крайне ограниченъ, и масса читающей пу- «блики почти исключительно бросается на произведенія легкой, въ «особенности скандальной, литературы, такъ что Русскій авторъ «ученаго, хотя бы и весьма дѣльнаго, сочиненія очень часто не мо- «жетъ воротить издержекъ, употребленныхъ имъ на изданіе сво- «ихъ трудовъ». Г. Благовѣщенскій выразилъ свою мысль весьма неясно, такъ что нельзя понять, какого рода сочиненія онъ разумѣетъ подъ трудами ученыхъ, способныхъ дѣлать науку достояніемъ всего образованнаго общества.

Учено-литературныя произведенія, которыя могутъ быть достояніемъ всего общества, бываютъ двоякаго рода. Одни носятъ названіе популярныхъ. Для примѣра, назовемъ популярную астрономію Араго̀. Въ сочиненіяхъ такого рода излагаются собственно результаты, выработанные наукой. Такихъ сочиненій во всей Европѣ весьма мало, потому что они требуютъ и самаго глубокаго знанія предмета, и способности передавать въ простотѣ, доступной даже для людей незнакомыхъ съ наукой, — а потому популярныя книги имѣютъ достоинство только тогда, когда онѣ составлены

первоклассными учеными. Такія книги, какъ драгоцѣнный подарокъ, всегда принимаются обществомъ съ сочувствіемъ и расходятся въ большомъ числѣ, а слѣдовательно не нуждаются въ особенной поддержкѣ со стороны правительства. Можетъ быть, впрочемъ, авторъ разумѣлъ другаго рода учено-литературные труды, т. е. тѣ, которые, по своему содержанію, соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ науки, а по формѣ доступны для высоко-образованнаго общества. Назовемъ, обращаясь къ исторіи, всѣмъ извѣстныя имена Гиббона, Юма, Маколея, Ранке, Гизо, Герена (Ideen), Августина Тьерри и другихъ. Труды такихъ писателей составляютъ честь и славу народа, которому они принадлежатъ, и съ нашей стороны было бы странно распространяться объ ихъ высокомъ значеніи. Не всѣ одарены такою геніальностью, какъ эти писатели; но всякій ученый, въ большей или меньшей степени, идетъ по ихъ слѣдамъ. Всѣ подобнаго рода труды составляютъ общее достояніе образованнаго класса, оцѣниваются и поддерживаются имъ, а потому, я думаю, что нѣтъ большой надобности, чтобы правительство ихъ поддерживало.

Есть другаго рода ученые труды, совершенно упущенные изъ виду г. Благовѣщенскимъ и которые, преимущественно у насъ, требуютъ особеннаго поощренія и поддержки со стороны правительства. Говорю о трудахъ критическихъ. За что же почтенный профессоръ хочетъ лишить такихъ ученыхъ поддержки и поощренія въ нашемъ отечествѣ? Учено-критическія сочиненія приносятъ наукѣ огромную пользу, но могутъ быть оцѣнены только весьма немногими спеціалистами. Остальные же (употребимъ выраженіе одного изъ нашихъ журналистовъ) будутъ считать ихъ за позорную галиматью — конечно, только потому, что не могутъ ихъ оцѣнить.

Не могу также согласиться съ г. Благовѣщенскимъ и въ самомъ способѣ ученыхъ занятій. Онъ говоритъ: «Поощреніе научной са«модѣятельности молодыхъ людей мы считаемъ едва ли не болѣе по«лезнымъ для нихъ, чѣмъ пассивное слушаніе лекцій, необходимо«сти которыхъ мы, разумѣется, не отвергаемъ, тѣмъ болѣе, что по «многимъ предметамъ университетскіе курсы стоятъ у насъ гораз«до выше разныхъ пособій, представляемыхъ Русской литературой. «По нѣкоторымъ наукамъ она даже вовсе не представляетъ ника«кихъ пособій. Пріученіе университетскаго слушателя къ серьёз«ному труду, указаніе ему на источники и пособія для изученія и «разработки того или другаго вопроса — все это должно лежать на «обязанности профессора». Намѣреніе и мысль прекрасныя. Но

средства, предлагаемыя имъ, ведутъ не къ тому результату, котораго добивается почтенный профессоръ, а къ совершенно противоположному. Г. Благовѣщенскій продолжаетъ: «Научная дѣятель-«ность нашихъ студентовъ, принявъ литературную оболочку, разу-«мѣется, въ большей части случаевъ, найдетъ для себя выраженіе «въ такъ-называемыхъ компиляціяхъ». Мы позволимъ себѣ замѣтить, что никто никогда не называлъ компиляцій самостоятельнымъ трудомъ. Какъ бы ни была хороша компиляція, но компиляторъ повторяетъ только уже прежде высказанное, а слѣдовательно, не вноситъ ничего новаго въ науку. Замѣчательно-ученые западной Европы (укажемъ снова на историковъ) посвящаютъ много лѣтъ изученію своего предмета. Они роются въ архивахъ, читаютъ лѣтописи и государственные акты, относящіеся къ изучаемой ими эпохѣ, и все, что объ ней было писано, и, все это изучивъ критически, излагаютъ результаты своихъ изслѣдованій. У насъ же большинство людей, занимающихся наукой, не обращая вниманія на источники, берутъ сочиненія западныхъ ученыхъ, популяризируютъ ихъ, составляютъ изъ нихъ компиляціи, и думаютъ, что исполнили свое дѣло прекрасно. Такимъ образомъ молодое Русское поколѣніе учится не по ученымъ книгамъ, а по журнальнымъ статьямъ. Другаго названія такого рода книги и лекціи рѣшительно не заслуживаютъ. Вотъ и причина, почему у насъ такъ рѣдко появляются дѣйствительно хорошія ученыя книги и ученые, заслуживающіе этого имени. У насъ, по части наукъ, и безъ того слишкомъ много черезчуръ популярной литературы. Гораздо было бы полезнѣе позаботиться у насъ о развитіи серьёзнаго занятія. Да и г. профессоръ, по поводу переводовъ съ иностранныхъ языковъ, пишетъ: «Мы твердо держимся того мнѣнія, что чужой трудъ, при всѣхъ «своихъ достоинствахъ, никогда не замѣнитъ собою, относительно «вліянія на общество, произведенія туземнаго, написаннаго авто-«ромъ, знающимъ духъ и потребности того народа, къ которому «онъ самъ принадлежитъ». Да развѣ, составляя компиляціи—разумѣется, по большей части изъ иностранныхъ книгъ — мы будемъ разработывать науку въ Русскомъ духѣ? Мы пойдемъ только слѣдомъ за западными учеными, не сдѣлавъ ничего самостоятельнаго въ наукѣ. Безъ сомнѣнія, каждый народъ имѣетъ свои особенности, которыя отражаются во всемъ, а слѣдовательно и въ ученыхъ сочиненіяхъ; но чтобы онѣ выразились въ наукѣ, для этого нужны не компиляціи, а самостоятельное и критическое изученіе источниковъ. Только тогда мы въ состояніи будемъ подвигать науку впе-

18*

редъ, и внести въ нее то, чего не найдемъ ни у одного другаго народа, и только тогда нашихъ ученыхъ будутъ уважать за границей. Гораздо .полезнѣе было бы, еслибъ профессоры, занимаясь со студентами, пріучали ихъ къ самостоятельной разработкѣ источниковъ, сначала, разумѣется, вопросовъ самыхъ легкихъ и простыхъ, а потомъ болѣе сложныхъ и трудныхъ. Такимъ образомъ молодые люди ознакомились бы съ исторической, филологической и всякаго другаго рода критикой. Это и пріучило бы ихъ смотрѣть на печатное слово, какъ на дѣло серьезное. Притомъ, узнавъ на самомъ дѣлѣ, что ученое и самостоятельное изученіе какой-нибудь части требуетъ продолжительныхъ и усиленныхъ трудовъ, они научились бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, уважать чужой трудъ, и въ нашемъ молодомъ поколѣніи не было бы того презрѣнія къ представителямъ науки, которое, къ сожалѣнію, мы такъ часто встрѣчаемъ. Мы всѣ знаемъ прискорбный фактъ, случившійся недавно въ Петербургѣ и вполнѣ подтверждающій справедливость моихъ словъ. Что же касается до критическаго изученія источниковъ подъ руководствомъ профессора, то о пользѣ его я говорю не по отвлеченнымъ теоріямъ, а по опыту. Я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, занимался такимъ образомъ исторіей у профессора здѣшняго университета Михаила Семеновича Куторги. Занятія эти, конечно, не были обязательны; но тѣ изъ студентовъ, которые хотѣли спеціально заняться исторіей, независимо отъ университетскихъ лекцій, подъ его руководствомъ разработывали, по источникамъ, какую-нибудь историческую тему. Когда трудъ былъ готовъ, то авторъ читалъ его въ присутствіи профессора и товарищей. Ему дѣлали возраженія, и онъ долженъ былъ защищать свое мнѣніе. Конечно, это мнѣніе часто было неосновательно, но, тѣмъ не менѣе, оно было самостоятельно выведено изъ источниковъ. Дѣльныя же на него возраженія заставляли вдумываться въ предметъ и прояснять его. Въ мое время поочередно занимались такимъ образомъ древней и средней исторіей, т. е. одинъ разъ задавали тему по древней исторіи, другой разъ по средней. Что касается послѣдней, то мы занимались критической разработкой средневѣковаго біографа Эгингарта (Vita Caroli Magni). Такія занятія у профессора Куторги были и прежде, и въ этой школѣ образовался состоящій теперь при университетѣ профессоръ г. Стасюлевичъ.

Что же касается, наконецъ, до желанія г. Благовѣщенскаго издавать при университетѣ «Ученыя Записки», для помѣщенія въ нихъ преимущественно трудовъ студентскихъ, то скажу откровен-

но: эти труды, большею частію, таковы, что ихъ не стоитъ печатать. Конечно, я не говорю объ отличнѣйшихъ диссертаціяхъ, удостоенныхъ золотой медали, которыя до сихъ поръ печатались на счетъ университета. Изданіе всякой книги предполагаетъ читателей покупщиковъ; иначе это будетъ лишняя трата времени и денегъ. Но кому же интересно читать ученическія статьи? Люди, дѣйствительно ученые, въ нихъ и не заглянутъ, а учащимся можно посовѣтовать обратиться къ болѣе полѐзному чтенію. Если же принять въ соображеніе, сколько трудовъ и времени пропадетъ напрасно на редакцію и вообще на изданіе этихъ статей, то окажется, что эти сборники приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Г. Благовѣщенскій увѣряетъ, наконецъ, что за границей, особенно въ Англіи, даже среднія учебныя заведенія постоянно издаютъ въ свѣтъ сочиненія своихъ питомцевъ. Сознаюсь, что этотъ фактъ для меня совершенно новый. Думаю также, что онъ не менѣе новъ и для многихъ спеціалистовъ. Если Англійскія училища и вообще учебныя заведенія другихъ странъ западной Европы издали сочиненія своихъ питомцевъ, то желательно было бы, и мы покорнѣйше просимъ, чтобы почтенный профессоръ указалъ печатно, гдѣ и когда они были изданы. Вѣроятно, у насъ многимъ любопытно было бы пріобрѣсть ихъ. Но если въ Англіи и другихъ образованныхъ странахъ учебныя заведенія печатаютъ труды своихъ питомцевъ, то тамъ это можетъ имѣть свое особенное значеніе, а какое будетъ имѣть у насъ, объ этомъ г. профессоръ не говоритъ ни слова.

XXX.

Статьи, напечатанныя въ «Современной Лѣтописи» Русскаго Вѣстника.

I.

Вопросъ о воспитательномъ значеніи университетовъ принадлежитъ безспорно къ труднѣйшимъ и очень сложнымъ вопросамъ. Если мы обратимъ вниманіе на мнѣніе старѣйшихъ университетовъ Европы, то встрѣтимъ почти единогласный утвердительный отвѣтъ въ пользу воспитательнаго значенія университетовъ. Но не такъ будетъ, если мы вздумаемъ искать отвѣта на этотъ вопросъ въ нашей литературѣ. У насъ по этому предмету,

какъ почти по всѣмъ сколько-нибудь важнымъ предметамъ, господствуетъ совершеннѣйшій хаосъ мыслей. Если мы не ошибаемся, передовому человѣку поставлено у насъ въ обязанность отрицать воспитательное значеніе университетовъ. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ Русскій передовой человѣкъ не отрицать того, что̀ признается всѣмъ свѣтомъ? Этимъ онъ обнаружилъ бы свою несамостоятельность, показалъ бы, что онъ недостаточно прогрессивный человѣкъ. Итакъ, хоръ нашихъ передовыхъ людей восклицаетъ, что университеты не воспитательныя заведенія. Но какое они должны имѣть значеніе, объ этомъ нашъ хоръ пѣлъ до сихъ поръ въ разноголосицу. Лишь недавно послышалось опредѣленное, положительное мнѣніе, что университеты должны имѣть не воспитательно-учебное, а образовательно-ученое значеніе. *Ergo*, выраженіе: *высшія учебныя заведенія*, употреблявшееся всѣми, и законодательствомъ, и литературой, и обществомъ, когда рѣчь шла объ университетахъ, основывалось на заблужденіи; это-то именно заблужденіе, говорятъ намъ, и было причиной того, что наши университеты до сихъ поръ были ни то ни сё. На дняхъ это высказано профессоромъ Костомаровымъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* № 237. Мы искренно благодаримъ автора за формулированіе своей мысли. Теперь есть по крайней мѣрѣ предметъ для обсужденія, и каждый можетъ выразить свое о немъ мнѣніе. Вопросъ объ университетахъ такъ близокъ къ намъ, что мы тоже не можемъ не сказать своего слова о новой университетской теоріи почтеннаго изслѣдователя Русской старины.

Мы имѣемъ полное право назвать теорію г. Костомарова новою теоріей. Она идетъ въ-разрѣзъ съ установившимся понятіемъ объ университетѣ; можно даже сказать, что она основана на недоразумѣніи относительно самаго слова *университетъ*. Она называетъ университетомъ то, что̀ можетъ быть очень важно и полезно для народнаго просвѣщенія, но что̀ до сихъ поръ нигдѣ и никогда не называлось университетомъ. «Необходимы два рода органовъ, пишетъ г. Костомаровъ: одни—воспитательно-учебные, другіе—образовательно-ученые. Къ первымъ принадлежатъ школы, вообще всѣ заведенія, имѣющія цѣлію давать воспитаніе *отроческому* возрасту, до тѣхъ поръ, когда этотъ возрастъ оканчивается, и воспитанникъ въ состояніи вступить *въ число членовъ общества*. Къ тѣмъ же органамъ принадлежатъ *учебники* и вообще дѣтская литература. Втораго разряда органы — университеты и ученыя общества, которые должны имѣть цѣлію лицамъ *уже окончившимъ*

воспитаніе и достигшимъ зрѣлаго возраста, давать образованіе и содѣйствовать, посредствомъ науки, прогресу общественнаго просвѣщенія и благосостоянія. Вмѣстѣ съ ними должны идти объ руку ученая литература и искусства». Мы напечатали въ этой выпискѣ курсивомъ тѣ выраженія, которыя характеризуютъ взглядъ автора; изъ этихъ выраженій ясно, что̀ г. Костомаровъ разумѣетъ подъ именемъ университета. Система г. Костомарова, какъ видятъ читатели, стройна; выраженія, употребляемыя имъ, если и не совсѣмъ удачны, то по крайней мѣрѣ довольно точны, и не оставляютъ сомнѣнія насчетъ своего смысла. Насъ сперва остановило выраженіе *отроческій* возрастъ; мы было подивились, отчего это авторъ не счелъ для себя удобнымъ говорить спеціально о юношескомъ возрастѣ, но, перечитавъ его статью, мы пришли къ убѣжденію, что нашъ профессоръ употребляетъ это выраженіе въ обширномъ смыслѣ, и что оно обнимаетъ собой и дѣтскій и юношескій возрасты. Авторъ противополагаетъ отроческому возрасту зрѣлый возрастъ, и этимъ устраняетъ всякое недоразумѣніе: если наши юноши остались довольны статьей г. Костомарова въ томъ отношеніи, что она предостовляетъ имъ возможность причислять себя къ зрѣлымъ людямъ, вступившимъ въ число членовъ общества, то это сильная ошибка съ ихъ стороны, и имъ придется открыть наконецъ, что г. Костомаровъ причисляетъ ихъ, наравнѣ съ дѣтьми, къ отрокамъ. Итакъ не только дѣтямъ, но и юношамъ нечего дѣлать въ университетѣ г. Костомарова. Изъ новаго Русскаго университета исключаются такимъ образомъ, какъ недостойные, студенты всѣхъ университетовъ міра. Это не подлежитъ сомнѣнію: и дѣти и юноши, и ученики Европейскихъ гимназій и студенты Европейскихъ университетовъ, должны держаться поодаль отъ заведенія, которое г. Костомаровъ называетъ университетомъ. Не очевидно ли послѣ этого, что это заведеніе вовсе не то, что̀ обыкновенно, не у насъ однихъ, а въ цѣломъ мірѣ, называется университетомъ? Г. Костомаровъ выражается очень откровенно; онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы поняли его мысль во всемъ ея объемѣ. Онъ не упускаетъ случая заявить, что университеты, по его теоріи, не могутъ имѣть дѣла съ учебниками: учебники — принадлежность школъ — ниже достоинства университетовъ г. Костомарова. Но устраненіе учебниковъ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что г. Костомаровъ, говоря объ университетахъ, разумѣетъ вовсе не университеты, а нѣчто совершенно новое. Какой студентъ какого бы то ни было изъ существующихъ университетовъ обходился безъ учеб-

никовъ? А по теоріи г. Костомарова, учебники, это—органъ воспитательно-учебный; для такой скуки нѣтъ мѣста въ университетѣ; только ученой литературѣ разрѣшается идти объ руку съ этимъ образовательно ученымъ органомъ. Но и этимъ не ограничивается г. Костомаровъ въ своей откровенности; онъ громко провозглашаетъ, что университетъ не есть школа, и этимъ уже рѣшительно выводитъ свой университетъ изъ ряда Европейскихъ университетовъ, которые всѣ считаются высшими учебными заведеніями, то есть высшими школами. Наибольшею наружною самостоятельностью пользуются студенты въ Нѣмецкихъ университетахъ, но и Нѣмцы называютъ университетъ на своемъ языкѣ *Hochschule*, то есть высшею школой. Г. Костомаровъ, слѣдовательно, не считаетъ и Нѣмецкихъ университетовъ за университеты. Право, нельзя не пожалѣть, что Европейскій людъ не читаетъ нашихъ газетъ и журналовъ. Западная Европа такъ и не узнаетъ бѣдная, что у нея вовсе нѣтъ университетовъ, и что единственная страна, гдѣ передовые люди замышляютъ учредить университеты, есть Россія.

Но шутки въ сторону. То, что г. Костомаровъ предлагаетъ учредить подъ именемъ университетовъ, уже существуетъ кое-гдѣ на бѣломъ свѣтѣ. Въ Берлинѣ есть, напримѣръ, общество, называющееся wissenschaftlicher Verein, состоящее изъ значительнаго числа ученыхъ и учреждающее ежегодно публичныя лекціи по разнымъ предметамъ знаній для людей всякаго возраста и пола. Въ Парижѣ есть Collège de France, гдѣ читаются публичные курсы, и гдѣ, особенно въ дурную погоду, бываетъ очень много публики, самой разнохарактерной. Еще болѣе публичныхъ лекцій читается въ Англіи, а всего болѣ читается ихъ въ Америкѣ. Какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ народное просвѣщеніе получаетъ отъ нихъ большую пользу. Объ этихъ лекціяхъ нельзя, впрочемъ, сказать, что онѣ имѣютъ образовательно-ученое значеніе. Этотъ общій терминъ нейдетъ къ нимъ. Ученымъ характеромъ отличаются лишь немногія изъ нихъ, читаемыя учеными для ученыхъ. Но по большей части эти лекціи не имѣютъ ученаго значенія, а имѣютъ цѣлію популяризировать науку между людьми взрослыми; отъ университетскихъ лекцій онѣ отличаются составомъ аудиторій, но также, какъ и университетскія лекціи, имѣютъ *учебное* значеніе. Ученые, читающіе эти публичныя лекціи, служатъ посредниками между наукой и обществомъ; поэтому очевидно, что публичныя лекціи этого рода могутъ быть полезны для народнаго просвѣщенія только въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже есть истинная наука. Безъ этого условія

не было бы повода къ посредничеству, и популяризованіе науки неизбѣжно превратилось бы въ популярничанье. Сперва нужна строгая наука, и лишь вслѣдъ за тѣмъ можетъ придти ея популяризованіе, требующее отъ ученаго высшей степени зрѣлости. Въ Петербургѣ, напримѣръ, были тоже устроены публичныя лекціи, но публика на слѣдующій же годъ выказала равнодушіе къ нимъ, и онѣ не пошли въ ходъ, вслѣдствіе чего мы и теряемъ надежду на процвѣтаніе «образовательно-ученаго» университета въ нашемъ прогрессивномъ городѣ Петербургѣ.

Дѣйствительность отрезвляетъ. Обратимся же отъ блестящихъ университетовъ будущаго къ скромнымъ и скучнымъ, но за то дѣйствительнымъ университетамъ не Россіи, конечно, а Германіи, Франціи, Англіи, Америки. Взглянемъ на эти прозаическіе университеты, которые не обходятся безъ учебниковъ и просвѣщаютъ не всѣхъ смертныхъ, а молодыхъ людей извѣстнаго возраста. Эти дѣйствительно-существующіе университеты имѣютъ дѣло съ людьми, еще не вступившими въ число гражданъ, еще не достигшими зрѣлаго возраста; умственная и нравственная самостоятельность есть цѣль, къ которой университеты ведутъ своихъ питомцевъ, и именно для достиженія этой цѣли университеты не смотрятъ на студентовъ, какъ на зрѣлыхъ людей, не обманываютъ себя и ихъ, лживымъ провозглашеніемъ, что они не нуждаются въ педагогической опекѣ, а, напротивъ, прямо объявляютъ въ своихъ уставахъ, что студенты находятся in statu pupillari до полученія ученой степени. Студенты состоятъ подъ университетскою опекой и подлежатъ за легкіе проступки не общимъ полицейскимъ, а педагогическимъ наказаніямъ; Европейскіе студенты даже такіе чудаки, что считаютъ это преимуществомъ, дорожатъ имъ и видятъ въ немъ доброжелательную заботу о нихъ, снисходительную готовность извинять промахи, свойственные ихъ возрасту. Никому не приходитъ въ голову приписывать это установленіе желанію держать студентовъ на степени школьниковъ. Напротивъ, въ хорошемъ университетѣ все такъ устроено, чтобы студенты не могли оставаться школьниками. Ничто такъ не радуетъ добрыхъ университетскихъ наставниковъ, ничто не встрѣчается ими съ такою нѣжною снисходительностію и любовію, какъ первыя проявленія самостоятельной жизни въ юношѣ. Самостоятельное мышленіе, а не машинальное повтореніе затверженныхъ словъ, самостоятельныя убѣжденія, а не пассивное склоненіе воли по первому вѣтру или по первому возгласу — вотъ то, къ чему университетъ долженъ приготовлять студентовъ. Эти вы-

сокія цѣли достигаются лишь продолжительнымъ трудомъ юноши надъ своимъ умомъ и своею волей. Зрѣлый для университета юноша долженъ еще много потрудиться надъ собой, прежде нежели созрѣетъ для жизни, и этотъ-то трудъ надъ собой облегчается студенту тою обстановкой, которую онъ находитъ въ университетѣ. Постоянныя улучшенія, происходившія вѣками, приноровили университетское устройство къ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ молодыхъ людей того возраста, когда человѣкъ перестаетъ быть мальчикомъ, но еще не дозрѣлъ до мужа, когда онъ вышелъ изъ ряда школьныхъ учениковъ, но еще не вступилъ въ число гражданъ, когда онъ и хочетъ и долженъ дѣйствовать самостоятельно, но еще не имѣетъ нужной для того опытности. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ возрастъ имѣетъ свои особенныя потребности, и относительно воспитанія, и относительно образованія, и что эти потребности очень сложны. Потому-то мы и сказали въ началѣ этой статьи, что вопросъ о воспитательномъ значеніи университетовъ сопряженъ съ большими трудностями. Онъ труденъ не потому, что можно отрицать воспитательное значеніе университетовъ: чего нельзя отрицать и въ чемъ нельзя сомнѣваться? Трудность заключается не въ устраненіи подобныхъ отрицаній, а въ удовлетворительномъ рѣшеніи задачи.

Покойный Хомяковъ, котораго статья, напечатанная въ газетѣ *День*, подала г. Костомарову поводъ высказать свою теорію, гораздо вѣрнѣе своего рецензента указалъ направленіе полезнаго преобразованія нашихъ Русскихъ университетовъ. Мы рекомендуемъ эту статью вниманію нашихъ читателей; они найдутъ въ ней много вѣрныхъ и живыхъ мыслей, наводящихъ на дальнѣйшее размышленіе. Очень удачно, напримѣръ, то мѣткое указаніе, что мы Русскіе страдаемъ отнюдь не перевѣсомъ общаго образованія надъ спеціальнымъ, и что спасеніе нашего образованія зависитъ не отъ развитія спеціальностей, а совершенно напротивъ — отъ усиленія общечеловѣческаго элемента въ нашихъ университетахъ. Вотъ объ этомъ дѣйствительно слѣдуетъ позаботиться, и вотъ въ этомъ-то именно и заключается самое убѣдительное доказательство высокой важности университетовъ для правильнаго развитія нашей общественной жизни. Наши университеты отнюдь не должны превратиться въ спеціальныя школы, соединенныя вмѣстѣ внѣшнимъ образомъ. Мы должны знать, что въ этомъ случаѣ они точно такъ же перестали бы быть университетами, какъ и при реформѣ, предлагаемой г. Костомаровымъ.

Университеты Европы издавна искали свою славу въ томъ, что не ограничивались дрессировкой молодыхъ людей для опредѣленныхъ профессій лекаря, юриста и т. д. Dat Galenus opes et Justinianus honores*) — старинная университетская поговорка; но когда эта поговорка возникла, ни до Галена, ни до Юстиніана нельзя было дойдти иначе, какъ черезъ изученіе философіи и такъ-называемыхъ artes liberales. По старинному правилу требовалась степень магистра словесныхъ искусствъ (artium liberalium magister), чтобы достигнуть степени доктора права или медицины, и въ Англійскихъ университетахъ еще до сихъ поръ сохранилась добрая сторона этого преданія: классическое образованіе составляетъ тамъ до сихъ поръ общую основу всѣхъ спеціальныхъ университетскихъ курсовъ, каковы напримѣръ курсы богословія, юриспруденціи, медицины. Все устройство университетовъ и все ихъ преимущество передъ спеціальными школами основано на томъ, что они имѣютъ въ виду воспитывать цѣлаго человѣка, а не только снабжать юношей тѣми или другими познаніями, полезными въ практической жизни. Въ виду обширнаго развѣтвленія знаній, университеты материка Европы по большей части перестали требовать отъ юристовъ и медиковъ посѣщенія лекцій философскаго факультета; улучшеніе гимназій позволило имъ рѣшиться на эту уступку; необходимая мѣра общаго образованія была доставляема гимназическимъ курсомъ. Но у насъ другое дѣло: наши гимназіи еще очень далеки отъ Нѣмецкихъ. Университетъ у насъ долженъ взять на себя значительную долю того, что въ Германіи поручается теперь гимназіямъ. Онъ долженъ исполнять то дѣло, которое лежало на Европейскихъ университетахъ въ средніе вѣка, когда было мало приготовительныхъ школъ.

Г. Костомаровъ, повидимому, согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Вотъ что говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи: «По нашему мнѣнію, умноженіе воспитательныхъ заведеній съ болѣе широкимъ преподаваніемъ, чѣмъ въ гимназіяхъ, у насъ принесетъ пользу; но въ такомъ случаѣ отдѣлите ихъ отъ университета, заведенія не воспитательнаго, а образовательно-ученаго». Такимъ образомъ самъ г. Костомаровъ опять приходитъ къ университетамъ, то есть къ тому, что вездѣ называется этимъ именемъ. Сущность его предложенія состоитъ, стало быть, въ слѣдующемъ: теперешніе университеты сдѣлайте не университетами, а учрежденіями для чтенія публичныхъ лекцій, удержавъ за ними однакоже имя университетовъ, но

---

*) Галенъ даетъ богатство, Юстиніанъ почести.

наряду съ этими учрежденіями устройте новыя высшія воспитательно-учебныя заведенія, которыя соотвѣтствовали бы иностраннымъ университетамъ, но не носили бы этого имени. Не понимаемъ, къ чему такой маскарадъ, но съ самымъ дѣломъ были бы готовы согласиться, еслибъ авторъ указалъ средства избѣгнуть слѣдующихъ затрудненій: при нашемъ недостаткѣ въ людяхъ, мы не видимъ возможности основать въ Россіи нѣсколько новыхъ университетовъ, если наши теперешніе университеты превратятся въ учрежденія для публичныхъ лекцій; поэтому, мы опасаемся, что, при преобразованіи Русскихъ университетовъ по плану г. Костомарова, Россія нѣкоторое время останется вовсе безъ высшихъ воспитательныхъ заведеній, а *воспитательныя заведенія съ болѣе широкимъ преподаваніемъ, чѣмъ въ гимназіяхъ*, гораздо нужнѣе для Русскаго просвѣщенія, чѣмъ тѣ *образовательно-ученые органы*, которые проектируетъ г. Костомаровъ.

II.

Вопросъ объ университетахъ продолжаетъ наполнять столбцы *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Вслѣдъ за статьей г. Костомарова, о которой мы говорили, появились статьи гг. Стасюлевича, Барсова и Сухомлинова. Мы не будемъ разбирать этихъ статей порознь: для этого потребовалось бы болѣе мѣста, чѣмъ можемъ мы удѣлить въ нашемъ еженедѣльномъ изданіи даже такому важному вопросу, какъ университетскій. Къ тому же подробный разборъ мнѣній, высказанныхъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, завлекъ бы насъ на почву современныхъ происшествій, о которыхъ мы не можемъ говорить обстоятельно. Поэтому мы предпочитаемъ ограничиться общими замѣчаніями въ дополненіе къ тому, что̀ мы сказали на прошлой недѣлѣ по поводу проекта г. Костомарова. Мы старались показать, что проектируемый имъ университетъ будетъ нѣчто новое, а совсѣмъ не то, что̀ до сихъ поръ обыкновенно называется университетомъ. Одинъ изъ защитниковъ проекта г. Костомарова, г. Барсовъ, самымъ неожиданнымъ образомъ подтверждаетъ наше мнѣніе. Онъ утверждаетъ очень спокойно, — не въ пылу полемики, — что изъ Русскихъ университетовъ надобно сдѣлать tabula rasa, дабы сама жизнь выработала новое устойство. Можно ли было яснѣе и эффектнѣе высказать, что дѣло идетъ о

разрушеніи университетовъ существующихъ? Сильнѣе выразиться было невозможно.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Петербургскомъ университетѣ; но такъ какъ рѣчь идетъ вообще о Русскихъ университетахъ, а не объ одномъ Петербургскомъ, то, въ интересѣ свободы и жизни, которому всегда служило наше изданіе, мы не можемъ не вступиться за Русскіе университеты, какъ за учрежденія существующія, противъ намѣренія, положимъ даже доброжелательнаго, превратить ихъ въ tabula rasa. Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, будто бы для свободнаго движенія нуженъ разрывъ съ прошедшимъ. Нѣтъ ничего противоположнѣе истинному движенію, какъ эта малодушная готовность, при первой неудачѣ, бросать начатое дѣло и начинать работу съизнова. Нѣтъ ничего убійственнѣе для жизни, какъ этотъ духъ ломки и презрѣнія къ прошедшему, признающій всѣ права за несуществующимъ и только возможнымъ и отказывающій въ нихъ тому, что̀ уже существуетъ.

Наши Русскіе университеты, конечно, далеко не идеальныя учрежденія; но намъ жаль, что съ ними обращаются такъ слегка и такъ свысока. Мы не согласны съ г. Стасюлевичемъ насчетъ высокаго процвѣтанія Русскихъ университетовъ; но каковы бы они ни были, они занимаютъ въ Русскомъ бытѣ такое мѣсто, что, говоря объ ихъ преобразованіи, никакъ не позволительно разумѣть подъ преобразованіемъ — разрушеніе. Что-нибудь да найдется въ нихъ такого, что̀ можетъ упрочить за ними впослѣдствіи мѣсто въ ряду Европейскихъ университетовъ, по образцу которыхъ они были устроены. Нѣтъ сомнѣнія, что они могутъ развиваться, не переставая быть университетами, то есть высшими учебными заведеніями. Содѣйствовать такому развитію труднѣе, чѣмъ произвести преобразованіе, предлагаемое г. Костомаровымъ, но за то справедлива и поговорка: *славенъ путь трудный*.

Легко сказать, что университетское устройство ведетъ свое начало отъ среднихъ вѣковъ, когда университеты стояли особнякомъ среди общества и были какъ бы государствами въ государствѣ. Тогда, говорятъ намъ, была связь между студентами и профессорами, но теперь всѣ эти отношенія приняли характеръ гражданскій, формальный. Теперь нѣтъ между аудиторіями другихъ связей, кромѣ внѣшняго общаго управленія и внѣшняго сосѣдства; нѣтъ нравственныхъ узъ, соединяющихъ студентовъ между собой и съ профессорами. Почему же, въ такомъ случаѣ, напримѣръ не запе-

реть двери, которыми сообщаются аудиторіи одного факультета съ аудиторіями другаго факультета? А развѣ вы не повредили бы этимъ университету? Точно также вы можете утверждать, что между студентами не должно быть другихъ связей, кромѣ совмѣстнаго слушанія профессорскихъ лекцій, подобно тому, какъ между посѣтителями театра нѣтъ ничего общаго, кромѣ желанія посмотрѣть на представленіе; вы можете все это утверждать и полагать, что вы не сказали ничего убійственнаго для науки; вы можете радоваться, что вопросъ о воспитательномъ значеніи университетовъ разрѣшается для васъ самымъ легкимъ и нисколько не головоломнымъ способомъ. Но, разрѣшая такимъ образомъ этотъ важный вопросъ, вы, сами того не сознавая, отрицаете самое понятіе университета; удастся ли вамъ или не удастся поставить на мѣсто университетовъ что-либо равносильное, этого никто знать не можетъ, но тѣ, кто дорожитъ вѣковымъ учрежденіемъ Европейскихъ университетовъ, обязаны противиться вашимъ нововведеніямъ, которыя равняются разрушенію. На *удобство* подобныхъ проектовъ нельзя ссылаться: разрушать всегда гораздо легче, чѣмъ созидать или исправлять.

Въ подтвержденіе *удобнѣйшаго* изъ взглядовъ на университетъ и въ опроверженіе воспитательнаго значенія университетовъ приводятъ обыкновенно то соображеніе, что у профессора нѣтъ никакихъ средствъ имѣть нравственное вліяніе на сотни молодыхъ людей, которыхъ онъ даже въ лицо не знаетъ. Это соображеніе имѣетъ за себя всю видимую основательность. Дѣйствительно, невозможно требовать, чтобы каждый отдѣльный профессоръ дѣйствовалъ на студентовъ въ воспитательномъ смыслѣ. Этого требованія и предъявлять нельзя; его нельзя предъявлять даже въ самыхъ малолюдныхъ университетахъ. Какъ бы ни былъ удовлетворителенъ личный составъ университета, въ немъ всегда найдутся люди разныхъ наклонностей; ученый очень основательный, составляющій украшеніе университета, можетъ не отличаться общительностію, можетъ предпочитать уединенную кабинетную жизнь частымъ сношеніямъ не только съ студентами, но даже съ своими товарищами; что̀ же? Считать ли его за дурнаго профессора? Другой профессоръ можетъ быть очень общителенъ; въ своей общительности, онъ, быть можетъ, вполнѣ свободенъ отъ расположенія популярничать, отравляющаго все дѣло университетскаго преподаванія; но, какъ ученый, онъ можетъ не имѣть самостоятельности: предпочитать ли его тому ученому, о которомъ мы сейчасъ говорили?

Этого никому, конечно, и въ голову не придетъ. Когда рѣчь идетъ о воспитательномъ значеніи университета, то имѣются въ виду вовсе не нравоучительные разговоры отдѣльныхъ профессоровъ съ отдѣльными студентами: такіе разговоры умѣстнѣе въ низшихъ, чѣмъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Воспитательное значеніе имѣетъ университетъ, взятый какъ цѣлое. Профессоры составляютъ только часть этого цѣлаго. Ихъ вліяніе на слушателей очень велико, но особенно плодотворно бываетъ вліяніе не отдѣльныхъ профессоровъ, а общаго духа, живущаго въ университетской корпораціи. По поводу вопроса объ университетахъ, наша литература коснулась и вообще вопроса о корпораціи; но намъ кажется, что многіе изъ этихъ толковъ основаны на недоразумѣніи. Говорятъ, будто корпорація несогласна съ Русскимъ народнымъ духомъ, и въ подтвержденіе ссылаются на неуспѣшность мѣръ, которыя принимались нашимъ законодательствомъ для водворенія цеховъ въ Россіи. Но неуспѣшность этихъ мѣръ свидѣтельствуетъ только о томъ, что корпораціи не могутъ быть вводимы законодательствомъ, а должны возникать изъ самой жизни. Къ тому же цехи нельзя назвать просто корпораціями: это привилегированныя корпораціи, стѣсняющія частную промышленую дѣятельность, и въ этомъ отношеніи нельзя не порадоваться, что цехи не привились у насъ. Изъ этого однакожь отнюдь не слѣдуетъ, что Русская жизнь не способна къ корпоративному устройству. Напротивъ, тѣ самые теоретики, которые возстаютъ противъ всякой мысли о корпораціяхъ, обыкновенно отдаютъ справедливость нашему Русскому артельному быту и не соблазняются даже тѣмъ, что слово *артель* не есть слово чисто-Русское. Дѣйствительная общественная жизнь никакъ не можетъ обойдтись безъ корпоративныхъ связей, и наши артели, каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе, привились къ Русскому быту именно вслѣдствіе того, что Русскій народъ не лишенъ способности къ общественной жизни. Артельная связь есть въ основаніи не что иное, какъ корпоративная связь, и Русская артель только тѣмъ и отличается отъ корпораціи, что до сихъ поръ обходилась безъ признанія со стороны государства, тогда какъ корпораціи западной Европы пользуются этимъ признаніемъ. Различіе между артелью и корпораціей заключается въ томъ, какъ государство относится къ нимъ, а не въ томъ, что̀ получаютъ онѣ отъ народнаго быта. Но возратимся къ университетамъ.

Мѣра воспитательнаго значенія университета зависитъ отъ того, въ какой степени университетъ есть корпорація, въ какой степени

онъ хранитъ въ себѣ живой духъ добрыхъ приданій, выработанныхъ его исторіей. Этотъ-то общій, исторически вырабатывающійся университетскій духъ и оказываетъ на студентовъ то нравственное дѣйствіе, котораго нельзя ожидать отъ отдѣльныхъ профессоровъ, если всѣ они, вмѣстѣ взятые, по выраженію императора Калигулы, не болѣе какъ *песокъ безъ извести*. Этого общаго духа нельзя предписать закономъ; но тѣмъ не менѣе онъ оказываетъ дѣйствіе, всѣми чувствуемое, всѣхъ сдерживающее, для всѣхъ благотворное, оживляющее и сближающее всѣхъ, какъ профессоровъ, такъ и студентовъ. Во всѣхъ процвѣтающихъ университетахъ есть этотъ общій, могущественно - дѣйствующій духъ, есть эта университетская атмосфера, оказывающая воспитательное дѣйствіе на молодежь, и ассимилирующая всѣ разнообразные элементы, которые ежегодно притекаютъ къ университету съ разныхъ сторонъ. Сущность дѣла показываетъ, что этотъ общій духъ долженъ храниться преимущественно въ сословіи профессоровъ; но опытъ показываетъ также, что, несмотря на постоянный приливъ и отливъ обучающагося юношества, студенческій бытъ не менѣе способенъ хранить университетскія преданія. Университетъ безъ студентовъ перестанетъ быть университетомъ; уничтожая студенчество, вы убиваете университетъ. Университетское корпоративное устройство должно обнимать собой не только профессоровъ, но и студентовъ. Студенческій бытъ есть одинъ изъ воспитательныхъ элементовъ этого устойства. Если онъ дуренъ въ томъ или другомъ университетѣ, то надобно заботиться объ его улучшеніи, но уничтожать его не слѣдуетъ.

Міръ студенческихъ отношеній есть особенный міръ, въ тысячу разъ менѣе сложный, чѣмъ общество, и потому въ тысячу разъ болѣе удобный для пріобрѣтенія первыхъ опытовъ жизни. Товарищескія связи, товарищескія столкновенія, происходящія въ тѣсномъ кругу студенческаго быта, подъ вліяніемъ вѣковыхъ студенческихъ преданій и на глазахъ доброжелательной корпораціи наставниковъ, воспитываютъ и развиваютъ нравственныя силы молодаго человѣка. Студенческая жизнь не даромъ принадлежитъ къ дорогимъ воспоминаніямъ всякаго, учившагося въ порядочномъ университетѣ. Это пора безкорыстнаго размѣна первыми мыслями и чувствами, та пора, когда легко завязывается дружба, когда проза жизни еще не вступаетъ въ свои права, когда человѣкъ только предвкушаетъ тяжкую борьбу, ожидающую его въ дальнѣйшей жизни, и собирается съ силами, чтобъ успѣшно выдерживать

житейское испытаніе. Пульверизація студенческаго быта значительно уменьшила бы ту нравственную пользу, которую получаютъ студенты отъ пребыванія въ университетѣ. Но чтобы не было пульверизаціи, для этого необходимы болѣе тѣсныя связи между студентами, а не одно слушаніе университетскихъ лекцій; необходимо, чтобъ и въ студенчествѣ были корпоративныя связи, — не тѣ, конечно, лже-корпоративныя связи, которыя нуждаются во внѣшней одеждѣ или внѣшнихъ мѣткахъ, возбуждающихъ реакцію противъ себя въ самомъ студенчествѣ Европейскихъ университетовъ а тѣ истинно-корпоративныя связи, благодаря которымъ корпоративное начало составляетъ такой важный элементъ въ общественномъ и политическомъ бытѣ. Сущность корпораціи состоитъ въ храненіи преданій; непрерывная преемственность преданій, постоянная работа ассимиляціи условливаются вліяніемъ, которое старшіе члены корпораціи оказываютъ на младшихъ. Оканчивающіе курсъ должны дѣйствовать на нововступающихъ, окончившіе курсъ—на оканчивающихъ, и такъ далѣе до профессоровъ. Между всѣми должны быть взаимныя связи, и въ этихъ связяхъ должны быть степени, отъ профессора до нововступающаго студента. Несущіе свѣтильникъ должны преемственно передавать его другъ другу, λαμπάδια ἔχοντες διαδώσουσιν ἀλλήλοις.

Въ нашихъ университетахъ до сихъ поръ была слаба эта корпоративная связь, но успѣхъ долженъ состоять въ усиленіи, а не въ ослабленіи ея. Трудность заключается здѣсь въ томъ, что наши университеты возникли не сами собой, не вслѣдствіе потребностей общества, которому естественно принадлежитъ право воспитывать молодыя поколѣнія, а благодаря волѣ правительства, нуждавшагося въ людяхъ, годныхъ для государственной службы. Такое происхожденіе нашихъ университетовъ отзывается на всемъ ихъ характерѣ; оно даетъ университетской наукѣ видъ чужеземнаго растенія, искусственно пересаженнаго на Русскую почву, оно затрудняетъ попытки къ улучшенію Русскихъ университетовъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ и преувеличивать затрудненій. Нельзя сказать, чтобы, напримѣръ, Московскій университетъ въ продолженіе своего столѣтняго существованія вовсе не вступилъ въ связь съ жизнію общества и не пріобрѣлъ вслѣдствіе того нѣкоторой самобытности. Поэтому нѣтъ ни малѣйшей причины до такой степени падать духомъ, чтобы желать превращенія, напримѣръ, Московскаго университета въ tabula rasa, на которой, какъ говорятъ намъ, общественная жизнь начнетъ возводить свое но-

вое зданіе. Общественная жизнь уже принимала участіе въ этомъ сложномъ учрежденіи, которое называется Московскимъ университетомъ. Искусственно превращая его въ tabula rasa для будущихъ опытовъ общественной жизни, вы пожертвовали бы многимъ, что̀ составляетъ плодъ прошедшихъ опытовъ той же самой общественной жизни. Не таковъ долженъ быть путь раціональной реформы. Надобно открывать просторъ новому, но вмѣстѣ съ тѣмъ щадить существующее и пользоваться прошедшимъ. Мы не споримъ противъ того, что въ Московскомъ университетѣ прочныхъ преданій мало, что университетскіе порядки подвергались безпрерывнымъ измѣненіямъ, лишившимъ ихъ всякой твердости, что для осуществленія этихъ измѣненій нити добраго преданія рвались такъ же легко, какъ часто перестраивались университетскія зданія. Но что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что уже довольно было ломки, что пора остепениться и начать пользоваться какъ нравственными, такъ и денежными средствами университетовъ съ меньшею поспѣшностію, съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ существующему? Мы, съ своей стороны, не можемъ повѣрить, чтобы Московскій университетъ существовалъ совершенно даромъ; если, положимъ, онъ дошелъ до того, что авторитетъ сословія профессоровъ не отказываетъ должнаго благотворнаго дѣйствія на студентовъ, то всего ближе, кажется, воспользоваться тѣми элементами, которые обязаны своимъ существованіемъ Московскому же университету, и этими элементами подкрѣпить университетъ.

Лучшіе изъ окончившихъ курсъ оставляются теперь при университетѣ и получаютъ совершенно достаточную стипендію (400 р. с.). Это превосходное учрежденіе должно по времени принести большую пользу, и поддерживать это учрежденіе есть обязанность университетовъ. Нѣкоторые изъ стипендіатовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета уже оказывали полезную помощь студентамъ въ ихъ занятіяхъ древними языками и такимъ образомъ восполняли недостаточность ихъ приготовленія къ университету. Такое сближеніе лучшихъ кандидатовъ со студентами должно имѣть самыя добрыя послѣдствія. Это — начатки, несомнѣнно способные къ дальнѣйшему развитію. Отборные изъ этихъ лучшихъ кандидатовъ получаютъ потомъ пособіе для поѣздки за границу; эта мѣра, какъ показалъ опытъ, также черезвычайно полезна, и мы желали бы только, чтобы наши университетскіе путешественники не разъѣзжали за границей въ качествѣ туристовъ, а поступали подъ руководство къ извѣстнымъ ученымъ, по выбору

Русскаго правительства, какъ уже и было дѣлаемо графомъ Сперанскимъ.

Но, и кромѣ этихъ стипендіатовъ, сколько есть лицъ, получившихъ высшія ученыя степени, магистра и доктора, въ Московскомъ университетѣ и остающихся съ нимъ только въ идеальныхъ связяхъ? Эти лица, по большей части, заняты каждый своимъ дѣломъ, и не могутъ безвозмездно трудиться съ студентами, подобно стипендіатамъ. Но нѣкоторые изъ нихъ стали бы читать лекціи, еслибы приватъ-доцентство получило ходъ, что̀, конечно, не возможно безъ введенія профессорскаго гонорарія. Впрочемъ, и помимо этой реформы, требующей времени, мысль — тѣснѣе связать магистровъ и докторовъ съ университетомъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія. Во всякомъ случаѣ, полезно было бы обсудить вопросъ, нельзя ли сдѣлать ихъ членами университетской корпораціи и дать имъ нѣкоторое участіе въ управленіи университетомъ, напримѣръ въ выборѣ ректора, въ избраніи профессоровъ на такъ-называемыя пятилѣтія (по выслугѣ пенсіи), и даже въ повышеніи профессоровъ изъ экстраординарныхъ въ ординарные. Вступивъ въ число дѣйствительныхъ членовъ университета, эти люди могли бы возвысить авторитетъ университетской корпораціи въ глазахъ студентовъ.

Наконецъ, въ самой средѣ студентовъ есть много способовъ къ тому, чтобы дать больше хода лучшимъ элементамъ, теперь скрывающимся отчасти по скромности, отчасти изъ страха, отчасти изъ ложно-понимаемаго товарищества. Когда тонъ даютъ люди плохо-учащіеся и плохо-учившіеся, то трудно составить себѣ вѣрное понятіе объ истинныхъ свойствахъ большинства, и было бы неосмотрительно судить обо всѣхъ студентахъ по тому, что̀ всплываетъ наверхъ. Чтобы не касаться чувствительныхъ струнъ, приведемъ въ примѣръ оригинальный случай изъ исторіи Московскаго университета, бывшій шесть лѣтъ тому назадъ и уже почти забытый. Дѣло въ томъ, что къ юбилею Московскаго университета была, по обычаю, вычеканена медаль, разошедшаяся по всей Россіи и попавшая даже въ иностранные университеты. Еслибы судить по этой медали о Московскомъ университетѣ, то можно было бы придти къ заключенію, что Московскій университетъ, празднуя юбилей своего основанія, забылъ, кѣмъ онъ былъ основанъ и смѣшалъ И. И. Шувалова съ братомъ его, графомъ П. И. Шуваловымъ; можно было бы укорить Московскій университетъ и за̀ другія кое-какія подробности въ этой медали, напримѣръ за плохую латынь ея надписей. Такіе укоры, въ очень рѣзкой формѣ, дѣйствительно доходили до

насъ. Но не справедливѣе ли было заключить, именно вслѣдствіе несообразностей этой медали, что отвѣтственность за нее вовсе не можетъ быть возложена на Московскій университетъ, хотя она и раздавалась отъ его имени? То же самое можетъ быть примѣнено и къ сужденіямъ о студентахъ. Не все то есть дѣло всѣхъ студентовъ, что̀ дѣлается отъ ихъ имени. Не въ одномъ университетѣ случается, что безграмотные получаютъ шагъ впередъ передъ грамотными. Но университетъ долженъ заботиться о томъ, чтобы лучшіе студенты пользовались почетомъ между своими товарищами. Въ прежнія времена эта цѣль достигалась вліяніемъ попечителя. Графъ С. Г. Строгановъ лично зналъ всѣхъ лучшихъ студентовъ, постоянно слѣдилъ за ними, оказывалъ имъ вниманіе во время студенчества и поддержку по выходѣ ихъ изъ университета. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что такая внимательность попечителя сильно помогала университету. Но этотъ порядокъ былъ связанъ съ лицомъ попечителя, и слѣдовательно не могъ быть проченъ. Случайную полезную дѣятельность одного лица слѣдуетъ теперь замѣнить какими-нибудь общими мѣрами, и тутъ на первомъ планѣ представляется раздача стипендій. Московскій университетъ богаче стипендіями, чѣмъ другіе Русскіе университеты, но и въ Московскомъ университетѣ развѣ только съ текущаго года есть надежда довести число стипендій до такихъ размѣровъ, которые упрочатъ за стипендіями ихъ значеніе. Надобно имѣть въ виду, что такое учрежденіе, какъ университетъ, не можетъ обходиться безъ поддержки серіозныхъ занятій посредствомъ стипендій. Въ старыхъ университетахъ, стипендіи, выдаваемыя изъ капиталовъ, пожертвованныхъ въ разныя времена, служатъ какъ бы голосомъ прошедшаго, ободряющимъ занятія, признанныя вѣками, и защищающимъ эти занятія отъ измѣнчивыхъ требованій и увлеченій минуты. Прочное развитіе классическаго образованія было бы невозможно безъ этой охраны, безъ этой твердыни, воздвигнутой вѣками и неприкосновенной вслѣдствіе долга блюсти волю завѣщателей. Благодаря святости завѣщаній, старинные университеты находятся подъ вліяніемъ убѣжденій, побуждавшихъ разныя лица въ разныя времена къ принесенію пожертвованій. Молодые университеты не имѣютъ этой твердой опоры; но если государство, ихъ учреждающее, желаетъ имъ прочности, оно должно, хотя отчасти, замѣнить своими способами отсутствіе вѣковыхъ пожертвованій. Мы ограничимся указаніемъ на стипендіи и не будемъ говорить о другихъ средствахъ дать между студентами значеніе и вѣсъ молодымъ людямъ,

серіозно-занимающимся науками. Этихъ средствъ много; первое мѣсто между ними принадлежитъ, разумѣется, экзаменамъ, если они производятся справедливо. Мы не говоримъ объ этихъ средствахъ потому, что они зависятъ не отъ устава, а отъ исполнителей; но считаемъ нужнымъ сказать рѣшительно, что, при теперешнемъ состояніи нашихъ среднихъ училищъ, Русскіе университеты не могутъ брать примѣръ съ Нѣмецкихъ университетовъ и совершенно отмѣнять переводные экзамены. Задача состоитъ лишь въ искусномъ отысканіи мѣры, чтобъ экзаменовъ было не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Что̀ же касается до вступительнаго экзамена, то объ отмѣнѣ его не можетъ быть и рѣчи. Въ разныхъ формахъ онъ существуетъ вездѣ, не исключая и Германіи, хотя нѣкоторые и утверждаютъ у насъ, будто въ Германіи всякій можетъ вступать въ число студентовъ. У насъ въ Россіи и подавно не можетъ быть рѣчи объ отмѣнѣ вступительнаго экзамена, и споръ можетъ идти только о томъ, гдѣ лучше производить его — въ гимназіяхъ или въ университетѣ. Первое удобнѣе для университета и пріятнѣе для гимназій, но даетъ гимназіямъ слишкомъ большой перевѣсъ надъ частными учебными заведеніями, а потому либеральный взглядъ на частное обученіе побуждаетъ предпочесть второе.

И такъ, можетъ быть, скажутъ намъ читатели, вы хотите, чтобы студенты составляли корпорацію, а опытъ показываетъ, что студенческая корпорація мѣшаетъ занятіямъ наукой и ведетъ къ неурядицѣ. Мы отвѣтимъ: ничуть не бывало. Мы даже не понимаемъ теперешнихъ разговоровъ о корпораціи студентовъ и о томъ, что не слѣдуетъ *узаконивать* ее. Намъ неизвѣстно, чтобы гдѣ нибудь на свѣтѣ существовала *узаконенная* студенческая корпорація, но если гдѣ-нибудь было *узаконено* что-либо подобное, подъ именемъ ли Нѣмецкой *корпораціи* или подъ именемъ Славянскаго *міра*, либо Русской *сходки*, то нельзя не видѣть въ этомъ уклоненія. Узаконенная корпорація есть прежде всего юридическое лицо; но гдѣ видано, чтобъ общество студентовъ считалось юридическимъ лицомъ, имѣло, наримѣръ, право совершать купчія крѣпости, заключать кондракты у нотаріусовъ и т. п.? Этого нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ, хотя во многихъ университетахъ дозволяется студентамъ покупать книги для общаго употребленія, а равно дѣлать складчины для пособія товарищамъ, для устройства праздниковъ и для многихъ другихъ цѣлей, считаемыхъ безвредными. Было бы очень желательно, чтобъ объ этомъ вопросѣ высказались наши юристы. Они навѣрное принуждены были бы подвести студенче-

скую собственность подъ понятіе peculium и, конечно, не попали бы за это въ число Китайцевъ. Однакожь, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что между студентами не должно быть корпоративныхъ связей, что они не дожны быть членами университетской корпораціи. Изъ этого только слѣдуетъ, что не студенты, а весь университетъ долженъ быть *узаконенною корпораціей*.

Говоря о студенческой корпораціи, обыкновенно ссылаются на Нѣмецкіе университеты; но, какъ извѣстно, въ Нѣмецкихъ университетахъ нѣтъ студенческой корпораціи, а есть по нѣскольку такъ-называемыхъ корпорацій, не одобряемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, не признаваемыхъ закономъ и служащихъ лишь къ разъединенію студентовъ. Не можетъ быть ничего нелѣпѣе этихъ Landsmannschaften, обязанныхъ своимъ существованіемъ только тому обстоятельству, что, вслѣдствіе политическаго разъединенія Германіи, тамошнія правительства преслѣдуютъ такъ-называемую Burschenschaft, которая дѣйствительно принимаетъ тамъ политическій характеръ оппозиціи раздробленію Германіи на sechs und dreissig Vaterländer. Къ намъ вся эта исторія не имѣетъ никакого отношенія, а потому Русскіе университеты, за исключеніемъ Дерптскаго, никогда не увидятъ у себя этихъ корпорацій, служащихъ въ Германіи приготовительною школой для филистерства. Равнымъ образомъ нельзя упускать изъ вида, что нашему студенчеству, при всей грубости нѣкоторыхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ, совершенно чужды тѣ буйные нравы, которыми отличаются Нѣмецкіе студенты, участвующіе въ тамошнихъ корпораціяхъ.

Въ Русскихъ университетахъ студенты, взятые отдѣльно отъ университета, составляютъ не корпораціи, а товарищество. Послѣднее не избѣжно, хотя, какъ все человѣческое, и можетъ вести къ разнымъ уклоненіямъ. Скажемъ болѣе: товарищество и дружба, это—несомненно лучшія украшенія студенческой жизни, безъ которыхъ она много потеряла бы въ своемъ нравственномъ достоинствѣ. Но товарищество не должно превращаться въ деспотизмъ массъ, который въ сущности всегда бываетъ деспотизмомъ немногихъ и притомъ не лучшихъ. Товарищество тогда лишь хорошо и можетъ быть терпимо, когда не подавляетъ собой личной самостоятельности товарищей и не препятствуетъ студентамъ посвящать дорогое время правильному занятію наукой.

Сказавъ *наука*, мы произнесли послѣднѣе слово всякой университетской реформы. Корпорація есть только внѣшняя форма, ограждающая прочность университета. Духъ, который долженъ жить

въ этой корпораціи, есть духъ науки. Этотъ духъ долженъ соединять и профессоровъ, и студентовъ; этотъ духъ должны профессоры передавать студентамъ; безъ этого духа неизбѣжное студенческое товарищество не можетъ явиться въ своей правильной, естественной формѣ. Но самой собой разумѣется, что этотъ духъ науки можно встрѣтить только тамъ, гдѣ наука пользуется уваженіемъ. Равнымъ образомъ само сабой разумѣется, что гдѣ слабъ этотъ духъ науки, тамъ университетамъ трудно поправляться, и еще труднѣе поправлять ихъ со стороны. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы духъ науки былъ дѣйствительно силенъ въ Русскихъ университетахъ, еслибы была правда, какъ говоритъ г. Стасюлевичъ, что Русскіе университеты еще въ прошломъ году находились въ цвѣтущемъ состояніи, то мы теперь вовсе не имѣли бы повода разсуждать объ азбукѣ университетскаго устройства.

Для процвѣтанія университетовъ никакъ недостаточно, чтобъ они были открытыми заведеніями. Русскіе университеты въ этомъ отношеніи устроены на болѣе широкомъ основаніи, чѣмъ университеты заграничные. У насъ можно искать ученой степени, вовсе не бывъ студентомъ; можно быть вольнымъ слушателемъ университета, не вступая въ число студентовъ. Повторяемъ, въ этомъ отношеніи наши университеты стоятъ, если угодно, выше всѣхъ заграничныхъ университетовъ. Но они стоятъ ниже ихъ по силѣ духа науки. Успѣхъ Русскихъ университетовъ будетъ зависѣть отнюдь не отъ расширенія того, что уже и такъ широко, а отъ усиленія того, что въ нихъ слабо, то есть духа науки. Достигнуть этой цѣли трудно, но стремиться къ ней должно, не пугаясь трудностей и не падая духомъ, если успѣхъ будетъ идти медленно.

Ut corpora nostra, сказалъ еще Тацитъ, lente augescunt, cito exstinguuntur, sic ingenia studiaque oppresseris facilius quam revocaveris *).

III.

Неоспоримая истина, что реформы должны производиться не безъ смысла, а со смысломъ, не очертя голову, а съ знаніемъ дѣла,

*) «Какъ тѣло наше медленно растетъ, быстро разрушается, такъ и умственныя занятія легче подавить, чѣмъ воззвать къ жизни».

при тщательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ. Въ противномъ случаѣ, наша реформа будетъ либо ударомъ по воздуху, либо пагубой дѣлу. У насъ развелось теперь множество благодѣтелей человѣческаго рода, у которыхъ прогрессъ не сходитъ съ языка. Съ очаровательною наивностью разочтутъ они вамъ по пальцамъ; какъ устроить все на свѣтѣ наилучшимъ и наилегчайшимъ образомъ. За то этихъ милыхъ людей нельзя укорить въ неискренности; они дѣйствительно ни въ чемъ не видятъ трудности. И какъ имъ видѣть, когда зачастую они сами не знаютъ о чемъ говорятъ?

Теперь у насъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ университетовъ, и Русской публикѣ, вѣроятно, придется еще читать немало проектовъ, которые, въ видахъ улучшенія университетовъ, предложатъ просто на просто уничтожить ихъ.

Но если у насъ развелось множество преобразователей, которымъ все ни по чемъ, и которые, не давъ себѣ труда подумать ни минуты, приготовятъ вамъ проектъ самаго радикальнаго измѣненія по какой угодно части, то это печальное явленіе не должно развивать у насъ наклонность къ реакціи и отвлекать умы отъ дѣла серіозной реформы. Наши университеты ломать не слѣдуетъ; но не слѣдуетъ также забывать, что устройство ихъ требуетъ улучшенія, чтобы они не развалились сами собою, не дожидаясь уничтожающей руки благодѣтельныхъ прогрессистовъ.

Въ чемъ должны состоять дѣйствительныя измѣненія къ лучшему? Если не легко указать, въ чемъ спеціально должны они состоять, то самъ собою сказывается общій признакъ, который долженъ характеризовать добрую реформу. Она должна прежде всего удалить по возможности все, чтò препятствуетъ полному раскрытію основныхъ началъ университетскаго устройства, все, чѣмъ стѣсняется его назначеніе. Когда дѣлу положено основаніе, и въ положенномъ основаніи есть начатокъ жизни, то всѣ реформы должны клониться лишь къ тому, чтобы дать этому начатку возможность устроить свою организацію соотвѣтственно требованіямъ своей природы.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Современной Лѣтописи* говорили мы о корпоративной организаціи университетовъ. Эта организація заключается въ самомъ ихъ назначеніи. Или они въ самомъ дѣлѣ должны уничтожиться, или имѣть въ себѣ силу самостоятельной жизни. Нѣтъ надобности вносить въ нихъ корпоративное начало; оно въ нихъ есть, потому что безъ него нельзя было бы и задумать ихъ устройство, не только дать ему какое-нибудь осущест-

вленіе. Но до сихъ поръ корпоративное начало не дѣйствовало или дѣйствовало слишкомъ неудовлетворительно. Интересъ науки до сихъ поръ не имѣлъ значительной силы въ нашемъ обществѣ, и не могъ проявиться въ удовлетворительной организаціи нашихъ университетовъ. Наши университеты были относительно полезны, но самостоятельная жизнь ихъ была слаба, и къ сожалѣнію, не укрѣплялась съ теченіемъ времени, а еще болѣе слабѣла. Живой и дѣятельной связи между членами университета не было, и университетская корпорація была лишь отдаленнымъ, слабымъ и почти невразумительнымъ намекомъ на то, чѣмъ ей слѣдуетъ быть. Университетскій совѣтъ былъ болѣе формою, нежели серіознымъ дѣломъ; члены совѣта не сознавали ни правъ, ни обязанностей своихъ. Все, чтò касалось науки, преподаванія, университскаго устройства, совершалось помимо ихъ и падало имъ на голову; и когда представлялась надобность въ ихъ серіозномъ содѣйствіи, они весьма естественно оказывались не очень способными къ совокупной дѣятельности. Чувство общаго дѣла не одушевляло ихъ, и все распадалось на мелкіе интересы, на тѣсные кружки, все превращалось въ интриги. Каждый, дурно ли, хорошо ли, отправлялъ свое дѣло, съ разныхъ каѳедръ преподавались разныя науки, но духъ науки не жилъ самостоятельною жизнію въ университетской средѣ, и не связывалъ ея членовъ въ одно живое цѣлое. Всякій зналъ только себя, и мало интересовался дѣлами, имѣющими общее значеніе. Въ университетахъ нашихъ повторялось въ маломъ видѣ то, чтò происходило во всей нашей общественной жизни.

Университетъ можетъ стать удовлетворительнымъ органомъ своихъ педагогическихъ цѣлей только при томъ условіи, чтобъ его организація была устроена не для одного парада, а для жизни и дѣятельности. Необходимо, чтобъ онъ принималъ ближайшее и живѣйшее участіе въ своихъ дѣлахъ и судьбахъ. Подъ общимъ охранительнымъ закономъ, должна въ немъ развиваться самостоятельная жизнь, и совѣщанія его членовъ должны быть въ извѣстной степени органомъ самоуправленія, а не сборищемъ равнодушныхъ людей, кладущихъ свои шары, по случайному побужденію, направо или налѣво, или занятыхъ частными бесѣдами подъ шумокъ секретарскаго чтенія.

Вмѣстѣ съ самостоятельною жизнію, въ университетахъ должны естественно развиваться ихъ индивидуальныя особенности. Нѣтъ надобности, чтобъ университеты были безличными экземплярами одной и той же общей схемы. Каждый изъ нихъ можетъ и дол-

женъ имѣть свою физіономію, которая обозначится сама собою при условіи самостоятельной жизни университетской корпораціи. Чтò можетъ быть плодотворно и полезно въ одномъ университетѣ, благодаря его историческимъ и мѣстнымъ особенностямъ, то, при иныхъ условіяхъ, можетъ быть неудобно или даже вредно въ другомъ.

Если между членами совѣта, и вообще между преподавателями, не могъ успѣшно развиваться духъ живой корпораціи, связанной интересомъ науки и педагогическими цѣлями учрежденія, то равно и въ отношеніяхъ между старшими и младшими членами корпораціи, между преподавателями и слушателями, не оказывалось желаннаго духа. Есть въ этихъ отношеніяхъ что-то неправильное, есть какая-то чуждая примѣсь, препятствующая имъ установиться надлежащимъ образомъ.

Чтò это за примѣсь и откуда она?

Университеты у насъ служатъ не просто высшими учебными заведеніями, но и мѣстами, сообщающими молодымъ людямъ права на чинъ. Учебные годы университетскаго курса, слушаніе лекцій и экзамены, все это не ограничивается цѣлью образованія, но есть уже начало служебнаго поприща. Подвигаясь по курсамъ, студентъ не просто проходитъ степени университетской науки, но и пріобрѣтаетъ старшинство на чинъ, и выдержавъ послѣдній экзаменъ, онъ получаетъ въ руки ассигнацію губернскаго или коллежскаго секретарства, которую можетъ реализировать (если въ размѣнномъ банкѣ окажется наличная монета) на всякое мѣсто по различнымъ частямъ государственной службы, лишь бы только оно соотвѣтствовало номинальной цѣнности ассигнаціи.

И такъ наши университеты, вмѣстѣ съ собственнымъ своимъ назначеніемъ, соединяютъ еще характеръ служебнаго мѣста, въ которомъ выслуживаются чины. Чтò же? чѣмъ это худо? Значитъ, наши университеты не только исполняютъ свое дѣло, но и имѣютъ еще другое назначеніе; стало-быть, они вдвое полезны, и служебный элементъ, входя въ ихъ организацію, даетъ ей новую силу и обогащаетъ ее.

Но въ томъ-то и дѣло, что лишній и несвойственный учрежденію элементъ не увеличиваетъ, а уменьшаетъ его силу, не обогащаетъ его организацію, а ослабляетъ и портитъ ее.

Такъ, стало-быть, надобно отнять у университетовъ тѣ привилегіи, которыми они пользуются относительно государственной службы? Но будетъ ли это основательно, будетъ ли это соотвѣт-

ствовать существующимъ у насъ условіямъ? Будетъ ли справедливо лишать молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшему университетскому образованію, тѣхъ преимуществъ, на которыя наука, безъ сомнѣнія, имѣетъ полныя права? Неужели молодой человѣкъ, по окончаніи полнаго университетскаго курса, который беретъ у него четыре года жизни, долженъ на служебномъ поприщѣ очутиться позади своихъ сверстниковъ, которые поступили не въ университетъ, а записались въ юнкера или въ канцелярскіе служители? Правда, хорошее университетское образованіе не можетъ не служить рекомендаціей для всякаго общественнаго положенія; но, при существующихъ у насъ условіяхъ, одной этой рекомендаціи недостаточно. Во всякомъ случаѣ, необходима была бы коренная реформа въ системѣ нашихъ чиновъ и условіяхъ нашей общественной дѣятельности для того, чтобы, безъ нарушенія справедливости, было возможно отнять у нашихъ университетовъ служебныя преимущества, которыми пользуются молодые люди, кончающіе университетскій курсъ.

Все это основательно; но намъ кажется, что очищеніе университета отъ посторонней примѣси можетъ совершиться безъ нарушенія справедливости, и не требуя предварительныхъ многосложныхъ и трудныхъ преобразованій, какъ бы необходимы они ни были въ другомъ отношеніи. Дѣло можетъ обойдтись гораздо легче и проще, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда. А очищеніе университетовъ отъ посторонней, искажающей ихъ примѣси, есть дѣло настоятельное, не терпящее отлагательства.

Не лишайте университетскаго образованія тѣхъ служебныхъ преимуществъ, которыми оно до сихъ поръ пользовалось; но постарайтесь освободить эти преимущества отъ всего того, чтò сообщаетъ имъ несвойственный характеръ и вредитъ университетскому образованію. Пусть преимущества остаются; но пусть будетъ устраненъ характеръ монополіи, который до сихъ поръ составляетъ ихъ принадлежность. Пусть университетскій экзаменъ сообщаетъ, если нужно, извѣстныя служебныя права; но тѣмъ не менѣе университетскій экзаменъ долженъ возвратить свой чисто-педагогическій характеръ.

Какъ же это сдѣлать? Къ чему клонимъ мы нашу рѣчь?

Прежде посмотримъ, какъ идутъ дѣла при существующихъ теперь условіяхъ.

Вступая въ университетъ, молодой человѣкъ у насъ не имѣетъ, какъ въ Нѣмецкихъ университетахъ, свободнаго выбора, кого ему

слушать по той или другой наукѣ. У насъ нѣтъ свободнаго преподаванія и системы гонораріевъ. При скудости нашихъ ученыхъ средствъ, мы съ трудомъ можемъ замѣщать наши каѳедры даже и штатными профессорами, и студенты у насъ по необходимости становятся въ обязательныя отношенія къ преподавателю. Но этого мало: профессоръ для студента не есть просто профессоръ, руководитель въ наукѣ, помогающій ему своими лекціями, репетиціями и экзаменами, но и рѣшитель его участи, отъ котораго болѣе или менѣе зависитъ его будущее положеніе въ обществѣ и служебная карьера. Студентъ невольно пріучается видѣть въ профессорѣ своего притѣснителя. Чтобы не казаться притѣснителемъ, профессору остается какъ можно легче смотрѣть на свои педагогическія обязанности; читать по своему разумѣнію науку, не заботясь о томъ, приноситъ ли его чтеніе дѣйствительную пользу слушателямъ. Въ студентѣ, подходящемъ къ экзаминаціонному столу, сказывается совсѣмъ не то чувство, котораго требуетъ это важное педагогическое пособіе. Онъ забываетъ о пользѣ экзамена и видитъ въ немъ только практическую помѣху на своемъ пути. Это не педагогическая провѣрка его занятій, возбуждающая и поддерживающая его молодую дѣятельность; нѣтъ, въ глазахъ студента это испытаніе, которымъ рѣшается житейскій вопросъ, не имѣющій ничего общаго съ наукой и университетскимъ образованіемъ. Строгость экзамена, самая справедливость его, чувствуется студентомъ съ оттѣнкомъ чего-то непріязненнаго и злаго; не съ благодарностью, а съ досадой и озлобленіемъ, принимаетъ онъ заботливость педагога объ его образованіи, — заботливость, которая можетъ имѣть тѣмъ худшія житейскія послѣдствія для студента, чѣмъ она дѣятельнѣе и добросовѣстнѣе. «Сдѣлайте милость, думаетъ про себя молодой человѣкъ, стоя передъ профессоромъ экзаминаторомъ, оставьте ваши заботы о моемъ умственномъ образованіи, да только не придирайтесь ко мнѣ и не вредите моей карьерѣ». И точно, отъ одного балла, отъ какой-нибудь единицы, отъ *двойки*, поставленной вмѣсто *трехъ*, *трехъ* вмѣсто *четырехъ*, *четырехъ* вмѣсто *пяти*, зависитъ будущая карьера студента. Извольте же тутъ соблюсти строгую справедливость, особенно когда профессору приходится подвергать испытанію не одинъ десятокъ, можетъ быть не одну сотню слушателей одного за другимъ! Всякій недосмотръ, малѣйшая неточность въ назначеніи балла, весьма естественно усиливаетъ горечь въ предубѣжденномъ умѣ студента. Могутъ ли, при такихъ условіяхъ, отношенія между профессорами и студентами сохранять правильный

и добрый характеръ? Могутъ ли первые исполнять съ полнымъ раченіемъ, справедливостью и добросовѣстностью свои педагогическія обязанности, а послѣдніе плодотворно пользоваться пособіями университетскаго ученія? Могутъ ли наконецъ экзамены приносить хотя сотую долю той пользы, которую они могутъ и должны приносить?

Но что же дѣлать для устраненія этихъ печальныхъ неудобствъ? Ничего другаго, какъ учредить особые экзамены на государственную службу и оставить за кончающими университетскій курсъ только преимущество обходиться безъ этихъ особыхъ экзаменовъ. Молодой человѣкъ, прошедшій всѣ степени университетскаго ученія и подвергавшійся всѣмъ экзаменамъ при переходахъ и при выпускѣ, не нуждается въ особомъ испытаніи на государственную службу, для того, чтобы поступить въ нее съ извѣстными правами. Но какъ скоро будетъ существовать особыя экзаменаціонныя коммиссіи на государственную службу, то университеты сами собою перестанутъ быть несвойственною замѣной такихъ коммиссій; они будутъ только освобождать своихъ воспитанниковъ отъ необходимости подвергаться этимъ особымъ испытаніямъ. Вступая въ университетъ, молодой человѣкъ будетъ видѣть въ лекціяхъ и въ экзаменахъ только полезное пособіе для своего образованія и для пріобрѣтенія тѣхъ практическихъ выгодъ, которыя соединяются съ универверситетскимъ образованіемъ. Профессоръ не будетъ для него придирчивымъ притѣснителемъ и станетъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть — руководителемъ въ наукѣ.

Для того, чтобы получить извѣстныя права на государственную службу, не будетъ непремѣнной надобности подчиняться педагогическимъ условіямъ университетскаго курса. Всякій будетъ знать, что и безъ поступленія въ университетъ можно достигнуть тѣхъ же житейскихъ результатовъ. Студентъ или слушатель, не выдержавшій охончательнаго экзамена въ университетѣ или вовсе не желающій подвергаться ему, будетъ знать, что есть еще и другой путь къ той же цѣли. Въ случаѣ, если онъ не довѣряетъ тому или другому профессору или почему-нибудь не хочетъ подвергаться его суду, отъ котораго можетъ зависѣть его будущность, у него будетъ возможность подвергнуться испытанію на государственную службу помимо университета.

Но легко сказать: учредите экзаменаціонныя коммиссіи. Экзаменъ на государственную службу долженъ соотвѣтствовать окончательному университетскому экзамену: гдѣ же найдти экзаменато-

ровъ для такихъ коммиссій, — не говоримъ въ губернскихъ городахъ,—даже въ столицахъ? Какъ найдти экзаменаторовъ по всѣмъ университетскимъ наукамъ, когда съ такимъ трудомъ замѣщаются у насъ университетскія каѳедры?

Мы думаемъ, что учрежденіе коммиссій съ вышесказанною цѣлію не такое трудное дѣло, какъ кажется съ перваго взгляда. Мы думаемъ даже, что нѣтъ невозможности устроить подобныя коммиссіи, не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ, еслибъ это потребовалось, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ нашего общественнаго образованія.

Экзаменаторовъ, которые соотвѣтствовали бы университетскимъ преподавателямъ по своему учебному образованію, дѣйствительно было бы трудно набрать для такихъ коммиссій Но этого и не требуется. Нужны не испытатели въ разныхъ наукахъ, а три, четыре человѣка, которые могутъ даже вовсе не быть посвящены въ таинства университетскихъ наукъ, во всякомъ случаѣ могутъ не отличаться особыми учеными достоинствами, — три, четыре человѣка, способные добросовѣстно и отчетливо исполнить данное имъ предписаніе. Экзаменъ на государственную службу въ подобныхъ коммиссіяхъ долженъ быть письменный, по общей обнародованной программѣ для каждаго предмета. Вся обязанность членовъ коммиссіи должна состоять только въ соблюденіи, чтобы письменные отвѣты на выпавшіе по жребію вопросы были писаны самимъ испытуемымъ безъ всякой посторонней помощи и безъ подлога. Это не экзаминаторы въ собственномъ смыслѣ, а присяжные, которые не оцѣниваютъ отвѣтовъ, а только препровождаютъ ихъ куда слѣдуетъ, съ ручательствомъ за ихъ подлинность. Оцѣнка же отвѣтовъ можетъ принадлежать или университетскимъ совѣтамъ, или центральной коммиссіи, членами которой могутъ быть отчасти и профессоры, но уже не въ качествѣ профессоровъ, а съ особымъ служебнымъ назначеніемъ. Экзаменаціонныя коммиссіи должны быть постоянно открыты, и экзамены на государственную службу должны производиться во всякое время, чтобъ единовременное стеченіе множества лицъ не могло затруднить коммиссію въ добросовѣстномъ отправленіи ея присяжной обязанности.

Письменный экзаменъ несравненно вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ изустный. Онъ труднѣе, но надежнѣе, и вполнѣ обезпечиваетъ обѣ стороны. Онъ не зависитъ отъ тѣхъ случайностей, которыя неизбѣжны при изустномъ испытаніи, — ни отъ припадка робости, ни отъ недостатка дара слова у испытуемаго, ни отъ ми-

молетнаго настроенія экзаменатора. Чтò написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и экза́менаторъ, при оцѣнкѣ письменнаго отвѣта, совершенно огражденъ отъ нареканія въ излишней строгости или лицепріятіи. Письменный способъ предпочтительнѣе передъ изустнымъ и для университетскихъ экзаменовъ.

Конечно, все сказанное объ особыхъ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ не можетъ быть относимо къ испытаніямъ на званіе лекаря, а также учителя. Медицинская и педагогическая части не совсѣмъ подходятъ подъ характеръ общей государственной службы и должны быть организованы особымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣли цѣлію не столько проектировать порядокъ экзаменовъ на государственную службу, сколько заявить необходимость освобожденія нашихъ университетовъ отъ несвойственнаго имъ назначенія испытывать молодыхъ людей для государственной службы. Государственная служба должна имѣть для этого особые органы, и только при этомъ условіи могутъ установиться благонадежныя отношенія между преподавателями и слушателями, а университетское ученіе, очистившись отъ чуждой примѣси, можетъ несравненно лучше и успѣшнѣе удовлетворять своей цѣли. Университеты останутся самымъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ для образованія молодыхъ людей, готовящихъ себя на службу обществу, и они добровольно будутъ подчиняться дисциплинѣ университетскаго ученія, съ яснымъ сознаніемъ ея пользы для себя, когда съ этимъ ученіемъ не будетъ соединяться характера монополіи, и когда не будутъ видѣть въ немъ единственнаго пути къ пріобрѣтенію извѣстныхъ правъ, гражданскихъ и служебныхъ.

IV.

Нѣтъ ничего легче, какъ реформировать на бумагѣ; нѣтъ ничего труднѣе, какъ реформировать на дѣлѣ, разумѣется реформировать, а не ломать. Въ Петербургскихъ изданіяхъ все еще продолжаетъ высказываться тотъ взглядъ на университетскую реформу, что она должна состоять въ уничтоженіи студенчества. Бóльшая часть статей посвящена изложенію этого взгляда; имъ увлекаются и люди, пишущіе спокойно, съ общей педагогической точки зрѣнія, и люди, которые вдохновляются какимъ-то особеннымъ восторженнымъ воспоминаніемъ о недавнемъ, будто бы еще вчера

всѣми видѣнномъ процвѣтаніи Петербургскаго университета. Мы были бы очень счастливы, еслибы могли вкусить этотъ восторгъ; но, къ сожалѣнію, глядя со стороны, не можемъ отдѣлаться отъ разныхъ вопросовъ, довольно суровыхъ. Мы спрашиваемъ себя: какъ же это такъ случилось, что студенчество, еще вчера не мѣшавшее Петербургскому университету благоденствовать и процвѣтать, оказывается сегодня несовмѣстнымъ не только съ процвѣтаніемъ и благоденствіемъ, но просто съ существованіемъ Русскихъ университетовъ, а слѣдовательно и Петербургскаго? Если существованіе студенчества такъ вредно, то невѣроятно, чтобы Петербургскій университетъ процвѣталъ, несмотря на то, что еще вчера имѣлъ этотъ вредный элементъ въ своемъ устройствѣ. Если же Петербургскій университетъ дѣйствительно процвѣталъ, несмотря на существованіе въ немъ студентовъ, то, значитъ, не студенчество, а что-нибудь другое подлежитъ теперь устраненію. Какъ же объяснить себѣ всѣ эти упорные толчки объ уничтоженіи студенчества, толки настолько упорные, что напримѣръ человѣкъ, несомнѣнно дорожащій своею репутаціей, г. Костомаровъ, прибѣгаетъ къ самымъ компрометирующимъ доказательствамъ, лишь бы отстоять новую педагогическую теорію, которой онъ никогда прежде не высказывалъ и которая полюбилась ему на этихъ дняхъ? Г. Костомарову было доказано, что, отрицая студенчество, онъ отрицаетъ юность — возрастъ, признаваемый всѣми людьми, и, разумѣется, всѣми педагогами. Чтобъ отдѣляться отъ этого непріятнаго возраженія, г. Костомаровъ прибѣгаетъ теперь къ сравненію. Въ статьѣ, напечатанной въ № 258 *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей*, онъ сравниваетъ юность съ весной и серіозно увѣряетъ публику, что подобно тому, какъ весна не есть особое время года, такъ и юность не есть особый возрастъ человѣческой жизни. Весна, видите ли, есть только переходъ отъ зимы къ лѣту; это математическая точка, величина неизмѣримая. Зима кончается и начиняется лѣто; весны, собственно говоря, нѣтъ; въ сущности есть только зима и лѣто. Люди жестоко ошибаются, когда считаютъ весну особымъ временемъ года. Точно такъ же непозволительно ститать юность особымъ возрастомъ. Вопросу о реформѣ Русскихъ университетовъ суждено, какъ видно, произвести совершенный переворотъ не въ одной педагогикѣ и дидактикѣ, но и въ наукахъ естественныхъ. Впрочемъ, дѣло на этомъ не останавливается. Г. Костомаровъ, увлекаясь своею любимою мыслію, идетъ еще далѣе. Онъ задаетъ своимъ читателямъ слѣдующую головоломную загадку, облекая ее въ

новомодную форму притчи: были три товарища; всѣ вмѣстѣ учились въ гимназіи и кончили курсъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ въ военную службу, сдѣлался офицеромъ и командуетъ своими солдатами. Другой женился, прижилъ дѣтей и командуетъ своими дѣтьми. Третій вступилъ въ университетъ, сдѣлался студентомъ и никѣмъ ни командуетъ, а напротивъ самъ состоитъ подъ командой университетскихъ правилъ. Откуда же ему, спрашиваетъ авторъ притчи, напасть сія? Неужели за то, что онъ посвятилъ себя наукѣ? Мы, признаемся, сконфужены за читателей г. Костомарова. Фонъ-Визинъ былъ лучшаго мнѣнія о своей публикѣ. *Не хочу учиться, хочу жениться* — эта знаменитая фраза сказана не въ видѣ загадки, и сказана въ комедіи, а не въ притчѣ. И къ чему тутъ гимназическій курсъ? Милліоны людей женятся, сотни идутъ въ юнкера, не только не окончивъ гимназическаго курса, но и вовсе не побывавъ въ гимназіи. Благомыслящіе люди жалѣютъ о тѣхъ, кто слишкомъ рано начинаетъ наслаждаться свободой отъ воспитанія, и одобряютъ, напримѣръ, тѣхъ прапорщиковъ, которые, оставляя свои команды, идутъ въ военную академію, а вѣдь и г. Костомаровъ не будетъ оспаривать, что военная академія есть также школа, хотя на скамьяхъ ея сидятъ офицеры, и что въ военной академіи также есть своя дисциплина и свои экзамены. Неужели мы до того дожили, что можно прибѣгать къ такимъ доводамъ противъ пользы университетскаго воспитанія, не подвергая опасности свою репутацію? Если г. Костомаровъ такъ безцеремонно обращается со всею Русскою публикой, то чего же нельзя ожидать отъ какого-нибудь безтактнаго профессора въ будущемъ Петербургскомъ учено-образовательномъ заведеніи? Чѣмъ же онъ не позволитъ себѣ рисоваться передъ аудиторіей, которой двери хотя и отворены настежъ, но которая все-таки, по общему согласію, будетъ состоять преимущественно изъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ, еще только жаждущихъ просвѣщенія?

Не во гнѣвъ будь сказано нашимъ передовымъ людямъ, — мы ничуть не боимся торжественно причислить себя къ тѣмъ отсталымъ людямъ, которые полагаютъ, что весну нельзя вычеркнуть изъ числа временъ года, а юность — изъ числа возрастовъ человѣческой жизни. Мы полагаемъ также, что банкротство не есть состоятельность, и что для прикрытія своего банкротства никакъ нельзя принудить людей, чтобъ они называли состоятельныхъ банкротами и наоборотъ. Это возможно развѣ только на островахъ Полинезіи, гдѣ господствуетъ извѣстный обычай *табу*, а мы полагаемъ, не-

смотря на теперешнее состояніе Петербургской журналистики, что живемъ все-таки въ Европѣ. Университетъ, по нашему мнѣнію, или долженъ прекратить своё существованіе, или долженъ остаться университетомъ, съ профессорами и студентами. Не намъ въ Россіи, и не въ теперешнее время, сочинять новыя высшія учебныя или ученые заведенія, когда и существующія-то у насъ заведенія чуть не разваливаются.

О причинахъ критическаго положенія Русскихъ университетовъ мы не хотимъ говорить, потому что намъ уже крайне надоѣло говорить намеками. Пусть лучше слова наши потеряютъ нѣкоторую долю своей убѣдительности, лишь бы они не подали повода къ лжетолкованіямъ. На этомъ основаніи, мы не будетъ возражать противъ существеннаго, по нашему мнѣнію, основанія Петербургской теоріи новаго университетскаго устройства, а взглянемъ лишь на ея выводы. Мы находимъ ихъ преимущественно въ статьѣ, помѣщенной въ № 252 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, за подписью: *Педагогъ.* Уничтоженіе студенческаго званія, уничтоженіе вступительнаго экзамена и переходныхъ экзаменовъ — вотъ отрицательная сторона этихъ выводовъ. Серіозный выпускной экзаменъ — вотъ все, что̀ оставляется отъ прежняго университетскаго устройства по отношенію къ университетскому юношеству. Прочитавъ внимательно эту статью, мы считаемъ долгомъ сказать ея автору, что еслибъ онъ описывалъ въ своей статьѣ какой-нибудь существующій университетъ, то мы еще бы, пожалуй, согласились съ нимъ, что этотъ университетъ соотвѣтствуетъ своей цѣли. Но бѣда въ томъ, что онъ не описываетъ существующаго, а проектируетъ новое и притомъ для Россіи. Тутъ мы съ нимъ совершенно расходимся. Мы знаемъ Русскихъ студентовъ изъ жизни, а не по теоріи. Оставлять ихъ безъ всякой поддержки и подвергать ихъ потомъ строгому выпускному экзамену, это вовсе не означаетъ доброжелательства къ нимъ, это просто значитъ — ставить имъ ловушку. Студенты пострадаютъ отъ того и будутъ осыпать васъ потомъ проклятіями, а дѣло порядка нисколько не выиграетъ, потому что, какъ показалъ опытъ, вольные слушатели, свободные отъ экзаменовъ, вовсе не бываютъ свободны отъ ошибочныхъ взглядовъ на свои права и обязанности. Назвавъ студентовъ вольными слушателями, вы только лишите ихъ поддержки, вы лишите ихъ права на переходные экзамены — потому что это есть право, по мнѣнію самихъ студентовъ; вы лишите ихъ права на стипендіи, очень важнаго, безъ котораго университетъ ужь никакъ не можетъ благоденствовать; вы ли-

шите ихъ наконецъ многихъ гражданскихъ правъ, имѣющихъ большое значенiе для податныхъ состоянiй. Но вы не уничтожите даже такъ-называемыхъ курсовъ, по крайней мѣрѣ на многолюднѣйшемъ изъ факультетовъ,—медицинскомъ, гдѣ раздѣленiе на курсы составляетъ неизбѣжное условiе преподаванiя. Кромѣ того, вы жестоко ошибетесь въ вашихъ ожиданiяхъ относительно серьезности экзаменовъ. Сила обстоятельствъ возьметъ свое: чѣмъ меньше будутъ студенты заниматься, чѣмъ легче они будутъ смотрѣть на посѣщенiе лекцiй, тѣмъ болѣе будутъ падать экзамены. Г. Костомаровъ говоритъ, правда, что онъ, въ своихъ лекцiяхъ, имѣлъ въ виду не аудиторiю, а лишь одну науку. Но это, конечно, исключенiе: обыкновенные профессора не избѣгаютъ влiянiя аудиторiи: они принаравливаются къ ней. Точно также и обыкновенные экзаминаторы соображаютъ свои требованiя съ познанiями экзаменующихся. Едва ли какой-нибудь экзаменаторъ рѣшится забраковать всѣхъ экзаменующихся; передъ такимъ шагомъ невольно остановится даже человѣкъ, совершенно свободный отъ слабости популярничанья. Такъ бываетъ вездѣ, и тѣмъ болѣе такъ должно быть въ Россiи, гдѣ экзаменъ даетъ разныя права, служебныя и гражданскiя.

Мы не отрицаемъ, что въ университетскихъ выпускныхъ экзаменахъ могутъ быть сдѣланы важныя улучшенiя, основанныя на практикѣ. Указанiемъ должны служить притомъ магистерскiе и докторскiе экзамены, которые производятся, вообще говоря, удовлетворительно. Выпускной экзаменъ можетъ пользоваться этимъ прекраснымъ примѣромъ. Всего важнѣе въ этомъ отношенiи, чтобы выпускной экзаменъ производился въ продолженiе цѣлаго года. Но въ этомъ и подобныхъ улучшенiяхъ еще не заключается панацеи. Надобно, чтобы большинство являющихся къ выпускному экзамену было способно выдержать его, какъ слѣдуетъ, а именно этого-то и не будетъ при совершенной отмѣнѣ вступительныхъ и переходныхъ экзаменовъ.

Единственно разумное преобразованiе университетскихъ экзаменовъ состоитъ въ томъ, чтобъ они по возможности приняли педагогическiй характеръ, то есть, чтобъ университетскiй экзаминаторъ, какъ мы уже говорили на прошлой недѣлѣ, перестал быть привилегированнымъ раздавателемъ гражданскихъ и служебныхъ правъ. Ничто такъ не вредитъ пользѣ экзаменовъ и вообще отношенiю профессора къ слушателямъ, какъ эта примѣсь. На этотъ пунктъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманiе составителямъ проектовъ

преобразованія нашихъ универтитетовъ. Это пунктъ капитальный; обходя его, вы не достигнете серьезнаго улучшенія въ Русскихъ университетахъ; въ немъ ключъ къ желаемой вами серьезности выпускныхъ экзаменовъ. Но само собой разумѣется, что, какъ всякій капитальный пунктъ, онъ представляетъ много трудностей.

Какое вліяніе имѣютъ разныя права и преимущества, чуждыя дѣлу науки, на ослабленіе серьезности испытаній, можно видѣть на примѣрѣ, находящемся у всѣхъ передъ глазами. Магистерскіе и докторскіе экзамены производятся у насъ довольно серьезно, — но почему? Не потому ли, что лица, которыя держатъ эти экзамены, менѣе зависятъ отъ экзамена, чѣмъ студенты? Магистерскіе и докторскіе экзамены даютъ, правда, право на чинъ, но этихъ чиновъ легче достигнуть на службѣ, чѣмъ по экзамену. Отказывая въ высшей ученой степени, экзаминаторы не портятъ карьеры экзаменующагося, не разрушаютъ его будущности, не лишаютъ его никакихъ житейскихъ благъ. Важность этого обстоятельства будетъ еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на репутацію, которою пользуется высшая ученая степень доктора въ разныхъ факультетахъ. Безспорно, что степень доктора медицины цѣнится ниже, чѣмъ степень доктора по другимъ факультетамъ. Сдѣлаться докторомъ по медицинскому факультету вдесятеро легче, чѣмъ по остальнымъ тремъ факультетамъ. Это всѣмъ извѣстно, — но отчего это такъ? Не оттого ли, что степень доктора медицины имѣетъ гораздо большее житейское значеніе, и что отказывать въ этой степени значитъ вредить житейской карьерѣ экзаменующагося? Повидимому, тутъ можно бы усугубить требованія. Лекарю есть очень много побужденій заботиться о полученіи степени доктора медицины. Онъ, кажется, долженъ употребить всѣ усилія, чтобъ удовлетворить даже самымъ строгимъ требованіямъ. Отъ этого зависитъ его служба, его репутація, его матеріальное благосостояніе. А на дѣлѣ выходитъ наоборотъ, и не экзаменующійся соображается съ требованіями экзаминаторовъ, а экзаменаторы послабляютъ свои требованія. Не ясно ли изъ этого примѣра, что значеніе университетскихъ аттестатовъ вообще возвысилось бы, еслибъ они перестали служить обычными средствами для достиженія разныхъ житейскихъ цѣлей и разныхъ правъ, гражданскихъ и служебныхъ?

Экзаменъ на степень доктора медицины даетъ поводъ еще къ другому замѣчанію, очень важному для оцѣнки проекта, изложенному въ статьѣ *Педагога*. По свидѣтельству самихъ медиковъ, этотъ экзаменъ сдѣлался значительно слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ было

дозволено студентамъ держать его, не имѣя еще званія лекаря. Прежде была постепенность: надобно было сначала сдѣлаться лекаремъ и послѣ того, не прежде, какъ черезъ годъ, можно было искать степени доктора медицины. Но потомъ эта постепенность экзаменовъ была отмѣнена, и тотчасъ же докторскій экзаменъ, сравнительно съ прежнимъ, упалъ въ своемъ значеніи. Точно того же надобно ожидать и для выпускнаго экзамена, еслибы послѣдовала совершенная отмѣна переходныхъ экзаменовъ.

Повторимъ то, съ чего начали: легко реформировать, сидя въ кабинетѣ; трудно приспособлять реформу къ живому матеріалу, подлежащему ей. Всего безопаснѣе, кажется намъ, воздерживаться по возможности отъ общихъ мѣръ, касающихся всѣхъ Русскихъ университетовъ, а исправлять существующіе недостатки въ каждомъ изъ университетовъ отдѣльно, основываясь на короткомъ знакомствѣ съ этими недостатками. На этомъ пути всего скорѣе можно достигнуть цѣли. Русскіе университеты не похожи одинъ на другой, не смотря на одинаковость устава. Еслибы всѣ университеты послѣдовали прекрасному примѣру Кіевскаго университета и стали издавать *Университетскія Извѣстія*, предавая гласности свои внутреннія дѣла, то мы узнали бы очень много новаго даже для людей, издавна интересующихся университетами.

V.

Каждый университетъ имѣлъ свою исторію, свои жизненные опыты, каждый окруженъ средой, исторически сложившеюся и имѣющею на него вліяніе. Всѣмъ этимъ надобно дорожить, потому что все это — элементы жизни, съ устраненіемъ которыхъ устраняется самая жизнь, и передъ вами остается уже не дѣйствительный университетъ, а только уставъ его, то есть не болѣе какъ литературное произведеніе. Въ послѣднее время мы видѣли немало такихъ литературныхъ произведеній, передъ которыми исчезали плоды многолѣтнихъ трудовъ. Приведемъ одинъ изъ самыхъ невинныхъ, самыхъ повидимому миніатюрныхъ примѣровъ. Читатели вѣроятно знаютъ, что Ксенофонтъ, одинъ изъ учениковъ Сократа, написалъ воспоминанія о своемъ учителѣ, такъ-называемыя Memorabilia. Эта книга читается всѣми учащимися по-Гречески, и ее читаютъ обыкновенно за границей — въ гимназіяхъ, а у насъ — въ

университетѣ. Теперь эту книгу, принадлежащую къ легчайшимъ произведеніямъ Греческой словесности, читаютъ въ Московскомъ университетѣ на второмъ курсѣ, тогда какъ недавно еще читали ее на первомъ курсѣ. Отчего это? Читатели отвѣтятъ можетъ быть: «да, конечно, оттого, что теперь лишь въ немногихъ гимназіяхъ учатъ по-Гречески». «Мы помнимъ, скажутъ они, что одинъ изъ многихъ министровъ народнаго просвѣщенія, управлявшихъ этою частію послѣ графа Уварова, князь Ширинскій-Шихматовъ, обнародовалъ однажды, что изъ своего путешествія по Россіи вынесъ убѣжденіе въ безполезности Греческаго языка для Русскаго юношества, вслѣдствіе чего Греческому языку было дозволено учить лишь въ Остзейскихъ гимназіяхъ, гдѣ онъ полезенъ, а въ Русскихъ гимназіяхъ преподаваніе его было отмѣнено, за исключеніемъ одной гимназіи въ каждомъ изъ учебныхъ округовъ». Все это правда, отвѣтимъ мы на такую догадку, но догадка все-таки не основательна: двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Греческій языкъ тоже преподавался не во всѣхъ гимназіяхъ, а Memorabilia все-таки читались не на второмъ, а на первомъ курсѣ; къ тому же мѣра, лишившая гимназистовъ возможности учиться по-Гречески, принята двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а Memorabilia перешли съ перваго курса на второй только въ 1860 году. Эта перемѣна произошла вслѣдствіе того, что введены общія для всѣхъ университетовъ правила вступительнаго экзамена. До тѣхъ поръ Московскій университетъ требовалъ нѣкоторыхъ, хотя и не большихъ знаній изъ Греческаго языка отъ всѣхъ вступающихъ на филологическій факультетъ, и потому профессоръ Греческаго языка не былъ принужденъ начинать съ азбуки. Въ другихъ университетахъ было иначе: въ Казани, напримѣръ, никогда не было возможности экзаменовать вступающихъ изъ Греческаго языка, а потому тамъ всегда преподаваніе на первомъ курсѣ начиналось съ азбуки. Но въ Москвѣ поступавшіе на филологическій факультетъ приготовлялись изъ Греческаго языка своими средствами, и ропота на это не было; на филологическій факультетъ шло даже больше молодыхъ людей, чѣмъ теперь. Какой же былъ интересъ, какое было побужденіе отмѣнять этотъ порядокъ, самъ собой существовавшій и не вызывавшій жалобъ? Никакого другаго интереса и никакого другаго побужденія не было, кромѣ такъ называемаго *единообразженія*.

Мы уже сказали, что хотимъ привести самый, повидимому, миніатюрный примѣръ того, какъ мы жертвовали иногда полезными плодами многолѣтняго труда единству литературныхъ произведеній.

Но въ сущности это вовсе не миніатюрная вещь; отъ нея зависитъ знакомство Русскаго общества съ тѣмъ, что̀ въ цивилизованныхъ странахъ признается основаніемъ высшаго образованія. Эта маленькая симметрія правилъ о вступительномъ экзаменѣ куплена дорогою цѣной успѣховъ классическаго образованія въ Россіи. Мы не станемъ приводить другихъ примѣровъ подобной ломки, хотя могли бы привести ихъ довольно много. Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Уставъ каждаго учрѐжденія долженъ имѣть единство главной мысли, и мысль эта должна быть проведена въ немъ последовательно. Что же было бы, еслибы напримѣръ нѣсколько человѣкъ изъ разныхъ университетовъ собрались вмѣстѣ для составленія одного общаго устава? Каждый изъ нихъ принесъ бы взгляды и мысли или свои или своего университета. Чтобы придти къ соглашенію, имъ надобно было бы пойдти на взаимныя уступки, на такъ-называемые компромиссы, и уставъ, который былъ бы результатомъ подобныхъ сдѣлокъ, не удовлетворялъ бы никого изъ нихъ, не соотвѣтствовалъ бы вполнѣ потребностямъ ни одного изъ университетовъ.

Мы горячо спорили съ г. Костомаровымъ и отстаивали отъ его теоріи Русскіе университеты. Насъ побудило къ тому именно то обстоятельство, что онъ счелъ нужнымъ говорить не объ одномъ Петербургскомъ университетѣ, а обо всѣхъ Русскихъ университетахъ, навязывая имъ свой скороспѣлый вглядъ. Но въ одной изъ послѣднихъ его статей (*С. Петербургскія Вѣдомости* № 261) мы встрѣтили мысль, высказанную имъ спеціально о Петербургскомъ университетѣ, — мысль, по нашему мнѣнію, очень важную вообще и очень полезную именно теперь для возсозданія этого университета. Мы разумѣемъ то указаніе г. Костомарова, что Петербургскій университетъ слѣдовало бы соединить съ академіей наукъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ обѣщаннаго авторомъ дальнѣйшаго развитія этой мысли. На этотъ разъ замѣтимъ только, что соединеніе академіи наукъ съ университетомъ внесло бы въ университетское преподаваніе свѣжіе и притомъ истинно-научные элементы, которыхъ дѣйствіе на юношество не могло бы не быть благотворно. Если мы не ошибаемся, то многіе почтенные академики уже давно тяготятся тѣмъ разобщеніемъ съ Русскою наукой, которое не совсѣмъ справедливо ставится имъ въ укоръ. Многіе изъ нихъ навѣрное не потяготятся преподавать свой предметъ на томъ языкѣ, который имъ сподрученъ, а изъ числа Петербургскихъ студентовъ всегда найдутся слушатели, которые будутъ въ состояніи слѣдить за лекціей

читаемой на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ. Филологическій и математическій факультеты получили бы тогда такую обстановку, о которой нельзя и мечтать при отдѣльномъ существованіи университета. Юридическому факультету, правда, не будетъ подмоги и отъ академіи наукъ, но не лучше ли Петербургскому университету обойдтись на время вовсе безъ юридическаго факультета, чѣмъ замѣщать вакантныя каѳедры людьми лишь вполовину способными? Петербургъ имѣетъ и кромѣ университета хорошія средства для юридическаго образованія въ училищѣ правовѣдѣнія и Александровскомъ лицеѣ. При сліяніи академіи наукъ съ университетомъ, юридическій факультетъ, какъ бы онъ ни былъ хорошо обстановленъ, все-таки не выдержалъ бы сравненія съ остальными двумя факультетами, и профессора его не могли бы пользоваться должнымъ авторитетомъ въ глазахъ своихъ слушателей. Петербургскій университетъ навѣрное немного потерялъ бы отъ отсутствія юридическаго факультета. Филологическій и математическій факультеты его заняли бы первенствующее мѣсто въ Россіи и сдѣлались бы истинными разсадниками Русскихъ ученыхъ. Само собой, впрочемъ, разумѣется, что академія наукъ, соединившись съ университетомъ лишь для преподаванія и экзаменовъ, должна была бы сохранить, въ интересѣ самаго дѣла, свое корпоративное устройство, ограждающее личный составъ ея и дающее ея членамъ высокое положеніе въ ученомъ обществѣ.

VI.

Когда консерватизмъ становится врагомъ всякаго нововведенія, когда онъ не только охраняетъ старое въ его живыхъ интересахъ, но и настойчиво требуетъ, чтобы наряду со старымъ не было ничего новаго, тогда онъ столь же разрушителенъ для свободы и жизни, сколько разрушителенъ радикализмъ, не щадящій ничего стараго ради увлеченія новизною. И то и другое направленіе равно вредно для истиннаго прогреса: нельзя закрывать глаза на новыя потребности жизни и на недостатки, обнаруживающіеся въ существующемъ; нельзя не признавать и за существующимъ права продолжать свое существованіе, если оно не оказалось еще безспорно несостоятельнымъ. Всего легче задача законодателя, когда онъ можетъ давать мѣсто новому, не разрушая стараго, и намъ кажется,

что въ такомъ благопріятномъ положеніи находится законодательство по вопросу о преобразованіи нашихъ университетовъ. Наши читатели замѣтили, что мы избѣгали говорить о реформѣ университетовъ въ смыслѣ кореннаго измѣненія существующихъ теперь университетскихъ уставовъ. Мы оспаривали проекты преобразованія, касавшіеся главныхъ основаній нашего университетскаго устройства. До насъ доходятъ даже укоры, что мы только оспаривали чужія предположенія, а съ своей стороны не предлагали ничего такого, что могло бы пособить обнаружившимся затрудненіямъ. Но эти укоры не кажутся намъ справедливыми. Улучшеніе учрежденій, подобныхъ университетамъ, зависитъ не отъ уставовъ, а отъ духа, въ нихъ живущаго, и мы на это постоянно указывали. Университетскій духъ есть духъ науки, говорили мы, и прибавляли словами Тацита, что его легче подавить, чѣмъ воззвать къ жизни. Тѣмъ не менѣе мы не отрицали, что возможны мѣры, содѣйствующія улучшенію университетскаго духа, и даже упоминали объ этихъ мѣрахъ. Намъ кажутся чрезвычайно странными Петербургскіе толки о радикальномъ преобразованіи устройства Русскихъ университетовъ, но мы полагаемъ, что нѣкоторыя новыя установленія, относящіяся не къ отмѣнѣ существующаго, а къ его лучшей обстановкѣ, были бы очень полезны, и считаемъ не лишнимъ нѣсколько развить намеки, уже сдѣланные нами въ прежнихъ статьяхъ по вопросу о Русскихъ университетахъ.

Духъ университета зависитъ безспорно отъ двухъ вещей: отъ его личнаго состава и отъ той среды, которою онъ окруженъ. Чтò такое личный составъ университета? Это—профессоры и студенты; чѣмъ лучше ихъ выборъ, тѣмъ безспорно лучше должны идти университетскія дѣла. Выборъ студентовъ зависитъ отъ вступительнаго экзамена, а потому на вступительный экзаменъ должно быть обращено особенное вниманіе. Это дѣло очевидное. Но труднѣе принять мѣры касательно выбора профессоровъ. Какъ предотвратить, чтобы люди, недостойные профессорскаго званія, не получали его или не удерживали его за собой? Теперь профессоры опредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія по выбору университетскихъ совѣтовъ; но министру народнаго просвѣщенія предоставлено право опредѣлять профессоровъ и помимо выбора, а равно и не утверждать выбора, произведеннаго университетскимъ совѣтомъ. Этотъ порядокъ, установленный закономъ, могъ бы достаточно ограждать университеты, еслибы вполнѣ соблюдался на практикѣ, и особенно еслибы признавалась сила того правила, что

лучше оставлять каѳедру вакантною до пріисканія вполнѣ годнаго человѣка, чѣмъ замѣщать ее человѣкомъ, мало заявившимъ свои права на вступленіе въ ученое сословіе. Но на практикѣ теперь дѣлается иначе. Вслѣдствіе разныхъ причинъ, отчасти вслѣдствіе недостаточности профессорскаго жалованья, отчасти вслѣдствіе чрезмѣрной заботы поспѣшно замѣщать каѳедры, отчасти вслѣдствіе легкаго взгляда профессоровъ на важность избирательнаго права, имъ предоставленнаго, отчасти наконецъ вслѣдствіе совершеннаго почти отсутствія достойныхъ соискателей, теперь сдѣлалось чрезмѣрно легко получить университетскую каѳедру. И совѣтъ университета, избирающій профессора, и начальство, утверждающее его въ должности, какъ бы забываютъ, что этими актами они связываютъ университетъ на 25 лѣтъ. Такой взглядъ ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ, и нельзя не желать, чтобъ университетскіе совѣты и начальство освободились отъ этого взгляда. Цѣль университета гораздо лучше достигается меньшимъ числомъ дѣльныхъ профессоровъ, чѣмъ полнымъ штатомъ, составленнымъ неудовлетворительно: въ Мельборнскомъ университетѣ, напримѣръ, если не ошибаемся, всего на все шесть профессоровъ, и однако же онъ выпускаетъ отличныхъ студентовъ, какъ показываютъ Лондонскія испытанія. Плохіе профессоры бываютъ въ тягость университету не тѣмъ однимъ, что занимаютъ мѣста, на которыя уже нельзя потомъ опредѣлить людей болѣе достойныхъ, но и положительно вредятъ ходу преподаванія, понижая его уровень, искажая его характеръ, отбивая у студентовъ охоту заниматься наукой подъ руководствомъ даже дѣльныхъ преподавателей. Въ Русскихъ университетахъ, гдѣ нѣтъ и еще долго не будетъ конкуренціи между профессорами и доцентами, гдѣ студенты бываютъ обязаны слушать лекціи и экзаменоваться у одного, опредѣленнаго начальствомъ профессора, плохіе профессоры еще пагубнѣе для университета. Поэтому у насъ особенно важны мѣры, обезпечивающія хорошій составъ профессорскаго сословія. Эти мѣры, по нашему мнѣнію, могли бы состоять въ слѣдующемъ:

1) Въ стипендіяхъ, уже существующихъ нынѣ, для кандидатовъ, оставляемыхъ при университетѣ съ цѣлію дальнѣйшаго занятія науками и пріобрѣтенія дальнѣйшей ученой степени.

2) Въ стипендіяхъ, выдаваемыхъ лучшимъ изъ нихъ для путешествія за границу съ цѣлію усовершенствоваться въ наукахъ. На эти стипендіи должны имѣть, по нашему мнѣнію, право лишь магистранты и докторанты, и посылать ихъ за границу слѣдуетъ не

просто для путешествія и пассивнаго посѣщенія лекцій, а для систематическихъ занятій подъ специальнымъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ, которые работали бы съ ними, что называется privatissime, и сообщали бы университету и министерству свое мнѣніе о нихъ.

3) Въ строгой разборчивости при назначеніи новыхъ профессоровъ. На университетскіе совѣты нельзя вполнѣ полагаться въ этомъ отношеніи. Бываютъ случаи, что достойные люди забраковываются совѣтами, и еще чаще бываетъ, что люди не вполнѣ достойные выбираются ими. Даровитаго и самостоятельнаго человѣка иногда не принимаютъ въ свою среду, а въ пользу какой-нибудь посредственности не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи такъ-называемаго *добраго дѣла*. Противъ этого единственное средство теперь — въ дѣятельной инициативѣ попечителей и министерства. Было бы очень важно пріискать еще какое-нибудь средство. Въ Эдинбургскомъ университетѣ, о которомъ мы говоримъ ниже, право назначать профессоровъ предоставлено семи кураторамъ, избираемымъ на трехлѣтній срокъ отчасти профессорами, отчасти городскою думой. Нашимъ университетамъ предоставлено право избирать почетныхъ членовъ. Не могло ли бы законодательство воспользоваться этимъ учрежденіемъ для подкрѣпленія Русскихъ университетовъ?

4) Въ увеличеніи профессорскаго жалованья, безъ чего не можетъ увеличиться число соискателей на профессорскія мѣста, а слѣдовательно невозможна и строгость выбора. Въ профессорскомъ жалованьи непремѣнно должны быть сохранены теперешнія три степени повышенія. Положеніе гимназическихъ учителей дурно у насъ именно потому, что учителю приходится оканчивать службу на томъ же жалованьи, съ которымъ онъ началъ ее. Это противно естественному увеличенію потребностей человѣка по мѣрѣ того, какъ онъ старѣетъ и какъ возрастаютъ его издержки на содержаніе семейства, воспитаніе дѣтей и т. д. Мы думаемъ, что этотъ порядокъ было бы полезно измѣнить и въ гимназіяхъ, а вводить его въ университеты, какъ предлагаетъ г. Костомаровъ, было бы крайне неумѣстно. Къ тому же повышеніе по тремъ степенямъ (адъюнкта, экстраординарнаго профессора, ординарнаго профессора) полезно еще въ другомъ отношеніи. У насъ люди, вслѣдствіе окружающей среды, легко опускаются, а нѣтъ спора, что легче опуститься человѣку, если ему не представляется перспективы баллотировокъ и утвержденія въ высшихъ званіяхъ, съ которыми сопря-

жено и высшее содержаніе. Но для этого нужно, чтобы баллотировки и утвержденія не были простою формальностію.

Надобно поставить профессорское званіе такъ, чтобы самое положеніе отбивало по возможности охоту искать его у людей, не имѣющихъ къ нему призванія. Такъ, при гласномъ судопроизводствѣ, судейское званіе становится не по плечу человѣку неспособному и теряетъ всякую привлекательность для него. Относительно профессоровъ, подобное дѣйствіе могли бы имѣть баллотировки, еслибъ онѣ были устроены удовлетворительнѣе, чѣмъ теперь. Въ этихъ-то преимущественно видахъ говорили мы о томъ, что было бы полезно усилить университетскія корпораціи призваніемъ къ нимъ магистровъ и докторовъ университета.

Существенные интересы университетовъ требуютъ, чтобы профессоры были поставлены въ совершенную независимость отъ студентовъ, взятыхъ отдѣльно отъ общей университетской корпораціи. Если и вся публика не всегда вѣрно судитъ о лицахъ, подлежащихъ ея суду, то можно ли ожидать, чтобы сужденіе студентовъ о профессорѣ было всегда безошибочно? и разумно ли прилагать къ этому сужденію поговорку: *глазъ народа — глазъ Божій?* И вполнѣ зрѣлую публику можно нерѣдко ослѣпить фальшивымъ блескомъ; неужели много нужно, чтобы вызвать въ студентахъ незаслуженныя похвалы? Подчинять преподавателя суду студентовъ, ставить службу профессоровъ въ зависимость отъ такого подвижнаго элемента, измѣняющагося ежегодно, особенно, когда профессоры въ то же время несутъ и обязанность экзаменаторовъ, такая несообразность можетъ вести лишь къ послѣдствіямъ въ высшей степени пагубнымъ для университета. Неужели въ самомъ дѣлѣ профессоры, для безпрепятственнаго продолженія своей службы, обязаны *нравиться* своимъ слушателямъ? Неужели кому-нибудь не извѣстно, что лучшіе профессоры по большей части бываютъ тѣ, которыхъ достоинства вполнѣ оцѣниваются слушателями черезъ много лѣтъ по окончаніи университетскаго курса? Только у насъ, среди совершенной распущенности ни на чемъ не основанныхъ мнѣній, могла возникнуть теорія, что студенты должны имѣть прямое вліяніе на удаленіе неспособныхъ профессоровъ изъ университета. Не только студентамъ, но и университетскимъ совѣтамъ не можетъ быть предоставлено прямое вліяніе на это. Иначе воцарился бы въ университетахъ деспотизмъ большинства профессоровъ надъ меньшинствомъ, а можно ли поручиться, что меньшинство всегда хуже большинства? И такъ, объ удаленіи неспособныхъ

профессоровъ, не говоримъ уже студентами, но и совѣтомъ университета, не можетъ быть рѣчи; въ этомъ мы совершенно расходимся съ г. Костомаровымъ. Положеніе профессора должно быть прочно; онъ долженъ быть независимъ въ своихъ мнѣніяхъ, — независимъ не только отъ студентовъ, но и отъ товарищей. Безъ этого условія процвѣтаніе университетовъ рѣшительно невозможно. Изъ этого не слѣдуетъ однакоже, чтобы должно было совершенно устранить контроль. Контроль можетъ и долженъ быть, но онъ долженъ имѣть вліяніе не на удаленіе профессоровъ, а лишь на повышеніе ихъ и на оставленіе ихъ на службѣ по выслугѣ пенсіи. Тутъ нельзя не согласиться, что университетскіе совѣты дѣйствовали доселѣ тоже не вполнѣ удовлетворительно. Товарищеское чувство, впрочемъ очень естественное, побуждаетъ совѣты университетовъ къ излишнему послабленію при баллотировкахъ этого рода. Поэтому экстраординарные профессоры обыкновенно поступаютъ въ ординарные просто по старшинству, и рѣдко случается, чтобы совѣтъ забаллотировалъ профессора, выслужившаго пенсію, если онъ желаетъ продолжать преподаваніе. Этотъ порядокъ неизбѣжно ведетъ къ тому, что студенты фактически пріобрѣтаютъ вліяніе, которое законъ предоставляетъ совѣту. А между тѣмъ, кто станетъ спорить, что оно ни подъ какимъ видомъ не должно принадлежать однимъ студентамъ, и въ особенности студентамъ первокурсникамъ? Какія же средства къ устраненію уже существующаго несомнѣннаго зла? Мы пришли по этому вопросу къ тому мнѣнію, что лучшимъ средствомъ для того было бы дарованіе права голоса по баллотировкамъ этого рода, кромѣ профессоровъ, магистрамъ и докторамъ университета, которые могутъ судить о достоинствѣ профессоровъ гораздо лучше, чѣмъ студенты. Это было бы, во всякомъ случаѣ, удобнѣе для университета, чѣмъ допущеніе студенческихъ депутацій, разсуждающихъ о достоинствѣ лекцій того или другаго профессора отъ имени своихъ товарищей. Кореннымъ правиломъ слѣдуетъ признать, что студенты не могутъ составлять корпораціи, отдѣльной отъ профессоровъ, что внутри университетской корпораціи нельзя допустить еще другой, отдѣльной корпораціи, и что еслибъ она была допущена, то неминуемо сдѣлалась бы ракомъ въ организмѣ университета.

Совсѣмъ другое дѣло — вопросъ объ отношеніи магистровъ и докторовъ къ университету. Во многихъ странахъ магистры и доктора считаются дѣйствительными членами того университета, гдѣ получили свою степень, и пользуются нѣкоторымъ участіемъ въ

университетскомъ управленіи. Въ Прагѣ, напримѣръ, каждый факультетъ имѣетъ двухъ декановъ, изъ которыхъ одинъ выбирается профессорами, а другой — докторами. Въ Англійскихъ университетахъ всѣ магистры и доктора участвуютъ въ засѣданіяхъ генеральнаго университетскаго совѣта съ правомъ голоса. Ничего, кромѣ пользы, нельзя было бы ожидать и у насъ отъ мѣры, вслѣдствіе которой доктора и магистры получили бы дозволеніе присутствовать при засѣданіяхъ совѣта, съ правомъ голоса при баллотировкѣ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные, при баллотировкѣ для оставленія на службѣ профессоровъ, выслужившихъ пенсію, а равно при выборѣ ректора университета *). Эти баллотировки сдѣлались бы тогда серьезнѣе, а равно серьезнѣе сдѣлались бы и совѣтскія обсужденія. Въ засѣданія совѣта невозможно допускать публику, а между тѣмъ и эти засѣданія нуждаются въ нѣкоторой публичности уже потому, что къ нимъ, по многолюдности ихъ состава, неприложимо правило о канцелярской тайнѣ. Происходившее въ совѣтѣ очень часто дѣлается общеизвѣстнымъ въ превратномъ видѣ; такая половинная гласность не разъ подавала поводъ къ недоразумѣніямъ и несправедливымъ нареканіямъ. Печатаніе извлеченій изъ протоколовъ университетскаго совѣта, какъ оно дѣлается теперь въ Кіевѣ, можетъ принести несомнѣнную пользу, но и оно едва ли достаточно. Для устраненія недоразумѣній, а также для соблюденія порядка и достоинства въ преніяхъ, была бы полезна нѣкоторая публичность засѣданій совѣта. Присутствіе магистровъ и докторовъ университета (слѣдовательно и всѣхъ адъюнктовъ) и нѣсколькихъ человѣкъ лучшихъ студентовъ (напримѣръ первыхъ студентовъ 3-го, 4-го и 5-го курсовъ), кажется намъ, скорѣе всего повело бы къ этой цѣли. Само собой разумѣется, что для чтенія конфиденціальныхъ бумагъ, а равно для нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, должны были бы остаться въ силѣ засѣданія при затворенныхъ дверяхъ.

Мы высказываемъ эти мысли, желая подвергнуть ихъ провѣркѣ публичнаго обсужденія. Намъ будетъ пріятно, если онѣ вызовутъ критику болѣе серьезную и болѣе вразумительную, чѣмъ та единственная критическая замѣтка, которую вызвалъ нашъ взглядъ на служебныя преимущества Русскихъ университетовъ. Мы высказали этотъ взглядъ въ №№ 46 и 47 *Современной Лѣтописи*, и

*) По особенности положенія медицинскаго факультета и по многочисленности докторовъ медицины, имъ можетъ быть предоставленъ голосъ лишь при баллотировкахъ по медицинскому факультету.

припомнимъ его въ двухъ словахъ нашимъ читателямъ. Мы не могли утаивать ни отъ себя ни отъ публики, что не одна наука приводитъ въ университетъ наше юношество, и что потому духъ науки не имѣетъ надлежащей силы въ нашихъ университетахъ. Это кажется неоспоримо, и споръ можетъ относиться только къ средствамъ поправить дѣло. Если мы не ошибаемся, то средство, указанное нами, не грѣшило противъ осмотрительности. Мы не предлагали касаться служебныхъ преимуществъ, дарованныхъ питомцамъ университетовъ. Мы не предлагали никакого преобразованія ни въ этихъ преимуществахъ, ни въ самихъ университетахъ. Мы говорили объ учрежденіи, *наряду съ университетами*, особыхъ экзаменовъ на государственную службу и о пользѣ, какая могла бы произойдти оттого для нашихъ университетовъ.

Авторъ замѣтки, напечатанной въ № 260 *Московскихъ вѣдостей*, г. Чичеринъ, повидимому, не потрудился отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ было имъ прочитано въ *Современной Лѣтописи*, и что̀ намѣренъ онъ былъ сказать намъ въ возраженіе. Во-1-хъ, онъ объявляетъ, что онъ не одного съ нами мнѣнія, о возможности учредить у насъ коммиссію для государственныхъ экзаменовъ; но не считаетъ нужнымъ объяснить, почему онъ другаго мнѣнія. Очень жаль, что онъ не счелъ этого нужнымъ, и не захотѣлъ содѣйствовать разъясненію вопроса, важности котораго, кажется, нельзя отрицать. Въ журнальныхъ статьяхъ не голоса подаются, а высказываются мнѣнія, и публикѣ, конечно, было бы интереснѣе знать, *почему* такой-то держится не того, а другаго мнѣнія, нежели простое, никому ненужное увѣдомленіе, что такой-то думаетъ иначе.

Во-2-хъ, авторъ увѣдомляетъ насъ, что мы основывались на невѣрныхъ данныхъ, говоря о монополіи университетовъ относительно государственной службы: ибо мы упустили изъ виду, что тою же монополіей пользуются и гимназіи. Воспитанники гимназіи, при извѣстныхъ условіяхъ, выпускаются съ правомъ на XIV классъ; слѣдовательно, университеты не пользуются монополіей, а то же преимущество принадлежитъ и гимназіямъ. Благодаря за сообщеніе этого свѣдѣнія, мы должны однако сказать, что имѣли его и прежде. Мы знали, что гимназіи, при извѣстныхъ условіяхъ, выпускаютъ своихъ воспитанниковъ съ правомъ на XIV классъ; но, отнюдь не желая, чтобы гимназіи лишились этого права, мы думали и думаемъ, что монополія вредная по отношенію къ университетамъ, еще вреднѣе по отношенію къ гимназіямъ. Мы говорили

только объ университетахъ, потому что всеобщее вниманіе занято теперь ими, предоставляя себѣ впослѣдствіи коснуться и гимназій, что мы и сдѣлаемъ и что, надѣемся, покажетъ еще убѣдительнѣе основательность соображеній, побуждающихъ насъ желать учрежденія особыхъ государственныхъ экзаменовъ.

Уличивъ насъ въ невѣрности показанія, относительно монополіи университетовъ, и увѣдомивъ насъ, что монополіи нѣтъ, и что тѣмъ же преимуществомъ пользуются и гимназіи, авторъ замѣтки тутъ же, въ-3-хъ, доказываетъ очень убѣдительно, что университеты пользуются совершенно исключительнымъ преимуществомъ, какого не имѣютъ гимназіи. Кончившіе курсъ въ университетахъ получаютъ (и притомъ безъ всякихъ условій) право на XII и X классъ, такъ что люди низшихъ сословій уравниваются относительно государственной службы съ потомственными дворянами. Это право уравненія не дано гимназіямъ; оно составляетъ только преимущество университетовъ.

Въ-4-хъ, авторъ замѣтки считаетъ нужнымъ отстаивать, противъ насъ, это преимущество университетовъ уравнивать сословія. Но развѣ мы доказывали, что надобно отнять у университетовъ это преимущество? Нѣтъ, мы доказывали, что касаться его отнюдь не слѣдуетъ, что преимуществомъ этимъ должно дорожить, пока существуетъ у насъ гражданское неравенство сословій, и пока останутся въ силѣ дѣйствующія нынѣ служебныя условія. Зачѣмъ же авторъ замѣтки убѣждаетъ насъ въ томъ, что говорили мы сами? Онъ находитъ очень важнымъ, чтобы люди изъ низшихъ сословій имѣли возможность уравниваться съ высшими относительно государственной службы; но онъ находитъ нужнымъ удержать эту уравнивающую силу исключительно за университетами, а мы полагали, что, въ интересѣ самихъ университетовъ, слѣдуетъ желать, чтобъ это преимущество не было ихъ монополіей, а чтобы рядомъ съ ними существовало другое учрежденіе, именно государственные экзамены, посредствомъ которыхъ можно было бы достигать той же цѣли, то есть чтобы не одинъ былъ путь къ уравненію правъ, а два. Разногласіе только въ этомъ. И однако авторъ доказываетъ въ одномъ и томъ же столбцѣ газеты, что университетамъ неправильно приписывается монополія, которой они не имѣютъ, и что въ то же время они имѣютъ эту монополію и необходимо должны имѣть.

Наконецъ, въ-5-хъ, авторъ упрекаетъ насъ за то, что мы изъ-за неудобствъ болѣе мнимыхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ, желаемъ

преобразовывать университетское устройство. Авторъ не доказываетъ, почему находитъ онъ показанныя нами неудобства мнимыми, даже не говоритъ, на опытѣ или въ теоріи убѣдился онъ, что въ университетскихъ экзаменахъ нѣтъ излишняго элемента, который болѣе или менѣе портитъ ихъ значеніе; онъ только подаетъ голосъ и говоритъ: я такъ думаю. Но интереснѣе всего то, что наши замѣчанія не только не имѣли въ виду преобразованія университетскаго устройства, но, напротивъ, не касались ни малѣйшей подробности этого устройства. Мы говорили только о пользѣ учрежденія особыхъ государственныхъ экзаменовъ, независимыхъ отъ университетовъ, и предлагали это, какъ мѣру, которая можетъ способствовать къ упроченію существующаго университетскаго устройства и къ предохраненію его отъ радикальныхъ преобразованій, грозящихъ ему разрушеніемъ.

XXXI.

Объ организаціи университетовъ (по поводу проекта новаго устава и замѣчаній совѣта Московскаго университета на проектъ), И. Гоярина.

Министерство народнаго просвѣщенія поручило университетскимъ совѣтамъ и нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ обсудить проектъ новаго устава университетовъ. Быть можетъ, уже нѣсколько статей по поводу этого проекта явилось въ печати; но я имѣлъ возможность за границей прочесть только замѣчанія совѣта Московскаго университета, напечатанныя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Главный недостатокъ проекта — отсутствіе начала, которое обусловливало бы собою всѣ отдѣльныя положенія; отсутствіе точки отправленія, въ которой каждое частное положеніе должно имѣть себѣ оправданіе. Оттого проектъ не представляетъ ничего органическаго, а является собраніемъ положеній случайныхъ, отрывочныхъ, несоединенныхъ между собою внутренней необходимостью.

Вполнѣ естественно, что члены совѣта Московскаго университета, которыхъ личные интересы такъ тѣсно связаны съ уста-

вомъ, выразили въ своихъ замѣчаніяхъ такую сильную, почти исключительную заботливость объ этихъ интересахъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что совѣты нѣкоторыхъ другихъ университетовъ и отдѣльныя лица, при обсужденіи проекта, будутъ имѣть въ виду не только личные интересы профессоровъ, но вмѣстѣ и интересы учащихся, интересы общественные.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, что совѣтъ Московскаго университета остался недоволенъ опредѣленіемъ: «*университетъ есть высшее учебное учрежденіе*», — опредѣленіемъ, которымъ вполнѣ остаются довольны университеты Германскіе, — а пожелалъ, чтобъ университетъ назывался сверхъ того *высшимъ ученымъ учрежденіемъ*. Желаніе это совершенно невинное и вреда никому принести не можетъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ хотя и возражали, что ученыя учрежденія не могутъ раздѣляться по степенямъ и что было бы достаточно прибавить просто *ученое учрежденіе;* но большинство 17 голосовъ рѣшило прибавить и *высшее*.... Первое сколько-нибудь серьезное замѣчаніе сдѣлано по поводу § 3, который говоритъ, что «университетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра, *ввѣряется особому начальству попечителя*». Желаніе совѣта, чтобъ университетъ пользовался возможно большей самостоятельностью, самоуправленіемъ, — совершенно законно: начало самоуправленія есть необходимое условіе для совершенствованія всякаго органическаго учрежденія. Но сильнаго упрека заслуживаетъ совѣтъ въ томъ, что, желая для университета самостоятельности, онъ выходилъ не изъ принципа, а руководствовался, — какъ мы увидимъ изъ нѣкоторыхъ положеній совѣта и изъ отдѣльныхъ мнѣній медицинскаго факультета и профессора Ешевскаго, — личнымъ побужденіемъ: иначе университетскій совѣтъ не желалъ бы подчинить своему начальству гимназіи, которыя должны имѣть право на такую же самостоятельность; не выражалъ бы по отношенію къ университету одного убѣжденія, а по отношенію къ гимназіямъ — совершенно противоположнаго.... Вполнѣ законное, необходимое для совершенствованія университета, желаніе автономіи, совѣтъ выразилъ въ такой робкой, уклончивой формѣ, которая не измѣняетъ нисколько положенія проекта, а можетъ только подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Выраженіе проекта: *университетъ ввѣряется особому начальству попечителя*, замѣнено: *поручается особому вѣдѣнію попечителя.* Развѣ этимъ сказывается то, что нужно было сказать и что совѣтъ долженъ былъ сказать? Въ томъ же параграфѣ сказано: *подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра*

народнаго просвѣщенія. Если распоряженія министра обязательны для университета, если главное вѣдѣніе нужно понимать въ смыслѣ главнаго управленія, — то *особое вѣдѣніе* придется понимать въ смыслѣ *непосредственнаго управленія.*

По смыслу проекта устава, профессоры и вообще всѣ преподаватели университета избираются совѣтомъ; совѣту же предоставляется право оставлять на службѣ преподавателей, выслуживших срокъ на пенсію (§ 31). Впрочемъ, министръ имѣетъ право и «*по собственному своему усмотрѣнію назначать въ профессоры на вакантныя каѳедры людей отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія, и имѣющихъ требуемыя ученыя степени*». (§ 78). Положеніе объ избраніи преподавателей есть самое главное положеніе въ организаціи университета, — и смотря по тому, какое начало ляжетъ въ основаніе этого избранія, — явится возможность или постепеннаго совершенствованія университетовъ, или возможность того застоя, въ которомъ находятся нѣкоторые изъ нашихъ университетовъ въ настоящее время. Будутъ ли преподаватели избираться корпораціей профессоровъ, или лицомъ начальствующимъ — министромъ, попечителемъ,—въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣтъ гарантіи для слушателей, для общества, что будутъ избираться возможно лучшіе преподаватели. Нужно предположить особенно благопріятныя, совершенно зависящія отъ случая, условія, чтобъ большинство университетскаго совѣта составляли лица, въ которыхъ чувство правды развито до такой степени, что они, при избраніи преподавателей, въ особенности же при оставленіи товарищей на службѣ по выслугѣ срока на пенсію, будутъ руководствоваться интересами науки, интересами слушателей, — и никакими частными отношеніями. Совѣтъ Московскаго университета ничего не возразилъ противъ положенія, которымъ ему предоставляется право избирать преподавателей; онъ коснулся только вопроса — можно или не можно передавать шаръ при баллотировкѣ; потомъ — избирать ли, по выслугѣ срока на пенсію, большинствомъ двухъ третей или абсолютнымъ большинствомъ? Большинство рѣшило, что въ этомъ случаѣ достаточно абсолютнаго большинства. «Преподаватели, по мнѣнію большинства членовъ, входя въ корпорацію *всѣми своими интересами, ближайшимъ образомъ заинтересованы въ ея обновленіи*». Какіе это *всѣ свои интересы?* Положимъ, что профессоры разумѣли здѣсь чисто университетскіе интересы. Но факты противъ. Развѣ не случалось, что нѣкоторые члены университетской корпораціи преднамѣренно отстраняли отъ университета даровитыхъ и знаю-

щихъ людей по чувству очень понятному? Развѣ не случалось—и притомъ вовсе не какъ исключеніе, — что, по выслугѣ 25 лѣтъ, на 5 и потомъ еще на 5 лѣтъ выбирались люди, безполезность которыхъ для университета признана всѣми?... Университеты наши, говоря вообще, далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Общее мнѣніе студентовъ, а также и тѣхъ, которые уже окончили свое образованіе въ университетѣ, очень не въ пользу многихъ изъ нашихъ профессоровъ. Недостаточно-серьезное знакомство съ наукой, отсталость, ограниченность, недобросовѣстное исполненіе обязанностей — явленія, при настоящей организаціи, весьма возможныя.... Между тѣмъ проектъ устава, и самъ по себѣ, въ особенности же измѣненный согласно съ замѣчаніями совѣта Московскаго университета, даетъ возможность образоваться замкнутой, исключительной корпораціи, и освобождаетъ членовъ ея отъ всякой отвѣтственности, какова бы ихъ дѣятельность ни была.... А контроль попечителя, ректора? Дѣйствительно, совѣтъ университета оставляетъ за попечителемъ право надзора и контроля. Сверхъ того и ректоръ, «*имѣя ближайшее попеченіе о благоустройствѣ университета,* наблюдаетъ: 1) чтобы принадлежащія къ оному мѣста и лица *исполняли въ точности свои обязанности;* 2) чтобъ университетское преподаваніе *шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности*». (§ 62).... Всякій, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ дѣломъ, согласится, что такого рода положенія ни что иное, какъ фразы, простая формальность. Нечего и доказывать, что контроль надъ преподаваніемъ ни со стороны попечителя, ни со стороны ректора никакого серьезнаго значенія имѣть не можетъ. Не могъ ему придавать серьезнаго значенія и совѣтъ Московскаго университета. Нѣкоторые члены совѣта сами высказали это, когда шла рѣчь объ избраніи по выслугѣ 25 лѣтъ: «*меньшинство, имѣя въ виду, что выборъ послѣ 25 лѣтъ составляетъ почти единственное средство контроля надъ преподавателями, которые по существу своего положенія (?!!) должны пользоваться безсмѣнностью* (?)».... Не могу только понять, въ чемъ состоитъ это *существо положенія,* по которому профессоръ долженъ пользоваться безсмѣнностью?

Вѣроятно, чтобъ болѣе упрочить за собою такую безсмѣнность, нѣкоторые члены Московскаго университета предлагали совсѣмъ уничтожить доцентовъ: «*имѣя въ виду,* какъ они выразились, *независимость и постоянство положенія, необходимыя для профессора*».... Допущеніе приватъ-доцентовъ къ университетскому преподаванію, — но только не на такихъ стѣснительныхъ началахъ, какія

предлагаетъ проектъ, и еще болѣе совѣтъ Московскаго университета, — внесетъ въ организацію университета живой элементъ, который будетъ имѣть сильное вліяніе на совершенствованіе, на обновленіе университета, — живой элементъ, который будетъ имѣть сильное вліяніе на совершенствованіе, на обновленіе университета. Изъ положеній проекта рѣшительно нельзя понять, какую цѣль имѣла въ виду коммиссія, допуская приватъ-доцентовъ. Ясно только, что они поставлены въ полную зависимость отъ университетской корпораціи: на основаніи § 75, *званія доцента и приватъ-доцента даются на три года, по истеченіи коихъ доценты и приватъ-доценты оставляются на службѣ нейначе, какъ по новому избранію и утвержденію попечителя.* Совѣтъ Московскаго университета желаетъ поставить приватъ-доцентовъ еще въ болѣе стѣснительныя условія; онъ предлагаетъ § 75 измѣнить такъ: «*приватъ-доценты находятся подъ постояннымъ надзоромъ факультетовъ*, которые *всегда могутъ представить совѣту о необходимости удаленія* приватъ-доцента, если преподаваніе его не соотвѣтствуетъ цѣлямъ университета»....

Постепенному обновленію университета приватъ-доценты могутъ содѣйствовать только тогда, когда они будутъ стоять въ положеніи, отъ оффиціальныхъ профессоровъ совершенно независимомъ; когда не только одинъ приватъ-доцентъ, но и нѣсколько приватъ-доцентовъ будутъ имѣть право свободно преподавать въ университетѣ науки, которыя въ то же время преподаются профессорами и вообще лицами, оффиціально занимающими каѳедры; когда притомъ студентъ будетъ имѣть право слушать извѣстную науку у преподавателя, котораго онъ самъ изберетъ—все равно, будетъ ли тотъ преподаватель профессоръ или приватъ-доцентъ....

Совѣтъ Московскаго университета, принявъ, какъ мы видѣли, надлежащія мѣры противъ приватъ-доцентовъ, ставитъ корпорацію профессоровъ въ положеніе самое выгодное съ личной точки зрѣнія, и главное — ограждаетъ эту корпорацію отъ всякаго обновленія. Но этимъ не ограничиваются стѣснительныя мѣры совѣта противъ образованія. Далѣе совѣтъ предлагаетъ мѣру, которая большую часть людей бѣдныхъ лишаетъ возможности университетскаго образованія: онъ требуетъ, чтобъ всѣ съ дальнихъ концовъ Россіи собирались въ университетскіе города—освѣдомляться, могутъ ли они поступить въ университетъ, или нѣтъ, — и въ послѣднемъ случаѣ, чтобъ возвращались назадъ.... Рѣдкій, конечно, бѣднякъ рѣшится ѣхать, или скорѣй идти за нѣсколько сотенъ

верстъ, чтобъ въ продолженіе очень долгаго времени на пути и потомъ на мѣстѣ подвергаться всѣмъ лишеніямъ, имѣя сверхъ того въ перспективѣ возможность неуспѣха, очень часто случайнаго, а вслѣдствіе того тяжелую необходимость возвращенія назадъ. Одни, по недостатку увѣренности въ себѣ, не рѣшатся подвергать себя и свое семейство лишеніямъ, опасаясь неуспѣха, между тѣмъ быть можетъ многіе изъ нихъ были бы достойными студентами. Другіе, по ложной самоувѣренности, отправятся недостаточно приготовленными, и истратятъ напрасно послѣднія средства. Бѣдный человѣкъ, готовый отдать своему сыну послѣдній грошъ на дорогу, когда знаетъ, что сынъ уже принятъ въ университетъ, — рѣдко рѣшится сдѣлать это, не зная навѣрное, будетъ ли еще принятъ.... Кромѣ того, на экзаменахъ въ университетѣ, при огромномъ накопленіи экзаменующихся и при величайшей трудности опредѣлить степень знанія и степень развитія только по экзамену, случайности очень нерѣдко будутъ рѣшать дѣло. Совѣтъ гимназическій основываетъ свои рѣшенія не на одномъ выпускномъ испытаніи, а на занятіяхъ учениковъ въ продолженіе всего курса; что же касается до нѣсколькихъ лицъ, неучившихся въ гимназіи и желающихъ экзаменоваться на право поступленія въ университетъ (въ губернскихъ гимназіяхъ Московскаго округа, сколько мнѣ извѣстно, такихъ было очень мало—человѣка 3—4, и всѣ они изъ послѣднихъ курсовъ семинаріи: бѣдному человѣку почти единственное средство приготовиться къ университету — это окончить курсъ въ гимназіи), то гимназіи, при ограниченномъ числѣ такихъ лицъ, имѣютъ полную возможность произвести испытаніе болѣе обстоятельное, и судъ ихъ будетъ болѣе справедливый, будетъ менѣе зависѣть отъ случайностей. По поводу проекта устава о гимназіяхъ, очень кстати въ протоколѣ университетскаго совѣта разсказано о томъ, какъ происходитъ въ Германіи Abiturienten-Prüfung: изъ разсказа очень ясно видно, что испытаніе это производится преподавателями гимназіи, и еще яснѣе, что его не производитъ университетъ. Замѣтимъ кстати, что въ Германіи производство экзамена при университетѣ, еслибъ оно и существовало, далеко не было бы сопряжено съ такими затрудненіями для всѣхъ и далеко не имѣло бы такихъ вредныхъ послѣдствій для людей бѣдныхъ, какъ у насъ.

На параграфы 97, 98 и 99 совѣтъ Московскаго университета замѣтилъ: «такъ какъ предоставленіе гимназіямъ права испытывать молодыхъ людей, вступающихъ въ университетъ: 1) вредно

дѣйствуетъ на преподаваніе въ гимназіяхъ, *уничтожая всякій контроль* и пресѣкая соревнованіе (между кѣмъ?) при испытаніи молодыхъ людей въ университетѣ и т. д.» Совѣтъ Московскаго университета часто выражается такъ, что не вдругъ доберешься до смыслу. Предоставленіе права испытаній гимназіямъ между кѣмъ пресѣкаетъ соревнованіе? Между гимназіями ли по отношенію къ преподавателямъ — т. е., что преподаватели отъ этого небрежнѣе занимаются дѣломъ? Или между гимназіями по отношенію къ воспитанникамъ—т. е., что н. п. воспитанники Тульской гимназіи, зная, что у нихъ пресѣчена возможность соревнованія съ воспитанниками Костромской,—будутъ вслѣдствіе этого менѣе трудиться? Или такое право гимназій пресѣкаетъ возможность соревнованія между профессорами при испытаніи въ университетѣ? Построеніе фразы скорѣй всего допускаетъ послѣдній смыслъ. Сначала я было думалъ, что здѣсь идетъ дѣло о соревнованіи съ гимназіями частныхъ учебныхъ заведеній, — но объ этомъ говорится во второмъ пунктѣ.... Не понимая, что̀ хотѣлъ сказать совѣтъ первою половиной приведеннаго нами выраженія, я перехожу ко второй. И такъ, по мнѣнію совѣта, предоставленіе гимназіямъ права испытывать на званіе студента уничтожаетъ всякій *контроль* надъ гимназіями. Это тотъ самый контроль, томительное и тоскливое влеченіе къ которому выразилъ г. Ешевскій въ своей статьѣ, три года тому назадъ напечатанной въ Атенсѣ. Но пусть совѣтъ Московскаго университета отвѣтитъ, почему онъ считаетъ контроль въ такой степени гибельнымъ — для университета, и такъ благодѣтельнымъ для гимназій? Профессоры экзаменуютъ на званіе кандидата, на высшія ученыя степени, экзаменуютъ на разныя учебныя званія, должны еще, по мнѣнію совѣта, экзаменовать вступающихъ въ университетъ,—и все это они могутъ дѣлать безъ контроля; а совѣту гимназическому нельзя дозволить шагу сдѣлать безъ контроля?... На возможность злоупотребленій въ гимназіяхъ, при экзаменахъ на званіе студента, совѣтъ прямо указалъ въ своихъ замѣткахъ по поводу проекта гимназическаго устава. Условія для возможности и невозможности злоупотребленій одинаковы и по отношенію къ гимназіи, и по отношенію къ университету. Развѣ не было такихъ явленій, что профессора, при пріемныхъ и выпускныхъ университетскихъ экзаменахъ, руководствовались далеко не безкорыстными побужденіями? Съ тѣхъ поръ, какъ общественное мнѣніе стало строже къ нравственной сторонѣ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ дѣло воспитанія и образованія; съ тѣхъ

поръ, какъ оно стало рѣшительнѣе высказывать свой судъ, болѣе вопіющія злоупотребленія стали замѣтно исчезать. Но многія злоупотребленія еще существуютъ и будутъ существовать, пока новая организація учебныхъ учрежденій не сдѣлаетъ ихъ невозможными. Кому н. п. неизвѣстно, что манкировки профессоровъ въ нѣкоторыхъ университетахъ доходятъ до громадныхъ размѣровъ,—и что весьма нерѣдко случается студентамъ часъ за часомъ дожидаться въ университетѣ одного профессора за другимъ, — и никого не дождаться. Число лекцій, прочитанныхъ въ продолженіе всего академическаго курса, ограничивается у весьма многихъ профессоровъ самой незначительной цифрой, и вслѣдствіе этого студентамъ, вмѣсто полныхъ курсовъ, приходится довольствоваться какими-то жалкими обрывками.... Читайте на 10 лекцій одну—и потомъ удивляйтесь, что уровень университетскаго образованія понижается, и обвиняйте въ этомъ гимназіи! Или профессорамъ большее число лекцій читать не стоитъ для слушателей, которые *не доросли до пониманія чистыхъ интересовъ науки?!* О самообольщеніе!... Извѣстно, что въ заграничныхъ университетахъ манкировки профессоровъ случаются въ высшей степени рѣдко. Тамъ профессоръ, если по какой-либо серьезной причинѣ не можетъ прочесть лекцію въ назначенное время, считаетъ себя въ долгу у слушателей — читаетъ потомъ лишній часъ взамѣнъ пропущеннаго; онъ признаетъ себя обязаннымъ поступить такъ даже въ томъ случаѣ, когда *оффиціальныя занятія* ставятъ его въ необходимость пропустить лекцію. Н. п. нѣкоторые профессора Гейдельберскаго университета, *по дѣламъ государственнымъ*, должны разъ, иногда два въ мѣсяцъ, быть въ Карльсруэ; они заранѣе извѣщаютъ своихъ слушателей, что въ такой-то день читать не будутъ, а прочтутъ лишній часъ тогда-то. Многіе же изъ нашихъ профессоровъ такъ безцеремонно обращаются и съ своимъ долгомъ и съ своими слушателями....

Медицинскій факультетъ Московскаго университета не ограничивается требованіемъ контроля надъ гимназіями; въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи онъ идетъ дальше. Онъ потребовалъ прямаго подчиненія гимназій и всѣхъ другихъ училищъ университету: «университетъ, по мнѣнію этого факультета, *могъ бы управлять* округомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ попечителя. *Всѣ представленія совѣта по учебному округу шли бы къ попечителю или чрезъ него къ высшему начальству*». Вотъ и лекарство. Принять его—все пойдетъ отлично. «*Конечно*, прибавляетъ медицинскій факультетъ, часто *обозрѣвать* провинціальныя гимназіи и училища

невозможно....» За то не часто возможно и очень полезно!... Будутъ ли профессорами *обозрѣваться* гимназіи, или, наоборотъ, преподавателями гимназіи будутъ обозрѣваться университеты — польза одна и та же: во время обозрѣванія ни тѣ, ни другіе не будутъ дѣлать своего дѣла.... Какое ложное пониманіе значенія общеобразовательныхъ заведеній и какой узкій чиновническій взглядъ на управленіе выразился въ этомъ предложеніи! Считаю умѣстнымъ повторить здѣсь то, что я имѣлъ случай прежде сказать объ отношеніи гимназій къ университету. Вполнѣ сознаю необходимость *нравственной* связи гимназій и всѣхъ вообще учебныхъ заведеній съ университетомъ; но понимаю эту связь не въ смыслѣ *оффиціально-формальнаго контроля* университета надъ гимназіями, а въ смыслѣ *научно-нравственнаго* вліянія, которое имѣютъ *достойные* представители науки на своихъ слушателей, будущихъ преподавателей гимназій. Симпатіи молодаго поколѣнія, при всѣхъ случайныхъ колебаніяхъ и заблужденіяхъ, все-таки подконецъ обращаются къ *достойнымъ* представителямъ науки. Свободно и съ любовію подчиняясь ихъ вліянію, слушатели переносятъ его въ ту среду, гдѣ имъ послѣ приходится быть дѣятелями. Не думаю, чтобы Грановскій или Кудрявцевъ когда-нибудь желали имѣть формальный контроль; врядъ ли самая мысль о немъ когда-либо приходила имъ въ голову: и тотъ и другой уважали нравственную свободу дѣйствій; они никакъ не захотѣли бы преднамѣренно подчинять кого бы то ни было своему вліянію, хотя бы и благотворному, — а между тѣмъ нравственный контроль ихъ чувствовался вездѣ, гдѣ только ихъ ученики были преподавателями: ихъ воззрѣніе на науку, ихъ любовь къ предмету, ихъ нравственныя убѣжденія отражались въ урокахъ преподавателей, и воспитанники гимназій знали и любили Грановскаго и Кудрявцева прежде, чѣмъ получали возможность слушать ихъ. Такое вліяніе зависитъ отъ личности университетскихъ преподавателей, и никакое оффиціальное распоряженіе ввести его не можетъ. Стремленіе имѣть оффиціальное вліяніе обнаруживаетъ только *безсиліе имѣть вліяніе нравственное*.... Да и какія ручательства дастъ профессоръ въ состоятельности и пользѣ своего контроля по отношенію къ дѣятельности педагогической? Неужели же тѣмъ профессорамъ, которыхъ такъ снѣдаетъ вожделѣніе контроля, неизвѣстно, что отличный профессоръ можетъ быть очень плохимъ педагогомъ? Неужели имъ неизвѣстно, что дѣятельность профессора университета и дѣятельность педагогическая двѣ совершенно различныя дѣятельности? Хорошій педагогъ долженъ

быть просвѣщеннымъ человѣкомъ; онъ долженъ пріобрѣсти опытность, долженъ много трудиться надъ самовоспитаніемъ. Прибавлю къ этому, что только совершенное непониманіе значенія педагогической дѣятельности могло заставить нѣкоторыхъ членовъ совѣта Московскаго университета сказать: «*званіе профессора требуетъ большей подготовки, нежели званіе преподавателя гимназій*», и на этомъ основаніи *требовать себѣ бо́льшихъ служебныхъ правъ и преимуществъ.* Даже по отношенію къ научному образованію это несправедливо. Различіе въ этомъ отношеніи между преподавателемъ гимназіи и преподавателемъ университета заключается *не въ степени* научнаго образованія, а въ родѣ, *въ характерѣ* этого образованія. И молодой человѣкъ, только-что окончившій курсъ въ университетѣ, имѣетъ столько же шансовъ хорошо преподавать въ гимназіи, какъ и хорошо читать лекціи въ университетѣ. Послѣднее пожалуй еще возможнѣе....

Чиновническій взглядъ, не одного впрочемъ медицинскаго факультета, слишкомъ просвѣчиваетъ въ разныхъ мѣстахъ замѣчаній совѣта на проектъ, чтобъ не уловить этого взгляда. Университетъ есть высшая инстанція, гимназіи — низшая: поэтому профессоръ и чину долженъ быть бо́льшаго сравнительно съ учителемъ гимназіи. Желаніе бо́льшаго чина выражено въ замѣчаніяхъ, впрочемъ, *очень застѣнчиво.* Положили члены совѣта, сказано въ протоколѣ, оставить безъ обсужденія главу о правахъ и преимуществахъ, предоставляя этотъ отдѣлъ на усмотрѣніе начальства; но нѣкоторые члены возразили, что слѣдуетъ обсуждать всѣ главы проекта безъ изъятія, и большинство семи изъ 13 голосовъ указало на *несоотвѣтствіе* означенныхъ въ проектѣ *классовъ* съ классами, означенными въ проектѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Я справился съ тѣмъ и съ другимъ проектомъ: ординарный профессоръ въ VII, а учители наукъ и старшіе воспитатели въ VIII классѣ; экстраординарный профессоръ и доцентъ въ VIII, а учители языковъ гимназіи, опредѣленные на основаніи примѣчанія къ статьѣ 193, и младшіе воспитатели пансіоновъ въ IX классѣ. Безобидно!...

Второй мотивъ, по которому совѣтъ Московскаго университета желаетъ, чтобъ вступительные экзамены для всѣхъ происходили въ университетѣ, выраженъ такъ: «*предоставленіе этого права гимназіямъ убиваетъ частныя заведенія, поставляя ихъ въ зависимость отъ гимназій, которымъ предоставлена монополія экзаменовъ*». Когда необходимъ выборъ между двумя мѣрами: производить ли вступительные экзамены въ гимназіи, или въ университетѣ, — мы

рѣшаемъ его въ пользу первой, но никакъ не потому, что такая мѣра нужна для успѣха гимназій, а для того, чтобъ отстранить тѣ вредныя послѣдствія, которыя, какъ мы показали выше, влечетъ за собою экзаменъ при университетѣ. Вопросъ слѣдуетъ поставить такъ: чтò полезнѣе для всѣхъ, въ особенности же для бѣдныхъ— назначить 4—5 пунктовъ во всей Россіи и заставить стекаться въ нихъ со всѣхъ концовъ *для испытанія*, или устроить это испытаніе во всякомъ губернскомъ городѣ? Чѣмъ централизація въ этомъ случаѣ слабѣе, тѣмъ ясно, болѣе пользы, — и была бы огромная польза для всѣхъ, въ особенности же для людей бѣдныхъ, еслибъ явилась возможность устроить учебныя заведенія съ гимназическимъ курсомъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ и въ то же время дать средство на мѣстѣ, въ своемъ же уѣздѣ, удостовѣриться каждому, подготовленъ ли онъ къ университету или нѣтъ. Самый экзаменъ на поступленіе въ университетъ слѣдуетъ понимать не какъ экзаменъ на какое-нибудь право, а какъ мѣру, которая даетъ возможность молодымъ людямъ удостовѣриться въ своихъ силахъ — опредѣлить, получили ли они достаточное общее образованіе, чтобъ съ бòльшей пользой приняться за изученіе наукъ, принадлежащихъ къ той отрасли знаній, къ которой они чувствуютъ особенную склонность. Вотъ почему въ статьѣ моей о вступительныхъ университетскихъ экзаменахъ, я предлагалъ, — не уничтожая этихъ экзаменовъ, предоставить въ то же время возможность учиться въ университетѣ всѣмъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ не державшіе вступительнаго экзамена были обязаны, если ищутъ университетской степени, выдержать сначала вступительный экзаменъ — все равно, захотятъ ли они держать его черезъ годъ, два, три послѣ того, какъ они стали слушать университетскій курсъ, или даже въ концѣ курса. Можетъ часто случиться, что молодой человѣкъ, съ достаточными свѣдѣніями по многимъ предметамъ и съ достаточной степенью развитія, не имѣлъ прежде возможности, по недостатку средствъ или по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, изучить одного или даже нѣсколькихъ предмемовъ изъ тѣхъ, которые требуются для поступленія въ университетъ. Онъ въ состояніи съ пользой слушать университетскія лекціи; притомъ въ университетскомъ городѣ ему гораздо болѣе возможности изучить и тѣ предметы гимназическаго образованія, которыхъ изучить прежде не имѣлъ средствъ. При благородномъ направленіи товарищества, вѣроятно, найдутся такіе студенты, которые примутъ на себя трудъ помочь бѣднымъ товарищамъ въ заведеніяхъ....

Главная причина, по которой для частныхъ учебныхъ заведеній такъ трудно соперничество съ гимназіями—та, что образованіе въ гимназіяхъ несравненно дешевле; притомъ гимназіи имѣютъ болѣе учебныхъ средствъ — имѣть порядочную библіотеку, различные кабинеты, для частнаго заведенія дѣло весьма трудное.... Желать для гимназій какихъ-либо привилегій, чтобъ еще болѣе затруднить соперничество съ ними частныхъ заведеній, значитъ желать неуспѣха и частнымъ заведеніямъ, и гимназіямъ. Отстаивая самостоятельность гимназій, я въ то же время стою за полную независимость отъ нихъ частныхъ учебныхъ заведеній, и считаю необходимымъ отстраненіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя могутъ дать незаконный перевѣсъ первымъ надъ послѣдними. Полная гарантія частныхъ учебныхъ заведеній, необходимая для ихъ успѣха, необходима въ то же время и для успѣха гимназій. Преподавателямъ частнаго заведенія, котораго ученики экзаменуются въ гимназіи для поступленія въ университетъ, слѣдуетъ предоставить право участвовать въ испытаніи не только своихъ учениковъ, но и воспитанниковъ гимназіи; присутствовать потомъ въ совѣтѣ, протестовать противъ рѣшенія гимназическаго совѣта. Тѣмъ воспитанникамъ и гимназіи и частнаго заведенія, по поводу которыхъ произошли разногласія между гимназическимъ совѣтомъ и частными преподавателями, должно быть предоставлено право подвергнуться новому испытанію въ университетскомъ городѣ въ особой коммиссіи, членами которой могутъ быть и преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній, и профессора — вообще эксперты. Подобная мѣра не представляетъ никакихъ затрудненій и служила бы полной гарантіей для частныхъ заведеній. Ясно, что при этой мѣрѣ только на самое незначительное число лицъ падетъ необходимость отправляться для испытанія въ университетскіе города, — а совѣтъ Московскаго университета подвергаетъ такой необходимости всѣхъ. Случаи протестовъ частныхъ заведеній будутъ, я увѣренъ, очень рѣдки. Изъ какого побужденія гимназіямъ завистливымъ окомъ смотрѣть на успѣхъ частныхъ заведеній и дѣлать притѣсненія ихъ воспитанникамъ? Въ средствахъ гимназіи совершенно обезпечены. Нужно развѣ предположить особенное злорадство въ гимназическихъ преподавателяхъ,—но и противъ злорадства, противъ всякой вольной и невольной несправедливости, предложенная мѣра гарантируетъ частныя заведенія.... Самые экзамены притомъ должны происходить публично. Мало того, пусть будетъ предоставлено право каждому — будетъ ли это оффиціальное или частное лицо — печатать

свой отзывъ, свои замѣчанія объ экзаменѣ. Всякій долженъ имѣть право и въ продолженіе курса посѣщать гимназіи, присутствовать во время уроковъ и свободно печатать свои замѣчанія. Такимъ образомъ въ рукахъ правительства и въ рукахъ общества будутъ всѣ данныя для постояннаго контроля. Напрасно возразятъ, что общество наше равнодушно, что оно не принимаетъ никакого участія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. До этихъ поръ такъ мало было въ обществѣ увѣренности, что его контроль, въ какомъ бы то ни было отношеніи, можетъ повлечь за собой серьезныя послѣдствія, и несмотря на то можно указать не одинъ примѣръ, что когда общество рѣшительно подавало свой голосъ противъ неспособности или противъ злоупотребленій лицъ, которымъ было поручено дѣло воспитанія — лица эти были отстраняемы, или были поставлены въ необходимость отстраниться сами. *Предоставить учебнымъ заведеніямъ полную свободу въ ихъ внутренней дѣятельности и вмѣстѣ поставить ихъ въ такія условія, при которыхъ все, что въ нихъ дѣлается, дѣлалось бы открыто — вотъ единственное вѣрное средство и для самаго строгаго контроля надъ ними и для постепеннаго ихъ совершенствованія....*

Еслибы совѣтъ Московскаго университета строго вдумался въ послѣдствія, которыя должна повлечь за собою предлагаемая имъ мѣра о томъ, чтобъ всѣ являлись экзаменоваться въ университетскіе города, — онъ никогда не рѣшился бы предлагать ея. Чтобъ быть послѣдовательнымъ, совѣтъ долженъ требовать для университетовъ исключительнаго права экзаменовать на званія домашнихъ учителей и учительницъ, на званія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Право учить и воспитывать другихъ, конечно, болѣе серьезное, чѣмъ право учиться. Пусть себѣ люди, лишенные средствъ, совершаютъ путешествія за нѣсколько сотъ верстъ въ университетскія города туда и обратно, — да въ случаѣ неуспѣха, еще и напрасно.... Оставить за гимназіями право, или, вѣрнѣе, трудъ экзаменовать и желающихъ поступить въ университетъ, и тѣхъ, которые ищутъ званія учителей и учительницъ, въ настоящее время дѣло необходимости по отношенію къ большей части губернскихъ городовъ. Распространится число общеобразовательныхъ заведеній, увеличится число лицъ, имѣющихъ серьезныя свѣдѣнія по разнымъ предметамъ, — можно будетъ для всякихъ экзаменовъ образовывать коммиссіи. Членами такихъ коммиссій могутъ быть и профессора университета, если коммиссія въ университетскомъ городѣ, и преподаватели разныхъ учебныхъ заведеній, и не преподавате-

ли, — вообще эксперты. Тогда и университетъ, и гимназіи будутъ отстранены отъ всякихъ экзаменовъ. Всевозможные экзамены — и на поступленіе въ университетъ, и на разныя учебныя и ученыя степени, какія только будутъ существовать, — могутъ тогда производиться въ коммиссіяхъ. Такъ это дѣлается н. п. въ Женевскомъ кантонѣ и нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ Швейцаріи. Мѣру эту, мнѣ кажется, уже въ настоящее время можно привести въ исполненіе не только въ университетскихъ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ. Организація университета, на основаніи начала свободнаго преподаванія по отношенію къ преподавателямъ, и на основаніи свободнаго выбора преподавателей по отношенію къ слушателямъ, будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ, какъ мы увидимъ дальше, и учрежденіе отдѣльныхъ, независимыхъ отъ университетовъ, коммиссій изъ экспертовъ для экзаменовъ на ученыя степени. Члены такихъ коммиссій въ Швейцаріи получаютъ по нѣскольку франковъ за каждое засѣданіе. Само собою разумѣется, что коммиссіи эти должны быть мѣстныя; разсылать ихъ для экзаменовъ по всему необъятному пространству Россіи — представило бы неизчислимыя затрудненія, а главное, потребовало бы огромныхъ издержекъ. И безъ того у насъ тратятся огромныя суммы на путевыя издержки лицамъ, посылаемымъ *для обозрѣванія*, часто совершенно безполезнаго. Къ тому же у нашихъ чиновниковъ такая сильная страсть обозрѣвать: не такъ давно н. п. г. Ешевскій въ Атенеѣ просился, чтобъ его пустили обозрѣвать; теперь медицинскій факультетъ Московскаго университета просится....

Въ протоколѣ совѣта сказано, что члены *единогласно признали полезнымъ* производить испытаніе всѣмъ въ университетѣ. Только совершеннымъ равнодушіемъ къ дѣлу можно объяснить такое единодушіе.... Въ заключеніе обратимъ общее вниманіе на *особый*, не новый впрочемъ, *способъ убѣждать*. Въ отдѣльномъ мнѣніи своемъ профессоръ Ешевскій выразился такъ: «Передачею вступительнаго экзамена гимназіямъ шире прежняго раскрываются двери въ университетъ *всѣмъ вреднымъ элементамъ*». Потомъ въ одномъ мѣстѣ протокола, между мотивами, по которымъ совѣтъ считаетъ вреднымъ, чтобъ вступительный экзаменъ происходилъ въ гимназіяхъ, выставленъ такой мотивъ: «*отъ этого зависитъ спокойствіе университета*». Пусть общественное мнѣніе судитъ справедливость подобныхъ намековъ.... А вѣдь какой горячій протестъ *подписали* профессоры Московскаго университета противъ Аскоченскаго за подобный способъ убѣждать.

Выставлю теперь въ общихъ чертахъ характеристическія стороны протокола совѣта Московскаго университета.

Совѣтъ, при обсужденіи проекта, упустилъ самое главное — не установилъ положительной точки зрѣнія на организацію университета: оттого замѣчанія совѣта лишены строгаго, серьезнаго, логическаго характера; оттого онъ упускаетъ изъ виду вопросы существенные и трудится надъ такими, рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ мѣстныхъ случайныхъ условій: въ какомъ случаѣ двумя третями голосовъ рѣшать дѣло, въ какомъ — абсолютнымъ большинствомъ? можно ли передавать свой шаръ другому? можно ли по передачѣ получить болѣе одного шара? какая баллотировка полезнѣе — тайная или явная? въ какихъ случаяхъ употреблять тайную баллотировку? сколько голосовъ должно быть въ пользу тайной баллотировки, чтобъ она могла быть допущена? называться университету высшимъ учебнымъ, или вмѣстѣ и ученымъ, или вмѣстѣ и высшимъ ученымъ учрежденіемъ? (и по большинству голосовъ рѣшили, что слѣдуетъ ему называться вмѣстѣ и высшимъ ученымъ). Кому подчинить инспектора — попечителю, ректору или правленію? Быть ли ему членомъ правленія? Если быть, то имѣть ли голосъ? (И рѣшили большинствомъ голосовъ: подчинить его правленію, звать его иногда въ правленіе, но голоса ему не давать)....

Вслѣдствіе отсутствія твердыхъ убѣжденій, вслѣдствіе шаткости воззрѣнія, недостатка зрѣлой обдуманности, члены совѣта въ одномъ случаѣ выражаютъ одно убѣжденіе, въ другомъ — совершенно противоположное этому; предлагаютъ часто такія мѣры, которыя ведутъ къ послѣдствіямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, какія имѣлись въ виду:

Нападаютъ на монополію (выраженіе совѣта) гимназій экзаменовать — и не нападаютъ на монополію замкнутой университетской корпораціи и преподавать и раздавать ученыя степени.

Доказываютъ необходимость для университета дѣятельности самостоятельной — и предлагаютъ стѣснить самостоятельность гимназій.

Придумываютъ для университета положенія, которыя ставятъ профессоровъ внѣ всякаго контроля, — и навязываютъ гимназіямъ свой беззаконный контроль.

По отношенію къ себѣ, «профессоры выражаютъ убѣжденіе, что они *получатъ только бо́льшую силу въ исполненіи обязанностей отъ ближайшей связи съ главнымъ начальствомъ*», — а по отноше-

нію къ гимназіямъ, члены же совѣта (медицинскій факультетъ) выражаютъ убѣжденіе въ необходимости новой инстанціи.

Совѣтъ желаетъ университету процвѣтанія — и предлагаетъ мѣры, способствующія его коснѣнію.

Совѣтъ выражаетъ желаніе, чтобъ люди бѣдные не лишены были возможности получить университетское образованіе—и предлагаетъ мѣру, которая у большей части бѣдныхъ отнимаетъ такую возможность....

—

Въ объяснительной запискѣ къ проекту устава сказано, что «*коммиссія считала одною изъ своихъ главныхъ задачъ развить въ уставѣ такія начала, которыя усилили бы самодѣятельность ученаго университетскаго сословія*». — «*Для достиженія этой цѣли коммиссія старалась опредѣлить положительнѣе обязанности, возлагаемыя на университеты, дабы они имѣли полную возможность дѣйствовать съ успѣхомъ по всѣмъ тѣмъ частямъ, по коимъ повѣрка высшей власти, встрѣчая непреодолимыя препятствія, обращается въ формальность, освобождающую отъ отвѣтственности подчиненныя мѣста и лица*». — Безъ свободы, безъ самостоятельности успѣхъ учрежденія немыслимъ. Но, дѣйствуя самостоятельно, учрежденіе въ то же время должно находиться въ такихъ условіяхъ, при которыхъ оно имѣло бы *побужденіе* къ возможно большему совершенствованію своей дѣятельности, и *стремленіе* приносить возможно большую пользу. Самостоятельность, стало быть, есть условіе, для успѣха всякаго учрежденія необходимое, но не единственное. Необходимы еще *свободная конкуренція* и *полная открытость дѣйствій*. Тогда только лица, заинтересованныя дѣятельностью учрежденія, будутъ имѣть всѣ данныя для сравненія, для оцѣнки дѣятелей, для суда надъ ними и, вслѣдствіе того, для свободнаго выбора между ними. Вотъ почему, при составленіи устава университета, необходимо принять въ основаніе слѣдующія начала: 1) *предоставленіе каждому права свободнаго преподаванія;* 2) *предоставленіе каждому права и возможности печатно обсуждать не только чтенія университетскихъ преподавателей, но и все, въ чемъ ихъ дѣятельность проявляется, — вслѣдствіе этого протоколы засѣданій университетскаго совѣта и факультетовъ должны печататься;* 3) *предоставленіе каждому, желающему учиться въ университетѣ, права избирать для себя такого преподавателя, отъ котораго онъ надѣется получить наибольшую пользу.* Безъ этихъ

началъ немыслимо обновленіе университетовъ, невозможна ихъ живая организація. Составленіе университетскаго устава на такихъ основаніяхъ — въ интересахъ правительства, въ интересахъ общества, въ интересахъ учащихся. Коммиссія, составлявшая проектъ устава, признала, какъ мы видѣли, что самодѣятельность необходима, что повѣрка высшей власти обращается въ формальность. Но положеніями проекта предоставляется самодѣятельность *не университету*, а замкнутой корпораціи профессоровъ, безъ всякаго ручательства, что корпорація эта, дѣйствуя самостоятельно, будетъ имѣть и необходимость и возможность дѣйствовать съ пользой. Хорошій составъ профессоровъ, полезная ихъ дѣятельность, будутъ, при такихъ условіяхъ, дѣломъ случая. Подберется большинство такихъ членовъ, для которыхъ интересъ научный далеко не на первомъ планѣ, которые руководствуются болѣе побужденіями своекорыстными, нежели стремленіемъ принести пользу слушателямъ,— вліяніе достойныхъ лицъ будетъ парализовано, и для университета на долгое время будетъ подавлена возможность обновленія....

Для предоставленія права преподавать въ университетѣ не необходимо, по моему мнѣнію, даже то единственное условіе, которое предлагаютъ составители проекта положеній о публичныхъ курсахъ—именно удостовѣреніе въ знаніи науки. Скорѣе недостатокъ увѣренности въ силахъ остановитъ и того, кто могъ бы достойно занять каѳедру, чѣмъ изъ самоувѣренности взойдетъ на нее человѣкъ не приготовленный. А еслибъ послѣднее и случилось, — потерпѣло бы лицо, не разсчитавшее своихъ силъ, а никакъ не слушатели, не общество. Для слушателей при этомъ нужна только гарантія матеріальныхъ интересовъ. Необходимъ законъ, по которому лицо, въ первый разъ выступающее на извѣстную каѳедру, не имѣло бы права назначать платы за слушаніе лекцій до тѣхъ поръ, пока явится возможность установиться положительному мнѣнію и о научныхъ свѣдѣніяхъ новаго преподавателя и о способности его къ дѣлу преподаванія. Вотъ почему впродолженіе нѣкотораго времени должно быть предоставлено всѣмъ, кто только пожелаетъ, — право посѣщать чтенія новаго преподавателя безплатно. Это дастъ возможность высказаться и изустно и печатно мнѣніямъ какъ оффиціальныхъ, такъ и неоффиціальныхъ лицъ.... Другаго болѣе серьезнаго, болѣе надежнаго, болѣе законнаго средства къ установленію положительнаго мнѣнія о достоинствѣ какой бы то ни было дѣятельности нѣтъ. При свободной конкуренціи, т. е. при совмѣстномъ преподаваніи нѣсколькихъ лицъ по одной и той же каѳедрѣ,

при возможности для студентовъ свободнаго выбора между преподавателями,—вреда для слушателей не можетъ быть, еслибъ и явился какъ-нибудь на каѳедрѣ человѣкъ недостойный: онъ очень скоро убѣдился бы въ невозможности держаться на ней...

Естественное вознагражденіе преподавателей есть плата, которую обязанъ вносить, кто пользуется ихъ трудомъ (гонорарій). Но такъ какъ большая часть лицъ, занимающихся спеціальнымъ изученіемъ извѣстной отрасли знаній, съ цѣлью сдѣлаться потомъ университетскими преподавателями, нуждаются въ ручательствѣ, что такая дѣятельность дастъ имъ вѣрныя средства къ жизни и къ занятіямъ,—а между тѣмъ обезпеченіе, которое составляется гонораріемъ, подвержено колебаніямъ; такъ какъ притомъ нѣкоторыя каѳедры, по самому свойству, не могутъ расчитывать на значительное число слушателей; такъ какъ наконецъ—и это самое главное—для общества и для правительства нужна гарантія, что существованіе каѳедръ по разнымъ отраслямъ необходимыхъ знаній не будетъ поставлено въ зависимость отъ случая, и что каждая каѳедра будетъ имѣть по крайней мѣрѣ одного преподавателя: то поэтому необходимы штатныя каѳедры, штатные преподаватели съ положительнымъ окладомъ жалованья, съ положительными служебными правами. За слушаніе лекцій штатнаго профессора студентъ вноситъ плату, назначаемую правительствомъ; за слушаніе лекцій частнаго преподавателя студентъ платитъ гонорарій, назначаемый этимъ преподавателемъ. Такъ какъ штатные профессора получаютъ содержаніе отъ правительства, то сумма, вносимая студентами за право посѣщать ихъ лекціи, должна поступать въ составъ университетскаго капитала. Сумма, которую платятъ студенты за право посѣщенія лекцій частнаго преподавателя, должна составлять его собственность. Прямое слѣдствіе отсюда, что и освобожденіе людей недостаточныхъ отъ платы, въ первомъ случаѣ, вполнѣ зависитъ отъ воли правительства, во второмъ — отъ воли каждаго частнаго преподавателя.

Избраніе штатныхъ преподавателей законнымъ образомъ должно принадлежать правительству. Право свободнаго преподаванія и право слушателей на свободный выборъ между преподавателями — существованіе этихъ двухъ началъ будетъ служить для каждаго лица, представляющаго собою органъ правительства, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ возможно-лучшему выбору штатныхъ преподавателей,—и органъ правительства — министръ или попечитель, будетъ, по обстоятельствамъ, употреблять тотъ или другой

способъ избранія, смотря по тому, какой представляетъ самое надежное ручательство для избранія лица дѣйствительно достойнаго; онъ или самъ изберетъ такое лицо, или поручитъ корпораціи штатныхъ профессоровъ, или обратится за совѣтомъ къ частнымъ преподавателямъ, или поручитъ избраніе тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Чаще всего штатные преподаватели, конечно, будутъ избираться изъ приватъ-доцентовъ. При такихъ условіяхъ нельзя опасаться, что или произволъ, или капризъ, или излишняя самоувѣренность, или вообще какое-нибудь чисто-личное побужденіе, будутъ руководить тѣмъ, кто имѣетъ право избирать, — въ противномъ случаѣ, несостоятельное избраніе дастъ себя сильно почувствовать, и вся отвѣтственность обрушится на того, кто его виновникъ. Притомъ, въ случаѣ избранія лица недостойнаго, страдали бы и матеріальные интересы: слушателей у такого преподавателя ожидать нельзя, и правительству пришлось бы платить жалованье человѣку, не приносящему пользы...

При организаціи университета на такихъ началахъ, оставить за штатными профессорами право экзаменовъ на ученыя званія и степени было бы непослѣдовательно и незаконно: такое право внесло бы въ организацію университета чуждый ей элементъ, подорвало бы свободную конкуренцію и повредило бы организаціи въ самомъ основаніи. Если даже предположить, что профессора будутъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относиться къ экзаменующимся, чей бы курсъ они ни слушали: то во всякомъ случаѣ нельзя поручиться, что лицо, которое имѣетъ въ виду впослѣдствіи держать экзаменъ на извѣстное ученое званіе или степень, будетъ, при выборѣ преподавателя, руководствоваться только однимъ законнымъ разсчетомъ — именно разсчетомъ вынести наибольшую для себя пользу въ научномъ отношеніи, — и никакимъ другимъ побужденіемъ, никакимъ другимъ разсчетомъ...

Оффиціальные члены факультетскихъ собраній и совѣта — конечно, штатные профессора. Но, при организаціи университета на основаніяхъ, изложенныхъ выше, собственный интересъ штатныхъ профессоровъ заставитъ ихъ избѣгать всякой исключительности, замкнутости, и приглашать приватъ-доцентовъ къ участію въ совѣщаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, каждому приватъ-доценту отдѣльно и цѣлому обществу приватъ-доцентовъ должна быть предоставлена возможность заявлять свои мнѣнія, свои нужды университетскому совѣту, попечителю, министру.....

Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, такія общія положенія устава:

1) Каждому лицу предоставляется право открыть въ университетѣ курсъ чтеній по той или другой каѳедрѣ. Число частныхъ преподавателей (приватъ-доцентовъ) не ограничивается. Такимъ образомъ въ одно и то же время, по одной и той же каѳедрѣ можетъ быть нѣсколько преподавателей, изъ которыхъ одинъ есть штатный профессоръ, всѣ остальные — приватъ-доценты. Лицо, желающее открыть курсъ чтеній по какой-либо университетской каѳедрѣ, заявивъ о своемъ желаніи попечителю, объявляетъ печатно о предметѣ и времени чтеній и затѣмъ въ назначенной аудиторіи открываетъ курсъ.

2) Правительство для каждой университетской каѳедры избираетъ штатнаго профессора. Число штатныхъ профессоровъ соотвѣтствуетъ числу каѳедръ, признанныхъ необходимыми въ различныхъ факультетахъ.

3) Штатные профессора пользуются извѣстными служебными правами и преимуществами. Приватъ-доценты, дѣятельность которыхъ признана полезною, получаютъ право на пенсію на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія будутъ положены для штатныхъ профессоровъ.

4) Каждый студентъ имѣетъ право слушать университетскій курсъ по всякой каѳедрѣ или у штатнаго профессора, или у приватъ-доцента, по своему выбору.

5) Штатные профессора получаютъ штатное, назначенное правительствомъ, жалованье; приватъ-доценты жалованья отъ правительства не получаютъ.

6) Студенты и слушатели за право посѣщать лекціи кого-либо изъ штатныхъ профессоровъ вносятъ въ началѣ семестра назначенную правительствомъ плату за каждую каѳедру. Сумма, такимъ образомъ собранная, поступаетъ въ составъ университетскаго капитала.

7) Студенты и слушатели, желающіе посѣщать курсы частныхъ преподавателей, платятъ имъ вознагражденіе (гонорарій) въ томъ размѣрѣ, въ какомъ каждый преподаватель назначитъ.

8) Доступъ на лекціи къ преподавателю, который въ первый разъ открываетъ чтенія по какой-либо каѳедрѣ, свободенъ для всѣхъ, безъ всякаго вознагражденія впродолженіе первой половины семестра; только по истеченіи первой половины семестра, такой преподаватель имѣетъ право назначить извѣстный гонорарій, и тѣ

которые намѣрены посѣщать и остальную половину семестра, обязаны внести назначенный гонорарій.

9) Недостаточныя лица, посѣщающія лекціи штатныхъ профессоровъ, могутъ, по усмотрѣнію правительства, быть освобождены отъ платы за слушаніе лекцій или по всѣмъ каѳедрамъ факультета, или только по нѣсколькимъ. Недостаточныя лица, желающія безплатно посѣщать лекціи приватъ-доцентовъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы только съ согласія приватъ-доцентовъ.

10) Экзамены на ученыя степени и званія производятся особыми коммиссіями; коммиссіи эти составляются изъ штатныхъ профессоровъ, которыхъ каѳедры находятся въ тѣсной связи съ предметами испытанія, и изъ экспертовъ — приватъ-доцентовъ, преподавателей разныхъ учебныхъ заведеній и вообще лицъ, имѣющихъ спеціальныя свѣдѣнія по тѣмъ наукамъ, по которымъ происходитъ испытаніе. Назначеніе штатныхъ профессоровъ въ члены коммиссіи зависитъ отъ университетскаго совѣта, приглашеніе экспертовъ — отъ попечителя. Экзамены должны производиться публично.

11) Университетскій совѣтъ, факультеты, коммиссіи для испытаній обязаны печатать свои протоколы.

12) Каждое лицо имѣетъ право печатно обсуждать протоколы университетскаго совѣта, факультетовъ и коммиссій для испытаній.

—

Въ слѣдующей статьѣ я передамъ мои замѣтки о состояніи учебныхъ заведеній за границей, и по поводу проекта новаго устава и замѣчаній на проектъ, сдѣланныхъ совѣтомъ Московскаго университета, изложу мнѣніе объ организаціи среднихъ и элементарныхъ учебныхъ заведеній.

XXXII.

Что нужно для Русскихъ университетовъ? Профессора Московскаго университета Чичерина.

I.

Въ нашихъ журналахъ возникла жаркая полемика по поводу замѣтки г. Костомарова о нашихъ университетахъ, помѣщенной въ № 237 *Санктпетербургскихъ вѣдомостей.* Этотъ вопросъ отвѣ-

чаетъ самому живому современному интересу. Положеніе нашихъ университетовъ, по очень понятнымъ причинамъ, занимаетъ всѣ умы. Съ судьбою Русскаго просвѣщенія связана, можно сказать, самая судьба Россіи, для которой просвѣщеніе составляетъ насущную потребность. Мы считаемъ не лишнимъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ, потому что, по нашему убѣжденію, для Русскаго просвѣщенія не можетъ быть бóльшаго удара, какъ исполненіе мысли г. Костомарова. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе высшаго преподаванія, и обращеніе нашихъ университетовъ въ дѣло общественнаго развлеченія.

Г. Костомаровъ отправляется отъ различія воспитанія и образованія. Это различіе проводится въ рядѣ самыхъ блистательныхъ антитезовъ: «Воспитаніе есть приготовленіе къ жизни, образованіе есть душа жизни. Воспитаніе принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ и не прекращается до старости.... Воспитаніе даетъ нѣжный и, такъ сказать, тающій матеріалъ; образованіе сообщаетъ ему плотность и крѣпость. Воспитаніе и образованіе въ жизни словно абрисъ и растушовка въ рисункѣ» и т. д. и т. д.

Безподобно! Одного только мы здѣсь напрасно станемъ искать, именно: чтò нужно для молодыхъ людей, вышедшихъ изъ отрочества и не вступившихъ еще въ зрѣлый возрастъ, т. е. не избравшихъ себѣ поприща, не начавшихъ еще дѣйствовать въ жизни; однимъ словомъ, чтò нужно для юношей: воспитаніе или образованіе? А въ этомъ состоитъ все дѣло. Это единственное, чтò слѣдовало разъяснить. Г. Костомаровъ просто забылъ, что существуетъ возрастъ средній между отрочествомъ и зрѣлостью, — возрастъ, въ которомъ люди готовятся еще къ жизни, въ которомъ свободное и систематическое ученіе составляетъ спеціальное занятіе. Вспомни онъ объ этомъ — и всѣ его блистательные антитезы исчезли бы, какъ дымъ. Не было бы возможности противопоставить воспитательно-учебныя заведенія образовательно-ученымъ, и рѣзко разграничить способы преподаванія въ тѣхъ и другихъ; не было бы возможности сказать, что воспитаніе есть гимнастика, что задача его — наполнять память матеріаломъ, что ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на вѣру, жить его умомъ и тому подобныя глубокомысленныя педагогическія замѣчанія.

Между тѣмъ забыть юношество было не совсѣмъ легко. Оно постоянно было на глазахъ у г. Костомарова; онъ читалъ для него

лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Но вниманіе г. Костомарова обращено не на студентовъ, а на массу публики, на людей всѣхъ половъ, возрастовъ и званій, которые могутъ стекаться въ аудиторіи и слушать краснорѣчиваго преподавателя. Для публики онъ приберегъ все свое сочувствіе. О юношествѣ нѣтъ и помину.

И вотъ, изъ этого опущенія возникаетъ цѣлый великолѣпный планъ для будущности нашихъ университетовъ. Тутъ есть все, что можетъ плѣнить современнаго Русскаго либерала, — и радикальное преобразованіе, и современныя потребности, и открытыя настежъ двери, и контроль общественнаго мнѣнія. Нѣтъ только студентовъ и университетовъ: одни преданы забвенію, другіе преданы погибели. О преобразовательная мудрость нашихъ передовыхъ людей, вожатаевъ молодаго поколѣнія! Бѣдная Россія!

Юность существуетъ. Въ этомъ трудно сомнѣваться. Молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ гимназіи, или получившій соотвѣтствующее этому курсу домашнее воспитаніе, прежде нежели вступаетъ въ жизнь и избираетъ себѣ извѣстное поприще, долженъ пройти черезъ высшую школу, которая служитъ ему окончательнымъ приготовленіемъ для жизни. Въ эту пору университетъ принимаетъ его въ свои нѣдра. Здѣсь онъ находитъ умственную атмосферу, преданія науки, необходимость труда, товарищество и свободу, которыя облагороживаютъ его стремленія и даютъ ему возможность пріобрѣсть запасъ знанія и силъ для дальнѣйшей дѣятельности. Кто въ университетѣ видитъ одно чтеніе лекцій, на которыя можетъ стекаться публика, тотъ умѣлъ понять одну внѣшнюю форму преподаванія; тому чуждъ духъ университета.

Подъ именемъ университетовъ разумѣются именно высшія школы для молодыхъ людей. Подобныя учрежденія естественно вытекаютъ изъ потребностей юношескаго возраста. Во всѣхъ странахъ въ мірѣ они существуютъ на этихъ основаніяхъ. Въ Германіи они дѣйствуютъ превосходно. Въ нихъ молодые люди пріобрѣтаютъ ту основательность знаній и ту привычку къ честному труду, которыя составляютъ лучшія свойства Нѣмцевъ. Но г. Костомаровъ не потрудился навесть на этотъ счетъ какія бы то ни было справки. Въ его глазахъ университеты были осуждены заранѣе, потому что они не подходятъ подъ его антитезъ воспитательно-учебныхъ и образовательно-ученыхъ заведеній. Они, по его мнѣнію, не въ состояніи исполнить свое назначеніе, потому что составляютъ нѣчто неопредѣленное между тѣми и другими. А потому прочь ихъ! Давайте намъ чего-нибудь новенькаго!

У насъ въ Россіи, въ особенности, пребываніе въ университетѣ составляетъ свѣтлую точку между застоемъ провинціальной жизни и безпокойною пустотой жизни столичной. Нравственная сила университета, возможность плодотворнаго дѣйствія его на молодые умы заключаются въ его удаленіи отъ общественной среды, въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ вслѣдствіе живаго общенія преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющихъ одну цѣль — науку. Чѣмъ болѣе примѣшивается въ него постороннихъ и чуждыхъ стихій, чѣмъ живѣе въ немъ возбуждаются общественные вопросы и общественныя страсти, тѣмъ болѣе онъ уклоняется отъ своей цѣли, тѣмъ онъ становится безсильнѣе и безплоднѣе. Тѣ прискорбныя явленія, которыя были у насъ на глазахъ, слѣдуетъ приписать именно этому наплыву постороннихъ стихій. Университеты не съумѣли противостоять вторженію въ нихъ общественнаго безразсудства. Ихъ ли въ томъ вина или нѣтъ, — объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить.

Мы не хотимъ однако сказать, что университетъ долженъ быть замкнутымъ заведеніемъ. Студенты живутъ въ обществѣ, въ семьяхъ—этого требуетъ свобода, которая должна быть предоставлена юношескому возрасту. Университетъ всегда либерально растворялъ свои двери и постороннимъ слушателямъ, которые могли быть въ него допущены. Но они были въ немъ гости, а не хозяева. Аудиторія оостояла изъ массы студентовъ, исключительно посвящающихъ себя систематическому труду подъ руководствомъ профессора, а не изъ пестрой толпы лицъ разныхъ половъ, возрастовъ и званій, случайно стекающихся около каѳедры. Забывъ о существованіи юношества, г. Костомаровъ естественно не могъ обратить вниманіе на это простое различіе студентовъ отъ публики. Для студентовъ ученіе составляетъ жизненное занятіе. Оканчивая свое воспитаніе, они систематически изучаютъ извѣстную область наукъ. У нихъ впереди цѣль — экзаменъ, который побуждаетъ ихъ къ труду и составляетъ какъ бы двери, въ которыя они проходятъ при вступленіи въ жизнь. Напротивъ, для публики, въ которой каждый имѣетъ свои занятія, свою дѣятельность, изученіе науки всегда остается дѣломъ второстепеннымъ и постороннимъ. Каждый ограничивается тѣмъ, что его интересуетъ, и беретъ то, что ему кажется полезнымъ или пріятнымъ. Тутъ два рѣзко разграниченныхъ направленія; тутъ можно сдѣлать антитезъ, основанный на фактѣ. Но именно поэтому его и нѣтъ у г. Костомарова.

Уничтожьте это различіе, смѣшайте оба элемента, погрузите сту-

дентовъ въ массу публики, и они непремѣнно примутъ ея характеръ. Человѣкъ поневолѣ подчиняется вліянію той среды, въ которой онъ находится, заражается тѣмъ духомъ, который въ ней господствуетъ. Это вдвойнѣ справедливо относительно молодежи, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ такъ мало побужденій къ труду, гдѣ человѣкъ такъ легко поддается развращающему вліянію общества. Для поддержанія студента на пути научнаго труда, ему необходимы и особенность университетской жизни, въ которой онъ чувствуетъ себя дома, ближайшее нравственное отношеніе къ преподавателямъ, и удаленіе отъ общественныхъ развлеченій, и предстоящій экзаменъ, и наконецъ кругъ товарищей, которые всѣ заняты однимъ дѣломъ, которые всѣ имѣютъ одну цѣль и одни интересы.

Г. Костомаровъ возстаетъ на корпоративное устройство студентовъ. Онъ утверждаетъ, что корпорація «можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о взаимной защитѣ общаго дѣла или о сохраненіи общихъ привилегій». Мало того: г. Костомаровъ убѣжденъ, что корпоративное устройство противно духу Русскаго народа, что это у насъ «заимствованіе извнѣ, чистый анохронизмъ, непрактическая подражительность, столь свойственная намъ въ послѣдніе вѣка». Позвольте! восклицаетъ на это возражатель (см. № 241 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*), корпоративное устройство дѣйствительно заимствовано нами у иностранцевъ и не приходится Русскому народу. Но у Русскаго народа есть самобытное учрежденіе. Это—міръ. Не составляя корпораціи, студенты могутъ образовать изъ себя міръ. Это будетъ совершенно по-Русски. (Отличная мысль—превратить университетъ въ мірскую сходку!) — Посмотрите, продолжаетъ г. Костомаровъ, вотъ самъ Хомяковъ, «человѣкъ вполнѣ Русскій, говоритъ совсѣмъ не то: онъ хочетъ даже, чтобы всѣ учебныя заведенія вообще были открыты и чтобы экзамены производились публично».

Боже мой, гдѣ мы? Изъ какихъ закоулковъ человѣческаго мозга вытаскиваются у насъ доказательства при обсужденіи самыхъ живыхъ современныхъ вопросовъ? Къ чему эта лесть славянофильству, когда славянофильство здѣсь совершенно въ сторонѣ? Къ чему эта почтительная ссылка на Хомякова, который никогда не былъ педагогомъ и не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ даже и тѣни авторитета? Увы! мы воображали, что подобные доводы, отживши свой вѣкъ, отнесены въ давно забытый литературный хламъ. Горькое разочарованіе! Ну скажите, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на дѣло сквозь

призму различныхъ мечтаній о свойствѣ Русскаго духа, не лучше ли подойти къ вопросу просто и прямо, и спросить себя: что полезно для 20-лѣтнихъ юношей? Въ какихъ отношеніяхъ состоятъ между собою молодые люди, которые учатся съ одномъ заведеніи? Къ чему тутъ свойства народнаго духа? Къ чему противоположеніе Русскаго міра и Германской корпораціи? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, стоитъ взглянуть на то, что дѣлается вокругъ насъ. Всегда и вездѣ молодые люди, которые учатся въ одномъ заведеніи, считаютъ себя товарищами, и всякому извѣстно, что эта связь вовсе не та, которая существуетъ между сочленами одного гражданскаго общества. Учащіеся говорятъ о себѣ: *мы*, въ отличіе отъ посторонних, и естественно составляютъ родъ братства, хотя имъ не нужно ни защищать себя отъ враговъ, ни отстаивать общія привилегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ имѣетъ и корпоративное устройство, но оно обнимаетъ не однихъ студентовъ, а весь университетъ, составляетъ корпорацію учащихъ и учащихся. Пока онъ остается университетомъ, онъ не можетъ не составлять корпораціи именно потому, что это—особенное учрежденіе, имѣющее извѣстную цѣль и организацію, приспособленную къ этой цѣли. Эта корпорація не замкнута: она принимаетъ въ себя всѣхъ молодыхъ людей, желающихъ учиться; она допускаетъ въ себя и постороннія лица, не нарушая однако своего существеннаго характера, оставаясь университетомъ, назначеннымъ для высшаго преподаванія юношамъ. Послѣдніе, по самому своему положенію, тѣснѣе связаны между собою, нежели чуждые другъ другу члены гражданскаго общества. Товарищество—это жизнь студенчества. Сдержанное въ должныхъ предѣлахъ, это—лучшая школа для юношей, это—соревнованіе въ успѣхахъ, общеніе мыслей и интересовъ въ благороднѣйшей изъ цѣлей—въ общемъ дѣлѣ образованія; наконецъ, главное, это—привязанность къ мѣсту ученія, одно изъ лучшихъ чувствъ человѣка, но о которомъ г. Костомаровъ, по видимому, никогда и не помышлялъ. Превратите университеты въ публичныя мѣста, и все это разлетится въ прахъ. Лучшая пора жизни человѣка будетъ втоптана въ общую житейскую пошлость.

Что же сдѣлается тогда съ преподаваніемъ? Какой характеръ приметъ оно съ превращеніемъ университетовъ въ публичныя каѳедры? На немъ, безъ сомнѣнія, отразятся свойства слушателей. Аудиторія образуетъ профессора. Когда преподаватель, которому не чужды нравственныя побужденія, имѣетъ передъ собою студентовъ, въ немъ естественно пробуждается сознаніе той священ-

ной обязанности, которая на немъ лежитъ, обязанности—готовить на жизненное поприще молодыхъ людей, нѣкоторымъ образомъ ввѣренныхъ его руководству. Тутъ совѣстно сказать легкомысленное слово, которое можетъ имѣть вредныя послѣдствія; еще недостойнѣе обращать свое высокое призваніе въ средство для забавы или въ орудіе тщеславія. Тутъ есть нравственная связь между профессоромъ и аудиторіей, и это чувство долга и любви, эта pietas къ молодому поколѣнію, согрѣваетъ и воодушевляетъ преподавателя, когда онъ вступаетъ на каѳедру. Но когда, вмѣсто того, передъ нимъ пестрая толпа людей всѣхъ половъ, возрастовъ и званій, людей, для которыхъ изученіе науки не составляетъ серьезнаго дѣла жизни, но которые стеклись сюда, иные отъ скуки, другіе для празднаго удовольствія, третьи изъ моды или изъ тщеславія, и самая малая, можетъ быть, часть—изъ чистой жажды просвѣщенія; когда обязанность профессора популяризировать науку, превращать ее въ обиходную статью, размѣнивать ее на мелкую монету для обращенія на площади, тогда положеніе измѣняется; тогда поневолѣ закрадывается въ душу и желаніе играть общественную роль, и поползновеніе къ эффектамъ, которые получатъ громкую огласку, и стремленіе превратить науку въ орудіе для обсужденія живыхъ современныхъ вопросовъ, въ особенности же лесть публикѣ, которая составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ современнаго нашего либерализма, которая такъ и пышетъ изъ каждой строки тѣхъ мимолетныхъ произведеній, которыми украшается текущая наша литература,—лесть общественному мнѣнію, лесть извѣстному кружку или извѣстному направленію, но прежде всего лесть невѣжественной толпѣ, которая съ жадностью хватается за каждое слово, ниспадающее изъ устъ передоваго человѣка.

Противъ этого превращенія серьезнаго преподаванія въ общественную пропаганду или даже забаву, нельзя принять никакихъ мѣръ. Контроль общественнаго мнѣнія? Но сама публика ликуетъ и рукоплещетъ при каждой блистательной фразѣ, при каждомъ громкомъ эффектѣ. Контроль власти? Но опытомъ дознано, что въ этихъ случаяхъ онъ можетъ приносить много вреда, никогда пользу, и непремѣнно остается недѣйствительнымъ. Кому неизвѣстно, что мысль умѣетъ ускользнуть отъ всякаго надзора, что она, неуловимая, проникаетъ всюду и, какъ электрическая искра, сообщается умамъ, приготовленнымъ къ ея принятію? Достаточно малѣйшаго намека, малѣйшаго оттѣнка выраженія, чтобы поразить чуткость общественнаго вниманія, устремленнаго исключительно въ эту сто-

рону. Мало того: даже серьезная мысль, когда налагается на нее чужая рука, содрагается и негодуетъ, и старается отстоять драгоцѣнную для нея независимость уязвленіемъ враждебнаго ей направленія.

Много ли преподавателей устоятъ противъ подобныхъ искушеній, когда они повторяются ежедневно и осаждаютъ всю жизнь человѣка? На это нужно слишкомъ много нравственной силы. Не только у насъ, но и въ странахъ, гдѣ наука пустила болѣе глубокіе корни, гдѣ публика болѣе приготовлена къ серьезному преподаванію, мы видимъ замѣчательные примѣры подобнаго увлеченія. Стоитъ вспомнить нѣкоторые изъ самыхъ популярныхъ курсовъ въ Collège de France, гдѣ наука приноравливается къ цѣлямъ современной пропаганды, гдѣ весь смыслъ лекціи заключается въ завостреніи, которое возбуждаетъ громкія рукоплесканія живыми намеками на то, чего нельзя говорить прямо и открыто. Подобные курсы не только не приносятъ пользы, но развращаютъ публику, пріучая ее къ легкомысленному обращенію съ серьезнымъ дѣломъ.

Вообщее публичные курсы — случайность или роскошь. Иногда они могутъ имѣть свою пользу. Когда общество дремлетъ, они служатъ ему нѣкоторымъ возбужденіемъ; когда оно погружено въ житейскія заботы, они вносятъ въ него духовные интересы. Таково было значеніе нѣкоторыхъ курсовъ, которые читались въ Московскомъ университетѣ. Но это всегда дѣло второстепенное. На это не нужно особеннаго постояннаго учрежденія. Публичные курсы не созданы для систематическаго преподаванія науки, потому что публика въ систематическомъ преподаваніи не нуждается. Люди, достигшіе зрѣлаго возраста, заняты своимъ дѣломъ, продолжаютъ свое образованіе самостоятельною работой, чтеніемъ и литературой, которая имѣетъ значеніе для несравненно бо̀льшаго числа людей, нежели какое можетъ вмѣстить въ себя аудиторія. Тѣмъ же, которые захотятъ прослушать какой-нибудь университетскій курсъ, университетъ всегда готовъ открыть свои двери. Публичные курсы имѣли общее образовательное значеніе въ средніе вѣка, до изобрѣтенія книгопечатанія. Въ новое время, вслѣдствіе самой жизненной необходимости, университеты приняли ту форму, которую имѣютъ нынѣ. Возвращаться къ средневѣковому порядку, разрушая учрежденія, сложившіяся изъ опыта столѣтій, вытекшія изъ всего развитія новой исторіи, можно развѣ только въ обществѣ, которое представляетъ небывалое явленіе профессора, предлагающаго уни-

чтоженіе университетовъ и превращеніе ихъ въ совершенно другаго рода заведенія.

Мы въ Россіи находимся въ странномъ положеніи. Вездѣ кругомъ раздаются голоса: преобразованія! преобразованія! Это какъ бы потокъ, увлекающій людей въ невѣдомыя страны. Въ этомъ движеніи все созданное вѣками, все, что утвердилось на историческомъ преданіи, кажется ветхимъ хламомъ, рубищемъ, которое надобно съ себя сбросить. Намъ нужно новаго, небывалаго, нигдѣ неизвѣстнаго. Чужой опытъ намъ не урокъ; собственный опытъ мы презираемъ и довѣряемся одной только своей младенческой мысли. Наконецъ, на самыя лучшія учрежденія налагается святотатственная рука: скорѣй, скорѣй долой!

Одно изъ такихъ почтенныхъ, временемъ освященныхъ учрежденій, одно изъ лучшихъ созданій новой Россіи, это — наши университеты. Проходя чрезъ нихъ, Русское юношество совлекаетъ съ себя первобытную закоснѣлую пошлость Гоголевскихъ героевъ и начинаетъ пріобрѣтать духовные интересы и идеальныя стремленія. Пускай эти стремленія являются иногда въ нѣсколько безобразныхъ формахъ. Это естественный признакъ молодости. На университетахъ неизбѣжно отражается та шаткость, которая господствуетъ въ современномъ обществѣ. Но въ нихъ живетъ крѣпкое и серьезное преданіе, которое можетъ служить самымъ надежнымъ противодѣйствіемъ легкомысленнымъ увлеченіямъ общества, и которое одно въ состояніи возвратить разбредшіеся умы къ строгости и спокойствію научнаго труда. Университетъ — одно изъ тѣхъ учрежденій, которыя надо трогать осторожно, потому что они слишкомъ дороги сердцу Русскаго человѣка. На нихъ смотрятъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, какъ на старцевъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ расточали свои благодѣянія на Русской землѣ. Съ ними соединены имена людей, которыми мы гордимся. Къ нимъ многія поколѣнія обращаются, какъ къ святилищамъ, изъ которыхъ они вынесли лучшія надежды жизни и самыя завѣтныя воспоминанія молодости. Порвите эту нить, превратите университеты въ публичныя мѣста, въ общественныя каѳедры, тогда исчезнетъ послѣдній отпоръ тому невѣжественному легкомыслію, тому нравственному безначалію, той страсти къ мечтательнымъ нововведеніямъ, по которымъ безъ паруса и кормила носится Русская мысль.

Мы рѣшаемся сказать прямо и явно: наши университеты не нуждаются въ радикальномъ преобразованіи. Имъ нуженъ пере-

смотръ уставовъ, но скорѣе для того, чтобы возвратить имъ должное значеніе, чтобы утвердить ихъ на установленномъ преданіемъ пути, нежели для перестройки ихъ на новый ладъ. Университетамъ нужно не столько преобразованіе, сколько поддержка, а прежде всего нужны осторожность, уваженіе и любовь. Создаваемое сегодня можетъ уноситься завтра. Но того, что пустило въ жизни глубокіе корни и принесло многіе полезные плоды, особенно же учрежденій, которыя зиждутся на нравственномъ духѣ, слѣдуетъ касаться не легкою рукою журнальнаго борзописца, а со страхомъ и трепетомъ. Тутъ преобразованія должны совершаться не иначе, какъ по настоятельной необходимости, на основаніи зрѣлаго сужденія и ясно дознаннаго опыта. Иначе общество лишается всякихъ прочныхъ жизненныхъ основъ.

II.

Въ предъидущей статьѣ мы старались доказать необходимость сохраненія университетовъ въ настоящемъ ихъ видѣ и съ настоящимъ ихъ устройствомъ. Мы считаемъ не безполезнымъ обсудить и другой вопросъ, который теперь въ большомъ ходу, — вопросъ о служебныхъ преимуществахъ университетовъ. Не нужно ли ихъ отмѣнить, чтобы сдѣлать изъ университетовъ чисто-учебныя заведенія, а не средства для практическихъ цѣлей? По нашему мнѣнію, это было бы и непрактично, и несправедливо.

Прежде всего надобно замѣтить, что съ уничтоженіемъ разрядовъ преимущества университетовъ вовсе не велики. Въ 21 годъ получить 12-й классъ, какъ это бываетъ съ большинствомъ студентовъ, — не большой соблазнъ. Но, кромѣ того, служебныя преимущества университетовъ связаны съ цѣлою системой службы и народнаго образованія. Отмѣна ихъ возможна только при отмѣнѣ подобныхъ преимуществъ во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и при уничтоженіи чиновъ.

Чинъ, который дается при поступленіи на службу, означаетъ ту степень служебной іерархіи, съ которой служащій начинаетъ свое восхожденіе по этой лѣствицѣ. Это начало не можетъ быть одинаково для всѣхъ. Оно должно соразмѣряться прежде всего съ способностью человѣка: этого требуетъ не только справедливость, но и самая польза государства. Способность вступающаго на службу можетъ опредѣлиться только степенью его образованія. Поэтому кончившій курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи никакъ не мо-

жетъ быть уравненъ съ тѣмъ, который кончилъ курсъ въ низшемъ или даже вовсе не проходилъ никакого курса. Если они будутъ поставлены на одну ногу, то первому будетъ оказана несправедливость. Между тѣмъ, съ уничтоженіемъ служебныхъ преимуществъ университетовъ, вся выгода будетъ на сторонѣ меньшаго образованія. У насъ для восхожденія по чиновной лѣстницѣ требуется долгое время; слѣдовательно чѣмъ раньше начинать, тѣмъ лучше. Неужели же студентъ будетъ опереженъ своими сверстниками за то, что онъ четыре года учился, вмѣсто того, чтобъ 16-ти лѣтъ поступить на службу совершеннымъ неучемъ? Уничтоженіе служебныхъ преимуществъ университетовъ было бы ни чѣмъ инымъ, какъ преміей, данной невѣжеству. Подвигаться на службѣ можно будетъ всѣми путями, кромѣ пути образованія. Легко можетъ статься, что выгоднѣе всего будетъ вступать въ юнкера и потомъ переходить на службу гражданскую. Въ системѣ чиновъ все вяжется одно съ другимъ. Она обнимаетъ всѣ отрасли службы и всѣ учебныя заведенія. Нѣтъ возможности вырвать какую-нибудь одну часть и построить ее на иныхъ основаніяхъ, безъ соображенія со всѣми остальными и безъ измѣненія цѣлой системы.

Кромѣ того, преимущества, которыми пользуется образованіе на службѣ, важны не только для пользы самой службы, но и по нравственному вліянію на общество. Въ послѣднемъ естественно развивается мысль, что правительство считаетъ образованіе дѣломъ важнымъ; всѣ видятъ, что человѣкъ не можетъ иначе пробить себѣ путь, какъ образованіемъ. Эта мысль, въ нашемъ обществѣ, значительно погруженномъ еще въ невѣжество, до сихъ поръ оказывалась весьма благодѣтельною. Выгоды службы становились побужденіемъ къ ученью. Едва ли возможно совершенно осудить этого рода побужденія. Правда, что ученіе дѣлалось черезъ это средствомъ для практическихъ разсчетовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе въ глазахъ общества поднималось нравственно тѣмъ значеніемъ, которое придавалось ему государствомъ. Законы и учежденія всегда имѣютъ огромное вліяніе на общественное мнѣніе. Прочныхъ успѣховъ можно ожидать только тогда, когда самъ законъ оказываетъ покровительство тому, что полезно само по себѣ.

Въ настоящее время въ Русское общество вселилось, по видимому, болѣе безкорыстное стремленіе къ просвѣщенію. Однако и теперь трудно сказать, какое дѣйствіе можетъ произвесть уничтоженіе служебныхъ преимуществъ университетовъ. Мы полагаемъ, что къ этому преобразованію можно приступить только съ крайнею

осторожностью. Едва ли государство выиграетъ въ нравственномъ своемъ значеніи, если, при этомъ стремленіи Русскаго общества къ просвѣщенію, вдругъ будетъ объявлено, что на государственной службѣ образованіе вовсе не считается существеннымъ дѣломъ, и что если молодые люди хотятъ учиться, то они могутъ это дѣлать на собственную свою голову, съ потерею на службѣ противъ своихъ сверстниковъ.

На это возразятъ, что всѣ эти препятствія устранятся, если будутъ установлены особенные служебные экзамены для вступающихъ на службу. Тогда вопросъ сведется къ тому, полезно ли этими экзаменами замѣнить университетскіе? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Служебные экзамены могутъ быть двоякаго рода: общіе и спеціальные. Первые доставляютъ правительству удостовѣреніе въ томъ, что вступающій на службу имѣетъ достаточное общее образованіе. Таковы экзамены, которые существуютъ въ Англіи. Они учреждены нѣсколько лѣтъ тому назадъ для огражденія гражданской службы отъ наплыва невѣжества, какъ это очевидно изъ доклада учрежденной съ этою цѣлью парламентской коммиссіи. Недавно еще лордъ Малмсбери утверждалъ, что секретарю министерства иностранныхъ дѣлъ вовсе не нужно знать Англійской орѳографіи. Подобные экзамены становятся необходимы, главнымъ образомъ, за отсутствіемъ общей системы учрежденій для народнаго образованія.

Спеціальные экзамены существуютъ въ Германіи. Они введены вслѣдствіе того, что университетскіе экзамены кажутся недостаточными. Правительство требуетъ отъ служащихъ весьма значительныхъ спеціальныхъ свѣдѣній по тѣмъ отраслямъ службы, которымъ они себя посвящаютъ. Но вездѣ необходимое условіе испытанія — свидѣтельство, что экзаменующійся прослушалъ извѣстное число университетскихъ курсовъ. Университетское образованіе все-таки должно предшествовать.

Какого же рода служебные экзамены могутъ быть введены у насъ? Очевидно, не послѣдніе. Въ другихъ странахъ можно спорить о томъ, чего слѣдуетъ требовать отъ вступающихъ на службу: спеціальныхъ ли свѣдѣній, или одного общаго образованія, послѣднее въ томъ предположеніи, что спеціальныя свѣдѣнія будутъ пріобрѣтаться по мѣрѣ практическаго знакомства съ предметомъ. У насъ этотъ вопросъ не можетъ быть спорнымъ; господствующій уровень образованія исключаетъ возможность требованія спеціаль-

ныхъ свѣдѣній. Единственное, чего можно желать, это то, чтобы на службу вступали люди, имѣющіе достаточное общее образованіе. И этого трудно добиться. Но для этого рѣшительно нѣтъ нужды замѣнять университетскіе экзамены служебными. Какъ было уже замѣчено выше, служебные экзамены этого рода могутъ существовать только въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ нѣтъ общей системы учрежденій для народнаго образованія. У насъ аттестатъ учебнаго заведенія совершенно можетъ замѣнить всякій служебный экзаменъ. Такъ это дѣлается и во Франціи. Мы полагаемъ даже, что въ этомъ отношеніи университетскій экзаменъ имѣетъ значительныя преимущества передъ служебнымъ.

Прежде всего въ Россіи никто не можетъ поручиться за то, что служебные экзамены будутъ сколько-нибудь серьёзны. Здѣсь все зависитъ отъ людей, а мы слишкомъ хорошо знаемъ по опыту, что на добросовѣстное исполненіе своего долга у насъ нельзя всегда полагаться. Служебные экзамены на чинъ коллежскаго ассессора были введены у насъ въ 1809 году. Цѣль была превосходная, но испытаніе силою вещей обратилось въ пустую формальность. Въ настоящее время даже университетскіе экзамены слишкомъ часто бываютъ неудовлетворительны. Но студентъ, плохо сдавшій свой экзаменъ, все же выноситъ нѣкоторую пользу изъ своего пребыванія въ университетѣ: онъ слушалъ лекціи, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ сферѣ умственныхъ занятій, въ которой главный интересъ — наука. Когда же все дѣло будетъ ограничиваться плохимъ испытаніемъ, то пользы изъ этого не будетъ никакой. Это опять обратится въ пустую форму, чрезъ которую можно будетъ пройдти съ помощью легкаго зубренія, а часто и просто протекціи.

Во избѣжаніе этого, можно, пожалуй, требовать, чтобы держащій экзаменъ на службу предварительно прослушалъ нѣсколько университетскихъ курсовъ, какъ это дѣлается въ Германіи. Но возможно ли у насъ подобное требованіе? Очевидно, что служебныя преимущества университетовъ не только не уничтожатся, но значительно увеличатся, если предварительное слушаніе университетскихъ курсовъ будетъ вмѣнено въ обязанность всѣмъ чиновникамъ. Между тѣмъ выгоды отъ новыхъ экзаменовъ не будетъ никакой. Если испытаніе будетъ производиться изъ тѣхъ же предметовъ, и экзаменовать будутъ тѣ же самые профессора, которые преподаютъ въ университетѣ, то это не болѣе, какъ перенесеніе экзамена изъ одного зданія въ другое. Если же захотятъ экзаменаторами сдѣлать постороннія университету лица, то гдѣ найти

людей, спеціально знакомыхъ съ науками? Въ губернскихъ городахъ это просто невозможно. И по какой программѣ будутъ производиться испытанія? Въ университетахъ студенты экзаменуются изъ тѣхъ курсовъ, которые читали имъ профессоры. Каждый профессоръ знаетъ, чтò онъ читалъ, а потому знаетъ, чтò можно спрашивать. Этого рода испытанія безспорно имѣютъ многія неудобства: достаточно выучить лекціи, чтобы блистательнымъ образомъ пройти университетскій курсъ. Но, по крайней мѣрѣ, здѣсь есть возможность исполнить требованіе. При экзаменѣ посторонними лицами необходимо прибѣгать къ учебнымъ пособіямъ. А гдѣ ихъ найти на Русскомъ языкѣ? Положимъ даже, что для этого нарочно будутъ составлены учебники. Прежде всего можно утвердительно сказать, что большая часть изъ нихъ будутъ плохи. Но даже и хорошее пособіе не можетъ замѣнить живаго чтенія лекцій. Профессоръ, который слѣдитъ за наукой, можетъ сообщить слушателямъ множество свѣдѣній и взглядовъ, которыхъ они не найдутъ ни въ какомъ учебникѣ. Между тѣмъ все вниманіе учащихся будетъ устремлено на послѣдній. Онъ будетъ составлять для нихъ настоящую цѣль занятій, тогда какъ на слушаніе лекцій они будутъ смотрѣть, какъ на дѣло весьма второстепенное. Опытъ показываетъ, что мы не слишкомъ должны довѣрять безкорыстной работѣ студентовъ. Въ университетахъ недавно уничтожены переходные экзамены съ перваго курса на второй и съ третьяго на четвертый. Опытъ не показалъ благодѣтельныхъ послѣдствій этой мѣры: повидимому, даже совсѣмъ напротивъ.

Вообще въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ поступать съ крайнею осторожностью. Канцелярскій порядокъ можно измѣнять по произволу. Изъ этого большой бѣды не выйдетъ. Но когда имѣешь дѣло съ нравственными силами, которыя не поддаются произволу, когда нужно соображаться съ духомъ учрежденія или общества, тогда слѣдуетъ осмотрѣться десять разъ прежде, нежели приступить къ какой-нибудь реформѣ. Въ народномъ просвѣщеніи малѣйшая мѣра можетъ имѣть послѣдствія, за которыми едва можетъ услѣдить даже человѣкъ, близко знающій дѣло. Такъ напримѣръ самая, повидимому, незначительная вещь—запрещеніе студентамъ оставаться два года на одномъ курсѣ, лишаетъ университетъ возможности дѣлать строгіе экзамены, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ самое сильное побужденіе къ труду. Въ преобразованіяхъ такого рода нужно, прежде всего, очень близкое знакомство съ дѣломъ. На однихъ теоретическихъ соображеніяхъ или на либераль-

ныхъ желаніяхъ ничего нельзя основать. Тутъ прежде всего надобно знать: каковъ у насъ уровень просвѣщенія? чего можно требовать отъ учащихся? какими мы располагаемъ образовательными средствами? наконецъ, какіе способы дѣйствій, при существующихъ условіяхъ, могутъ принести пользу или вредъ? Затѣмъ необходима твердая и послѣдовательная система дѣйствій. Шаткость мѣръ производитъ шаткость въ умахъ, а для молодыхъ людей прежде всего нужно постоянство направленія. Тогда они чувствуютъ себя подъ разумнымъ руководствомъ и легко подчиняются этому руководству. Наконецъ прибавимъ, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, дѣло больше въ людяхъ, нежели въ учрежденіяхъ. Это бываетъ вездѣ. Когда извѣстная часть управленія идетъ неудовлетворительно, первое движеніе мысли — требовать перестройки и передѣлки. Составляются новыя правила, создаются новыя учрежденія, а дѣло идетъ такъ же плохо, какъ и прежде. Отчего? оттого, что люди остались тѣ же.

III.

Г. Костомаровъ правъ, когда говоритъ, что, возражая ему, я имѣлъ въ виду не столько то, что нужно, сколько то, что ненужно для Русскихъ университетовъ. Я думаю, что не въ газетной полемикѣ можно, какъ слѣдуетъ, обсуждать эти вопросы. Тутъ необходимо серьезное и основательное изслѣдованіе, изученіе состоянія какъ нашихъ университетовъ, такъ и другихъ имъ подобныхъ. Я взялся за перо единственно потому, что въ томъ шаткомъ положеніи, въ которомъ мы находимся, при господствующей подвижности общественнаго мнѣнія, вдругъ изъ среды самаго университетскаго сословія раздался голосъ въ пользу уничтоженія настоящаго значенія университетовъ, — значенія, которое утвердилось опытомъ вѣковъ и въ другихъ государствахъ, и у насъ. Когда затрогиваются самыя живыя наши привязанности, самые драгоцѣнные намъ интересы, волею или неволею вырывается слово протеста. Если я снова рѣшаюсь возражать г. Костомарову, не смотря на свое отвращеніе отъ безконечныхъ полемикъ, то цѣль моя возстановить истинный смыслъ и значеніе того, что я сказалъ въ первой статьѣ. Читатель не найдетъ здѣсь ничего болѣе.

Г. Костомаровъ замѣтилъ, что я нахожу необходимымъ предоставить юношеству свободу и открыть университетъ для постороннихъ посѣтителей, насколько это возможно безъ нарушенія суще-

ственнаго его значенія. Не смотря на то, въ своихъ возраженіяхъ г. Костомаровъ постоянно говоритъ, что не нужно подвергать учащееся юношество обращенію, какъ съ дѣтьми, имѣть за ними надзоръ, какъ за ребенкомъ, чего никто никогда и не утверждалъ. Г. Костомаровъ выводитъ даже изъ моихъ словъ, что если сохранить университеты отдѣльными отъ общества, то ужъ лучше упрятать ихъ въ Пинскія болота или въ Муромскіе лѣса. У г. Костомарова нѣтъ середины: или дитя, или зрѣлый мужъ, или твердить урокъ наизустъ, или совершенно свободное и публичное преподаваніе, или открыть университеты для всѣхъ и каждаго, безъ различія пола, возраста и способностей, или упрятать ихъ въ Муромскіе лѣса. Г. Костомаровъ признаетъ однѣ противоположности; переходы для него не существуютъ.

Между тѣмъ, въ дѣлѣ университетовъ именно нужна середина, потому что сама юность составляетъ середину между отрочествомъ и зрѣлымъ возрастомъ, какъ это доказываетъ сознаніе и опытъ всѣхъ временъ и народовъ. Возьмите гражданское законодательство. У насъ напр. до 17-лѣтъ надъ ребенкомъ существуетъ опека, въ 17-лѣтъ опека снимается, но юноша не прямо становится полноправнымъ гражданиномъ: онъ подчиняется попечительству, пока не достигнетъ совершеннолѣтія, т. е. 21 года. Подобныя постановленія существуютъ во всѣхъ законодательствахъ въ мірѣ. Для юношей учреждены и университеты, которые покрываютъ и Европу и Америку. Еслибы этотъ возрастъ не существовалъ, то едва ли ему было бы посвящено такое множество заведеній во всѣхъ, сколько-нибудь образованныхъ странахъ. Но для г. Костомарова юношество — *понятіе относительное.* «Юность, говоритъ онъ, можно сравнить съ весною. Что̀ такое весна? Или кончающаяся зима, или наступающее лѣто. Снѣгъ еще несовсѣмъ сошелъ, видна голая земля — это конецъ зимы; земля покрылась травою, деревья распустились — молодое лѣто. Такъ точно отрочество граничитъ съ зрѣлымъ возрастомъ. Отрокъ нуждается въ руководствѣ; человѣкъ дѣйствуетъ свободно. Начало зрѣлаго возраста есть юность. Послѣдки отрочества заходятъ въ юность, но разнообразно. Одинъ созрѣваетъ ранѣе, другой позже. Одинъ въ 22 года еще ребенокъ, другой въ 16 лѣтъ развитъ до возможности быть свободнымъ судьею своихъ поступковъ. Притомъ, въ сравненіи съ 80-лѣтнимъ старикомъ, 30-лѣтній еще юноша».

Читатель ожидаетъ опредѣленныхъ мыслей, доказательствъ, ссылки на способы образованія юношества въ различныхъ стра-

нахъ; вмѣсто того, онъ находитъ пріятное описаніе весны. Къ удивленію оказывается, на перекоръ всѣмъ понятіямъ человѣчества о четырехъ временахъ года, что весна даже вовсе и не существуетъ, потому что имѣетъ несчастіе обрѣтаться между зимою и лѣтомъ.

Иной разъ она начинается въ мартѣ, другой разъ — въ апрѣлѣ. Ясно, что это понятіе относительное. Еслибы садовникъ вздумалъ руководствоваться описаніемъ г. Костомарова, то онъ, вѣроятно, поморозилъ бы всѣ свои растенія; такъ точно и педагогъ врядъ ли извлечетъ какія бы то ни было данныя для своего дѣла изъ этого отрицанія цѣлаго возраста на томъ основаніи, что для однихъ онъ наступаетъ раньше, а для другихъ позднѣе. За то юноши (можно надѣяться, что не всѣ), безъ сомнѣнія, будутъ польщены, узнавъ, что отрочество прямо граничитъ съ зрѣлымъ возрастомъ и что отъ нянекъ и гувернеровъ одинъ скачекъ до полной гражданской свободы и полноправія. Можно даже полагать, что г. Костомаровъ употребилъ этотъ оборотъ единственно для того, чтобы доставить удовольствіе молодымъ людямъ. Нельзя же предполагать въ почтенномъ профессорѣ невѣдѣнія всемірныхъ явленій, ясныхъ какъ день!

Точно также трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ г. Костомаровъ находитъ различіе между студентами и публикой сбивчивымъ и непонятнымъ. Люди, принадлежащіе къ публикѣ, дѣйствуютъ въ жизни и занимаются наукой, насколько имъ остается времени отъ дѣлъ. Студенты, напротивъ, еще не начинали дѣйствовать, а только *готовятся* къ этому, и приготовленіемъ для нихъ служитъ систематическое изученіе извѣстной области наукъ, которая поэтому составляетъ для нихъ жизненную цѣль и спеціальное занятіе. Кажется, это ясно, какъ $2 \times 2 = 4$.

Г. Костомаровъ находитъ несправедливымъ, что студенты считаются еще учениками, когда ихъ сверстники имѣютъ уже самостоятельное положеніе въ жизни. Изъ трехъ молодыхъ людей, вышедшихъ изъ гимназіи, говоритъ онъ, «одинъ идетъ въ военную службу, другой занимается торговлею, третій поступаетъ въ университетъ. Проходятъ 3 года; первый получаетъ уже офицерскій чинъ и *начальствуетъ,* второй женился и сдѣлался домохозяиномъ и отцемъ семейства, оба пользуются правомъ зрѣлаго возраста; только тотъ, кто избралъ себѣ науку, долженъ считаться еще недозрѣлымъ до этихъ правъ. Стало быть, одна наука имѣетъ то качество, что занимающійся ею долженъ стоять въ положеніи особомъ отъ другихъ вѣтвей общественной дѣятельности, и это осо-

бое положеніе — надзоръ надъ нимъ, какъ за ребенкомъ. Не есть ли это остатокъ тѣхъ грубыхъ понятій» и т. д.....

О надзорѣ, какъ за ребенкомъ, какъ уже было объяснено выше, въ университетѣ нѣтъ и рѣчи. Это маленькая гипербола. Университетская жизнь предоставляетъ студентамъ должную свободу и не подвергаетъ ихъ никакому умаленію гражданскихъ правъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что студентъ долженъ стоять въ положеніи особомъ отъ другихъ вѣтвей общественной дѣятельности, именно потому, что общественная дѣятельность для него еще не начиналась. Это не остатокъ грубыхъ понятій, а самый простой фактъ. Студентъ не можетъ ни начальствовать, ни богатѣть, ни пользоваться преимуществами, сопряженными съ положеніемъ человѣка, который уже основался въ жизни, именно потому, что студентъ не служитъ, не торгуетъ, а учится. Но наука вознаградитъ его сторицею за тѣ жертвы, которыя онъ ей приноситъ, и за тѣ ограниченія, которымъ онъ добровольно себя подвергаетъ. Казалось бы, что преподавателя должна преимущественно поразить эта сторона дѣла, а не первая. Что̀ сказали бы мы объ учителѣ гимназіи, который бы обратился къ своимъ дѣсятилѣтнимъ ученикамъ съ слѣдующею рѣчью: «Вы ходите сюда каждый день, учитесь по 5, по 6 часовъ. Играть васъ не пускаютъ, а насильно посылаютъ въ гимназію. Не придете — васъ наказываютъ, не знаете урока — васъ опять наказываютъ, зашумите въ классѣ — снова наказаніе. А посмотрите-ка: ваши сверстники, крестьянскіе мальчики — вольныя птицы, играютъ себѣ въ бабки и знать никого не хотятъ. А иной уже сидитъ за прилавкомъ и добываетъ деньгу! Нѣтъ, нѣтъ, самъ будетъ прикащикомъ. За что же вы, несчастные, противъ нихъ обижены?» При этомъ учитель гимназіи могъ бы даже сравнить отрочество съ весною, отнесши зиму нѣсколько далѣе назадъ, нежели г. Костомаровъ.

Университетъ существуетъ для юношей, которые, предпочитая высшее образованіе непосредственнымъ житейскимъ выгодамъ или жертвуя ближайшими выгодами болѣе отдаленнымъ, хотятъ докончить свое воспитаніе прежде, нежели изберутъ себѣ извѣстное поприще. Нельзя себѣ представить лучшаго перехода отъ опеки, которой подвергается отрокъ, къ совершенно свободной жизненной дѣятельности. Нельзя себѣ представить учрежденія, болѣе соотвѣтствующаго потребностямъ этого возраста. Недаромъ оно выросло изъ вѣковаго опыта. Въ университетѣ то удивительно и ничѣмъ незамѣнимо, что онъ дѣйствуетъ на юношей не матеріаль-

ными стѣсненіями, не физическимъ надзоромъ и попеченіемъ, а главнымъ образомъ нравственнымъ своимъ вліяніемъ на стекающуюся въ него молодежь, тою умственною атмосферой, которою онъ ихъ окружаетъ, тѣмъ товарищескимъ духомъ, тѣмъ живымъ общеніемъ между преподавателями и учащимися, которые возникаютъ въ немъ естественно и свободно, не силою казеннаго предписанія, а силою положенія, въ которое поставлены люди. Молодой человѣкъ находитъ здѣсь среду, особенную отъ общественной жизни, но которая не отрѣзываетъ его отъ этой жизни, а потому служитъ лучшимъ къ ней приготовленіемъ. Онъ пользуется свободою, но стоитъ подъ нравственнымъ вліяніемъ корпораціи, которая его имѣетъ въ виду и для него учреждена. Только въ корпораціи возможна эта нравственная сила, этотъ духъ, который свободно и животворно дѣйствуетъ на юношей. Его нѣтъ на площади или въ публичныхъ мѣстахъ.

Но г. Костомаровъ не признаетъ ни университетскаго товарищества, ни теплой любви къ мѣсту ученія, ни нравственнаго отношенія профессора въ аудиторіи. Для него университетское товарищество ничѣмъ не отличается отъ дружбы, случайно возникшей въ гостинницѣ, за обѣдомъ; любовь къ мѣсту ученія въ его глазахъ не болѣе какъ воспоминаніе о пріятномъ препровожденіи времени. Читаетъ онъ лекціи, по собственному заявленію, совершенно равнодушный къ слушателямъ, заботясь единственно о ясномъ и систематическомъ изложеніи науки.

Могу только пожалѣть о немъ. Г. Костомаровъ изъ своей гимназической и университетской жизни вынесъ, какъ онъ говоритъ, «только воспоминаніе о бездарности, недобросовѣстности, корыстолюбіи и грубости наставниковъ, о невѣжествѣ, умственной лѣни и безнравственности большинства товарищей, да вдобавокъ о той неутѣшительной, нравственно грязной средѣ, въ которой прозябало его воспитаніе и образованіе». Того, на котораго пала такая тяжелая доля, нельзя упрекать за непониманіе духа и за равнодушіе къ значенію тѣхъ учрежденій, которыя наложили на его молодость такую суровую печать. Да, это одно изъ самыхъ грустныхъ явленій въ нашемъ родномъ краю—эта жизненная грязь, которая проникаетъ всюду. Въ грязной средѣ университетъ можетъ сдѣлатся центромъ грубости, лѣни и невѣжества, точно также, какъ, съ другой стороны, онъ можетъ превратиться въ гнѣздо общественнаго легкомыслія. Растворите только двери настежъ, впускайте всѣхъ безъ экзамена, приглашайте и дамъ и дѣтей, пусть сами

преподаватели потеряютъ смыслъ и чутье духа и значенія университетовъ, тогда передъ нами останутся только развалины того учрежденія, которое могло служить воспитателемъ молодыхъ поколѣній; тогда юношество лишится того нравственнаго пріюта, подъ сѣнью котораго оно могло въ мирной работѣ готовиться на далекій жизненный путь.

По мнѣнію г. Костомарова, я ошибаюсь, полагая, что при публичномъ преподаваніи измѣнится составъ и характеръ аудиторіи. Не могу съ этимъ согласиться. Стоитъ взглянуть на слушателей, которые стекаются на публичныя лекціи, чтобъ убѣдиться въ противномъ. При публичномъ проподаваніи, половина аудиторіи популярнаго профессора будетъ наполнена дамами, а допущеніе женщинъ въ универеитеты есть уже совершенное искаженіе университетовъ. Женщины, безъ сомнѣнія, имѣютъ потребность въ образованіи, но для нихъ нужны другія заведенія, нежели для молодыхъ людей. Въ подтвержденіе сошлюсь на всѣ Европейскіе университеты.

Если кто-нибудь намъ скажетъ: «Я въ молодости видѣлъ въ своемъ семействѣ однѣ картины нищеты и покора; отецъ мой былъ воръ, мать была пьяница, братъ негодяй. Всѣ мои дѣтскіе годы были отравлены семейною средою. У меня есть друзья, которыхъ я люблю отъ всего сердца; но это люди посторонніе, которыхъ я случайно встрѣчалъ въ обществѣ, въ гостинницахъ, на большихъ дорогахъ. Другихъ связей я не понимаю. Я считаю семейства насильственною рамкою, въ которую втѣсняютъ людей, но которая несовмѣстна съ ихъ свободою. Люди должны сближаться по призванію сердца, а не по животной связи». Мы поймемъ его воззрѣніе, мы уважимъ его скорбное чувство, но мы не станемъ повторять за нимъ, что семейство должно быть уничтожено и что слѣдуетъ замѣнить его свободнымъ общеніемъ между людьми. Университетъ для юношей, въ него вступающихъ, долженъ представлять семейство, а не театръ. Между всѣми его членами должна существовать нравственная связь, которая сильнѣе дѣйствуетъ на молодые умы и служитъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, нежели физическій надзоръ, наказанія и горькіе уроки жизни.

Вы скажете, что это не болѣе какъ идеалъ. Да, это идеалъ, но идеалъ, къ которому можно и должно приближаться. Надобно поддерживать эту связь, возстановлять ее, когда она нарушена, а не уничтожать ее поспѣшными преобразованіями. Корпорація важна, потому что въ ней существуетъ нравственный духъ, котораго, повторяю, нѣтъ въ гостинницѣ или на площади, точно также, какъ

существуетъ духъ семейный, который не замѣнится дружескими связями, заключенными за трактирнымъ обѣдомъ.

Мы твердо надѣемся, что такое средневѣковое преобразованіе, какое предлагаетъ г. Костомаровъ, не постигнетъ нашего отечества. Всемірный опытъ слишкомъ громко говоритъ противъ него. Главный вопросъ, который можетъ возникнуть относительно Русскихъ университетовъ, касается не превращенія ихъ въ публичныя каѳедры, а самой внутренней ихъ организаціи. Это тотъ вопросъ, который повторяется вездѣ: должна ли въ университетѣ господствовать свобода преподаванія и ученія съ экзаменомъ на степень, какъ это дѣлается въ Германіи, или же должны быть сохранены курсовые экзамены съ обязательнымъ слушаніемъ извѣстныхъ профессоровъ? Трактовать объ этомъ здѣсь не мѣсто. Это вопросъ слишкомъ обширный, который требуетъ подробнаго изслѣдованія и о которомъ могутъ быть весьма различныя мнѣнія. Скажу, что, по моему убѣжденію, первое есть идеалъ, который должно имѣть въ виду, второй — дѣйствительность, которой слѣдуетъ пока придерживаться. У насъ въ университетахъ существуютъ обѣ категоріи въ видѣ студентовъ и вольныхъ слушателей. Опытъ не доказываетъ потребности превратить студентовъ въ вольныхъ слушателей. Пусть и то и другое существуетъ рядомъ. Сама жизнь будетъ служить лучшимъ указаніемъ того, что нужно дѣлать.

Въ заключеніе прибавлю, что я никогда не думалъ придавать эпитетъ журнальнаго борзописца ученому, который заявилъ себя серьезными трудами, и что я писаніе статей въ журналахъ нисколько не считаю унизительнымъ. Я хотѣлъ только сказать, что предлагать въ легкихъ журнальныхъ статейкахъ такія радикальныя преобразованія, въ столь важныхъ вопросахъ, особенно же въ такое время, когда это можетъ имѣть прямое практическое приложеніе, прилично не ученому, а журнальному борзописцу. Еслибы я подъ этою статьею встрѣтилъ подпись какого-нибудь юнаго топтателя мостовой, я нашелъ бы это весьма естественнымъ. Но, признаюсь, я былъ болѣе, нежели удивленъ, встрѣтивъ здѣсь имя г. Костомарова, котораго привыкъ знать съ совершенно другой стороны.

IV.

Предъидущая замѣтка была написана, когда я прочелъ въ № 46 «Современной Лѣтописи» *Русскаго Вѣстника* статью, въ которой предлагается учредить особенные служебные экзамены съ цѣлью уничтожить принадлежащую университетамъ служебную моно-

полію, и такимъ образомъ исключить изъ нихъ несвойственный имъ и вредный для преподаванія элементъ. Не стану входить въ разборъ, насколько подобные экзамены возможны; по моему мнѣнію, это сопряжено съ гораздо бо̀льшими трудностями, нежели предполагаетъ авторъ статьи. Но главное, что здѣсь основаніе положено невѣрное. Говорить о служебной монополіи университетовъ можно только по недоразумѣнію. Молодой человѣкъ, который кончилъ курсъ въ гимназіи или выдержалъ соотвѣтствующій этому курсу экзаменъ, опредѣляясь на службу при извѣстныхъ условіяхъ, прямо получаетъ 14 классъ. (Св. Зак., т. III, ст. 97—98). Обыкновенно же онъ поступаетъ въ рязряды канцелярскихъ служителей (ст. 95—96). Здѣсь, смотря по своему происхожденію, онъ получаетъ 14 классъ черезъ годъ, черезъ два или черезъ 4 (ст. 592). Затѣмъ, за выслугу лѣтъ черезъ 3 года, а за отличіе черезъ 2, онъ получаетъ 12 классъ. Такимъ образомъ потомственные дворяне, которые поступаютъ на службу прямо изъ гимназіи, не теряютъ ничего противъ большинства студентовъ. Прочія сословія стоятъ въ нѣсколько болѣе невыгодномъ положеніи. Университетъ въ этомъ отношеніи уравниваетъ всѣ сословія. Не думаю, чтобъ это преимущество слѣдовало уничтожить; его скорѣе надобно распространить, потому что на службѣ, по самому ея свойству, мѣриломъ должна служить способность, а не происхожденіе. Большинство студентовъ лишится всякихъ преимуществъ передъ другими, какъ скоро гимназическій аттестатъ, также какъ университетскій, будетъ сообщать всѣмъ одинакія права.

Что касается до 10 класса, который дается степенью кандидата, то это награда за отличные успѣхи. Не думаю, чтобы полезно было уничтожить это отличіе и подвести университетскіе экзамены подъ одинъ уровень. Не думаю также, чтобы это ставило экзаменующаго профессора въ ложное положеніе. Степень кандидата дается меньшинству за отличныя познанія, и никто на это притязанія имѣть не можетъ, если онъ не оказываетъ отличныхъ успѣховъ. Степень же дѣйствительнаго студента легко доступна всякому, сколько-нибудь прилежно занимающемуся студенту. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда студентъ не можетъ быть удостоенъ даже этой степени, бываютъ, конечно, просьбы, въ которыхъ отказывать не легко. Но изъ этого преобразовывать университеты не стоитъ.

XXXIII.

Замѣчанія о Русскихъ университетахъ, Н. Л.

Въ послѣднѣе время обратилъ на себя общее вниманіе вопросъ объ устройствѣ Русскихъ университетовъ и вызвалъ сужденія со стороны людей, оффиціально поставленныхъ въ непосредственное отношеніе къ университетамъ и, слѣдовательно, имѣвшихъ полную возможность составить точное понятіе о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ процвѣтаніе университетскаго образованія, и о той пользѣ, которой въ правѣ ожидать отъ университетовъ общество. Въ университетахъ сосредоточиваются лучшія силы и лучшія надежды общества, а потому вопросъ о томъ, какъ воспитать эти силы для общественной дѣятельности и какъ осуществить эти надежды, имѣетъ безусловную важность для всѣхъ, кто понимаетъ, что основаніе нравственной силы и благоденствія общества составляетъ образованіе. Предлагаемыя здѣсь замѣчанія имѣютъ цѣлью общее обозрѣніе существенныхъ сторонъ вопроса, затронутыхъ послѣдними мнѣніями.

Всѣ относящіяся сюда мнѣнія касаются слѣдующихъ трехъ частныхъ вопросовъ: а) о введеніи въ университетъ общаго образованія, предшествующаго спеціальному, факультетскому; б) о томъ, должны ли студенты составлять особую корпорацію, и в) о томъ, должно ли допускать въ аудиторіи безъ всякаго ограниченія и различія всѣхъ желающихъ слушать университетскія лекціи.

I.

Замѣчательно, что первый вопросъ, безспорно весьма важный и весьма опредѣлительно поставленный въ статьѣ Хомякова (*День*, № 1), вызвавшей многія послѣдующія мнѣнія, почти не затронутъ послѣдними. Только въ *Современной Лѣтописи* (№ 44) замѣчено, «что наши гимназіи еще очень далеки отъ Нѣмецкихъ, что университетъ у насъ долженъ взять на себя значительную долю того, что въ Германіи теперь поручается гимназіямъ». Намъ кажется, что необходимо отвѣтить на этотъ вопросъ съ возможною опредѣлительностію и точностію, если хотимъ въ обсужденіи университетскаго устройства не отрываться отъ современной дѣйствительности и не рѣшать дѣла a priori, безъ должнаго вниманія къ тому, достаточно ли подготовлена та почва, надъ которою при-

ходится работать въ университетѣ. Скажутъ, что касаться этого вопроса значитъ смѣшивать задачу гимназій съ задачею университетовъ и только безъ нужды запутывать дѣло; что послѣдніе имѣютъ право разсматривать общее образованіе поконченнымъ въ гимназіяхъ, насколько оно необходимо; но вѣдь здѣсь дѣло не въ правѣ, теоретически опредѣляемомъ, а въ томъ, достигается ли, съ сохраненіемъ этого права, надлежащимъ образомъ и въ надлежащихъ размѣрахъ цѣль университетскаго образованія. Гимназіи наши давали до сихъ поръ слабое общее образованіе — это фактъ, зависящій частію отъ числа и подбора предметовъ гимназическаго обученія, частію отъ самихъ учащихъ, между которыми еще долго будутъ доживать старыя поколѣнія. Этотъ фактъ скрывать трудно, хотя и легко назвать вышедшихъ изъ гимназій людьми, окончившими воспитаніе и достигшими зрѣлаго возраста. Кто имѣлъ случай участвовать въ комитетахъ для пріемныхъ испытаній, тотъ знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и смѣло можетъ утверждать, что наименьшая часть поступающихъ въ университетъ оказывается съ удовлетворительнымъ общимъ образованіемъ, и то при снисходительномъ судѣ; что оцѣнка остальныхъ зависитъ отъ множества обстоятельствъ, весьма часто не имѣющихъ никакой связи съ цѣлью испытаній; что уровень требованій на пріемныхъ испытаніяхъ въ послѣднее время спустился до тѣхъ предѣловъ, за которыми немыслимо цѣлесообразное и полезное университетское преподаваніе. Нельзя оставаться равнодушнымъ къ такому положенію дѣлъ, и если сообразить, что университетъ есть средоточіе, снабжающее учебными силами цѣлый обширный округъ, то нельзя не сочувствовать глубоко каждой мѣрѣ, направленной на возвышеніе уровня общаго образованія посредствомъ университетскаго преподаванія, хотя бы эта мѣра была только временная. Вотъ мнѣніе Хомякова объ общемъ курсѣ въ университетѣ, на которое вовсе не было обращено вниманіе. Первые два года университетскаго ученія должны быть посвящены такимъ предметамъ, которые равно необходимы всякому образованному человѣку, къ какой бы онъ спеціальности ни готовился. Таковы знанія Русскаго языка и Русской словесности, исторія словесности всемірной и понятіе объ ея образцовыхъ произведеніяхъ. Исторія всеобщая въ широкихъ очеркахъ, безъ мелкихъ подробностей, начала математики въ ихъ отношеніяхъ къ мыслительной способности человѣка, и естественныхъ наукъ въ ихъ отношеніяхъ къ системѣ міра (т. е. космологіи). Многіе изъ этихъ предметовъ уже знакомы слушателямъ изъ курса

гимназическаго, но всѣ являются на лекціяхъ университетскихъ съ высшимъ и болѣе всеобъемлющимъ значеніемъ. Таковъ долженъ быть приготовительный курсъ университетскій для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго. Раздѣляя вполнѣ это мнѣніе (кромѣ исключенія медицинскаго факультета изъ общаго курса), я присоединю къ нему нѣсколько замѣчаній. Двухлѣтній университетскій курсъ долженъ имѣть свой особый характеръ, отличающійся и отъ спеціальнаго университетскаго, и служить переходомъ отъ перваго ко второму. Онъ вовсе не долженъ имѣть въ виду увеличивать число фактическихъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ предшествовавшимъ гимназическимъ обученіемъ; послѣднее снабжаетъ даже слишкомъ большимъ матеріаломъ, но безъ надлежащей заботы о его смыслѣ. Общій курсъ имѣетъ именно назначеніе внести этотъ смыслъ въ массу, иногда безобразную, фактическихъ свѣдѣній, и не общими фразами, а самымъ ходомъ и характеромъ преподаванія выяснить понятіе объ образовательномъ значеніи каждаго относящагося сюда предмета; онъ долженъ показать ту связь, въ какой данный предметъ находится къ общему организму знаній; вообще онъ долженъ освѣжить содержаніе гимназическаго обученія, дать ему подѣйствовать на душу слушателей заключающеюся въ немъ образовательною силою и показать отношеніе его къ слѣдующему за тѣмъ спеціальному образованію. Тогда онъ самъ собою возбудитъ любознательность, интересъ и сочувствіе къ предметамъ общаго образованія; тогда и посвятившій себя послѣ спеціальному изученію не будетъ оставаться равнодушнымъ ко всему, что не относится къ его спеціальности; тогда общій курсъ не будетъ для него непроизводительнымъ, мертвымъ капиталомъ, а будетъ сопровождать его неизмѣнно по пути дальнѣйшаго его самовоспитанія и самообразованія. Можно общій курсъ формулировать различно, но во всякомъ случаѣ необходимость его, при очевидно-недостаточной подготовкѣ къ университетскому образованію, не можетъ подлежать сомнѣнію. Онъ не представляетъ ничего непріятнаго, чтобы влекло за собой ломку существующаго университетскаго порядка: рядомъ съ нимъ, но въ подчиненіи ему, можетъ идти преподаваніе двухъ-трехъ предметовъ, составляющихъ основаніе послѣдующаго факультетскаго образованія, такъ что, по истеченіи двухъ лѣтъ, выслушавшій общій курсъ и усвоившій себѣ основаніе избранной имъ спеціальности, будетъ вполнѣ готовымъ и вполнѣ вооруженнымъ для спеціальнаго образованія. Кто можетъ и захочетъ понять, тотъ пойметъ, что отъ общаго курса не будетъ потери вре-

мени; послѣдующія занятія покажутъ, что этимъ замедленіемъ выиграно время; если гдѣ, то именно въ началѣ факультетскаго образованія должно спѣшить медленно. Еслибы даже и пришлось увеличить хотя однимъ годомъ университетскій курсъ, то, безъ сомнѣнія, не пришлось бы сожалѣть объ этомъ годѣ.

Медицинскій факультетъ Хомяковъ исключаетъ изъ общаго курса на томъ основаніи, что медицина не наука въ строгомъ значеніи этого слова, что она не имѣетъ никакихъ умозрительныхъ основъ, и поэтому требованія и назначеніе медицинскаго факультета совершенно различествуютъ отъ требованій и назначенія другихъ факультетовъ, и на него должно смотрѣть не какъ на факультетъ университетскій, но какъ на спеціальную школу, причисленную къ университету для того, чтобы придать спеціальному преподаванію форму и значеніе нѣсколько наукообразныя». Съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя, еслибы даже мы согласились съ такимъ взглядомъ на медицину. Мнѣ кажется, наоборотъ, потому-то въ особенности и необходимъ общій курсъ для медицинскаго факультета, что на послѣдній должно смотрѣть, какъ на высшую спеціальную школу. Гдѣ же будущему Русскому врачу пріобрѣсти надлежащее общее образованіе, какъ не въ университетѣ, если медицинскій факультетъ разрываетъ съ нимъ всякую связь и если онъ притомъ многочисленностію своихъ предметовъ лишаетъ возможности продолжать его? О желаніи же студента продолжать его собственными трудами, независимо отъ общаго курса, не можетъ быть и рѣчи, потому что для этого необходимо прежде всего ясное сознаніе недостаточности пріобрѣтеннаго прежде образованія, а этимъ сознаніемъ ему запастись было негдѣ. Именно недостаткомъ общаго курса, по нашему мнѣнію, должно объяснять изумительное равнодушіе многихъ Русскихъ врачей ко всему, что выходитъ за предѣлы ихъ односторонней дѣятельности, ко всему, что отличаетъ человѣка мыслящаго и сочувствующаго высшимъ интересамъ и цѣлямъ жизни.

II.

Вопросъ о томъ, должны ли студенты составлять особую корпорацію, намъ кажется, вовсе не имѣетъ той важности, какую старались придать ему разсуждавшіе въ послѣднее время объ университетскомъ устройствѣ. Тутъ виновато болѣе всего самое слово, тотчасъ напоминающее средневѣковыя корпораціи со всѣмъ, что заключается въ нихъ неудобнаго и вреднаго для современной жиз-

ни. Оттого, напримѣръ, г. Костомаровъ находитъ, что корпорація студентовъ вредна въ нравственномъ отношеніи, вредна для науки, стѣсняетъ общественную свободу въ дѣлѣ просвѣщенія, отрѣшаетъ отъ жизни; онъ даже задаетъ читателямъ такой вопросъ: «противъ кого студентамъ защищаться, когда занятіе наукою всѣми признается дѣломъ полезнымъ и достойнымъ одобренія? какихъ привилегій могутъ домогаться люди, за то единственно, что слушаютъ лекціи, и кому можетъ быть заграждено право на то же самое»? Посмотрите, какъ горячо ратуетъ противъ корпораціи студентовъ г. А. Бекетовъ! чтобы оправдать свою антипатію къ ней, онъ даже почелъ нужнымъ объяснить читателямъ, что такое въ самомъ дѣлѣ средневѣковая корпорація и чѣмъ она была вызвана къ жизни. Иной, прочитавъ эту филиппику противъ корпораціи, пожалуй, задумается и подумаетъ, что наши студенты, сами того не замѣчая, находятся въ весьма непріятномъ и опасномъ положеніи. Хладнокровнѣе смотритъ на это дѣло г. Сухомлиновъ, но за то выражается весьма неопредѣленно: онъ желаетъ, чтобы корпорація вытекала изъ разумно-обсуженныхъ потребностей студентовъ, чтобы она устроена была *по началамъ вполнѣ нашего вѣка* — и только.

Въ чемъ же состоитъ корпорація студентовъ въ Русскихъ университетахъ? По мнѣнію г. Костомарова, она состоитъ въ томъ, что студенты набираются изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ по экзамену, во время пребыванія въ университетѣ образуютъ между собою какъ бы отдѣльное сословіе, имѣющее особое управленіе, особыя обязанности и правила жизни, свое названіе, даже особую одежду. Изъ этого опредѣленія ясно видно, что г. Костомаровъ, а за нимъ и другіе, воевали съ призракомъ, созданнымъ ихъ собственнымъ воображеніемъ, такъ что, когда пришлось опредѣлить этотъ призракъ, естественно появились и неточности, и натяжки, и общія фразы.

Студенты набираются не только изъ гимназій, корпусовъ, семинарій, частныхъ пансіоновъ и другихъ учебныхъ заведеній, но и прямо изъ родительскихъ домовъ. Экзаменъ дѣйствительно существуетъ, но онъ не составляетъ существеннаго признака корпораціи студентовъ, потому что находится еще за ея предѣлами, да и вообще не составляетъ непремѣнно обязательнаго условія ея при существованіи вольнослушателей, между которыми и студентами ни профессоры, ни общество не дѣлаютъ никакого существеннаго раз-

личія и которые, пожалуй, о себѣ говорятъ также *мы*, какъ студенты. Въ чемъ состоятъ особыя обязанности и правила жизни студентовъ? Мы не знаемъ никакихъ *особыхъ* обязанностей и правилъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются самою цѣлью, съ какою поступаютъ въ университетъ. Если они поступаютъ въ университетъ съ цѣлью получить высшее образованіе, то тѣмъ самымъ налагаютъ на себя нравственную обязанность посѣщать лекціи, слѣдить за ними, обработывать ихъ по тѣмъ источникамъ, на которые дѣлаются указанія, и тѣмъ выработывать самостоятельный взглядъ на науку, по указанію и подъ руководствомъ профессора заниматься самостоятельнымъ изученіемъ спеціальныхъ вопросовъ науки, что все имѣетъ цѣлью—пріученіе ихъ къ самостоятельному труду, къ выработкѣ самостоятельныхъ взглядовъ и убѣжденій, и основательное ознакомленіе съ предметами ихъ занятій въ современномъ ихъ состояніи. Эти занятія своею совокупностью, кажется, могутъ наполнить жизнь студентовъ и опредѣлить правила ихъ жизни. Назовите посѣтителей университетскихъ аудиторій какимъ угодно именемъ, не называйте, если хотите, никакимъ, ихъ обязанности и жизнь будутъ тѣ же самыя, именно потому, что цѣль ихъ поступленія въ университетъ останется та же самая; уничтожьте названіе и вы увидите, что называвшіеся прежде студентами, если только они серьезно понимаютъ свое назначеніе, также сблизятся и сроднятся между собою, составятъ такое же общество, именно потому, что ихъ сближаетъ и роднитъ не имя, а однородность занятій и общая цѣль. «Студентское общество въ нашихъ университетахъ, скажу словами г. Стасюлевича, есть явленіе совершенно самостоятельное» и, прибавимъ отъ себя, совершенно естественное и необходимое: оно вовсе не похоже на тѣ корпораціи, противъ которыхъ поведена была война, потому что не имѣетъ тѣхъ особенностей, которыя составляютъ отличительныя черты послѣднихъ. Объ особой одеждѣ не можетъ быть рѣчи, потому что распоряженіе о ея отмѣнѣ не могло быть неизвѣстно г. Костомарову.

До сихъ поръ мы не видѣли той опасной корпораціи, которая будто бы вредитъ образовательно-ученому характеру лекцій и противорѣчитъ истинному назначенію университетовъ. Остается особое управленіе, которымъ пользуется наше студентское общество. О немъ нужно сказать нѣсколько словъ, потому что съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ о воспитательномъ элементѣ въ нашихъ университетахъ. Что особое управленіе не имѣетъ никакого отношенія къ профессорской дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ, не имѣетъ ника-

кого вліянія на характеръ людей, это такъ ясно, что не требуетъ никакихъ объясненій. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о томъ нравственномъ надзорѣ, который до сихъ поръ находился въ непосредственномъ вѣдѣніи инспекціи и на высшей инстанціи — въ вѣдѣніи университетскаго начальства, и мы, оставаясь въ предѣлахъ общаго вопроса, не будемъ касаться достоинствъ и недостатковъ именно этого, существовавшаго до сихъ поръ, вида и характера нравственнаго надзора, какъ потому, что г. Костомаровъ признаетъ всякое особое управленіе студентами излишнимъ, такъ и потому, что онъ признанъ въ послѣднее время не соотвѣтствующимъ цѣли и замѣняется другимъ.

Нужно ли и имѣетъ ли дѣйствительное значеніе особое управленіе для студентовъ? Смѣло отвѣчаемъ утвердительно на этотъ вопросъ, и думаемъ остаться вѣрными и интересамъ общепедагогическимъ, и интересамъ самихъ студентовъ. Сказать, что молодые люди, поступающіе въ университетъ 17 или 18 лѣтъ, совсѣмъ покончили съ воспитаніемъ и достигли зрѣлаго возраста, конечно, легко, но не легко отвѣчать за всѣ послѣдствія такого рѣзкаго и безусловнаго приговора. Такіе приговоры всегда влекутъ за собой множество недоразумѣній въ теоретическомъ отношеніи и множество неудобствъ въ практическомъ. Когда, по поводу одного изъ недоразумѣній перваго рода, замѣтили г. Костомарову, что онъ въ своемъ парадоксѣ просмотрѣлъ цѣлый человѣческій возрастъ — юношескій, и при этомъ позволили себѣ сравнить этотъ возрастъ съ весною, то онъ, для спасенія своего парадокса, не задумался вычеркнуть и весну изъ временъ года. Въ такихъ приговорахъ не можетъ быть должнаго вниманія къ отдѣльнымъ личностямъ, къ безчисленному множеству оттѣнковъ въ степеняхъ развитія отдѣльныхъ личностей въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ; все въ нихъ принимается въ массѣ, гуртомъ, безразлично. А между тѣмъ, если гдѣ, то именно въ судѣ надъ студентами и въ управленіи студентами, необходима строгость вниманія и точность различенія. Студентскій возрастъ мы назовемъ скромнѣе переходнымъ, и, какъ переходный, онъ есть возрастъ крайностей, увлеченій и неопредѣленныхъ стремленій. Силы молодыхъ людей развились настолько, что неудержимо требуютъ жизни, и жизни дѣятельной; но въ этомъ бурномъ вторженіи въ жизнь они мало справляются съ опредѣленностью и законностью формы. Въ глубокомъ основаніи ихъ общихъ стремленій можно усмотрѣть добро, но въ проявленіи этихъ стремленій часто можно замѣтить не ясное, не отчетливое пониманіе ихъ пре-

дѣловъ и цѣли; а эта неясность и неотчетливость пониманія зависятъ отъ неуспѣвшей еще окрѣпнуть духовной силы и отъ недостатка опыта — этого народнаго разума въ послѣднемъ выводѣ его историческаго развитія и въ примѣненіи къ жизни. Подчините эти силы общему закону, всегда разсчитанному на вполнѣ созрѣвшую общественную жизнь и строго охраняющему законность предѣловъ и цѣли дѣятельности — и вы увидите длинный рядъ жертвъ этого закона, — жертвъ, о которыхъ иногда пожалѣетъ самъ законъ, если заглянетъ въ то основаніе стремленій, о которомъ мы упомянули выше. Намъ скажутъ, что вѣдь тотъ же возрастъ внѣ университетской жизни подлежитъ общему закону, почему же допускать исключеніе? Исключеніе необходимо, и вотъ почему: въ университетъ идутъ за высшимъ образованіемъ, а для того, чтобы съ надлежащею полнотою и пользою усвоить это образованіе, необходимо продолжительное предварительное приготовленіе, состоящее въ усвоеніи весьма разнородныхъ и многосложныхъ знаній, составляющихъ въ своей совокупности содержаніе общаго образованія. Это предварительное приготовленіе, предполагающее продолжительность труда и времени, постоянно держитъ желающихъ получить университетское образованіе въ сторонѣ отъ жизни, постоянно отвлекаетъ ихъ отъ непосредственнаго участія въ совершающемся подлѣ нихъ движеніи, не позволяетъ имъ своевременно и живымъ участіемъ ознакомиться съ условіями и потребностями жизни, отъ чего они естественно оказываются не приготовленными къ жизни, неопытными. Слѣдующее за тѣмъ университетское образованіе, богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія, способно совершенно овладѣть ихъ вниманіемъ. Можно ли тоже сказать о тѣхъ, кто, почему бы то ни было не подвергаясь упомянутому образовательному процесу, съ раннихъ лѣтъ вступаетъ въ жизнь, знакомится и свыкается съ ея условіями и потребностями, крѣпнетъ въ борьбѣ съ нею, кто въ 20 лѣтъ успѣлъ выработать житейскую опытность? Конечно, нѣтъ. Въ этомъ различіи заключается одно изъ оправданій существованія при университетахъ особаго управленія. Кромѣ того, самыя лекціи, раскрывая пылкому воображенію студентовъ новый міръ явленій, освѣщая этотъ міръ свѣтомъ человѣческой мысли, приводя его къ единству и гармоніи, дѣйствуютъ на нихъ чрезвычайно возбудительно и увлекаютъ къ порывистой дѣятельности. Кто лучше пойметъ и справедливѣе оцѣнитъ истинный смыслъ этой дѣятельности съ ея увлеченіями, крайностями, неясно сознаваемыми стремленіями, кто лучше съумѣетъ усмотрѣть то добро,

которое лежитъ въ основаніи этихъ стремленій, какъ не правильно и цѣлесообразно организованный университетскій судъ? Такъ ли посмотритъ на это броженіе молодыхъ и свѣжихъ силъ, порывающихся къ дѣятельности, общій законъ?.. Дѣятельность есть внѣшнее выраженіе внутренняго содержанія, и университетъ, поставляя своею задачею развитіе и направленіе этого содержанія, нравственно обязанъ принять въ свое вѣдѣніе и охраненіе его внѣшнее выраженіе на все то время, пока не выполнитъ своей задачи. Выполнивъ свою задачу, университетъ передастъ обществу приготовленныхъ имъ для общественной дѣятельности гражданъ, которые съ сихъ поръ подлежатъ суду общаго закона.

Высказанныя до сихъ поръ соображенія, доказывая необходимость особаго управленія студентами при университетѣ, объясняютъ только его охранительное значеніе. Но это еще не все. Есть болѣе важное и положительное оправданіе особаго управленія. Мы сказали, что университетъ, дѣйствуя изложеніемъ наукъ на все содержаніе духовныхъ силъ студентовъ, на его опредѣленіе и направленіе, не можетъ отказаться отъ нравственной обязанности дѣйствовать и на внѣшнее выраженіе того же содержанія, то есть на жизнь студентовъ, на ея опредѣленіе и направленіе. Въ этомъ заключается воспитательное значеніе университетовъ, ихъ нравственная сила. Безъ этого значенія университетское образованіе немыслимо. Возставать противъ этого значенія значитъ возставать противъ вѣками сложившагося понятія объ университетахъ во всемъ образованномъ мірѣ, значитъ совершенно не понимать того глубокаго смысла, который заключается въ этомъ понятіи. Вы можете открыть публичныя чтенія, можете устроить что-нибудь въ родѣ Collège de France, который будетъ приносить своего рода пользу, а можетъ быть и своего рода вредъ, но вы потеряете университетъ со всѣмъ, что заключается въ немъ полезнаго и прекраснаго. Мнѣніе г. Костомарова противъ воспитательнаго значенія университетовъ, при всей красотѣ формы, въ высшей степени парадоксальное, представляющее странное смѣшеніе понятій и имѣющее развѣ ту заслугу, что вызвало рядъ другихъ мнѣній о томъ же предметѣ. Весь парадоксъ г. Костомарова построенъ на смѣшеніи понятій воспитанія, и образованія, которыя у него произвольно *противопоставляются* одно другому. «Воспитаніе, говоритъ онъ, предшествуетъ образованію, и необходимо должно вести къ нему, иначе само по себѣ безполезно. Образованіе имѣетъ корень въ воспитаніи, и безъ послѣдняго ня можетъ рости. Вос-

питаніе есть приготовленіе къ жизни, образованіе есть душа жизни. Воспитаніе принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ, и не прекращается до старости... Образованіе есть расширеніе, развитіе и осмысленіе того, что дается воспитаніемъ; послѣднее даетъ нѣжный и, такъ сказать, тающій матеріалъ; образованіе сообщаетъ ему плотность и крѣпость; воспитаніе и образованіе въ жизни словно абрисъ и растушовка въ рисункѣ. Воспитаніе наполняетъ память матеріаломъ; образованіе сообщаетъ правильное практическое примѣненіе этому запасу. Воспитаніе для ума есть какъ бы гимнастика; образованіе направляетъ его развитыя и получившія гибкость силы къ дѣлу познанія и жизни; воспитаніе должно обратить чувство и волю юноши къ добру; образованіе можетъ утвердить въ немъ сознательную любовь и постоянную доблесть. То, что даетъ учитель ученику, имѣетъ для послѣдняго качество необходимости: ученикъ долженъ принимать сказанное учителемъ на вѣру, такъ сказать жить умомъ учителя, руководствоваться буквально его наставленіями, развиваться подъ его указаніемъ». Здѣсь что ни слово, то неточность, или общая, безсодержательная фраза. Значитъ, всѣ окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и не вкусившіе образованія г. Костомарова безполезны для жизни, хотя воспитаніе (задача гимназій) и приготовляетъ къ жизни; значитъ, среднія учебныя заведенія не даютъ никакого образованія; значитъ, съ 17 лѣтъ начинается такой возрастъ, который не имѣетъ ничего общаго съ воспитаніемъ; значитъ, по чудной педагогикѣ г. Костомарова, можно нагружать память воспитанниковъ матеріаломъ, хотя бы нѣжнымъ и тающимъ, безъ всякой заботы объ осмысленіи этого матеріала, и въ то же время отнюдь не дѣйствовать на общее духовное развитіе и т. д. Бѣдныя гимназіи! вы съ своимъ воспитаніемъ вдругъ оказываетесь безполезными для жизни, потому что не имѣли никакого дѣла съ образованіемъ; вы занимались до сихъ поръ какою-то умственной гимнастикой совершенно безцѣльно, безъ всякаго обращенія къ жизни; нагружали память воспитанниковъ какимъ-то нѣжнымъ и тающимъ матеріаломъ, который они, вѣроятно, не успѣвали доносить до жизни; вы не позволяли, да и не должны были позволять имъ свое сужденіе имѣть; вы не сообщали имъ ни сознательной любви, ни способности къ постоянной доблести! Завидная задача среднихъ учебныхъ заведеній, ежегодно выпускающихъ половину своихъ воспитанниковъ на служеніе об-

ществу! Трудно себѣ вообразить, на что могло употреблять общество такихъ воспитанниковъ! И какое противорѣчіе въ этомъ же противопоставленіи; университеты вовсе не занимаются приготовленіемъ къ жизни, а между тѣмъ сообщаютъ плотность и крѣпость нѣжному и тающему матеріалу гимназистовъ, какъ будто плотность и крѣпость образовательнаго матеріала совершенно не нужны для жизни! Едва ли не въ первый разъ является въ печати такое мудреное опредѣленіе воспитанія и образованія. И на этомъ-то опредѣленіи основывается взглядъ, уничтожающій всѣ университеты въ мірѣ!.. Но довольно объ этомъ опредѣленіи, о которомъ и то уже говорили слишкомъ много, и которое будетъ памятно только по своей изумляющей парадоксальности.

Воспитательный элементъ университетовъ имѣетъ свой особенный характеръ, соотвѣтствующій возрасту студентовъ: не стѣсняя нисколько свободы ихъ дѣятельности, онъ служитъ имъ только пособіемъ и опорою въ ихъ трудной и новой для нихъ работѣ надъ самовоспитаніемъ, предохраняетъ отъ увлеченій и крайностей, неизбѣжныхъ въ этомъ возрастѣ, въ случаяхъ уклоненій отъ нравственнаго порядка помогаетъ совѣтомъ и руководствомъ, и только въ случаѣ вредной для другихъ нравственной порчи удаляетъ опаснаго члена изъ общества студентовъ. Въ этомъ смыслѣ правильно организованное особое управленіе студентами, съ одной стороны, представляется имъ путеводною нитью въ дѣлѣ самовоспитанія, а съ другой — учрежденіемъ, напоминающимъ имъ о той отвѣтственности, которою они обязаны ему въ уклоненіяхъ отъ нравственнаго порядка. Лишить ихъ этого пособія и опоры значитъ погрѣшить противъ основнаго и общепризнаннаго педагогическаго закона, предписывающаго соблюдать строгую постепенность въ усиленіи и ослабленіи всѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ средствъ. Этого закона, очевидно, не знаетъ и не хочетъ узнать г. Костомаровъ, который своихъ гимназистовъ, съ ихъ нагруженною памятью и съ одною привычкою принимать сказанное учителемъ на вѣру, жить однимъ умомъ учителя, выпускаетъ на вольный свѣтъ безъ всякаго пособія и опоры, на жертву общему закону.

А довольны ли будутъ родители и родственники студентовъ осуществленіемъ плана г. Костомарова, довольны ли будутъ сами студенты? Едва ли. Взглядъ первыхъ на студентовъ можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ пониманія г. Костомаровымъ того возраста, съ которымъ имѣетъ дѣло университетъ. Чѣмъ объяс-

нить ихъ усильное и непремѣнное желаніе помѣстить своихъ дѣтей и родственниковъ тамъ, гдѣ бы они могли найти себѣ ближайшій и искренній совѣтъ и опытное руководство въ жизни, какъ не очевиднымъ сознаніемъ настоятельной потребности для нихъ этого совѣта и руководства? Они не поймутъ высиженныхъ въ кабинетѣ фантазій г. Костомарова, потому что ихъ понятія вышли изъ жизни, сложились жизнью и провѣрены многолѣтнимъ опытомъ А студенты? — Смѣемъ думать, что г. Костомаровъ и въ этомъ случаѣ руководствовался исключительно своей фантазіей и не принялъ на себя труда справиться съ дѣйствительностью. Мы желаемъ правильной и цѣлесообразной организаціи университетскаго управленія, составленнаго изъ лицъ, пользующихся и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ искреннимъ довѣріемъ и расположеніемъ студентскаго общества, жизнь и занятія которыхъ могли бы служить косвеннымъ примѣромъ для ихъ жизни, — и увѣрены, что тогда наши студенты «будутъ считать университетское управленіе преимуществомъ, будутъ дорожить имъ и видѣть въ немъ доброжелательную заботу о нихъ, снисходительную готовность извинять промахи, свойственные ихъ возрасту, что имъ и въ голову не придетъ приписывать это установленіе желанію держать студентовъ на степени школьниковъ» (*Соврем. Лѣтоп. №* 44). Особое управленіе, какъ пособіе и опора для ихъ жизни, въ живомъ примѣрѣ, тѣмъ болѣе для нихъ необходимо, что современное общество едва ли можетъ вознаградить его отсутствіе, и именно недостаткомъ цѣлесообразнаго университетскаго управленія въ большей части случаевъ должно объяснять встрѣчающееся явленіе разгульной, безпечной и безцѣльной жизни студентовъ.

Гдѣ же пресловутая корпорація, ненавистная г. Костомарову и другимъ, что осталось для ней изъ перечисленныхъ самимъ г. Костомаровымъ условій? Одно особое управленіе, пользу и необходимость котораго не признать нельзя. Чтò же общаго здѣсь съ тою корпораціей, которая имѣетъ цѣлью *взаимную защиту общаго дѣла или сохраненіе общихъ привилегій?* Насъ напугало слово «корпорація», которое когда-то и гдѣ-то имѣло одно значеніе, извѣстное намъ, а теперь имѣетъ совершенно другое, соотвѣтствующее настоящему времени; съ этимъ-то значеніемъ мы позабыли справиться и повели ожесточенную войну противъ средневѣковой корпораціи въ примѣненіи къ Русскому университету. Въ обсужденіи современнаго университетскаго устройства можно, безъ всякаго вреда для существа дѣла, обойтись безъ этого слова; если же и до-

пустить его въ значеніи «особаго учрежденія, имѣющаго извѣстную цѣль и организацію, приспособленную къ этой цѣли», то въ этомъ значеніи нѣтъ ничего вреднаго и страшнаго; въ этомъ значеніи оно обнимаетъ не однихъ студентовъ, а весь университетъ, и учащихъ и учащихся. Въ этомъ смыслѣ студентское общество, повторяемъ, есть явленіе самостоятельное, естественное и необходимое, существующее отнюдь не для самозащищенія и домогательства какихъ-то привилегій за слушаніе лекцій.

Должно ли допускать въ аудиторіи безъ всякаго ограниченія и различія всѣхъ, желающихъ слушать университетскія лекціи? Этотъ вопросъ также, по нашему мнѣнію, не имѣетъ существеннаго значенія и постановка его въ послѣднее время можетъ быть объясняема только случайными, временными обстоятельствами. Развѣ университетъ когда-нибудь и кому-нибудь запрещалъ входъ въ свои аудиторіи? Никогда и никому; въ противномъ случаѣ, онъ измѣнилъ бы своему назначенію. Развѣ, при появленіи посторонняго лица въ аудиторію, кому-нибудь изъ профессоровъ приходила въ голову мысль о правѣ этого лица явиться къ нему на лекцію? Нѣтъ. И прежде, какъ извѣстно, желавшему посѣщать лекціи стоило только предъявить свое желаніе редактору, и онъ всегда и безпрепятственно получалъ дозволеніе; да и эту формальность никогда строго не соблюдали, ее обходили постоянно и никто не обращалъ на это никакого вниманія. Тѣмъ профессорамъ, которыхъ такъ краснорѣчиво характеризуетъ г. Костомаровъ, раздѣляя ихъ на двѣ категоріи по двумъ противоположнымъ способамъ чтенія, могло быть и можетъ быть непріятнымъ появленіе постороннихъ лицъ на ихъ лекціяхъ; они могли судить объ этомъ появленіи вкривь и вкось, могли по этому поводу выражать свое неудовольствіе; но вѣдь это неудовольствіе каждый, даже выражавшій его, понималъ только какъ чисто-личное чувство, о сомнѣніи же въ правѣ не могло быть и рѣчи. Нельзя же запретить кому бы то ни было рѣшать по своему вопросъ, напр. о томъ, что̀ за охота постороннимъ лицамъ посѣщать университетскія лекціи, что̀ они могутъ вынести изъ аудиторіи; о томъ, приготовлены ли они достаточно къ этимъ лекціямъ, или нѣтъ и т. д. Сужденія эти, разумѣется, не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на вопросъ о правѣ. Они даже естественны въ виду новаго, небывалаго явленія — посѣщенія университетскихъ лекцій многочисленными посторонними лицами. Все дѣло въ томъ, что прежде слабѣе чувствовалась и сознавалась обществомъ потребность образованія, а потому замѣтно было и меньше сочувствія

къ университетамъ, которые стояли въ сторонѣ отъ общества, но которые тѣмъ не менѣе, сколько могли и насколько были способны, дѣлали свое дѣло: оттого посѣщеніе лекцій посторонними лицами было явленіемъ рѣдкимъ и единичнымъ. Въ послѣдніе годы обнаружилось въ обществѣ весьма значительное движеніе въ пользу образованія, — движеніе, которому глубоко сочувствуютъ всѣ, кому дорогъ успѣхъ народнаго образованія даже въ его возможности и въ надеждѣ на него; обнаружилась любознательность съ болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ ея предмета и цѣли, и нѣкоторыя университетскія аудиторіи наполнялись посторонними посѣтителями. Неравномѣрность распредѣленія послѣднихъ по аудиторіямъ естественно условливается, съ одной стороны, свойствомъ предмета чтеній, съ другой — способомъ его изложенія. Какъ же университеты отвѣтили на это движеніе общества въ пользу образованія, на эту усилившуюся любознательность общества? Съ полною и радушною готовностью они открыли свои аудиторіи всѣмъ, желавшимъ слушать университетскія лекціи. И конечно, не г. Костомарову, какъ замѣтилъ г. Стасюлевичь, находившему всегда свою аудиторію наполненною посторонними посѣтителями всѣхъ возрастовъ, званій, состояній и половъ, жаловаться на недостатокъ этой готовности. Странно: приходится печатно заявлять обществу эту готовность, въ которой оно, безъ сомнѣнія, никогда не сомнѣвалось и не имѣло причинъ сомнѣваться! Какъ же понимать мнѣніе г. Костомарова, что корпорація слушателей (мы видѣли, какъ должно понимать эту корпорацію) препятствуетъ университету быть органомъ прямаго сообщенія со стороны науки съ общественною жизнію, отрываетъ слушателей отъ остальнаго общества, ведетъ къ незнанію общества, къ отчужденію отъ его интересовъ; что она дѣлаетъ науку какъ будто особой привилегіей избранныхъ, что стѣсняетъ общественную свободу въ самомъ достойнѣйшемъ уваженія человѣческомъ дѣлѣ — просвѣщеніи, что она склоняетъ науку къ отрѣшенію отъ жизни?... Мы переживаемъ знаменательное время; справедливо называютъ его переходною эпохой, и, какъ переходная эпоха, оно представляетъ тѣ же крайности и увлеченія, тѣ же неровныя и порывистыя стремленія вмѣстѣ съ естественнымъ для такой эпохи, неяснымъ сознаніемъ существа и цѣли стремленій, какія мы видѣли выше при обсужденіи студентскаго возраста. Пройдетъ это время, крайности и увлеченія исчезнутъ, стремленія выровняются и отчетливо сознаются. Въ наше переходное время вдругъ въ широкихъ размѣрахъ почувствовалась потребность обра-

зованія, вдругъ начала въ обществѣ проясняться мысль, что успѣхъ всей общественной дѣятельности, всѣхъ общественныхъ предпріятій зависитъ отъ образованія, — и лучшая, свѣжая часть общества неудержимо устремилась къ университету, какъ къ главному источнику образованія, удовлетворяющему самымъ разнообразнымъ потребностямъ этого рода. Въ прежнее время умственнаго застоя, мы не заботились о заготовленіи большаго числа образовательныхъ средствъ, въ ихъ примѣненіи къ насущнымъ и настоятельнымъ потребностямъ общества, а потому университеты, дѣйствовавшіе прежде на опредѣленный и провѣренный ими самими уровень знаній и, соотвѣтственно этому уровню, установившіе свою образовательную дѣятельность, вдругъ встрѣтились лицемъ къ лицу съ самыми разнообразными потребностями и уровнями знаній. Такой внезапный приливъ ищущихъ знаній, даже независимо отъ низшихъ и эгоистическихъ побужденій — тщеславія и стремленія къ популярности и извѣстности, естественно могъ отразиться на характерѣ давно установившейся и единственно-свойственной университету образовательной дѣятельности, могъ произвести нѣкоторыя колебанія въ отношеніяхъ, также установившихся и единственно-вѣрныхъ, между профессорами и ихъ слушателями. Отсюда сужденія и толки, отсюда желаніе преобразованій, inde lacrimae. Нельзя не пожалѣть, что желаніе реформы, такъ краснорѣчиво выраженное, обращено на самую существенную часть университетскаго устройства, менѣе всего нуждающуюся въ реформѣ. Но если ближе и основательнѣе всмотрѣться въ это стремительное движеніе къ университету, въ этотъ внезапный приливъ ищущихъ знаній, то нельзя, кажется, не убѣдиться, что это явленіе временное, случайное, характеризующее переживаемую нами эпоху и объясняемое также недостаткомъ въ наличномъ количествѣ и съ отвѣтствующимъ общественнымъ потребностямъ качествомъ образовательныхъ средствъ. *Если же это явленіе временное и случайное, то можетъ ли и должно ли оно служить достаточнымъ основаніемъ для радикальнаго преобразованія университетовъ?* Не думаемъ. Здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается весь грѣхъ мнѣнія г. Костомарова, и грѣхъ большой, если вникнуть въ него обстоятельно. Пріятно пораженный многочисленной и разнообразной публикой, собравшеюся около его каѳедры, краснорѣчивый профессоръ увлекся, — что, какъ извѣстно, съ нимъ бываетъ нерѣдко, — принялъ случайное за существенное и, продолжая фантазировать на эту тему, дошелъ до мысли о необходимости радикальнаго преобразованія всѣхъ Рус-

скихъ университетовъ и даже, какъ доказано, всѣхъ университетовъ въ мірѣ, дошелъ до этой мысли тѣмъ легче, что предлагаемое преобразованіе могло льстить самолюбію общества. Преобразованія же теперь въ ходу, и чѣмъ, разумѣется, радикальнѣе реформа, тѣмъ больше чести реформатору. Пройдетъ это время крайностей и увлеченій, наступитъ пора спокойнаго обсужденія дѣла, знанія слушателей выровняются — и въ аудиторіяхъ останется то, что принадлежитъ имъ по праву, что собирается въ нихъ по ясному сознанію потребности и цѣли истиннаго образованія, съ полною готовностью на серьезный и продолжительный трудъ; выберется изъ нихъ по добру по здорову все, что въ движеніи къ университетамъ руководилось безсодержательнымъ и безцѣльнымъ увлеченіемъ, подражаніемъ и модой; установятся порядокъ и спокойствіе, необходимые для честнаго и полезнаго служенія наукѣ, съ тѣмъ, разумѣется, великимъ различіемъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, что, въ силу совершившагося уже движенія, аудиторіи будутъ полнѣе, уровень знаній слушателей выше, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно усовершенствуется и внутреннее достоинство лекцій въ истинно-ученомъ смыслѣ, а отнюдь не въ популярномъ, нействойственномъ университетскому образованію. Повторяемъ: *если и чувствуются въ настоящее время университетами нѣкоторыя неудобства отъ внезапнаго стеченія многочисленной и разнообразной публики въ нѣкоторыхъ изъ ихъ аудиторій, то эти неудобства только временныя, случайныя, преходящія*, — и университеты нравственно обязаны перенести эти неудобства, оставаясь вѣрными своему назначенію— распространять образованіе для ищущихъ его, и въ то же время не измѣняя существу и достоинству университетскаго образованія.

Университеты и общество, конечно, не могутъ оставаться равнодушными къ этимъ неудобствамъ и должны пріискивать средства къ ихъ ослабленію и, по возможности, къ ихъ устраненію. Главными средствами для этой цѣли должны служить слѣдующія два, кратко указанныя и предшествующими замѣчаніями о Русскихъ университетахъ: 1) охраненіе внутренняго достоинства лекцій, ихъ дѣльности и серьезности, по выраженію г. Бекетова. «Праздная толпа ищетъ забавы, скажемъ здѣсь словами г. Костомарова, лекціи же профессора, излагающія науку, заключаютъ въ себѣ много серьезнаго, а оно именно и отгонитъ праздную толпу. Лекціи профессоровъ не только съ пользою, но и съ удовольствіемъ могутъ слушать только люди приготовленные: тутъ наше охраненіе отъ наплыва невѣжества. Кто не въ силахъ понимать профессора, тотъ

его слушать не станетъ: потому что ни у кого не достанетъ терпѣнія слушать то, чего онъ не понимаетъ.» Выше мы сказали въ сущности ту же мысль, стараясь доказать, что упоминаемый г. Костомаровымъ наплывъ невѣжества есть явленіе временное, вовсе не оправдывающее необходимости радикальнаго преобразованія нашихъ университетовъ. Здѣсь мы укажемъ только на одно весьма важное условіе дѣльности и серьезности лекцій. Эти качества лекцій необходимо требуютъ, чтобы профессоры исключительно посвятили себя лекціямъ, чтобы они сосредоточили на нихъ всѣ свои труды и занятія, а для этого прежде всего необходимо полное матеріальное обезпеченіе профессора. Матеріальныя же средства ихъ, особенно въ провинціяхъ, до настоящаго времени были до того неудовлетворительны, что ими не покрывались вполнѣ самыя насущныя житейскія потребности; я не говорю уже объ удовлетвореніи умственныхъ потребностей (см. статью г. Любимова въ *Русск. Вѣстн.*). Такое положеніе естественно влекло профессоровъ къ двумъ исходамъ: или къ пріисканію, независимо отъ университета, средствъ къ дополненію своего скромнаго бюджета, — что̀, разумѣется, не могло не отвлекать ихъ отъ надлежащаго выполненія профессорскаго назначенія и мало по малу, незамѣтно, доводило ихъ до формальнаго, канцелярскаго выполненія своей обязанности; или къ крайнему ограниченію своихъ матеріальныхъ потребностей во всѣхъ отношеніяхъ, съ цѣлью спасти по крайней мѣрѣ чистоту совѣсти и возможную самостоятельность и независимость своего положенія. Первые обезпечиваютъ себя по крайней мѣрѣ въ насущныхъ нуждахъ, но за то боязливо озираются кругомъ; вторые терпятъ лишенія, но за то держатъ себя самостоятельнѣе и стараются, по возможности, оставаться вѣрными своему назначенію. Первые упражняются въ пріученіи совѣсти къ искушеніямъ и иногда достигаютъ совершенства въ этомъ онтношеніи; вторые упражняются въ терпѣніи, весьма почтенной добродѣтели. Искренно и глубоко сочувствуя послѣднимъ, кто рѣшится бросить камень въ первыхъ? Пора перестать смотрѣть на профессоровъ съ какой-то небесной точки зрѣнія, пора подумать о ихъ существѣ, тяготѣющемъ къ землѣ, пора подумать, что и они, какъ и всѣ смертные, обладаютъ земными наклонностями: къ пищѣ, одеждѣ, жилищу, къ семейной жизни, къ увѣковѣченію себя, можетъ быть, въ прелестныхъ, но, къ сожалѣнію, также земныхъ созданьяхъ, одаренныхъ чисто-земными наклонностями и т. д. Полное матеріальное обезпеченіе профессоровъ тѣмъ необходимѣе, что бо̀льшая

часть ихъ не обладаетъ житейской мудростью и отличается совершенною непрактичностью въ житейскомъ отношеніи; оно тѣмъ справедливѣе, что ни одно званіе не требуетъ такихъ трудовъ и жертвъ для его достиженія. Этою непрактичностію, этимъ отсутствіемъ житейской мудрости, а также, конечно, любовью къ дѣлу и сознаніемъ его важности и пользы только и можно объяснить, по видимому, странную привязанность къ своему званію, такъ мало вознаграждающему за принесенныя жертвы для его полученія и за послѣдующій постоянный и усиленный трудъ. И такъ, вполнѣ обезпечивъ матеріальное положеніе професcовъ, вы получите справедливое право требовать отъ нихъ постоянной дѣльности и серьезности лекцій; тогда смѣло подвергайте ихъ общественному суду, потому что тогда професcоръ, не выполняющій своего назначенія, становится вполнѣ нравственно-отвѣтственнымъ. Въ послѣднее время усилились слухи о намѣреніи улучшить положеніе професcоровъ. Если эти слухи осуществятся, то наше замѣчаніе будетъ относиться къ прошедшему нашихъ университетовъ; тогда съ этой стороны не будетъ причинъ сомнѣваться въ лучшей будущности професcорскихъ лекцій.

2) Вторымъ средствомъ для той же цѣли должно служить усиленіе образовательныхъ средствъ, съ характеромъ, болѣе доступнымъ большинству общества, недостаточно приготовленному для университетскихъ лекцій, съ характеромъ, болѣе соотвѣтствующимъ потребностямъ этого большинства. Необходимость образовательныхъ средствъ этого рода признается, кажется, единогласно всѣми писавшими въ послѣднее время о Русскихъ университетахъ, кромѣ г. Костомарова, который желаетъ самые университеты низвести до уровня этихъ образовательныхъ средствъ. Всѣ единогласно признаютъ у насъ потребность учрежденія, подобнаго Французскому Collège de France. Нельзя вообще не раздѣлять этого мнѣнія: возможно-большее распространеніе публичныхъ чтеній, съ цѣлью общедоступнымъ и популярнымъ способомъ ознакомить съ существеннымъ содержаніемъ и особенно съ важными для жизни выводами науки ту часть общества, которая, по невозможности или по неохотѣ, не успѣла запастись достаточнымъ общимъ образованіемъ, — распространеніе такихъ публичныхъ чтеній составляетъ поистинѣ важнѣйшую, насущную потребность нашего времени. Мы твердо убѣждены, что распространеніе этихъ чтеній въ достаточномъ количествѣ не замедлитъ отвлечь отъ аудиторій ту публику, которая недостаточно подготовлена для унивеситет-

скихъ лекцій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта часть публики не захочетъ упражнять своего терпѣнія въ университетскихъ аудиторіяхъ, когда получитъ возможность удовлетворить своимъ потребностямъ легчайшимъ и кратчайшимъ путемъ. Нельзя медлить устройствомъ въ возможно-большемъ количествѣ публичныхъ чтеній, потому что должно дорожить совершающимся въ настоящее время движеніемъ общества на пользу образованія; грѣшно допускать, чтобы лучшія и свѣжія силы общества, поступившія въ это движеніе, утомились въ неудачныхъ опытахъ и стремленіяхъ къ благородной и полезной цѣли. Г. Стасюлевичъ переводитъ эти публичныя чтенія въ академію наукъ на томъ основаніи, что въ Парижѣ Collège de France есть читающая академія въ дополненіе къ академіи пишущей. Ничего нельзя сказать противъ этой читающей академіи, которая до сихъ поръ только писала; но мы думаемъ, что въ настоящее время для этой цѣли недостаточно академіи, что необходимо привести въ движеніе всѣ годныя наличныя силы, для возможно-полнаго удовлетворенія стремленію общества къ образованію. А провинціи, г. Стасюлевичъ? Вы забыли о нихъ. Не стекаться же въ вашу читающую академію со всѣхъ концевъ Россіи! По нашему мнѣнію, публичныя чтенія не должно ограничивать академіею, но должно распространять и на университеты и даже на гимназіи; вообще для этой цѣли необходимы и полный просторъ и достаточно-сильныя возбужденія. Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ, упомянутая выше небесная точка зрѣнія можетъ только повредить дѣлу.

Для устраненія тѣхъ же неудобствъ отъ наплыва въ университетскія аудиторіи недостаточно-приготовленной посторонней публики, можетъ быть, полезно соблюдать въ точности существовшее до сихъ поръ раздѣленіе слушателей на студентовъ и вольнослушателей и причислять постороннихъ слушателей къ послѣдней категоріи, подчиняя ихъ и вытекающимъ отсюда обязанностямъ. Не будемъ оправдывать здѣсь основаній раздѣленія университетскихъ слушателей на студентовъ и вольнослушателей, не будемъ опровергать и мнѣнія г. Костомарова, что это только два званія для одной и той же цѣли: пользу и существенное значеніе этого различія можно узнать отъ любаго студента. Мы желали бы только объяснить нашимъ читателямъ, что подчиненіе посторонней публики категоріи вольнослушателей не заключаетъ въ себѣ ничего стѣснительнаго. Одна только обязанность вольнослушателя держать экзаменъ на степень могла бы показаться стѣснительною; но кому же

не извѣстно, что эта обязанность обходится сплошь и рядомъ и что въ университетѣ не существуетъ для выполненія ея никакихъ принудительныхъ мѣръ? Это подчиненіе могло бы по крайней мѣрѣ имѣть тотъ смыслъ, что оно, указывая имъ постоянно на цѣль университетскаго образованія, общую для нихъ со всѣми остальными слушателями, содѣйствовало бы усвоенію серьезнаго взгляда на лекціи, пріученію къ труду, а также удаленію тѣхъ слушателей, которые къ посѣщенію лекцій увлекутся единственно подражаніемъ и модой, или смотрятъ на нихъ, какъ на забаву.

Мы высказали съ полною искренностію свои замѣчанія о нашихъ университетахъ, стараясь доказать вездѣ, что современное ихъ устройство въ сущности не нуждается въ радикальномъ преобразованіи и стараясь указать прямо и, сколько могли, точно на средства къ улучшенію нѣкоторыхъ частей этого устройства. Мы руководились въ этомъ случаѣ столь же искреннимъ и единственнымъ желаніемъ содѣйствовать хотя сколько-нибудь возбужденію еще бо̀льшаго вниманія къ вопросу объ устройствѣ нашихъ университетовъ; равнымъ образомъ въ опроверженіи мнѣнія г. Костомарова, вызвавшаго горячую полемику, руководились желаніемъ, можетъ быть смѣлымъ, еще встрѣтиться съ нимъ печатно по этому вопросу, если только онъ не думаетъ также, какъ г. Максимовичъ думалъ о комъ-то, что «за мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ».

XXXIV.

Извлеченіе изъ доклада, представленнаго Московскимъ медицинскимъ факультетомъ въ университетскій совѣтъ.

I.

Въ проектѣ устава для каждаго изъ Русскихъ медицинскихъ факультетовъ положено 12 каѳедръ. Но въ Московскомъ университетѣ до сихъ поръ медицинскій факультетъ имѣетъ ихъ четырнадцать, и еслибы проектъ былъ утвержденъ, то факультетъ лишился бы двухъ въ высшей степени важныхъ, практическихъ ка-

ѳедръ. Эти каѳедры суть: 1) терапевтическая госпитальная клиника и 2) хирургическая госпитальная клиника. По мнѣнію медицинскаго факультета, число каѳедръ въ немъ не должно быть уменьшено; напротивъ, его слѣдуетъ увеличить. Вотъ тѣ каѳедры, которыя желаетъ имѣть медицинскій факультетъ Московскаго университета:

1) Медицинская химія; фармакогнозія и фармація.

2) Анатомія здороваго человѣка.

3) Гистологія и исторія развитія человѣка и сравнительная.

4) Физіологія здороваго человѣка.

5) Патологическая анатомія.

6) Патологическая физіологія;, общая терапія; энциклопедія, методологія, исторія и литература медицины.

7) Фармакологія, ученіе о минеральныхъ водахъ; токсикологія; рецептура.

8) Частная патологія и терапія.

9) Теоретическая хирургія.

10) Оперативная хирургія съ хирургическою анатоміею и десмургіею.

11) Терапевтическая факультетская клиника и поликлиника съ семіотикою.

12) Хирургическая факультетская клиника и поликлиника съ семіотикою.

13) Терапевтическая госпитальная клиника.

14) Хирургическая госпитальная клиника.

15) Акушерство. Наука о женскихъ болѣзняхъ.—Теоретическое изложеніе предметовъ. Упражненія въ производствѣ акушерскихъ операцій на фантомѣ. Акушерская клиника и поликлиника. Клиника и поликлиника женскихъ болѣзней.

16) Дѣтскія болѣзни.—Теоретическое изложеніе предмета. Клиника и поликлиника.

17) Офталміатрія.—Теоретическое изложеніе предмета. Упражненія въ производствѣ глазныхъ операцій на человѣческихъ трупахъ и на глазахъ животныхъ. Глазная госпитальная клиника и поликлиника.

18) Ученіе о нервныхъ болѣзняхъ и психіатрія. — Теоретическое изложеніе предмета. Клиника и поликлиника нервныхъ и психическихъ болѣзней.

19) Ученіе о венерическихъ болѣзняхъ и хроническихъ сыпяхъ.—Теоретическое изложеніе предмета. Клиника и поликлиника.

20) Судебная медицина и Русское врачебное законовѣдѣніе.

21) Гигіена частная и общественная (медицинская полиція). Ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарная полиція.

Въ настоящее время въ медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета студентовъ и слушателей 729. На 5-мъ курсѣ ихъ 207, на 4-мъ 166, на 3-мъ 92, на 2-мъ 157, на 1-мъ 107. Кромѣ того, къ слушателямъ медицинскаго факультета нужно причислить 67 аптекарскихъ помощниковъ, которые тоже обучаются въ университетѣ. Потому всѣхъ учащихся въ медицинскомъ факультетѣ 796 человѣкъ. Были годы, въ которые количество медицинскихъ студентовъ превышало настоящее, такъ что слушатели перваго курса не могли помѣститься ни въ одной изъ самыхъ большихъ аудиторій университета. Такъ въ медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета учащихся было

въ 1860 году 905,
» 1859 » 964,
» 1858 » 1,079,
» 1857 » 1,161 (со включеніемъ и аптекарскихъ помощниковъ).

Слѣдующія цифры показываютъ количество учившихся во всѣхъ пяти медицинскихъ факультетахъ Русскихъ университетовъ, за 1857 и 1858 г.

1857 годъ.

Медиц. факультетъ Московскаго университета 1,161.	
Медиц. факультетъ унив. св. Владимира	558
» » Харьковскаго университета	221
» » Казанскаго университета	179
число учившихся въ медицинскомъ факультетахъ трехъ университетовъ	958

1858 годъ.

Медиц. факульт. Московскаго университета 1,079.	
Медиц. факультетъ университета св. Владиміра	640
» » Харьковскаго университета	214
» » Казанскаго университета	173
число учившихся въ медицинскихъ факультетахъ трехъ университетовъ	1,027

Въ медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета въ 1857 г. училось 265 чел., а въ 1858 г. 270.

Итакъ количество учившихся въ медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета (за 1857 и 1858 г.) превышаетъ сумму учившихся въ трехъ медицинскихъ факультетахъ: Кіевскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ; оно вчетверо болѣе, чѣмъ количество учившихся медицинѣ въ университетѣ Дерптскомъ, вдвое болѣе, чѣмъ количество медицинскихъ студентовъ Берлинскаго университета*) и впятеро болѣе количества такихъ же студентовъ университета Пражскаго.

До 1845 года Москва, въ медицинскомъ отношеніи, пользовалась важнымъ преимуществомъ предъ всѣми университетскими городами Россіи: въ ней было два медицинскихъ факультета—одинъ въ университетѣ, другой въ медико-хирургической академіи. Въ 1845 году медико-хирургическая академія закрыта и зданіе ея назначено для университетскихъ клиникъ. Съ закрытіемъ академіи медицинскій факультетъ университета былъ расширенъ; въ немъ прибавлены четыре каѳедры, которыхъ не имѣли медицинскіе факультеты провинціальныхъ университетовъ 1) патологическая анатомія и физіологія больнаго человѣка, 2) терапевтическая госпитальная клиника, 3) хирургическая госпитальная клиника, 4) глазная госпитальная клиника) и для клиникъ, кромѣ академическаго зданія, назначены еще больницы Екатерининская и глазная. Расширеніе Московскаго медицинскаго факультета вызвано существенною потребностію. Госпитальныя клиники, учрежденныя въ 1845 году, принесли великую пользу учащимся: безъ нихъ медицинскій факультетъ не могъ бы удовлетворительно подготовлять огромное количество учащихся медицинѣ для отправленія важныхъ врачебныхъ обязанностей. Въ заграничныхъ университетахъ медицинскіе факультеты обыкновенно имѣютъ гораздо болѣе каѳедръ, чѣмъ прочіе факультеты **). Такъ въ 1843 году въ богословскомъ факультетѣ Берлинскаго университета было 10 профессоровъ и 5 доцентовъ, въ юридическомъ—11 профессоровъ и 6 доцентовъ, между тѣмъ какъ въ медицинскомъ факультетѣ состояло 25 профессоровъ и 14 доцентовъ. Медицинскій факультетъ нуждается въ большемъ

*) У насъ подъ руками списокъ Берлинскихъ студентовъ 1843 года. Къ сожалѣнію, новѣйшихъ списковъ мы не имѣемъ.

**) За исключеніемъ факультета философскаго. Но подъ этимъ именемъ въ Нѣмецкихъ университетахъ разумѣются два наши факультета: историко-филологическій и физико-математическій.

числѣ профессоровъ, чѣмъ прочіе факультеты, потому что преподаваемыя въ немъ науки весьма разнообразны и обширны, въ особенности же потому, что при изученіи ихъ необходимы практическія упражненія учащихся. За границею, во всѣхъ столичныхъ городахъ, медицинскіе факультеты много обширнѣе, чѣмъ въ городахъ провинціальныхъ, оттого что въ первыхъ гораздо болѣе учащихся, чѣмъ въ послѣднихъ. Такъ въ Парижскомъ медицинскомъ факультетѣ 26 *) каѳедръ, между тѣмъ какъ въ факультетѣ Монпелье ихъ только 17, а въ факультетѣ Страсбурга 13. Въ 1843 году въ Берлинскомъ медицинскомъ факультетѣ было 14 ординарныхъ профессоровъ, 11 экстраординарныхъ и 14 доцентовъ, между тѣмъ какъ факультеты въ Бреславлѣ, Грейфсвальдѣ, Боннѣ и другіе имѣли гораздо меньшее число профессоровъ. Въ Московскомъ медицинскомъ факультетѣ студентовъ не менѣе, чѣмъ въ факультетахъ Парижскомъ и Берлинскомъ, но даже болѣе. Государь Императоръ, удостоивъ всемилостивѣйшимъ разсмотрѣніемъ всеподданнѣйшій отчетъ о дѣйствіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, за 1857 годъ, противъ статьи, что въ медицинскихъ факультетахъ университетовъ состояло студентовъ 2,291, изъ коихъ въ Московскомъ университетѣ 1,068, Высочайше изволилъ написать слѣдующую собственноручную резолюцію: «Обратить особенное вниманіе министра народнаго просвѣщенія на непомѣрное накопленіе студентовъ въ медицинскихъ факультетахъ и могутъ ли учебныя пособія ему соотвѣтствовать. Въ противномъ случаѣ сообразить, какія нужно принять мѣры, чтобы сему пособить». Также въ 1857 году Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: «Возложить на конференцію медико-хирургической академіи начертаніе проекта новаго устава академіи и предоставить ей, при исполненіи сего труда, не стѣсняться въ своихъ предположеніяхъ, лишь бы предположенія эти клонились къ истинной пользѣ академіи, послужили твердымъ основаніемъ будущему благосостоянію и процвѣтанію сего столь важнаго учрежденія въ государствѣ, и вообще могли поставить въ отечествѣ нашемъ врачебную науку на ту степень совершенства, на коей она находится въ Германіи и во Франціи». — И въ настоящее время медико-хирургическая академія уже имѣетъ вполнѣ достаточное число каѳедръ, соотвѣтствующее количеству учащихся; притомъ она снабжена такими учеб-

*) Къ этимъ 26 каѳедрамъ недавно прибавлены еще двѣ: каѳ. гистологіи и каѳ. сравнительной медицины.

ными пособіями, что въ этихъ отношеніяхъ можетъ равняться съ лучшими заграничными медицинскими факультетами. Медицинскій факультетъ Московскаго университета желаетъ имѣть только то, что уже имѣетъ Санктпетербургская медико-хирургическая академія. Если предположенія медицинскаго факультета, изложенныя въ проектѣ особаго постановленія, осуществятся, то въ Московскомъ университетѣ устранятся весьма важныя затрудненія при преподаваніи и изученіи медицины, а этого и желаетъ Государь Императоръ, Благодѣтель Россіи, Покровитель университета.

Факультетъ, вполнѣ сознавая, что ему нельзя обойтись безъ госпитальныхъ клиникъ, долгомъ считаетъ покорнѣйше просить университетскій совѣтъ—убѣдительнѣйше ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ, чтобы терапевтическая, хирургическая и глазная госпитальныя клиники и впредь оставались неотъемлемою принадлежностію факультета. Въ настоящее время всюду чувствуется потребность имѣть преподавателей-спеціалистовъ. Спеціальныя клиническія каѳедры, уже учрежденныя въ С. Петербургской медико-хирургической академіи, не менѣе нужны и въ Московскомъ медицинскомъ факультетѣ: въ немъ учащихся не менѣе, чѣмъ въ академіи. Новыя спеціальныя клиники съ поликлиниками, которыя желаетъ имѣть медицинскій факультетъ, суть слѣдующія:

1) Клиника болѣзней дѣтскихъ.

2) Клиника болѣзней нервныхъ и психическихъ.

3) Клиника болѣзней венерическихъ и хроническихъ сыпей.

Клинику дѣтскихъ болѣзней можно помѣстить въ зданіи факультетскихъ клиникъ, прибавивъ 20 кроватей къ 150 кроватямъ, положеннымъ по штату дополнительнаго постановленія для медицинскаго факультета Московскаго университета (1845 г.). Клиники: a) болѣзней нервныхъ и психическихъ и b) болѣзней венерическихъ и хроническихъ сыпей можно устроить въ Екатерининской больницѣ. Въ послѣдней есть значительное помѣщеніе, которое предназначается, какъ запасное, для больницы чернорабочихъ; оно, по ходатайству начальства, можетъ быть отдано для университетскихъ госпитальныхъ клиникъ. Также извѣстно, что въ Екатерининской больницѣ устроена фельдшерская школа. Если эту школу переведутъ въ другую больницу, то получится и еще помѣщеніе для больныхъ. Такимъ образомъ въ стѣнахъ Екатерининской больницы можно будетъ устроить клиники для болѣзней нервныхъ и психическихъ и для болѣзней венерическихъ и хроническихъ сыпей. Если въ первой изъ этихъ клиникъ будетъ 50 кроватей, во

2-й—65, а въ терапевтической и хирургической по 80, то Екатерининская больница вмѣститъ 275 кроватей. Въ настоящее время Екатерининская больница получаетъ деньги на содержаніе 175 больныхъ. На содержаніе 100 больныхъ можно отдѣлить нужныя деньги изъ капитала, собираемаго больницею для чернорабочихъ, съ тѣмъ, чтобы въ Екатерининской больницѣ на 100 кроватяхъ помѣщались только чернорабочіе, имѣющіе адресные билеты. Съ увеличеніемъ числа клиникъ въ Екатерининской больницѣ необходимо будетъ увеличить и денежное пособіе, отпускаемое университетомъ на госпитальныя клиники. При клиникахъ болѣзней нервныхъ, венерическихъ и сыпныхъ слѣдуетъ имѣть поликлиники. Нужно, чтобъ университетъ отпускалъ извѣстную сумму и на поддержаніе поликлиникъ. Въ такомъ случаѣ, по рецептамъ поликлиническихъ врачей, бѣдные городскіе больные будутъ получать, безъ платы, лекарства изъ аптеки Екатерининской больницы.

Факультетъ желаетъ имѣть каѳедру гистологіи и исторіи развитія человѣка и сравнительной. На эти науки въ наше время обращено особое вниманіе, и великія современныя пріобрѣтенія въ области этихъ наукъ произвели существенный переворотъ въ физіологіи и патологіи. Гистологія и исторія развитія могутъ быть изучены только при практическомъ преподаваніи. Для того, чтобы можно было, съ надлежащихъ успѣхомъ, практически излагать эти предметы и руководить огромное количество учащихся при упражненіяхъ, слѣдуетъ учредить особую каѳедру.

До сихъ поръ на профессорѣ хирургической факультетской клиники лежитъ обязанность излагать оперативную хирургію съ хирургическою анатоміею и десмургіею и упражнять въ производствѣ операцій на трупахъ и въ наложеніи повязокъ на фантомѣ. При исполненіи столь многосложныхъ обязанностей, профессоръ почти ежедневно долженъ употреблять на лекціи не менѣе трехъ часовъ. Факультетъ проситъ о томъ, чтобы каѳедра практической хирургіи была раздѣлена на двѣ: 1) хирургическая факультетская клиника и 2) оперативная хирургія съ хирургическою анатоміею и десмургіею. При этомъ раздѣленіи, и тотъ, и другой профессоръ еженедѣльно будутъ заниматься со студентами болѣе 8 часовъ; они будутъ имѣть гораздо болѣе времени для практическаго упражненія огромнаго количества учащихся и преподаваніе предмета столь важнаго, какъ практическая хирургія, много выиграетъ.

Каѳедра патологической анатоміи и патологической физіологіи тоже очень обширна. На теоретическое и практическое препода-

ваніе одной патологической анатоміи профессоръ долженъ употреблять почти ежедневно два часа. А въ теченіе втораго полугодія, кромѣ патологической анатоміи, онъ излагаетъ и патологическую физіологію, по шести часовъ въ недѣлю. Ему дозволено оканчивать теоретическій курсъ патологической анатоміи въ теченіе перваго семестра, а во второмъ—заниматься со студентами 5-го курса патологическою анатоміею только въ тѣ дни, когда представляются трупы для изслѣдованій; но такъ какъ и на 5-мъ курсѣ учащихся очень много (теперь ихъ 207 человѣкъ), то профессоръ и въ теченіе втораго полугодія занимается съ ними ежедневно. Факультетъ желаетъ, чтобы отъ каѳедры патологической анатоміи была отдѣлена патологическая физіологія и чтобы эта наука, вмѣстѣ съ общею терапіею, энциклопедіею, методологіею, исторіею и литературою медицины, составила предметъ особой каѳедры.

Теперь при каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія состоятъ профессоръ и адъюнктъ. Факультетъ, обращая вниманіе на обширность и чрезвычайную важность этой каѳедры, считаетъ необходимымъ раздѣлить ее на двѣ самостоятельныя каѳедры: а) судебная медицина и Русское врачебное законовѣдѣніе и b) гигіена частная и общественная (медицинская полиція); ветеринарная полиція и ученіе объ эпизоотическихъ болѣзняхъ. Въ Московскій анатомическій театръ почти ежедневно доставляются трупы для судебно медицинскаго изслѣдованія, и профессоръ судебной медицины, будучи освобожденъ отъ преподаванія гигіены и медицинской полиціи, будетъ имѣть гораздо болѣе времени для практическихъ занятій. И по другой каѳедрѣ, вслѣдствіе обширности и важности предметовъ, профессоръ еженедѣльно будетъ заниматься со студентами не менѣе 8 часовъ.

II.

Извѣстно, что въ медицинскомъ факультетѣ студенты, по окончаніи пятилѣтняго курса ученія, подвергаются испытанію, по желанію ихъ, на степень лекаря, или на степень доктора медицины. Факультетъ полагаетъ, что студентъ, какъ бы онъ даровитъ и прилеженъ ни былъ, не можетъ удовлетворить требованіямъ устава объ экзаменѣ на степень доктора, и потому желаетъ, чтобы дозволеніе студентамъ держать экзаменъ прямо на степень доктора медицины было отмѣнено. По мнѣнію факультета, лекарю, не раньше какъ по истеченіи года со дня полученія имъ этой степени, можетъ быть дозволено подать просьбу объ экзаменѣ на степень

доктора. Постоянно бываетъ много экзаменующихся на степень доктора, но гораздо болѣе половины изъ окончившихъ теоретическій и практическій экзаменъ не представляютъ диссертацій, и потому остаются при прежней степени лекаря. Для избѣжанія излишней траты времени, факультетъ желаетъ, чтобы ищущій степени доктора медицины, подавая просьбу объ экзаменѣ, въ то же время представлялъ и диссертацію. По разсмотрѣніи и одобрѣніи диссертаціи, онъ можетъ быть допущенъ къ теоретическому и практическому испытанію.

Получившій степень лекаря получаетъ право лечить. Это право въ высшей степени важно. Отъ дѣйствій врача часто зависитъ жизнь ближняго. Потому право леченія должно быть даваемо только тѣмъ, которые представятъ несомнѣнныя доказательства основательности своихъ медицинскихъ свѣдѣній и своей опытности. Изъ огромнаго числа медицинскихъ студентовъ, по окончаніи пятилѣтняго курса ученія, далеко не всѣ могутъ вполнѣ удовлетворить требованіямъ устава объ экзаменѣ на степень лекаря. Но если медицинскій студентъ, окончившій университетскій курсъ, не получитъ этой степени, то, по существующимъ постановленіямъ, онъ не пріобрѣтетъ отъ университета никакихъ правъ. Это обстоятельство много затрудняетъ экзаминаторовъ. Человѣку, который учился въ университетѣ пять лѣтъ или болѣе, и при томъ не безуспѣшно, трудно отказать во всѣхъ правахъ, какія даетъ университетское образованіе, потому только что при экзаменѣ онъ обнаружилъ успѣхи не отличные и не очень хорошіе, но хорошіе. Въ другихъ факультетахъ выпускаютъ изъ университета кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, и послѣдніе, получивъ это званіе, пріобрѣтаютъ извѣстныя права. Желательно, чтобы медицинскій факультетъ имѣлъ право выпускать, кромѣ лекарей, и дѣйствительныхъ студентовъ. Тогда бы онъ удостоивалъ права лечить только тѣхъ изъ студентовъ, которые окажутъ при испытаніи успѣхи отличные и очень хорошіе и которымъ безукоризненно можетъ быть ввѣрена жизнь ближняго, а за успѣхи хорошіе назначалъ бы званіе дѣйствительнаго студента. Дѣйствительные студенты не получали бы права лечить, но пользовались бы на службѣ преимуществами дѣйствительныхъ студентовъ другихъ факультетовъ. Занимавшіеся филологіею, математикою, естествовѣдѣніемъ, получивъ званіе дѣйствительнаго студента, пріобрѣтаютъ извѣстныя служебныя преимущества. Отъ чего же не дать этихъ преимуществъ и дѣйствительнымъ студентамъ медицинскаго факультета? Медицина есть примѣненное естествовѣдѣніе и изучающій ме-

дицину изучаетъ человѣка и природу, его окружающую. Это изученіе не менѣе, чѣмъ изученіе другихъ предметовъ, развиваетъ умственныя способности, и свѣдѣнія, пріобрѣтенныя студентомъ въ медицинскомъ факультетѣ, могутъ быть употреблены съ пользою для общества и на другихъ поприщахъ, кромѣ собственно врачебнаго. Дѣйствительному студенту слѣдуетъ дозволять держать экзаменъ на степень лекаря не раньше, какъ по истеченіи года со дня полученія имъ званія дѣйствительнаго студента.

Сравнивъ по служебнымъ преимуществамъ медицинскихъ дѣйствительныхъ студентовъ съ дѣйствительными студентами прочихъ факультетовъ, слѣдуетъ лекарю дать служебныя преимущества магистра, а доктору медицины — права доктора прочихъ факультетовъ. Магистръ зоологіи, Греческой филологіи, при поступленіи на службу, получаетъ извѣстный классъ, хотя бы онъ начиналъ свою службу и не въ должности учителя или профессора. Зачѣмъ же отказывать въ такомъ же правѣ лекарю? Въ настоящее время лекарей у насъ много, такъ что даже нѣкоторые изъ пользовавшихся казеннымъ содержаніемъ долго остаются безъ должности. Изъ тѣхъ, которые воспитывались въ университетѣ на свой счетъ, также очень многіе не могутъ пріискать медицинской должности. Зачѣмъ же лекарю, который не можетъ найти себѣ мѣста на врачебномъ поприщѣ, нѣсколько заграждать путь для вступленія на другое поприще служебной дѣятельности?

Если мѣры, предлагаемыя медицинскимъ факультетомъ, будутъ приняты, то между студентами усилится полезное соревнованіе, они будутъ заниматься наукою съ бо̀льшимъ прилежаніемъ и отъ того степень образованности нашихъ врачей много повысится. Съ другой стороны, врачи, по какой-либо причинѣ не расположенные къ медицинской практикѣ, не будутъ побуждаемы заниматься этою практикою противъ собственной воли.

III.

Уставомъ 1804 года университетъ былъ тѣсно связанъ съ средними и низшими учебными заведеніями цѣлаго округа. По мнѣнію медицинскаго факультета, такая связь университета съ учебнымъ округомъ должна дѣйствовать весьма благотворно на распространеніе просвѣщенія въ округѣ. Проектами уставовъ, которые теперь разсматриваются, высшія, среднія и низшія учебныя заведенія совершенно разъединены. Народныя училища губерніи подчинены директору, который избирается попечителемъ округа преимуще-

ственно изъ лицъ, даже не окончившихъ гимназическаго курса (§ 55 проекта устава общеобразовательныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія) *). Учители для народныхъ училищъ готовятся въ учительскомъ институтѣ. Инспекторъ — начальникъ института—избирается тоже попечителемъ округа опять изъ лицъ, не получившихъ полнаго гимназическаго образованія (§ 55 того же проекта). Прогимназіи, не состоящія при гимназіяхъ, имѣютъ начальникомъ инспектора, который избирается попечителемъ округа и подчиненъ ему непосредственно. И такой инспекторъ можетъ быть избранъ изъ лицъ, не учившихся въ университетѣ (§ 126 того же проекта). Директоры гимназій избираются попечителемъ округа. Кандидаты на учительскія мѣста въ гимназіяхъ, по окончаніи университетскаго курса, должны еще приготовляться въ педагогическихъ курсахъ (§ 193 того же проекта). Факультетъ полагаетъ, что попечителю трудно слѣдить за преподавателями всѣхъ учебныхъ заведеній въ округѣ и управлять ходомъ преподаванія. Затрудненіе въ особенности увеличивается въ томъ случаѣ, если попечители часто перемѣняются. До 1835 года учебныя заведенія всего округа были подчинены университету. На немъ лежала обязанность опредѣлять учителей гимназіи и смотрителей училищъ, избирать директоровъ гимназій Университетскій совѣтъ 7 изъ своихъ членовъ (училищному комитету) поручалъ обстоятельно вникать въ дѣла гимназій и училищъ. Училищный комитетъ и совѣтъ не могли затрудняться при выборѣ учителей. Они ихъ избирали изъ воспитанниковъ университета, о познаніяхъ и способностяхъ которыхъ имъ легко было судить. Управляя гимназіями и училищали, университетъ всегда могъ благотворно дѣйствовать на ходъ преподаванія въ нихъ. Медицинскій факультетъ полагаетъ, что и теперь подчиненіе университету учебныхъ заведеній округа принесетъ существенную пользу. Конечно, самимъ профессорамъ часто обозрѣвать провинціальныя гимназіи и училища нельзя, потому что такое обозрѣніе отвлекало бы ихъ отъ преподаванія въ университетѣ; но для обозрѣнія училищъ, прогимназій и гимназій совѣтъ могъ бы избирать инспекторовъ изъ лицъ, извѣстныхъ ему по своей педагогической опытности. Эти лица, вмѣстѣ съ избранными членами совѣта, засѣдали бы въ училищномъ комитетѣ. По мнѣнію медицинскаго факультета, попечитель учебнаго округа

---

*) Курсъ учительскаго института несравненно поверхностнѣе курса гимназическаго.

долженъ быть посредниковъ между университетомъ и высшимъ начальствомъ. Онъ довѣренное лицо правительства и его обязанность наблюдать, чтобы дѣйствія высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній округа направлялись къ благотворной цѣли, указанной правительствомъ. Онъ покровитель университета и учебныхъ заведеній университетскаго округа. Вмѣненіе ему въ обязанность самостоятельно распоряжаться при назначеніи учителей и начальниковъ среднихъ и низшихъ училищъ можетъ только затруднить его и отвлечь отъ тѣхъ занятій, при которыхъ дѣятельность его наиболѣе полезна для университета и округа. Университетъ могъ бы управлять округомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ попечителя. Всѣ представленія совѣта по учебному округу шли бы къ попечителю, или чрезъ него къ высшему начальству. Медицинскій факультетъ думаетъ, что учрежденіе учительскихъ институтовъ и педагогическихъ курсовъ едва ли принесетъ существенную пользу. По мнѣнію факультета, деньги, которыя предположено тратить на учительскіе институты и педагогическіе курсы, лучше употребить на увеличеніе числа профессоровъ въ историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ и учителей въ губернскихъ гимназіяхъ. При названныхъ факультетахъ и гимназіяхъ слѣдуетъ имѣть достаточное количество казеннокоштныхъ стипендіатовъ изъ студентовъ и учениковъ съ отличными способностями. При увеличеніи числа преподавателей, въ университетахъ и гимназіяхъ будутъ всѣ средства для развитія въ студентахъ и гимназистахъ педагогическихъ способностей. Профессорамъ университетовъ и учителямъ гимназій можетъ быть вмѣнено въ обязанность заниматься въ особые часы съ казеннокоштными стипендіатами: послѣдніе, подъ руководствомъ преподавателей, могутъ излагать изустно предметы разныхъ наукъ, могутъ бесѣдовать между собою объ этихъ предметахъ и при томъ какъ на языкѣ Русскомъ, такъ и на Латинскомъ. По мнѣнію медицинскаго факультета, гимназическое образованіе скорѣе разовьетъ педагогическія способности, чѣмъ курсъ учительскаго института, предположенный въ проектѣ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

XXXV.

Мнѣніе ординарнаго профессора Московскаго университета Лешкова.

Болѣзнь помѣшала мнѣ принять участіе въ заключительныхъ сужденіяхъ факультета о проектѣ общаго устава университетовъ и лично заявить отдѣльное мнѣніе. Представляя теперь это мнѣніе, покорно прошу факультетъ пріобщить его къ дѣлу и представить въ совѣтъ въ подлинникѣ.

1) Какъ проектъ закона, «Проектъ» университетскаго устава долженъ быть точнымъ до послѣдней подробности. Такъ какъ въ «Проектѣ» общаго устава не говорится объ университетѣ Гельсингфорскомъ; такъ какъ уставъ Дерптскаго университета существенно рознится отъ подлежащаго разсмотрѣнію; такъ какъ возможно, что откроются университеты въ Варшавѣ, за Кавказомъ и т. п., естественно, съ особыми уставами: то считаю болѣе приличнымъ назвать нашъ проектъ «Проектомъ *Русскихъ*», а не Россійскихъ университетовъ.

2) Вполнѣ раздѣляю, конечно, со всѣми членами совѣта мнѣніе коммиссіи, выраженное въ ея объяснительной запискѣ, о томъ, что «въ новомъ уставѣ должно развить начала, могущія усилить самодѣятельность ученаго университетскаго сословія, и чрезъ то сообщить ему возможность пріобрѣсти благотворное моральное вліяніе на студентовъ, какъ единственное и могущественное средство, для развитія въ нихъ серьезнаго научнаго направленія.» Это воззрѣніе достойно нашего вѣка.

3) Но не видно, чтобы коммиссія вполнѣ проводила эти начала.

Въ «Проектѣ» университетъ названъ высшимъ учебнымъ учрежденіемъ, слѣдовательно отнесенъ къ разряду училищъ, и дѣятельность профессоровъ направлена къ ученію, обученію, наученію, съ ихъ способами, спрашиваніями, репетиціями, экзаменами и проч., а не къ самостоятельнымъ ученымъ трудамъ. Конечно, законъ не есть диссертація, и опредѣленій не даетъ; но онъ установляетъ обязанности и задачи, которыя должны ясно вытекать изъ самаго обозначенія учрежденія. Тѣмъ естественнѣе требовать инаго обозначенія университета, что мы имѣемъ уставъ отъ 1804 года, гдѣ университетъ названъ *высшимъ ученымъ сословіемъ, для преподаванія наукъ учрежденнымъ.* Дѣйствительно и профессора̀ не учатъ, а

преподаютъ, и преподаютъ *науки*, *въ ихъ современномъ состояніи*, слѣдовательно необходимо слѣдя за науками и разработывая ихъ, а тѣмъ приготовляя ученыхъ, отъ кандидата до доктора и профессора. Отъ того профессора *должны имѣть сами степень доктора;* — не могутъ быть *назначаемы*, а *только избираемы*, и, какъ представители науки и ея интересовъ, *должны имѣть автономію*, и не зависѣть отъ всякой власти. Университетъ та же академія, только преподающая, что̀ особенно справедливо относительно наукъ юридическихъ, для которыхъ нѣтъ и отдѣла при академіи, и которыя исключительно ввѣрены юридическому факультету.

4) Установивъ такую задачу для университетовъ, ясно опредѣляется: а) отношеніе университета къ властямъ, которыхъ призваніе состояло бы въ надзорѣ за законностію дѣйствій и въ исполненіи мѣръ, находимыхъ университетомъ полезными къ его развитію; б) *нераздѣльное единство* университета, при раздѣленіи на факультеты; в) *возможность* логически раздѣлить и обозначить факультеты; г) *потребность логически раздѣлить каѳедры*, наприм. въ юридическомъ факультетѣ, гдѣ, по моему мнѣнію, должны быть преподаваемы: 1) энциклопедія и философія права; 2) обозрѣніе иностранныхъ законодательствъ, въ предѣлахъ, установленныхъ факультетомъ; 3) исторія Русскаго права; 4) Римское право; 5) Русское гражданское право; 6) общественное право или законы благоустройства; 7) государственное право; 8) финансовое право; 9) уголовное право; 10) каноническое и 11) народное право, съ нѣкоторыми подраздѣленіями и прибавленными курсами; д) и

е) Дѣятельность профессоровъ, факультета и совѣта, стремящаяся къ распространенію наукъ въ Россіи, и выражающаяся въ періодическомъ изданіи подробныхъ программъ, въ печатаніи сочиненій профессоровъ и т. п., для того, чтобы и у насъ образовалась ученая литература и послужила бы студентамъ и публикѣ средствомъ для серьезной научной дѣятельности.

ж) Отношеніе къ студентамъ въ видѣ моральнаго вліянія и з) *мотивъ* къ увеличенію жалованья не по однѣмъ возрастающимъ нуждамъ, какъ платы, а по необходимости, какъ говоритъ коммиссія, доставить профессорамъ возможность посвятить все свое время и силы научной дѣятельности.

5) Меня не смущаетъ то, что я противуполагаю свое единичное мнѣніе приговору факультета: потому что во многомъ опираюсь на долго дѣйствовавшій у насъ уставъ 1804 года, и оказавшій полезное вліяніе на всѣ университеты при императорѣ Алек-

сандрѣ I, особенно на Дерптскій, гдѣ онъ господствуетъ донынѣ. Для наглядности прошу обратить вниманіе на слѣдующіе §§ устава 1804 года, ноября 5-го: 1, 3, 6, 11, 13, 26, 28, 29, 31, 48, 50, 51, 54, 55, 56, 60, 61, 64, 69, равно какъ на главы о студентахъ и университетскомъ судѣ, дѣлавшемъ излишнею всякую стипендію, за исключеніемъ казенныхъ студентовъ. Отсюда ясно, что *новый* «Проектъ», придерживаясь перемѣнъ, происшедшихъ съ 1835 г., во многомъ отстаетъ отъ стараго закона.

XXXVI.

Университетскій уставъ, Ѳ. Дмитріева.

I.

Исторія Русскихъ университетовъ не лишена особенностей, которыя могли бы удивить всякаго иностранца. Извѣстно, что западная Европа, въ дѣлѣ народнаго образованія, отличается большимъ консерватизмомъ. Не смотря на огромную педагогическую литературу, учебныя заведенія рѣдко подвергаются тамъ значительнымъ перемѣнамъ. Нечего говорить объ Англіи, гдѣ университеты до сихъ поръ держатся средневѣковыхъ статутовъ, не рѣшаясь вычеркнуть изъ нихъ самыя безобразныя черты прошедшаго. Даже во Франціи, среди всѣхъ колебаній политической жизни, еще сохраняется система общественнаго воспитанія, установившаяся въ началѣ нынѣшняго вѣка. Немного внѣшнихъ перемѣнъ можно насчитать и въ Нѣмецкихъ университетахъ. Мы были въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе. Если судить по однимъ внѣшнимъ фактамъ исторіи, то развитіе народнаго воспитанія нигдѣ не совершалось такъ быстро. Въ XIX столѣтіи мы переживаемъ уже третью эпоху полнѣйшей реформы. Ни одному изъ двухъ университетскихъ уставовъ не суждено было прожить болѣе тридцати лѣтъ. Каждый разъ принималась совершенно новая система, не похожая ни въ чемъ на старую. Въ нынѣшнемъ году, послѣ долгаго равнодушія къ университетамъ, литература вдругъ занялась ими, и со всѣхъ сторонъ посыпались самые разнородные проекты. Потребность реформы оказалась такая ощутительная, что, по нѣкоторымъ планамъ, въ университетахъ не должно было остаться ничего похожаго на прежній порядокъ, ни одинъ камень

на камень. Утѣшительно видѣть, что, какъ скоро пришлось обсуждать дѣло въ его подробностяхъ, то всѣ эти плоды разгоряченной фантазіи исчезли сами собою. Оказалось, что нужно не столько строить, сколько исправлять. Таково направленіе всѣхъ статей, появившихся по поводу проекта новаго устава. Сближеніе съ практикой имѣетъ въ себѣ отрезвляющее свойство.

Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ въ преобразованіи не было необходимости. Напротивъ, пересмотръ устава составляетъ теперь жизненный вопросъ для университетовъ. Они ждутъ его съ нетерпѣніемъ, и чѣмъ скорѣе онъ совершится, тѣмъ лучше. Новый уставъ долженъ положить конецъ тѣмъ колебаніямъ, въ которыхъ университеты не виноваты, и которыя такъ болѣзненно отзываются на ихъ жизни. Уставъ 1835 года, со всѣми его хорошими и дурными сторонами, почти превратился въ мертвую букву. Послѣ него вышло много отдѣльныхъ постановленій, много министерскихъ предписаній, касавшихся самыхъ важныхъ предметовъ. Эти предписанія носятъ такой различный характеръ, что даже при близкомъ знакомствѣ съ уставомъ не всегда легко рѣшить, какая статья его отмѣнена и какая остается въ силѣ. Послѣднее время особенно изобиловало опытами всякаго рода. Пора покончить съ этой неопредѣленностью и выйдти на торную дорогу. Университетамъ нужно твердое основаніе, безъ котораго они развиваться не могутъ.

Извѣстно, что для устройства высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ двѣ системы. Одна, которой самое сильное выраженіе составляютъ Англійскіе университеты, освобождаетъ внутреннее управленіе школъ не только отъ всякаго вліянія, но почти даже и отъ надзора правительства. Англійскіе университеты по своему положенію, походятъ скорѣе на частныя, нежели общественныя заведенія. Другая система господствуетъ во Франціи. Это — полнѣйшая централизація, которая обхватываетъ всѣ высшія школы и одинаково подчиняетъ ихъ правительству. Университетомъ называется тамъ вся совокупность высшихъ учебныхъ заведеній. Онъ раздѣляется на факультеты, стоящіе совершенно отдѣльно и подчиненные деканамъ, которые назначаются министромъ народнаго просвѣщенія и безусловно зависятъ отъ него. Понятно, что обѣ эти системы составляютъ крайность и приносятъ съ собою немалую долю вреда. Излишняя самостоятельность Англійскихъ университетовъ пораждаетъ въ нихъ равнодушіе къ общественнымъ требованіямъ, переходящее нерѣдко въ

упорный застой. До какихъ злоупотребленій доводитъ ихъ безконтрольное положеніе, можно судить по скандальной исторіи знаменитаго Итона, которая два года назадъ смутила цѣлую Англію. Во Франціи, напротивъ, постоянное вмѣшательство власти препятствуетъ свободѣ преподаванія. Лучшее устройство представляютъ Нѣмецкіе университеты, занимающіе средину между Французской и Англійской системой.

Въ исторіи Русскихъ университетовъ не обошлось безъ колебаній въ ту и въ другую сторону. Уставъ 1804 года, съ котораго собственно начинается ихъ современное устройство, склонялся въ пользу самостоятельности университетовъ, хотя и не освобождалъ ихъ отъ высшаго надзора. Все внутреннее управленіе онъ ввѣряетъ совѣту, котораго рѣшенія только контролируются и утверждаются попечителемъ. Исполнительная часть сосредоточена въ правленіи, которое однако поставлено въ зависимость отъ совѣта, составляющаго для него высшую инстанцію. Всѣ университетскія должности замѣщаются по выбору; по примѣру Германіи, университету предоставленъ судъ надъ собственными членами. Главную особенность устава составляетъ то, что университету было поручено управленіе учебнымъ округомъ. Совѣтъ избиралъ самъ губернскихъ директоровъ училищъ и дѣлалъ о нихъ представленія министру. Смотрителей уѣздныхъ училищъ и учителей округа ему было разрѣшено назначать непосредственно. Попечитель такимъ образомъ не принималъ лично никакого участія въ управленіи; вся его дѣятельность ограничивалась надзоромъ. Замѣтимъ также, что въ 1804 году для каждаго университета былъ составленъ особенный уставъ, хотя и сходный съ другими. Это доказываетъ, что однообразіе университетскаго устройства не входило въ тогдашнія соображенія. Такой порядокъ существовалъ до 1835 года. Плохое состояніе университетовъ вызвало въ этомъ году реформу, основанную на другихъ началахъ. Высшимъ учебнымъ заведеніямъ предположено дать однообразное устройство, и вышелъ «Общій уставъ Россійскихъ университетовъ». Управленіе округомъ отдѣлено отъ совѣта и передано попечителю. Кромѣ права утверждать или отвергать рѣшенія совѣта, попечителю дана довольно сильная, личная инициатива. Многія должности, лежавшія прежде на профессорахъ, поручены чиновникамъ. Хозяйственная часть почти совершенно сосредоточена въ правленіи, и права совѣта нѣсколько ограничены. Но, стѣсняя власть совѣтовъ, этотъ уставъ въ сущности поступалъ довольно практически: университеты осво-

бождались отъ административныхъ заботъ, и дѣятельность ихъ получила болѣе опредѣленный характеръ. Нельзя сказать того же о другой сторонѣ устава: отношенія различныхъ властей въ университетѣ были опредѣлены довольно неясно и впослѣдствіи давали поводъ къ недоразумѣніямъ. Позднѣйшія мѣры, которыя измѣняли устройство университетовъ, были много облегчены этою слабой стороной устава.

Опытъ показываетъ, къ чему должна стремиться современная реформа. Ея задача — избѣжать тѣхъ недостатковъ, которые два раза вызывали коренныя преобразованія. Университетамъ должна быть возвращена свобода внутренней дѣятельности, подъ условіемъ одного надзора со стороны высшей власти, но надзора дѣйствительнаго, имѣющаго всѣ средства остановить злоупотребленія. Надъ ними не должна вѣчно тяготѣть посторонняя власть, рѣдко компетентная во внутреннихъ ихъ дѣлахъ; но отъ нихъ также надобно устранить все, что могло бы превращать ихъ въ замкнутыя корпораціи. Наконецъ, какъ ни полезно, для единства народнаго образованія, однообразіе ихъ устройства, но стѣснять слишкомъ точными правилами внутреннее ихъ развитіе рѣшительно не слѣдуетъ.

Въ этомъ отношеніи коммиссія, на которую было возложено составленіе новаго проекта, избрала вѣрный путь. Она отнесла къ общему уставу только постановленія, опредѣляющія составъ, права и обязанности университетовъ. Распоряженіе относительно порядка преподаванія и слушанія лекцій и мѣра внутренней полиціи предоставлены усмотрѣнію самихъ университетовъ. Все это войдетъ въ регламенты, которые совѣты составятъ для себя сами. Вопросы, предоставленные имъ, довольно многочисленны. Совѣту дается права не только соединять и раздѣлять каѳедры, но даже открывать новыя съ разрѣшенія начальства; раздѣлять факультеты на отдѣленія, распоряжаться порядкомъ экзаменовъ, составлять правила для руководства студентовъ и т. д. Эту мысль проекта мы ставимъ въ особенную его заслугу. Одинаковый масштабъ для учебныхъ заведеній всегда обращается во вредъ именно тѣмъ изъ нихъ, которыя располагаютъ большими средствами, нравственными и матеріальными. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли затрудняться открытіемъ лишней каѳедры, когда это вполнѣ возможно, только потому, что она не положена по общему штату? Еще менѣе нужны общія правила, напримѣръ, для экзаменовъ. Порядокъ ихъ долженъ соображаться съ степенью развитія студентовъ, которое не

можетъ быть вездѣ одно и то же. До сихъ поръ самыя мелочныя распоряженія объ экзаменахъ восходили на утвержденіе министерства и нерѣдко подвергались тамъ передѣлкѣ лишавшей ихъ всякаго смысла. Изъ этого выходилъ одинъ результатъ: самыя неудачныя распоряженія упрочивались надолго, во вредъ преподаванію, а иногда и въ отягощеніе студентамъ. Укажемъ на одинъ примѣръ подобнаго рода. Два года назадъ университеты представляли, по требованію начальства, свои соображенія объ экзаменахъ. При этомъ, разумѣется, не обошлось безъ разногласій. Были поданы различныя мнѣнія не только университетами, но даже и отдѣльными факультетами. Изъ этихъ мнѣній была принята только одна, самая неважная подробность: курсовыя испытанія были замѣнены двухгодичными. Все прочее осталось по старому, и въ этомъ видѣ новое распоряженіе не принесло никакой пользы. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобъ университетамъ былъ данъ просторъ во всѣхъ подобныхъ вопросахъ. Чѣмъ больше будетъ разнообразія между университетскими постановленіями, тѣмъ вѣрнѣе можно будетъ заключить о пользѣ той или другой мѣры. До сихъ поръ у насъ вводились разныя правила *въ видѣ опыта*. Теперь, можетъ быть, установится другой порядокъ, и изъ новыхъ мѣръ будутъ окончательно вводиться только тѣ, которыя уже оправданы опытомъ.

Въ общемъ устройствѣ университетовъ главные вопросы относятся къ составу управленія, къ избранію профессоровъ и положенію студентовъ.

Въ университетскомъ управленіи сталкиваются двѣ власти, которыхъ отношенія до сихъ поръ не были точно опредѣлены: совѣтъ и попечитель. Должность послѣдняго существуетъ только въ Россіи и, можетъ быть, при бо́льшемъ развитіи университетовъ, она окажется лишнею. Но въ настоящее время отмѣнить ее едва ли полезно. Надзоръ надъ университетами только тогда не будетъ нуждаться въ особомъ представителѣ, когда измѣнятся многія теперь неизбѣжныя условія. Къ сожалѣнію, полная самостоятельность можетъ быть для насъ пока только идеаломъ. Въ другихъ странахъ Европы, при хорошей организаціи университетовъ, пристрастный выборъ преподавателей, или другія неудачныя распоряженія, стѣсняются и судомъ публики, и самымъ числомъ соискателей на каѳедры; у насъ противъ злоупотребленій еще необходима постоянная, контролирующая власть. Сверхъ того наши университеты еще нуждаются въ посредникѣ между собою и общею

администраціею, которая не всегда смотритъ на нихъ довольно благосклонно или правильно; а эта роль, по многимъ причинамъ, гораздо легче для попечителя, нежели для выборнаго ректора. Но за то полновластіе попечителя не можетъ сохраниться. Онъ не долженъ принимать никакихъ мѣръ мимо совѣта и правленія, которымъ принадлежитъ главная инициатива всѣхъ распоряженій. Его дѣятельность нисколько не стѣснится отъ этого, потому что онъ всегда можетъ дѣлать предложенія совѣту, но она заключится въ законные предѣлы. Тогда можно будетъ надѣяться, что грустные примѣры безгласности ученыхъ корпорацій передъ сильнымъ лицомъ будутъ встрѣчаться рѣже. Всякій, кому извѣстна университетская жизнь, знаетъ, до какой степени это необходимо. Нѣсколько лѣтъ назадъ Московскій университетъ, располагая довольно значительными средствами, не могъ пополнить свои кабинеты и музеи, а между тѣмъ огромныя суммы тратились самымъ непроизводительнымъ образомъ. Г. Пироговъ, самъ управлявшій учебнымъ округомъ, справедливо видитъ одну изъ причинъ безпорядковъ въ «упадшемъ значеніи совѣтовъ» и предлагаетъ «усилить ихъ автономію», хотя, съ другой стороны, едва ли справедливо желать ограничить власть попечителя однимъ наблюденіемъ. Такое стѣсненіе не нужно, если попечитель не будетъ распоряжаться безъ содѣйствія совѣта. Оно можетъ быть даже и вредно Здѣсь, какъ и вездѣ, нужно не обезсиливать власть, а опредѣлять ее. Отсутствіе законнаго вліянія заставитъ инаго попечителя, недовольнаго слишкомъ пассивною ролью, прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ дѣйствія; а это, конечно, не останется безъ вредныхъ послѣдствій. Притомъ дѣятельный надзоръ едва ли совмѣстенъ съ чисто-отрицательнымъ значеніемъ. Надобно дать попечителю возможность не только отвергать дурныя мѣры, но и предлагать хорошія, лишь бы за совѣтомъ оставалось право свободнаго согласія. Инициатива попечителя можетъ имѣть и то хорошее вліяніе, что будетъ побуждать къ дѣятельности самые совѣты. Въ нашей университетской жизни была не одна эпоха, когда лучшими мѣрами мы были обязаны лицу, а не ученой корпораціи.

Но если, при настоящихъ условіяхъ, полезно сохранить званіе попечителя, то нельзя сказать того же о другой, странной должности, существующей въ нашихъ учебныхъ округахъ. Это должность помощника попечителя. Если не ошибаемся, она возникла сначала въ одномъ Московскомъ округѣ, совершенно случайно, на томъ простомъ основаніи, что тогдашній попечитель не отличался

ственно изъ лицъ, даже не окончившихъ гимназическаго курса (§ 55 проекта устава общеобразовательныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія) *). Учители для народныхъ училищъ готовятся въ учительскомъ институтѣ. Инспекторъ — начальникъ института—избирается тоже попечителемъ округа опять изъ лицъ, не получившихъ полнаго гимназическаго образованія (§ 55 того же проекта). Прогимназіи, не состоящія при гимназіяхъ, имѣютъ начальникомъ инспектора, который избирается попечителемъ округа и подчиненъ ему непосредственно. И такой инспекторъ можетъ быть избранъ изъ лицъ, не учившихся въ университетѣ (§ 126 того же проекта). Директоры гимназій избираются попечителемъ округа. Кандидаты на учительскія мѣста въ гимназіяхъ, по окончаніи университетскаго курса, должны еще приготовляться въ педагогическихъ курсахъ (§ 193 того же проекта). Факультетъ полагаетъ, что попечителю трудно слѣдить за преподавателями всѣхъ учебныхъ заведеній въ округѣ и управлять ходомъ преподаванія. Затрудненіе въ особенности увеличивается въ томъ случаѣ, если попечители часто перемѣняются. До 1835 года учебныя заведенія всего округа были подчинены университету. На немъ лежала обязанность опредѣлять учителей гимназіи и смотрителей училищъ, избирать директоровъ гимназій Университетскій совѣтъ 7 изъ своихъ членовъ (училищному комитету) поручалъ обстоятельно вникать въ дѣла гимназій и училищъ. Училищный комитетъ и совѣтъ не могли затрудняться при выборѣ учителей. Они ихъ избирали изъ воспитанниковъ университета, о познаніяхъ и способностяхъ которыхъ имъ легко было судить. Управляя гимназіями и училищали, университетъ всегда могъ благотворно дѣйствовать на ходъ преподаванія въ нихъ. Медицинскій факультетъ полагаетъ, что и теперь подчиненіе университету учебныхъ заведеній округа принесетъ существенную пользу. Конечно, самимъ профессорамъ часто обозрѣвать провинціальныя гимназіи и училища нельзя, потому что такое обозрѣніе отвлекало бы ихъ отъ преподаванія въ университетѣ; но для обозрѣнія училищъ, прогимназій и гимназій совѣтъ могъ бы избирать инспекторовъ изъ лицъ, извѣстныхъ ему по своей педагогической опытности. Эти лица, вмѣстѣ съ избранными членами совѣта, засѣдали бы въ училищномъ комитетѣ. По мнѣнію медицинскаго факультета, попечитель учебнаго округа

*) Курсъ учительскаго института несравненно поверхностнѣе курса гимназическаго.

долженъ быть посредниковъ между университетомъ и высшимъ начальствомъ. Онъ довѣренное лицо правительства и его обязанность наблюдать, чтобы дѣйствія высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній округа направлялись къ благотворной цѣли, указанной правительствомъ. Онъ покровитель университета и учебныхъ заведеній университетскаго округа. Вмѣненіе ему въ обязанность самостоятельно распоряжаться при назначеніи учителей и начальниковъ среднихъ и низшихъ училищъ можетъ только затруднить его и отвлечь отъ тѣхъ занятій, при которыхъ дѣятельность его наиболѣе полезна для университета и округа. Университетъ могъ бы управлять округомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ попечителя. Всѣ представленія совѣта по учебному округу шли бы къ попечителю, или чрезъ него къ высшему начальству. Медицинскій факультетъ думаетъ, что учрежденіе учительскихъ институтовъ и педагогическихъ курсовъ едва ли принесетъ существенную пользу. По мнѣнію факультета, деньги, которыя предположено тратить на учительскіе институты и педагогическіе курсы, лучше употребить на увеличеніе числа профессоровъ въ историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ и учителей въ губернскихъ гимназіяхъ. При названныхъ факультетахъ и гимназіяхъ слѣдуетъ имѣть достаточное количество казеннокоштныхъ стипендіатовъ изъ студентовъ и учениковъ съ отличными способностями. При увеличеніи числа преподавателей, въ университетахъ и гимназіяхъ будутъ всѣ средства для развитія въ студентахъ и гимназистахъ педагогическихъ способностей. Профессорамъ университетовъ и учителямъ гимназій можетъ быть вмѣнено въ обязанность заниматься въ особые часы съ казеннокоштными стипендіатами: послѣдніе, подъ руководствомъ преподавателей, могутъ излагать изустно предметы разныхъ наукъ, могутъ бесѣдовать между собою объ этихъ предметахъ и при томъ какъ на языкѣ Русскомъ, такъ и на Латинскомъ. По мнѣнію медицинскаго факультета, гимназическое образованіе скорѣе разовьетъ педагогическія способности, чѣмъ курсъ учительскаго института, предположенный въ проектѣ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

XXXV.

Мнѣніе ординарнаго профессора Московскаго университета Лешкова.

Болѣзнь помѣшала мнѣ принять участіе въ заключительныхъ сужденіяхъ факультета о проектѣ общаго устава университетовъ и лично заявить отдѣльное мнѣніе. Представляя теперь это мнѣніе, покорно прошу факультетъ пріобщить его къ дѣлу и представить въ совѣтъ въ подлинникѣ.

1) Какъ проектъ закона, «Проектъ» университетскаго устава долженъ быть точнымъ до послѣдней подробности. Такъ какъ въ «Проектѣ» общаго устава не говорится объ университетѣ Гельсингфорскомъ; такъ какъ уставъ Дерптскаго университета существенно рознится отъ подлежащаго разсмотрѣнію; такъ какъ возможно, что откроются университеты въ Варшавѣ, за Кавказомъ и т. п., естественно, съ особыми уставами: то считаю болѣе приличнымъ назвать нашъ проектъ «Проектомъ *Русскихъ*», а не Россійскихъ университетовъ.

2) Вполнѣ раздѣляю, конечно, со всѣми членами совѣта мнѣніе коммиссіи, выраженное въ ея объяснительной запискѣ, о томъ, что «въ новомъ уставѣ должно развить начала, могущія усилить самодѣятельность ученаго университетскаго сословія, и чрезъ то сообщить ему возможность пріобрѣсти благотворное моральное вліяніе на студентовъ, какъ единственное и могущественное средство, для развитія въ нихъ серьезнаго научнаго направленія.» Это воззрѣніе достойно нашего вѣка.

3) Но не видно, чтобы коммиссія вполнѣ проводила эти начала.

Въ «Проектѣ» университетъ названъ высшимъ учебнымъ учрежденіемъ, слѣдовательно отнесенъ къ разряду училищъ, и дѣятельность профессоровъ направлена къ ученію, обученію, наученію, съ ихъ способами, спрашиваніями, репетиціями, экзаменами и проч., а не къ самостоятельнымъ ученымъ трудамъ. Конечно, законъ не есть диссертація, и опредѣленій не даетъ; но онъ установляетъ обязанности и задачи, которыя должны ясно вытекать изъ самаго обозначенія учрежденія. Тѣмъ естественнѣе требовать инаго обозначенія университета, что мы имѣемъ уставъ отъ 1804 года, гдѣ университетъ названъ *высшимъ ученымъ сословіемъ, для преподаванія наукъ учрежденнымъ*. Дѣйствительно и профессорà не учатъ, а

преподаютъ, и преподаютъ *науки*, *въ ихъ современномъ состояніи*, слѣдовательно необходимо слѣдя за науками и разработывая ихъ, а тѣмъ приготовляя ученыхъ, отъ кандидата до доктора и профессора. Отъ того профессора *должны имѣть сами степень доктора;* — не могутъ быть *назначаемы*, а *только избираемы*, и, какъ представители науки и ея интересовъ, *должны имѣть автономію*, и не зависѣть отъ всякой власти. Университетъ та же академія, только преподающая, что̀ особенно справедливо относительно наукъ юридическихъ, для которыхъ нѣтъ и отдѣла при академіи, и которыя исключительно ввѣрены юридическому факультету.

4) Установивъ такую задачу для университетовъ, ясно опредѣляется: а) отношеніе университета къ властямъ, которыхъ призваніе состояло бы въ надзорѣ за законностію дѣйствій и въ исполненіи мѣръ, находимыхъ университетомъ полезными къ его развитію; б) *нераздѣльное единство* университета, при раздѣленіи на факультеты; в) *возможность* логически раздѣлить и обозначить факультеты; г) *потребность логически раздѣлить каѳедры*, наприм. въ юридическомъ факультетѣ, гдѣ, по моему мнѣнію, должны быть преподаваемы: 1) энциклопедія и философія права; 2) обозрѣніе иностранныхъ законодательствъ, въ предѣлахъ, установленныхъ факультетомъ; 3) исторія Русскаго права; 4) Римское право; 5) Русское гражданское право; 6) общественное право или законы благоустройства; 7) государственное право; 8) финансовое право; 9) уголовное право; 10) каноническое и 11) народное право, съ нѣкоторыми подраздѣленіями и прибавленными курсами; д) и

е) Дѣятельность профессоровъ, факультета и совѣта, стремящаяся къ распространенію наукъ въ Россіи, и выражающаяся въ періодическомъ изданіи подробныхъ программъ, въ печатаніи сочиненій профессоровъ и т. п., для того, чтобы и у насъ образовалась ученая литература и послужила бы студентамъ и публикѣ средствомъ для серьезной научной дѣятельности.

ж) Отношеніе къ студентамъ въ видѣ моральнаго вліянія и з) *мотивъ* къ увеличенію жалованья не по однѣмъ возрастающимъ нуждамъ, какъ платы, а по необходимости, какъ говоритъ коммиссія, доставить профессорамъ возможность посвятить все свое время и силы научной дѣятельности.

5) Меня не смущаетъ то, что я противуполагаю свое единичное мнѣніе приговору факультета: потому что во многомъ опираюсь на долго дѣйствовавшій у насъ уставъ 1804 года, и оказавшій полезное вліяніе на всѣ университеты при императорѣ Алек-

сандрѣ I, особенно на Дерптскій, гдѣ онъ господствуетъ донынѣ. Для наглядности прошу обратить вниманіе на слѣдующіе §§ устава 1804 года, ноября 5-го: 1, 3, 6, 11, 13, 26, 28, 29, 31, 48, 50, 51, 54, 55, 56, 60, 61, 64, 69, равно какъ на главы о студентахъ и университетскомъ судѣ, дѣлавшемъ излишнею всякую стипендію, за исключеніемъ казенныхъ студентовъ. Отсюда ясно, что *новый* «Проектъ», придерживаясь перемѣнъ, происшедшихъ съ 1835 г., во многомъ отстаетъ отъ стараго закона.

XXXVI.

Университетскій уставъ, Ѳ. Дмитріева.

I.

Исторія Русскихъ университетовъ не лишена особенностей, которыя могли бы удивить всякаго иностранца. Извѣстно, что западная Европа, въ дѣлѣ народнаго образованія, отличается большимъ консерватизмомъ. Не смотря на огромную педагогическую литературу, учебныя заведенія рѣдко подвергаются тамъ значительнымъ перемѣнамъ. Нечего говорить объ Англіи, гдѣ университеты до сихъ поръ держатся средневѣковыхъ статутовъ, не рѣшаясь вычеркнуть изъ нихъ самыя безобразныя черты прошедшаго. Даже во Франціи, среди всѣхъ колебаній политической жизни, еще сохраняется система общественнаго воспитанія, установившаяся въ началѣ нынѣшняго вѣка. Немного внѣшнихъ перемѣнъ можно насчитать и въ Нѣмецкихъ университетахъ. Мы были въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе. Если судить по однимъ внѣшнимъ фактамъ исторіи, то развитіе народнаго воспитанія нигдѣ не совершалось такъ быстро. Въ XIX столѣтіи мы переживаемъ уже третью эпоху полнѣйшей реформы. Ни одному изъ двухъ университетскихъ уставовъ не суждено было прожить болѣе тридцати лѣтъ. Каждый разъ принималась совершенно новая система, не похожая ни въ чемъ на старую. Въ нынѣшнемъ году, послѣ долгаго равнодушія къ университетамъ, литература вдругъ занялась ими, и со всѣхъ сторонъ посыпались самые разнородные проекты. Потребность реформы оказалась такая ощутительная, что, по нѣкоторымъ планамъ, въ университетахъ не должно было остаться ничего похожаго на прежній порядокъ, ни одинъ камень

на камень. Утѣшительно видѣть, что, какъ скоро пришлось обсуждать дѣло въ его подробностяхъ, то всѣ эти плоды разгоряченной фантазіи исчезли сами собою. Оказалось, что нужно не столько строить, сколько исправлять. Таково направленіе всѣхъ статей, появившихся по поводу проекта новаго устава. Сближеніе съ практикой имѣетъ въ себѣ отрезвляющее свойство.

Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ въ преобразованіи не было необходимости. Напротивъ, пересмотръ устава составляетъ теперь жизненный вопросъ для университетовъ. Они ждутъ его съ нетерпѣніемъ, и чѣмъ скорѣе онъ совершится, тѣмъ лучше. Новый уставъ долженъ положить конецъ тѣмъ колебаніямъ, въ которыхъ университеты не виноваты, и которыя такъ болѣзненно отзываются на ихъ жизни. Уставъ 1835 года, со всѣми его хорошими и дурными сторонами, почти превратился въ мертвую букву. Послѣ него вышло много отдѣльныхъ постановленій, много министерскихъ предписаній, касавшихся самыхъ важныхъ предметовъ. Эти предписанія носятъ такой различный характеръ, что даже при близкомъ знакомствѣ съ уставомъ не всегда легко рѣшить, какая статья его отмѣнена и какая остается въ силѣ. Послѣднее время особенно изобиловало опытами всякаго рода. Пора покончить съ этой неопредѣленностью и выйдти на торную дорогу. Университетамъ нужно твердое основаніе, безъ котораго они развиваться не могутъ.

Извѣстно, что для устройства высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ двѣ системы. Одна, которой самое сильное выраженіе составляютъ Англійскіе университеты, освобождаетъ внутреннее управленіе школъ не только отъ всякаго вліянія, но почти даже и отъ надзора правительства. Англійскіе университеты по своему положенію, походятъ скорѣе на частныя, нежели общественныя заведенія. Другая система господствуетъ во Франціи. Это — полнѣйшая централизація, которая обхватываетъ всѣ высшія школы и одинаково подчиняетъ ихъ правительству. Университетомъ называется тамъ вся совокупность высшихъ учебныхъ заведеній. Онъ раздѣляется на факультеты, стоящіе совершенно отдѣльно и подчиненные деканамъ, которые назначаются министромъ народнаго просвѣщенія и безусловно зависятъ отъ него. Понятно, что обѣ эти системы составляютъ крайность и приносятъ съ собою немалую долю вреда. Излишняя самостоятельность Англійскихъ университетовъ пораждаетъ въ нихъ равнодушіе къ общественнымъ требованіямъ, переходящее нерѣдко въ

упорный застой. До какихъ злоупотребленій доводитъ ихъ безконтрольное положеніе, можно судить по скандальной исторіи знаменитаго Итона, которая два года назадъ смутила цѣлую Англію. Во Франціи, напротивъ, постоянное вмѣшательство власти препятствуетъ свободѣ преподаванія. Лучшее устройство представляютъ Нѣмецкіе университеты, занимающіе средину между Французской и Англійской системой.

Въ исторіи Русскихъ университетовъ не обошлось безъ колебаній въ ту и въ другую сторону. Уставъ 1804 года, съ котораго собственно начинается ихъ современное устройство, склонялся въ пользу самостоятельности университетовъ, хотя и не освобождалъ ихъ отъ высшаго надзора. Все внутреннее управленіе онъ ввѣряетъ совѣту, котораго рѣшенія только контролируются и утверждаются попечителемъ. Исполнительная часть сосредоточена въ правленіи, которое однако поставлено въ зависимость отъ совѣта, составляющаго для него высшую инстанцію. Всѣ университетскія должности замѣщаются по выбору; по примѣру Германіи, университету предоставленъ судъ надъ собственными членами. Главную особенность устава составляетъ то, что университету было поручено управленіе учебнымъ округомъ. Совѣтъ избиралъ самъ губернскихъ директоровъ училищъ и дѣлалъ о нихъ представленія министру. Смотрителей уѣздныхъ училищъ и учителей округа ему было разрѣшено назначать непосредственно. Попечитель такимъ образомъ не принималъ лично никакого участія въ управленіи; вся его дѣятельность ограничивалась надзоромъ. Замѣтимъ также, что въ 1804 году для каждаго университета былъ составленъ особенный уставъ, хотя и сходный съ другими. Это доказываетъ, что однообразіе университетскаго устройства не входило въ тогдашнія соображенія. Такой порядокъ существовалъ до 1835 года. Плохое состояніе университетовъ вызвало въ этомъ году реформу, основанную на другихъ началахъ. Высшимъ учебнымъ заведеніямъ предположено дать однообразное устройство, и вышелъ «Общій уставъ Россійскихъ университетовъ». Управленіе округомъ отдѣлено отъ совѣта и передано попечителю. Кромѣ права утверждать или отвергать рѣшенія совѣта, попечителю дана довольно сильная, личная инниціатива. Многія должности, лежавшія прежде на профессорахъ, поручены чиновникамъ. Хозяйственная часть почти совершенно сосредоточена въ правленіи, и права совѣта нѣсколько ограничены. Но, стѣсняя власть совѣтовъ, этотъ уставъ въ сущности поступалъ довольно практически: университеты осво-

бождались отъ административныхъ заботъ, и дѣятельность ихъ получила болѣе опредѣленный характеръ. Нельзя сказать того же о другой сторонѣ устава: отношенія различныхъ властей въ университетѣ были опредѣлены довольно неясно и впослѣдствіи давали поводъ къ недоразумѣніямъ. Позднѣйшія мѣры, которыя измѣняли устройство университетовъ, были много облегчены этою слабой стороной устава.

Опытъ показываетъ, къ чему должна стремиться современная реформа. Ея задача — избѣжать тѣхъ недостатковъ, которые два раза вызывали коренныя преобразованія. Университетамъ должна быть возвращена свобода внутренней дѣятельности, подъ условіемъ одного надзора со стороны высшей власти, но надзора дѣйствительнаго, имѣющаго всѣ средства остановить злоупотребленія. Надъ ними не должна вѣчно тяготѣть посторонняя власть, рѣдко компетентная во внутреннихъ ихъ дѣлахъ; но отъ нихъ также надобно устранить все, что могло бы превращать ихъ въ замкнутыя корпораціи. Наконецъ, какъ ни полезно, для единства народнаго образованія, однообразіе ихъ устройства, но стѣснять слишкомъ точными правилами внутреннее ихъ развитіе рѣшительно не слѣдуетъ.

Въ этомъ отношеніи коммиссія, на которую было возложено составленіе новаго проекта, избрала вѣрный путь. Она отнесла къ общему уставу только постановленія, опредѣляющія составъ, права и обязанности университетовъ. Распоряженіе относительно порядка преподаванія и слушанія лекцій и мѣра внутренней полиціи предоставлены усмотрѣнію самихъ университетовъ. Все это войдетъ въ регламенты, которые совѣты составятъ для себя сами. Вопросы, предоставленные имъ, довольно многочисленны. Совѣту дается права не только соединять и раздѣлять каѳедры, но даже открывать новыя съ разрѣшенія начальства; раздѣлять факультеты на отдѣленія, распоряжаться порядкомъ экзаменовъ, составлять правила для руководства студентовъ и т. д. Эту мысль проекта мы ставимъ въ особенную его заслугу. Одинаковый масштабъ для учебныхъ заведеній всегда обращается во вредъ именно тѣмъ изъ нихъ, которыя располагаютъ большими средствами, нравственными и матеріальными. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли затрудняться открытіемъ лишней каѳедры, когда это вполнѣ возможно, только потому, что она не положена по общему штату? Еще менѣе нужны общія правила, напримѣръ, для экзаменовъ. Порядокъ ихъ долженъ соображаться съ степенью развитія студентовъ, которое не

можетъ быть вездѣ одно и то же. До сихъ поръ самыя мелочныя распоряженія объ экзаменахъ восходили на утвержденіе министерства и нерѣдко подвергались тамъ передѣлкѣ лишавшей ихъ всякаго смысла. Изъ этого выходилъ одинъ результатъ: самыя неудачныя распоряженія упрочивались надолго, во вредъ преподаванію, а иногда и въ отягощеніе студентамъ. Укажемъ на одинъ примѣръ подобнаго рода. Два года назадъ университеты представляли, по требованію начальства, свои соображенія объ экзаменахъ. При этомъ, разумѣется, не обошлось безъ разногласій. Были поданы различныя мнѣнія не только университетами, но даже и отдѣльными факультетами. Изъ этихъ мнѣній была принята только одна, самая неважная подробность: курсовыя испытанія были замѣнены двухгодичными. Все прочее осталось по старому, и въ этомъ видѣ новое распоряженіе не принесло никакой пользы. Вотъ почему нельзя не пожелать, чтобъ университетамъ былъ данъ просторъ во всѣхъ подобныхъ вопросахъ. Чѣмъ больше будетъ разнообразія между университетскими постановленіями, тѣмъ вѣрнѣе можно будетъ заключить о пользѣ той или другой мѣры. До сихъ поръ у насъ вводились разныя правила *въ видѣ опыта*. Теперь, можетъ быть, установится другой порядокъ, и изъ новыхъ мѣръ будутъ окончательно вводиться только тѣ, которыя уже оправданы опытомъ.

Въ общемъ устройствѣ университетовъ главные вопросы относятся къ составу управленія, къ избранію профессоровъ и положенію студентовъ.

Въ университетскомъ управленіи сталкиваются двѣ власти, которыхъ отношенія до сихъ поръ не были точно опредѣлены: совѣтъ и попечитель. Должность послѣдняго существуетъ только въ Россіи и, можетъ быть, при бо̀льшемъ развитіи университетовъ, она окажется лишнею. Но въ настоящее время отмѣнить ее едва ли полезно. Надзоръ надъ университетами только тогда не будетъ нуждаться въ особомъ представителѣ, когда измѣнятся многія теперь неизбѣжныя условія. Къ сожалѣнію, полная самостоятельность можетъ быть для насъ пока только идеаломъ. Въ другихъ странахъ Европы, при хорошей организаціи университетовъ, пристрастный выборъ преподавателей, или другія неудачныя распоряженія, стѣсняются и судомъ публики, и самымъ числомъ соискателей на каѳедры; у насъ противъ злоупотребленій еще необходима постоянная, контролирующая власть. Сверхъ того наши университеты еще нуждаются въ посредникѣ между собою и общею

администраціею, которая не всегда смотритъ на нихъ довольно благосклонно или правильно; а эта роль, по многимъ причинамъ, гораздо легче для попечителя, нежели для выборнаго ректора. Но за то полновластіе попечителя не можетъ сохраниться. Онъ не долженъ принимать никакихъ мѣръ мимо совѣта и правленія, которымъ принадлежитъ главная инициатива всѣхъ распоряженій. Его дѣятельность нисколько не стѣснится отъ этого, потому что онъ всегда можетъ дѣлать предложенія совѣту, но она заключится въ законные предѣлы. Тогда можно будетъ надѣяться, что грустные примѣры безгласности ученыхъ корпорацій передъ сильнымъ лицомъ будутъ встрѣчаться рѣже. Всякій, кому извѣстна университетская жизнь, знаетъ, до какой степени это необходимо. Нѣсколько лѣтъ назадъ Московскій университетъ, располагая довольно значительными средствами, не могъ пополнить свои кабинеты и музеи, а между тѣмъ огромныя суммы тратились самымъ непроизводительнымъ образомъ. Г. Пироговъ, самъ управлявшій учебнымъ округомъ, справедливо видитъ одну изъ причинъ безпорядковъ въ «упадшемъ значеніи совѣтовъ» и предлагаетъ «усилить ихъ автономію», хотя, съ другой стороны, едва ли справедливо желать ограничить власть попечителя однимъ наблюденіемъ. Такое стѣсненіе не нужно, если попечитель не будетъ распоряжаться безъ содѣйствія совѣта. Оно можетъ быть даже и вредно Здѣсь, какъ и вездѣ, нужно не обезсиливать власть, а опредѣлять ее. Отсутствіе законнаго вліянія заставитъ инаго попечителя, недовольнаго слишкомъ пассивною ролью, прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ дѣйствія; а это, конечно, не останется безъ вредныхъ послѣдствій. Притомъ дѣятельный надзоръ едва ли совмѣстенъ съ чисто-отрицательнымъ значеніемъ. Надобно дать попечителю возможность не только отвергать дурныя мѣры, но и предлагать хорошія, лишь бы за совѣтомъ оставалось право свободнаго согласія. Инициатива попечителя можетъ имѣть и то хорошее вліяніе, что будетъ побуждать къ дѣятельности самые совѣты. Въ нашей университетской жизни была не одна эпоха, когда лучшими мѣрами мы были обязаны лицу, а не ученой корпораціи.

Но если, при настоящихъ условіяхъ, полезно сохранить званіе попечителя, то нельзя сказать того же о другой, странной должности, существующей въ нашихъ учебныхъ округахъ. Это должность помощника попечителя. Если не ошибаемся, она возникла сначала въ одномъ Московскомъ округѣ, совершенно случайно, на томъ простомъ основаніи, что тогдашній попечитель не отличался

большой дѣятельностью. Уставомъ 1835 года она введена вездѣ, съ мыслью сдѣлать изъ званія помощниковъ нѣчто въ родѣ приготовительной степени для должности попечителей. Успѣхъ не соотвѣтствовалъ этой цѣли. Дѣло въ томъ, что помощники ничѣмъ не управляютъ, а потому вовсе и не готовятся къ управленію. Въ присутствіи попечителей они имѣютъ менѣе значенія, чѣмъ всякій другой чиновникъ округа, а въ отсутствіе его или остаются недвижимы, отправляя одни текущія дѣла, или, что еще хуже, принимаютъ мѣры безъ знанія дѣла и безъ отвѣтственности за нихъ. Въ большей части университетовъ помощникъ едва знаетъ въ лицо профессоровъ, съ которыми попечитель, напротивъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ. Ввѣрять имъ особенную часть едва ли удобно, потому что управленіе можетъ потерять характеръ единства; во всякомъ случаѣ, это безполезно. Отсутствующій попечитель можетъ быть замѣненъ ректоромъ, какъ это часто дѣлалось и дѣлается въ Московскомъ округѣ. Правда, въ такой замѣнѣ есть нѣкоторая непослѣдовательность: ректоръ, какъ выборное лицо, повидимому, менѣе способенъ контролировать рѣшенія совѣта, въ которомъ онъ самъ стоитъ членомъ; но изъ-за такихъ, отвлеченныхъ поводовъ не стоитъ создавать новой должности. На практикѣ временное управленіе ректора не ведетъ ни къ какимъ неудобствамъ: важныя дѣла отлагаются обыкновенно до возвращенія попечителя, а для текущихъ дѣлъ онъ совершенно компетентенъ. Между тѣмъ, во время какихъ-нибудь затрудненій, университету чрезвычайно важно имѣть сношенія только съ такимъ лицомъ, которому его интересы и близки и хорошо извѣстны.

Дѣятельность совѣта и правленія, въ главныхъ чертахъ, довольно вѣрно очерчена уставомъ 1835 года. Здѣсь можно только желать большей точности. Въ особенности совѣту должно быть выговорено право распоряжаться и ходомъ преподаванія и средствами университета. Такъ какъ назначеніе правленія — исполнительное, то необходимо дать совѣту контроль надъ его хозяйственными распоряженіями. Въ отношеніяхъ совѣта къ факультетамъ не требуется никакой перемѣны. Факультеты должны остаться тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ, — частями цѣлаго. Въ этомъ сила и значеніе университетовъ, въ этомъ ихъ преимущество передъ спеціальными школами. Только благодаря этому общенію спеціальностей, этому братскому сближенію между профессорами и студентами разныхъ факультетовъ, университеты сохраняютъ свое гуманное, общеобразовательное значеніе. Чѣмъ тѣснѣе связаны фа-

культеты, тѣмъ лучше и шире понимаются педагогическіе вопросы, тѣмъ менѣе простора для злоупотребленій. Повѣрку совѣта надъ всѣми факультетскими рѣшеніями отмѣнять не должно. Ничего не можетъ быть хуже частныхъ мѣръ, принимаемыхъ небольшими, тѣсными корпораціями. Все внутреннее управленіе университетовъ, разумѣется, должно быть выборнымъ. Это лучшій залогъ правильнаго ихъ развитія. Отмѣна въ 1849 году выборныхъ ректоровъ была для нихъ тяжелымъ ударомъ. Руководить дѣятельностью совѣта можетъ только лицо, которое раздѣляетъ направленіе большинства и способно проводить его. Вотъ почему возвращеніе права избирать ректора было принято университетами, какъ первый шагъ къ будущему ихъ обновленію.

II.

Вопросъ о преподавателяхъ самый затруднительный въ уставѣ. Для того, чтобы преподаваніе оставалось на высотѣ научныхъ требованій, необходимо соединеніе такихъ условій, которыя установить не легко. Никто не станетъ отвергать, что преподаваніе нуждается въ свободѣ, невозможной безъ прочнаго положенія профессоровъ. Разъ получивъ каѳедру, профессоръ долженъ быть увѣренъ, что не потеряетъ ее вслѣдствіе административнаго каприза. Его нельзя также стѣснять никакимъ постороннимъ наблюденіемъ за характеромъ лекцій. Всякій надзоръ уничтожаетъ свободное отношеніе къ предмету и, падая на научную сторону дѣла, лишаетъ преподаваніе самостоятельныхъ пріемовъ, безъ которыхъ невозможны ни живость изложенія, ни серьезное содержаніе лекцій. До какой степени внѣшній контроль затруднителенъ, Русскіе университеты знаютъ изъ собственнаго опыта. Наши уставы были довольно щедры на постановленія объ этомъ. Они требовали программъ и отчетовъ, учреждали тройственный надзоръ декановъ, ректоровъ и попечителей, однимъ словомъ, принимали всѣ мѣры, чтобъ уловить живое слово тисками бюрократической ревизіи. Правда, чаще всего эти постановленія вовсе не имѣли въ виду науки. Цѣль ихъ была проще и ближе: они должны были удостовѣрить высшее начальство въ благонамѣренности университетовъ; но иногда подобныя требованія возникали и изъ ревности къ образованію. Такъ было, напримѣръ, въ уставѣ 1804 года, который нельзя упрекнуть въ недостаткѣ просвѣтительныхъ стремленій. Что же выходило изъ этихъ (выражаясь канцелярскимъ языкомъ) «мѣропріятій»? Существо-

валъ ли надзоръ въ дѣйствительности, и можно ли было, изъ программъ и отчетовъ заключить, кто читаетъ хорошо и кто дурно? На дѣлѣ всѣ эти правила о надзорѣ или спали мертвымъ сномъ, или приносили результатъ довольно грустный, то есть, вели къ личнымъ непріятностямъ для преподавателей, осужденныхъ отвѣчать за каждое, плохо понятое ихъ слово. Замѣтимъ, что и въ этомъ случаѣ надзоръ не имѣлъ постояннаго характера и постигалъ университеты случайно, обыкновенно вслѣдствіе реформаторскихъ попытокъ какого-нибудь новаго начальника, надѣленнаго рвеніемъ и еще не успѣвшаго освоиться съ своимъ мѣстомъ. Иначе и быть не могло. Программы могутъ имѣть только одно значеніе: онѣ свидѣтельствуютъ о знакомствѣ преподавателя съ объемомъ и содержаніемъ науки. Требовать ихъ отъ лицъ, имѣющихъ ученыя степени, есть противорѣчіе, и министерство народнаго просвѣщенія поступило очень разумно, освободивъ отъ предварительныхъ программъ, въ проектѣ закона о публичныхъ лекціяхъ, всѣхъ докторовъ и магистровъ. Требовать, чтобы преподаваніе въ точности слѣдовало программѣ, значитъ вводить совершенно безполезное стѣсненіе, отъ котораго на практикѣ преподаватель всегда можетъ уклониться. Еще менѣе возможенъ дѣятельный надзоръ со стороны университетскихъ властей. Наблюденіе ректора, который принадлежитъ только къ одному факультету (а въ послѣднее время не принадлежалъ ни къ какому), и смотритъ за всѣми, есть пустая формальность. Одно незнакомство съ университетскимъ бытомъ объясняетъ требованіе, чтобъ человѣкъ, занятый управленіемъ и самъ преподающій, успѣвалъ слѣдить за множествомъ курсовъ или даже лично повѣрять донесенія о нихъ. Почти то же можно сказать о деканахъ. Довольно странно, по крайней мѣрѣ, съ научной точки зрѣнія, дѣлать представителя одной спеціальности безусловнымъ судьей надъ преподаваніемъ другой. Не считаемъ нужнымъ говорить о надзорѣ попечителей. До сихъ поръ не многіе изъ нихъ, наблюденіемъ за университетскимъ преподаваніемъ, приносили какую-нибудь пользу, и тѣ, которые дѣйствительно были компетентными судьями, старались вмѣшиваться въ него какъ можно менѣе.

И такъ, вмѣсто невозможнаго надзора, необходимо поставить преподаваніе въ такія условія, которыя бы поддерживали его на высотѣ науки и не допускали бы въ университеты самодовольной бездарности. Нельзя не сознаться, что, при настоящемъ положеніи Русскаго общества, достигнуть этого не легко. Только поверхностные люди могутъ думать, что и здѣсь лучшею гарантіею будетъ

гласность. Судъ общественнаго мнѣнія — серьезная сила только въ вопросахъ понятныхъ для цѣлаго общества, а въ дѣлѣ спеціальномъ онъ всегда останется второстепеннымъ средствомъ. Для того, чтобъ судить о достоинствѣ преподаванія, недостаточно выслушать одну или двѣ лекціи. Знаменитый Рошеръ справедливо говоритъ, что хорошаго профессора, какъ и хорошаго генерала, должно судить не по одной удачѣ, а по цѣлому походу, и что лучшія стороны всякаго академическаго преподаванія оказываютъ полное свое дѣйствіе только спустя долгое время по заключеніи лекціи. Остается, слѣдовательно, искать гарантіи въ самомъ устройствѣ университетскихъ корпорацій. Необходимо, чтобъ полученіе каѳедръ не было легко, чтобъ были ручательства въ осторожномъ и безпристрастномъ выборѣ, и наконецъ, чтобъ работа преподавателя, независимо отъ личныхъ побужденій, вынуждалась и его положеніемъ.

Внѣшнія условія для пріобрѣтенія каѳедръ опредѣлялись нашими уставами не только съ большою точностію, но даже слишкомъ строго. Въ этомъ отношеніи можно желать не повышенія, а скорѣе пониженія требованій. Слишкомъ строгій законъ такое же зло, какъ и слишкомъ мягкій. Требовать точнаго исполненія можно только тогда, когда правила исполнимы. У насъ теперь для званія не только ординарнаго, но и экстраординарнаго профессора нужна степень доктора; магистры могутъ быть только адъюнктами, безъ права голоса въ совѣтѣ и даже въ факультетскихъ засѣданіяхъ. А между тѣмъ достиженіе докторской степени сопряжено съ такими затрудненіями, что самые извѣстные ученые, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, часто не имѣютъ ея. Отъ магистра, который хочетъ быть докторомъ, снова требуется экзаменъ, и притомъ изъ бо̀льшаго количества предметовъ. Распредѣленіе ихъ довольно странное. Въ цѣломъ юридическомъ факультетѣ, напримѣръ, есть только двѣ докторскія степени (политическихъ и юридическихъ наукъ) — на четыре магистерскихъ. Такимъ образомъ въ испытаніяхъ соблюдается какая-то превратная постепенность: чѣмъ выше ученая степень, тѣмъ болѣе экзаменъ обобщается, вмѣсто того, чтобъ спеціализироваться. Отъ доктора прежде всего требуется ученая самостоятельность, и въ то же время онъ подвергается испытанію изъ такого числа предметовъ, которое нѣтъ возможности изучить самостоятельно. Вотъ почему у насъ такъ мало докторовъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, гдѣ эта степень единственная. Понятно, что добросовѣстному труженику непріятно отрываться, для приготовленія къ экзамену, отъ другихъ,

болѣе серьезныхъ занятій, или превращать его въ пустую формальность. Нынѣшнее положеніе объ ученыхъ степеняхъ такъ неудовлетворительно, что на практикѣ давно появились исключенія, почти превратившіяся въ правила. Невозможность скораго пріобрѣтенія докторской степени заставляетъ назначать магистровъ исправляющими должность экстраординарныхъ и даже ординарныхъ профессоровъ. Это тѣмъ справедливѣе, что въ сущности довольно трудно опредѣлить, чѣмъ докторъ долженъ отличаться отъ магистра. Въ цѣлой Европѣ, за исключеніемъ Франціи, существуетъ только одна докторская степень, и, строго говоря, въ бо̀льшемъ числѣ нѣтъ никакой необходимости. Между разными видами знанія можно провести только одну, опредѣленную границу: свѣдѣнія могутъ быть или школьныя, почерпнутыя изъ вторыхъ рукъ, или самостоятельныя, основанныя на собственной работѣ. Но, съ практической точки зрѣнія, у насъ едва ли настала пора для сокращенія ученыхъ званій. Научная дѣятельность еще нуждается въ Россіи въ внѣшнихъ побужденіяхъ, и потому лучше ограничиться отмѣною докторскаго экзамена, требуя одного представленія и публичнаго защищенія диссертаціи. Это тѣмъ полѣзнѣе, что отъ магистерскихъ экзаменовъ, которые останутся единственными, будетъ основаніе требовать большей отчетливости. До сихъ поръ, благодаря темнымъ выраженіямъ закона о значеніи степеней, испытанія магистровъ носили у насъ самый разнообразный характеръ. Въ разныхъ университетахъ существовали различныя требованія: одни смотрѣли на магистерство довольно снисходительно, какъ на приготовительную степень, другіе, напротивъ, возвышали требованія. При одномъ экзаменѣ самый законъ можетъ смотрѣть на него гораздо строже, а это, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ очень нужно. Надобно также обратить серьезное вниманіе на ученыя степени медицинскихъ факультетовъ. Здѣсь постепенно установились такія низкія требованія, которыя даютъ докторскому экзамену почти школьный характеръ. Не рѣшаясь сказать утвердительно, слѣдуетъ ли и здѣсь установить двѣ степени, мы не можемъ не замѣтить, что, во всякомъ случаѣ, существующее теперь соединеніе докторскаго экзамена съ студенческимъ можетъ только быть вредно для значенія высшаго ученаго званія.

Между университетскими преподавателями теперь установлены три категоріи: ординарныхъ профессоровъ, экстраординарныхъ и адъюнктовъ. Первыя двѣ сохраняются и по проекту новаго устава, но послѣднюю предполагается замѣнить доцентами. Эта мѣра не

только полезна, но совершенно необходима, и вопросъ можетъ быть только о томъ, на какихъ основаніяхъ ввести доцентовъ. Думаемъ, что и для этого можно заимствовать изъ опыта довольно ясныя указанія. Учрежденіе адъюнктовъ, въ уставѣ 1804 г., имѣло цѣлію создать испытательную степень, которая давала бы возможность замѣщать каѳедры только людьми, доказавшими свою способность. Сначала адъюнкты были только помощниками профессоровъ — положеніе, которое до сихъ поръ сохранилось въ медицинскихъ факультетахъ. Во всѣхъ остальныхъ факультетахъ они вскорѣ сдѣлались самостоятельными преподавателями, отличаясь отъ профессоровъ только меньшими служебными выгодами. Эта перемѣна была естественна. Читать лекціи по чужому указанію невозможно, а потому, на дѣлѣ, нельзя было и профессорамъ наблюдать за адъюнктами. Къ этому присоединилась и другая причина: по недостатку спеціалистовъ, адъюнкты занимаютъ у насъ отдѣльныя каѳедры, на которыхъ нѣтъ другаго профессора. Нельзя однако сказать, чтобъ перемѣна въ ихъ значеніи не принесла съ собою нѣкотораго вреда. Въ адъюнкты поступаютъ лица, которыя еще не успѣли заявить себя. Получивъ это званіе, они упрочиваются въ университетѣ, какъ бы мало они ни работали, потому что для удаленія однажды назначеннаго преподавателя нужны положительныя доказательства неспособности, которыя собрать очень трудно. Чтобы доцентство избѣгло подобнаго превращенія и сохранило свой испытательный характеръ, необходимо дать ему другія основанія. Доценты не должны сразу становиться членами университета. Ихъ можно назначать только на срокъ, по истеченіи котораго они должны вновь подвергаться баллотировкѣ. Университетъ долженъ сохранять право во всякое время выбрать другое лицо въ профессоры того самаго предмета, который они преподаютъ, нисколько не стѣсняясь ихъ присутствіемъ. Только въ такомъ случаѣ доценты будутъ имѣть сильное побужденіе къ труду, а шаткость ихъ временнаго положенія искупится правомъ получить званіе профессора, какъ скоро, преподаваніемъ или книгой, они докажутъ свою способность.

Въ назначеніи профессоровъ представляется важный и довольно спорный вопросъ. По уставу 1835 года, право назначать ихъ принадлежало не однимъ совѣтамъ, но, рядомъ съ ними, и министру народнаго просвѣщенія. Слѣдуетъ ли сохранить этотъ порядокъ, или предоставить выборъ преподавателей исключительно совѣтамъ, какъ было по уставу 1804 года? Повидимому, многое говоритъ въ пользу послѣдняго. Министръ не обязанъ быть спеціалистомъ, и

судъ его о способности преподавателя скорѣе будетъ ошибоченъ, нежели судъ людей, посвятившихъ себя дѣлу науки. Не подлежитъ также сомнѣнію, что право замѣщать каѳедры, когда оно находится въ рукахъ администраціи, можетъ дать поводъ къ важнымъ злоупотребленіямъ. Недавно въ одной статьѣ, посвященной университетскому вопросу, былъ разсказанъ комическій и вмѣстѣ печальный случай, правда, изъ довольно отдаленнаго времени: лѣтъ тридцать тому назадъ, въ одномъ изъ провинціальныхъ университетовъ, преподавателемъ философіи, по распоряженію начальства, былъ назначенъ частный приставъ! Менѣе яркіе, но тоже не хорошіе примѣры можно бы найти и въ болѣе близкую эпоху. Но, не смотря на злоупотребленія и неудобства, выборъ преподавателей едва ли можетъ безраздѣльно принадлежать однимъ университетамъ. Корпорація, какъ бы ни была она хорошо устроена, не можетъ исключительно пользоваться правомъ пополнять себя. Самоизбраніе точно также ведетъ иногда къ злоупотребленіямъ, какъ и постороннее назначеніе. Въ каждой корпораціи естественно преобладаетъ стремленіе допускать только такихъ новыхъ членовъ, которые не враждебны ея направленію и интересамъ. Корпорація неохотно принимаетъ въ себя новые элементы, и чѣмъ менѣе подлежитъ внѣшнему вліянію, тѣмъ способнѣе пользоваться уже и вреднѣе своимъ правомъ. Пополняясь только людьми одинаковаго направленія, она легко превратится въ замкнутую корпорацію, въ которую не будетъ средствъ внести свѣжія силы. Отсюда всѣ неизбѣжныя послѣдствія замкнутости: узкіе взгляды, враждебное отношеніе ко всему новому, корпоративные интересы, заступающіе мѣсто научныхъ и общественныхъ. Для примѣра можно указать на Англійскіе университеты, которыхъ всѣ недостатки происходятъ отъ слишкомъ тѣснаго, корпоративнаго устройства. Профессорскія каѳедры давно превратились тамъ въ доходныя мѣста, и публичное преподаваніе сохранилось только по имени, замѣняясь частными уроками. Условія, которыя требуются, въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, отъ членовъ университетскихъ коллегій (такъ-называемые fellows), ясно показываютъ, къ чему ведетъ исключительное самоизбраніе. Они должны, напримѣръ, принадлежать къ извѣстной мѣстности, или къ фамиліи основателя коллегіи, или кончить воспитаніе въ такой-то именно гимназіи и т. д. Въ нашей собственной университетской жизни можно также почерпнуть доказательства, что совѣты не всегда застрахованы отъ пристрастнаго выбора. У насъ тоже не обходилось безъ неудачныхъ избраній, основанныхъ

на частныхъ соображеніяхъ. Бывали примѣры, что каѳедры переходили чуть-чуть не по наслѣдству, и люди знаменитые по бездарности предпочитались даровитымъ ученымъ. Въ послѣднее время все это случалось довольно рѣдко, но этимъ мы обязаны именно тому, что наши университеты не ограждены теперь закономъ отъ внѣшняго вліянія. Замѣчательно, что лучшая пора ихъ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда было отмѣнено исключительное право совѣтовъ избирать профессоровъ, и введенъ нынѣшній порядокъ. Послѣ 1835 года протекція перестала играть въ университетахъ ту роль, которую она имѣла при уставѣ 1804 года. Это понятно. Какъ бы корпорація ни была эгоистична, ей трудно не допустить въ среду свою извѣстнаго ученаго, на котораго указываетъ общественное мнѣніе, если онъ можетъ быть назначенъ извнѣ. Возможность административнаго назначенія всегда заставитъ ее не ограничивать своего выбора какимъ-нибудь тѣснымъ кружкомъ. Поэтому нѣтъ необходимости измѣнять существующій порядокъ, и за министромъ народнаго просвѣщенія слѣдуетъ непремѣнно сохранить его право опредѣлять преподавателей. Мы не думаемъ, чтобы, при совершенномъ состояніи общества, оно могло быть опасно. Ввести плохаго преподавателя въ хорошо устроенный университетъ — дѣло не легкое, и для министра оно въ сущности гораздо труднѣе, чѣмъ для корпораціи. Злоупотребленія были здѣсь плодомъ полной безгласности общества. Если же въ обществѣ есть какая-нибудь искра жизни, то администраціи трудно принять на себя нравственную отвѣтственность за неудачный выборъ. Министръ только тогда рѣшится назначить профессора, когда за него говоритъ репутація. Университеты имѣютъ нравственный авторитетъ, передъ которымъ остановится произвольное распоряженіе. Лучшее доказательство — рѣдкость министерскихъ назначеній въ Московскомъ университетѣ, даже въ самыя неблестящія его эпохи. Наконецъ, не надобно забывать, что бывало время, когда, послѣ долгаго упадка, наши высшія учебныя заведенія обновлялись, только благодаря администраціи. Еще живо то поколѣніе профессоровъ, которые внесли свѣжую струю въ Русскіе университеты, благодаря мѣрамъ Сперанскаго и графа Уварова. Оно можетъ засвидѣтельствовать, какъ трудно было обновленіе ихъ безъ этого спасительнаго вмѣшательства.

Что касается до избранія профессоровъ совѣтомъ, то въ существующемъ порядкѣ можно сдѣлать только одно измѣненіе. До сихъ поръ правиломъ было представленіе кандидатовъ на каѳедры

факультетами, а конкурсъ служилъ дополнительнымъ средствомъ, къ которому прибѣгали въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ виду способнаго лица. Было бы лучше сдѣлать, напротивъ, конкурсъ правиломъ и факультетское представленіе — исключеніемъ. Устранить совершенно послѣдній способъ едва ли нужно. На конкурсъ всего рѣже будутъ являться лица, уже извѣстныя въ литературѣ, для которыхъ всякое испытаніе есть формальность. Если факультетъ увѣренъ въ согласіи такого лица, то отчего не допустить представленія и безъ конкурса? Злоупотребленія возможны только при такомъ порядкѣ, который допускаетъ представленіе безъ конкурса неизвѣстныхъ людей; если же факультеты будутъ обязаны указывать на положительныя заслуги избираемаго, то пристрастнаго выбора нечего опасаться. Людей съ большой ученой репутаціей у насъ немного, и для нихъ можно сдѣлать исключеніе. Не надобно также забывать, что въ большинствѣ случаевъ наши конкурсы остаются безъ всякихъ послѣдствій. Это хорошо знаютъ провинціальные университеты, прибѣгающіе къ нимъ чуть-чуть не ежегодно. Баллотировка не можетъ быть отмѣнена и при конкурсѣ. Одобренные конкуренты непремѣнно должны подвергнуться ей. При судѣ о новомъ членѣ университетской корпораціи нельзя отказать ей въ правѣ, кромѣ научнаго приготовленія лица, брать во вниманіе и другія соображенія, чисто-нравственнаго характера. Безъ этого условія было бы невозможно сохраненіе нравственнаго достоинства университетовъ, чрезвычайно важнаго и для научной ихъ дѣятельности. Университетъ долженъ допускать въ среду свою только лица, пользующіяся уваженіемъ общества, а единственное средство для этого — право выражать свое мнѣніе о лицѣ посредствомъ выбора. Не надобно думать, чтобъ чрезъ это значеніе конкурса могло уничтожиться. Лицо, доказавшее свои права на вступленіе въ университетъ, можетъ быть удалено только вслѣдствіе гласной, дурной репутаціи, потому что, во всякомъ другомъ случаѣ, корпорація не захочетъ принять на себя общаго и заслуженнаго нареканія.

Всего труднѣе для закона принять мѣры, чтобы разъ назначенные профессоры не уклонялись отъ своихъ обязанностей. Выборъ лица можетъ быть безукоризненъ; въ началѣ своего поприща преподаватель можетъ отличаться и талантомъ и трудолюбіемъ; но кто поручится, что обезпеченное положеніе не уничтожитъ въ немъ всякое побужденіе къ труду и не поведетъ къ упадку преподаванія? Мы уже говорили о невозможности внѣшняго контроля. Лучшее средство противъ такихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ случайностей,

есть конкуренція. Если одинъ и тотъ же предметъ преподается нѣсколькими лицами, то естественное соперничество заставляетъ каждаго изъ нихъ не уступать другому въ трудѣ. Плохой преподаватель, читающій подлѣ хорошаго, рискуетъ потерять всѣхъ своихъ слушателей. Въ Германіи ничто такъ не содѣйствуетъ достоинству преподаванія, какъ учрежденіе приватъ-доцентовъ. Приватъ-доценты не только служатъ тамъ разсадникомъ профессоровъ, но не даютъ возможности и университетскому преподаванію стоять ниже современныхъ требованій. Проектъ новаго устава вводитъ у насъ приватъ-доцентовъ, хотя и не совсѣмъ ясно отличаетъ ихъ отъ доцентовъ. Это различіе установить однако не трудно. Оно опредѣляется неодинаковымъ назначеніемъ тѣхъ и другихъ. Доценты — лица, избранныя университетомъ въ видѣ опыта, и получающія отъ него вознагражденіе. Они читаютъ тѣ курсы, которые, по мнѣнію университета, необходимы для полноты преподаванія. Приватъ-доценты, напротивъ, вызываются читать сами; они не подлежатъ выбору, потому что не имѣютъ даже и временнаго отношенія къ университетской корпораціи. Избраніе ими предмета должно быть совершенно свободнымъ, и ничто не препятствуетъ имъ читать и такой предметъ, который уже преподается особымъ профессоромъ. Цѣль доцентовъ — избѣгнуть пробѣловъ въ объемѣ преподаванія, не замѣщая однако слишкомъ поспѣшно каѳедры. Назначеніе приватъ-доцентовъ — конкурировать съ профессорами и обогащать содержаніе университетскаго преподаванія.

Введеніе приватъ-доцентовъ составляетъ, конечно, очень полезную мѣру. Рано или поздно, они будутъ главнымъ источникомъ обновленія университетовъ. Но теперь еще трудно надѣяться, чтобъ этотъ разрядъ преподавателей былъ довольно обширенъ. По всей вѣроятности, еще долгое время онъ останется между многочисленными pia desideria нашихъ университетовъ. Много причинъ препятствуетъ его развитію. Первая и главная — недостатокъ въ людяхъ. Наука до сихъ поръ не пустила у насъ глубокихъ корней, и число лицъ, посвящающихъ ей свои силы, очень незначительно. Изъ этого незначительнаго числа немногіе, сверхъ того, смотрятъ на свое дѣло довольно серьезно и не поддаются національной привычкѣ къ поверхностной работѣ. Другое препятствіе — экономическаго свойства. Приватъ-доцентство возможно только подъ условіемъ платы за лекціи самими слушателями, — такъ-называемаго гонорарія. Гонорарій есть безспорно лучшій способъ вознагражденія преподавателей. Онъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ собствен-

наго таланта и служитъ побужденіемъ къ труду, между тѣмъ какъ казенное жалованье, доставляя неизмѣнный доходъ, независимо отъ числа слушателей, вовсе не побуждаетъ трудиться. Одно изъ величайшихъ преимуществъ Германскихъ университетовъ передъ Французскими заключается именно въ томъ, что въ первыхъ доходъ преподавателя въ постоянной зависимости отъ качества и количества его работы. Плохіе профессоры почти невозможны при существованіи гонораріи. Трудъ ихъ не будетъ окупаться, и они будутъ вынуждены перейти къ другимъ, болѣе выгоднымъ занятіямъ. Но для того, чтобъ гонораріи приносилъ всѣ эти результаты, нужно, во-первыхъ, чтобы плата за лекціи была достаточна и давала преподавателю дѣйствительныя средства существованія; во-вторыхъ, чтобы не одни приватъ-доценты, но также и профессоры не имѣли другаго вознагражденія. У насъ оба эти условія не совсѣмъ возможны. Самая умѣренная плата за отдѣльные курсы превзойдетъ ежегодный взносъ студентовъ за слушаніе лекцій и обременитъ ихъ, а между тѣмъ преподаватели будутъ получать менѣе нынѣшняго казеннаго содержанія, далеко не покрывающаго ихъ нужды. При этомъ трудно оставить безъ жалованья, по крайней мѣрѣ, тѣхъ преподавателей, которые имѣютъ званіе профессоровъ, а не одинаковое положеніе профессоровъ и приватъ-доцентовъ стѣснитъ нѣсколько конкуренцію между ними, къ явной невыгодѣ послѣднихъ. Приватъ-доцентамъ, поставленнымъ въ зависимость отъ небольшаго, и притомъ случайнаго дохода, придется бороться съ всевозможными лишеніями. Проектъ новаго устава предвидитъ это затрудненіе и разрѣшаетъ университетамъ назначать приватъ-доцентамъ вознагражденіе изъ собственныхъ суммъ. При недостаточности гонораріи, нельзя, разумѣется, не одобрить этой мѣры, хотя также нельзя не сознаться, что она до нѣкоторой степени искажаетъ самый характеръ приватъ-доцентства.

Было высказано предположеніе установить гонораріи и для профессоровъ, въ смыслѣ дополнительнаго дохода, такъ, чтобы частію они получали содержаніе отъ правительства, а частію плату отъ слушателей. Чрезъ это, съ одной стороны, положеніе преподавателей было бы обезпечено, а съ другой, они имѣли бы матеріальное побужденіе къ труду. Мы не думаемъ, чтобъ эта мѣра была своевременна. Возможность ея зависитъ отъ развитія приватъ-доцентства. Пока нѣтъ конкуренціи, плата въ сущности будетъ для слушателей обязательною, и на дѣлѣ въ положеніи профессоровъ не произойдетъ никакой перемѣны. Сверхъ того, при доро-

говизнѣ жизни и бѣдности бóльшей части нашихъ студентовъ, профессоры будутъ чаще всего вынуждены освобождать ихъ отъ этой дополнительной платы.

Недостатокъ контроля надъ профессорами составляетъ слабую сторону нынѣшняго положенія университетовъ. Но она неизбѣжна, и пока научная дѣятельность не разовьется въ цѣломъ обществѣ, этому злу можно противодѣйствовать только косвенными средствами. Одно изъ такихъ средствъ составляютъ сроки профессорской службы, которые, если не ошибаемся, существуютъ только въ Россіи, но у насъ дѣйствительно необходимы. Уставомъ 1835 года положенъ 25-лѣтній срокъ, послѣ котораго профессоръ вновь подвергается баллотировкѣ и, въ случаѣ вторичнаго избранія, получаетъ пенсію вмѣстѣ съ жалованьемъ, такъ что содержаніе его удвоивается. Слѣдуетъ ли сохранить этотъ срокъ или сократить его? Г. Пироговъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ устава, склоняется къ послѣднему. «Законъ, — говоритъ онъ, — долженъ былъ бы требовать отъ профессоровъ, по прошествіи первыхъ $12^1/_2$—13 лѣтъ ихъ служенія при университетѣ, «фактическихъ доказательствъ» ихъ научно-учебной дѣятельности, посредствомъ открытія конкурса. Еслибы финансовыя соображенія не препятствовали прослужившимъ при университетѣ $12^1/_2$ лѣтъ назначать полпенсіи, какъ это было прежде, то должно было бы, по прошествіи этого времени, объявлять каѳедру вакантною и открывать публичный конкурсъ. Конечно, и при этомъ способѣ, многіе изъ преподавателей остались бы на своихъ мѣстахъ, потому что они всегда имѣли бы болѣе шансовъ выдержать конкурсъ, чѣмъ другіе, младшіе конкуренты; но при этомъ все-таки открылась бы возможность общественному мнѣнію лучше оцѣнить ихъ заслуги, а другимъ, младшимъ конкурентамъ открылась бы возможность показать и свои достоинства; и сверхъ того, каждый преподаватель, имѣя въ виду, что на половинѣ его учебнаго поприща ему предстоитъ переоцѣнка его заслугъ, принужденъ былъ бы не вдаваться въ апатію и не отставать отъ науки, какъ это случается теперь, при полной увѣренности, что двадцать пять лѣтъ его каѳедра останется непремѣнно за нимъ. На конкурсѣ можно бы требовать серьезныхъ и самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ и доказательствъ того, что преподаватель, въ теченіе двѣнадцати съ половиною лѣтъ, въ состояніи былъ образовать хотя одного кандидата, способнаго выступить на учебное поприще и занять мѣсто доцента при университетѣ. По окончаніи же двадцати пяти лѣтъ службы при университетѣ, слѣдовало

бы непремѣнно объявлять каждую каѳедру вакантною и открывать конкурсъ». Вполнѣ соглашаясь съ основною мыслью почтеннаго ученаго, мы не находимъ дѣйствительными предлагаемыя имъ мѣры и думаемъ, что онѣ принесутъ болѣе неудобствъ, нежели пользы. Онъ очевидно взглянулъ на дѣло только съ одной точки зрѣнія и опустилъ другую, по нашему мнѣнію, очень важную.

При опредѣленіи срока, не слѣдуетъ забывать особеннаго характера университетской дѣятельности. Это не простая служба, для которой болѣе всего нужны честность и усердіе. Профессоръ приготовляется къ занятію каѳедры долгое время; работа его требуетъ большаго напряженія нравственныхъ силъ и не обходится даже безъ матеріальныхъ пожертвованій. Это даетъ ему право на прочное положеніе, въ которомъ онъ могъ бы спокойно предаться своему труду. Слишкомъ непродолжительный срокъ не дастъ ему той увѣренности въ будущемъ, безъ которой невозможна спокойная работа. Если онъ будетъ думать, что въ половинѣ жизни ему, можетъ быть, придется, противъ желанія, перемѣнить родъ службы, то не будетъ ли онъ смотрѣть на свое университетское поприще, какъ на временное занятіе; а при такомъ взглядѣ можно ли вполнѣ предаться дѣлу преподаванія? Не забудемъ, что переходъ отъ преподаванія къ занятіямъ другаго рода гораздо труднѣе, чѣмъ перемѣна всякой другой службы. Переходя изъ одного вѣдомства въ другое, чиновникъ не начинаетъ службы съизнова; привычка къ канцелярской работѣ, сдѣланная имъ въ одной службѣ, пригодится ему и въ другой. Профессору, оставившему университетъ для канцеляріи, нерѣдко пришлось бы въ зрѣлые года стать въ положеніе новичка. Это слишкомъ тяжелая казнь за неудачное преподаваніе. Скажутъ, что ей можетъ подвергнуться только бездарный, или лѣнивый преподаватель. Но мы не видимъ необходимости и его подвергать такому истязанію. Мѣра, удаляющая дурныхъ преподавателей, справедлива только тогда, когда не лишаетъ ихъ средствъ существованія. Вотъ почему, еслибъ у насъ была конкуренція и неспособный преподаватель устранялся бы ею въ самомъ началѣ поприща, то на это онъ никакъ не могъ бы жаловаться; но удаленіе послѣ долголѣтняго труда и въ половинѣ жизни, затруднитъ для него даже переходъ и къ другимъ занятіямъ. Наконецъ, если, въ продолженіе срока службы, допускать такое испытаніе, то зачѣмъ же не опредѣлить время его гораздо ранѣе? А въ такомъ случаѣ какой же смыслъ имѣютъ званіе доцентовъ и ручательства, которыя требуются отъ лица при избраніи его на каѳедру?

Но худшее во всякомъ законѣ, требующемъ этихъ «фактическихъ доказательствъ», успѣшнаго преподаванія,—то, что на практикѣ онъ не будетъ соблюдаться. Законъ можетъ опредѣлить только внѣшнія качества труда, который преподаватель обязанъ представить для сохраненія каѳедры; это опредѣленіе всегда будетъ недостаточно и не въ силахъ уловить настоящія свойства хорошей работы. Представленіе на конкурсъ учебниковъ, составленныхъ преподавателемъ, или изданныхъ имъ изслѣдованій, превратится въ формальную обязанность, которой будетъ легко удовлетворить самымъ дешевымъ образомъ. Ученая критика не процвѣтаетъ въ нашей литературѣ. Спеціальные труды очень часто оставляются ею безъ всякаго вниманія, еще чаще разбираются вкривь и вкось. Сколько плохихъ диссертацій было встрѣчено критикой съ трусливымъ подобострастіемъ, изъ страха обличить собственное невѣжество рецензента! Какъ часто появляются у насъ враждебные отзывы, не основанные на знаніи дѣла! Такіе отзывы въ нашей журналистикѣ считаются признакомъ литературнаго молодечества. Изъ этого выходитъ, что критика никакъ не обезпечитъ строгаго и безпристрастнаго суда надъ сочиненіемъ. Судъ будетъ исключительно принадлежать тому, кто назначалъ конкурсъ, то есть, самому университету. Но можно ли положиться на безпристрастный приговоръ корпораціи надъ однимъ изъ ея членовъ, и въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшанъ личный интересъ цѣлой корпораціи? Можно сказать утвердительно, что судъ надъ трудомъ профессора, ищущаго вновь собственной своей каѳедры, будетъ почти всегда пристрастенъ. Каждый профессоръ, еще не дожившій до роковаго срока, будетъ видѣть въ нынѣшнемъ подсудимомъ завтрашняго судью и легко можетъ уступить эгоистическому, но естественному стремленію, благосклоннымъ приговоромъ обезпечить и собственную участь. Тѣ же профессоры, которые перешагнули Рубиконъ, будутъ связаны чувствомъ благодарности. Судъ на конкурсѣ только тогда совершенно свободенъ, когда онъ относится къ лицамъ, не связаннымъ никакимъ интересомъ съ цѣлой университетской корпораціей. Еще неудачнѣе придуманъ г. Пироговымъ другой признакъ хорошаго преподаванія — возможность указать на доцента, обязаннаго профессору своимъ научнымъ образованіемъ. Это поведетъ только къ одному результату: всякій профессоръ будетъ стараться ввести въ университетъ доцента, въ которомъ будетъ видѣть оплотъ для личной своей безопасности. Вообще едва ли удобно вынуждать трудъ преподавателя не приговоромъ надъ нимъ общественнаго

мнѣнія, а внѣшнею принудительною мѣрою. Это значитъ замѣнять серьезный трудъ безполезной умственной гимнастикой.

И такъ слишкомъ короткіе сроки вредны, а соединять продолженіе университетской дѣятельности съ какимъ-нибудь испытаніемъ рѣшительно невозможно. Вотъ почему мы склоняемся въ пользу нынѣшняго 25-лѣтняго срока, или другаго, нѣсколько менѣе продолжительнаго. Но за то мы находимъ совершенно необходимою другую мѣру, допущенную въ проектѣ новаго устава. Прежде, для вторичнаго выбора профессора по истеченіи 25-ти лѣтъ, требовалось, какъ и для перваго избранія, простое большинство голосовъ въ совѣтѣ. Теперь предполагается считать вторичное избраніе состоявшимся только въ такомъ случаѣ, если профессоръ получитъ не менѣе двухъ третей наличныхъ голосовъ. Это и справедливо, и удобно въ практическомъ отношеніи. Во всякой корпораціи замѣтно стремленіе смотрѣть на собственныхъ членовъ довольно снисходительно, а потому выборъ въ этомъ случаѣ надобно не облегчать, а затруднять. Профессора, имѣющаго долголѣтнія связи въ университетѣ, нельзя ставить на одну доску съ лицомъ, которое избирается въ первый разъ и большею частію многимъ неизвѣстно. Совершенно справедливо требовать, чтобы старинный членъ корпораціи остался въ ней только въ такомъ случаѣ, если пользуется уваженіемъ большинства своихъ товарищей. Это оградитъ отъ слишкомъ легкихъ переизбраній, которыя на долгое время отдаютъ иногда каѳедры въ распоряженіе лица, неспособнаго или давно переставшаго работать. Нельзя также не замѣтить, что значительныя денежныя выгоды, предоставленныя профессорамъ, которые оставляются послѣ срока, оправдываютъ строгія требованія закона. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ университетами, чтобъ не опасаться въ этомъ случаѣ вліянія частныхъ распрей на избраніе. Совѣты никогда не рѣшатся забаллотировать профессора, имѣющаго извѣстность, потому что не могутъ сдѣлать этого безъ вреда для собственной репутаціи. Подобныхъ нравственныхъ соображеній никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Удаленію подвергнутся только лица, относительно которыхъ эта мѣра совершенно законна.

Этимъ мы кончаемъ наши замѣчанія о профессорахъ. Общій смыслъ ихъ тотъ, что улучшенія въ составѣ преподавателей нельзя достигнуть какою-нибудь отдѣльною мѣрою, а только цѣлымъ рядомъ — не принудительныхъ мѣръ, а постановленій, облегчающихъ развитіе университетовъ. Думаемъ, что мы можемъ смотрѣть на будущее не безъ увѣренности. Временный упадокъ университетовъ

не былъ ихъ собственною виною, и лучшіе изъ нихъ доказали, что, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, они умѣютъ бороться и съ внѣшними и съ внутренними препятствіями. Составъ нѣкоторыхъ университетовъ теперь такъ удовлетворителенъ, какъ это только возможно въ Русскомъ обществѣ.

III.

Положеніе студентовъ не переставало занимать нашу литературу послѣ печальныхъ событій, нарушившихъ въ концѣ прошлаго года миръ университетскихъ аудиторій. Было много толковъ объ измѣненіи порядка, который будто бы не даетъ учащейся молодежи самостоятельности, свойственной ея возрасту. Никто не объяснялъ, однако, въ чемъ состоитъ желанная самостоятельность: стѣснены ли теперь студенты въ свободномъ отношеніи къ наукѣ какими-нибудь школьными правилами, или въ общественномъ положеніи ихъ требуется перемѣна? Привычка довольствоваться фразами, для которыхъ, лѣтъ пять тому назадъ, придумано было техническое названіе «общихъ началъ», и здѣсь брала свое. Толковали о свободѣ изученія, но унизиться до подробностей предлагаемой реформы—не въ нашихъ нравахъ, а потому, не смотря на всѣ возгласы, вопросъ нисколько не подвинулся.

Нельзя однако сказать, чтобы толки о реформѣ не имѣли основанія. Они были вызваны не мечтательною потребностью. Положеніе университетовъ давно было шатко, и эта шаткость всего болѣе отражалась на студентахъ. Причинъ этому было много. Студентамъ было трудно не раздѣлять того возбужденія, которое, послѣ долгой дремоты, вдругъ овладѣло нашимъ обществомъ и, рядомъ съ хорошими явленіями, производить также иныя, менѣе желательныя. Они увлекались, какъ увлекаются и другіе, болѣе зрѣлые люди. Это, само по себѣ не только не дурно, но, не смотря на практическія неудобства, есть въ сущности довольно хорошій признакъ. Мы слишкомъ долго страдали полнѣйшимъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій, печальной прозаичностью общества, проникавшей его сверху до низу, чтобы смотрѣть съ большой строгостью даже на нестройные юношескіе порывы. Но, къ несчатію, наше общественное мнѣніе такъ неопредѣленно, наши политическія теоріи до того не сложились, что увлеченія юности не уравновѣшивались зрѣлою мыслію общества, которая могла бы держать ихъ въ гра-

ницахъ. Очень понятно, что молодежъ, менѣе, чѣмъ кто-либо, могла сохранить мѣру и выступала иногда за предѣлы закона. Рядомъ съ этою общею причиной была другая, частная. Она коренилась въ исторіи самаго университетскаго управленія. Послѣ 1848 года для университетовъ началась пора полицейскихъ мѣръ, которыя болѣзненно отзывались на цѣломъ ихъ организмѣ. Преподаваніе было стѣснено. Выходили предписанія не только объ общемъ его характерѣ, но даже о разныхъ частностяхъ. Помнится, даже вопросы о годѣ призванія Варяговъ и правильности Греческаго произношенія были рѣшены административнымъ образомъ. Вакантныя каѳедры замѣщались съ трудомъ, и новыя назначенія встрѣчали на пути не одни научныя соображенія. Студенты были подвергнуты мелкому надзору. Имъ громко внушалось, что прежде всего отъ нихъ требуются не серьезныя занятія, не умственное и нравственное развитіе, а внѣшняя благонадежность. Комплектъ, введенный въ университеты, содѣйствовалъ, съ другой стороны, ихъ упадку. При невозможности имѣть болѣе трехъ-сотъ слушателей, трудно было требовать отъ студентовъ дѣйствительнаго знанія. Всякій нѣсколько строгій экзаменъ падалъ не только на слабо-приготовленныхъ молодыхъ людей, но и на тѣхъ, которые должны были смѣнить ихъ. Задерживая одного студента, университетъ лишался права принять на его мѣсто другаго. Кромѣ того, дѣтямъ личныхъ дворянъ, если они не находились въ учебномъ заведеніи, было вмѣнено въ обязанность поступать въ военную службу, по достиженіи 18-лѣтняго возраста. Разрѣшеніе оставаться на одномъ курсѣ болѣе года было затруднено. Понятно, что добросовѣстныя испытанія становились, при такихъ условіяхъ, нравственною невозможностью. Въ самомъ дѣлѣ, требованія на экзаменахъ все понижались, и выходившіе студенты оказывались все слабѣе и слабѣе. Такъ было до 1855 года. Въ этомъ памятномъ году правительство вдругъ оживило университеты уничтоженіемъ комплекта и либеральнымъ взглядомъ на общественное воспитаніе. Студенты избавились отъ безполезно-строгой дисциплины. Но переходъ отъ прежняго порядка къ новому не могъ совершиться безъ нѣкоторыхъ колебаній. Внѣшняя дисциплина, когда она становится не средствомъ, а цѣлью, имѣетъ то вредное послѣдствіе, что отучаетъ людей отъ самодѣятельности. Немудрено послѣ этого, что молодые люди, освободясь отъ прежняго надзора, воспользовались своимъ новымъ положеніемъ не для того, чтобы серьезнѣе обратиться къ труду, но для предъявленія разныхъ неумѣренныхъ тре-

бованій. Начались небольшіе безпорядки, и такъ какъ причины ихъ вездѣ были одинаковы, то они повторились почти во всѣхъ университетахъ. Эти безпорядки сначала не имѣли въ себѣ ничего серьезнаго, и если на нихъ стоило обратить вниманіе, то именно потому, что своимъ повтореніемъ они мѣшали преподаванію и тѣмъ болѣе отучали студентовъ отъ труда. Требованія ихъ ограничивались тѣсному кругу университетскаго быта и отличались большою неопредѣленностью. Студенты то отстаивали право выражать свое мнѣніе о преподаваніи, то жаловались на какія-нибудь частныя мѣры, вовсе неважныя, то, наконецъ, утверждали, что имъ должна принадлежать нѣкоторая доля въ университетскомъ управленіи. Непрактическій характеръ этихъ неисполнимыхъ притязаній ясно показывалъ, что̀ нужно было дѣлать для прекращенія волненій. Надобно было, не отказываясь отъ либеральныхъ мѣръ, возстановившихъ естественный ходъ университетской жизни, твердою рукою останавливать всякое нарушеніе порядка. Но поворотъ общественнаго мнѣнія противъ дисциплинарныхъ пріемовъ былъ слишкомъ силенъ, и вмѣсто такого, простаго способа дѣйствія, искали причины волненій въ самомъ университетскомъ устройствѣ и начали думать, какъ бы измѣнить его въ духѣ новаго времени. Отсюда цѣлый рядъ половинныхъ мѣръ, безъ опредѣленнаго направленія, цѣлый рядъ постановленій, вводившихся въ видѣ опыта. Прежде всего слабой стороною университетскаго управленія признана была инспекція, не имѣющая нравственнаго авторитета. Это была правда. Администрація, отъ которой долгое время исходили одни стѣснительныя распоряженія, не могла внушать къ себѣ особеннаго довѣрія. Но лекарство, которое было придумано, едва ли не оказалось хуже самой болѣзни. Студенты были отданы подъ надзоръ общей полиціи, на томъ основаніи, что, внѣ университета, нѣтъ логической причины исключать ихъ изъ дѣйствія общихъ законовъ. Казалось, что, нуждаясь менѣе прежняго въ сношеніяхъ съ собственнымъ начальствомъ, они рѣже будутъ имѣть и поводъ жаловаться на него. Но послѣдствія не оправдали ожиданій. Довѣріе къ инспекціи, которая лишилась права защищать студентовъ, но сохранила возможность принимать строгія мѣры, поколебалось еще болѣе. Между тѣмъ подчиненіе общей полиціи, которая, къ сожалѣнію, не отличается у насъ чувствомъ законности, повело только къ столкновеніямъ и непріятностямъ. Порядокъ внутри университета нарушался по прежнему, а внѣ его стѣнъ студенты часто встрѣчались съ насиліемъ и произволомъ. Тогда пришли къ мысли, совершенно

вѣрной, что главную причину неустройства составляетъ слабость научнаго интереса между молодыми людьми; стали отыскивать косвенныхъ средствъ для усиленія ихъ занятій и распространенія между ними болѣе дѣльнаго направленія. Съ этою цѣлью задумано было преобразованіе экзаменовъ. Постепенное возвышеніе требованій могло, дѣйствительно, сдѣлать необходимымъ усиленный трудъ, но одной перемѣны во внѣшнемъ порядкѣ испытаній было, конечно, недостаточно; а перемѣна была чисто-внѣшняя и нисколько не измѣняла ихъ характера. О распоряженіяхъ по этому поводу можно сказать только одно: изъ нихъ не вышло ничего, ни хорошаго, ни дурнаго, кромѣ нѣкоторыхъ неудобствъ, и для студентовъ, и для экзаменаторовъ: первые подвергались бо́льшему, физическому утомленію, а послѣдніе принуждены были тратить лишній мѣсяцъ въ году на самую безплодную работу, отнимая для нея время у преподаванія. Наконецъ, появилась третья мѣра, заключившая этотъ рядъ опытовъ и полуреформъ. Такъ какъ студенты безпрестанно твердили о своей корпораціи, то сочтено было за нужное отмѣнить въ постановленіяхъ все, дававшее имъ корпоративное устройство. Вслѣдствіе этого не только были запрещены сходки, — сборное мѣсто безпорядковъ, но даже студенческія кассы поставлены подъ ближайшій надзоръ начальства, мундиры уничтожены и т. д. Къ этому присоединилось ограниченіе числа студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій. Результатъ извѣстенъ. Неудовольствіе усилилось, и такъ какъ бѣдные студенты внушали справедливое сочувствіе цѣлому обществу, то прекратить его не было возможности. Безпорядки приняли неслыханные размѣры, и Петербургскій университетъ палъ ихъ первою жертвой.

Изъ сказаннаго уже ясно, какъ мы смотримъ на постановленія о студентахъ. По нашему мнѣнію, безпорядки между ними не были вызваны тѣмъ положеніемъ, въ которое ставилъ ихъ уставъ 1835 г. Это было прямое послѣдствіе ошибокъ эпохи, начавшейся позже, и неудачныхъ поправокъ послѣдняго времени. Всего вреднѣе дѣйствовали тѣ колебанія, которыя чувствовались во всякой новой мѣрѣ. Безпрестанная смѣна однихъ постановленій другими не внушала студентамъ убѣжденія въ ихъ прочности и естественно вела къ ихъ нарушенію. Вотъ почему первая задача, къ которой долженъ стремиться новый уставъ, есть введеніе неизмѣннаго и постояннаго порядка. Опредѣленность правилъ и точное соблюденіе однажды постановленнаго — два условія, безъ которыхъ невоз-

моженъ правильный ходъ университетовъ. Уставъ долженъ быть для нихъ закономъ, не подлежащимъ нарушенію — ни сверху, путемъ частныхъ предписаній, ни снизу, произвольными отступленіями. Только при такомъ способѣ дѣйствія можно обойтись безъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ и въ то же время не допустить никакой распущенности. Законъ не долженъ быть узокъ, исполненіе его должно быть строгое.

Основаній для правилъ объ учащихся не нужно искать далеко. Въ уставѣ 1835 года требуются перемѣны только въ частностяхъ, насколько онѣ указаны опытомъ. Болѣе этого едва ли что нужно, особенно если въ частныхъ распоряженіяхъ будетъ данъ просторъ самимъ университетамъ. Положеніе нашихъ студентовъ, для которыхъ у насъ выдумывались такія экцентрическія реформы, гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ во многихъ странахъ Европы. То, что въ немъ было обременительнаго въ старые годы, было создано не закономъ, а уклоненіемъ отъ закона. Можно утвердительно сказать, что почти нигдѣ студенты не находятся въ меньшей зависимости отъ университетскаго начальства, какъ въ Россіи. Въ Англіи отъ нихъ требуется такое безусловное повиновеніе, о которомъ у насъ нѣтъ и понятія. Правила, которымъ тамъ подчиняются молодые люди, показались бы у насъ верхомъ деспотизма. Надзоръ за ними простирается до мельчайшихъ подробностей ихъ частной жизни, и граждане самаго свободнаго изъ Европейскихъ государствъ воспитываются въ строгой, школьной дисциплинѣ. Конечно, было бы странно искать образцевъ для насъ въ обветшаломъ устройствѣ Англійскихъ коллегій, но за то мы можемъ указать на Нѣмецкіе университеты, гдѣ не безъ пользы существуетъ многое, что у насъ подвергается безпощадному порицанію. Въ Германіи студенты не одинъ разъ играли настоящую политическую роль; ихъ, кажется, нельзя также упрекнуть въ особенномъ смиреніи; но изъ этого никто не выводилъ еще необходимости измѣнить всѣ основанія академической жизни. Независимый духъ молодежи не мѣшаетъ тамъ существовать особому университетскому суду, который иногда исключаетъ студентовъ не только за нарушеніе внутренняго порядка, но и за проступки, не имѣющіе съ нимъ ничего общаго. Безъ сомнѣнія, было бы трудно перенести къ намъ обычаи, выросшіе на другой, болѣе крѣпкой почвѣ, но послѣ такихъ примѣровъ едва ли можно жаловаться на стѣсненіе закономъ Русскихъ студентовъ. Позволительно думать, что на-

ши учебныя заведенія не настолько же опередили Европейскія, чтобъ нуждаться въ какой-нибудь исключительной организаціи.

Скажемъ теперь о главнѣйшихъ постановленіяхъ относительно студентовъ. Это — правила о вступленіи въ университетъ и слушаніи лекцій, объ университетскихъ званіяхъ и устройствѣ надзора.

Вступительные экзамены никогда еще не казались такимъ спорнымъ вопросомъ, какъ въ послѣднее время. Теперь вездѣ слышны жалобы, и притомъ самаго разнороднаго свойства. Въ обществѣ нерѣдко говорятъ о непомѣрной строгости пріемныхъ испытаній, о совершенной ихъ безполезности; и на всѣ манеры выражаютъ желаніе, «чтобъ университетъ широко распахнулъ свои двери». Университетское начальство и экзаменаторы, напротивъ, постоянно жалуются на недостаточную подготовку молодыхъ людей, которая потомъ мѣшаетъ имъ трудиться и въ продолженіе курса. Кто правъ, рѣшить не трудно. Уничтоженіе пріемныхъ экзаменовъ можетъ представляться вожделѣннымъ только тому, кто не былъ въ университетѣ, или успѣлъ забыть его. Требовать удостовѣренія въ спеціальныхъ познаніяхъ, и не требовать его въ общемъ образованіи, есть непослѣдовательность. Человѣкъ, который не имѣетъ первоначальныхъ свѣдѣній въ исторіи или географіи, едва ли сдѣлается серьезнымъ спеціалистомъ. Стало быть, все разногласіе сводится на одинъ вопросъ о времени: нужно только рѣшить, когда удобнѣе производить общій экзаменъ: при допущеніи къ слушанію лекцій, или передъ спеціальнымъ испытаніемъ на университетскую степень. Мы и въ этомъ случаѣ можемъ руководствоваться опытомъ. У насъ на практикѣ существуютъ оба порядка: студенты экзаменуются при поступленіи въ университетъ, а вольные слушатели не держатъ предварительнаго экзамена, но допускаются къ кандидатскому только подъ условіемъ или гимназическаго аттестата, или испытанія изъ предметовъ общаго образованія. Изъ этихъ двухъ категорій опытъ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе говоритъ въ пользу первой, т. е. студентовъ. За немногими исключеніями, вольные слушатели отличаются обыкновенно очень слабымъ приготовленіемъ. Лучшее доказательство — небольшое число тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ кандидатскую степень, хотя ежегодно ихъ является довольно много. Не нужно, кажется, прибавлять, что одинъ экзаменъ не сообщитъ того нравственнаго воспитанія, которое даетъ студентамъ четырехлѣтнее пребываніе въ университетѣ, въ тѣсномъ кругу товарищей, связанныхъ интересомъ науки, и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лучшими профес-

сорами. Но въ пользу пріемныхъ испытаній говоритъ еще важнѣйшее обстоятельство. Преподаваніе, болѣе или менѣе, всегда сообразуется съ характеромъ аудиторіи; слѣдовательно, нужны мѣры, которыя бы обезпечивали серьезный ея составъ. Только при этомъ и возможно строгое научное изложеніе, не доступное для неприготовленной массы. Въ тѣхъ же предметахъ, которые требуютъ практическихъ упражненій, какъ, напримѣръ, классическіе языки, извѣстный уровень предварительныхъ познаній есть условіе, безъ котораго преподаваніе не можетъ ступить ни шага. Вотъ почему пріемные экзамены требуются въ Германіи отъ всякаго, кто не можетъ предъявить свидѣтельства средняго учебнаго заведенія. Посторонніе посѣтители, которые не имѣютъ цѣлью получить полное университетское образованіе (Hospitanten), составляютъ исключеніе и не допускаются слушать лекціи долѣе извѣстнаго, довольно короткаго срока.

Итакъ предварительныя испытанія сохранить необходимо. Уничтожить ихъ, значило бы исказить самый смыслъ студенчества. Нѣтъ, однако, никакой нужды совершенно исключать вольныхъ слушателей. Допущеніе ихъ полезно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность слушать тотъ или другой курсъ лицамъ, не намѣреннымъ искать университетской степени. Мы не думаемъ даже, чтобъ была какая-нибудь необходимость не разрѣшать постороннимъ лицамъ кандидатскаго экзамена безъ свидѣтельства о посѣщеніи ими лекцій въ теченіе извѣстнаго времени. Это для многихъ было бы неудобно, а въ интересахъ университета не нужно, потому что если испытанія будутъ достаточно строги, то выдержать ихъ безъ этого условія будетъ трудно. Увеличенія же разряда вольныхъ слушателей на счетъ студентовъ едва ли можно опасаться: положеніе послѣднихъ во многомъ гораздо выгоднѣе. Это доказывается уже тѣмъ, что, хотя студентъ, переходя въ вольные слушатели, можетъ выиграть время и скорѣе получить аттестатъ, но большинство учащихся состоитъ у насъ изъ студентовъ. Принудительныхъ мѣръ, какъ бы онѣ ни были полезны, всегда лучше избѣгать безъ особенной необходимости. Нужно только, чтобъ экзамены для вольныхъ слушателей не были легче, чѣмъ для студентовъ, какъ это у насъ водилось до сихъ поръ. Наши законы почти не обращали вниманія на вольныхъ слушателей, и путемъ обычая для нихъ сложились такія правила, которыхъ смыслъ не всегда понятенъ. Такъ, напримѣръ, постороннія лица избавляются отъ испытанія изъ всѣхъ неспеціальныхъ предметовъ. Эта странная

привилегія, — не знать того, что считается необходимымъ пособіемъ для специіалиста, должна быть непремѣнно уничтожена. Но за то имъ надобно дать возможность получать не одно кандидатство, но и званіе дѣйствительнаго студента. Стѣсненіе ихъ въ этомъ отношеніи вело на практикѣ къ болѣе легкому экзамену. Довольно трудно экзаменовать строго, когда чрезъ это трудъ экзаменующихся можетъ пропасть даромъ. Сравненія вольныхъ слушателей со студентами требуетъ здѣсь не одна справедливость, но и польза университетовъ.

Относительно порядка вступительныхъ экзаменовъ нельзя согласиться съ проектомъ устава, который мѣстомъ для нихъ назначаетъ гимназіи. Ничего не можетъ быть менѣе практическаго. Право экзаменовать вступающихъ предоставлено гимназіямъ только съ недавняго времени. Въ Москвѣ еще въ прошломъ году испытанія производились въ университетѣ учителями гимназій, подъ наблюденіемъ особаго комитета изъ профессоровъ. Это имѣло многія хорошія стороны, и съ перваго же раза дало экзаменамъ серьезное направленіе. Учители, болѣе знакомые съ гимназическими требованіями, естественно вносили въ нихъ и болѣе отчетливости, а наблюденіе профессоровъ устраняло возможность злоупотребленій. Сверхъ того, устанавливалась нѣкоторая связь между испытаніями гимназистовъ и постороннихъ лицъ. Всѣхъ этихъ удобствъ не можетъ быть при перенесеніи экзаменовъ въ гимназіи, особенно если они будутъ производиться безъ всякаго участія профессоровъ. Такой странный порядокъ былъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, допущенъ въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ. Никто изъ преподавателей университета не былъ приглашенъ на испытанія людей, вступающихъ въ университетъ, и въ томъ числѣ были устранены даже члены попечительскаго совѣта, которыхъ прямая обязанность — наблюдать за ходомъ общественнаго воспитанія въ округѣ. Отнынѣ университетамъ будетъ трудно установить, для поступающихъ молодыхъ людей, какія-нибудь требованія, такъ какъ надзоръ за исполненіемъ ихъ принадлежихъ не ему, а другому учрежденію. Вообще порядокъ, поручающій вступительные экзамены множеству отдѣльныхъ гимназій, уничтожитъ всякій однообразный масштабъ для нихъ. Самое отношеніе университета къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ совершенно извращается этимъ: вмѣсто того, чтобъ находиться подъ нравственнымъ контролемъ университета, гимназіи не только освобождаются отъ него, но сами получаютъ косвенное вліяніе на его составъ. Еще хуже, если всту-

пительные экзамены производятся отдѣльно отъ гимназическихъ, потому что въ такомъ случаѣ становятся возможными двѣ совершенно различныя мѣрки. Вотъ почему гораздо полезнѣе было бы постановленіе, прямо противоположное тому, которое принято въ проектѣ: нужно не только перенести экзамены опять въ университетъ, но даже отмѣнить привилегію гимназій, по которой воспитанники ихъ дѣлаются студентами безъ экзамена. Прежде этимъ правомъ пользовались немногія изъ нихъ. Тогда университетскіе экзамены были для гимназій пробнымъ камнемъ. Здѣсь оказывалось, которая изъ нихъ стоитъ выше, и въ какомъ отношеніи онѣ находятся къ частнымъ школамъ. Это не оставалось безъ хорошихъ послѣдствій. Въ прежнее время гимназисты были обыкновенно лучше приготовлены, нежели молодые люди, вышедшіе изъ частныхъ заведеній, или учившіеся дома. Теперь отношеніе едва ли не обратное.

Не знаемъ, нужно ли говорить о допущеніи въ университеты женщинъ. Еще недавно было рѣшительною модой, въ дѣлѣ образованія, требовать полнаго равенства половъ, но теперь эта мода, какъ и другія, начинаетъ, кажется, проходить. Этого надобно было ожидать. Плодъ самыхъ праздныхъ мечтаній — она не могла продолжаться долго. Университетское образованіе составитъ настоящую потребность для женщинъ только подъ условіемъ такой перемѣны въ цѣломъ ихъ положеніи, которой пока еще нѣтъ, и которая едва ли скоро наступитъ. Пока женщины не будутъ принимать такого же участія въ общественной дѣятельности и нести тѣ же обязанности, какъ мужчины, до тѣхъ поръ спеціальное образованіе будетъ, между ними, потребностью очень немногихъ. Слушаніе лекцій составляетъ для нихъ простую забаву, большею частію, безполезную имъ и очень вредную университетамъ. Преподаваніе непремѣнно утратитъ научный характеръ въ аудиторіи, наполненной лицами безъ научнаго приготовленія. Для того, чтобъ лекціи приносили женщинамъ дѣйствительную пользу, пришлось бы требовать отъ нихъ гимназическаго аттестата, что̀, кажется, не приходило въ голову ни одному реформатору. Во всѣхъ странахъ Европы онѣ слушаютъ только публичные и популярные курсы, приспособленные къ пониманію массы. Думаемъ, что и у насъ можно удовольствоваться этимъ.

Мы не станемъ распространяться объ этомъ вопросѣ, который не былъ вызванъ жизнію. О немъ можно было упомянуть только потому, что еще недавно онъ возбуждалъ сильную полемику, и

были даже оффиціальные циркуляры, предлагавшіе его на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ. Переходимъ къ болѣе серьезному предмету — къ ученымъ званіямъ, которыя получаютъ студенты.

Университеты даютъ своимъ слушателямъ ученую степень кандидата и званіе дѣйствительнаго студента. Это различіе ведется съ устава 1804 года, но способъ полученія того и другаго съ тѣхъ поръ измѣнился. Первый уставъ совершенно отдѣлялъ пріобрѣтеніе ученыхъ степеней отъ слушанія лекцій и студенческихъ испытаній. По общему экзамену, послѣ окончанія тогдашняго трехлѣтняго курса, всѣ студенты, оказавшіе удовлетворительные успѣхи, получали одинаковый аттестатъ, который давалъ только право поступить на службу съ чиномъ; кандидаты же составляли первую изъ трехъ ученыхъ степеней, и экзаменъ производился имъ особо. Студенты, желавшіе получить эту степень, подавали просьбу декану и экзаменовались въ присутствіи цѣлаго факультета. Имъ предлагались письменные и изустные вопросы, послѣдніе и по жребію, и по выбору профессоровъ. Кромѣ бо̀льшихъ служебныхъ правъ, они пользовались еще другимъ преимуществомъ: кандидаты одни могли поступать въ педагогическій институтъ, учрежденный при университетѣ для образованія учителей и магистровъ. Получавшіе степень магистра могли впослѣдствіи сдѣлаться адъюнктами. Такимъ образомъ испытанія студентовъ были тогда родъ служебнаго экзамена, а кандидатскія, по преимуществу, имѣли цѣль педагогическую. Все это было измѣнено уставомъ 1835 года. Оба вида экзаменовъ соединились; кандидатство потеряло значеніе приготовительной ученой степени и сдѣлалось простымъ отличіемъ для студентовъ, оказавшихъ лучшіе успѣхи. Эта перемѣна свидѣтельствуетъ, повидимому, объ упадкѣ требованій и болѣе школьномъ направленіи, которое давалось студенческимъ занятіямъ; но мы думаемъ, что опытъ говоритъ, однако, въ ея пользу. Умножать число экзаменовъ и ученыхъ степеней всегда безполезно. Излишнее число тѣхъ и другихъ также вредно отзывается на спеціальной работѣ, какъ и слишкомъ легкія испытанія. Если послѣднія освобождаютъ отъ труда, то безпрестанная необходимость подвергать себя внѣшней оцѣнкѣ лишаетъ спеціалиста самостоятельности; она заставляетъ его работать не по требованію собственной мысли, а на основаніи постороннихъ указаній. Степеней доктора и магистра болѣе, чѣмъ достаточно, и прибавлять къ нимъ третью совершенно лишнее. Но за этимъ возникаетъ другой вопросъ: нужно ли,

чтобъ студенты могли довольствоваться посредственными успѣхами и получать за нихъ аттестатъ? Не лучше ли будетъ вовсе уничтожить званіе дѣйствительнаго студента, сохранивъ одно кандидатство, въ его нынѣшнемъ значеніи? Въ пользу этого говоритъ довольно многое, и въ нашихъ университетахъ эта мысль высказывалась нерѣдко. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что надежда выдти дѣйствительнымъ студентомъ, если не удастся быть кандидатомъ, превращаетъ экзамены въ лоттерею. Молодые люди иногда сами не знаютъ, съ какимъ званіемъ они кончатъ курсъ, и смотрятъ на результатъ испытаній, какъ на удачу. Опредѣлить въ точности, какія свѣдѣнія нужны для высшаго званія, и какія для низшаго, дѣйствительно трудно. Поэтому экзамены никогда не могутъ совершенно освободиться отъ случайностей. Все это, безспорно, большое неудобство. Но, не смотря на него, отмѣнить званіе дѣйствительнаго студента теперь невозможно. Наши университеты наполняются не одними людьми, имѣющими въ виду ученое образованіе. Сюда стекаются многіе съ чисто-практическою цѣлью. Университетъ есть у насъ единственное средство серьезнаго развитія, котораго еще не даютъ наши среднія учебныя заведенія. Если для студентовъ будетъ доступна только одна степень, то неизбѣжно произойдетъ одно изъ двухъ, равно неблагопріятныхъ послѣдствій: или большинство не будетъ получать никакого аттестата, теряя понапрасну нѣсколько годовъ ученія, или снисходительность къ этому печальному положенію понизитъ требованія экзаменаторовъ. Въ первомъ случаѣ, число студентовъ сократится, потому что только самые даровитые люди рѣшатся подвергнуть себя тяжелому риску; во второмъ (который гораздо вѣроятнѣе)—университетскіе аттестаты потеряютъ всякое значеніе, и молодые люди будутъ трудиться менѣе прежняго. Другія страны, въ этомъ отношеніи, не могутъ служить для насъ примѣромъ. Тамъ наука вошла въ число настоятельныхъ потребностей жизни и не нуждается въ внѣшнемъ побужденіи. Къ тому же тамъ существуютъ особые служебные экзамены, и вслѣдствіе этого на университетскія испытанія являются только лица, которыя, болѣе или менѣе, посвящаютъ себя спеціальнымъ занятіямъ. У насъ служебные экзамены невозможны. Если сдѣлать ихъ спеціальными, то, при малой обработкѣ нашего законодательства и сложной неопредѣленности практики, требованія ихъ ограничатся поверхностнымъ знакомствомъ съ «Сводомъ Законовъ», которое мало подготовитъ къ службѣ. Если же, напротивъ, и здѣсь на первомъ планѣ поставить общее

образованіе, то пользы отъ нихъ не будетъ никакой, а вреда много: они отвлекутъ молодыхъ людей отъ учебныхъ заведеній, въ ущербъ настоящему знанію. Въ обоихъ случаяхъ университеты опустѣютъ, и это будетъ положительно вредно. Жаловаться на ихъ многолюдство могутъ только люди, не понимающіе ихъ значенія у насъ. Наши университеты сильны своимъ гуманизирующимъ вліяніемъ. Это ихъ историческое призваніе. Людей, получившихъ университетское образованіе, у насъ легко отличить отъ всѣхъ другихъ. Изъ ихъ рядовъ, даже въ самыя темныя эпохи, выходили лучшіе общественные дѣятели. Вотъ почему, пока просвѣщеніе не распространится, до тѣхъ поръ всякая мѣра, которая, прямо или косвенно, огроничитъ число студентовъ, будетъ дурною мѣрою, если даже она принята и въ интересахъ науки.

Точно также мы не считаемъ полезнымъ отмѣнять теперь служебныя преимущества учащихся. Въ этомъ отношеніи, въ общественномъ мнѣніи произошла въ послѣдніе годы замѣтная перемѣна. Долгое время привилегіи учебныхъ заведеній у насъ постоянно увеличивались. Теперь нерѣдко приходится слышать, что внѣшнія побужденія для образованія не имѣютъ смысла, что учиться надобно съ безкорыстною цѣлью пріобрѣсти познанія. Отвѣтъ на это простой. Отнимать привилегіи у образованія въ странѣ, гдѣ существуютъ привилегіи, значитъ давать ихъ невѣжеству. Чрезъ это просвѣщенные люди будутъ въ самомъ невыгодномъ положеніи. Можно ли требовать, чтобъ человѣкъ посвятилъ ученію нѣсколько лѣтъ жизни съ пріятной перспективою занять въ государственной службѣ низшее мѣсто, чѣмъ всякій невѣжда, который поспѣшитъ записаться въ какую-нибудь канцелярію? Пока чины существуютъ, они должны быть и для студентовъ.

Не считаемъ нужнымъ говориѣ о переходныхъ и окончательныхъ экзаменахъ. Это дѣло самихъ университетовъ, которые, гораздо лучше общаго устава, съумѣютъ опредѣлить ихъ содержаніе и порядокъ.

Остается послѣдній вопросъ — о надзорѣ за студентами, или объ устройствѣ университетской полиціи. Мы уже говорили о тѣхъ перемѣнахъ, которыя были сдѣланы въ ней въ послѣднее время. Проектъ устава вводитъ новое устройство инспекціи. Наблюденіе за студентами возлагается на особое лицо, избираемое совѣтомъ университета или изъ собственныхъ членовъ, или изъ постороннихъ чиновниковъ; въ первомъ случаѣ оно называется проректоромъ, во второмъ — инспекторомъ. Это нововведеніе есть въ сущ-

ности почти возвращеніе къ старому. По уставу 1804 года, инспекторъ избирался совѣтомъ изъ ординарныхъ профессоровъ, а помощники его — изъ числа магистровъ или кандидатовъ; онъ былъ подчиненъ исключительно ректору. Инспекторы по назначенію попечителей введены только въ 1835 году. Первый способъ избранія и зависимости, безъ сомнѣнія, имѣетъ за себя то, что управленіе получаетъ отъ этого болѣе единства. Глава университета — ректоръ становится и начальникомъ студентовъ. Столкновенія между нимъ и инспекціей при этомъ невозможны. Наконецъ, за такое устройство говоритъ еще одно обстоятельство: правила о поведеніи студентовъ составляются, по проекту, совѣтомъ, а потому послѣдовательнѣе предоставить и исполнительную роль лицу, которое находится къ нему въ близкихъ отношеніяхъ. Но это только одна сторона дѣла, и на практикѣ иногда выгодно не вдаваться въ излишнюю послѣдовательность. Назначеніе инспектора совѣтомъ будетъ чрезвычайно затруднительно. Выборъ его изъ числа профессоровъ совершенно невозможенъ. Преподавателю нельзя принимать на себя постороннія обязанности, и притомъ довольно многосложныя, потому что это отвлекаетъ его отъ самаго главнаго дѣла — отъ преподаванія. Еще менѣе это возможно, когда постороннія обязанности — полицейскаго свойства. Связь профессора съ его слушателями должна сохранять свой исключительно-нравственный характеръ, безъ примѣси какихъ бы то ни было другихъ отношеній. Если же совѣтъ будетъ избирать чиновниковъ, то встрѣтится другое препятствіе. Какимъ образомъ собраніе профессоровъ можетъ выбрать инспектора изъ числа людей, съ которыми они не имѣютъ ни малѣйшихъ сношеній? То же должно сказать о ректорѣ. Его административная дѣятельность ограничена такимъ тѣснымъ кругомъ, что выборъ подобнаго лица нерѣдко будетъ для него труденъ. Сверхъ того, выборный ректоръ есть тоже преподаватель, и доля возраженій, которыя мы высказали выше, относится также и къ нему. Наконецъ, всякое лицо, назначенное путемъ выбора, удаляется до срока не безъ труда. Для того, чтобы подвергнуть его такому оскорбленію, нужно съ его стороны прямое нарушеніе закона. Одна неловкость, одно неумѣнье распоряжаться, не будутъ поводомъ къ этому, тѣмъ болѣе, что такіе недостатки инспектора чаще всего останутся неизвѣстны всему совѣту и не всегда даже могутъ быть доказаны. А между тѣмъ тактъ и находчивость составляютъ первое условіе всякой административной власти, и тѣмъ болѣе имѣющей сношенія съ молодыми людьми.

Поэтому было бы гораздо практичнѣе оставить инспекцію на прежнемъ основаніи, съ подчиненіемъ ея попечителю. Какъ начальнику учебнаго округа, ему легче найти, между своими подчиненными, лицо способное къ наблюденію за студентами. Инспекторъ, назначенный такимъ способомъ, можетъ быть удаленъ безъ всякаго шума и безъ личнаго оскорбленія для него, какъ скоро окажется неспособнымъ. Непосредственная зависимость отъ попечителя облегчитъ ему сношенія съ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужн распорядиться быстро. Авторитетъ инспектора отъ этого не пострадаетъ. Уважаніе къ надзирающей власти дается не происхожденіемъ ея, а способомъ дѣйствія. Мы, старые студенты, помнимъ инспектора, который не былъ профессоромъ и вступилъ не по выбору совѣта, но сошелъ въ могилу, окруженный любовью нѣсколькихъ поколѣній. У кого изъ насъ не осталась въ памяти благородная и добрая личность П. С. Нахимова? Много лѣтъ сряду студенты видѣли въ немъ лучшаго защитника и находились къ нему въ какихъ-то фамильярно-почтительныхъ отношеніяхъ. Еще до сихъ поръ его патріархальная фигура какъ-то сливается со всѣми воспоминаніями студенчества. А между тѣмъ Нахимова нельзя было упрекнуть ни въ угодливости молодежи, ни въ исканіи популярности. Онъ распоряжался подчасъ довольно рѣшительно, но никто не смѣлъ заподозрить чистоты его намѣреній, и въ каждой, даже строгой мѣрѣ сказывалось его теплое чувство къ университету. Вообще надобно замѣтить, что въ это время между студентами не было никакаго нерасположенія къ университетской администраціи. Но доказываетъ ли это, что главное дѣло состоитъ не въ внѣшнемъ устройствѣ, а въ разумномъ ходѣ внутренней жизни университетовъ?

Мы не говорили о многихъ подробностяхъ устава, потому что считаемъ ихъ или рѣшенными общественнымъ мнѣніемъ, или пока еще не имѣющими практической важности. Къ числу первыхъ слѣдуетъ отнести правила о платѣ за слушаніе лекцій. Это больное мѣсто университетовъ. Нельзя не пожелать, чтобъ статья проекта, которою вновь разрѣшается освобождать отъ платы бѣдныхъ студентовъ, была какъ можно скорѣе введена въ дѣйствіе. Даровое образованіе еще составляетъ у насъ первую необходимость. Это вѣковая и лучшая черта въ исторіи нашей государственной власти. Она возникла не случайно. Источникъ ея въ самомъ происхожденіи нашего просвѣщенія. Если на западѣ даровое воспитаніе составляетъ исключеніе, то причина этого въ томъ, что самое

образованіе было тамъ всего болѣе плодомъ частной дѣятельности. У насъ образованіе долгое время вмѣнялось въ обязанность самою властію, оно предписывалось закономъ, безъ этого нельзя было поступить на службу. Можно ли послѣ этого не облегчать доступа къ нему всѣми мѣрами? Общество не даромъ вошло въ положеніе бѣдныхъ студентовъ и спѣшило помочь имъ. Оно хорошо знаетъ, съ какими ничтожными средствами они вступаютъ въ университетъ. Прибавимъ къ этому, что изъ ихъ числа выходятъ у насъ самые работающіе люди. — Есть еще одинъ вопросъ, о которомъ можно бы сказать нѣсколько словъ. Нужно-ли, чтобъ слушаніе лекцій было для студентовъ обязательно? Многіе склоняются въ пользу необязательныхъ курсовъ, которые съ университетскаго образованія снимаютъ принудительный и школьный характеръ. По нашему мнѣнію, въ настоящую пору всякая реформа въ этомъ смыслѣ будетъ безполезна. Необязательное посѣщеніе лекцій можетъ быть важно тамъ, гдѣ есть конкуренція между преподавателями, и гдѣ студенты могутъ готовиться къ экзамену и не по лекціямъ. У насъ, при бѣдности ученой литературы, лекціи составляютъ единственное пособіе для приготовленія къ экзамену, а потому на практикѣ, для большинства студентовъ, посѣщеніе ихъ останется обязательнымъ, хотя бы законъ и не требовалъ этого. Замѣтимъ, что въ Германіи посѣщеніе избранныхъ студентами курсовъ обязательно.

Разсмотрѣвъ проектъ новаго устава, мы считаемъ долгомъ сказать, что въ главныхъ основаніяхъ онъ имѣетъ право на нашу благодарность. Онъ былъ, и по формѣ, и по содержанію, выраженіемъ либеральнаго взгляда на общественное воспитаніе. Коммиссія, которая составляла его, была собраніемъ не канцелярскихъ чиновниковъ, но людей, знакомыхъ съ преподаваніемъ не по слуху, а изъ собственнаго опыта. Это лучшій знакъ уваженія правительства къ нравственнымъ силамъ общества. Теперь остается только желать, чтобъ дѣло было завершено такимъ же достойнымъ образомъ. Сводъ замѣчаній на проектъ и извлеченіе изъ нихъ новаго устава необходимо поручить также спеціалистамъ, а не членамъ обыкновенной администраціи. Иначе замѣчанія пропадутъ безплодно. Рутина не должна налагать свою руку на новый законъ университетской жизни. Будемъ надѣяться также, что реформа не замедлится, и что нашимъ университетамъ не придется слишкомъ долго ожидать своего обновленія.

Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы, съ введеніемъ устава, для

университетовъ началась новая эпоха, внѣ всякихъ колебаній, и чтобы они могли впередъ разсчитывать на дѣятельную поддержку не только собственнаго начальства, но и всѣхъ отраслей нашей администраціи. Правильный ходъ университетовъ возможенъ только подъ условіемъ, чтобъ распоряженія различныхъ вѣдомствъ, когда они къ нимъ относятся, не переходили въ рѣзкую разноголосицу. Къ несчастію, до сихъ поръ такихъ случаевъ было слишкомъ много.

XXXVII.

Преосвященнаго Антонія, епископа Смоленскаго.

Глава первая. Общія положенія.

1. Послѣ понятія объ университетѣ не указана его цѣль. А это необходимо. Опредѣленіе цѣли само собою дало бы твердое основаніе для устава университетскаго, и всѣ положенія, поколику имѣли бы связь и вытекали бы изъ понятія о цѣли, были бы ясны и логичны. Безъ этого же многое представляется не довольно яснымъ и основательнымъ и чисто-произвольнымъ; многаго недостаетъ. Опредѣлить ясно цѣль университета въ уставѣ необходимо и для правительства, чтобы сообразно съ нею установить взаимныя его къ себѣ и свои къ нему права и обязательства, и сообразно съ тѣмъ того или другаго ожидать и требовать отъ университетовъ. Знать ясно и опредѣленно цѣль университета нужно сословію служащихъ въ немъ начальниковъ и наставниковъ, чтобы, имѣя въ виду эту цѣль, они всѣ дѣйствовали согласно къ ея достиженію, не противорѣча другъ другу, и вели учащихся именно туда, куда должно. Столь же нужно знать и всегда ясно имѣть передъ глазами цѣль университета и учащимся, дабы вести себя въ немъ и располагать свои занятія не какъ попало, какъ кто хочетъ, а какъ должно. Логичность этого требованія такъ сама собою ясна и понятна, что, кажется, невозможно сомнѣваться въ семъ. Опытъ дастъ новое побужденіе къ тому, чтобы въ самомъ началѣ новаго устава опредѣлить ясно цѣль университетовъ. Въ послѣднее время въ университетахъ произошли волненія и стол-

кновенія съ привительствомъ, обнаружившія въ нихъ развитіе духа очень недобраго. Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ—безкорыстнымъ ученьемъ, университеты стали заниматься политическими демонстраціями и пропагандою разныхъ вредныхъ ученій. Конечно, этимъ показали они, что не знаютъ, или забыли и потеряли изъ виду истинную цѣль своего учрежденія. Это обстоятельство вынудило временно закрыть Петербургскій университетъ и едва терпѣть существованіе другихъ. Это, кажется, было побужденіемъ и къ составленію новаго устава для университетовъ. Почему же, при составленіи сего устава, упущено изъ виду, прежде всего, указать то, что̀ забыто или совсѣмъ было незнаемо, а между тѣмъ необходимо? Что цѣль университетовъ забыта была или вовсе незнаема самымъ сословіемъ университетскимъ учащимъ и учащимся,—это ясно и изъ того, что въ послѣднее время многіе журналы наши напечатали рядъ статей о томъ, чѣмъ должны быть у насъ университеты, то есть какая цѣль ихъ существованія. Въ рѣшеніи сего вопроса разошлись тѣ, которые о семъ разсуждали. Одни говорили, что университеты должны быть учебно-воспитательными учрежденіями, другіе утверждали, что они должны быть учено-образовательными, а отнюдь не обязаны быть воспитательными. Споръ ничѣмъ опредѣленнымъ не кончился, и значитъ цѣль университетовъ не сознана ясно. Не слѣдуетъ ли по этому непремѣнно опредѣлить ее въ новомъ уставѣ? Составители проекта устава сами, кажется, чувствовали нужду въ этомъ, но странно, что вспомнили о семъ только послѣ написанія проекта, и упустивъ сказать о цѣли университета — въ своемъ мѣстѣ — въ самомъ началѣ, сказали въ концѣ, и то не въ самомъ проектѣ, а въ объяснительной къ нему запискѣ. Если объясненіе цѣли университетовъ представилось нужнымъ для чего-либо по написаніи проекта, то очевидно эта нужда удовлетворена была бы сама собою, еслибы цѣль указана была въ своемъ мѣстѣ — въ началѣ, и не было бы надобности въ особенной объяснительной запискѣ.

Но положимъ, что цѣль университетовъ указана, хотя и поздно и не въ своемъ мѣстѣ, въ объяснительной запискѣ. Спрашивается: достаточна ли эта цѣль? Тамъ сказано, что «признано необходимымъ удержать за университетами цѣль, которую они имѣли донынѣ, т. е., что университеты должны быть высшими учебными учрежденіями для образованія молодыхъ людей, уже получившихъ и доказавшихъ познанія, необходимыя для пониманія и отчетливаго усвоенія лекцій». Во-первыхъ, не видно, почему именно при-

знано необходимымъ поступить такъ, т. е. удержать за университетами прежнюю цѣль; во-вторыхъ, не сказано, гдѣ это была опредѣлена донынѣ существовавшая цѣль университетовъ: въ Сводѣ ли Законовъ, или въ прежнемъ уставѣ университетскомъ, или она существовала только de factu. Въ-третьихъ, цѣль за университетами признана лишь учебная — «образованіе молодыхъ людей съ серьёзнымъ научнымъ направленіемъ», какъ выражено далѣе въ объяснительной запискѣ. Достаточно ли этого? Рѣшительно не достаточно. Образованіе науками, знаніе отнюдь не есть само по себѣ цѣль, а предполагаетъ цѣль впереди и есть только средство къ цѣли. Слѣдовательно и университеты, если они возьмутъ на себя только образованіе науками молодыхъ людей, хотя бы то и серьезное, они будутъ достигать еще незначительной цѣли, или лучше— не будутъ доводить до настоящей цѣли. Они должны имѣть въ виду учащихся не поодиночкѣ, а въ связи съ обществомъ. Претендуя имѣть огромное вліяніе на общество, они непремѣнно должны предположить своею цѣлію образованіе молодыхъ людей именно для этого общества, не просто съ серьезнымъ только научнымъ направленіемъ, а съ добрымъ и полезнымъ направленіемъ практическимъ для служенія обществу, должны приготовлять хорошихъ, умныхъ и полезныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ жизни и службы общественной. Почему же ясно не указать такой цѣли въ уставѣ университетскомъ, съ тѣмъ, чтобы къ этой именно цѣли вели учащіе и шли учащіеся? Самый составъ факультетовъ университетскихъ таковъ, что предполагаетъ науку отнюдь не для науки только. Такъ факультеты юридическій и медицинскій, очевидно, имѣютъ въ виду приготовленіе къ службѣ на поприщѣ общественномъ; да и факультеты историко-филологическій и физико-математическій не могутъ уволить себя отъ обязанности имѣть впереди ту же цѣль, и на самомъ дѣлѣ даютъ обыкновенно наставниковъ въ гимназіи и чиновниковъ въ разныя вѣдомства статской службы, слѣдовательно слугъ на поприщѣ общественномъ. А такимъ образомъ само собою разумѣется, что не довольно университетамъ имѣть только ту цѣль, чтобы образовывать молодыхъ людей съ серьезнымъ ученымъ направленіемъ, а надобно, повторяю, желать, чтобы они образовывали съ добрымъ и истинно полезнымъ направленіемъ, дабы, вступивъ въ жизнь общественную, воспитанники университетовъ, явившись тамъ дѣятелями благотворными, а не какими бы то ни было, тѣмъ паче не вредными по своимъ убѣжденіямъ, началамъ и правиламъ нравственнымъ и по своему направ-

ленію, хотя бы оно было и серьезно-научное. Почему же, говорю опять, не сказать сего ясно въ уставѣ? Съ другой стороны, такимъ узкимъ опредѣленіемъ цѣли университетовъ они вовсе лишаются характера учрежденія воспитательнаго, какъ и въ самомъ дѣлѣ весь проектъ устава развитъ такъ, что опредѣлены правила лишь для учебной части, а о воспитательной почти и помину нѣтъ. Но хорошо ли это? Гдѣ же будетъ воспитываться значительная часть юношества, если университеты не берутъ этого на себя? Полагается, что въ университеты будутъ поступать 17-лѣтніе юноши. Хотя они и должны быть уже кончившіе курсъ въ среднихъ заведеніяхъ; но ужели можно думать, что въ 17 лѣтъ юношѣ уже не нужно воспитательное руководство? Ужели можно предположить въ нихъ настолько развитый умъ и утвердившійся въ нравственныхъ правилахъ характеръ, чтобы считать конченнымъ ихъ воспитаніе и оставить ихъ безъ всякаго нравственнаго вліянія подъ надзоромъ одной полиціи? Едва ли это раціонально и гуманно. Отцы и матери, отпуская за сотни верстъ дѣтей въ университетъ, находятся въ крайней опасности за нихъ, потому что тамъ нѣтъ никакого попеченія объ ихъ нравственномъ воспитаніи. Опытъ оправдываетъ этотъ страхъ родителей за дѣтей своихъ. Неужели это не должно быть уважено и принято на видъ при преднамѣреваемомъ преобразованіи и составленіи новаго устава для университетовъ? Если побужденіемъ къ сему преобразованію служили бывшіе въ послѣднее время въ университетахъ безпорядки, то они и на будущее время не предотвратятся, когда преобразованія будутъ касаться одной лишь учебной и внѣшней административной части, и университеты будутъ преслѣдовать одну лишь учебную цѣль. По мнѣнію моему, и увѣренъ, что по мнѣнію очень многихъ благомыслящихъ людей, не должно оставить этого безъ вниманія и нужно, кромѣ учебной цѣли, указать университетамъ и цѣль воспитательную, и въ § о цѣли университетовъ выразиться такъ, чтобы упомянуть не только о серьезномъ научномъ, но и о добромъ нравственномъ направленіи учащихся, дабы воспитать и приготовить изъ нихъ не ученыхъ только людей, но и добрыхъ и полезныхъ слугъ обществу на разныхъ поприщахъ служенія общественнаго. Сообразно съ этою цѣлію окажется надобность многое дополнить и исправить въ цѣломъ проектѣ.

2. Объясненіе названія университетовъ Императорскими, кажется, не полно и неудовлетворительно. Ужели они носятъ такое названіе только потому, что пользуются покровительствомъ Импе-

раторскимъ и ужели другія учрежденія лишены этого покровительства? Правда, сказано, что они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ; но въ такомъ случаѣ весьма бы не лишнее знать, почему и для чего это особенное покровительство.

Глава вторая. Отд. I.

17. Для богословской каѳедры полагается одинъ наставникъ. Этого мало, потому что на него возлагается обязанность преподавать четыре науки: богословіе догматическое, богословіе нравственное, церковную исторію и церковное законовѣдѣніе. Нѣтъ возможности одному преподавать всѣ сіи науки удовлетворительно и вести ихъ въ параллели съ прочими науками. Необходимъ профессору богословія по крайней мѣрѣ адъюнктъ, который бы преподавалъ напр. одну церковную исторію. Область сей науки весьма тѣсно примыкаетъ къ области гражданской исторіи, и истина часто до крайности искажается, потому что гражданскіе историки смотрятъ на соприкосновенные съ ихъ предметами церковныя дѣла съ своей точки зрѣнія и односторонно. Весьма нужно, для пользы науки и истины, дать возможность церковной исторіи идти въ параллель съ гражданскою и устранять такую односторонность. Другой наставникъ, преподавая прочія науки, можетъ съ своей стороны серьезнѣе ими заниматься и тѣмъ большее имѣть вліяніе на слушателей. Другое лицо на каѳедрѣ богословской нужно и потому, что профессоръ богословія въ университетѣ бываетъ обыкновенно и настоятелемъ церкви университетской. Если церковь существуетъ тамъ не для одной формы, а съ тѣмъ, чтобы служеніе въ ней и служители ея имѣли какое-нибудь благое нравственно-религіозное вліяніе, то и для этого весьма нуженъ главному настоятелю церкви помощникъ, дабы, по весьма значительному числу учащихся въ университетѣ, вліяніе на нихъ церковно-нравственное было сколько возможно болѣе. Что на цѣлую каѳедру богословскую дается одинъ преподаватель, это не хорошо уже и потому, что имѣетъ видъ пренебреженія къ сей каѳедрѣ сравнительно съ другими, и мысль такую естественно внушаетъ учащимся. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что изъ учащихся въ университетѣ бываютъ и такіе, которые хотѣли бы слушать богословскія лекціи сколько возможно полнѣе и и удовлетворительнѣе: почему не дать возможности къ сему, тогда какъ для другихъ предметовъ, отнюдь не столь важныхъ, какъ богословіе, дается такая возможность нерѣдко для самаго малаго числа слушателей.

Глава третья. Отд. I.

27. Не сказано, кто занимаетъ мѣсто предсѣдателя въ совѣтѣ, въ случаѣ болѣзни, или отлучки ректора, или когда идетъ дѣло о выборѣ самого ректора.

Глава четвертая. Отд. II.

62. «Ректоръ наблюдаетъ, чтобы университетское преподаваніе шло съ успѣхомъ и въ надлежащей постепенности». Неужели же нѣтъ надобности наблюдать, чтобы шло въ хорошемъ и полезномъ направленіи и не причиняло направленія вреднаго и враждебнаго для правительства, для религіи и нравственности? Ибо и это, къ сожалѣнію, бываетъ, и за симъ наблюдаютъ и принимаютъ противъ сего мѣры и въ либеральныхъ странахъ, какъ Францiя и Пруссія, гдѣ недавно были случаи запрещенія лекцій съ вреднымъ направленіемъ. Почему же не упомянуть объ обязанности ректора наблюдать, чтобы этого не было, дабы и преподаватели это знали и учащіеся? Развѣ наблюденіе за симъ не можетъ стоять рядомъ и можетъ мѣшать успѣху и постепенности преподаванія?

Отдѣленіе III.

84. «Преподаватели обязаны излагать порученный имъ предметъ согласно съ современнымъ требованіемъ науки». Ужели опять только? Ужели они не обязаны преподавать еще согласно напр. съ христіанскими, религіозными и нравственными началами, а также согласно, по крайней мѣрѣ не вопреки законамъ государственнымъ? Или это само собою разумѣется и предполагается? Но, во-первыхъ, само собою могло бы разумѣться и то, что преподаваніе не должно быть отсталое, а должно быть современное: однако же о семъ въ проектѣ найдено нужнымъ упомянуть. Во-вторыхъ, опытъ показываетъ, что это само собою разумѣваемое и предполагаемое часто нарушается. Ибо выносимыя нерѣдко изъ университетовъ воспитанниками оныхъ понятія и ученія рѣшительно антихристіанскія и антиправительственныя, конечно, не вѣтромъ въ нихъ надуваются, а почерпаются, если не вообще, то частію изъ лекцій преподавателей. Преподавать согласно съ современнымъ требованіемъ науки—это правило весьма неопредѣленно, и руководствомъ для преподаванія служить отнюдь не можетъ. Нынѣ, напр., на Западѣ современное направленіе философіи часто матеріалистическое, ведущее къ разрушенію всѣхъ истинныхъ началъ и религіозныхъ

и нравственныхъ. Ужели у насъ должно дозволить преподаваніе философіи въ этомъ направленіи потому, что оно современное, и неужели не дозволить преподавать ее тому, кто бы нашелся съ другимъ направленіемъ? Недавно въ Парижѣ являлся, вѣроятно съ современнымъ, но враждебнымъ христіанству взглядомъ на предметъ своей науки, Еврей-преподаватель, и — тамъ его не потерпѣли: ужели у насъ, подъ фирмою согласія съ современнымъ требованіемъ науки, это можетъ быть терпимо, и не только терпимо, но даже требуется? Какъ угодно, а необходимо въ уставѣ этотъ § дополнить и исправить. Невозможно допустить, чтобы въ учрежденіяхъ, основанныхъ, содержимыхъ и покровительствуемыхъ христіанскимъ правительствомъ, преподавалось что-либо несогласное съ религіозными и нравственными началами и враждебное государственному порядку, хотя бы это тысячу разъ считалось и называлось согласнымъ съ современнымъ требованіемъ науки.

Отдѣленіе IV.

87. «Наблюденіе за исполненіемъ въ университетѣ правилъ, установленныхъ для студентовъ и другихъ слушателей возлагается на особое лице, избираемое совѣтомъ университета, или изъ членовъ онаго, или изъ стороннихъ чиновниковъ». Наблюденіе за студентами ниже, въ § 125, предполагается ограничить лишь стѣнами университета и при томъ въ § 122 всѣ ихъ обязанности заключены въ трехъ пунктахъ. Какая надобность, при такой ограниченности обязанностей, въ постороннемъ чиновникѣ? Не лучше ли положить общимъ правиломъ назначать всегда проректора или инспектора изъ членовъ университета? Такое лице будетъ всегда имѣть и болѣе авторитета и вліянія. Если же пришлось бы гдѣ-нибудь искать для сего сторонняго чиновника, то необходимо опредѣлить хотя общія условія, требуемыя въ такомъ чиновникѣ: ибо не всякій же чиновникъ, каковъ бы ни былъ, можетъ быть инспекторомъ въ университетѣ. Есть и такіе, которые ни по образованію, ни по нравственнымъ качествамъ не только не могутъ имѣть авторитета и полезнаго вліянія, но могутъ быть положительно вредны.

89. «Въ случаяхъ, превышающихъ власть, предоставленную проректору или инспектору, онъ входитъ съ представленіемъ въ совѣтъ или въ правленіе». Почему же ближе сперва къ ректору не обращаться ему въ такихъ случаяхъ, и почему ни слова даже не сказано объ отношеніяхъ его къ ректору, тогда какъ лучше

всего, если между этими обоими лицами будетъ самое близкое отношеніе.

90. «Въ помощь проректору или инспектору назначаются нѣсколько чиновниковъ, а для дѣлопроизводствъ секретарь». И одному лицу почти нечего дѣлать, если надзоръ ограниченъ будетъ такъ, какъ сказано въ §§ 122 и 125, а тутъ даются ему еще нѣсколько чиновниковъ и даже секретарь. Много ли можетъ быть у него дѣлъ для письма? И для чего не предоставить ему право пользоваться для дѣлъ письмоводителемъ изъ канцеляріи правленія, коего проректоръ или инспекторъ долженъ быть членомъ.

Глава пятая. Отд. I.

97 и 98. Отчего только кончившіе курсъ въ гимназіяхъ, или непремѣнно выдержавшіе тамъ экзаменъ могутъ быть приняты въ университетъ? Для чего, напр., воспитанниковъ духовныхъ академій, а также и духовныхъ семинарій съ лучшими аттестатами не допускать, безъ гимназическаго экзамена, прямо къ письменному испытанію въ университетѣ?

103. «Отъ постороннихъ лицъ, желающихъ слушать лекціи въ университетѣ, требуется только совершеннолѣтіе». Достаточно ли этого?

Отдѣленіе II.

104. Плата за слушаніе лекцій, кажется, слишкомъ велика и обременительна. И половины ея было бы достаточно.

Отдѣленіе III.

113. «Стипендіатъ, не оказавшій успѣховъ въ наукахъ, или замѣченный въ неодобрительномъ поведеніи, лишается права на дальнѣйшее полученіе стипендіи». Здѣсь мимоходомъ упомянуто о поведеніи студентовъ и о томъ, что на него обращается нѣкоторое вниманіе, и оно замѣчается. Но, во-первыхъ, для одобрительнаго поведенія указывается корыстная цѣль, и оно представляется такимъ образомъ нужнымъ и небезразличнымъ для учащихся только поколику они могутъ нуждаться въ стипендіи. Во-вторыхъ, кто будетъ замѣчать неодобрительное поведеніе стипендіатовъ? Внѣ университета, какъ будетъ сказано ниже, студенты изъемлются изъ всякаго надзора своего начальства и предоставляются полиціи. Значитъ, полиція должна замѣчать за стипендіатами, и давать свидѣтельства о ихъ поведеніи?

Отдѣленіе IV.

118. «Испытаніе студентовъ предполагается производить только два раза въ продолженіе курса: разъ — послѣ двухъ лѣтъ, и въ другой—по окончаніи курса». Нельзя полагаться, чтобы большая часть студентовъ, изъ коихъ многіе будутъ въ 17 лѣтъ юноши, безъ этой необходимой подпорки — экзаменовъ по крайней мѣрѣ годичныхъ, не ослабѣли въ занятіяхъ и не обезпечились. Надобно бы удержать по крайней мѣрѣ годичныя испытанія, особенно для стипендіатовъ, чтобы было для нихъ болѣе побужденія усердно заниматься науками и начальству знать, заслуживаютъ ли они на дальнѣйшее время выдаваемой имъ стипендіи.

Отдѣленіе V.

122. «Студенты и постороннія лица, слушающія лекціи, обязаны соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный правилами». Почему же только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ? А внѣ оныхъ ужели не обязаны и имѣютъ право нарушать, и соблюдаютъ ли они или нѣтъ эти правила и вообще правила дисциплины и благочинія внѣ университета, ужели до этого нѣтъ дѣла университету? Далѣе исчисляются въ семъ § три предмета, запрещаемые въ зданіяхъ университета? Почему же только эти три, и именно: а) выраженіе одобренія или порицанія преподаваній, б) сборище въ университетѣ и его учрежденіяхъ для цѣлей недозволенныхъ начальствомъ и в) составленіе прошеній и собираніе подписокъ? Все другое непорядочное ужели не запрещается? Эти запрещенія не выведены изъ какого-либо общаго начала благоповеденія и дисциплины, требуемыхъ въ университетѣ и опредѣляемыхъ самою его цѣлію и значеніемъ, а набраны случайно, по поводу бывшихъ въ послѣднее время безпорядковъ. Набирать и сшивать такимъ образомъ правила порядка — не логично, и придется каждый разъ, по поводу новаго какого либо случая, вновь писать уставъ и вводить въ него новыя правила.

125. «Наблюденіе за студентами лежитъ на обязанности университета только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ онаго, внѣ же сихъ мѣстъ студенты подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общихъ основаніяхъ». Такое положеніе вытекаетъ естественно изъ ограниченія цѣли университетовъ одною учебною стороною. Но справедливо ли оно и по совѣсти ли университетское начальство сбрасываетъ съ своихъ плечъ попеченіе о студентахъ внѣ стѣнъ университетскихъ, и предоставляетъ ихъ одной полиціи? Конечно,

это бремя не легкое, но тѣмъ не менѣе обязательность его такъ очевидна, что отрицать ее невозможно, и, сбрасывая оное съ себя, университетское начальство напрасно будетъ думать, что оно чрезъ то освободится отъ отвѣтственности предъ Богомъ, предъ правительствомъ и предъ отцами юношей, воспитывающихся въ университетѣ. Какъ! учебное учрежденіе, на которое правительство не жалѣетъ издержекъ и жалованья, ожидая оттолѣ благовоспитанныхъ, добрыхъ и полезныхъ слугъ государству, куда отцы за сотни верстъ отпускаютъ дѣтей, не имѣя возможности сами продолжать тамъ надъ ними свое нравственное вліяніе, — это учрежденіе торжественно въ своемъ уставѣ отрицается отъ всякаго наблюденія и заботы о своихъ питомцахъ внѣ стѣнъ своихъ и сбрасываетъ оныя на руки полиціи! Трудно, а надобно бы хотя чѣмъ-нибудь оправдать въ проектѣ такое ограниченіе университетомъ своихъ обязанностей, и не просто бросить такой § въ проектѣ, а вывести или подвести его хотя подъ какое-либо раціональное начало. Отъ чего же, спрашиваю, Дерптскій университетъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ наблюденія за студентами и за стѣнами своими? Отъ чего въ уставѣ его сказано: «Наблюденіе за студентами какъ въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета, такъ и внѣ оныхъ возлагается на проректора» и проч. Далѣе въ главѣ о проректорѣ говорится: «Къ вѣдомству проректора принадлежатъ всѣ дѣла по нарушеніямъ студентами правилъ дисциплины и благочинія». Наконецъ въ главѣ объ университетскомъ судѣ пишется, что сему суду «подлежатъ дѣла по нарушенію студентами дисциплины и благочинія». Какъ угодно, а Дерптскій университетъ справедливѣе и полнѣе сознаетъ свои обязанности къ своимъ воспитанникамъ, и въ семъ отношеніи весьма бы слѣдовало сообразить съ его уставомъ новый общій университетскій уставъ. Иначе печальныя явленія, бывшія въ университетахъ и прежде, а въ послѣднее время дошедшія до крайнихъ размѣровъ, будутъ всегда поворотяться. Правда, что трудный вопросъ о томъ, какъ учредить надзоръ за студентами внѣ стѣнъ университета такъ, чтобы онъ вполнѣ достигалъ цѣли. Но какъ бы ни былъ учрежденъ этотъ надзоръ, все же, разумѣется добросовѣстно исполняемый хорошо выбранными лицами, онъ будетъ лучше совершеннаго отсутствія всякаго надзора, между тѣмъ какъ одна мысль, поданная студентамъ, что никому нѣтъ никакого дѣла до того, какъ они живутъ и ведутъ себя внѣ стѣнъ университета, можетъ уже дѣйствовать на нихъ весьма вредно.

Считаю нужнымъ прибавить еще одно замѣчаніе, на которое тоже наводитъ сравненіе новаго проекта университетскаго устава съ уставомъ Дерптскимъ. Въ семъ послѣднемъ сказано, что Дерптскому университету, между прочимъ, предоставляется «составлять особый Евангелическо-Лютеранскій церковный приходъ со всѣми правами и обязанностями, установленными для такихъ приходовъ уставомъ Лютеранскихъ въ Россіи церквей. Приходъ этотъ имѣетъ церковь, принадлежащую къ числу зданій университета». Прискорбно видѣть, что въ Нѣмецкомъ Лютеранскомъ университетѣ не забыли о своей церкви и нашли нужнымъ въ уставѣ упомянуть объ обязанностяхъ къ ней сословія университетскаго; а Русскіе православные унивртитеты и помину о своей церкви не сдѣлали въ проектѣ своего устава, хотя извѣстно, что въ каждомъ университетѣ есть свой храмъ въ самыхъ зданіяхъ университетскихъ. Почему же бы, по примѣру Дерптскаго устава, и въ уставѣ Русскихъ университетовъ не сказать: «Всѣ православнаго исповѣданія учащіе и учащіеся въ университетѣ составляютъ одинъ церковный приходъ, имѣющій свою приходскую церковь въ университетѣ, относительно которой и исполняютъ всѣ христіанскія обязанности» и проч. Скажутъ, что это само собою разумѣется. Но Дерптскій университетъ не довольствовался же тѣмъ, что само собою разумѣется, а не лишнимъ нашелъ сказать о томъ въ уставѣ. Съ другой стороны, очень хорошо извѣстно, какъ на самомъ дѣлѣ худо знаютъ и исполняютъ это само собой разумѣемое. Почему же не напомнить о томъ въ уставѣ, и зачѣмъ умолчаніемъ подавать соблазнъ и внушать мысль, что отношенія къ церкви и учащихъ и учащихся въ университетѣ есть дѣло вовсе стороннее и безразличное, что симъ пренебрегаетъ и за ничто считаетъ само начальство университетское и даже правительство, которое должно утвердить новый уставъ университетскій? Скажутъ еще, что исполненіе христіанскихъ обязанностей и отношеніе каждаго къ своей церкви есть дѣло совѣсти и свободы и отнюдь не терпитъ принужденія. Кому неизвѣстна эта стереотипная фраза? Но дѣло совѣсти и свободы есть и ученье, однако же пишутся правила и указываются обязанности и учащимъ и учащимся; однако же для успѣха ученья назначаются экзамены, даются награды успѣвающимъ, предоставляются права успѣшно кончившимъ ученье, т. е. все дѣлается, чтобы споспѣшествовать ученью и возбуждать болѣе къ нему ревности. Почему же лишать немощную еще совѣсть и свободу юношей, да и не юношей только, но нерѣдко и зрѣлыхъ мужей, въ

дѣлѣ религіи такой необходимой помощи и возбужденія, каковы— напоминаніе о долгѣ, внушеніе, примѣръ, что все отнюдь не есть принужденіе для совѣсти и свободы, а только побужденіе, безъ котораго природа наша вообще ни въ чемъ добромъ успѣвать не можетъ? Думаю такимъ образомъ, что и въ семъ отношеніи не лишнее было бы поступить въ уставѣ по примѣру Дерптскаго университета.

XXXVIII.

По поводу одного замѣчанія Н. И. Пирогова, профессора Харьковскаго университета, протоіерея Добротворскаго.

Въ 75 № С.Петербургскихъ вѣдомостей напечатаны «Замѣчанія» извѣстнаго Русскаго ученаго и педагога Н. И. Пирогова на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ. Въ числѣ другихъ параграфовъ, онъ сдѣлалъ свое замѣчаніе и на 17-й, въ которомъ говорится о преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ. Имя автора этихъ замѣчаній, пользующагося заслуженнымъ почетомъ по вопросамъ педагогіи и отечественнаго просвѣщенія,—важность вопроса, состоящаго съ связи со множествомъ другихъ, важнѣйшихъ,—наконецъ самая откровенность замѣчанія, о которой счелъ нужнымъ заявить г. Пироговъ, *первый* заговорившій объ этомъ предметѣ,—все это побуждаетъ насъ внимательнѣе вглядѣться въ смыслъ его замѣчанія.

Николай Ивановичъ Пироговъ — противъ обязательнаго посѣщенія лекцій богословія студентами всѣхъ факультетовъ. Доселѣ было и новымъ проектомъ предполагается, что лекціи богословія преподаются для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія. Преподаватели были убѣждены, что они приносятъ свою долю помощи молодому развивающемуся поколѣнію. Оставлять молодаго человѣка на степени его гимназическихъ свѣдѣній относительно религіи въ то время, когда его сознаніе быстро, не дѣтски раскрывается въ университетѣ, имъ всегда казалось дѣломъ, мало гармонирующимъ съ ихъ общими обязанностями къ воспитывающемуся юношеству. Умъ, развитый серьезнымъ мышленіемъ, не можетъ не

чувствовать внутренняго разлада, встрѣчая тутъ же, въ своей области, знанія элементарныя, дѣтскія, которыхъ онъ не имѣетъ средствъ ни принять, ни отвергнуть. Чувство не можетъ питаться ими, потому что оно крѣпнетъ вмѣстѣ съ развитіемъ человѣка въ мужа совершенна, требуетъ иной пищи, чѣмъ та, которою оно довольствовалось въ давніе, золотые годы. Дѣтскія чувства, дѣтскія вѣрованія — пріятныя воспоминанія и для зрѣлаго мужа. Но не въ воспоминаніи мы должны хранить сокровище вѣры, а въ живомъ, постоянно носимомъ нами, сосудѣ духа. Не хотѣлось бы видѣть такой разладъ въ новомъ поколѣніи. Авторъ «Замѣчаній» видитъ другія причины разлада, выражающагося безвѣріемъ, — именно онъ считаетъ его «прямымъ слѣдствіемъ анализа и скептицизма, внесеннаго въ поверхностное занятіе богословіемъ». Онъ думаетъ, что «обязательный, неполный курсъ этой науки (богословія) въ университетѣ, назначенный, подъ видомъ отдѣльной и самостоятельной каѳедры, для всѣхъ учащихся, принесетъ не пользу, а вредъ благочестію молодыхъ людей». Т. е. вредъ произойдетъ и происходитъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Пироговъ, именно отъ преподаванія богословія въ университетѣ. Удерживаемся отъ наименованія того чувства, которое испытали мы, при встрѣчѣ съ такимъ вовсе неожиданнымъ выводомъ. Мы искали объясненія этого вывода въ словахъ: «неполный курсъ», «поверхностное занятіе». Въ самомъ дѣлѣ, чего добраго можно ожидать отъ «такого» преподаванія и отъ «такихъ» занятій для «молодыхъ», развитыхъ людей съ «критическимъ направленіемъ и скептицизмомъ, которые необходимы при занятіи науками историческими, математическими и естественными»? Естественный выводъ, котораго мы и ожидали изъ этихъ посылокъ, тотъ, что надобно преподавать богословіе примѣнительно къ потребностямъ и состоянію слушателей. Приготовляясь къ этому заключенію, мы уже припоминали и примѣръ апостола (который, впрочемъ, мы не могли забыть): *млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте: но ниже еще можете нынѣ* (1 Кор. 3, 2), говорилъ онъ однимъ, — *совершенныхъ же есть твердая пища*, писалъ другимъ, *имущимъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ* (Евр. 5, 14). Если, думали мы, мало питательна и даже вредна взрослому человѣку дѣтская пища, то надобно замѣнить ее твердою пищею. Таково требованіе духовнаго и, по всей вѣроятности, тѣлеснаго врачеванія. Авторъ «Замѣчаній» даетъ, кажется, совѣтъ оставлять въ такомъ случаѣ паціента совсѣмъ безъ пищи. Почтенный авторъ, какъ извѣстно, отличный медикъ, но уже никакъ не духовный

врачъ. Курсъ богословія, приноровленный къ преподаванію въ университетѣ, по нашему мнѣнію, и въ самомъ дѣлѣ долженъ быть *не полный* не только сравнительно съ цѣлымъ составомъ богословскихъ наукъ, необходимымъ для студентовъ духовныхъ академій,— объ этомъ считаемъ излишнимъ распространяться, — но и по объему тѣхъ немногихъ наукъ, которыя доселѣ преподавались въ университетѣ. Самъ Николай Ивановичъ говоритъ: «пусть семинаріи (?) и духовныя академіи замѣняютъ для нихъ недостатокъ богословскихъ факультетовъ; пусть богословіе излагается въ нихъ, для посвященныхъ, въ полномъ его объемѣ». Мы вполнѣ согласны съ этимъ мнѣніемъ. Но въ системѣ христіанскаго вѣроученія есть истины коренныя, которыя ничто не мѣшаетъ раскрывать и для университетскихъ слушателей со всею полнотою и въ наукообразной формѣ, дабы христіанство въ понятіи людей мыслящихъ не было поставляемо въ ряду ученій философскихъ, болѣе или менѣе близкихъ къ нему по содержанію. Многимъ въ христіанскомъ ученіи нравятся какія-либо второстепенныя его принадлежности и нравственныя правила, и въ нихъ часто ставятъ сущность христіанства. Останавливаютъ, наприм., исключительное вниманіе на божественной заповѣди о любви, обнимающей все человѣчество безъ ограниченія племенемъ, состояніемъ образованности, близостію къ «намъ»; но эта высокая заповѣдь есть только результатъ другихъ христіанскихъ началъ. Надобно хорошо, не по дѣтски, не по однимъ катихизисамъ, изучать эти начала. Съ другой стороны, каждое время предлагаетъ свои запросы по отношенію къ христіанской наукѣ; въ обществѣ могутъ составляться и приниматься отъинуда мнѣнія, формулироваться рѣшенія поверхностныя, образующіяся случайно и далеко не согласныя съ здравымъ ученіемъ. Безъ сомнѣнія, эти запросы, мнѣнія и рѣшенія сильно интересуютъ университетскую молодежъ, которая не можетъ стоять гдѣ-либо въ сторонѣ отъ современныхъ требованій и движеній мысли. Думаемъ, что помощь, которую можетъ оказать имъ въ этомъ случаѣ преподаватель богословія научнымъ разборомъ составляющихся мнѣній, выясненіемъ смысла относящихся къ нимъ пунктовъ церковнаго ученія, есть самая благопотребная. И гдѣ она приличнѣе, законнѣе, благовременнѣе, какъ не въ такомъ заведеніи, которое можетъ называться средоточіемъ умственныхъ движеній? Чувство, обязывающее христіанскаго пастыря къ такой помощи, безпокоющее его въ случаѣ рѣшительной невозможности пособить дѣлу, можетъ находить себя совершенно удовлетвореннымъ: мы, по апостолу, *насаж-*

даемъ, — возращаетъ Богъ. Но отъ этихъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ пунктовъ вѣроученія и нравоученія, еще далеко до *полной* науки догматическаго или нравственнаго богословія, въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается въ духовной академіи. Мы ожидали отъ почтеннаго автора замѣчаній, болѣе углубленныхъ въ дѣло, которое ему могло быть вполнѣ извѣстно, какъ бывшему попечителю двухъ учебныхъ округовъ, одного за другимъ. Каждому, знакомому съ преподаваніемъ богословія въ университетахъ, извѣстно, какое неудобство встрѣчаютъ преподаватели въ обширныхъ программахъ по этому предмету, составленныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, наукообразно, стройно, но примѣненныхъ не къ университетскимъ, а развѣ къ академическимъ слушателямъ, или по крайней мѣрѣ къ семинарскимъ. Для этихъ послѣднихъ полное и подробное раскрытіе всѣхъ пунктовъ вѣроученія, какъ возможное только въ академіяхъ, замѣняется, въ нѣкоторой мѣрѣ, внѣшнею полнотою, по объему науки; тамъ понятна необходимость сказать «посвященнымъ», если не о всѣхъ предметахъ подробно, то о всѣхъ — непремѣнно. Но ничто не обязываетъ преподавателя къ такой формальной полнотѣ выполненія программы въ университетѣ, гдѣ препятствіемъ къ этому служитъ даже краткость времени и количество еженедѣльныхъ часовъ преподаванія. Мы ждали отъ почтеннаго автора, извѣстнаго своею педагогическою дѣятельностію, именно такого указанія на необходимость пересмотра программъ въ смыслѣ изложенныхъ нами соображеній, на предоставленіе профессорамъ богословія права представлять, куда слѣдуетъ, свои программы для утвержденія и одобренія, именно имъ, какъ людямъ, которые должны быть знакомы съ потребностями своихъ слушателей. Разумѣется, мы ждали всего этого напрасно. Мы думали даже подкрѣпить тѣ мѣста «Замѣчаній» почтеннаго автора, въ которыхъ говорится у него о недостаточномъ, поверхностномъ изученіи богословія, именно тѣмъ, что наши программы не приспособлены къ потребностямъ слушателей, что преподаватели, занятые, съ одной стороны, мыслію объ удовлетвореніи требованіямъ программъ, съ другой — еще болѣе побуждаемые необходимостію приспособлять преподаваніе къ состоянію своихъ слушателей, можетъ быть, не въ силахъ были помирить между собою эти противорѣчивыя, тянущія ихъ въ разныя стороны, требованія. Мы всегда готовы подвергнуть нареканію скорѣе всего самихъ себя, нежели то дѣло, которое намъ поручено, и котораго важность мы разумѣемъ.

Впрочемъ, Николай Ивановичъ Пироговъ нигдѣ прямо не ука-

зываетъ на недостатки преподаванія, какъ причину отрицательныхъ, совершенно обратныхъ результатовъ, производимыхъ обязательнымъ слушаніемъ богословскихъ лекцій. Мы могли бы объяснить въ свою пользу это молчаніе, тѣмъ болѣе, что авторъ «Замѣчаній» обѣщался высказывать ихъ со всею откровенностію. Но замѣтка его такъ коротенька, количество признаковъ, обрисовывающихъ положеніе дѣла, такъ многосложно, что нѣтъ возможности произвести строгое разграниченіе между положеніями, высказанными г. Пироговымъ. Они смѣшиваются между собою до такой степени, что не знаешь, на чемъ собственно сочинитель построеваетъ свои выводы, — неопредѣленность, весьма понятная, если не будемъ упускать изъ виду, что о предметѣ говорится въ первый разъ, что сочинитель, котораго высокое образованіе дѣлаетъ, по многимъ вопросамъ, оракуломъ, — имѣетъ желаніе сказать въ немногомъ многое. Въ самомъ дѣлѣ, чему приписывается въ «Замѣчаніяхъ» крайняя неуспѣшность преподаванія богословія въ университетѣ? Неполнотѣ курса она не можетъ быть приписана, какъ мы постарались (сколько успѣли) высказать это. Остаются еще двѣ причины: *поверхностное* и *обязательное* занятіе предметомъ. Соединять этихъ двухъ причинъ въ одну мы не можемъ; потому что самое обязательное занятіе (наприм. по каждому факультетскому предмету) можетъ быть и не поверхностнымъ. Поверхностное занятіе возможно со стороны студентовъ университетскихъ и академическихъ при всѣхъ возможныхъ родахъ преподаванія, обязательнаго и необязательнаго, неполнаго и самаго обширнаго. Потому, вовсе не удивительно, если, какъ замѣчаетъ г. Пироговъ, «опытъ научаетъ, что и у «посвященныхъ» научныя занятія богословскими предметами развиваютъ иногда скептицизмъ и направленіе духа, совершенно противоположное *чисто-религіозному*»: мы имѣемъ сильное подозрѣніе касательно серьезности и глубины научныхъ занятій «такихъ» посвященныхъ. Какъ ни яснымъ кажется случайное совпаденіе между изученіемъ предмета обязательнымъ и поверхностнымъ, — но если въ замѣчаніяхъ Николая Ивановича эти качества нигдѣ не стоятъ рядомъ, то поставляются въ самой тѣсной связи между собою, по которой одно изъ нихъ раждаетъ другое, — обязательное занятіе раждаетъ поверхностное. Чтобы разъяснить эту, на первый взглядъ, непонятную для насъ, признаемся, даже странную зависимость одного качества отъ другаго, мы не станемъ долго останавливаться на тѣхъ основаніяхъ этой связи, которыя почтенный авторъ приводитъ изъ извѣстныхъ ему опы-

товъ, можетъ быть извѣстныхъ ему по медицинской практикѣ, изъ случаевъ, подходящихъ подъ какой-нибудь отдѣлъ психіатріи, или науки о душевныхъ болѣзняхъ. Просимъ нашихъ читателей быть увѣренными, что мы не позволили бы себѣ этой догадки, еслибы не были наведены на нее слѣдующими выраженіями ученаго: «я говорю изъ опыта: я зналъ многихъ молодыхъ людей университетскаго образованія, которыми овладѣвало безвѣріе по мѣрѣ того, какъ они принимались за *обязательное* изученіе богословія». Непосредственно передъ этою фразою говорится о *поверхностномъ* занятіи богословіемъ: «прямое слѣдствіе анализа и скептицизма, внесенныхъ въ *поверхностное* занятіе богословіемъ, есть безвѣріе». Никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы слово: *обязанность*, или *обязательность*, производило такое дѣйствіе на нравственно- и душевноздороваго человѣка. Мы, думаемъ, въ правѣ были сказать, что случаи, извѣстные автору, были исключительные, что изъ нихъ, слѣд., не слѣдуетъ дѣлать общихъ выводовъ. Но мы и не желали долго останавливаться на этомъ мѣстѣ «Замѣчаній», зная, что подобные промахи легко могутъ быть, когда говорится о дѣлѣ въ первый разъ, когда хочется сказать въ немногомъ многое; этотъ промахъ можетъ случаться со всѣми и особенно съ слишкомъ передовыми людьми, для мысли которыхъ часто приходится подбирать и очищать данныя, — трудъ слишкомъ многосложный. Коренныя основы, на которыхъ утверждается выводъ ученаго о невыгодахъ *обязательнаго* занятія предметомъ, заключаются не въ этихъ случаяхъ исключительныхъ, а въ томъ, что *обязанность* заниматься богословіемъ для студентовъ университета, распредѣляющихся, какъ извѣстно, по факультетамъ, есть обязанность внѣшняя, не стоящая въ связи съ кругомъ тѣхъ наукъ, которымъ они себя посвящаютъ, — отзывающаяся характеромъ внѣшняго принужденія. Въ объясненіи мнѣній нашего ученаго мы не желали бы примѣшать ни одной черты, которая бы выходила изъ предѣловъ самыхъ мнѣній; потому выписываемъ подлинныя слова, только что представленныя нами въ изъясненіи: «можно было бы допустить вліяніе богословія на нравственность, еслибы къ изученію богословскихъ наукъ въ университетѣ приступали люди, достаточно приготовленные къ тому въ дѣтствѣ, *по внутреннему призванію*, или сдѣлавшіе себѣ серьезное изученіе этого предмета цѣлію жизни». Сюда же относится и восклицаніе: «sancta sanctis!». Пусть занимаются богословіемъ въ семинаріяхъ и академіяхъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, — съ этимъ мы совершенно согласны; но богословіе все-таки нельзя ста-

вить въ параллель съ факультетскими предметами. Справедливо было бы сказать: пусть юристъ занимается своими юридическими науками; зачѣмъ ему навязывать при этомъ и медицину? Но крайне несправедливо было бы повторить эту же самую фразу примѣнительно къ богословію. Можно быть юристомъ и, разумѣется, не быть медикомъ, и наоборотъ: тутъ одна специальность противопоставляется другой; но нельзя въ такомъ же точно смыслѣ сопоставлять предметъ спеціальныхъ «моихъ» занятій съ дѣломъ религіи. Есть люди, спеціально приготовляющіе себя къ служенію пастырскому; въ этомъ служеніи они видятъ свое *призваніе* и цѣль жизни — для нихъ изученіе богословія *обязательно* во всей его полнотѣ и обширности. Но тѣмъ не менѣе и для каждаго христіанина *обязательна* извѣстная мѣра познанія богословскаго. Трудность состоитъ въ опредѣленіи этой *мѣры*. Объ этой мѣрѣ для университетскихъ слушателей мы уже сказали; замѣтимъ только, что никакое частное призваніе, никакая спеціальность, никакая цѣль жизни не освобождаютъ человѣка отъ обязанности знать эту свою мѣру богословія. Окончитъ человѣкъ свое образовательное поприще въ заведеніи, — забота объ исполненіи этой обязанности возлагается на его совѣсть, на совѣсть его приходскаго пастыря; но пока онъ еще не окончилъ этого поприща, по самой идеѣ образовательнаго заведенія, думаемъ не безъ причины, и въ новомъ проектѣ предполагается обязательное изученіе той доли богословской науки, которая соотвѣтствуетъ его духовному росту, степени его развитія и — самымъ условіямъ пониманія.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти, высказанныя нами, соображенія, въ «Замѣчаніяхъ» говорится: «страшно ошибаются тѣ, которые думаютъ *обязательнымъ* преподаваніемъ богословія сдѣлать учащихся нравственнѣе и предохранить ихъ отъ *матеріализма* и *безвѣрія*. Богословіе, *какъ наука*.... не можетъ этого сдѣлать, и даже не послужитъ къ распространенію благочестія между учащимися; это дѣло *задушевныхъ и теплыхъ религіозныхъ убѣжденій*, внушенныхъ съ колыбели, или вызванныхъ изъ души превратностями жизни, а не дѣло науки». Все-таки колыбель и впечатлѣнія дѣтства, по мнѣнію автора, главное мѣсто и образовательный источникъ религіозныхъ убѣжденій. Не имѣемъ мысли ослаблять важность первыхъ впечатлѣній дѣтства для воспитанія вообще, вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознаго; укажемъ на большее: *иже аще не пріиметъ царствія Божія яко отроча, не иматъ внити въ не* (Марк. 10, 15); но при этомъ помнимъ и другую заповѣдь: *не дѣти бывайте умы* (1 Кор.

14, 20). Чтобы сохранить въ себѣ живость, чистоту и цѣльность дѣтскаго чувства, надобна усиленная работа зрѣлаго ума. Сколько мы помнимъ, Николай Ивановичъ Пироговъ не въ первый разъ высказываетъ мысль о преимущественной, если не исключительной, важности задушевныхъ, теплыхъ сердечныхъ убѣжденій въ дѣлѣ религіознаго образованія. Въ циркулярахъ его, издававшихся въ Кіевѣ, выражалось требованіе, чтобы законоучители гимназій старались въ своихъ лекціяхъ по закону Божію главнымъ образомъ дѣйствовать на сердце воспитанника. Еще тогда же о. Лебединцевъ, законоучитель Бѣлоцерковской гимназіи, въ отвѣтъ на это требованіе совершенно вѣрно замѣтилъ, что надобно передать истину уму; полученное имъ представленіе дѣйствуетъ и на сердце. Не помнимъ слова до слова выраженій почтеннаго законоучителя; видимъ только, что мысль его не была принята. А она стоила того, чтобы быть принятою. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, эта классификація душевныхъ силъ и способностей, напоминающая схоластическія тонкости старыхъ психологій? зачѣмъ эти споры о преобладаніи той или другой силы въ духовномъ нашемъ организмѣ? Современная психологія уже сбросила эти оковы сухаго формализма. Намъ крѣпко не хотѣлось бы указывать на это различіе между старою схоластическою и новою школою психологіи, отличающеюся живымъ и глубокимъ пониманіемъ строя и раскрытія душевной жизни. Мы были убѣждены, что нашему знаменитому педагогу болѣе насъ извѣстна и понятна важность этого различія; мы чувствуемъ нѣкоторую неловкость, когда, по поводу его «Замѣчаній», напоминаемъ такія «старыя» истины, что гармонія психическихъ явленій у едва понимающаго дитяти такъ же не дозволяетъ выдѣлять изъ нея дѣятельность ума, ощущенія сердца и пр., какъ и у взрослаго человѣка, — что теплота сердечныхъ чувствованій и задушевность убѣжденій всегда стоятъ въ тѣсной связи съ нашими представленіями: то представленія возбуждаютъ засыпающее и холодѣющее чувство, то оно само вызываетъ и проясняетъ ихъ. Но необходимость напоминанія этихъ истинъ устраняетъ всякій другой разсчетъ, — тѣмъ болѣе, что чувство, не огражденное яснымъ и твердымъ представленіемъ, есть дорогая влага, для которой нѣтъ сосуда. Она легко можетъ испариться въ какомъ-нибудь туманномъ мистицизмѣ, или же остынуть и затвердѣть въ холодной пустынѣ индифферентизма и безвѣрія. Эти два, повидимому, противоположныя между собою религіозныя направленія сходятся въ одномъ: какъ то, такъ и другое останавливаются на одномъ чувствѣ. Ру-

ководясь имъ однимъ, мистикъ не хочетъ слушать никакихъ внушеній разумѣвающей вѣры; проповѣдникъ религіознаго индифферентизма думаетъ сберечь религіозное чувство помимо всякаго опредѣленнаго вѣроученія: потому всѣ вѣрованія для него безразличны. — Какъ намъ не цѣнить важности задушевныхъ, теплыхъ, *истинныхъ* религіозныхъ убѣжденій въ дѣлѣ жизни! Мы знаемъ, что «такое» убѣжденіе есть не только оружіе и оплотъ противъ матеріализма и безвѣрія, противъ нечестія и беззаконія, но и сила, побѣждающая міръ (1 Іоан. 5, 4). Мы желаемъ, чтобы это убѣжденіе было у всѣхъ и навсегда сохранялось. Если кто получилъ его еще въ колыбели, — мы хотѣли бы дать средства удержать его до гроба, если у чьей колыбели раздавались иныя пѣсни, ведущія къ инымъ убѣжденіямъ, — мы считаемъ своею обязанностію внушать истинныя убѣжденія. Если у кого святыя впечатлѣнія и убѣжденія дѣтства сдѣлались тусклы и слабы вслѣдствіе наплыва позднѣйшихъ впечатлѣній и идей, — наше дѣло и наша забота указать ихъ мѣсто въ душѣ развивающагося и зрѣющаго юноши и мужа, — и все это не иначе, какъ чрезъ наученіе, путемъ богословской науки!

Вызовутъ изъ души задушевное и теплое религіозное убѣжденіе превратности жизни; это — не дѣло науки, — говоритъ нашъ педагогъ, опытный въ дѣлѣ образованія юношества! Точно, превратности жизни вызываютъ изъ глубинъ духа такія сокровища, которыя долго были невѣдомы; но они уже были эти сокровища, они уже до такой степени были велики и значительны, что помогли человѣку выдержать опасный кризисъ; житейскія волны нашли въ душѣ человѣка твердый утесъ, о который разбились. А сколько, къ несчастію, бываетъ натуръ слабыхъ, бѣдныхъ, которыя не выдерживаютъ критическихъ обстоятельствъ жизни? у нихъ не было нужныхъ силъ. *Кто вѣсть, яже въ человѣцѣ?* У него, невидимо, часто незнаемо для него, слагаются глаголы, собираются замѣтки, изъ которыхъ составляется духовное богатство религіозныхъ, задушевныхъ убѣжденій. Но эти глаголы надобно слышать. *Како же услышатъ безъ проповѣдующаго* (Рим. 10, 14)? Эти замѣтки — та пища, которою укрѣпляется организмъ и дѣлается способнымъ къ перенесенію кризиса. Оставьте больнаго безъ помощи, когда знаете, что ему скоро грозитъ кризисъ, не подготовьте его, — не намъ говорить ученому доктору объ исходѣ кризиса. У насъ есть свои пріемы, научающіе, какъ подготовлять человѣка-христіанина къ перенесенію скорбей и напастей, этихъ неизбѣжныхъ кризисовъ

29*

человѣческой жизни. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ нужнымъ употреблять для этого богословскую науку.

Боится почтенный авторъ «Замѣчаній» за богословскую науку, поставленную въ средѣ, въ которой господствуетъ критическое направленіе съ его анализомъ и скептицизмомъ. Даже и тогда, когда за богословскою наукою стоитъ позади *внутреннее призваніе*, а вдали передъ нею опредѣленная *цѣль жизни*, не всегда, по его мнѣнію, бываютъ неопасны сомнѣнія и недоумѣнія — эти «неизбѣжныя слѣдствія всякаго научнаго анализа». Что же дѣлается съ нею, когда ея лекціи посѣщаютъ молодые люди, посвятившіе себя изученію исторіи, математики, медицины, естественныхъ наукъ, и внесутъ сюда свое обычное критическое направленіе и свой скептицизмъ? «*Безвѣріе*» и «decorum» — вотъ ея результаты! Боится почтенный авторъ, потому что имѣетъ въ виду только колыбельныя пѣсни и впечатлѣнія дѣтства. Но не страшились никакого анализа и скептицизма за свою науку ни Аѳанасій великій, ни Григорій, не слыхали и не слышимъ мы, чтобы опасались ихъ когда-либо и всѣ истинные учители Христовой вѣры, поучавшіе не гдѣ-нибудь, въ углу, тайно и сокровенно, но безбоязненно и предъ всѣмъ міромъ повѣдавшіе истину Божію во спасеніе и буіихъ и *премудрыхъ*.

Воззрѣніе на богословскую науку, высказавшееся у г. Пирогова въ опасеніи за успѣшное ея преподаваніе въ средѣ научнаго анализа и скептицизма, часто выражается въ литературѣ болѣе опредѣленнымъ и положительнымъ образомъ. На нее нерѣдко падаетъ нареканіе въ схоластицизмѣ, крайней сухости изложенія, безжизненности и отсталости. Мы желали бы сказать объ этомъ нареканіи, хотя оно не высказано въ замѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ. Прежде всего, — мы сами глубоко чувствуемъ, какую тяжесть испытывала въ нашемъ отечествѣ богословская наука отъ оковъ, наложенныхъ на нее средневѣковою латынью и формализмомъ схоластики, — какъ она задерживала ея развитіе, ослабляла и ограничивала ея вліяніе въ общественной, жизненной средѣ, — какъ она спутывала всѣ ея движенія, не внушала уваженія къ ней, возбуждала недовѣріе и опасеніе даже въ людяхъ, понимавшихъ ея достоинства. Но это печальное состояніе науки, бывшее для нея общимъ со всѣми другими науками, неизбѣжное при извѣстныхъ вліяніяхъ времени, уже съ нѣкотораго, довольно давняго времени, отходитъ въ область исторіи; новое движеніе, враждебное схоластикѣ, слишкомъ замѣтно въ сферѣ бого-

словской науки, — до того, что оно не могло не обнаруживаться многими отрадными явленіями. Не остались безъ пользы для нея ученые труды, а въ особенности устныя «чтенія» многихъ профессоровъ, начавшихъ свое поприще въ «преобразованныхъ» (съ 1809 г.) духовныхъ академіяхъ, продолжавшихъ и окончившихъ, или еще продолжающихъ въ другомъ родѣ служенія церкви — пастырскомъ. Живое, новое направленіе выражалось выступленіемъ духовной науки на общественную дѣятельность въ журналахъ, въ умноженіи и усиленіи проповѣдничества. Жизнь, возбуждаемая просвѣщенными дѣятелями, вліяла на духовную науку, которая съ своей стороны не оставалась безполезною для цѣлей жизни. Она разработывала частные вопросы, нашла въ себѣ силу сбросить оковы латыни, явиться въ почтенномъ видѣ во многихъ научныхъ опытахъ, изслѣдованіяхъ и изложеніяхъ. Въ наше время она болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуетъ необходимость стоять въ ближайшихъ отношеніяхъ къ требованіямъ и нуждамъ своего времени, — изучаетъ надобности современной жизни, условія дѣйствованія на современную мысль и расположенія эпохи. Насколько она успѣваетъ въ осуществленіи своей мысли, — не можетъ быть невѣдомою тайною для людей, сколько-нибудь внимательныхъ къ ея современному выраженію въ литературѣ. Не станемъ отрицать, что и въ области духовной литературы есть много явленій запоздалыхъ, много задачъ нерѣшенныхъ, требованій неудовлетворенныхъ, нуждъ не замѣченныхъ; возможны и есть случаи, когда, не смотря на то, что всѣ понимаютъ необходимость замѣнить устарѣвшее новымъ, какой-нибудь выжившій свое время учебникъ новымъ руководствомъ и т. п., — все еще держится упрямая схоластика. Но не замѣчать отрадныхъ явленій въ области духовной литературы и науки, останавливаться на одномъ томъ, отъ чего она сама стремится освободиться, и ей ставить въ упрекъ неизбѣжные остатки прежняго ея состоянія, пробавляться до сихъ поръ только «колыбельными пѣснями» и «сказками», повѣдающими о преданіяхъ старины касательно состоянія духовной науки, — и этимъ ограничивать объемъ религіознаго образованія и всѣ свѣдѣнія о состояніи богословской науки, требовать этой же мѣры знанія отъ другихъ и особенно отстаивать эти требованія — не есть ли, тоже, своего рода *обскурантизмъ*, тѣмъ болѣе опасный, что онъ касается самыхъ свѣтлыхъ сторонъ нашего духа и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ! Встрѣча схоластицизма съ требованіями современной науки, безъ сомнѣнія, не предвѣщаетъ ничего добраго для той науки, которая

не считаетъ нужнымъ сбрасывать грозныхъ нѣкогда доспѣховъ и вооруженій схоластики. Но кто же теперь серьезно станетъ упрекать нашу науку въ схоластицизмѣ? Замѣчая, какія убогія и скудныя свѣдѣнія о богословіи высказываются у насъ иногда людьми, которыхъ образованность мы не можемъ не уважать въ другихъ случаяхъ, — мы бываемъ удивлены, изумлены широтою и основательностію богословскихъ свѣдѣній, какія высказываютъ наприм. Англійскіе государственные люди въ своихъ публичныхъ рѣчахъ и замѣчаніяхъ (см. въ четвертой книжкѣ нашего журнала: «Лѣтописный листокъ», рѣчь Дизраэли о состояніи богословской науки въ протестанствѣ). А г. Дизраэли, сколько извѣстно, не былъ воспитанникомъ богословской коллегіи или факультета; мы хотимъ сказать, что у *передовыхъ* Европейскихъ народовъ общее богословское образованіе, въ духѣ ихъ вѣроисповѣданій, значительно велико и сильно; такого же знанія касательно отечественной православной вѣры мы желали бы и для нашихъ, по крайней мѣрѣ, *передовыхъ* людей. Развѣ невозможно и у насъ подобное распространеніе православно-богословскаго знанія! Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ распространенію его мы считаемъ преподаваніе богословія въ нашихъ университетахъ.

XXXIX.

Нѣсколько словъ по поводу замѣчаній Н. И. Пирогова, доктора философіи Г. Цунка.

Проектъ новаго устройства университетовъ, составленный особою коммиссіей, не былъ обнародованъ до сихъ поръ, и лишь нѣкоторыя части его сдѣлались извѣстными изъ замѣчаній Н. И. Пирогова; слѣдовательно, для всесторонняго обсужденія проекта нѣтъ необходимыхъ данныхъ, и намъ остается только руководствоваться замѣчаніями г. Пирогова, чтобы высказать наши личныя соображенія по этому предмету. Мысли наши о цѣли университетовъ и о средствахъ ея достиженія основаны на знакомствѣ нашемъ съ университетами иностранными и Русскими и на многолѣтнемъ размышленіи; чтобы избѣгнуть повтореній, считаемъ необходимымъ предпослать вкратцѣ наши основныя воззрѣнія, и затѣмъ уже раз-

смотримъ параграфы, въ которыхъ мы не сходимся съ г. Пироговымъ.

Свобода преподаванія, *свобода слушанія*, *автономія* университетовъ во внутреннихъ дѣлахъ, по окончаніи университетскаго курса *одинъ* экзаменъ, дающій право доступа къ высшимъ должностямъ въ государственной службѣ, смотря по тому, по какому факультету конченъ курсъ, — таковы неизмѣнныя основанія, на которыхъ зиждется процвѣтаніе университетовъ и которыя одни должны служить руководствомъ при ихъ устройствѣ. Всякое устройство, старающееся обойти эти основанія, не признающее ихъ и по политическимъ или инымъ причинамъ принимающее другія начала, можетъ только повредить свободной научной жизни, слѣдовательно, и развитію благоденствія и счастія отечества; такое устройство палліативно, и оно, раньше или позже, приведетъ къ противорѣчіямъ и внутренней неурядицѣ.

Свобода ученія основывается на самой сущности науки, непремѣнное условіе которой есть свободное изслѣдованіе и нестѣсненная передача ея истинъ всѣмъ, стремящимся къ одной и той же цѣли.

Свобода слушанія обусловливается свойствомъ нашей духовной природы, которая неспособна воспринимать механически всякое знаніе по приказу, но беретъ себѣ пищу, по собственному, произвольному выбору и, будучи независимою въ своемъ развитіи, можетъ возвыситься до болѣе глубокаго, слѣдовательно и полезнаго для свѣта образованія.

Профессоры и студенты, учащіе и учащіеся, составляютъ одно неразрывное цѣлое, одну большую семью, и потому, для процвѣтанія университета, необходима автономія въ дѣлахъ внутреннихъ, во всемъ, что касается преподаванія и администраціи. Этимъ нисколько не устраняется министерское вліяніе; напротивъ, оно всегда будетъ началомъ руководящимъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ, о которыхъ мы скажемъ, и окончательно-рѣшающимъ.

Для того, чтобы университеты, независимо отъ своего облагороживающаго вліянія на человѣка вообще, выполняли и свое спеціальное практическое назначеніе, всякій студентъ, желающій, по окончаніи курса, вступить въ государственную службу, обязанъ подвергнуться экзамену и доказать свое достаточное образованіе для опредѣленной практической цѣли. Только, по выдержаніи экзамена, должно предоставлять право на опредѣленіе въ высшую го-

сударственную службу. Существовавшая донынѣ система экзамена не вела къ истинному образованію.

Подобное разъясненіе этихъ четырехъ главныхъ условій, съ которыми, въ сущности, согласенъ и г. Пироговъ, завело бы меня далеко. Для предположенной цѣли достаточно сказаннаго. Предпослать это было необходимо: потому что, повторяю, устройство университетовъ, есть только послѣдствіе упомянутыхъ четырехъ условій, коль скоро университеты должны быть проводниками истиннаго просвѣщенія и гуманности.

§ 3-й. «Всякій университетъ ввѣряется особенному надзору попечителя.»

Если автономія университетовъ будетъ признана, какъ принципъ, то, по мнѣнію г. Пирогова, за попечителемъ останется только обязанность контроля надъ университетомъ и посредничество между университетомъ и министромъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться минимумомъ дѣятельности.

Но какъ попечители будутъ завѣдывать цѣлымъ учебнымъ округомъ, то, конечно, они сами пожелаютъ устранить отъ себя черезчуръ многосложныя отношенія къ университету. Можно было бы совершенно избавить ихъ отъ этого труда, еслибы, по примѣру Германскихъ университетовъ, нашли удобнымъ поручить контроль одному изъ профессоровъ, который бы отвѣчалъ министру за добросовѣстное исполненіе его предписаній. Это было бы не только болѣе согласно съ автономіей университетовъ, но имѣло бы еще и ту выгоду, что все сословіе профессоровъ, изъ среды котораго ежегодно выбирался бы исполнитель министерскихъ предписаній, отвѣчало бы солидарно за ихъ исполненіе. Прямо ли къ министру или къ назначенному министромъ лицу долженъ обращаться, со своими донесеніями, профессоръ, облеченный контролемъ, этотъ вопросъ не представитъ затрудненій. Будетъ ли называться такой профессоръ «ректоромъ» или иначе—дѣло неважное.

§ 6. «Число представителей университета опредѣляется штатомъ.»

Замѣчанія г. Пирогова на этотъ параграфъ заслуживаютъ быть серьезно обсужденными. Коль скоро признано начало автономіи университетовъ, то, само собою разумѣется, одинъ университетъ долженъ рѣшать и вопросы о числѣ каѳедръ, о ихъ замѣщеніи, о соединенныхъ съ ними обязанностяхъ и преимуществахъ и т. д. Если же министръ не захочетъ отказаться, въ этомъ случаѣ, отъ своего вліянія, то желанія университета легко могутъ быть согла-

сованы съ правами и обязанностями министра: университетъ будетъ представлять министру на утвержденіе каждаго кандидата на вакантную или на вновь учреждаемую каѳедру. Если ни одинъ изъ кандидатовъ, ни по своимъ познаніямъ, ни по своей извѣстности, не получитъ всѣхъ голосовъ факультета, то факультетъ можетъ предъявлять всякій разъ двухъ кандидатовъ со своимъ мнѣніемъ, предоставляя выборъ министру. Недостатокъ кандидатовъ на вакантную профессорскую каѳедру допустить едва ли возможно: ибо вмѣстѣ съ принципомъ свободы преподаванія образуется и система приватъ-доцентовъ, т. е. такихъ университетскихъ преподавателей, которые будутъ допущены читать лекціи послѣ выдержаннаго ими въ университетѣ, по своему предмету, экзамена. Приватъ-доценты, какъ младшіе представители науки, читаютъ, не имѣя въ началѣ притязаній на постоянное опредѣленіе со стороны университета, до тѣхъ поръ, пока есть, по ихъ предмету, опредѣленный правительствомъ профессоръ, и получаютъ отъ слушателей гонорарій, смотря по преподаваемой ими наукѣ и по числу часовъ. Если университетъ, цѣня заслуги приватъ-доцента, захочетъ назначить ему ежегодное пособіе (какъ то дѣлается и въ заграничныхъ университетахъ), то эта мѣра будетъ весьма полезна. Приватъ-доценты образуютъ не только резервъ будущихъ профессоровъ, но и служатъ лучшимъ средствомъ поддерживать старшихъ профессоровъ на пути научной жизни. Причина тому ясна: такъ какъ студенты не будутъ связаны въ выборѣ своихъ преподавателей, слѣдовательно, станутъ слушать того, кто кажется имъ превосходнѣе,—то всякій профессоръ долженъ бояться конкуренціи читающаго тотъ же предметъ приватъ-доцента, и по необходимости итти вслѣдъ за наукою, если не захочетъ лишиться своего значенія между студентами. Слѣдовательно, при открывшейся вакансіи, нечего опасаться недостатка въ кандидатахъ. Сказанное г. Пироговымъ о равноправности всѣхъ профессоровъ, не смотря на ихъ ученыя и другія заслуги, справедливо, равно какъ и то, что̀ онъ говоритъ о признанныхъ корифеяхъ науки; замѣчу только, что при выборѣ университеты должны имѣть въ виду не только знаменитость авторитетовъ, но и возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ научнаго преподаванія; это исполнимо только тогда, когда по каждому предмету есть нѣсколько способныхъ преподавателей, — что̀ опять-таки достигается системою приватъ-доцентовъ.

§ 8. «Проректоръ или инспекторъ принимаетъ участіе, какъ членъ, въ университетскомъ управленіи».

Система инспекторства и т. п. основывается столько же на неправильномъ пониманіи духа студенчества, сколько на недовѣріи, и уже по этой причинѣ возбуждаетъ противодѣйствіе, слѣдовательно, должна быть отмѣнена въ интересахъ университетовъ. Тотъ, кто довѣряетъ молодымъ умамъ, встрѣчаетъ довѣріе и съ ихъ стороны. Если университетъ есть дѣйствительно то, чѣмъ онъ долженъ быть—высшее училище образованія ума и нравовъ, то и студенты, сознавая такое назначеніе, покажутъ себя достойными его, и будутъ согласовать съ нимъ свое поведеніе. Опека же — начало отжившаго времени—наименѣе состоятельна относительно студентовъ. Къ прекраснѣйшимъ преимуществамъ студентовъ принадлежитъ именно мечта о свободѣ, чтобы впослѣдствіи тѣмъ усерднѣе подчиниться серьезной сторонѣ жизни. Дайте имъ нестѣсненную свободу, и они сумѣютъ оцѣнить этотъ драгоцѣнный даръ. Профессоръ, не могущій поддержать порядка въ своей аудиторіи, не можетъ быть терпимъ ни на каѳедрѣ, ни въ университетѣ. Уваженіе къ наукѣ и къ ея представителямъ такъ велико въ студентахъ, что рѣдко кто изъ нихъ забудется противъ профессора безъ уважительной причины; а еслибы это и случилось, то здравый смыслъ товарищей обуздаетъ подобнаго невѣжду. Тамъ же, гдѣ вся важность полагается въ формѣ, а не въ сущности дѣла; гдѣ профессоры считаютъ свое положеніе, какъ чиновниковъ, выше своего сана, какъ наставниковъ юношества и жрецовъ науки, — тамъ, конечно, нечего ждать уваженія къ нимъ студентовъ. Самъ университетъ имѣетъ средства предупреждать проступки противъ приличія и уваженія къ законамъ. Объ этомъ предметѣ скажу подробнѣе ниже.

§ 75. Доценты и приватъ-доценты остаются на службѣ университета только послѣ новаго избранія и утвержденія попечителя».

Не останавливаюсь на томъ, что говоритъ г. Пироговъ объ административномъ порядкѣ факультетовъ: эта формальность не имѣетъ существеннаго значенія; она должна быть предоставлена свободному соглашенію профессоровъ, разумѣется, при окончательномъ утвержденіи министра. По смыслу § 75, приватъ - доценты должны быть допускаемы лишь на время. Противъ этого нельзя найти довольно сильныхъ возраженій. Подобное ограниченіе ниспровергаетъ всю систему приватъ-доцентовъ. Кто же захочетъ избрать это поприще дѣятельности, зная, что его удалятъ, по прошествіи извѣстнаго времени, и притомъ безъ всякихъ притязаній на вознагражденіе со стороны правительства, единственно въ надеждѣ

попасть когда-нибудь въ число профессоровъ? Приватъ-доцентъ, разъ получившій дозволеніе читать въ университетѣ лекціи, долженъ составлять нераздѣльную часть его, если, по своимъ нравственнымъ качествамъ, онъ непредосудителенъ для чести университета. Въ такомъ случаѣ, университетъ имѣетъ право устранить его. Что время университетской дѣятельности приватъ-доцента должно быть зачтено ему въ службу, это само собою разумѣется. На чемъ основывается различіе между доцентомъ и приватъ-доцентомъ — не видно. Профессоры также доценты, т. е. учащіе. Слово «приватъ-доцентъ» можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда имъ будетъ обозначаться званіе университетскаго преподавателя не профессора.

§§ 81 — 83. «Профессоръ, выслужившій полную пенсію, оставляется на службѣ только послѣ новаго избранія и притомъ на пять лѣтъ».

Чтобы поддержать между профессорами живую научную дѣятельность и не допустить ихъ, при увѣренности въ обезпеченіи на 25 лѣтъ, до отсталости или полнаго застоя на поприщѣ науки, г. Пироговъ требуетъ, чтобы всякій профессоръ, выслужившій $12^1/_2$ лѣтъ, подвергался конкурсу, въ доказательство, что онъ можетъ и впредь занимать каѳедру. По моему убѣжденію, конкурсъ вообще есть несостоятельный методъ испытанія, а въ настоящемъ случаѣ и подавно. Конкурсъ, какъ необходимость, можетъ быть допускаемъ развѣ тогда, когда дѣло идетъ о лицахъ, способности и труды которыхъ неизвѣстны. Тамъ же, гдѣ есть на лице слишкомъ двѣнадцатилѣтняя дѣятельность, и преподавателя и ученаго, тамъ нѣтъ нужды въ конкурсѣ; и потому, не отвергая добраго намѣренія г. Пирогова, мы объявляемъ себя противъ предлагаемаго средства, ибо та же цѣль можетъ быть достигнута инымъ путемъ.

Въ самомъ требованіи, чтобы университетскій преподаватель, прослужившій $12^1/_2$ лѣтъ, былъ низводимъ на линію съ младшими учеными, быть можетъ, съ его же учениками, и состязался съ ними, заключается, по нашему мнѣнію, несообразность, несовмѣстная съ уваженіемъ къ званію профессора и съ достоинствомъ университета. Вѣдь самъ же университетъ испытывалъ, выбиралъ и утверждалъ профессора; какъ же, по прошествіи $12^1/_2$ лѣтъ, онъ заявитъ публично, посредствомъ конкурса, оскорбительное сомнѣніе въ его способностяхъ? И для чего? Чтобы профессоръ шелъ въ уровень съ наукою. Г. Пирогову извѣстно, что тотъ, кто не любитъ науки для самой науки, и не будетъ любить ея, не станетъ заниматься

ею, потому что тутъ замѣшаны матеріальныя выгоды, а тотъ, кому важнѣе всего матеріальныя выгоды, никогда не принесетъ пользы наукѣ; онъ всегда будетъ только чернорабочимъ, подобно лошади въ ступальной мельницѣ. Да и кто долженъ произносить приговоръ въ случаѣ конкурса, кому быть подлежащимъ судьею? Въ факультетѣ рѣдко найдется столько спеціалистовъ, которые были бы въ состояніи опредѣлить положительно, здраво, степень познаній конкурента по извѣстному предмету. Если приговоръ будетъ основываться на внѣшнихъ проявленіяхъ конкурента при чтеніи лекціи, на большей или меньшей самоувѣренности, то полузнайка-хвастунъ выиграетъ больше, чѣмъ истинный, но скромный ученый. Подъ личиною интересовъ науки, откроется просторъ интригѣ и духу партій. Да и что значитъ конкурсъ, когда одинъ изъ конкурентовъ заранѣе располагаетъ большинствомъ голосовъ; когда профессору, имѣющему на своей сторонѣ двѣнадцатилѣтнюю академическую опытность и еще болѣе продолжительный срокъ научнаго образованія, противопоставляются молодые ученые, которые, разумѣется, не обладаютъ, ни его степенью познаній, ни его опытностію, и развѣ своими научными способностями могутъ перевѣсить вѣсы? Но эти способности едва ли одержатъ побѣду, по недостатку въ подлежащихъ судьяхъ. Потому г. Пироговъ говоритъ совершенно справедливо, что профессоръ, читавшій $12^1/_2$ лѣтъ, всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе шансовъ. Такъ къ чему же конкурсъ? Чтобы приготовить молодымъ ученымъ горькую жизненную опытность, быть можетъ, еще горшее униженіе? Что же касается приговора, основывающагося на ученыхъ трудахъ, на результатахъ зрѣлыхъ сужденій, то и здѣсь конкурсъ будетъ въ пользу профессора, потому что предполагать зрѣлость въ ученыхъ трудахъ молодыхъ людей, при нынѣшнемъ состояніи наукъ, было бы нелѣпо. Относительно же условія, что профессоръ, во время своей университетской дѣятельности, подготовитъ, по крайней мѣрѣ, одного ученика, который можетъ быть опредѣленъ приватъ-доцентомъ, то на это условіе нельзя разсчитывать. Учащійся принимаетъ духовную пищу отъ всѣхъ профессоровъ, которыхъ слушаетъ, не говоря о соучастіи въ томъ прирожденныхъ способностей и прилежанія. Ни одинъ профессоръ не можетъ сказать о молодомъ ученомъ, что приготовилъ его: отъ такихъ ученыхъ пусть остерегутся наука и университетъ. Нѣтъ, я не могу одобрить предлагаемаго конкурса, и удивляюсь, какъ такой умный и опытный педагогъ, какъ г. Пироговъ, могъ признать конкурсъ двигателемъ научной жизни. Мнѣ кажется,

что если ужъ непремѣнно нужно какое-либо наружное средство для возбужденія научной дѣятельности (а еще лучше не прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ мѣрамъ), то оно должно быть примѣнено законнымъ путемъ, именно, чтобы члены того факультета, къ которому принадлежитъ оцѣниваемый профессоръ, рѣшали, единственно на основаніи его $12^1/_2$-лѣтней дѣятельности: оставаться ли ему или нѣтъ на каѳедрѣ? Допустивъ, что студентамъ предоставятъ полную свободу слушанія — вслѣдствіе чего и экзаменаторы не могутъ быть опредѣлены заранѣе, но всякій разъ должны выбираться по жребію — нельзя сомнѣваться, что о годности профессора образуется, въ теченіе $12^1/_2$ лѣтъ, безошибочное сужденіе, которое, вмѣстѣ съ обнародованными имъ учеными трудами, можетъ предохранить профессоровъ факультета, при произнесеніи приговора, отъ ошибки или отъ несправедливости. Надобно только остерегаться вѣрить модной проповѣди, распространяемой извѣстною частію журналистики, будто только одни молодые люди годятся на что-нибудь. Такое увлеченіе юныхъ журналистовъ извинительно, но для науки оно не значитъ ничего. Система приватъ-доцентовъ, основанная преимущественно на научномъ элементѣ, свобода преподаванія и слушанія — вотъ лучшее ручательство ученой дѣятельности между профессорами. Всѣ искусственныя возбуждающія средства окажутся безсильными.

§ 87. «Наблюденіе за исполненіемъ студентами университетскихъ правилъ возлагается на особое лице, избираемое изъ членовъ университетскаго совѣта или изъ другихъ лицъ».

Вопросъ: долженъ ли университетъ имѣть собственную судебную власть или слѣдуетъ допустить полицію? рѣшается въ первомъ смыслѣ, по причинѣ исключительнаго положенія университета. Всякій университетъ долженъ имѣть собственный судъ. Для этого не нужно массы чиновниковъ; нуженъ одинъ судья, уважаемый и по своему характеру, и по своей образованности; не принадлежа къ числу университетскихъ преподавателей, онъ долженъ быть только свѣдущимъ въ законахъ юристомъ. Къ нему обращаются, для разбирательства, жалобы на проступки студентовъ. О сохраненіи порядка между студентами внѣ стѣнъ университета пусть заботятся особыя довѣренныя лица, которымъ всякій студентъ обязанъ повиноваться. При выборѣ такихъ лицъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на ихъ характеръ и образованность, чтобы они были въ состояніи поддерживать уваженіе къ университетскимъ законамъ и къ своему званію. Въ самыхъ многолюдныхъ университетахъ Герма-

ніи, не больше трехъ подобныхъ чиновниковъ. Безпорядковъ въ стѣнахъ университета опасаться нечего, при здравомъ смыслѣ молодыхъ людей, когда они убѣдятся, что не стѣснены военными правилами, не окружены недовѣрчивостью и оскорбительнымъ надзоромъ, но что за ними признаютъ чувство правды и приличія и охотно даютъ свободу, неразлучную съ ихъ духовнымъ образованіемъ. Важные проступки студентовъ судятся высшимъ университетскимъ судомъ, составленнымъ изъ ректора, декановъ факультета и университетскаго судьи.

Вполнѣ справедлива замѣтка г. Пирогова на § 99-й о пріемѣ въ университетъ молодыхъ людей, уже экзаменованныхъ въ гимназіяхъ, которыя суть приготовительныя для университетовъ учебныя заведенія. Гимназистъ, желающій поступить въ университетъ, подвергается экзамену въ самой гимназіи, отъ выдержанія котораго будетъ зависѣть его пріемъ въ университетъ. Потому гимназіи должны быть предметомъ особенной заботливости министерства народнаго просвѣщенія, чтобы онѣ выполняли свое важное предназначеніе — давать университету хорошо приготовленныхъ молодыхъ людей. Это тѣмъ необходимѣе, что основа будущаго образованія ума и характера полагается большею частію уже въ гимназіяхъ. Условія экзамена, для пріема въ университетъ, должны быть опредѣлены точно; а для того, чтобы министръ могъ имѣть правильное понятіе о дѣятельности гимназій, при каждомъ экзаменѣ обязанъ присутствовать, по назначенію министра, профессоръ или чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія. Для тѣхъ же молодыхъ людей, которые, не обучавшись въ гимназіи, пожелали бы вступить въ университетъ, пусть въ самомъ университетѣ составляется испытательная коммиссія. Что университетъ долженъ быть доступенъ и вольнымъ слушателямъ, — это разумѣется само собою.

§ 100. «Пріемъ студентовъ производится одинъ разъ въ годъ».

Въ Германіи повсюду принято раздѣленіе академическаго года на два семестра, и оно оказывается практичнымъ, вслѣдствіе равномѣрнаго раздѣленія времени и лекцій. Впрочемъ, вопросъ этотъ есть дѣло соглашенія, а не существенной важности.

Плату за слушаніе лекцій я предложилъ бы отмѣнить вовсе. Доступъ въ университетъ долженъ быть свободный. Пусть государство поставитъ университетскихъ преподавателей въ такое положеніе, чтобы они предавались всецѣло своей службѣ и читали лекціи безвозмездно. Въ противномъ случаѣ, надо дать профессо-

рамъ право, кромѣ читаемыхъ безвозмездно лекцій, смотря по получаемому жалованью, читать для достаточныхъ слушателей лекціи за небольшой гонорарій. Студенты бѣдные освобождаются отъ всякаго денежнаго вноса. Это весьма облегчило бы жизнь нуждающихся студентовъ, и въ то же время доставило бы профессорамъ случай замѣчать ихъ особенныя способности и содѣйствовать дальнѣйшему образованію. Да и денежными выгодами, съ тѣмъ сопряженными, принебрегать нельзя.

Н. И. Пироговъ спрашиваетъ (§ 123, 125): кто долженъ дѣлать выговоръ студентамъ? При введеніи университетскаго суда, дѣло это весьма просто. За дурное поведеніе взыскиваетъ университетскій судья; въ случаяхъ важныхъ приговоръ произноситъ ректоръ. Студентъ, наказанный три раза сряду, за новый проступокъ исключается изъ университета. Всякое другое средство было бы недостойно университета. Предложеніе надзирать за студентами, только въ стѣнахъ университета, а внѣ предоставлять ихъ другому вѣдомству и постороннему суду—непрактично, потому что студенты будутъ поставлены въ двойственныя отношенія, которыя непремѣнно поведутъ къ столкновеніямъ, не говоря уже о томъ, что подобная мѣра уничтожитъ авторитетъ университета. Она немыслима еще и потому, что студента надобно судить по кругу его идей, и принимать во вниманіе его молодость, увлеченіе, неопытность, а общіе законы писаны для людей зрѣлыхъ и гражданъ самостоятельныхъ. За границей всѣмъ университетамъ предоставлено собственное судопроизводство, какъ драгоцѣнное преимущество; за то всякій университетъ добросовѣстно заботится о поддержаніи силы университетскихъ законовъ. Студентъ, считающій себя обиженнымъ, имѣетъ право перенести свое дѣло въ высшую инстанцію, жаловаться попечителю или министру, и подвергнуться вторичному приговору. Сознаніе строгой, законной справедливости рано пріучаетъ студента обдумывать свои поступки и въ борьбѣ съ стремленіемъ къ свободѣ, къ необузданности—столь свойственнымъ юношескому возрасту—находить силу, немало содѣйствующую самостоятельности характера.

§ 129. Экзамены магистерскіе и докторскіе такъ мало отличаются между собою, что, согласно предложенію г. Пирогова, дѣйствительно полезнѣе было бы установить впредь только два академическіе экзамена: непремѣнный, по окончаніи курса, на степень кандидата, и добровольный—на степень доктора. Что же касается до экзамена для licentia docendi (свобода ученія) приватъ-

доцента, то отличіе его отъ двухъ поименованныхъ должно состоять въ предъявленіи познаній по одному спеціальному предмету, тогда какъ экзаменъ на степень доктора обнаруживаетъ болѣе многостороннія и гуманныя свѣдѣнія кандидата. Всякій кандидатъ на званіе приватъ-доцента сдаетъ предварительно экзамены кандидатскій и докторскій. Хотя время для этихъ испытаній и не составляетъ предмета особенной важности, однако нужно было бы опредѣлить годичный срокъ, прежде нежели докторъ будетъ допущенъ къ испытанію на licentia docendi, ибо сословіе профессоровъ должно принимать въ свою среду не незрѣлыхъ, а вполнѣ развитыхъ ученыхъ.

На предлагаемый г. Пироговымъ высшій ученый комитетъ мы согласиться не можемъ. Онъ только усилилъ бы анорганическое состояніе министерства народнаго просвѣщенія, не выполняя истинной цѣли. Вся важность въ томъ, чтобы создать дѣло, полное жизни, цѣлесообразное, а не напротивъ, особенно если предлагаемое новое имѣетъ явное сходство съ существующимъ уже. Что будетъ дѣлать высшій ученый комитетъ? Объ этомъ не распространяется г. Пироговъ. Онъ говоритъ только, что комитетъ рѣшаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ конкурса; но развѣ для этого нужно особенное учрежденіе, когда и допущеніе самаго конкурса, какъ несвойственной университету формы, едва ли можетъ быть дозволено? Для рѣшенія особенныхъ, необыкновенныхъ случаевъ, министръ всегда можетъ созвать комитетъ изъ профессоровъ и академиковъ, не прибѣгая къ устройству постояннаго учрежденія. Или высшій комитетъ будетъ рѣшать всѣ вопросы, подлежащіе вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія? Въ чемъ же тогда будутъ состоять занятія министра? Нѣтъ, слѣдовательно, нужды въ высшемъ комитетѣ; лучше подумать объ учрежденіи чего-либо болѣе необходимаго, и мы позволяемъ себѣ изложить здѣсь наши мысли.

По нынѣшнему составу министерства народнаго просвѣщенія, департаментъ его есть дѣйствительный органъ, посредствомъ котораго осуществляется воля министерства. Въ департаментѣ сосредоточиваются всѣ начала администраціи, и чрезъ него получаютъ министерское утвержденіе. Большинство служащихъ въ департаментѣ суть чиновники, попавшіе въ министерство случайно, а не педагоги. Какая цѣль министерства народнаго просвѣщенія? Споспѣшествовать наукѣ и обученію, которыя относятся одна къ другой, какъ теорія къ практикѣ, и требуютъ особенныхъ условій. По-

печеніе о наукахъ есть задача университетовъ и академій. Стремленіе къ чисто-научнымъ цѣлямъ лежитъ на обязанности членовъ этихъ ученыхъ учрежденій, но больше на академикахъ, чѣмъ на профессорахъ, потому что у профессоровъ двоякая обязанность: они въ одно и то же время должны и разработывать науку, и преподавать ее. Министръ народнаго просвѣщенія въ правѣ требовать весьма многаго отъ членовъ академій, и наблюдать, чтобы они дѣйствительно разработывали науку, распространяли ее, принимали участіе въ успѣхахъ народнаго образованія, а не считали свои мѣста синекуріями, какъ это иногда случается. Что же касается обученія—второй задачи министерства, то на этомъ поприщѣ могутъ дѣйствовать лишь люди, знающіе свое дѣло, и долженствующіе удовлетворять тѣмъ большимъ требованіямъ, чѣмъ выше обученіе. Руководить обученіемъ, по указаніямъ министра, въ состояніи только тѣ, которые входятъ во всѣ подробности предмета, обсуждаютъ его, слѣдятъ за пробѣлами и наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ воли министра. Если посмотрѣть на большинство чиновниковъ, которымъ ввѣрено завѣдываніе дѣлами обученія, и изслѣдовать, въ какой степени они соотвѣтствуютъ своему назначенію, то немногіе изъ нихъ выдержатъ критику. Отъ всякаго учителя требуютъ доказательствъ его годности, а люди, которые держатъ въ рукахъ своихъ всѣ интересы обученія, произносятъ приговоры, напримѣръ, попечители учебныхъ округовъ, — гдѣ они пріобрѣли права на занятіе такихъ мѣстъ, чѣмъ доказали свои способности? Не тѣмъ ли, что успѣшно служили въ какомъ-нибудь департаментѣ? Развѣ это логично? Можетъ ли быть болѣе рѣзкая антираціональность, что люди, неимѣющіе понятія ни о наукѣ вообще, ни о педагогіи въ особенности, простые чиновники, распоряжаются интересами обученія и науки? Что отъ людей, чуждыхъ истиннаго пониманія ввѣренныхъ имъ интересовъ, часто даже по началу враждебныхъ, зависятъ важнѣйшія преподавательскія мѣста и учебныя дѣла; что просвѣщеніе народа, единственно-истинная основа его счастія, находится въ рукахъ тѣхъ, которые не доросли до своей задачи—это такая аномалія, на которую министерство не можетъ не обратить своего полнаго вниманія. Министръ, дѣйствительно желающій оказать услуги народному просвѣщенію и государству, пусть позаботится о томъ, чтобы не только преподавательскія мѣста были заняты людьми способными, но чтобы и исполнители его предначертаній, завѣдывающіе административною частію министерства просвѣщенія, были въ состояніи содѣйство-

вать его видамъ. Для достиженія этой цѣли, преобразованіе департамента необходимо; въ главѣ обученія должны стоять люди, теоретически и практически знакомые со страною и ея потребностями, словомъ, компетентные судьи. Слѣпцы и неучи не могутъ вести народъ къ свѣту и просвѣщенію. Въ примѣръ мы поставили бы, конечно съ нужными измѣненіями, министерство народнаго обученія въ Пруссіи.

XL.

Нѣсколько замѣчаній на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, N. N.

§ 6. Нужно опредѣлить, откуда могутъ имѣться эти средства университета, для опредѣленія, по мѣрѣ надобности, преподавателей съ *постоянным* жалованьемъ.

§ 7. Въ Дерптскомъ университетѣ въ совѣтѣ присутствуютъ одни ординарные профессоры; кажется, справедливѣе и цѣлесообразнѣе было бы принять это постановленіе Дерптскаго университета. Ординарные профессоры имѣли бы особенное, важное преимущество предъ экстраординарными. Кромѣ того, при баллотированіи въ совѣтѣ въ ординарные профессоры, всякій экстраординарный профессоръ подвергается искушенію положить неизбирательный шаръ кандидату, какъ мѣшающему ему самому быть избранному въ ординарные профессоры.

§ 8. Яснѣе будетъ этотъ § выразить такъ: «Правленіе университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ деканы, «проректоръ или инспекторъ и синдикъ». — Не лучше ли должность синдика, какъ особеннаго лица, упразднить, и поручить эту должность: по правленію — непремѣнному члену, избираемому на 4 года изъ профессоровъ, а должность синдика по совѣту — одному изъ ординарныхъ профессоровъ по выбору. Особенно, если принять будетъ § 34 проекта устава, тогда должность синдика совершенно лишняя и ненужная.

§ 9. Такое дѣленіе факультетовъ на отдѣленія, по собственному усмотрѣнію университетовъ, можетъ быть поводомъ впослѣдствіи къ разнымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Не лучше ли

будетъ теперь же, по собственному усмотрѣнію университетовъ, произвести эти дѣленія на отдѣленія, и помѣстить для постояннаго общаго свѣдѣнія въ уставъ, какъ это сдѣлано въ уставѣ 1835 г. (§ 11)? — Не лучше ли не дробить факультетовъ на отдѣленія?

§ 10. Настоящій уставъ имѣетъ силу и дѣйствіе *во всѣхъ вообще* университетахъ, т. е. вѣроятно — во всѣхъ Россійскихъ университетахъ.

§ 11. Въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: непонятно, для чего въ нижеслѣдующемъ порядкѣ; кажется, можно бы такъ выразить: науки, входящія въ составъ университетскаго преподаванія, распредѣляются по факультетамъ и каѳедрамъ слѣдующимъ образомъ.

§ 12, 13, 14. Если всѣ означенныя въ этихъ параграфахъ науки будутъ вполнѣ преподаваться, то нѣтъ никакой возможности студенту, въ теченіе 4-лѣтняго курса, оказать по всѣмъ этимъ наукамъ успѣхи, достаточные для полученія степени или званія, дающихъ особенныя права. Нужно или прибавить къ полному курсу университетскаго пребыванія (§ 21) еще одинъ годъ, или раздѣлить эти три факультета на отдѣленія, распредѣливъ здѣсь въ уставѣ науки по отдѣленіямъ. О недостаточности распредѣленія по каждому факультету принадлежитъ сужденіе самымъ факультетамъ. Напр. въ § 13, между науками физико-математическаго факультета, не помѣщена *сравнительная физіологія*, такъ существенно необходимая для занимающихся естественными науками.—Въ § 12, между науками историко-филологическаго факультета, помѣщены сравнительное языковѣдѣніе и Санскритскій языкъ, едва ли нужные для общаго высшаго образованія, и едва ли возможно, при многихъ другихъ занятіяхъ, успѣть въ этомъ предметѣ; а поверхностное изученіе того и другаго едва ли принесетъ какую пользу, а потеря драгоцѣннаго времени будетъ весьма значительная. По сдѣланіи распредѣленія каѳедръ по отдѣленіямъ, нужно будетъ опредѣлить, что только удовлетворительные успѣхи по *всѣмъ* наукамъ, составляющимъ каѳедры одного отдѣленія факультета, даютъ право учащемуся на полученіе извѣстной ученой степени или званія (по §§ 118 и 119). Желающіе слушать лекціи по одному или нѣсколькимъ предметамъ, для пріобрѣтенія спеціальныхъ познаній, могутъ посѣщать (по § 110) лекціи университетскія, но не могутъ пріобрѣтать ученыхъ званій и степеней, если не выслушали полнаго курса по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ отдѣленіи. Въ этихъ же §§ 12, 13, 14 и 15 сказано: полагаются слѣдующія *каѳедры и науки*.

Система инспекторства и т. п. основывается столько же на неправильномъ пониманіи духа студенчества, сколько на недовѣріи, и уже по этой причинѣ возбуждаетъ противодѣйствіе, слѣдовательно, должна быть отмѣнена въ интересахъ университетовъ. Тотъ, кто довѣряетъ молодымъ умамъ, встрѣчаетъ довѣріе и съ ихъ стороны. Если университетъ есть дѣйствительно то, чѣмъ онъ долженъ быть — высшее училище образованія ума и нравовъ, то и студенты, сознавая такое назначеніе, покажутъ себя достойными его, и будутъ согласовать съ нимъ свое поведеніе. Опека же — начало отжившаго времени — наименѣе состоятельна относительно студентовъ. Къ прекраснѣйшимъ преимуществамъ студентовъ принадлежитъ именно мечта о свободѣ, чтобы впослѣдствіи тѣмъ усерднѣе подчиниться серьезной сторонѣ жизни. Дайте имъ нестѣсненную свободу, и они сумѣютъ оцѣнить этотъ драгоцѣнный даръ. Профессоръ, не могущій поддержать порядка въ своей аудиторіи, не можетъ быть терпимъ ни на каѳедрѣ, ни въ университетѣ. Уваженіе къ наукѣ и къ ея представителямъ такъ велико въ студентахъ, что рѣдко кто изъ нихъ забудется противъ профессора безъ уважительной причины; а еслибы это и случилось, то здравый смыслъ товарищей обуздаетъ подобнаго невѣжду. Тамъ же, гдѣ вся важность полагается въ формѣ, а не въ сущности дѣла; гдѣ профессоры считаютъ свое положеніе, какъ чиновниковъ, выше своего сана, какъ наставниковъ юношества и жрецовъ науки, — тамъ, конечно, нечего ждать уваженія къ нимъ студентовъ. Самъ университетъ имѣетъ средства предупреждать проступки противъ приличія и уваженія къ законамъ. Объ этомъ предметѣ скажу подробнѣе ниже.

§ 75. Доценты и приватъ-доценты остаются на службѣ университета только послѣ новаго избранія и утвержденія попечителя».

Не останавливаюсь на томъ, что говоритъ г. Пироговъ объ административномъ порядкѣ факультетовъ: эта формальность не имѣетъ существеннаго значенія; она должна быть предоставлена свободному соглашенію профессоровъ, разумѣется, при окончательномъ утвержденіи министра. По смыслу § 75, приватъ-доценты должны быть допускаемы лишь на время. Противъ этого нельзя найти довольно сильныхъ возраженій. Подобное ограниченіе ниспровергаетъ всю систему приватъ-доцентовъ. Кто же захочетъ избрать это поприще дѣятельности, зная, что его удалятъ, по прошествіи извѣстнаго времени, и притомъ безъ всякихъ притязаній на вознагражденіе со стороны правительства, единственно въ надеждѣ

попасть когда-нибудь въ число профессоровъ? Приватъ-доцентъ, разъ получившій дозволеніе читать въ университетѣ лекціи, долженъ составлять нераздѣльную часть его, если, по своимъ нравственнымъ качествамъ, онъ непредосудителенъ для чести университета. Въ такомъ случаѣ, университетъ имѣетъ право устранить его. Что время университетской дѣятельности приватъ-доцента должно быть зачтено ему въ службу, это само собою разумѣется. На чемъ основывается различіе между доцентомъ и приватъ-доцентомъ — не видно. Профессоры также доценты, т. е. учащіе. Слово «приватъ-доцентъ» можетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда имъ будетъ обозначаться званіе университетскаго преподавателя не профессора.

§§ 81 — 83. «Профессоръ, выслужившій полную пенсію, оставляется на службѣ только послѣ новаго избранія и притомъ на пять лѣтъ».

Чтобы поддержать между профессорами живую научную дѣятельность и не допустить ихъ, при увѣренности въ обезпеченіи на 25 лѣтъ, до отсталости или полнаго застоя на поприщѣ науки, г. Пироговъ требуетъ, чтобы всякій профессоръ, выслужившій $12^1/_2$ лѣтъ, подвергался конкурсу, въ доказательство, что онъ можетъ и впредь занимать каѳедру. По моему убѣжденію, конкурсъ вообще есть несостоятельный методъ испытанія, а въ настоящемъ случаѣ и подавно. Конкурсъ, какъ необходимость, можетъ быть допускаемъ развѣ тогда, когда дѣло идетъ о лицахъ, способности и труды которыхъ неизвѣстны. Тамъ же, гдѣ есть на лице слишкомъ двѣнадцатилѣтняя дѣятельность, и преподавателя и ученаго, тамъ нѣтъ нужды въ конкурсѣ; и потому, не отвергая добраго намѣренія г. Пирогова, мы объявляемъ себя противъ предлагаемаго средства, ибо та же цѣль можетъ быть достигнута инымъ путемъ.

Въ самомъ требованіи, чтобы университетскій преподаватель, прослужившій $12^1/_2$ лѣтъ, былъ низводимъ на линію съ младшими учеными, быть можетъ, съ его же учениками, и состязался съ ними, заключается, по нашему мнѣнію, несообразность, несовмѣстная съ уваженіемъ къ званію профессора и съ достоинствомъ университета. Вѣдь самъ же университетъ испытывалъ, выбиралъ и утверждалъ профессора; какъ же, по прошествіи $12^1/_2$ лѣтъ, онъ заявитъ публично, посредствомъ конкурса, оскорбительное сомнѣніе въ его способностяхъ? И для чего? Чтобы профессоръ шелъ въ уровень съ наукою. Г. Пирогову извѣстно, что тотъ, кто не любитъ науки для самой науки, и не будетъ любить ея, не станетъ заниматься

ею, потому что тутъ замѣшаны матеріальныя выгоды, а тотъ, кому важнѣе всего матеріальныя выгоды, никогда не принесетъ пользы наукѣ; онъ всегда будетъ только чернорабочимъ, подобно лошади въ ступальной мельницѣ. Да и кто долженъ произносить приговоръ въ случаѣ конкурса, кому быть подлежащимъ судьею? Въ факультетѣ рѣдко найдется столько спеціалистовъ, которые были бы въ состояніи опредѣлить положительно, здраво, степень познаній конкурента по извѣстному предмету. Если приговоръ будетъ основываться на внѣшнихъ проявленіяхъ конкурента при чтеніи лекціи, на большей или меньшей самоувѣренности, то полузнайка-хвастунъ выиграетъ больше, чѣмъ истинный, но скромный ученый. Подъ личиною интересовъ науки, откроется просторъ интригѣ и духу партій. Да и что значитъ конкурсъ, когда одинъ изъ конкурентовъ заранѣе располагаетъ большинствомъ голосовъ; когда профессору, имѣющему на своей сторонѣ двѣнадцатилѣтнюю академическую опытность и еще болѣе продолжительный срокъ научнаго образованія, противопоставляются молодые ученые, которые, разумѣется, не обладаютъ, ни его степенью познаній, ни его опытностію, и развѣ своими научными способностями могутъ перевѣсить вѣсы? Но эти способности едва ли одержатъ побѣду, по недостатку въ подлежащихъ судьяхъ. Потому г. Пироговъ говоритъ совершенно справедливо, что профессоръ, читавшій $12^1/_2$ лѣтъ, всегда будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе шансовъ. Такъ къ чему же конкурсъ? Чтобы приготовить молодымъ ученымъ горькую жизненную опытность, быть можетъ, еще горшее униженіе? Что же касается приговора, основывающагося на ученыхъ трудахъ, на результатахъ зрѣлыхъ сужденій, то и здѣсь конкурсъ будетъ въ пользу профессора, потому что предполагать зрѣлость въ ученыхъ трудахъ молодыхъ людей, при нынѣшнемъ состояніи наукъ, было бы нелѣпо. Относительно же условія, что профессоръ, во время своей университетской дѣятельности, подготовитъ, по крайней мѣрѣ, одного ученика, который можетъ быть опредѣленъ приватъ-доцентомъ, то на это условіе нельзя разсчитывать. Учащійся принимаетъ духовную пищу отъ всѣхъ профессоровъ, которыхъ слушаетъ, не говоря о соучастіи въ томъ прирожденныхъ способностей и прилежанія. Ни одинъ профессоръ не можетъ сказать о молодомъ ученомъ, что приготовилъ его: отъ такихъ ученыхъ пусть остерегутся наука и университетъ. Нѣтъ, я не могу одобрить предлагаемаго конкурса, и удивляюсь, какъ такой умный и опытный педагогъ, какъ г. Пироговъ, могъ признать конкурсъ двигателемъ научной жизни. Мнѣ кажется,

что если ужъ непремѣнно нужно какое-либо наружное средство для возбужденія научной дѣятельности (а еще лучше не прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ мѣрамъ), то оно должно быть примѣнено законнымъ путемъ, именно, чтобы члены того факультета, къ которому принадлежитъ оцѣниваемый профессоръ, рѣшали, единственно на основаніи его $12^1/_2$-лѣтней дѣятельности: оставаться ли ему или нѣтъ на каѳедрѣ? Допустивъ, что студентамъ предоставятъ полную свободу слушанія — вслѣдствіе чего и экзаменаторы не могутъ быть опредѣлены заранѣе, но всякій разъ должны выбираться по жребію — нельзя сомнѣваться, что о годности профессора образуется, въ теченіе $12^1/_2$ лѣтъ, безошибочное сужденіе, которое, вмѣстѣ съ обнародованными имъ учеными трудами, можетъ предохранить профессоровъ факультета, при произнесеніи приговора, отъ ошибки или отъ несправедливости. Надобно только остерегаться вѣрить модной проповѣди, распространяемой извѣстною частію журналистики, будто только одни молодые люди годятся на что-нибудь. Такое увлеченіе юныхъ журналистовъ извинительно, но для науки оно не значитъ ничего. Система приватъ-доцентовъ, основанная преимущественно на научномъ элементѣ, свобода преподаванія и слушанія — вотъ лучшее ручательство ученой дѣятельности между профессорами. Всѣ искусственныя возбуждающія средства окажутся безсильными.

§ 87. «Наблюденіе за исполненіемъ студентами университетскихъ правилъ возлагается на особое лице, избираемое изъ членовъ университетскаго совѣта или изъ другихъ лицъ».

Вопросъ: долженъ ли университетъ имѣть собственную судебную власть или слѣдуетъ допустить полицію? рѣшается въ первомъ смыслѣ, по причинѣ исключительнаго положенія университета. Всякій университетъ долженъ имѣть собственный судъ. Для этого не нужно массы чиновниковъ; нуженъ одинъ судья, уважаемый и по своему характеру, и по своей образованности; не принадлежа къ числу университетскихъ преподавателей, онъ долженъ быть только свѣдущимъ въ законахъ юристомъ. Къ нему обращаются, для разбирательства, жалобы на проступки студентовъ. О сохраненіи порядка между студентами внѣ стѣнъ университета пусть заботятся особыя довѣренныя лица, которымъ всякій студентъ обязанъ повиноваться. При выборѣ такихъ лицъ, слѣдуетъ обращать вниманіе на ихъ характеръ и образованность, чтобы они были въ состояніи поддерживать уваженіе къ университетскимъ законамъ и къ своему званію. Въ самыхъ многолюдныхъ университетахъ Герма-

ніи, не больше трехъ подобныхъ чиновниковъ. Безпорядковъ въ стѣнахъ университета опасаться нечего, при здравомъ смыслѣ молодыхъ людей, когда они убѣдятся, что не стѣснены военными правилами, не окружены недовѣрчивостью и оскорбительнымъ надзоромъ, но что за ними признаютъ чувство правды и приличія и охотно даютъ свободу, неразлучную съ ихъ духовнымъ образованіемъ. Важные проступки студентовъ судятся высшимъ университетскимъ судомъ, составленнымъ изъ ректора, декановъ факультета и университетскаго судьи.

Вполнѣ справедлива замѣтка г. Пирогова на § 99-й о пріемѣ въ университетъ молодыхъ людей, уже экзаменованныхъ въ гимназіяхъ, которыя суть приготовительныя для университетовъ учебныя заведенія. Гимназистъ, желающій поступить въ университетъ, подвергается экзамену въ самой гимназіи, отъ выдержанія котораго будетъ зависѣть его пріемъ въ университетъ. Потому гимназіи должны быть предметомъ особенной заботливости министерства народнаго просвѣщенія, чтобы онѣ выполняли свое важное предназначеніе — давать университету хорошо приготовленныхъ молодыхъ людей. Это тѣмъ необходимѣе, что основа будущаго образованія ума и характера полагается большею частію уже въ гимназіяхъ. Условія экзамена, для пріема въ университетъ, должны быть опредѣлены точно; а для того, чтобы министръ могъ имѣть правильное понятіе о дѣятельности гимназій, при каждомъ экзаменѣ обязанъ присутствовать, по назначенію министра, профессоръ или чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія. Для тѣхъ же молодыхъ людей, которые, не обучавшись въ гимназіи, пожелали бы вступить въ университетъ, пусть въ самомъ университетѣ составляется испытательная коммиссія. Что университетъ долженъ быть доступенъ и вольнымъ слушателямъ, — это разумѣется само собою.

§ 100. «Пріемъ студентовъ производится одинъ разъ въ годъ».

Въ Германіи повсюду принято раздѣленіе академическаго года на два семестра, и оно оказывается практичнымъ, вслѣдствіе равномѣрнаго раздѣленія времени и лекцій. Впрочемъ, вопросъ этотъ есть дѣло соглашенія, а не существенной важности.

Плату за слушаніе лекцій я предложилъ бы отмѣнить вовсе. Доступъ въ университетъ долженъ быть свободный. Пусть государство поставитъ университетскихъ преподавателей въ такое положеніе, чтобы они предавались всецѣло своей службѣ и читали лекціи безвозмездно. Въ противномъ случаѣ, надо дать профессо-

рамъ право, кромѣ читаемыхъ безвозмездно лекцій, смотря по получаемому жалованью, читать для достаточныхъ слушателей лекціи за небольшой гонораріи. Студенты бѣдные освобождаются отъ всякаго денежнаго вноса. Это весьма облегчило бы жизнь нуждающихся студентовъ, и въ то же время доставило бы профессорамъ случай замѣчать ихъ особенныя способности и содѣйствовать дальнѣйшему образованію. Да и денежными выгодами, съ тѣмъ сопряженными, принебрегать нельзя.

Н. И. Пироговъ спрашиваетъ (§ 123, 125): кто долженъ дѣлать выговоръ студентамъ? При введеніи университетскаго суда, дѣло это весьма просто. За дурное поведеніе взыскиваетъ университетскій судья; въ случаяхъ важныхъ приговоръ произноситъ ректоръ. Студентъ, наказанный три раза сряду, за новый проступокъ исключается изъ университета. Всякое другое средство было бы недостойно университета. Предложеніе надзирать за студентами, только въ стѣнахъ университета, а внѣ предоставлять ихъ другому вѣдомству и постороннему суду—непрактично, потому что студенты будутъ поставлены въ двойственныя отношенія, которыя непремѣнно поведутъ къ столкновеніямъ, не говоря уже о томъ, что подобная мѣра уничтожитъ авторитетъ университета. Она немыслима еще и потому, что студента надобно судить по кругу его идей, и принимать во вниманіе его молодость, увлеченіе, неопытность, а общіе законы писаны для людей зрѣлыхъ и гражданъ самостоятельныхъ. За границей всѣмъ университетамъ предоставлено собственное судопроизводство, какъ драгоцѣнное преимущество; за то всякій университетъ добросовѣстно заботится о поддержаніи силы университетскихъ законовъ. Студентъ, считающій себя обиженнымъ, имѣетъ право перенести свое дѣло въ высшую инстанцію, жаловаться попечителю или министру, и подвергнуться вторичному приговору. Сознаніе строгой, законной справедливости рано пріучаетъ студента обдумывать свои поступки и въ борьбѣ съ стремленіемъ къ свободѣ, къ необузданности—столь свойственнымъ юношескому возрасту — находить силу, немало содѣйствующую самостоятельности характера.

§ 129. Экзамены магистерскіе и докторскіе такъ мало отличаются между собою, что, согласно предложенію г. Пирогова, дѣйствительно полезнѣе было бы установить впредь только два академическіе экзамена: непремѣнный, по окончаніи курса, на степень кандидата, и добровольный—на степень доктора. Что же касается до экзамена для licentia docendi (свобода ученія) приватъ-

доцента, то отличіе его отъ двухъ поименованныхъ должно состоять въ предъявленіи познаній по одному спеціальному предмету, тогда какъ экзаменъ на степень доктора обнаруживаетъ болѣе многостороннія и гуманныя свѣдѣнія кандидата. Всякій кандидатъ на званіе приватъ-доцента сдаетъ предварительно экзамены кандидатскій и докторскій. Хотя время для этихъ испытаній и не составляетъ предмета особенной важности, однако нужно было бы опредѣлить годичный срокъ, прежде нежели докторъ будетъ допущенъ къ испытанію на licentia docendi, ибо сословіе профессоровъ должно принимать въ свою среду не незрѣлыхъ, а вполнѣ развитыхъ ученыхъ.

На предлагаемый г. Пироговымъ высшій ученый комитетъ мы согласиться не можемъ. Онъ только усилилъ бы анорганическое состояніе министерства народнаго просвѣщенія, не выполняя истинной цѣли. Вся важность въ томъ, чтобы создать дѣло, полное жизни, цѣлесообразное, а не напротивъ, особенно если предлагаемое новое имѣетъ явное сходство съ существующимъ уже. Что будетъ дѣлать высшій ученый комитетъ? Объ этомъ не распространяется г. Пироговъ. Онъ говоритъ только, что комитетъ рѣшаетъ въ сомнительныхъ случаяхъ конкурса; но развѣ для этого нужно особенное учрежденіе, когда и допущеніе самаго конкурса, какъ несвойственной университету формы, едва ли можетъ быть дозволено? Для рѣшенія особенныхъ, необыкновенныхъ случаевъ, министръ всегда можетъ созвать комитетъ изъ профессоровъ и академиковъ, не прибѣгая къ устройству постояннаго учрежденія. Или высшій комитетъ будетъ рѣшать всѣ вопросы, подлежащіе вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія? Въ чемъ же тогда будутъ состоять занятія министра? Нѣтъ, слѣдовательно, нужды въ высшемъ комитетѣ; лучше подумать объ учрежденіи чего-либо болѣе необходимаго, и мы позволяемъ себѣ изложить здѣсь наши мысли.

По нынѣшнему составу министерства народнаго просвѣщенія, департаментъ его есть дѣйствительный органъ, посредствомъ котораго осуществляется воля министерства. Въ департаментѣ сосредоточиваются всѣ начала администраціи, и чрезъ него получаютъ министерское утвержденіе. Большинство служащихъ въ департаментѣ суть чиновники, попавшіе въ министерство случайно, а не педагоги. Какая цѣль министерства народнаго просвѣщенія? Споспѣшествовать наукѣ и обученію, которыя относятся одна къ другой, какъ теорія къ практикѣ, и требуютъ особенныхъ условій. По-

печеніе о наукахъ есть задача университетовъ и академій. Стремленіе къ чисто-научнымъ цѣлямъ лежитъ на обязанности членовъ этихъ ученыхъ учрежденій, но больше на академикахъ, чѣмъ на профессорахъ, потому что у профессоровъ двоякая обязанность: они въ одно и то же время должны и разработывать науку, и преподавать ее. Министръ народнаго просвѣщенія въ правѣ требовать весьма многаго отъ членовъ академій, и наблюдать, чтобы они дѣйствительно разработывали науку, распространяли ее, принимали участіе въ успѣхахъ народнаго образованія, а не считали свои мѣста синекуріями, какъ это иногда случается. Что же касается обученія—второй задачи министерства, то на этомъ поприщѣ могутъ дѣйствовать лишь люди, знающіе свое дѣло, и долженствующіе удовлетворять тѣмъ бóльшимъ требованіямъ, чѣмъ выше обученіе. Руководить обученіемъ, по указаніямъ министра, въ состояніи только тѣ, которые входятъ во всѣ подробности предмета, обсуждаютъ его, слѣдятъ за пробѣлами и наблюдаютъ за точнымъ исполненіемъ воли министра. Если посмотрѣть на большинство чиновниковъ, которымъ ввѣрено завѣдываніе дѣлами обученія, и изслѣдовать, въ какой степени они соотвѣтствуютъ своему назначенію, то немногіе изъ нихъ выдержатъ критику. Отъ всякаго учителя требуютъ доказательствъ его годности, а люди, которые держатъ въ рукахъ своихъ всѣ интересы обученія, произносятъ приговоры, напримѣръ, попечители учебныхъ округовъ, — гдѣ они пріобрѣли права на занятіе такихъ мѣстъ, чѣмъ доказали свои способности? Не тѣмъ ли, что успѣшно служили въ какомъ-нибудь департаментѣ? Развѣ это логично? Можетъ ли быть болѣе рѣзкая антираціональность, что люди, неимѣющіе понятія ни о наукѣ вообще, ни о педагогіи въ особенности, простые чиновники, распоряжаются интересами обученія и науки? Что отъ людей, чуждыхъ истиннаго пониманія ввѣренныхъ имъ интересовъ, часто даже по началу враждебныхъ, зависятъ важнѣйшія преподавательскія мѣста и учебныя дѣла; что просвѣщеніе народа, единственно-истинная основа его счастія, находится въ рукахъ тѣхъ, которые не доросли до своей задачи—это такая аномалія, на которую министерство не можетъ не обратить своего полнаго вниманія. Министръ, дѣйствительно желающій оказать услуги народному просвѣщенію и государству, пусть позаботится о томъ, чтобы не только преподавательскія мѣста были заняты людьми способными, но чтобы и исполнители его предначертаній, завѣдывающіе административною частію министерства просвѣщенія, были въ состояніи содѣйство-

вать его видамъ. Для достиженія этой цѣли, преобразованіе департамента необходимо; въ главѣ обученія должны стоять люди, теоретически и практически знакомые со страною и ея потребностями, словомъ, компетентные судьи. Слѣпцы и неучи не могутъ вести народъ къ свѣту и просвѣщенію. Въ примѣръ мы поставили бы, конечно съ нужными измѣненіями, министерство народнаго обученія въ Пруссіи.

XL.

Нѣсколько замѣчаній на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, N. N.

§ 6. Нужно опредѣлить, откуда могутъ имѣться эти средства университета, для опредѣленія, по мѣрѣ надобности, преподавателей съ *постоянным* жалованьемъ.

§ 7. Въ Дерптскомъ университетѣ въ совѣтѣ присутствуютъ одни ординарные профессоры; кажется, справедливѣе и цѣлесообразнѣе было бы принять это постановленіе Дерптскаго университета. Ординарные профессоры имѣли бы особенное, важное преимущество предъ экстраординарными. Кромѣ того, при баллотированіи въ совѣтѣ въ ординарные профессоры, всякій экстраординарный профессоръ подвергается искушенію положить неизбирательный шаръ кандидату, какъ мѣшающему ему самому быть избранному въ ординарные профессоры.

§ 8. Яснѣе будетъ этотъ § выразить такъ: «Правленіе университета, подъ предсѣдательствомъ ректора, составляютъ деканы, «проректоръ или инспекторъ и синдикъ». — Не лучше ли должность синдика, какъ особеннаго лица, упразднить, и поручить эту должность: по правленію — непремѣнному члену, избираемому на 4 года изъ профессоровъ, а должность синдика по совѣту — одному изъ ординарныхъ профессоровъ по выбору. Особенно, если принятъ будетъ § 34 проекта устава, тогда должность синдика совершенно лишняя и ненужная.

§ 9. Такое дѣленіе факультетовъ на отдѣленія, по собственному усмотрѣнію университетовъ, можетъ быть поводомъ впослѣдствіи къ разнымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ. Не лучше ли

будетъ теперь же, по собственному усмотрѣнію университетовъ, произвести эти дѣленія на отдѣленія, и помѣстить для постояннаго общаго свѣдѣнія въ уставъ, какъ это сдѣлано въ уставѣ 1835 г. (§ 11)? — Не лучше ли не дробить факультетовъ на отдѣленія?

§ 10. Настоящій уставъ имѣетъ силу и дѣйствіе *во всѣхъ вообще* университетахъ, т. е. вѣроятно — во всѣхъ Россійскихъ университетахъ.

§ 11. Въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: непонятно, для чего въ нижеслѣдующемъ порядкѣ; кажется, можно бы такъ выразить: науки, входящія въ составъ университетскаго преподаванія, распредѣляются по факультетамъ и каѳедрамъ слѣдующимъ образомъ.

§ 12, 13, 14. Если всѣ означенныя въ этихъ параграфахъ науки будутъ вполнѣ преподаваться, то нѣтъ никакой возможности студенту, въ теченіе 4-лѣтняго курса, оказать по всѣмъ этимъ наукамъ успѣхи, достаточные для полученія степени или званія, дающихъ особенныя права. Нужно или прибавить къ полному курсу университетскаго пребыванія (§ 21) еще одинъ годъ, или раздѣлить эти три факультета на отдѣленія, распредѣливъ здѣсь въ уставѣ науки по отдѣленіямъ. О недостаточности распредѣленія по каждому факультету принадлежитъ сужденіе самымъ факультетамъ. Напр. въ § 13, между науками физико-математическаго факультета, не помѣщена *сравнительная физіологія*, такъ существенно необходимая для занимающихся естественными науками.—Въ § 12, между науками историко-филологическаго факультета, помѣщены сравнительное языковѣдѣніе и Санскритскій языкъ, едва ли нужные для общаго высшаго образованія, и едва ли возможно, при многихъ другихъ занятіяхъ, успѣть въ этомъ предметѣ; а поверхностное изученіе того и другаго едва ли принесетъ какую пользу, а потеря драгоцѣннаго времени будетъ весьма значительная. По сдѣланіи распредѣленія каѳедръ по отдѣленіямъ, нужно будетъ опредѣлить, что только удовлетворительные успѣхи по *всѣмъ* наукамъ, составляющимъ каѳедры одного отдѣленія факультета, даютъ право учащемуся на полученіе извѣстной ученой степени или званія (по §§ 118 и 119). Желающіе слушать лекціи по одному или нѣсколькимъ предметамъ, для пріобрѣтенія спеціальныхъ познаній, могутъ посѣщать (по § 110) лекціи университетскія, но не могутъ пріобрѣтать ученыхъ званій и степеней, если не выслушали полнаго курса по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ отдѣленіи. Въ этихъ же §§ 12, 13, 14 и 15 сказано: полагаются слѣдующія *каѳедры и науки*.

Выраженіе не точное; слѣдовало бы сказать: въ .... факультетѣ науки распредѣляются по каѳедрамъ такимъ образомъ.

§ 15. Между каѳедрами медицинскаго факультета не означена каѳедра естественныхъ наукъ въ приложеніи къ медицинѣ: a) медицинская физика, b) медицинская химія, c) медицинская естественная исторія. За тѣмъ причисленіе нѣкоторыхъ наукъ къ извѣстнымъ каѳедрамъ стѣснительно, и не всегда этому распредѣленію можно слѣдовать. Напримѣръ, оперативная хирургія и ученіе о повязкахъ; или судебная медицина и энциклопедія и исторія медицины. Кажется, это подраздѣленіе можно бы предоставить медицинскому факультету, обозначивъ въ уставѣ только *вообще* каѳедры медицинскаго факультета. Въ медицинскомъ факультетѣ, какъ спеціальномъ, *всѣ* преподаваемыя *науки* необходимы для образованія будущихъ врачей; слѣдовательно число каѳедръ и число преподавателей должно быть одно и то же для всѣхъ медицинскихъ факультетовъ. И какъ права и требованія (на экзаменѣ, на практикѣ, на службѣ) отъ выпускаемыхъ изъ медицинскихъ факультетовъ *совершенно однѣ и тѣ же*, какъ и отъ выпускаемыхъ со званіемъ лекаря воспитанниковъ медико-хирургическихъ академій, то число каѳедръ и число преподавателей въ медицинскихъ факультетахъ *необходимо* должно быть одно и то же, что и въ медико-хирургическихъ академіяхъ. Лишнихъ каѳедръ тамъ не можетъ быть, не должно быть, онѣ обременяли бы правительство лишними издержками и отнимали бы у слушателей понапрасно драгоцѣнное время. Поэтому какія каѳедры признаются необходимыми въ медико-хирургическихъ академіяхъ, тѣ существенно необходимы, и необходимо должны существовать во всѣхъ медицинскихъ факультетахъ университетовъ; иначе это было бы величайшею несправедливостію и предъ преподавателями, и предъ воспитанниками, и предъ обществомъ.

§ 17. Для догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи опредѣляется особая, не принадлежащая ни къ какому факультету каѳедра.

Почему же не принадлежащая ни къ какому факультету? Профессоръ православнаго богословія непремѣнно долженъ принадлежать къ какому-либо факультету, для участія въ факультетскихъ собраніяхъ, выборахъ и для другихъ причинъ. То обстоятельство, что всѣ вообще студенты православнаго исповѣданія слушаютъ лекціи богословія и церковной исторіи, кажется, не можетъ быть причиною, чтобы каѳедра богословія не принадлежала ни къ

какому факультету. Преподаваніе богословія и церковной исторіи должно быть *обязательнымъ* для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія; въ противномъ случаѣ, гораздо полезнѣе и цѣлесообразнѣе не назначать каѳедры богословія въ университетахъ.

§ 19. Нужно опредѣлить, *какихъ именно* новѣйшихъ иностранныхъ языковъ полагаются лекторы, и сколько ихъ, иначе нельзя опредѣлить и штата.

§ 20. Нужно точнѣе обозначить этотъ §, именно означить, сколько въ *каждомъ* факультетѣ и отдѣленіи *полагается* ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ; число это должно *постоянно* оставаться одно и то же въ факультетѣ, а не быть *общимъ для всего университета;* иначе можетъ случиться, что по одному факультету будутъ всѣ каѳедры заняты ординарными профессорами, а по другому за неимѣніемъ ваканцій ординарнаго профессора, всѣ каѳедры заняты экстраординарными профессорами, которые и при несомнѣнныхъ достоинствахъ долгое время будутъ оставаться въ званіи экстраординарныхъ. — За недостаткомъ ординарнаго и экстраординарнаго профессора каѳедра поручается доцентамъ только *временно*, до назначенія профессора. — См. проектъ учрежденія учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ ст. 230, 234, 236, 238.

§§ 23 — 26. Факультетъ есть коллегія, такъ же какъ и совѣтъ, съ тѣмъ различіемъ, что члены факультета, какъ занимавшіеся спеціально извѣстнымъ отдѣломъ наукъ, суть единственные, компетентные судьи по извѣстнымъ дѣламъ, къ факультету относящимся, а члены совѣта, которымъ извѣстныя дѣла могутъ быть и незнакомы, и чужды всякаго интереса, — обязаны судить и произносить свое сужденіе, или на основаніи мнѣній факультетовъ, или по какимъ-нибудь побочнымъ, можетъ случиться и неблаговиднымъ, обстоятельствамъ и причинамъ. Кажется, слѣдовало бы предоставить факультетамъ, какъ коллегіямъ, болѣе обширный, болѣе полный кругъ занятій, а не ограничиваться исчисленіемъ (въ § 26) предметовъ занятій, которое, какъ всякое исчисленіе, а не опредѣленіе, разумѣется, есть неполное, сбивчивое, поверхностное, всегда требующее дополненій и измѣненій, и не соотвѣтствуетъ идеѣ устава. Такъ напр. въ этомъ исчисленіи (§ 26) показано: 1) *распредѣленіе факультетскихъ наукъ и порядка ихъ преподаванія.* Это же показано въ числѣ предметовъ занятій совѣта (§ 35. 4); это же опредѣлено уже и въ проектѣ этого устава (§§ 11, 12, 13, 14, 15). Далѣе 5) *Разсмотрѣніе сочиненій, предполагаемыхъ къ печатанію съ одобренія университета и его иждивеніемъ*, тоже составляетъ предметъ занятій совѣта по § 35. 8.

Словомъ, различіе между факультетомъ и совѣтомъ поставлено такое же, какъ между земскимъ судомъ и губернскимъ правленіемъ, различіе между инстанціями: но тамъ обсуждаются въ обѣихъ инстанціяхъ дѣла извѣстнаго рода, болѣе или мѣнѣе знакомыя всѣмъ членамъ, а здѣсь факультеты раздѣлены по спеціальности, и профессоръ медицинскаго факультета (какъ членъ совѣта) не имѣетъ рѣшительно никакого основанія для произнесенія своего мнѣнія о томъ, въ 1-мъ или 4-мъ курсѣ должно читать сравнительное языковѣдѣніе и Санскритскій языкъ, или Византійское право; ровно какъ и профессору юридическаго факультета рѣшительно все равно, въ какомъ курсѣ читается по медицинскому факультету патологическая анатомія или акушерство. Это дѣло чисто факультетское, не требующее разсмотрѣнія и утвержденія совѣта. Факультеты обязаны слѣдить за успѣшностію и послѣдовательностію преподаванія, и не могутъ искать извиненія въ утвержденіяхъ и одобреніяхъ совѣта. Между предметами занятій въ факультетскихъ собраніяхъ не означено, между прочимъ, сужденіе о кандидатахъ на открывшуюся вакантную каѳедру. Эти сужденія *единственно* должны имѣть мѣсто только между членами факультетовъ, какъ единственными, компетентными судіями: по обсужденіи достоинствъ кандидата на каѳедру или вообще преподавателя, должно произвесть *баллотированіе въ факультетѣ*, и притомъ только одними ординарными профессорами, если производится баллотированіе въ ординарные профессоры. Существующее до сего времени избраніе баллотированіемъ преподавателей университета въ совѣтѣ сопряжено съ большими неудобствами и не достигаетъ своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ долженъ руководствоваться профессоръ медицинскаго факультета при избраніи въ профессора напр. Славянской филологіи или сравнительнаго языковѣдѣнія и Санскритскаго языка? Разумѣется, единственно, исключительно только рекомендаціею, выраженною въ представленіи факультета историко-филологическаго; равно какъ и при сужденіи о достоинствѣ кандидата на каѳедру хирургіи или анатоміи, профессоры не медицинскаго факультета единственно, исключительно могутъ и должны руководствоваться только рекомендаціею медицинскаго факультета. Мимо этихъ рекомендацій факультета, баллотированіе въ совѣтѣ, членами совѣта, не компетентными судьями въ сужденіи о кандидатахъ по каждому факультету, на каѳедры, основывается большею частію, и можетъ основываться, не на личныхъ достоинствахъ и качествахъ кандидата, факультетомъ признаваемаго достойнымъ, — но на другихъ побочныхъ обстоятель-

ствахъ, и часто зависитъ отъ случайностей; отъ этого происходитъ, что представляемый факультетомъ кандидатъ, дѣйствительно достойный, въ совѣтѣ не избирается; бываетъ и то, что не избранный сегодня въ совѣтѣ, въ слѣдующемъ засѣданіи, при присутствіи или отсутствіи одного или двухъ другихъ членовъ, бываетъ избранъ. — Въ медико-хирургическихъ академіяхъ преподаватели избираются одними профессорами медицины, какъ единственными компетентными судьями, произносящими свой судъ на основаніи данныхъ, безъ всякой задней мысли; если можно предоставить это медико-хирургической академіи, т. е. коллегіи, собранію профессоровъ по одной отрасли наукъ, то почему же нельзя предоставить этого факультету, тоже коллегіи, собранію профессоровъ по одному отдѣлу наукъ. Такое избраніе баллотированіемъ въ факультетахъ, въ званіе доцентовъ, экстраординарныхъ и ординарныхъ профессоровъ будетъ и логичнѣе, и справедливѣе, и цѣлесообразнѣе, и болѣе соотвѣтствовать достоинству совѣта, избавляя членовъ этого высокаго собранія отъ необходимости класть шаръ, при баллотированіи, не имѣя собственныхъ основательныхъ данныхъ для избранія кандидата.

§§ 27 — 39. Все отдѣленіе 1-е *о совѣтѣ* должно быть написано иначе; это не есть статья устава, но собраніе разныхъ поверхностныхъ подробностей, исчисленіе мелочей, и не представляетъ ничего существеннаго, главнаго: нѣтъ ни опредѣленія, что̀ такое совѣтъ, ни цѣли его образованія и существованія — что̀ единственно и существенно необходимо въ уставѣ, а остальныя подробности и мелочи сами будутъ очевидны, и не будутъ представлять противорѣчій, несообразностей, недоразумѣній, требующихъ субъективныхъ толкованій и поясненій.

§§ 27, 28, 29, 30. Эти параграфы должны основываться на общихъ всѣмъ присутствіямъ постановленіяхъ, и не представлять какихъ-то особенностей, исключеній, напр. § 29. «Не явившіеся изъ «наличныхъ членовъ, въ засѣданіе, *теряютъ право* голоса по дѣ«ламъ, рѣшеннымъ въ этомъ засѣданіи». и проч.

§ 31. Опредѣленіе объ оставленіи на службѣ преподавателей, прослужившихъ пенсіонные сроки, должно быть утверждено, по крайней мѣрѣ, двумя третями голосовъ. Казалось бы, такое избраніе преподавателей на оставленіе ихъ на службѣ по выслугѣ пенсіонныхъ сроковъ, должно быть отмѣнено, какъ не современное, для профессоровъ крайне обидное, и, какъ справедливо выразился одинъ почтенный членъ совѣта, безнравственное. Въ самомъ дѣлѣ,

нигдѣ за границею въ университетахъ профессоры, ни по выслугѣ пенсіонныхъ сроковъ, ни достигнувъ извѣстнаго возраста, не подвергаются баллотированію. Служащіе по другимъ вѣдомствамъ, какъ-то: министры, члены государственнаго совѣта, сенаторы, вступающіе въ эти званія, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, остаются часто 25 и болѣе лѣтъ въ этихъ званіяхъ, и часто съ величайшею пользою для государства и общества; почему же профессоры не могутъ оставаться на должности болѣе 25 лѣтъ, не подвергаясь обидной для нихъ баллотировкѣ, и кѣмъ же? Своими сочленами, изъ коихъ нѣкоторые должны занять дѣлающееся за невыбаллотированіемъ вакантное мѣсто ординарнаго профессора. По всѣмъ вѣдомствамъ, по всѣмъ званіямъ, отъ матроса и солдата до министра и архіерея, празднуются 50-лѣтніе юбилеи службы: для одного только профессорскаго званія въ Россіи это не можетъ существовать. Безнравственна эта мѣра потому, что не бываетъ почти примѣра, чтобы профессоръ, послѣ 25-лѣтней, дѣятельной, усердной, полезной службы, былъ *единогласно* избранъ къ продолженію службы еще на 5 лѣтъ; слѣдовательно, избирающіе руководствовались не достоинствами профессора, можетъ быть несомнѣнными, не пользою имъ приносимою, а другими побочными, случайными, личными отношеніями. Говорятъ, прослуживъ 25 лѣтъ въ должности профессора, теряется, ослабѣваетъ охота къ занятіямъ наукою, къ постоянному слѣдованію за успѣхами въ наукахъ: совершенно несправедливо! Опытный профессоръ не станетъ поверхностно слѣдить за всѣмъ печатаемымъ вздоромъ; но все существенное въ наукѣ, по необходимости, крайне его интересуетъ и занимаетъ; одна лекція такого опытнаго профессора, какъ извѣстно, болѣе иногда приноситъ пользы слушателямъ, нежели многія лекціи, фразами наполненныя, молодыхъ, еще неопытныхъ, болѣе на внѣшность обращающихъ вниманіе преподавателей. Разумѣется, могутъ и между прослужившими 25 лѣтъ профессорами быть заслуживающіе порицаніе, нерадивые, неблагонамѣренные, но для этого не должно ожидать, чтобы таковые прослужили 25 лѣтъ; такіе должны быть немедленно удаляемы (§ 83); это должно одинаково относиться и къ старымъ и къ молодымъ преподавателямъ.

§ 32. Баллотированіе т. е. избраніе помощію балловъ или шаровъ.— Необходимо сдѣлать различіе касательно избранія баллотированіемъ шарами, и помощію подаваемыхъ записокъ съ именемъ кандидата. Избраніе *изъ среды* своей на какую-либо должность помощію шаровъ крайне неосновательно и неудобопримѣнимо. При

этомъ способѣ избранія a) *всѣ* члены, какъ имѣющіе право быть избранными, *должны* быть баллотируемы, никто не можетъ отказаться; b) каждый можетъ, имѣетъ право положить, не только *многимъ* лицамъ, но и *всѣмъ* избираемымъ избирательный шаръ: слѣдовательно онъ не избиралъ, не выбиралъ достойнѣйшаго; c) опытъ показываетъ, что часто результаты такого рода избранія зависятъ отъ многихъ случайностей. Гораздо правильнѣе, раціональнѣе избраніе изъ *среды своей*, напр. ректора въ совѣтѣ, декановъ въ факультетахъ, производить помощію подаваемыхъ закрытыхъ записокъ, на который каждыхъ избиратель обязанъ написать имя одного, имъ избираемаго члена, какъ достойнѣйшаго, по его мнѣнію, занять извѣстную должность. Иное дѣло при избраніи для поступленія *въ среду* членовъ какого собранія, напр. избраніе преподавателей, тогда должно употреблять способъ избранія баллотированіемъ т. е. помощію шаровъ.

§ 33. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ засѣданія; онъ же собираетъ голоса, начиная съ младшаго изъ членовъ. Это совершенно лишнее для устава университета, какъ постановленіе общее для всѣхъ присутствій.

§ 34. Синдикъ присутствуетъ въ засѣданіяхъ совѣта безъ права голоса; но, въ случаѣ замѣченнаго имъ уклоненія въ рѣшеніи дѣлъ отъ законнаго порядка, докладываетъ объ этомъ совѣту, со внесеніемъ своего мнѣнія въ протоколъ, не останавливая однако исполненія рѣшенія. На основаніи Свода Законовъ, *секретарь* всякаго присутствія, въ случаѣ уклоненія въ рѣшеніи дѣлъ отъ законнаго порядка, докладываетъ о томъ присутствію, и можетъ записать свое мнѣніе въ протоколъ: слѣдовательно синдикъ, обязанность котораго *только этимъ* § опредѣляется, лишнее лицо.

§ 35. Въ этомъ параграфѣ исчислены въ частности предметы занятій совѣта; многія, разумѣется лишнія, къ совѣту не относящіяся, другихъ, какъ это обыкновенно бываетъ при исчисленіи частностей, нѣтъ. Не лучше ли было бы сдѣлать опредѣленіе совѣта, въ которомъ заключалась бы цѣль его существованія и вообще предметы занятій совѣта. Всѣ означенные въ этомъ § предметы занятій совѣта выражены весьма неточно, неясно:

1) Избраніе ректора, почетныхъ членовъ, почетныхъ докторовъ и корреспондентовъ. Избраніе ректора дѣлается (по § 32) баллотированіемъ; неужели и избраніе почетныхъ членовъ производится также баллотированіемъ? Членъ совѣта предлагаетъ лицо, пріобрѣвшее извѣстность своими заслугами (§ 134), въ почетные члены

университета; производится баллотированіе, и въ случаѣ неизбранія, лицо это имѣетъ право объявить справедливую претензію за то, что его, безъ вѣдома и согласія его, подвергали баллотированію; или неужели ожидать пока подано будетъ прошеніе отъ какого лица объ избраніи его въ почетные члены? Что̀ такое почетные доктора? какія ихъ права, преимущества? не лишнее ли это подражаніе иностраннымъ университетамъ?

2) Избраніе преподавателей университета и назначеніе ихъ, *установленнымъ порядкомъ*, къ разнымъ университетскимъ должностямъ. *Установленнымъ порядкомъ:* какимъ? Объ избраніи преподавателей по факультетамъ уже сказано выше (къ § 26). Деканство есть университетская должность, а деканы избираются своими факультетами (§ 69), слѣдовательно не совѣтомъ.

3) Сужденіе по представленіямъ факультетовъ и по заявленіямъ отдѣльныхъ членовъ совѣта. Почему же факультеты дѣлаютъ *представленія*, а члены совѣта только *заявленія?*

4) Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія; соединеніе, раздѣленіе каѳедръ и замѣна однѣхъ изъ нихъ другими; распредѣленіе предметовъ и порядка преподаванія ихъ въ университетѣ. О раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія сказано уже въ § 9. *Раздѣленіе* каѳедръ: какъ же раздѣлить каѳедру, если нѣтъ по штату преподавателя (§ 6). *Замѣна* однѣхъ каѳедръ другими: если такая *замѣна* нужна и возможна, то нѣтъ никакой надобности опредѣлять въ уставѣ, какія въ каждомъ факультетѣ полагаются каѳедры (§§ 12, 13, 14, 15); лучше опредѣлить только число каѳедръ по каждому факультету. Не для того же уставъ составляется, чтобы его, немедленно по утвержденіи, измѣнять, замѣнять одну каѳедру другою. *Распредѣленіе предметовъ и порядка* преподаванія ихъ есть предметъ занятій въ факультетскихъ собраніяхъ (§ 26, 1), и означено уже въ этомъ уставѣ (§§ 12, 13, 14, 15).

5) Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ. Это совершенно лишнее. Члены совѣта не присутствуютъ всѣ при экзаменахъ въ факультетахъ, и не могутъ никакъ знать, какъ экзамены производились; что̀ же они утверждаютъ? Обыкновенно это дѣлается такъ: факультеты представляютъ совѣту, что такія-то лица были экзаменованы и получили такія-то отмѣтки, почему, на основаніи существующихъ постановленій объ экзаменахъ, удостоены такой-то степени или званія. Что̀ же и на основаніи какихъ данныхъ можетъ совѣтъ утверждать или не утверждать? Почему не предоставить этого окончательнаго утвержденія факультету, какъ

коллегіи, съ полною отвѣтственностію членовъ факультета въ случаѣ незаконности дѣйствій при экзаменахъ и при удостоеніяхъ, и не подвергать этой отвѣтственности членовъ совѣта совершенно непричастныхъ ни экзамену, ни удостоенію въ степени, и въ званіи. Медико-хирургическимъ академіямъ предоставлено такое право удостоенія и утвержденія.

6) Изслѣдованіе упущеній университетскихъ преподавателей въ исправленіи ихъ должностей. Важное право и обязанность совѣта въ теоріи, но какъ трудно примѣнимое и исполнимое въ практикѣ.

7) Главное распоряженіе учебными и вспомогательными при университетѣ пособіями и заведеніями, т. е. учебно-вспомогательными учрежденіями (Глава VIII § 138—139); *главное* распоряженіе — терминъ весьма неопредѣлительный. Трудно очень сознательно распоряжаться членамъ совѣта акушерскою клиникою, анатомическимъ театромъ, обсерваторіею: все же только, единственно только на основаніи предположеній факультетовъ, къ которымъ эти учебно-вспомогательныя учрежденія принадлежатъ, могутъ быть сдѣланы такого рода распоряженія.

8) Сужденіе о сочиненіяхъ и переводахъ. Сужденіе это требуетъ спеціальныхъ знаній, и не можетъ быть обязательнымъ, не можетъ лежать на отвѣтственности членовъ совѣта; гораздо лучше предоставить это сужденіе спеціальнымъ коллегіямъ — факультетамъ.

9) Разрѣшеніе пріема студентовъ въ университетъ, увольненія изъ онаго и перехода изъ одного факультета въ другой. Это также теперь не можетъ быть предметомъ занятій совѣта. По § 97, *всѣ* молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста, окончившіе съ успѣхомъ гимназическое образованіе, *могутъ быть приняты* въ университетъ. Въ чемъ же должно состоять разрѣшеніе совѣта въ пріемѣ студентовъ? Въ разсмотрѣніи аттестатовъ и свидѣтельствъ отъ гимназій и метрическихъ свидѣтельствъ; но гораздо удобнѣе и цѣлесообразнѣе поручить это разсмотрѣніе одному лицу, напр. ректору, и ему же предоставить это разрѣшеніе пріема студентовъ, равно какъ увольненіе изъ университета по прошенію и перехода изъ одного факультета въ другой.

10) Разсужденіе по предложеніямъ попечителя. Это единственная статья, составляющая предметъ занятій совѣта, но и та выражена не точно: предложенія могутъ быть не только отъ попечителя, но и отъ министра. Поэтому слѣдовало бы выразить такъ:

10) разсужденія по предложеніямъ начальства о дѣлахъ, требующихъ ученыхъ соображеній.

Недостаточность всего этого 35-го параграфа именно происходить отъ того, что въ немъ *перечислены* предметы занятій совѣта; такое перечисленіе никогда не можетъ быть полное, удовлетворительное, всегда могутъ представиться обстоятельства, не подходящія ни подъ одну статью перечисленія, поэтому и не составляющія предмета занятій совѣта. Такое перечисленіе частныхъ, отдѣльныхъ предметовъ занятій какого бы то ни было присутствія не можетъ и не должно быть допускаемо въ уставѣ, который составляется и Высочайше утверждается не на одинъ годъ.

§ 39. Произнесеніе рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ университета, предъ разнородною публикою, представляетъ разныя неудобства. Обыкновенно рѣчи эти пишутся профессорами *поочереди*, слѣдовательно *по всѣмъ* предметамъ, преподаваемымъ въ университетѣ. Главное достоинство рѣчи, произносимой предъ публикой, есть, чтобы рѣчь была понятна для публики, интересовало бы ее и содержаніемъ, и изложеніемъ. Ученая рѣчь по особеннымъ специальнымъ предметамъ,—по математикѣ, по Греческой филологіи, по Римскому праву, по анатоміи, по акушерству и проч., имѣющая несомнѣнныя достоинства, можетъ быть весьма не интересна, не понятна (на Латинскомъ языкѣ), чрезмѣрно скучна для большей части разнородной, слушающей публики. Если произносятся двѣ рѣчи, изъ коихъ предметъ и изложеніе одной болѣе доступны большинству, а другая, по своему предмету и по изложенію (на Латинскомъ языкѣ) менѣе доступна, — дѣлается несправедливое, крайне обидное сужденіе публики о достоинствахъ рѣчей: первой дозволяетъ даже себѣ публика аплодировать. Поэтому не лучше ли положить необязательнымъ произнесеніе рѣчей на торжественныхъ собраніяхъ университета, и ограничиться чтеніемъ отчета, и если кто изъ преподавателей желаетъ произнесть рѣчь, то, по заявленіи о томъ совѣту и по прочтеніи рѣчи членами совѣта, можетъ быть дозволено совѣтомъ такое произнесеніе рѣчи.

§ 40 — 48. Въ § 40 сказано по крайней мѣрѣ, что правленіе имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи части: хозяйственную и распорядительную; сдѣлано по крайней мѣрѣ хотя какое-нибудь опредѣленіе; о совѣтѣ же не сказано ничего: что это за присутствіе? что оно имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи? какія его части? — Въ § 45 сказано, что правленіе расходъ сверхштатный производитъ *не иначе, какъ съ согласія совѣта*, но болѣе ничего не сказано ни объ отношеніяхъ,

ни о связи и зависимости одного отъ другаго этихъ двухъ присутствій. Требуемое согласіе совѣта указываетъ на какую-то подчиненность правленія совѣту, чего прежде не было. Слѣдовало бы ясно и откровенно выразиться объ этомъ.

§ 49. *Примѣчаніе.* Непонятно, почему это примѣчаніе сдѣлано къ § 49, отдѣленію 11) о канцеляріи. — Между предметами занятій правленія въ § 45 сказано: *на каждую издержку свыше 300 руб. правленіе испрашиваетъ разрѣшеніе начальства.* Это единственная статья, по которой испрашивается, по этому уставу, разрѣшеніе начальства по правленію; по совѣту же нѣтъ ни одной, слѣдовательно это примѣчаніе лишнее, хотя въ примѣчаніи къ § 31 и говорится о какихъ-то дѣлахъ совѣта, восходящихъ на разсмотрѣніе попечителя; но какія это дѣла — во всемъ отдѣленіи І-мъ о совѣтѣ не означено.

§ 50—60. Попечитель и его помощникъ никакъ не суть *лица, принадлежащія университету*, они не могутъ принадлежать никому. — Попечитель есть начальникъ университета и учебнаго округа т. е. гимназій, народныхъ училищъ; слѣдовательно обязанности и права попечителя точно также относятся къ уставу университетовъ, какъ и къ уставу гимназій и народныхъ училищъ т. е. не относятся къ уставамъ и не могутъ быть, и не должны быть излагаемы въ уставахъ, но опредѣляются въ особыхъ инструкціяхъ, которыя, по мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, могутъ быть измѣняемы, дополняемы. Опредѣленіе объема власти попечителей, если правительство считаетъ нужнымъ признавать ихъ какъ начальствующія лица, будетъ зависѣть отъ самаго правительства, и не можетъ быть иначе опредѣлено. — Во всякомъ случаѣ, отдѣленіе это о попечителѣ и его помощникѣ не принадлежитъ къ уставу университета уже и потому, чтобы статьи устава, однажды составленнаго, не подвергались частымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

§ 63. Ректоръ имѣетъ право дѣлать замѣчанія всѣмъ *лицамъ, отъ него зависящимъ*.... Какія же это лица, отъ ректора зависящія? и въ чемъ ихъ зависимость состоитъ? Не лучше ли оставить безъ измѣненія § 63 устава 1835, въ которомъ сказано: ректоръ имѣетъ право дѣлать выговоры и замѣчанія профессорамъ и зависящимъ отъ него чиновникамъ....

§ 69. Избраніе въ деканы т. е. предсѣдатели факультетовъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ, совершенно противурѣчитъ самому названію и понятію о деканѣ; нѣтъ и надобности никакой измѣнять существующее до сихъ поръ во всѣхъ университетахъ по-

становленіе объ избраніи декановъ изъ однихъ только ординарныхъ профессоровъ. То обстоятельство, что въ факультетѣ могутъ быть менѣе 3 ординарныхъ, можетъ случиться только въ такомъ случаѣ, если число ординарныхъ профессоровъ будетъ общее для университета назначено, а не для каждаго факультета, какъ замѣчено (въ § 20); въ противномъ же случаѣ, этого быть не можетъ.

§ 70. Какая лѣстница преподавателей? къ чему такое подраздѣленіе? къ чему новое, не Русское названіе доцентовъ, вмѣсто прежняго адъюнктовъ? — Доцентъ (docens) значитъ преподающій, преподаватель, слѣдовательно и ординарный профессоръ и лекторъ равно, по смыслу слова, суть доценты т. е. преподаватели. Употребленіе за границею слова приватъ-доцентъ имѣетъ смыслъ, т. е. частно преподающій профессоръ; но у насъ, при этой іерархіи преподавателей, слово приватъ-доцентъ, между лекторомъ и учителемъ искусствъ поставленное, не имѣетъ ровно никакого значенія. Если бы слово адъюнктъ было замѣнено словомъ не иностраннымъ, еще бы такое нововведеніе было понятно; но употребленіе, вмѣсто адъюнкта, слова доцентъ, съ подраздѣленіемъ на 2 степени, можетъ быть объяснено только желаніемъ новизны.

§ 71. Въ прежнихъ уставахъ 1804 и 1835 годовъ также говорилось: *никто* не можетъ быть ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора, и тѣмъ не менѣе постоянно были и теперь существуютъ ординарные профессоры, неимѣющіе степени доктора, съ названіемъ, правда, исправляющаго должность ординарнаго профессора, которое названіе тѣми уставами не полагалось. Вѣроятно, нельзя никакъ исполнить этого требованія устава; зачѣмъ же его вновь писать въ новомъ уставѣ, если оно не можетъ быть исполняемо. Не для того же законы и постановленія пишутся, чтобы ихъ не исполнять; и всякое отступленіе, какъ исключеніе, сдѣланное для одного, есть тяжкая обида и оскорбленіе для другихъ. Не лучше ли будетъ не писать въ уставѣ условій полученія званія профессора, или оговорить, что исключенія въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть дѣлаемы, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія; но тогда уже нужно назначать не исправляющихъ должность профессора, а прямо ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ. Въ этомъ § ничего не сказано, что требуется отъ желающихъ быть *лекторами;* а слѣдовало бы означить, что отъ нихъ требуется представить свидѣтельство объ окончаніи курса наукъ въ высшемъ какомъ-либо заведеніи учебномъ, и непремѣнное

условіе — знаніе Русскаго языка, безъ чего преподаваніе въ университетѣ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ будетъ совершенно безполезно.

—

Штаты не должны быть прилагаемы при уставѣ. Штатъ т. е. распредѣленіе жалованья и содержанія по штату, можетъ подлежать измѣненіямъ по времени, по обстоятельствамъ, а уставъ долженъ быть неизмѣняемъ на долгое время; измѣненіе настоящее устава вызвано преимущественно необходимостію измѣнить (т. е. увеличить) штаты, равно какъ и составленіе устава 1835 было вызвано тою же необходимостію. Желательно, чтобы составленные новые штаты были прежде утверждены, нежели уставъ, чтобы не казались необходимою принадлежностію новаго устава.

XLI.

Замѣтка ординарнаго профессора университета св. Владиміра Вальтера.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, всякій Русскій профессоръ, стало быть и я, постоянно участвовали въ совѣщаніяхъ о новомъ уставѣ нашихъ университетовъ. Чрезъ это я былъ побужденъ, при нынѣшнемъ моемъ пребываніи за границею, изучать нѣкоторыя стороны иностранной университетской жизни и изслѣдовать ихъ примѣнимость къ нашимъ учебнымъ учрежденіямъ.

Извѣстно, что вездѣ, но особенно у насъ, замѣщеніе вакантныхъ профессорскихъ каѳедръ чрезвычайно важно, но, въ особенности у насъ, неизмѣримо трудно по малочисленности способныхъ спеціалистовъ, желающихъ поступать на наши, средствами бѣдно надѣленныя, каѳедры. Считая, при нашихъ обстоятельствахъ, конкурсъ лучшею мѣрою для замѣщенія каѳедръ, я полагаю, что дѣло этихъ конкурсовъ можетъ значительно выиграть, если всѣ, какими бы то ни было способами отправленные за границу молодые люди, по возвращеніи своемъ, не иначе могутъ получать каѳедры, какъ по конкурсу, и если на эти конкурсы допускаемы будутъ и иностранные ученые. Послѣднимъ, если ихъ сочиненія,

представляемыя на конкурсъ, будутъ заслуживать вниманіе, наши университеты могли бы дать скромныя средства для пріѣзда на мѣсто конкурса и для чтенія конкурсовыхъ лекцій. Послѣднія ими, конечно, будутъ читаемы на иностранныхъ языкахъ. Но такъ какъ, безъ удовлетворительнаго знанія Русскаго языка, никто не долженъ быть профессоромъ въ тѣхъ университетахъ, гдѣ преподаваніе производится по-Русски, то слѣдовало бы, въ случаѣ, если иностранецъ окажется лучшимъ кандидатомъ, дать ему временное званіе и опредѣленіе, съ выдачею напримѣръ половины жалованья, впредъ на два года или менѣе, если кандидатъ до тѣхъ поръ научится читать лекціи по-Русски. Потомъ слѣдовало бы отъ него, въ удостовѣреніе его свѣдѣній по языку, требовать публичное чтеніе лекціи на заданную, часа за два до лекціи, тему и можетъ быть colloquium въ совѣтѣ университета. Я думаю, что такой способъ приготовленія Русскихъ профессоровъ изъ иностранныхъ ученыхъ будетъ не хуже высылки молодыхъ Русскихъ за границу, тѣмъ болѣе, что, при маломъ расположеніи нашихъ университетовъ къ опредѣленію иностранцевъ, можно ожидать, что при этихъ конкурсахъ выбираемы будутъ одни люди съ неоспоримыми достоинствами.

XLII.

Ученаго аптекаря университета св. Владиміра Неезе.

Совѣтъ университета св. Владиміра, при совѣщаніи о новомъ проектѣ устава университетовъ, присвоилъ себѣ заключеніе медицинскаго факультета: что нѣтъ нужды въ учрежденіи особенной профессуры для фармаціи и фармакогнозіи, потому что эти науки имѣютъ для медиковъ только второстепенное значеніе, а потому достаточно опредѣлить для этого доцента. Какъ преподаватель фармаціи въ семъ университетѣ, считаю непремѣннымъ долгомъ высказать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, такъ какъ принятіе вышесказаннаго заключенія совѣта должно имѣть вредное вліяніе на процвѣтаніе фармаціи.

Во-первыхъ, фармація и фармакогнозія, по Высочайше утвер-

жденнымъ правиламъ для испытанія на ученыя степени, причисляются къ существеннымъ для медиковъ предметамъ. Правда, что учащіеся медицинѣ не слишкомъ благоволятъ къ этимъ предметамъ и требованіе даже посредственныхъ въ нихъ свѣдѣній часто почитаютъ за притѣсненіе со стороны экзаменатора. Но ясно, какъ ложенъ такой взглядъ, если указать только на то, какъ часто всякому врачу, особенно же большому числу судебныхъ врачей, приходится повѣрять дѣйствія фармацевтовъ.

Во-вторыхъ, фармація и фармакогнозія не читаются только для медиковъ и не существуютъ единственно для нихъ. Есть многочисленный классъ людей — фармацевты, отъ которыхъ законъ и врачи сами требуютъ основательныхъ свѣдѣній. Такъ какъ, по неимѣнію спеціальныхъ заведеній для фармацевтовъ, высшее образованіе ихъ лежитъ на университетахъ, то эти послѣдніе обязаны стараться объ обширномъ изложеніи и этихъ наукъ и фармацевты ожидаютъ это съ такимъ же правомъ, какъ всякій другой, ищущій въ университетѣ высшаго образованія. Понынѣ преподаваніе фармаціи и фармакогнозіи было поручено управляющему аптекою, какъ бы посторонній трудъ. Но въ надлежащемъ объемѣ и съ успѣхомъ преподавать науку можетъ только человѣкъ, обезпеченный въ своемъ положеніи и исключительно занимающійся своимъ предметомъ, т. е. профессоръ съ особенною каѳедрою.

Медицинскій факультетъ, впрочемъ, это и призналъ и въ декабрѣ 1860 г. ходатайствовалъ не только объ опредѣленіи профессора фармаціи, но и объ учрежденіи фармацевтическаго института и расширеніи клинической аптеки.

Не зная, по какимъ причинамъ факультетъ совершенно отступаетъ отъ прежняго своего взгляда, я указываю только на то, что, по принятіи новѣйшихъ предложеній факультета, преподаваніе фармаціи окажется въ худшемъ положеніи, нежели нынѣ. Всѣ прочіе доценты могутъ надѣяться со временемъ пріобрѣсть каѳедру, фармацевтъ же, не имѣя таковой въ виду, занимаетъ мѣсто только временное, на три года, послѣ которыхъ доцентъ подлежитъ новому выбору (§ 75 проекта). Но если даже и дальнѣйшимъ выборомъ фармацевту остается мѣсто доцента, то жалованье, на которомъ онъ долженъ на всю жизнь остаться, нынѣ вообще признается недостаточнымъ для содержанія семейства. Это жалованье даже непостоянно опредѣленное: оно зависитъ отъ числа доцентовъ и назначенія совѣта (§ 73 проекта). Далѣе важно то, что доцентъ фармаціи, по предложенію факультета, лишенный голоса въ

немъ (§ 15. Примѣчаніе 2), не можетъ защищать интересы преподаваемой имъ науки.

Изъ всего этого ясно видно, что мѣсто такого доцента будетъ весьма незавиднымъ и что едва ли найдется на такія условія дѣльный преподаватель.

И такъ, я полагаю, что, согласно съ заключеніемъ медицинскаго факультета 6 декабря 1860 года, слѣдуетъ учредить не только особую каѳедру фармаціи и фармакогнозіи, но было бы очень полезно учредить и фармацевтическій институтъ и расширить клиническую аптеку.

XLIII.

Замѣчанія на проектъ университетовъ, дворянина Спиридова.

§ 14. До настоящаго времени въ нашихъ университетахъ особенная часть гражданскаго права читалась по Своду Законовъ; общая же часть была построена по началѣ Римскаго права, которое отчасти послужило основаніемъ и самому Своду Законовъ. На Русское обычное право не было обращаемо ни малѣйшаго вниманія. Между прочимъ извѣстно, что обычай, точно такой же источникъ права, какъ законъ. Этотъ tacitus consensus omnium civium есть творчество самостоятельнаго народнаго духа и слѣдовательно болѣе сроденъ народу, нежели заимствованные, писанные законы. Во многихъ образованнѣйшихъ странахъ Европы, обычай послужилъ главнымъ, почти единственнымъ источникомъ права, такъ напримѣръ comone low въ Англіи. Вслѣдствіе этого намъ не лишнимъ, но даже необходимымъ кажется, изученіе Русскаго обычнаго права, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда и литература, и сама жизнь указали намъ на необходимость сближенія съ народомъ, когда, по рѣшенію великаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ, крестьяне (которые собственно и живутъ по обычному праву, въ особенности наслѣдственное право ихъ совершенно разнится отъ Свода Законовъ) получили гражданскія права, свой собственный судъ, и многія новыя, вызванныя рѣшеніемъ этого вопроса, учрежденія поставлены въ близкое соприкосновеніе съ народомъ. Университетъ

по преимуществу долженъ давать намъ людей, знакомыхъ съ правами и обычаями Русскаго народа, которые, при серьезномъ, научномъ образованіи, могли бы заняться разработкою этого богатаго источника права, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время она очень облегчена учрежденіемъ волостныхъ судовъ. Римское право отжило свой вѣкъ и доктора Римскаго права, какъ называетъ нашихъ юристовъ одинъ очень уважаемый всѣми литераторъ, несовременны, по крайней мѣрѣ у насъ на Руси. Въ другихъ государствахъ, напримѣръ во Франціи, преподаваніе Римскаго права имѣетъ смыслъ, потому что племена, положившія основаніе нынѣшней Франціи, вступили на Римскую почву, подпали вліянію Римскаго права, пропитались его духомъ, и на немъ основали свое законодательство, для разработки котораго необходимо слѣдовательно Римское право. Русь жила совершенно отдѣльною жизнію, имѣла свое, собственно народомъ созданное право, которое мы знаемъ изъ лѣтописи и законодательныхъ памятниковъ, каковы Русская Правда, договорныя грамоты князей, судебники, судебныя грамоты и другія. Съ XVIII вѣка это право начало затираться и замѣняться цѣлыми статьями изъ иностранныхъ кодексовъ. Настоящему поколѣнію юристовъ оно едва ли извѣстно въ нынѣшнемъ его состояніи. По этому отъ души желаемъ преподаванія въ нашихъ университетахъ Русскаго гражданскаго обычнаго права.

§ 70. До составленія новаго проекта общаго устава университетовъ существовало званіе приватъ-доцента; число приватъ-доцентовъ, кажется, было также неограниченно, но это оставалось рѣшительно пустою формальностью. Приватъ-доцентство существовало на словахъ, и потому желательно было бы, чтобы, со введеніемъ въ дѣйствіе настоящаго устава, оно начало свое существованіе на дѣлѣ. Польза этого учрежденія неоспорима. Конкуренція, гдѣ бы она ни была, въ промышлености, въ торговлѣ, или въ наукѣ, одинаково полезна. Рошеръ справедливо говоритъ, что свободное соперничество въ мірѣ промышленомъ и торговомъ, хотя вызываетъ нѣчто въ родѣ войны между людьми, какъ производителями, но за то соединяетъ въ одно общество, связанное общими интересами всѣхъ людей, какъ потребителей; свободное соперничество представляетъ собою то средство, благодаря которому, большая и между тѣмъ постоянно возрастающая часть силъ природы, обращается въ безвозмездное общедоступное достояніе. То же самое и въ наукѣ. Конкуренція хотя оставляетъ безъ слушателей старыхъ отсталыхъ профессоровъ, и тѣмъ самымъ заставляетъ ихъ смо-

трѣть не дружелюбно на приватъ-доцентовъ, но учащееся поколѣніе выигрываетъ, слушая людей, прослѣдившихъ науку до послѣдней фазы ея развитія. Знанія, лежащія долго подъ спудомъ, дѣлаются доступнымъ для многихъ достояніемъ. Коммиссія, одною изъ главныхъ задачъ своихъ при составленіи университетскаго устава, поставила образованіе состава учащихся съ признаннымъ научнымъ направленіемъ *), а для достиженія этой цѣли мы считаемъ полезнымъ способствовать возможно большему развитію приватъ-доцентства, а также необходимымъ полагаемъ допущеніе въ совѣтъ съ правомъ голоса какъ приватъ-доцентовъ, такъ въ особенности старшихъ доцентовъ, какъ людей, часто занимающихъ отдѣльныя каѳедры. Это, во-1-хъ, не было бы лишнимъ для совѣта въ его занятіяхъ, которыя по большей части относятся къ ученой дѣятельности университетовъ (глава III, отдѣленіе I, § 35, 3, 4, 5, 6, 7, 8,), а во-2-хъ, могло бы въ глазахъ студентовъ возвысить авторитетъ университетской корпораціи.

§ 122. Запрещается учащимся собираться, для недозволенныхъ начальствомъ цѣлей, составлять прошенія и собирать подписки, вопреки общимъ законамъ и университетскимъ постановленіямъ. Мы совершенно согласны съ коммиссіею относительно воспрещенія составленія прошеній, собиранія подписей и студенческихъ сходокъ, мѣшающихъ какъ университетскому преподаванію, такъ и занятіямъ учащихся; но весьма сожалѣемъ, что коммиссія не потрудилась отыскать другихъ способовъ для заявленія студентами своихъ нуждъ и для правильнаго сношенія съ своимъ начальствомъ. Всѣ студенческія неурядицы произошли, конечно, вслѣдствіе несообразности изданныхъ въ прошедшемъ году правилъ съ настоящимъ временемъ, но развились до такой степени, по нашему мнѣнію, единственно вслѣдствіе невозможности заявить свои нужды законнымъ образомъ.

Законныхъ способовъ не было; начались сходки, составленіе прошеній и къ ректору и попечителю и къ Государю, собираніе подписей, наконецъ прошеніе къ генералъ губернатору, для передачи Государю, и исторія 12-го октября, при воспоминаніи о которой и теперь нельзя отозваться безъ сожалѣнія.

Намъ страннымъ кажется, почему коммиссія не рѣшилась допустить существованіе депутатовъ отъ факультета или курса для сношеній студентовъ съ начальствомъ? Неужели она боялась,

*) См. объяснительную записку.

что съ предоставленіемъ студентамъ этого права начнутся новыя исторіи, новыя демонстраціи. Мы совершенно обратнаго мнѣнія. Само университетское начальство часто прибѣгало къ этой мѣрѣ (конечно, частнымъ, не оффиціальнымъ образомъ) и дѣла кончались благополучно, по крайней мѣры не доходило до исторіи, подобной 12-му октября; или, можетъ быть, коммиссія заботилась только о серьезномъ, научномъ направленіи учащихся, но въ такомъ случаѣ она рѣшительно позабыла, что мы вовсе не желаемъ, чтобы нашихъ братьевъ и сыновей подвергали наказаніямъ и лишали способовъ получить образованіе, о необходимости котораго въ настоящее время нечего и говорить. Мы думаемъ, что коммиссія и само правительство выиграли бы въ глазахъ студентовъ допущеніемъ депутатовъ и тѣмъ прекратились бы всѣ демонстраціи. Итакъ, мы считаемъ необходимымъ отысканіе какихъ-либо способовъ (по нашему мнѣнію, лучшимъ могутъ служить депутаты), для предоставленія студентамъ возможности заявлять начальству свои нужды.

Считаемъ не лишнимъ прибавить, что введеніе въ число наказаній ареста ни къ чему хорошему не ведетъ. Всякія, а въ особенности мелкія стѣсненія только раздражаютъ и предполагаемая цѣль (исправленіе) не достигается даже на короткое время.

XLIV.

Замѣчаніе почетнаго смотрителя Московскаго начальнаго училища П. Савинова.

Къ § 71, по поводу примѣчанія, предлагаемаго совѣтомъ Московскаго университета. Высшая изъ ученыхъ степеней требуется для званія ординарнаго профессора каждой науки, исключая важнѣйшую изъ наукъ. Никакія обстоятельства и соображенія не могутъ оправдать такую несообразность.

Къ § 82, по поводу измѣненій совѣта. Званіе заслуженнаго профессора должно давать только прослужившему 25 лѣтъ проссоромъ, по крайней мѣрѣ экстраординарнымъ. Иначе это званіе будетъ даваться слишкомъ часто для того, чтобы могло пользоваться надлежащимъ почетомъ. Иначе прослужившему 25 лѣтъ доцентомъ

можно будетъ дать это званіе (сличи § 70) помимо другихъ высшихъ званій, а сообразно ли это? — Странно вставлять «и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ», когда передъ глазами уставъ однихъ университетовъ.

Къ § 86. Вмѣсто «вознагражденіе», опредѣленнѣе сказать «жалованье» или «ежегодное вознагражденіе».

Къ § 97. Узаконять для вступающихъ въ университетъ 17-лѣтній возрастъ, вмѣсто прежняго 16-лѣтняго, нѣтъ никакой нужды.

Къ § 118. Полезно узаконить, чтобы студенты были экзаменуемы по окончаніи каждаго академическаго года, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ предметамъ. Болѣе рѣдкіе экзамены ведутъ если не къ уменьшенію занятій, то къ менѣе равномѣрному распредѣленію ихъ относительно времени. Предоставить назначеніе времени для экзаменовъ исключительно совѣту значитъ дать лишній поводъ къ претензіямъ со стороны студентовъ.

Къ § 119. Вмѣсто «полныя испытанія съ отличнымъ успѣхомъ», скажите: «всѣ испытанія вполнѣ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ». Предосудительно злоупотреблять словомъ, допускать фразы, несоотвѣтствующія дѣлу. Отличіе есть нѣчто рѣдкое, а кандидатской степени удостоиваются ежегодно сотни лицъ. «Окончившіе же всѣ испытанія» опредѣленнѣе, чѣмъ «оказавшіе же на испытаніяхъ».

Къ § 122, по поводу предлагаемаго совѣтомъ исключенія второй половины этого §. Необходимо, чтобы въ самомъ университетскомъ уставѣ были изложены главныя и существенныя изъ столь важныхъ правилъ, соблюденіемъ коихъ обусловливается порядокъ въ стѣнахъ университетскихъ.

Къ § 129. Конецъ измѣненія, предложеннаго совѣтомъ, должно изложить яснѣе и опредѣленнѣе. Напр. такъ: «потомъ онъ испытывается изъ всѣхъ предметовъ, изъ коихъ экзаменуются и студенты въ продолженіе и при окончаніи университетскаго ученія», или «изъ всѣхъ предметовъ, кои прочитываются въ факультетѣ въ продолженіе 4-лѣтняго курса». Далѣе: «Если всѣ упомянутые экзамены будутъ и не вполнѣ удовлетворительно выдержаны и если его диссертація будетъ одобрена факультетомъ, то онъ удостоивается кандидатской степени». Докторство должно давать по удовлетворительномъ выдержаніи испытанія, болѣе спеціальнаго, чѣмъ магистерское. Необходимо узаконить, чтобы профессоръ, разсмотрѣвъ кандидатскую диссертацію, въ присутствіи оффиціальныхъ лицъ, предлагалъ представившему оную нѣсколько вопросовъ, а по-

томъ вступалъ съ нимъ въ краткій диспутъ, — хотя бы только съ тою цѣлью, чтобы удостовѣриться, въ какой мѣрѣ должно или даже должно ли признавать представившаго оную авторомъ оной, и чтобы кандидатская диссертація не была одобряема безъ полнаго удостовѣренія въ томъ, что представившій оную есть вполнѣ авторъ оной.

Къ § 152. Несообразно предоставлять одинъ и тотъ же классъ тремъ должностямъ, изъ коихъ первая считается высшею относительно второй, а вторая—относительно третьей. Притомъ, сличивъ § 152 съ § 71, открываемъ важную несообразность. По § 71 младшимъ доцентомъ можетъ быть кандидатъ, а по § 152 — всѣ доценты состоятъ въ VIII классѣ и, по предъявленіи отъ университета свидѣтельствъ на это званіе, получаютъ чинъ, этому классу соотвѣтствующій. Безъ большаго труда кандидатъ можетъ написать удовлетворительную диссертацію въ полгода и приготовиться къ пробнымъ лекціямъ въ самое короткое время. Слѣд. чинъ коллежскаго ассессора, предоставляемый ему за 6, 5 и рѣдко 4-лѣтній трудъ въ гражданской службѣ, предполагается давать ему же за трудъ какого-нибудь года или даже менѣе для ученой службы.

Наконецъ, по поводу доклада Московскаго медицинскаго факультета, замѣчу, что дать лекарю служебныя преимущества магистра было бы несправедливо. Кандидатъ получаетъ чинъ титулярнаго совѣтника лишь по 3-лѣтней и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 2-лѣтней службѣ. Справедливо ли одному давать черезъ пять лѣтъ то, что другой, при равномъ трудѣ, получаетъ черезъ семь и только иногда черезъ шесть лѣтъ? Принять, что годичный трудъ студента медицинскаго факультета значительнѣе, чѣмъ годичный трудъ студента другихъ факультетовъ или чиновника, значило бы принять парадоксъ. Притомъ, если лекарю дадите IX классъ, то сообразно ли будетъ дать XII классъ дѣйствительному студенту медицинскаго факультета, который можетъ быть и трудился и успѣлъ немного менѣе лекаря? А сравнять это послѣднее званіе относительно правъ съ кандидатами другихъ факультетовъ справедливо ли и прилично ли? Итакъ лекарю, при вступленіи въ гражданскую службу, должно быть дано только право получить чинъ IX класса годомъ ранѣе кандидата, тѣмъ болѣе, что «въ настоящее время лекарей у насъ много».

XLV.

Объ организаціи и служебныхъ правахъ нашей учебной системы, Д. Скуратова.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, обращающихъ на себя общее вниманіе въ настоящее время, можетъ быть и самый важный для будущности Россіи, есть, безъ сомнѣнія, преобразованіе нашихъ учебныхъ учрежденій. Какъ бы ни были благодѣтельны сами по себѣ всѣ другія реформы, но успѣшное приведеніе ихъ въ дѣйствіе будетъ всегда зависѣть отъ направленія, которое будетъ дано образованію нашего юношества. Мы уже на опытѣ извѣдали, какъ мало оправдываются ожиданія, возбуждаемыя разными преобразованіями и улучшеніями, которыя отъ времени до времени предпринимаются по государственному управленію. Причины этихъ неутѣшительныхъ результатовъ должно искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ недостаткѣ людей, которые могли бы правильно понять и привести въ исполненіе виды и намѣренія правительства. Можно безъ преувеличенія утверждать, что началомъ всякаго улучшенія у насъ, какъ и вездѣ, должно быть хорошо обдуманное и безпрерывно совершенствуемое устройство учебныхъ учрежденій. Министерство народнаго просвѣщенія справедливо можно считать министерствомъ будущности.

До сихъ поръ пренія объ измѣненіяхъ въ системѣ народнаго образованія касались преимущественно нашихъ университетовъ и гимназій. Сколько намъ извѣстно, въ нихъ принимали участіе печатно только профессора этихъ же университетовъ и лица, преподающія въ другихъ учебныхъ учрежденіяхъ. Конечно, ихъ голосъ имѣетъ въ этихъ предметахъ особенную важность. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что, для всесторонняго обсужденія вопросовъ, касающихся образованія юношества, необходимо, чтобы въ немъ принимала участіе и публика, то есть люди, не занимающіе никакихъ должностей по учебной части. Профессоръ университета, директоръ и преподаватель гимназіи видятъ воспитанниковъ и интересуются ими только пока они не кончили курса ученія. Если экзамены ихъ идутъ успѣшно, если воспитанники хорошо отвѣчали на сдѣланные имъ вопросы, то эти должностныя лица естественно думаютъ, что ничего не остается болѣе желать, и что цѣль учебныхъ заведеній вполнѣ достигнута. Но дальнѣйшая судьба воспитанниковъ, равно

какъ и польза, приносимая ими обществу и самимъ себѣ, по большей части ускользаютъ отъ вниманія воспитателей. Нельзя и требовать отъ людей, которыхъ все время поглощается трудною обязанностью ежедневнаго преподаванія, чтобъ они слѣдили за своими учениками въ послѣдующей ихъ жизни, тѣмъ болѣе, что такъ какъ они только учатъ, а не воспитываютъ, то не можетъ быть прочныхъ, крѣпкихъ связей между ними и учениками по выходѣ этихъ послѣднихъ изъ школы. Напротивъ того, въ публикѣ рѣдко кто не былъ въ сношеніяхъ болѣе или менѣе близкихъ съ бывшими гимназистами, лицеистами, студентами, и не принималъ живѣйшаго участія въ ихъ судьбѣ. Кто же можетъ оспаривать, что желаніе отцовъ, матерей, родственниковъ, должны по всей справедливости быть приняты въ соображеніе при устройствѣ заведенія, гдѣ воспитываются ихъ собственныя или состоящія подъ ихъ опекою дѣти? А надобно признаться, что до сихъ поръ ихъ устройство и программы ученія вовсе не удовлетворяли этому справедливому требованію. Вотъ почему немного встрѣтишь людей, которые бы вполнѣ одобряли ученіе, преподаваемое въ нашихъ школахъ; вообще всѣ думаютъ, что въ нихъ, съ одной стороны, преподается много лишняго, а съ другой — не обращается должнаго вниманія на приготовленіе учениковъ къ практической жизни *). Да и какъ этого не думать, когда случается встрѣчать студентовъ, которые слушали лекціи Санскритскаго языка, а на родномъ языкѣ не умѣютъ порядочно написать простаго письма. Одинъ учитель, самъ бывшій студентъ Московскаго университета, говаривалъ, когда бы-

*) Не мы одни жалуемся на это. «Въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, говоритъ *Journal des Débats* (перепечатано въ *le Nord* 1861 aout 8), факультетскія каѳедры, кромѣ блестящихъ исключеній, имѣютъ по большей части очень немногочисленную аудиторію, и курсы высшаго ученія, хотя обыкновенно хорошо составленные, не всегда охотно посѣщаются. Если у министра народнаго просвѣщенія является похвальное желаніе возбудить въ нашихъ департаментахъ вкусъ къ литературѣ и наукамъ, онъ увеличиваетъ число факультетовъ и поручаетъ каѳедры профессорамъ, которыхъ онъ считаетъ наиболѣе способными. Впослѣдствіи, онъ съ крайнимъ удивленіемъ замѣчаетъ, что учрежденные имъ курсы не привлекаютъ слишкомъ большой толпы слушателей. Успокоивая себя сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ все, что̀ только могъ, онъ увѣренъ, что болѣе нѣтъ никакой возможности пробудить въ провинціи умственную жизнь, ибо даже министерскія распоряженія его не имѣли этого дѣйствія. Еслибы провинція имѣла голосъ, не могла ли бы она возразить, что не можетъ же вѣдь она легко пристраститься къ обученію, предметъ котораго вовсе не соотвѣтствуетъ ея потребностямъ, и къ профессорамъ, которые пріѣзжаютъ къ ней внезапно, Богъ знаетъ откуда и никому неизвѣстны?»

валъ недоволенъ своими учениками: «Вы пишите по-Русски, какъ студентъ». Бо́льшая часть самихъ студентовъ раздѣляютъ мнѣніе публики о безплодности преподаваемаго имъ ученія и стараются какъ можно скорѣе забыть, по выходѣ изъ университета, пріобрѣтенныя ими тамъ познанія. Эти факты происходятъ у насъ ежедневно на глазахъ. Чему приписать такое печальное направленіе? Не тому ли, что ученіе въ нашихъ заведеніяхъ не согласно ни съ народнымъ характеромъ, ни съ потребностями общества? Еслибы воспитаніе было у насъ преимущественно дѣломъ частныхъ школъ, этого никакъ бы не могло случиться: собственныя выгоды содержателей всегда дѣлаютъ ихъ чуткими къ общественному мнѣнію относительно результатовъ ихъ преподаванія. Такія школы могутъ наполняться только когда практическая ихъ польза признается публикою. Пустая школа и пустой карманъ скоро бы вразумили содержателя школы, который воображалъ бы ниже своего достоинства сообразоваться съ ея требованіями и желаніями. Что̀ же заставляетъ насъ отдавать нашихъ дѣтей въ учебныя заведенія, которыя очевидно не пользуются нашимъ сочувствіемъ? Дешевизна обученія и служебныя преимущества, вотъ двѣ причины, которыя сдѣлали наши воспитательныя учрежденія въ полномъ смыслѣ казенными, а именно, поставили ихъ въ совершенную независимость отъ общественнаго мнѣнія, даже мнѣнія той части публики, для которой они существуютъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, корень всего зла, и пока онъ не истребится, всѣ улучшенія останутся тщетными. Ужь и то большое зло, что, при такихъ казенныхъ учрежденіяхъ, частныя учебныя заведенія почти не могутъ существовать, и слѣдовательно благодѣтельное вліяніе соперничества въ дѣлѣ образованія нигдѣ не можетъ проявиться. Родители рады тому, что ихъ дѣтей не только почти даромъ учатъ, но еще открываютъ имъ путь къ высшему положенію въ свѣтѣ, которое хотя и достигается однимъ на сто, но все-таки служитъ приманкою для честолюбія, сначала родителей, а потомъ и самихъ воспитанниковъ. Такъ имъ ли умничать и критиковать системы ученія, принятыя въ этихъ заведеніяхъ? Поэтому-то свобода въ сужденіи и печатная гласность нигдѣ такъ не нужны у насъ, какъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, получаемыхъ въ нашихъ казенныхъ низшихъ и высшихъ школахъ. Надобно всякому предоставить право высказывать о нихъ свое мнѣніе, и всякій долженъ пользоваться этимъ правомъ по своему крайнему разумѣнію. Вотъ почему, не будучи ни дѣятелемъ, ни спеціалистомъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, я позволяю

себѣ высказать свои мнѣнія, или, пожалуй, свои желанія, касательно устройства нашихъ учебныхъ заведеній. Для этого мы должны прибѣгнуть къ обыкновенному органу гласности — къ журналамъ, и никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ одной изъ статей *Московскихъ вѣдомостей*, что вопросъ объ университетахъ нельзя обсуживать въ журнальныхъ статьяхъ; если допустить это, то̀ онъ нигдѣ не будетъ обсуживаться, кромѣ тѣснаго круга должностныхъ лицъ, а мы уже замѣтили, какъ односторонни бываютъ такія сужденія. Въ настоящее время журналистика стоитъ въ Европѣ на такой степени высоты, вліяніе ея такъ велико, что нельзя предустанавливать никакихъ границъ области ея изслѣдованій. Правда, у насъ слишкомъ часто пишутъ о предметахъ первостепенной важности въ родѣ фельетонныхъ статей, не имѣя ничего сказать, а такъ себѣ, чтобы наполнить страничку журнала; но что-жь изъ этого? Потому, что наша журналистика дѣйствительно еще мелка, поверхностна и сильно заражена пустословіемъ, нельзя же осудить ее навсегда оставаться въ такомъ младенческомъ состояніи, отказывая ей въ правѣ касаться серьезныхъ предметовъ, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и устройство общественнаго воспитанія.

Главная цѣль школъ, учреждаемыхъ для воспитанія, состоитъ, по нашему мнѣнію, не въ пріобрѣтеніи познаній, а въ многостороннемъ упражненіи ума, посредствомъ самостоятельнаго по возможности изученія фактовъ, доступныхъ понятію отрока или юноши на каждой ступени постепеннаго развитія его умственныхъ способностей. Въ памяти не можетъ удержаться то, что̀ усвоено безъ участія или съ малымъ участіемъ высшихъ способностей человѣческаго мышленія. Область познаній безконечна, ни одинъ человѣкъ не можетъ пріобрѣсть и усвоить себѣ всевозможныя познанія; равно нельзя опредѣлить заранѣе, какія познанія потребуются тому или другому ученику. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, говоритъ пословица; поэтому главное дѣло воспитанія заключается не въ сообщеніи познаній, а въ развитіи умственныхъ способностей учениковъ такъ, чтобъ они могли, по выходѣ изъ школы, самостоятельно изучать тѣ отрасли наукъ, которыя они найдутъ для себя нужными. Мы не хотимъ однако этимъ сказать, чтобъ ученикъ, выходя изъ школы, не долженъ имѣть познаній; но они будутъ пріобрѣтены имъ, такъ сказать, случайно, какъ матеріалъ, надъ которымъ онъ работалъ для упражненія, укрѣпленія и развитія своихъ духовныхъ силъ. За то онъ вынесетъ съ собою неоцѣнен-

ный даръ — привычку къ самостоятельному, неутомимому и твердому мышленію, а съ этимъ человѣкъ нигдѣ не пропадетъ, и никогда не будетъ безполезнымъ членомъ общества. Вполнѣ и правильно развитому уму легко пріобрѣсть всѣ знанія, какія могутъ ему понадобиться на томъ поприщѣ, гдѣ ему придется дѣйствовать.

Вотъ почему Англійскія высшія учебныя школы неизмѣримо выше, по нашему мнѣнію, Нѣмецкихъ, а слѣдовательно и нашихъ, учрежденныхъ по образцу этихъ послѣднихъ. «Когда Англійскій студентъ», говоритъ Берлинскій профессоръ докторъ Визе, «выходитъ изъ университета, то онъ по обширности познаній, въ сравненіи съ Нѣмецкимъ, покажется неучемъ; но пройдетъ лѣтъ десять, изъ него выйдетъ государственный человѣкъ, а изъ Нѣмецкаго — филистеръ или ученый книгоѣдъ (Bücherwurm)». Если такое направленіе признается вреднымъ для самихъ Нѣмцевъ, народа отъ природы трудолюбиваго, страстнаго къ наукѣ, то во сколько же кратъ оно должно быть пагубнѣе для такой націи, какъ Русская, имѣющая совершенно другой темпераментъ и складъ ума?

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ приведено было мнѣніе газеты *Times*, которая, говоря объ устройствѣ Англійскихъ университетовъ, полагаетъ, что оно не можетъ служить образцомъ для Россіи, на томъ основаніи, что Россія не обладаетъ въ настоящее время многочисленными и удовлетворенными средними классами, которымъ могла бы принести пользу такая система воспитанія и образованія. Мы питаемъ большое уваженіе къ *Times*, но только не тогда, когда онъ пишетъ о Россіи, о которой онъ до сихъ поръ еще передаетъ самыя поверхностныя и невѣрныя свѣдѣнія. Замѣтимъ прежде всего, что нельзя сравнивать Англійскіе университеты (то-есть собственно Оксфордъ и Кембриджъ) ни съ Нѣмецкими, ни съ нашими, ибо они вовсе не университеты въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову на материкѣ Европы. Оксфордскій и Кембриджскій университеты не что̀ иное, какъ конгрегація высшихъ закрытыхъ школъ, и изъ нихъ каждая имѣетъ своего собственнаго начальника и своихъ собственныхъ учителей, которые всѣ, равно какъ и студенты, живутъ въ стѣнахъ этихъ учебныхъ заведеній, называемыхъ коллегіями. Правда, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ есть залы, въ которыхъ читаются профессорскія лекціи для студентовъ всѣхъ коллегій, но эти лекціи вовсе не имѣютъ для нихъ такого значенія, какъ въ прочей Европѣ. Студентамъ совѣтуется посѣщать ихъ только тогда, когда они тщательно и подробно изучили частнымъ образомъ и въ коллегіи различные пред-

меты и книги курса. Вообще, тамъ на профессорскія лекціи смотрятъ, какъ на дополненіе къ собственнымъ занятіямъ и къ коллегіальнымъ лекціямъ или какъ на окончательную полировку университетскаго, то есть коллегіальнаго курса. Англичане не признаютъ теоріи, что слушаніе лекцій можетъ быть главнымъ средствомъ пріобрѣтенія познаній. Какъ средство передачи элементовъ или основъ высшаго образованія, лекціи, по мнѣнію Англичанъ, не только не приносятъ пользы, но могутъ быть вредны, потому что «часто приводятъ учащагося къ убѣжденію, что онъ знаетъ что-нибудь, когда онъ ровно ничего не знаетъ» *). Слѣдовательно, мы въ правѣ утверждать, что Англійскіе университеты не что иное, какъ высшія закрытыя школы.

Оставляя въ сторонѣ наши университеты и сравнивая Англійскія коллегіи съ нашими закрытыми заведеніями, мы найдемъ возраженія *Times* далеко не такъ убѣдительными, какъ это показалось вышеупомянутому Русскому журналу. Содержаніе своекоштныхъ небогатыхъ студентовъ въ Оксфордскомъ университетѣ обходится въ сложности около 1500 руб. сер. Принимая въ соображеніе относительную дороговизну жизни и дешевизну денегъ въ Англіи, это не Богъ знаетъ какъ дороже тѣхъ денегъ, которыя платятся ежегодно за содержаніе воспитанника въ Александровскомъ лицеѣ. Но такъ какъ каждый Англійскій студентъ получаетъ особую квартиру, состоящую изъ кабинета, спальни и еще небольшой комнаты для вещей, то, при соединеніи нѣсколькихъ воспитанниковъ въ одну квартиру, издержки ихъ могли бы быть у насъ значительно уменьшены.

Оставляя въ сторонѣ это, какъ намъ кажется, весьма незначащее возраженіе *Times*, напомнимъ вкратцѣ, въ чемъ состоитъ, по свидѣтельству г. Вольскаго, организація Англійскихъ коллегій и посмотримъ, точно ли, какъ увѣряютъ, нельзя ничего занять у нея для нашихъ учебныхъ учрежденій.

1) Коллегіи, извѣстныя подъ общимъ именемъ университета, существуютъ не въ столицѣ, а въ небольшихъ городахъ.

2) Число этихъ коллегій очень значительно; такъ въ одномъ Оксфордѣ находится девятнадцать коллегій.

3) Каждая коллегія состоитъ подъ управленіемъ одного начальника и его товарищей (fellows, socii), которые живутъ всѣ въ стѣнахъ коллегіи.

*) См. *Русскій вѣстникъ* февральская книжка 1861 года, статья М. Вольскаго «Оксфордскій университетъ».

4) Должности товарищей въ коллегіяхъ достаются бо̀льшею частью лицамъ, желающимъ поступить въ духовное званіе, для чего имъ назначается извѣстный срокъ.

5) Общее для всѣхъ коллегій правило предписываетъ, что лица, женившіяся и принявшія на себя какія-нибудь обязанности, несовмѣстныя съ должностью товарища, должны оставить коллегію. Пока они въ коллегіи, они имѣютъ коллегіальную квартиру и общій столъ; доходы ихъ разнообразны: одни получаютъ отъ 600 до 700 фунт., между тѣмъ какъ другіе не болѣе 100 фунт.

6) Начальники коллегій избираются, за исключеніемъ одной или двухъ королевскихъ коллегій, сословіемъ товарищей (fellows) и бываютъ бо̀льшею частью докторами богословія. Должность эта пожизненна и имъ позволяется жениться.

7) Кромѣ отдѣльныхъ коллегіальныхъ корпорацій, существуетъ еще одна общая корпорація, университетъ въ обширномъ смыслѣ, связывающая всѣ эти отдѣльныя части и дающая имъ единство и цѣлость. Личный составъ университета дополняется профессорами, читающими лекціи для всѣхъ коллегій. Число всѣхъ каѳедръ простирается до тридцати.

8) При вступленіи въ коллегію, студентъ избираетъ себѣ опытнаго тутора, или, по Англійскому произношенію этого Латинскаго слова, тьютора, изъ числа товарищей, который долженъ ему служить помощникомъ и наставникомъ при занятіяхъ. Въ настоящее время, обыкновенно самъ начальникъ коллегіи назначаетъ тьютора вновь принятому студенту.

9) Кромѣ коллегіальныхъ тьюторовъ и университетскихъ профессоровъ, въ коллегіи допускаются также и частные учителя.

10) Въ коллегію принимаются только молодые люди, а не малолѣтные.

11) Студенты въ коллегіи раздѣляются на два класса—стипендіаты (scholars) и собственно студенты (своекоштные), подъ именемъ: noblemen, gentlemen commoners и commoners. Кромѣ рѣдкихъ исключеній, всѣ они живутъ въ коллегіяхъ. Студентовъ-стипендіатовъ считается въ Оксфордѣ до 400. Избираются они бо̀льшею частію по свободному конкурсу изъ студентовъ всѣхъ коллегій, получаютъ отъ 20 до 100 фунт. стерл. въ годъ и пользуются столомъ и квартирой.

12) Такъ какъ главное условіе ученія во всѣхъ школахъ и для всѣхъ студентовъ, какъ слабыхъ, такъ и сильныхъ, есть основательность и отчетливость, то для достиженія этой цѣли коллегіяльный курсъ

раздѣляется на два разряда: одинъ легкій, который называется пассъ-курсъ, другой трудный — классъ-курсъ. Каждый студентъ избираетъ себѣ тотъ или другой курсъ, сообразно съ своими способностями, а также съ полученною имъ подготовкой.

13) Главные предметы коллегіяльнаго курса для перваго и втораго публичныхъ экзаменовъ суть древніе языки, Греческій и Латинскій, грамматика, математика и древняя исторія; математика или логика одинаково обязательны для студентовъ обоихъ разрядовъ, и потому курсы ихъ различны только по объему, а не по предмету занятій. Къ третьему публичному экзамену студенту предоставляется выборъ изъ трехъ отдѣловъ, или математическаго, или естественныхъ наукъ или правъ и новой исторіи: математическій экзаменъ для пассмена состоитъ изъ первой части алгебры или изъ первыхъ шести книгъ Эвклида; для классмена же — изъ всего курса прикладной математики. Экзаменъ естественныхъ наукъ раздѣляется на три предмета: химію, физіологію и физику. Пассменъ долженъ имѣть общее знакомство съ началами двухъ изъ этихъ предметовъ и спеціально изучить какую-нибудь отдѣльную часть одного. Относительно экономіи экзамена изъ права и новѣйшей исторіи замѣчательно, что изученіе права можетъ быть замѣнено изученіемъ политической экономіи по книгѣ Адама Смита *Wealth of nations*, и что, кромѣ историческихъ книгъ, обнимающихъ цѣлые періоды, требуется еще болѣе тщательное и подробное изученіе какой-нибудь отдѣльной эпохи по оригинальнымъ источникамъ.

14) Экзамены и ученыя степени имѣютъ только косвенное вліяніе на положеніе человѣка въ обществѣ, но не даютъ положительнаго права на занятіе какой-нибудь должности внѣ университета.

Намъ кажется, что этого извлеченія изъ статьи г. Вольскаго достаточно, чтобы дать ясное понятіе о главныхъ основаніяхъ общественнаго воспитанія въ Англіи. Но намъ не случалось еще встрѣчать въ нашихъ журналахъ подробной и полной оцѣнки этихъ основаній. Статья г. Вольскаго очень интересна по множеству сообщаемыхъ имъ свѣдѣній; но вопросъ, насколько и въ чемъ система Англійскаго воспитанія примѣнима въ Россіи, остается въ ней почти нетронутымъ. А какъ нѣкоторые журналы не задумываются рѣшать этотъ вопросъ отрицательно, слѣдовательно даютъ предпочтеніе издавна принятой у насъ Нѣмецкой системѣ, то мы просимъ позволенія высказать наше мнѣніе по этому важному вопросу. Въ настоящее время трудно выдумать что-нибудь совершенно новое въ дѣлѣ общественнаго воспитанія; если мы не захотимъ

пользоваться опытами Англичанъ, то непремѣнно останемся съ нѣкоторыми измѣненіями при прежней Нѣмецкой системѣ, которая, по нашему мнѣнію, и такъ уже надѣлала намъ много вреда.

Первая особенность, которая поражаетъ насъ въ устройствѣ Англійскихъ закрытыхъ заведеній, гдѣ воспитаніе доводится до конца, состоитъ въ томъ, что въ нихъ принимаются только молодые люди, а не малолѣтные. По нашему мнѣнію, это весьма важное преимущество. Всякій, кто воспитывался въ нашихъ школахъ, конечно, вспомнитъ, къ какимъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ ведетъ соединеніе въ одномъ учебномъ заведеніи малолѣтныхъ съ совершеннолѣтними. Происходящія оттого злоупотребленія производятъ такое пагубное вліяніе на нравственность воспитанниковъ, что начальство нѣкоторыхъ нашихъ заведеній признало необходимымъ принимать мѣры, чтобы нижніе классы никогда не сходились съ высшими. Но въ такомъ случаѣ невольно приходитъ на умъ вопросъ: для чего же соединять въ одномъ заведеніи такіе возрасты, которые не могутъ быть вмѣстѣ безъ вреда? И не лучше ли было бы имѣть разныя заведенія для малолѣтныхъ и для молодыхъ людей? Сверхъ того замѣтимъ, что, вслѣдствіе отдѣленія малолѣтныхъ отъ взрослыхъ и множества различныхъ коллегій, число учениковъ въ каждой Англійской коллегіи весьма не велико; а это кажется намъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы они могли получить истинно хорошее воспитаніе. Только при небольшомъ числѣ воспитанниковъ могутъ установиться между ними и наставниками педагогическія отношенія; когда же воспитанниковъ очень много, то эти отношенія поневолѣ превращаются въ административныя или военно-дисциплинарныя, которыя болѣе пригодны для обузданія и содержанія въ страхѣ полка солдатъ, чѣмъ для образованія молодыхъ благовоспитанныхъ людей. Чтобы вполнѣ постигнуть все достоинство Англійскихъ коллегій, вспомнимъ, что въ нашихъ высшихъ школахъ, при многочисленности учениковъ, инспекторы или надзиратели такъ мало могутъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ школѣ, что по ночамъ имъ помогаютъ въ этомъ отставные унтеръ-офицеры, которымъ поручено обходить дозоромъ спальни учениковъ. Легко также понять, что учителя, дающіе уроки въ нашихъ заведеніяхъ по часамъ, никогда не могутъ имѣть такого вліянія на учениковъ и интересоваться ихъ успѣхами въ такой мѣрѣ, какъ Англійскіе тьюторы, которые, принадлежа исключительно къ одной коллегіи и будучи вмѣстѣ учителями, наставниками и надзирателями, сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность,

посвящаютъ всю свою жизнь ученикамъ этой коллегіи, и составляютъ съ ними какъ бы одно семейство. И это не одно предположеніе, а фактъ: ибо, по отзыву Англичанъ, «товарищи не только исполняютъ свои обязанности, но и питаютъ къ заведенію истинную привязанность; между товарищами одной и той же коллегіи есть нѣчто похожее на семейную связь». Намъ кажется, что такое устройство есть идеалъ школы, гдѣ всѣ преимущества общественнаго воспитанія — соревнованіе, привычка къ общежитію и проч., соединяются съ выгодами воспитанія домашняго: надзоромъ безъ жесткости, дисциплиною безъ педантства, наконецъ отеческимъ участіемъ въ воспитанникѣ безъ родительскаго ослѣпленія и слабости.

Продолжая начатый нами разборъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на огромную пользу, которая должна происходить отъ соревнованія между многочисленными коллегіями, находящимися въ одномъ мѣстѣ, имѣющими одну и ту же цѣль — воспитаніе юношества, по одинаковымъ программамъ, по однимъ и тѣмъ же педагогическимъ, политическимъ и гражданскимъ началамъ. Возможно ли не ожидать наилучшихъ успѣховъ отъ заведеній, гдѣ все устроено такъ, что самыя естественныя, самыя благородныя чувства души побуждаютъ наставниковъ дѣлать всевозможныя усилія, чтобы заведеніе, къ которому они принадлежатъ, были если не выше, то по крайней мѣрѣ не ниже другихъ подобныхъ заведеній, имѣющихъ отдѣльное существованіе, но соединенныхъ для экзаменовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены, составляющіе университетскую корпорацію?

Нельзя не подивиться глубокой практической мудрости такого устройства, въ которомъ единство цѣли и направленія нимало не исключаетъ такого сильнаго двигателя, какъ соревнованіе коллегіяльныхъ корпорацій между собой. Когда родители имѣютъ выборъ, какъ въ Оксфордѣ, между девятнадцатью коллегіями, ни одна изъ нихъ не можетъ ослабить свою воспитательную дѣятельность безнаказанно, ибо такая коллегія осталась бы пустою и покрыла бы себя стыдомъ передъ университетскою корпораціей и потомъ передъ лицомъ всей Англіи. У насъ же соревнованія между высшими заведеніями рѣшительно не существуетъ. Въ Петербургѣ ихъ нѣсколько, но у нихъ разныя программы ученія и разныя служебныя преимущества, и они не имѣютъ между собою рѣшительно никакой связи. Родители, желающіе дать своимъ дѣтямъ публичное воспитаніе, принуждены отдавать ихъ въ эти заведенія, каково бы

ни было получаемое въ нихъ образованіе, хорошо или дурно. Такимъ образомъ наши заведенія находятся совершенно внѣ контроля общественнаго мнѣнія, и дѣйствительно мы видимъ, что число ихъ воспитанниковъ зависитъ не столько отъ получаемаго въ нихъ нравственнаго и умственнаго образованія, сколько отъ присвоенныхъ имъ служебныхъ преимуществъ. Изъ этого выходитъ слѣдующее замѣчательное послѣдствіе: бо́льшія служебныя преимущества получаются вовсе не въ награду за бо́льшее нравственное и умственное образованіе, напротивъ родителямъ часто приходится завѣдомо жертвовать умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ своихъ дѣтей для болѣе выгодной и блестящей карьеры. Мы не хотимъ сказать, чтобы всегда такъ было,—но кто не согласится съ нами, что это нерѣдко случалось, особенно въ прежнія времена? Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только поговорить съ бывшими учениками нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

Съ какой стороны ни взглянемъ на систему Англійскихъ коллегій, вездѣ увидимъ ея практичность и цѣлесообразность. Возьмемъ хоть вступительные экзамены. Могутъ ли они не быть серьезны, согласятся ли тьюто́ры коллегій принимать дурно приготовленныхъ учениковъ, когда ихъ собственная репутація, ихъ выгоды, значеніе въ знаменитой университетской корпораціи, зависятъ отъ будущихъ успѣховъ ихъ воспитанниковъ? Спокойная жизнь обзпечена всѣмъ тьюто́рамъ безъ исключенія; читатели помнятъ, что всѣ пользуются въ коллегіяхъ готовою квартирой и общимъ столомъ, но денежное содержаніе далеко не одинаково. «Одни», говоритъ г. Вольскій, «получаютъ въ хорошіе годы до 600 и 700 фунт. то-есть отъ 4.000 до 4.650 руб. сер., между тѣмъ какъ другіе не болѣе 100 ф., то-есть 650 руб. сер.». Не менѣе раціонально и столь же удобоисполнимо кажется намъ правило, каторымъ предписывается, что лица, женившіяся или принявшія какія-либо обязанности, несовмѣстныя съ должностью «товарища», должны оставить коллегію. Не говоря уже о томъ, какъ трудно было бы давать большому числу семейныхъ людей приличное помѣщеніе въ коллегіяхъ, нельзя не признать полезнымъ, чтобы люди, посвящающіе себя ближайшему надзору за воспитаніемъ и ученіемъ молодыхъ людей, ничѣмъ не отвлекались отъ исполненія своихъ обязанностей. Назначеніе въ должность тьютора преимущественно лицъ, желающихъ вступить въ духовное званіе, не составляетъ, по нашему мнѣнію, необходимаго условія, и мы не видимъ, почему бы должность тьютора не могла съ такою же ревностію и усердіемъ исполняться людьми,

имѣющими въ виду какую-либо другую отрасль общественной дѣятельности.

Перейдемъ теперь къ новой сторонѣ занимающаго насъ вопроса — къ программамъ курсовъ. Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ предметы курса слишкомъ многочисленны и разнообразны. Мы не станемъ о нихъ распространяться, потому что объ этомъ уже много было писано въ журналахъ. Повторимъ только сдѣланное выше замѣчаніе, что ошибочная и вредная многочисленность предметовъ ученія, входящихъ въ наши программы, произошла именно отъ ложнаго понятія, что человѣкъ можетъ пріобрѣсть бо̀льшую часть нужныхъ ему познаній во время пребыванія своего въ школахъ, изъ чего естественно приходятъ къ заключенію, что надобно стараться передать ему какъ можно болѣе этихъ познаній. Этого не могло бы случиться, еслибы главною задачей школъ для отроческаго и юношескаго возрастовъ считалось воспитаніе и развитіе умственныхъ способностей. Напротивъ того, программа ученія въ Англійскихъ коллегіяхъ заключается, какъ выше показано, въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ: Греческій и Латинскій языки, Греческая и Латинская литературы, начальныя основанія математики или логика, вотъ все, что̀ требуется для двухъ первыхъ экзаменовъ. Такое малое количество предметовъ курса имѣетъ цѣлью и дѣлаютъ возможнымъ изученіе ихъ посредствомъ самостоятельнаго труда, требуемаго отъ каждаго воспитанника Англійскихъ коллегій. Далѣе заслуживаетъ особеннаго вниманія въ программахъ Англійскихъ коллегій раздѣленіе коллегіяльнаго курса на два разряда: пассъ-курсъ — легкій, и классъ-курсъ — трудный. У насъ программы вездѣ одинаковы для всѣхъ учениковъ и студентовъ, и такъ какъ, при многочисленности предметовъ, даже и самые даровитые могутъ овладѣть ими только съ грѣхомъ пополамъ, то ученики и студенты, имѣющіе посредственныя или слабыя способности, никакъ не могутъ усвоить себѣ предметы курса иначе, какъ посредствомъ такъ, называемаго *зубренія*, въ которомъ участвуетъ лишь одна память, высшія же способности не только не упражняются, но совершенно глохнутъ и остаются вовсе не развитыми.

Это ясно обнаружилось, когда въ 1859 году въ Петербургскомъ университетѣ приняли мѣры для серьезнаго испытанія желающихъ поступить въ студенты. Изъ числа 328, изъявившихъ на то желаніе, выдержали съ успѣхомъ экзаменъ только 73. Напечатанныя по сему предмету въ ***Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*** подробности чрезвычайно любопытны, и могутъ служить те-

мою для весьма интересныхъ соображенiй. Предметами испытанiя для вступительныхъ экзаменовъ были: Русскiй языкъ, Русская словесность, Латинскiй языкъ, Французскiй языкъ, Нѣмецкiй языкъ, исторiя, географiя, математика до тригонометрiи включительно и физика. Намъ кажется, что человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, хорошо или даже порядочно знающiй всѣ эти предметы, вездѣ по справедливости могъ бы считаться достаточно образованнымъ человѣкомъ; у насъ же такiя познанiя требуются при вступленiи въ университетъ отъ юношей, которымъ большею частiю бываетъ тогда съ небольшимъ шестнадцать лѣтъ. Что же оказалось на дѣлѣ, какiе были результаты такихъ неумѣренныхъ требованiй? Это бы еще ничего, что изъ 328 выдержали экзаменъ 73: понятно, что при такой обширной программѣ не многiе могли съ успѣхомъ выдержать экзаменъ для вступленiя въ университетъ, какъ скоро принялись за нихъ серьезно. Но замѣчательны послѣдствiя многоученiя на нашу молодежъ и рѣзкая противоположность требованiй и ожиданiй съ полученными и оффицiально засвидѣтельствованными результатами.

«На испытанiяхъ по Русскому языку и словесности, экзаменующiеся не знали основанiй грамматики, а изъ исторiи словесности отвѣчали заученныя фразы, не понимая ихъ.» Значитъ не умѣли *читать*, ибо нельзя сказать, что тотъ умѣетъ читать, кто не понимаетъ того, что читаетъ, особенно по такому предмету, въ которомъ нѣтъ техническихъ словъ, какъ въ исторiи словесности.

«Въ письменныхъ отвѣтахъ на темы не умѣли ни правильно располагать своихъ понятiй и знанiй, ни пользоваться съ отчетливостью словами и оборотами, ни даже избѣгать ошибокъ противъ правописанiя». Значитъ, не умѣли *писать*.

При испытанiяхъ въ математикѣ, «при знанiи правилъ ариѳметическихъ исчисленiй, многiе не умѣли ихъ прилагать къ рѣшенiю задачъ». Значитъ, не умѣли *считать*.

И такъ многiе изъ юношей, которыхъ учили Русскому языку, Русской словесности, языкамъ Латинскому, Французскому и Нѣмецкому, исторiи, географiи, ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометрiи, тригонометрiи и физики, не умѣли ни *читать*, ни *писать*, ни *считать;* о прочемъ почти нечего и говорить. «Въ Латинскомъ языкѣ оказалось неумѣнiе спрягать и склонять, непривычка вникать въ расположенiе словъ и разгадывать смыслъ выраженiй, если экзаменующимся и былъ извѣстенъ смыслъ всѣхъ словъ, встрѣчавшихся въ этихъ выраженiяхъ; во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ не-

знаніе доходило у нѣкоторыхъ до неумѣнья читать; въ исторіи замѣтна была особенно слабость свѣдѣній хронологическихъ и историко-географическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣнье разсказывать.»

Все это цитируется нами буквально изъ вышеупомянутаго отчета, напечатаннаго въ *Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія* *).

Приводя эти факты, мы не хотимъ сказать, чтобъ и при этой системѣ ученые люди съ отличными природными способностями не могли развивать ихъ и пріобрѣтать разнообразныя познанія. Но для массы учащихся эта система рѣшительно пагубна, и нѣсколько блестящихъ исключеній нисколько не возмѣщаютъ невѣжества и одурѣлости массы воспитанниковъ, ни для нихъ самихъ, ни для благосостоянія страны, которое зависитъ еще болѣе отъ достаточнаго числа обыкновенныхъ людей, хорошо приготовленныхъ для удовлетворенія ея ежедневныхъ потребностей, нежели отъ развитія нѣсколькихъ замѣчательныхъ и яркихъ дарованій, которымъ такія занятія могутъ показаться скучными. Англичане поняли это и дали возможность всѣмъ правильно образоваться по силамъ каждаго. Оба разряда студентовъ, пассмены, равно какъ и классмены, изучаютъ Греческую и Латинскую литературы; но первый обязанъ изучить восемь или девять авторовъ, а послѣдній только двухъ, за то основательное изученіе требуется одинаково отъ тѣхъ и другихъ, и верхоглядство не допускается ни въ какомъ случаѣ. Система Англійскаго воспитанія такъ мало требуетъ, чтобы студентъ пріобрѣталъ тѣ или другія познанія, что она даже предоставляетъ ему выборъ экзаменоваться въ математикѣ или логикѣ, считая обѣ эти науки равно годными для діалектическаго развитія человѣка, и дѣйствительно, кто основательно изучилъ математику, тотъ справится съ логикой, когда она ему занадобится, и наоборотъ.

Поэтому-то мы и позволяемъ себѣ убѣдительно настаивать на необходимости перенять у Англичанъ раздѣленіе курсовъ на два разряда, какъ единственное средство вполнѣ развить юношей, обладающихъ отличными способностями, не обременяя тѣхъ, которые не такъ щедро одарены природой и составляютъ вездѣ огромное большинство воспитанниковъ. Теперь у насъ кандидатъ, дѣйствительный студентъ и не выдержавшій выпускнаго экзамена, всѣ проходятъ одни и тѣ же предметы: разница между ними въ томъ, что первый знаетъ ихъ отлично (по крайней мѣрѣ по отчетамъ), второй—

*) Сентябрьская книжка 1859 года, статья подъ названіемъ: «Пріемныя испытанія въ Санктпетербургскомъ университетѣ».

посредственно, а третій — плохо. Не лучше ли было бы дать возможность также и послѣднимъ пріобрѣтать основательныя познанія, предоставивъ имъ право ограничивать число изучаемыхъ ими предметовъ сообразно съ ихъ силами и способностями? Гдѣ даровитому ученику нуженъ часъ, тамъ посредственному нужно два, а плохому—три часа: откуда же взять послѣднимъ время для отчетливаго изученія всего, что изучаетъ первый? Поневолѣ они будутъ работать одною памятью, не напрягая разсудка, а привыкнувъ къ этому съ молодыхъ лѣтъ, останутся на всю жизнь людьми неспособными къ дѣлу.

Не менѣе достойно подражанія и то правило Англійской программы ученія, которое, дозволяя ограничиться общимъ знаніемъ назначенныхъ историческихъ книгъ, требуетъ болѣе тщательнаго и подробнаго изученія какой-нибудь отдѣльной эпохи по оригинальнымъ источникамъ. Едва ли можно придумать что-либо лучше этого, чтобы направить студента на путь самостоятельныхъ историческихъ изученій. Кто изучилъ такимъ образомъ хотя самую коротенькую эпоху, конечно, сдѣлается способнѣе и получитъ болѣе охоты къ историческимъ трудамъ, нежели еслибъ онъ прошелъ, по принятой у насъ методѣ, исторію всего свѣта, начиная съ потопа.

Правительство имѣетъ полное право требовать, чтобы люди, назначающіе себя къ исправленію какихъ-либо общественныхъ должностей, имѣли необходимую для этого степень нравственнаго и умственнаго развитія; но для чего же добиваться отъ нихъ множества познаній, которыя не составляютъ существенной необходимости ни для общаго образованія, ни для удовлетворительнаго исполненія служебныхъ обязанностей, къ которымъ приготовляются воспитанники? Мы не отвергаемъ вообще пользы этихъ познаній, но считаемъ благоразумнѣе и справедливѣе предоставить пріобрѣтеніе ихъ свободной волѣ каждаго. Неужели степень обязательныхъ познаній, которою довольствуются въ такой высоко-цивилизованной странѣ, какъ Англія, не достаточна въ Россіи, такъ недавно еще вышедшей изъ глубочайшаго варварства. Развѣ для насъ не существуетъ закона постепенности, которому подчиняется вся природа, — и нарушать его, не значитъ ли не ускорять, а замедлять прогрессъ? Наше просвѣщеніе должно пока удовлетворять обиходнымъ требованіямъ общества. Посмотрите на Сѣверную Америку; тамъ не гоняются за большою ученостью. А почему? Потому что еще не время. Народъ, которому предоставляютъ идти своею дорогой, инстинктивно чувствуетъ, что̀ ему нужно на современной точ-

кѣ его историческаго развитія. Такимъ образомъ у Американцевъ ученыхъ пока чрезвычайно мало, за то очень много практиковъ, или, лучше сказать, они всѣ практики.

Не можетъ быть успѣха тамъ, гдѣ дѣйствуютъ вопреки природѣ: занявъ у Германіи систему ученія, которая не идетъ намъ ни по народному характеру, ни по нашему настоящему положенію, мы лишили себя необходимыхъ для насъ практиковъ, а все-таки не сформировали ученыхъ,—и корреспондентъ Times (1861 декабрь 26), кажется, не ошибается, говоря, что «характеристическую черту Русской цивилизаціи составляетъ то, что ни одного писателя по части наукъ и философіи не нашли достойнымъ помѣстить на Новгородскомъ монументѣ, хотя эта страна и произвела въ теченіе послѣдняго полустолѣтія много замѣчательныхъ писателей по другимъ отраслямъ литературы».

Мы не знаемъ, что хотѣлъ сказать составитель отчета о печальныхъ результатахъ вступительныхъ экзаменовъ Петербургскаго университета въ 1859 году слѣдующими словами: «Сколь ни *частно*, ни *случайно* это явленіе, оно отразило однако на себѣ *общее* положеніе дѣла, достойное полнаго вниманія родителей и воспитателей, готовящихъ наше юношество для дальнѣйшаго образованія въ университетѣ». Какимъ образомъ, по какимъ логическимъ законамъ *частное* и *случайное* можетъ однако отражать *общее* положеніе дѣла? Невольно подумаешь, что составитель самъ видѣлъ вредныя послѣдствія принятой у насъ системы, и не рѣшаясь прямо осудить ее, впалъ въ явное противорѣчіе, называя частнымъ и случайнымъ, что было въ самомъ дѣлѣ неизбѣжнымъ и общимъ ея результатомъ. И чѣмъ могутъ помочь бѣдѣ воспитатели и родители, принужденные приготовлять дѣтей по программѣ, дѣлающей невозможнымъ основательное обученіе дѣтей?

О гимназическомъ курсѣ намъ не нужно распространяться, ибо мы не можемъ почти ничего прибавить ко тому, что высказано съ полнымъ знаніемъ дѣла и необыкновеннымъ даромъ изложенія въ превосходной статьѣ г. А. Робера, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 года (сентябрь, №№ 1 и 2). Мнѣніе его подтверждается въ статьѣ г. Ржевскаго, напечатанной въ томъ же журналѣ (1860 года, іюнь, книжка 2), гдѣ положительно говорится, что при нынѣшнихъ программахъ нѣтъ никакого различія между хорошими и дурными учителями. Замѣтимъ только, что учитель, принужденный программою къ поверхностному преподаванію, и самъ незамѣтно дѣлается поверхностнымъ; заключенный въ рамкѣ програмы,

вѣчно повторяя одно и то же, не имѣя ни времени, ни нужды приготовлять по своему выбору что-либо новое для передачи ученикамъ, онъ и самъ теряетъ привычку основательнаго и дѣльнаго изученія.

Возвращаемся къ Англійскимъ коллегіямъ. Исключая назначеніе коллегіяльныхъ начальниковъ и учителей преимущественно изъ лицъ, готовящихъ себя къ духовному званію, мы никакъ не видимъ, почему бы у насъ не могло быть устроено, хотя бы для опыта, одно учрежденіе по образцу Англійскихъ коллегій, особенно если, какъ говорятъ, вмѣсто Петербургскаго университета предполагается учредить новое учебное заведеніе въ Нарвѣ. Конечно, воспитаніе въ такомъ заведеніи будетъ стоить не дешево; но для людей съ недостаточнымъ состояніемъ можно оставить гимназію, примѣнивъ къ нимъ только раздѣленіе курсовъ на два разряда, трудный и легкій, и вообще тѣ воззрѣнія, по которымъ главною цѣлью этихъ учрежденій должно быть не пріобрѣтеніе познаній, а нравственное и умственное развитіе. Въ закрытыя заведенія будутъ отдаваться дѣти людей зажиточныхъ и богатыхъ, за которыми, правду сказать, и нужно имѣть побольше надзора. Бѣдному можно ранѣе предоставить самостоятельную дѣятельность; при немъ неотлучно находится строгій, взыскательный менторъ — неумолимая нужда. Но богатый лишенъ этого ментора, а между тѣмъ для государства важно, чтобы люди съ независимымъ состояніемъ имѣли возможность дать строгое, послѣдовательное, раціональное развитіе своимъ сыновьямъ. Сколько общественныхъ должностей, для которыхъ независимое состояніе составляетъ необходимую гарантію? Облекая человѣка нѣкоторою властью, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему извѣстное положеніе въ свѣтѣ, которое въ свою очередь дѣлаетъ неоходимымъ извѣстный родъ жизни, сопряженный съ большими расходами. Не оттого ли слышимъ мы такъ много жалобъ на недостаточность жалованья гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ странахъ, гдѣ бѣдные люди ищутъ общественныхъ должностей, какъ средства къ жизни, между тѣмъ какъ ихъ вовсе не слышно въ Англіи, гдѣ люди съ независимымъ состояніемъ принимаютъ на себя эти должности безъ жалованья, ради исполненія гражданскаго долга, или для пріобрѣтенія общественнаго или политическаго значенія? Главнѣйшіе дѣятели внутренняго управленія въ Англіи, 16.000 мировыхъ судей, не только исправляютъ свои должности безвозмездно, но еще тратятъ свои доходы на общественную службу. Нельзя, кажется, спорить о томъ, что для го-

сударства, слѣдовательно и для народа, съ котораго сбираются подати, выгоднѣе, вмѣсто денегъ, платить почетомъ за исправленіе общественныхъ должностей; но не надобно забывать, что почетомъ можно платить только людямъ, имѣющимъ независимое состояніе, ибо мы уже замѣтили, что всякая подобная почетная должность, возвышая общественное положеніе должностнаго лица, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ его расходы. Вотъ почему, повторяемъ, мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, чтобы дѣти зажиточныхъ родителей получали такое воспитаніе, которое дѣлало бы ихъ способными къ дѣловой гражданской дѣятельности. Эта цѣль едва ли теперь достигается. Не будемъ повторять уже сказаннаго нами о недостаткахъ нашихъ высшихъ закрытыхъ заведеній; скажемъ лишь нѣсколько словъ о направленіи, съ которымъ сыновья богатыхъ родителей вступаютъ въ университетъ. Вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи нашихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, они по большей части приготовляются дома ко вступленію въ университетъ; это уже первое зло. Воспитаніе юноши всегда успѣшнѣе внѣ родительскаго дома. Твердость и настойчивость характера, привычка къ порядку, отчетливости и постоянному труду развиваются и укореняются только въ публичныхъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе домашняго воспитанія, которое почти всегда бываетъ женскимъ воспитаніемъ, дѣти зажиточныхъ родителей «являются въ университетъ», по словамъ г. Каченовскаго, въ лекціи, читанной въ 1861 году въ Харьковскомъ университетѣ, «какъ баричи, для того, чтобы просвѣтиться слегка; смиренно получить дипломъ и потомъ гордо носить титулъ образованнаго человѣка въ кругу невѣждъ... Эти господа собственно гости въ университетѣ; они — граждане провинціяльныхъ салоновъ; кромѣ того, есть люди, которые попадаютъ въ университетъ по ошибкѣ, внося съ собой военный духъ и стремясь неотразимо въ гусары».

Нельзя не признаться, что по большей части картина, нарисованная г. Каченовскимъ, представляетъ довольно вѣрный типъ богатаго студента нашихъ университетовъ. Несправедливо бы только по этому поводу упрекать родителей въ нераденіи или нежеланіи дать своимъ дѣтямъ основательное образованіе. Многіе изъ нихъ понимаютъ несовершенство домашняго воспитанія; но такъ какъ теперешняя организація закрытыхъ школъ не внушаетъ имъ довѣрія, то они изъ двухъ золъ выбираютъ то, которое кажется имъ меньше, и оставляютъ дѣтей дома. Но гдѣ же найдти хорошихъ домашнихъ учителей? Иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, по

большей части ниже посредственности, а студенты, пріобрѣтающіе основательныя познанія въ университетѣ, составляютъ небольшое меньшинство, которое поглащается требованіями гражданской службы и публичнаго преподаванія. Изъ остальной массы выходятъ очень плохіе педагоги, ибо характеристическая черта нашихъ учебныхъ заведеній состоитъ въ томъ, что, по объясненнымъ выше причинамъ, между блестящими дарованіями и крайнею ограниченностью почти нѣтъ средины. Итакъ, вовсе не удивительно, что изъ числа державшихъ экзаменъ для вступленія въ Петербургскій университетъ въ 1859 году, получившіе домашнее воспитаніе были еще хуже приготовлены, чѣмъ тѣ, которые учились въ гимназіяхъ.

Мы переходимъ теперь къ новой сторонѣ занимающаго насъ вопроса.

Къ чему ведетъ искусственное привлеченіе молодыхъ людей въ наши казенныя учебныя заведенія, это мы можемъ передать словами статьи, помѣщенной въ *Русской Рѣчи* прошлаго года (№ 52). «Въ послѣднее время, говоритъ г. Лѣсковъ, у насъ явилась весьма чувствительная цифра людей, воспитанныхъ по программѣ, которая во второй четверти настоящаго столѣтія составляла идеалъ Русскаго воспитанія, а потомъ вдругъ признана несостоятельною, а воспитанные по ней люди поставлены лицомъ къ лицу съ непріятнымъ положеніемъ не получать никакого запроса на свой трудъ.... Заштатные чиновники, вмѣстѣ со множествомъ молодыхъ людей, вышедшихъ изъ учебныхъ заведеній, остаются у насъ безъ дѣла и безъ хлѣба. Въ одномъ Петербургѣ насчитываютъ въ такомъ положеніи нѣсколько тысячъ человѣкъ; нѣтъ города, городка, гдѣ бы не встрѣчалось этихъ несчастныхъ прообразовъ пролетаріата на Русской землѣ». Однѣ и тѣ же причины обыкновенно производятъ одни и тѣ же послѣдствія, и эти «люди не у дѣлъ», какъ называетъ ихъ г. Лѣсковъ, очень похожи на баккалавровъ обучающихся за дешевую цѣну во Французскихъ коллегіяхъ. «Выдавая патентъ на степень баккалавра, говоритъ Альбертъ де-Брольи въ замѣчательной статьѣ своей объ общественномъ образованіи, правительство подписываетъ вексель, по которому патентованный считаетъ себя въ правѣ получить какое-либо мѣсто: если оно ему не дается, то онъ считаетъ правительство, какое бы оно ни было, монархическое или республиканское, неисправнымъ должникомъ и дѣлается его непримѣримымъ врагомъ».

Но чтобы вполнѣ знать чего ожидать намъ впереди, посмотримъ, до какихъ результатовъ довела Германію система, которую

мы у нея переняли съ нѣкоторыми прибавленіями, испортившими, по нашему мнѣнію, что было въ ней хорошаго, стремленіе къ наукѣ и чрезмѣрно усилившими ея дурную сторону, привлекая въ наши учебныя заведенія еще большее число молодыхъ людей, намѣревающихся искать въ общественныхъ должностяхъ матеріяльныхъ средствъ къ жизни. Мы беремъ эти результаты изъ сочиненія Риля: Die bürgerliche Gesellschaft, которое такъ прославило этого писателя въ Германіи.

«Чиновничій пролетаріатъ, учительскій пролетаріатъ, странствующіе Саксонскіе кандидаты на пасторскія мѣста, голодные университетскіе приватъ-доценты, литераторы, журналисты и проч. если перечесть въ умѣ этотъ легіонъ Нѣмецкихъ пролетаріевъ, необходимо приходишъ къ тому выводу, что ни въ одной странѣ Европы группа, о которой идетъ рѣчь, не имѣетъ такъ много представителей, какъ у насъ. Германія производитъ болѣе умственныхъ продуктовъ, нежели сколько она можетъ потреблять и покупать, что̀ доказываетъ болѣзненное состояніе національнаго труда, несоотвѣтственное раздѣленіе рабочихъ силъ. Несоразмѣрность воображаемаго общественнаго положенія съ дѣйствительнымъ выходитъ наружу преимущественно въ этой группѣ. Какая насмѣшка надъ нашими государственными учрежденіями, что въ 1848 году чиновники низшихъ разрядовъ, эти воспитанники, пріемыши правительства, составили цѣлыя массы, стремившіяся къ разрушенію историческаго общественнаго порядка, тогда какъ горожане, крестьяне и поденьщики оставались спокойными! Какая бы вышла ядовитая эпиграмма на общественное наше воспитаніе, еслибы возможно было исчислить среднее число попорченныхъ литераторовъ, которые ежегодно образовывались нашими учеными государственными заведеніями для войны противъ общества. Именно тотъ самый общественный слой, которымъ правительство въ Германіи особенно занималось ex officio, наиболѣе показываетъ слѣды общественнаго разложенія (стр. 307).»

«Нѣмецкое литераторство (Literatenthum) есть результатъ общественной болѣзни. Исключительное предпочтеніе чисто-умственнаго труда и пренебреженіе промышленаго, съ начала XVIII столѣтія, овладѣло цѣлымъ поколѣніемъ, какъ изнурительная лихорадка. Бюрократическое правительство забывало о самостоятельныхъ силахъ промышлености и торговли, потому что, по его воззрѣніямъ, судьбы общества зависѣли отъ ученаго и чиновничьяго люда Вслѣдствіе этого покровительства и предпочтенія, ремесленникъ,

полагавшій прежде свою честь въ томъ, чтобъ его дѣти и внуки продолжали его ремесло, считалъ своею обязанностью посылать сына учиться въ университетъ. Бѣдныя вдовы голодали и просили милостыню для того только, чтобы ихъ дѣти могли выйдти въ ученые, и плакали отъ радости, когда за свои трудовые гроши доставляли имъ средства поступить въ чиновничій пролетаріатъ».

«Однимъ изъ естественныхъ, необходимыхъ результатовъ этого болѣзненнаго настроенія послѣдняго времени было образованіе Нѣмецкаго литераторства. Тысячами считаетъ оно въ своей средѣ людей непризванныхъ, которыхъ честолюбіе было единственною причиной, побудившею ихъ къ избранію поприща умственнаго труда. Современная журналистика представляла этому честолюбію легкую, хотя и не вполнѣ удовлетворительную пищу; кто хотѣлъ пожинать плоды, не посѣявъ, дѣлался литераторомъ. Недоучившійся студентъ искалъ въ литературной дѣятельности тѣхъ средствъ къ жизни, на которыя дѣйствительное право даютъ только годы усидчиваго ученія. Отъ честолюбія, какъ единственнаго побужденія къ умственному труду, происходитъ также-то сибаритство въ общественной жизни, которымъ отличаются наши журнальные литераторы. Важничанье, роскошная меблировка, золотыя цѣпи и шампанское — все это они переняли у Французскихъ писателей, не смотря на то, что они не могли перенять у нихъ высокихъ, за-Рейнскихъ гонораріевъ, получаемыхъ за статьи и книги (стр. 326)».

Если таковы послѣдствія казеннаго литературнаго образованія, получаемаго во Французскихъ и Нѣмецкихъ учебныхъ учрежденіяхъ, то едва ли можетъ быть. какое-либо сомнѣніе относительно результатовъ, которыхъ можно ожидать въ Россіи, гдѣ съ дешевизною казеннаго образованія соединяется еще переходъ въ высшее привилегированное состояніе. Скажутъ, что потомственное дворянство дается только по достиженіи въ гражданской службѣ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ военной — полковника, но это ничего не значитъ; чинъ и личное дворянство всегда вырываетъ человѣка со всѣмъ его потомствомъ изъ среды промышленныхъ, работающихъ классовъ общества, и личный дворянинъ считаетъ обязанностью дать своему сыну возможность также получить личное дворянство, которое такимъ образомъ переходитъ изъ рода въ родъ до безконечности. И у насъ, также какъ въ Германіи, наиболѣе выходитъ наружу въ этой группѣ несоразмѣрность воображаемаго общественнаго положенія съ дѣйствительнымъ, что̀ необходимо дѣлаетъ изъ этихъ людей одно изъ двухъ — или честныхъ,

но не довольныхъ враговъ общественнаго устройства, или слишкомъ довольныхъ имъ взяточниковъ.

Риль находитъ въ Германіи два главные источника пролетаріата: обѣднѣвшіе дворяне, которымъ ихъ обстановка не позволяетъ свергнуть съ себя иго дворянскихъ потребностей и предразсудковъ, и чрезмѣрно размножившійся классъ литераторовъ и полуученыхъ, которымъ общество не представляетъ достаточныхъ средствъ къ жизни. У насъ же ухитрились слить эти два источника въ одинъ, представляемый недоучившимися личными и потомственными дворянами, не имѣющими ни наслѣдственнаго состоянія, ни мѣста по службѣ, отъ котораго они могли бы кормиться, ни дѣльнаго литературнаго и научнаго образованія. Званіе дворянина заключаетъ человѣка въ весьма тѣсномъ кругу, которымъ ограничиваются всѣ приличныя ему занятія. Внѣ этого круга находятся тысячи способовъ, которыми можно зарабатывать себѣ хлѣбъ, но они для него недоступны. Ничто такъ скоро не прививается, какъ дворянскія понятія и предразсудки, и новые дворяне еще болѣе старинныхъ похожи на Американскихъ Индійцевъ, о которыхъ Токвилль разсказываетъ, что, дошедши до послѣднихъ крайностей нищеты, они рѣшались лучше умереть, нежели приниматься за работы, которыя считали для себя унизительными. Нѣтъ ничего легче, какъ вывести простолюдина въ дворяне, но нѣтъ ничего труднѣе, какъ сдѣлать изъ дворянина плебея. Доказательствомъ этого можетъ служить старинное дворянство въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно уже давно лишилось всѣхъ привилегій, которыми оно прежде отличалось отъ народа. Французское дворянство еще и до сихъ поръ избѣгаетъ брачныхъ союзовъ съ людьми, не принадлежавшими прежде къ ихъ кастѣ. Тайна, какъ дѣлать плебеевъ изъ дворянъ — да еще изъ какихъ дворянъ! — нисколько не унижая ихъ, извѣстна только въ Англіи. И вотъ въ чемъ должно брать у нея уроки, вмѣсто того, чтобы выводить изъ среды народа, на его счетъ, цѣлыя массы новыхъ дворянъ для умноженія неработающаго, шляхетскаго сословія, которое безъ того уже слишкомъ многочисленно и потому составляетъ для страны тяжелое бремя. Не знаемъ, вѣрно ли это, но мы слышали въ комитетѣ, учрежденномъ въ Москвѣ для разбора нищихъ, что девять десятыхъ изъ нихъ принадлежатъ дворянскому сословію. Это многозначительный и печальный фактъ. Не мѣшало бы намъ вспомнить, до чего довело Испанію чрезмѣрное размноженіе дворянства. «Отправляясь за монастырскимъ супомъ для нищихъ, говоритъ гидальго у Кеведо, мы увѣряемъ раздава-

теля, что прибѣгаемъ къ нему не изъ нужды, а изъ христіанскаго смиренія.... Нечего и говорить о нашей одеждѣ, мы мастера лоскутничать и штопать. Нѣтъ куска въ моемъ платьѣ, который бы не имѣлъ предлинной родословной. Взгляните на мой плащъ, онъ происходитъ въ прямой линіи отъ попоны, которая была дочерью постельной занавѣски...» Но размноженіе сословія гидальнаго въ Испаніи имѣетъ не одну смѣшную сторону. Предразсудокъ противъ ремесленнаго труда мало-по-малу перешелъ отъ нихъ ко всей націи, и былъ одною изъ главныхъ причинъ упадка торговли и промышлености въ Испаніи.

«Вскорѣ нахлынули со всѣхъ сторонъ иностранцы, занимавшіеся ремеслами, которыми пренебрегала Испанская гордость. Уже въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія множество Провансальскихъ, Гасконскихъ, Нѣмецкихъ, Англійскихъ и Ломбардскихъ работниковъ были разсѣяны по всѣмъ городамъ Испаніи, въ особенности же въ Саламанкѣ и Бургосѣ... Вездѣ торговлею и промышленостью занимались иностранцы, которые спѣшили нажить себѣ состояніе, чтобы какъ можно скорѣе возвратиться на родину» *).

Такія же были послѣдствія размноженія шляхетскаго сословія въ Польшѣ; вся торговля и прошленость перешли въ руки Евреевъ. Всеобщее обѣднѣніе и упадокъ государственнаго могущества были конечными результатами въ обоихъ государствахъ.

Мы просимъ извиненія въ томъ, что нѣсколько отдалились отъ главнаго предмета нашей статьи. Но служебныя преимущества, присвоенныя нами ученымъ степенямъ, имѣютъ такое значеніе для будущности Россіи, что невозможно было основательно судить о принятой у насъ системѣ общественнаго образованія, не упомянувъ о чуждомъ элементѣ, внесенномъ въ нее ошибочными мѣрами нашего законодательства.

Надѣемся, что мы успѣли показать вредныя послѣдствія той преміи, которая, подъ видомъ казеннаго образованія и служебныхъ правъ, дается молодымъ людямъ, рѣшающимся искать средствъ пропитанія не въ частномъ трудѣ, а въ государственной службѣ. Наши учебныя заведенія именно разсчитаны на такихъ людей, которые пойдутъ въ нихъ не ради науки, а для пріобрѣтенія чиновъ и правъ дворянскаго состоянія.

Послѣ всего сказаннаго нами, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что вся наша учебная система, въ томъ числѣ и университеты,

*) *Espagne depuis le règne de Philippe II. jusqu'à l'avènement des Bourbons*, par Weiss, pag. 140.

нуждаются въ коренномъ преобразованіи. Частныя улучшенія остались бы, по нашему мнѣнію, безъ всякихъ важныхъ послѣдствій. Университетъ видимо упадаетъ. «Стремленіе къ наукѣ», говоритъ г. Пересвѣтовъ (*Русская Рѣчь* 1861 года), «благородно охватившее семь лѣтъ тому назадъ молодое Русское поколѣніе, ослабѣваетъ. Намъ доводилось слышать не отъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ университетскихъ профессоровъ, что студенты перестаютъ заниматься... Молодежъ мечтаетъ о возможности жить, ни надъ чѣмъ усильно не трудясь, ничего не изучая, ни во что̀ не вдумываясь». Тотъ же фактъ выражается въ слѣдующихъ словахъ въ *Современникѣ* (1861, № 2, отд. 14, стр. 349): «къ сожалѣнію, тѣмъ же самымъ порокомъ, какимъ страдали предшествующія поколѣнія, то есть нежеланіемъ учиться серіезно и основательно, страдаетъ и поколѣніе молодое» *).

Чтобы вывести наши учебныя учрежденія изъ этого печальнаго положенія, необходимо прежде всего дать имъ такое естественное направленіе, чтобы всякій учился въ нихъ для пріобрѣтенія познаній, которыя онъ или его родители находятъ нужными и полезными, а не ради какихъ-нибудь посторонних цѣлей, какъ напримѣръ выхода изъ податнаго состоянія, полученія чиновъ, перехода въ дворянское званіе и т. п. Подобно свободѣ, просвѣщеніе не можетъ нигдѣ развиваться иначе, какъ съ извѣстною постепенностію. Это такъ и бываетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ оно возникаетъ на самой почвѣ. Огромный дубъ является сперва въ видѣ тонкой былинки, мало по малу растетъ и наконецъ осѣняетъ огромное пространство своими вѣтвями. У насъ же просвѣщеніе, по выраженію Бѣлинскаго, есть «растеніе пересадное». Чтобы развести его въ нашемъ отечествѣ, мы призвали къ себѣ Нѣмецкихъ садовниковъ, для которыхъ вся Россія сосредоточивалась въ Петербургѣ. Очень естественно, что имъ показалось долго и скучно начать наше образованіе съ корня, тѣмъ болѣе, что при этомъ для такихъ высокоученыхъ господъ не нашлось бы и мѣста въ Россіи. Такимъ образомъ у насъ возникла академія наукъ прежде школъ, въ которыхъ, не говоримъ уже народъ, но хотя бы высшее сословіе государства

*) Приведенные нами факты становятся особенно характеристичны при сближеніи съ замѣчаніемъ Риля, который говоритъ: «Отличительная черта пролетаріата состоитъ въ томъ, что онъ особенно скрывается тамъ, гдѣ можно надѣяться жить безъ большаго труда. Никто не слыхалъ о пролетаріатѣ между архитекторами, даже скульпторами. Отчего это? Оттого, что въ этихъ отрасляхъ требуется долгое и медленное ученіе».

могло выучиться порядочно читать и писать. За это насъ превозносили въ чужихъ краяхъ, и Вольтеръ писалъ: «c'est du nord à présent que nous vient la lumière», а между тѣмъ образованіе подвигалось такъ туго впередъ, наука, преподаваемая въ университетахъ была, и теперь осталась еще такъ не практична, что никто не хочетъ изучать ее ради ея самой, а всѣ мы смотримъ на нее, какъ на горькую микстуру, которую нельзя иначе проглотить, какъ съ помощію конфетки.

Воля ваша, а изъ такого неестественнаго направленія науки ничего дѣльнаго не можетъ выйдти. И такъ первая ступень реформы должна состоять въ томъ, чтобы молодые люди получали въ школахъ умственное и нравственное развитіе, а учеными по той части, къ которой они будутъ чувствовать охоту, предоставьте имъ сдѣлаться самимъ. Далѣе, мы считаемъ необходимымъ, чтобы воспитаніе въ собственномъ смыслѣ кончалось у насъ или въ закрытыхъ заведеніяхъ, или въ гимназіяхъ, гдѣ ученіе производится по катизитической методѣ, а не посредствомъ лекцій, которыя приличны только людямъ вполнѣ развитымъ и приготовленнымъ къ самостоятельной, полноправной жизни. Вслѣдствіе этого, воспитаніе или ученіе въ школахъ должно бы продолжаться гораздо долѣе, чѣмъ теперь, и такъ какъ притомъ число обязательныхъ предметовъ какъ въ гимназическихъ курсахъ, такъ и программахъ высшихъ закрытыхъ школъ, должно бы быть много сокращено, то можно бы надѣяться, что и съ теперешними учителями ученіе было бы гораздо основательнѣе.

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о существующихъ у насъ университетахъ и не беремся рѣшить, какую роль должны они играть, — будутъ ли они средоточіемъ тѣхъ воспитательныхъ заведеній, о которыхъ мы сейчасъ говорили, дополняя своими лекціями образованіе, получаемое въ нихъ молодыми людьми, или станутъ особыми учрежденіями, гдѣ бы преподавались публичныя лекціи. Въ такомъ случаѣ, наши университеты должны были бы вовсе отказаться отъ характера учебныхъ заведеній; самое раздѣленіе ихъ на факультеты было бы тогда излишне, и всякому, какъ теперь вольнымъ слушателямъ; надобно было бы предоставить право слушать тѣ или другія лекціи у того или другаго преподавателя. Что касается до экзаменовъ для полученія ученыхъ степеней, то они въ такомъ случаѣ должны бы производиться не въ университетѣ, а въ особенной экзаменоторской коммиссіи, въ родѣ Лондонскаго университета. Намъ кажется, что это было бы са-

мымъ приличнымъ назначеніемъ академіи наукъ. Къ слушанію лекцій въ университетахъ могли бы допускаться воспитанники какъ закрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и гимназій. Чтобы дать возможность пользоваться университетскими лекціями лицамъ, находящимся уже въ службѣ, лекціи должны бы читаться не только по утрамъ, но и по вечерамъ, что̀ представило бы и ту выгоду, что одни и тѣ же предметы читались бы нѣсколькими профессорами, которые бы соперничали между собой въ стараніи привлекать къ себѣ большее число слушателей; приватъ-доценты должны бы быть допущены, какъ въ Нѣмецкихъ университетахъ, и разумѣется необходимо было бы, также по примѣру Нѣмецкихъ университетовъ, ввести гонорарій. Дипломы на ученую степень не давали бы никакихъ положительныхъ правъ по службѣ, но тѣмъ не менѣе ими бы дорожили, ибо всякій, изучившій основательно то, что̀ нужно для избираемаго имъ поприща, необходимо будетъ поставленъ выше того, кто не пріобрѣлъ никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній.

Чтобы возвратиться къ тѣмъ закрытымъ школамъ, въ пользу которыхъ мы сочли нужнымъ сказать свое слово, повторяемъ, что если молодымъ людямъ и покажется непріятнымъ оставаться до девятнадцати и двадцати лѣтъ учениками закрытыхъ школъ и гимназій, за то будутъ этому ради родители, которымъ, къ сожалѣнію, часто̀ случается на дѣлѣ испытывать, какъ мало молодые люди въ шестнадцать, семнадцать и восьмнадцать лѣтъ еще способны къ самоуправленію.

Недавній опытъ подтвердилъ это. По словамъ профессора Чичерина, отмѣна годовыхъ экзаменовъ не только не принесла пользы, а доказала, что нельзя ввѣриться безкорыстной любви теперешнихъ студентовъ къ наукѣ. Даже въ Германіи, этой классической странѣ университетовъ, начинаютъ признавать, что одно слушаніе лекцій недостаточно для основательнаго изученія предмета. Доказательствомъ этому можетъ служить институтъ, учрежденный профессоромъ докторомъ Фишеромъ въ Іенѣ для занятія студентовъ, слушающихъ лекціи, «частію въ письменныхъ упражненіяхъ, «частію въ устномъ изложеніи и конференціяхъ подъ *надзоромъ* «двухъ докторовъ, назначаемыхъ изъ числа преподавателей уни«верситета».

Что же касается до финансовой стороны вопроса, то даровое или очень дешевое ученіе, если и можетъ быть допущено, то развѣ

только въ народныхъ первоначальныхъ школахъ, а никакъ не въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы никакъ не можемъ понять, почему и съ какою цѣлью народъ можетъ быть обязанъ на свой счетъ давать высшее образованіе обыкновеннымъ, посредственнымъ способностямъ, пока не доказано, что желающихъ учиться на свой счетъ недостаточно для снабженія государства нужнымъ числомъ образованныхъ людей въ разныхъ сферахъ общественной дѣятельности. Исключеніе можетъ быть сдѣлано изъ общаго правила только для возбужденія соревнованія учениковъ вообще, и для доставленія тѣмъ изъ нихъ, которые покажутъ необыкновенныя способности, возможности продолжать свои занятія, не кленя своей судьбы и не испытывая на себѣ сказаннаго Гегелемъ: «что въ душѣ, порабощенной вседневными нуждами, нѣтъ мѣста для свободной дѣятельности разума.» Возвышеніе платы съ массы учениковъ и студентовъ доставило бы учебному вѣдомству значительныя финансовыя средства, которыя можно было бы употребить какъ на улучшеніе содержанія профессоровъ, такъ и на учрежденіе многочисленныхъ стипендій, которыя раздавались бы достойнѣйшимъ или самимъ начальствомъ учебнаго вѣдомства, или при содѣйствіи частнаго общества, которое, обязавшись ежегоднымъ взносомъ на сей предметъ извѣстной суммы, получило бы за то право принимать участіе въ распредѣленіи стипендій. Такое учрежденіе могло бы имѣть, по нашему мнѣнію, самое благотворное вліяніе не только на развитіе просвѣщенія, но и на самый духъ будущаго молодаго поколѣнія.

Мы сочли бы себя счастливыми, еслибы наша статья послужила поводомъ и другимъ лицамъ, не занимающимъ должностей по министерству народнаго просвѣщенія, высказать свои наблюденія надъ результатами принятой доселѣ у насъ системы ученія. Никогда это не было такъ нужно, какъ теперь: министерство разослало въ университетскіе совѣты проекты новаго положенія для преобразованія университетовъ, гимназій и сельскихъ училищъ. Неужели наша публика покажетъ тупое равнодушіе къ преобразованіямъ, отъ которыхъ зависитъ будущность всѣхъ и каждаго, и не выскажетъ своихъ справедливыхъ желаній и требованій? Что касается до насъ, то, высказывая наше мнѣніе, какъ частный человѣкъ, мы никакъ не претендуемъ на непогрѣшительность, и прочтемъ всякую благонамѣренную критику съ признательностію, бранчивую съ равнодушіемъ: ибо желаемъ внести и свою лепту въ оборотъ общественнаго мнѣнія, и думаемъ, что нельзя изъ

опасенія брани и неприличныхъ выходокъ лишать себя драгоцѣннаго права сказать свое мнѣніе о такомъ дѣлѣ, которое должно быть близко къ сердцу каждаго, кто любитъ свое отечество.

XLVI.

Духовенства Кіевской епархіи.

Религія не такой предметъ, который довольно изучить въ одно время, какъ какую-нибудь науку приготовительную, или какъ науку, избранную по склонности, такъ чтобы послѣ можно было совсѣмъ оставить ее и замѣнить другою наукою. Изученіе религіи не только нужно въ отрочествѣ, но и во всѣхъ возрастахъ, и нѣтъ времени, когда можно было бы разумно сказать: довольно, я изучилъ всю религію. Юношамъ преимущественно оно нужно, потому что только утвержденіе религіи въ *наукахъ* и сердцахъ можетъ обуздать пылкія страсти и установить прямое христіанское направленіе силъ душевныхъ. Потому необходимо богословіе и въ университетахъ, и здѣсь оно должно быть не какъ наука второстепенная или предоставленная произволу, а какъ главная и обязательная. Вообще, чѣмъ болѣе дается пространство разуму и наукамъ человѣческимъ, тѣмъ болѣе требуется основательное изученіе истинъ богословскихъ, чтобы умѣть различать опасности невѣрія и ересей и знать, для себя и для другихъ, на какихъ основаніяхъ зиждется вѣра правая. Въ настоящее время науки можно уподобить такому дереву, которое высится какъ кедръ Ливанскій, и все еще растетъ и разростается. Но, какъ природа, чѣмъ большій даетъ ростъ дереву, тѣмъ сильнѣе укрѣпляетъ его корень: такъ и христіанское просвѣщеніе должно больше укоренять богословіе въ тѣхъ, которые получаютъ высшее образованіе посредствомъ наукъ университетскихъ. Иначе, образованіе университетское будетъ одностороннее, а не всестороннее, какъ надлежитъ ожидать отъ университета по самому его названію, и отъ дерева наукъ также мало можно надѣяться плодовъ, какъ отъ большаго растенія съ малымъ корнемъ, или совсѣмъ безъ корня, при пособіи внѣшнихъ подпорокъ держащагося въ землѣ.

Такъ разсуждая о необходимости науки богословія въ универ-

ситетѣ, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ г. Пирогова объ ограниченіи, или даже исключеніи богословія изъ круга наукъ университетскихъ. Говорю: объ исключеніи; ибо что̀ иное значитъ предположеніе г. Пирогова — оставить церковную исторію для факультета историко-филологическаго и церковное законовѣдѣніе для юристовъ, и не преподавать никому въ университетѣ ни догматическаго ни нравственнаго богословія т. е. самыхъ важныхъ, существенныхъ частей этой науки?

Посмотримъ однако, на какихъ основаніяхъ утверждается мнѣніе г. Пирогова. «Распространеніе благочестія дѣло не преподаванія, а задушевныхъ теплыхъ религіозныхъ убѣжденій, внушенныхъ съ колыбели, или вызванныхъ изъ души превратностями жизни, а не дѣло науки. Нельзя этого ожидать отъ поверхностнаго изученія богословія». Почему одни эти призыванія къ религіи указаны? Есть много другихъ, которыя извѣстны христіанину. Сюда должно относить и добрые примѣры людей вѣрующихъ, которые въ законѣ Божіи поучаются день и нощь.

Конечно, скажемъ мы, наука сама не произведетъ и не распространитъ ни въ комъ благочестія, если не встрѣтитъ въ учащемся внутреннихъ основаній вѣры, какъ медицина не произведетъ здоровья въ больныхъ, не встрѣтясь въ нихъ съ благотворнымъ дѣйствіемъ природы, и юриспруденція не произведетъ правды въ самомъ юристѣ, когда онъ не захочетъ слышать ея голоса въ душѣ своей, или когда положитъ себѣ цѣлію изученія законовъ одну корысть или внѣшнія отличія. Поэтому ужели не нужны ни медицина, ни юриспруденція? Слаба надежда на убѣжденія, внушенныя въ младенчествѣ и отрочествѣ, когда эти убѣжденія не присвоитъ себѣ разумъ, раскрывающійся послѣ. Дожидаться ли юношѣ, пока превратности вызовутъ религіозныя убѣжденія въ душѣ его? Очень можетъ быть, что онѣ и не вызовутъ этихъ убѣжденій, а вызовутъ или произведутъ въ душѣ его другую превратность, — гибельную для души. Благочестія нельзя ожидать отъ поверхностнаго изученія богословія. Никто и не думаетъ, что въ университетѣ надо оставить поверхностное изученіе. Напротивъ, оно должно быть непремѣнно основательное, со вниманіемъ къ современнымъ вопросамъ и возраженіямъ относительно истинъ вѣры. Богословіе не есть простое дѣтское законоученіе: это наука, ученіе систематическое. Но г. Пироговъ находитъ не только ненужнымъ, или малодѣйствительнымъ изученіе богословія въ универси-

тетахъ, — онъ признаетъ его даже вреднымъ.(!!) «Молодые развитые люди вносятъ въ изученіе богословія тотъ же скептицизмъ и критическое направленіе, которые необходимы при занятіи науками историческими, математическими и естественными». Этотъ отзывъ, казалось бы, болѣе обвинялъ сказанныя науки, нежели изученіе богословія. Но изъ слѣдующаго замѣчанія видно, что обвиняется во всемъ богословіе, именно обязательное его изученіе: «Я зналъ, говоритъ г. Пироговъ, многихъ молодыхъ людей университетскаго образованія, которыми овладѣло безвѣріе по мѣрѣ того, какъ они принимались за обязательное изученіе богословія». Лучше ли для самыхъ наукъ опытныхъ? Лучше ли для общежитія? — отвергающій всѣ авторитеты можетъ ли имѣть самъ авторитетъ у другихъ?

А не та ли, между прочимъ, и цѣль изученія богословія въ университетахъ, чтобъ притуплять жало скептицизма (заученнаго въ другихъ наукахъ), по отношенію къ истинамъ вѣры? Притомъ, если не будетъ этого изученія, то ужели для вѣры лучше будетъ при направленіи скептицизма въ студентахъ? Мы увѣрены напротивъ, что не предостерегаемые отъ скептицизма въ религіи и не утверждаясь въ ней наукою богословія, учащіеся скорѣе сдѣлаются невѣрами и матеріалистами, особенно обучающіеся тѣмъ наукамъ, о которыхъ надлежало особенно упомянуть г. Пирогову, т. е. медицинскимъ, гдѣ большой просторъ матеріализму, потому что занимающіеся разборомъ одного организма тѣла нашего приходятъ очень часто къ отрицанію безсмертной души въ человѣкѣ, которой не видятъ они и не дотрогиваются своими инструментами. А что сказать о замѣчаніи, будто, по мѣрѣ обязательныхъ занятій въ богословіи, люди доходятъ до безвѣрія? Это *по мѣрѣ* такъ непомѣрно, что превышаетъ всякое вѣроятіе. И о философіи сказалъ Беконъ, что pleniores haustus ея ad religionem reducunt. Не тѣмъ ли болѣе pleniores haustus theologiae? (Уже сказано выше, что поверхностное изученіе богословія не должно быть въ университетахъ). Какъ же по мѣрѣ изученія богословскихъ наукъ можетъ развиваться безвѣріе? Не забываемъ, что говорится по мѣрѣ *обязательнаго* занятія, а не добровольнаго, произвольнаго. Отчего же вредно обязательное, если только оно не принудительное, а такъ же обязательное, какъ и изученіе всякой науки, которая требуется отъ студента? Не приводитъ же, напримѣръ, обязательное изученіе законовъ къ неправосудію и нарушенію законовъ. Начальство, безъ сомнѣнія, хочетъ, чтобы христіанинъ образованный былъ христіа-

ниномъ не худшимъ, а лучшимъ необразованнаго, и потому первое и важнѣйшее обязательство наше предъ Богомъ и церковію (религіею) желаетъ не ослаблять, а подкрѣплять обязательностію изученія богословія въ училищѣ публичномъ и высшемъ. Нѣтъ! не обязательное изученіе богословія приводитъ къ безвѣрію, а больше всего либо распутная жизнь, либо знакомство съ дурными книгами и людьми. Это вѣрнѣе можно доказать, и уже доказано, опытомъ. И не нужны ли антидоты противъ сказанныхъ отравъ? Неисправимыхъ или совершенно небрежныхъ, конечно, не исправишь; но по крайней мѣрѣ есть возможность спасти тѣхъ, которые еще не совсѣмъ развратились, и каковыхъ, думаемъ, большая часть. При семъ позволяемъ себѣ указать на одно, прежде употреблявшееся средство противъ охлажденія къ богословію въ студентахъ (это напрасно кто-нибудь сочтетъ принудительною мѣрою, то было только законное побужденіе): такое средство — примѣръ особенной внимательности къ преподаванію богословія со стороны начальствующихъ въ университетѣ. Такъ, помнимъ, поддерживались въ инуверситетѣ занятія богословіемъ въ прежнее время, когда 1-й попечитель Фонъ-Брадке являлся самъ почти на каждую лекцію богословскую (хотя бы на краткое время), какъ и на каждое богослуженіе въ церкви (а за нимъ слѣдовалъ часто и ректоръ). Тогда аудиторія богословская была всегда полна студентами и попечителю не доносилось ни отъ кого, и не доводилось слышать, что обязательное изученіе богословія многихъ молодыхъ людей привело къ безвѣрію.

«Пусть семинаріи и духовныя академіи замѣнятъ для насъ недостатокъ богословскихъ факультетовъ. Пусть богословіе излагается въ нихъ для посвященныхъ въ полномъ его объемѣ. Sancta Sanctis!»

Святая святымъ (Sancta sanctis) взываетъ на литургіи церковь не съ тѣмъ, чтобы призвать къ св. причащенію однихъ священнослужителей, а прочимъ сказать: procul profani! Святыми апостолы называли всѣхъ христіанъ, такъ какъ они (т. е. всѣ христіане), освящены и освящаются таинствами. Являя чашу причащенія, церковь взываетъ всѣмъ: со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите, и даже обязываетъ всѣхъ хотя однажды въ годъ причащаться (смотр. катих.). Неужели христіанскій студентъ долженъ быть профаномъ для богословія и четыре или пять лѣтъ пребыванія своего въ университетѣ быть свободнымъ отъ изученія истинъ религіи? Напротивъ, онъ долженъ еще болѣе освящаться бого-

словскими познаніями. Онъ, скажутъ, не посвящаетъ себя особенному служенію церкви? Но онъ освященъ и освящается таинствами церкви и посвящаетъ себя на дѣла христіанскія; а дѣло христіанское и то, чтобы вразумлять себя и другихъ въ истинахъ вѣры и защищать религію. Ничто не препятствуетъ учившемуся въ университетѣ, если пожелаетъ, быть и въ духовномъ званіи, даже пастыремъ церкви: ему стоитъ только показать опыты своихъ богословскихъ познаній у начальства духовнаго. Какъ учившемуся въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ не возбранено поступать и въ университетъ и въ свѣтское званіе, такъ и учившемуся въ университетѣ не запрещено прослушать еще курсъ (двухгодичный) богословія въ духовной академіи и принять духовное званіе. Словомъ, богословіе у насъ необходимо для общаго высшаго образованія, а не для одного спеціальнаго — у духовныхъ. Требуется же для всѣхъ факультетовъ основаніе Русскаго языка: почему же не требовать отъ православнаго студента основательнаго знанія православной вѣры? Если нужно первое знаніе для удобнѣйшаго сообщенія другимъ своихъ мыслей и чувствъ, то для правоты мысли и чувствъ еще нужнѣе вѣрное знаніе православія. Не говоримъ уже о томъ, что это нужно для общенія души христіанской съ Богомъ, которое безъ напоминанія легко забывается въ юношествѣ.

И такъ не сокращенія, а распространенія ученія богословскаго желаемъ мы въ университетахъ. Потому полагаемъ:

1) Преподавать положенныя проектомъ науки богословскія въ возможно полномъ ихъ объемѣ.

2) На изученіе ихъ употреблять на каждую цѣлый годъ, т. е. читать, какъ это изначала заведено въ университетѣ св. Владиміра, не всѣ въ одинъ годъ, а порознь, именно: годъ для церковной исторіи, другой для догматики, третій для нравственнаго богословія, и не почитать препятствіемъ къ этому порядку то, что одни студенты начнутъ курсъ церковною исторіею, другіе догматикою и т. д. Для изучившихъ законъ Божій въ гимназіяхъ понятна будетъ всякая изъ этихъ наукъ, будетъ ли она первою или послѣднею въ курсѣ.

3) Читать по 4 или по 5 уроковъ въ недѣлю, а церковную исторію, такъ какъ полагается съ нею вмѣстѣ для юристовъ читать и церковное законовѣдѣніе, по 3 или по 4 урока; церковное же законовѣдѣніе — по 2 или 3 урока въ недѣлю. Сверхъ того, назначеніе числа уроковъ для богословія нужно въ самомъ уставѣ: ибо иначе оно будетъ зависѣть отъ декановъ, которые въ пользу сво-

ихъ любимыхъ наукъ стараются какъ можно больше назначать времени преподаванія, стѣсняя тѣмъ ученіе богословія.

4) Очень нужно знакомить студентовъ съ св. писаніемъ, и для того можно не читать церковную исторію ветхаго завѣта, какъ извѣстную уже въ гимназіяхъ, а вмѣсто того прочитать руководство къ чтенію св. писанія и объяснить нѣсколько главъ изъ ветхаго и новаго завѣта.

5) Нужно также преподать студентамъ и ученіе о богослуженіи церковномъ, что̀ можетъ быть сдѣлано въ годъ, посвященный для изученія нравственнаго богословія.

При такомъ ученіи можно ожидать тѣхъ плодовъ, какихъ желаетъ апостолъ Павелъ, когда пишетъ къ Тимоѳею: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. 3, 17).

XLVII.

Мнѣнія совѣтовъ университетовъ по вопросу о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій.

По производству одного дѣла въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, встрѣтилась надобность предложить на обсужденіе совѣтовъ университетовъ слѣдующіе три вопроса: 1) могутъ ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій, совмѣстно со студентами? 2) какія условія должны быть постановлены при такомъ допущеніи? и 3) могутъ ли такія лица быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени, и какимъ правомъ, въ случаѣ выдержанія испытанія, онѣ должны пользоваться? Вслѣдствіе сего получены отъ совѣтовъ университетовъ слѣдующіе отзывы.

ОТЪ СОВѢТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Совѣтъ Московскаго университета обсуждалъ вопросъ и совмѣстномъ со студентами слушаніи профессорскихъ лекцій лицами женскаго пола, и большинствомъ голосовъ, 23 противъ 2, постановилъ: «не допускать этого совмѣстнаго слушанія ни подъ какимъ

предлогомъ потому, что оно можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ».

ОТЪ СОВѢТА ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Совѣтъ университета донесъ, что, принимая во вниманіе, что въ сферѣ общественной дѣятельности есть много такихъ занятій, для отправленія которыхъ женщины имѣютъ всѣ необходимыя качества и, что, при выполненіи нѣкоторыхъ обязанностей, онѣ даже незамѣнимы (какъ наприм. въ дѣлѣ педагогической практики при первоначальномъ обученіи, въ попечительномъ уходѣ за больными, столь же важномъ для хирурга, какъ и для терапевта), находитъ возможнымъ дозволить лицамъ женскаго пола слушать университетскія лекціи по всѣмъ вообще факультетамъ, на основаніяхъ, существующихъ для вольныхъ слушателей и студентовъ, сообразно ихъ желанію и по предварительномъ выполненіи ими условій, требуемыхъ университетскими постановленіями. Равнымъ образомъ лица женскаго пола, по мнѣнію совѣта, могутъ быть допускаемы къ испытанію на ученыя степени и званія, съ предоставленіемъ имъ права, въ случаѣ выдержанія ими испытанія, посвящать пріобрѣтенныя ими въ университетѣ знанія въ пользу общества и, по вступленіи въ государственную службу, пользоваться содержаніемъ и другими преимуществами, присвоенными должностямъ, къ занятію которыхъ онѣ признаны будутъ способными. При этомъ совѣтъ присовокупилъ, что открытіе женщинѣ поприща общественной дѣятельности не можетъ служить къ ущербу для главнаго назначенія ея семейной жизни: какъ потому, что между лицами женскаго пола, безъ сомнѣнія, немного найдется охотницъ къ принятію на себя обязанностей, требующихъ значительныхъ физическихъ силъ, либо усиленнаго и настойчиваго труда, такъ и потому, что въ нашемъ отечествѣ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, находится излишекъ женскаго пола, обращеніе котораго къ общественной дѣятельности, при невозможности посвятить себя семейной жизни, не только не предосудительно, но и желательно въ видахъ общественной нравственности.

ОТЪ ПОПЕЧИТЕЛЯ ДЕРПТСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА *).

Истребовавъ мнѣніе совѣта Дерптскаго университета о возможности и условіяхъ допущенія лицъ женскаго пола къ посѣще-

*) Дѣйств. тайн. сов. *фонъ-Бридке.*

нію университетскихъ лекцій, я получилъ донесеніе совѣта, что приведеніе въ исполненіе означенной мѣры онъ находитъ несовмѣстимымъ съ настоящимъ устройствомъ университета, съ существенными условіями успѣшной дѣятельности и съ научными цѣлями онаго.

Раздѣляя вполнѣ мнѣніе совѣта университета и находя совершенно неудобнымъ допущеніе женскаго пола къ совмѣстному съ мужскимъ слушанію лекцій, а равно и къ поступленію въ среднія учебныя заведенія, какъ необходимаго условія для пріема въ университетъ, я полагаю, что ежели, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ общественной жизни, можетъ быть, и оказывается нужнымъ доставить женщинамъ менѣе достаточнаго состоянія способы къ пріобрѣтенію необходимыхъ средствъ существованія, то сіе могло бы быть достигнуто единственно болѣе основательнымъ и твердымъ образованіемъ ихъ къ званію воспитательницъ юношества, на каковомъ поприщѣ онѣ могли бы оказать большую пользу и, по существующимъ въ семъ отношеніи нынѣ и ежегодно увеличивающимся потребностямъ, всегда находить достаточное занятіе. Для сего я счелъ бы весьма полезнымъ усилить въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ математику и ввести преподаваніе Латинскаго языка, поставляя сіи предметы обязательными только для тѣхъ, которыя намѣрены посвятить себя образованію юношества. За симъ я женскій полъ, по особенностямъ его конструкціи и умственныхъ и душевныхъ его способностей, не могу признать способнымъ къ изученію анатоміи, необходимой для медицины, ни для пріобрѣтенія юридическихъ свѣдѣній, по ихъ сухости и строгой послѣдовательности, ни для глубокихъ филологическихъ соображеній, и ежели въ семъ отношеніи, конечно, могутъ существовать изъятія, то сіи изъятія однакожь не могутъ служить основаніемъ къ принятію общихъ государственныхъ мѣръ.

ОТЪ СОВѢТА САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Совѣтъ университета опредѣлилъ составить временную коммиссію для предварительнаго соображенія вышеупомянутыхъ трехъ вопросовъ. На основаніи предписанія совѣта, временная коммиссія, обсудивъ предварительно сіи вопросы, опредѣлила единогласно: 1) допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій, по какому бы то ни было факультету, совмѣстно со студентами, признаетъ не только не представляющимъ никакихъ

препятствій, но даже справедливымъ и полезнымъ, какъ то будетъ объяснено ниже, при изложеніи доводовъ, которыми руководилась коммиссія, постановляя такое опредѣленіе; 2) допущеніе лицъ женскаго пола установить на общемъ основаніи съ вольнослушателями, какъ по отношенію лѣтъ, такъ и платы; наконецъ 3) разрѣшить лицамъ женскаго пола, на общемъ основаніи съ вольнослушателями, подвергаться испытанію на всѣ ученыя степени, и получать дипломъ, который давалъ бы имъ право: 1) на штатныя учительскія и воспитательныя должности, въ высшихъ женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ, 2) на медицинскую практику. Временная коммиссія руководилась при этомъ слѣдующими соображеніями:

Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ курсовъ могло представлять, и въ нѣкоторыхъ странахъ до сихъ поръ представляетъ, только одно препятствіе, а именно — новости самаго явленія и исторической привычки къ противоположному порядку дѣла. Англійскіе, Французскіе и Нѣмецкіе университеты не допускаютъ присутствія женщинъ на своихъ лекціяхъ по историческому преданію, сложившемуся въ монастырскую эпоху средневѣковыхъ университетовъ; не говоря о допущеніи женщинъ, для Оксфордскаго университета можетъ еще и теперь существовать, какъ серьезный вопросъ, — вопросъ о разрѣшеніи студентамъ носить, вмѣсто полумонашескаго костюма, костюмъ свѣтскій. Другіе западные университеты, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, давно уже сдѣлали шагъ впередъ; но, по отношенію вопроса о допущеніи женщинъ въ свои аудиторіи, они продолжаютъ носить монастырскую форму. Только одна эпоха «возрожденія» въ XV и въ XVI вѣкѣ представляла исключеніе въ этомъ случаѣ, и женщины тогда не только изучали университетскіе курсы, но нерѣдко и читали ихъ съ каѳедры профессоровъ. Мы, въ своемъ запрещеніи, не имѣли бы даже и историческаго оправданія, оно перенесено было къ намъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ другими университетскими формами, и не стояло потому въ связи ни съ нашимъ общественнымъ духомъ, ни съ гражданскимъ и юридическимъ порядкомъ вещей. Наконецъ, насъ не можетъ удерживать непривычка и новость, потому что въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ аудиторіи С. Петербургскаго университета были посѣщаемы лицами женскаго пола въ большомъ числѣ. Потому, на основаніи опыта, мы можемъ утверждать, что присутствіе дамъ въ аудиторіи не только никогда не подавало повода ни къ какому безпоряд-

ку, но даже, напротивъ, могло держать студентовъ въ предѣлахъ самаго строгаго приличія. Точно также дамы не могли никогда препятствовать ученому систематическому изложенію вопросовъ науки съ каѳедры, потому что не профессоры приходятъ читать дамамъ, но дамы приходятъ слушать профессоровъ. Еслибы профессоръ былъ стѣсненъ присутствіемъ дамы, на основаніи предположенія неподготовленности и неразвитости, то для него не менѣе должно быть стѣснительно присутствіе вольнослушателей, которыхъ познанія и развитость ему одинаково неизвѣстны. Между тѣмъ, ни одинъ профессоръ не жаловался на присутствіе вольнослушателей въ своей аудиторіи. Если женщинѣ дано право быть читательницею книги, авторомъ произведенія, то на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницей лекцій. Профессоръ можетъ напечатать свои лекціи; думаетъ ли онъ при этомъ, что его напечатанная лекція не должна попасться въ руки женщины. Отчего же его могла бы смущать мысль, что, при прочтеніи этой же самой лекціи, можетъ присутствовать женщина. Различіе только въ органѣ воспріятія. Ни одинъ профессоръ не сдѣлаетъ при изданіи своихъ лекцій запрещенія дамамъ читать ихъ; почему же онъ могъ бы искать такого запрещенія при устномъ ихъ прочтеніи.

Но, кромѣ отсутствія препятствій къ посѣщенію лекцій лицами женскаго пола, кромѣ того, что совмѣстность такого посѣщенія лекцій со студентами можетъ быть принята за вѣрный знакъ добраго состоянія нравовъ въ нашемъ отечествѣ, присутствіе дамъ на лекціяхъ можетъ быть признано справедливымъ и полезнымъ. Оно справедливо потому, что женщина, по нашимъ законамъ, пользуется одинаковыми гражданскими правами съ лицами мужескаго пола; она имѣетъ полное право собственности, и, какъ владѣтельница, можетъ пользоваться участіемъ въ юридическомъ образованіи. Допущеніе лицъ женскаго пола къ слушанію лекцій можетъ быть признано и полезнымъ, если принять въ соображеніе, что женщина несетъ на себѣ много оффиціальныхъ обязанностей по воспитанію и обученію, успѣшное исполненіе которыхъ обусловливается вообще состояніемъ наукъ, представителемъ которыхъ стремится быть университетъ.

При такомъ взглядѣ на вопросъ, условія къ допущенію лицъ женскаго пола въ университетъ не могутъ и не должны быть отличны отъ общихъ условій съ вольнослушателями, даже не принимая въ соображеніе ту пользу, которую можетъ принести женщина съ

просвѣщеннымъ умомъ, какъ мать будущихъ поколѣній. Было бы выгодно уменьшить плату съ лицъ женскаго пола за слушаніе лекцій, и это было бы справедливо, потому что едва ли лица женскаго пола запишутся на цѣлый факультетъ и не ограничатся нѣсколькими, двумя или тремя предметами, ихъ особенно интересующими. Наконецъ, допущеніе лицъ женскаго пола къ испытанію на ученыя степени должно быть принято по совершенному отсутствію причинъ противоположнаго. При экзаменѣ на ученую степень дѣло идетъ о чистомъ знаніи, и лица мужескаго пола получаютъ ученую степень вовсе не за то, что они принадлежатъ къ извѣстному полу. Отрицательное рѣшеніе такого вопроса могло бы опираться на несомнѣнныя доказательства невозможности для женщины воспринять истину наравнѣ съ лицами мужескаго пола, а такихъ доказательствъ мы не имѣемъ. Во всякомъ случаѣ, допущеніе лицъ женскаго пола въ аудиторіи и къ экзаменамъ не подвергаетъ никого и никакой опасности, а въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть полезно.

Подписали: Предсѣдатель А. Савичъ. Члены: К. Кавелинъ, К. Голстунскій, М. Стасюлевичъ.

ОТЪ СОВѢТА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Совѣтъ университета находитъ возможнымъ допускать къ слушанію университетскихъ лекцій лицъ женскаго пола, на правахъ вольныхъ слушателей; относительно же пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней лицами женскаго пола, по его мнѣнію, должны быть наблюдаемы правила, существующія для вольныхъ слушателей, и что лицамъ женскаго пола, выдержавшимъ экзаменъ на ученыя степени, должны быть предоставлены всѣ права, соединенныя съ этими степенями.

ОТЪ ФАКУЛЬТЕТОВЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

а) Юридическій факультетъ находитъ возможнымъ допускать лица женскаго пола слушать лекціи совмѣстно со студентами, съ разрѣшенія университетскаго начальства; но производить испытанія тѣмъ лицамъ на ученыя степени факультетъ считаетъ излишнимъ потому, что всѣ почти права, которыя можетъ дать ученая юридическая степень, при настоящемъ порядкѣ, недоступны для женщинъ.

б) Медицинскій факультетъ, признавая, что университетское образованіе должно быть безпрепятственно дозволено всѣмъ лицамъ, которыя въ состояніи имъ пользоваться, безъ различія званій и пола, и находя, что посѣщеніе лекцій по медицинскому факультету въ такомъ лишь случаѣ можетъ сдѣлаться несоотвѣтствующимъ цѣли университетскаго образованія и угрожать достоинству науки, когда оно будетъ дозволено женщинамъ, недостаточно образованнымъ и не приготовленнымъ къ дѣйствительно-полезному слушанію лекцій, единогласно опредѣлилъ: 1) лица женскаго пола, надлежащимъ образомъ приготовленныя къ слушанію лекцій по медицинскому факультету, могутъ быть допущены къ слушанію этихъ лекцій, совмѣстно со студентами; 2) къ такому посѣщенію медицинскихъ лекцій лица женскаго пола должны быть допускаемы неиначе, какъ по удовлетворительномъ выдержаніи вступительнаго испытанія (maturitatis), наравнѣ съ прочими поступающими въ университетъ студентами; 3) такія лица, наравнѣ съ прочими слушателями и студентами, могутъ быть допускаемы къ испытанію на всѣ ученыя степени, и, по удовлетворительномъ выдержаніи испытанія, должны пользоваться всѣми правами, присвоенными полученной степени.

в) Филологическій факультетъ, разсмотрѣвъ предложенный на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ вопросъ о допущеніи лицъ женскаго пола къ слушанію университетскихъ лекцій, опредѣлилъ: а) по отношенію къ первымъ двумъ пунктамъ, лицъ женскаго пола допустить къ слушанію лекцій историко-филологическаго факультета, на общемъ основаніи съ правами студентовъ, или вольнослушателей университета, смотря по тому, какимъ научнымъ требованіямъ удовлетворятъ онѣ при поступленіи въ университетъ, но во всякомъ случаѣ съ платою 20 р. сер. въ годъ за право слушанія университетскихъ лекцій; впрочемъ, по усмотрѣнію совѣта, онѣ могутъ быть освобождаемы вовсе отъ платы за слушаніе лекцій; b) допустить лицъ женскаго пола и къ пріобрѣтенію ученыхъ званій и степеней фекультета, также на общемъ основаніи, предоставивъ тѣмъ изъ нихъ, которыя будутъ удостоены этихъ званій или степеней, и права, какими пользуются лица мужскаго пола, имѣющіе ученыя званія и степени, при поступленіи на службу по учебному вѣдомству.

г) Физико-математическій факультетъ опредѣлилъ:

1) Лица женскаго пола безпрепятственно могутъ быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій, совмѣстно со студентами и другими слушателями.

2) Лица женскаго пола, желающія пользоваться правами студентовъ на пособія и стипендіи со стороны университета и на полученіе ученыхъ степеней, должны представить аттестатъ объ окончаніи ими полнаго курса въ одной изъ женскихъ гимназій, или другое равносильное свидѣтельство.

3) Лица женскаго пола, удостоенныя, на основаніи выдержаннаго ими испытанія, какой-либо ученой степени, могутъ пользоваться всѣми педагогическими правами, усвоенными той ученой степени.

XLVIII.

Могутъ ли женщины быть врачами въ Россіи?

Прочитавъ въ «Медицинскомъ вѣстникѣ» небольшую замѣтку о томъ: «могутъ ли женщины быть врачами въ Россіи?» мы съ удовольствіемъ узнали, при этомъ, что одна дѣвица подала прошеніе въ одно медицинское учебное заведеніе, о дозволеніи слушать ей полный курсъ медицины. Вопросъ этотъ, важный по самому принципу своему, становится еще болѣе важнымъ по тѣмъ счастливымъ результатамъ, которыхъ мы въ правѣ ожидать отъ благопріятнаго разрѣшенія его, т. е., если женщинамъ дано будетъ право слушать полный курсъ медицины, съ тѣмъ, чтобы, впослѣдствіи, исполнять обязанности врачей, — такъ что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ «Медицинскаго вѣстника», что вопросъ этотъ требуетъ серьёзнаго вниманія. Потому-то и мы, прочитавъ замѣтку «Медицинскаго вѣстника», не могли удержаться, чтобы не высказать, бѣгло, своихъ мыслей, по поводу этого вопроса.

1) Что женщины дѣйствительно способны къ серьезному и дѣльному труду, а, слѣдовательно, и къ медицинскимъ занятіямъ — въ этомъ теперь нельзя сомнѣваться всякому, сколько-нибудь разсудительному и образованному человѣку, а тѣмъ-болѣе медику. Вѣдь медицина есть такая же наука, какъ и другія: она не требуетъ отъ своихъ служителей никакихъ ни сверхъестественныхъ, ни неестественныхъ способностей. Для успѣшнаго занятія ею необходимы — здравый разсудокъ, память, наблюдательность, тер-

пѣніе. Первыхъ двухъ способностей никто не можетъ отвергать въ женщинахъ, а послѣднимъ — у нихъ, кажется, могутъ поучиться и мужчины. Если мы, до сихъ поръ, у себя, не видимъ примѣровъ тому, чтобы женщины съ особеннымъ успѣхомъ занимались положительными и опытными науками, въ томъ числѣ и медициной, то это зависитъ не отъ нихъ, а отъ дурныхъ условій, въ которыхъ онѣ находятся, и изъ которыхъ имъ не дозволяютъ выйти, отъ того, что имъ не даютъ возможности заниматься наукой; а ab non esse ad non posse consequentia non valet. Невѣрующимъ въ способность женщинъ заниматься медициной укажемъ на то, что на Западѣ и въ Америкѣ женщины съ успѣхомъ занимаются математикой, физикой и медициной, что въ Италіи есть особые факультеты, въ которыхъ женщины занимаются медициной, и такъ, какъ и намъ дай Богъ! Дѣло, стало-быть, ясно, какъ день.

2) Хотя и горько сознаться, а нельзя умолчать о томъ, что нѣкоторые считаютъ для женщины *неприличнымъ* заниматься медициной. Что̀ они находятъ здѣсь неприличнаго, этого понять никакъ нельзя, да они и сами не понимаютъ и не могутъ дать никакого раціональнаго объясненія своимъ словамъ. Впрочемъ, причины такого страннаго отзыва объяснить довольно легко. Кому съ самаго дѣтства постоянно твердили, что вотъ это — прилично, а это — неприлично, въ комъ не развили надлежащихъ понятій, на основаніи которыхъ онъ могъ бы произнести здравое и самостоятельное сужденіе о поступкахъ другихъ людей, тотъ, естественно, усвоиваетъ себѣ узкій и тупой взглядъ своихъ наставниковъ, и привыкаетъ всѣ поступки подводить подъ фальшивую мѣрку приличія и неприличія. А если спросить этихъ самыхъ господъ: хорошо ли, полезно ли это, или дурно, то они не съумѣютъ отвѣтить. Неприлично, отвѣтимъ мы за нихъ, потому, что никогда еще не было примѣра, чтобы женщина занималась медициной, что это ново, не вошло въ моду; можетъ ли тутъ быть какая-нибудь рѣчь о приличіи въ общепринятомъ смыслѣ? Другое дѣло — заниматься вздоромъ, это освящено временемъ, вездѣ почти принято, а стало-быть, и прилично. Что̀ же это за люди? Это люди отжившіе, обломки старины, которые враждебно встрѣчаютъ всякое новое и отрадное явленіе, которымъ душно отъ современнаго направленія. Они, не имѣя сами ни охоты, ни способности къ труду, понятно, должны смотрѣть непріязненно на всякую попытку женщины предаться серьезному занятію, потому что попытка эта есть признакъ самостоятельности, есть самая злая критика на ихъ пустое суще-

ствованіе. Ну, какъ же, при такомъ удобномъ случаѣ, не бросить грязью, не сказать какой-нибудь милой, національной шутки? По нашему мнѣнію, медицина не должна быть заколдованнымъ кругомъ, въ который доступъ можно позволять только избраннымъ. Она имѣетъ своимъ предметомъ всѣхъ людей, безъ исключенія, въ связи со всѣми условіями ихъ жизни, ни на минуту не теряя ихъ изъ виду, отъ начала рожденія до самой смерти; и нѣтъ ни одного человѣка, который, такъ или иначе, не обращался бы къ ея помощи, въ продолженіе своей жизни. Она имѣетъ значеніе всеобщее, и въ этомъ ея неоспоримое преимущество предъ другими науками. При огромномъ значеніи своемъ въ нашей жизни, медицина, естественно, должна обращать на себя особенное вниманіе со стороны всякаго образованнаго человѣка — по крайней мѣрѣ, въ главныхъ своихъ частяхъ, должна быть предметомъ изученія для всякаго, желающаго, безъ окольнихъ путей, прямо принести пользу человѣчеству. Ее нужно вводить въ жизнь народа, сдѣлать предметомъ обыденнымъ, популярнымъ, а не достояніемъ только нѣкоторыхъ людей; безъ этого она теряетъ свой высокій характеръ, дѣлается монополіею, принимаетъ оттѣнокъ цеховой, торговый. Если смотрѣть на медицину съ *этой* точки зрѣнія, а другой и быть не можетъ, то становится вполнѣ понятнымъ, что коль скоро женщина желаетъ заниматься наукой, хочетъ быть вполнѣ гуманною, то для нея ничего не можетъ быть лучше, а кому угодно, и *приличнѣе*, какъ избрать для своихъ занятій медицину. Не опасаясь упрековъ въ самохвальствѣ, скажемъ при этомъ, что занятіе медициной приноситъ *особенную честь* всякому, а еще болѣе принесетъ чести женщинамъ, которыхъ у насъ такъ рѣдко можно видѣть за серьезною работою: потому что оно будетъ свидѣтельствовать о твердой рѣшимости ихъ предаться труду,—труду тяжкому, невсегда пріятному и безопасному, который требуетъ всегда много терпѣнія, а нерѣдко и самоотверженія, и трудъ этотъ долженъ продолжаться во всю жизнь. Теперь прилично спросить: *что можетъ быть для женщины приличнѣе этого труда?* Самая медицина, въ научномъ отношеніи, можетъ выиграть, если женщины станутъ серьезно ею заниматься, потому что она есть наука по преимуществу опытная. Медику вездѣ нужно самому посмотрѣть, послушать, пощупать, измѣрить; многое нужно на себѣ испытать, самому попробовать. Если мы теперь обратимъ вниманіе на женщинъ, въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніяхъ, то увидимъ, что, отличаясь отъ мужчинъ строеніемъ тѣла, онѣ

отличаются неизбѣжно и отправленіями: женщины имѣютъ особенности въ дыханіи, особенности въ кровообращеніи, женщина бываетъ матерью. Особенности эти играютъ первую роль въ женскихъ болѣзняхъ. Кому же лучше и удобнѣе изслѣдовать, знать, понимать и объяснять эти особенныя состоянія ихъ, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ и со всѣми послѣдствіями и многочисленными уклоненіями, какъ не женщинѣ, спеціально-занимающейся медициной?

3) Если мы теперь посмотримъ на вопросъ съ юридической точки зрѣнія, то и въ этомъ случаѣ онъ рѣшается въ пользу женщинъ. Законъ предоставляетъ имъ оффиціально должности домашнихъ учительницъ, сестеръ милосердія, смотрительницъ при больницахъ, акушерокъ; для послѣднихъ есть даже спеціальныя заведенія. Этимъ самымъ онъ допускаетъ тотъ принципъ, по которому женщины могутъ быть у насъ врачами — такъ какъ обязанности акушерки и врача, различаясь между собою только степенью и кругомъ дѣятельности, сходятся во многихъ пунктахъ, а по цѣли своей онѣ совершенно тожественны.

4) *Нужны ли женщины-врачи? Положительно необходимы.* Всякому извѣстна стыдливость женщинъ; но не всѣмъ извѣстно, что чувство это, прекрасное само по себѣ, влечетъ за собою большое зло въ медицинской практикѣ, и представляетъ врачу непреодолимыя препятствія при леченіи. Всякому врачу часто приходится встрѣчать тѣ прискорбныя случаи, что больная женщина проситъ его о помощи, и когда врачъ находитъ нужнымъ осмотрѣть ее, для опредѣленія болѣзни, то встрѣчаетъ въ этомъ рѣшительный отказъ; тутъ ни просьбы, ни увѣщанія не помогаютъ, и врачу остается довольствоваться только сбивчивымъ и неполнымъ описаніемъ болѣзни со стороны паціентки. Понятно, что о раціональномъ леченіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи, и дѣло жизни рѣшается *на-авось* — обстоятельство, пагубное для больной, чрезвычайно непріятное и для врача! Столь же часто приходится видѣть, что женщина, зная, по роду или мѣсту своей болѣзни, что врачъ непремѣнно попроситъ ее подвергнуться осмотру, упорно молчитъ и скрываетъ свою болѣзнь, которая, между тѣмъ, все ростетъ, да ростетъ, день-ото-дня становится хуже, и когда больная, не имѣя болѣе силъ переносить свою болѣзнь, наконецъ обращается къ врачу, даже предоставляетъ себя въ полное его распоряженіе, то, большею частію, болѣзнь оказывается страшно-запущенною, и оттого, часто, оканчивается смертію. Самые рѣзкіе случаи подобнаго рода всего легче видѣть въ женскихъ клиникахъ и

больницахъ. Туда приходятъ, и для излеченія, и для совѣтовъ, большею частію съ болѣзнями застарѣлыми и трудными, и изъ разспросовъ постоянно оказывается, что больныя поздно обращаются за помощію къ медику, изъ опасенія, что ихъ станутъ осматривать, или же по недовѣрію къ нему. Даже и здѣсь, со стороны медика нужно много опытности, искусства и терпѣнія, чтобы выпросить у больной согласіе на осмотръ, но и при такихъ качествахъ это невсегда удается, отказы бываютъ часты. Намъ особенно врѣзался въ память одинъ случай: женщина приходитъ въ клинику посовѣтываться о своей болѣзни; болѣзнь была опасная, и требовала быстрыхъ и энергическихъ мѣръ. Докторъ говоритъ ей, что ее надобно осмотрѣть; больная соглашается со словами доктора, но говоритъ, что ей не хочется подвергаться осмотру. Докторъ начинаетъ ее убѣждать, представлять ей опасности, и, послѣ долгихъ колебаній, больная, наконецъ, рѣшилась дозволить осмотрѣть себя. Докторъ попросилъ ее въ особую комнату, и когда хотѣлъ начать осмотръ, она попросила его погодить немного; потомъ думала, думала, слезы полились у ней изъ глазъ, она встала, сказала, что лучше умреть, нежели позволитъ себя осматривать, и ушла изъ клиники. Что съ нею сдѣлалось потомъ — неизвѣстно; но если она еще не обратилась къ кому-нибудь за помощью, то смерть ея была неизбѣжна. Если даже женщина и соглашается на осмотръ, то и здѣсь дѣло невсегда просто и легко оканчивается: врачъ начинаетъ ее разспрашивать о продолжительности болѣзни, о причинахъ и другихъ обстоятельствахъ; больная, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отвѣчаетъ уклончиво, неясно, на нѣкоторые вопросы вовсе не отвѣчаетъ, противорѣчитъ себѣ — и все это или по стыдливости, или же по недовѣрію къ врачу, къ его скромности. А сколько бываетъ хлопотъ, убѣжденій и просьбъ при операціяхъ! Конечно, здѣсь устрашаетъ и самая операція; но и вышеупомянутыя причины тоже много имѣютъ значенія. Повторяемъ, что случаевъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ говорено было выше, врачу приходится встрѣчать чрезвычайно-много. Теперь спросятъ: какъ же лечатъ, не узнавъ хорошо характера болѣзни, ея начала, хода, не видавъ больнаго мѣста? Да такое ужъ, отвѣтимъ мы, бываетъ и леченіе: болѣе по соображенію, воображенію, на-удачу. Естественно, что отъ такого леченія бываетъ многое множество несчастій, которыя, при другихъ условіяхъ, могли бы быть устранены. Много бываетъ, по поводу подобныхъ случаевъ, упрековъ врачамъ, но, конечно, нельзя ихъ много винить за то, что они не

могутъ внушить къ себѣ полнаго довѣрія. Нельзя также обвинять и женщинъ за то, что онѣ, частію по самой природѣ своей, не могутъ быть вполнѣ откровенны съ врачами, и также безцеремонны съ ними въ обращеніи, какъ съ женщинами, или какъ мужчины съ врачами. Но коль скоро есть такое зло, то его надобно какъ-нибудь уменьшить, а еще лучше вовсе устранить. Самое радикальное да притомъ и единственное средство для этого состоитъ въ томъ, *чтобы имѣть женщинъ-врачей*, а для этого, само собою разумѣется, *необходимо допустить всѣхъ желающихъ женщинъ къ слушанію полнаго курса медицинскихъ наукъ*. Для всякяго ясно, что, по самой природѣ своей, женщина будетъ имѣть болѣе довѣрія къ женщинѣ, что, поэтому, она несравненно болѣе будетъ откровенна съ женщиною-врачомъ, нежели съ мужчиною, и никогда не будетъ такъ сильно и много стѣсняться предъ врачомъ своего пола, въ случаѣ необходимости осмотра, какъ это, къ сожалѣнію, мы постоянно видимъ теперь; а чрезъ это сколько устранится несчастныхъ и смертныхъ случаевъ! Понятно также, что если женщины-врачи принесутъ огромную пользу вообще въ практикѣ, то еще болѣе онѣ необходимы при женскихъ клиникахъ и больницахъ, куда, кромѣ множества больныхъ женщинъ, поступающихъ съ цѣлію выдержать полный курсъ леченія, приходитъ много ихъ для совѣтовъ, и куда еще болѣе больныхъ будетъ обращаться за помощью, когда тамъ, въ числѣ врачей, будутъ и женщины.

5) *Могутъ ли женщины исполнять всѣ обязанности врачей? Конечно, могутъ.* Возьмемъ трудную должность уѣзднаго врача, и эту должность женщина можетъ исполнить, какъ и мужчина. Вся трудность здѣсь состоитъ въ томъ, что нужно постоянно ѣздить; кто же станетъ отвергать въ женщинахъ способность къ ѣздѣ? Были бы только лошади.... Дѣлать вскрытія и медицинскіе осмотры онѣ будутъ не хуже нашихъ врачей, прошедши полный курсъ медицины, со всѣми практическими занятіями. Если даже предположимъ, что есть должности, для занятія и исполненія которыхъ сочтемъ женщинъ неспособными, то самый вопросъ отъ этого, все-таки, нисколько не пострадаетъ. Въ Россіи много и много потребуется женщинъ-врачей для большихъ городовъ и женскихъ больницъ, и много пройдетъ времени, пока эта настоятельная потребность удовлетворится. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы съ удовольствіемъ здѣсь упоминаемъ, что нашъ медицинскій совѣтъ, какъ это намъ достовѣрно извѣстно, призналъ женщинъ способными исполнять обязанности врачей, и выразилъ мнѣніе,

что онъ съ своей стороны не находитъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы допустить женщинъ къ слушанію полнаго медицинскаго курса и къ экзамену на ученую медицинскую степень. Съ другой стороны, мы имѣемъ полное право ожидать, что женщины-врачи будутъ лучше исполнять свои обязанности въ отношеніи къ больнымъ, нежели настоящіе наши медики. Женщины, какъ извѣстно всякому, внимательнѣе къ своему дѣлу, добрѣе и сострательнѣе къ несчастію другихъ, нежели мужчины, и потому онѣ, должно надѣяться, будутъ удѣлять болѣе заботливости, вниманія и искренняго участія своимъ больнымъ, нежели теперешніе наши врачи, нерѣдко отличающіеся поразительною небрежностью; а для больнаго человѣка видѣть искреннее участіе къ себѣ со стороны врача и, чрезъ это, почувствовать къ нему полное довѣріе — значитъ, наполовину уменьшить свои страданія. Въ оправданіе словъ своихъ, мы можемъ указать на сестеръ милосердія, которыя, во время Крымской войны, такъ много пользы принесли, въ госпиталяхъ, больнымъ и раненымъ, своею неутомимою заботливостью и услужливостью, что, въ этомъ отношеніи, у нихъ не мѣшало бы поучиться нашимъ военнымъ медикамъ. Даже, кто присмотрится къ нашимъ больницамъ, гдѣ нѣкоторыя должности предоставлены женщинамъ, тотъ скоро согласится съ нами, что всѣ обязанности, лежащія на нихъ, какъ напримѣръ надзоръ за бѣльемъ, за опрятностью и проч., исполняются лучше и внимательнѣе, нежели другія. Такимъ образомъ, рѣшая вопросъ о способности женщины исполнять обязанности врача, мы можемъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, отдать имъ или, по крайней мѣрѣ, ожидать отъ нихъ преимущества предъ мужчинами, нисколько не думая оскорбить этимъ или унизить своихъ собратій по оружію.

Въ заключеніе повторяемъ, что вопросъ о томъ, могутъ ли женщины быть врачами въ Россіи? чрезвычайно важенъ, и требуетъ скораго разрѣшенія, потому что необходимость имѣть женщинъ-врачей, особенно настоятельная въ большихъ городахъ и женскихъ больницахъ, и ихъ способность къ исполненію обязанностей врача яснѣе и очевиднѣе самаго дня.

КОНЕЦЪ.

200

